

11592

Города империи

В ГОДЫ
Великой войны
и революции

Города империи

В ГОДЫ
Великой войны
и революции

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94
ББК 3(0)53
Г501

Книга напечатана при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве

Г501 Города империи в годы Великой войны и революции : Сборник статей / Ред. А. Миллер, Д. Черный. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 520 с.

ISBN 978-5-4469-1090-8

Авторы из 10 стран рассматривают политическую и социальную трансформацию городов Российской империи в годы Первой мировой войны и революции. Это первая книга, целиком посвященная данной проблематике. Представляет интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется эпохой Великой войны и революции.

Authors from 10 countries analyze political and social transformations of the cities and towns of the Russian Empire during the World War I and Revolution. It is the first book, fully devoted to this issue. The book is addressed not only to specialists, but to general public, interested in history of the Great War and Revolution.

**УДК 94
ББК 3(0)53**

ISBN 978-5-4469-1090-8

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

<i>Алексей Миллер</i> Введение. Города империи в эпоху войн и революций	5
<i>Эни О’Доннелл</i> Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920	19
<i>Ян Кузбер</i> Петроград в годы войны и революции, 1914–1924	52
<i>Игорь Нарский</i> «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22)	79
<i>Карстен Брюггеманн</i> Города имперских и национальных утопий: транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924	100
<i>Гжегож П. Бомбяк</i> Варшава в годы Большой войны	140
<i>Теодор Р. Виск</i> Вильнюс между империей и национальным государством в 1914–1922 гг.	173
<i>Андрей Чернякевич</i> Гродно: город без Отчизны	209
<i>Александр Быстрик</i> Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)	238
<i>Олена Бетлий</i> Киев — город проблемных идентичностей	272

<i>Дмитрий Черный</i> Харьков в годы Первой мировой войны и революции	318
<i>Игорь Шкляев</i> Одесса в 1914–1921 гг.: город в экстремальных условиях войны и революции	349
<i>Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк</i> Город Кишинев: от западной окраины Российской империи к восточной окраине Великой Румынии	370
<i>Владимир (Ладо) Вардосанидзе</i> Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии «двуликого Януса».	410

КОММЕНТАРИИ

<i>Питер Гэтрелл</i> Война и город.	474
<i>Джошуа А. Санборн</i> Реквием по империи	482
<i>Леонид Бородин</i> Реальная зарплата и снабжение населения городов России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал?	491
<i>Борис Колоницкий</i> Города империи и горожане в эпоху войн и революций: перспективы сравнительных исследований	509

Алексей Миллер

Введение

Города империи в эпоху войн и революций

Накануне Первой мировой войны Россия была преимущественно аграрной страной, где сельское население, за исключением Привисленских губерний, составляло более 85%. В то же время в империи очень активно разворачивались процессы урбанизации. К началу XX в. сложилась сеть крупных быстрорастущих городов, административных, индустриальных, торговых и транспортных центров с энергичными муниципальными учреждениями и значительными ресурсами для развития городского хозяйства. После революции 1905 г. многие из этих городов превратились и в центры политической жизни, где действовали достаточно крупные политические организации, разворачивались ожесточенные избирательные кампании по выборам в Государственную думу и в городские думы. По мере приближения войны становилась все более важной роль городов как укрепленных военных пунктов, центров мобилизации, транспортных узлов, сосредоточий военной промышленности. С 1914 г. многие города превратились в центры ухода за ранеными, места временного проживания и/или перевалки беженцев, а также содержания

Частота смены власти в губернских центрах европейской России в 1917–1919 гг.

Карта составлена И. В. Нарским на основе данных Большой сов. энциклопедии: в 65 т. + т. СССР. [1-е изд.]. М.: Сов. энцикл., 1926–1947 и Сов. историч. энциклопедии: в 16 т. М.: Сов. энцикл., 1961–1976.

Пояснения о составлении и чтении карт см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. (Социальная история России XX века). С. 45–47, 574–575.

военнопленных. В 1917 г. и позднее некоторые городские центры стали главной сценой разворачивавшихся революционных событий и различных гражданских войн. Впрочем, пароксизмы смертоносного насилия случались и ранее, как в мае 1915 г. в Москве.

К 1921 г., когда в основном закончились ставшие продолжением Первой мировой гражданские войны и войны Советской России с соседями, все города сменили свой статус просто потому, что империя, которой они принадлежали, ушла в прошлое. Некоторые стали столицами новых национализирующихся государств (Варшава, Таллин, Рига) и сохранили эту роль вплоть до Второй мировой войны. Другие в 1920–1921 гг. утратили ненадолго обретенный статус столицы независимого государства, но сохранили столичный статус в советской национальной республике, как Тбилиси, Баку, Ереван. Харьков стал столицей Украинской Советской Республики, а Киев утратил столичный статус. Гродно и Кишинев потеряли свой губернский статус в новых государствах. Поменялся статус Петрограда и Москвы — первый перестал быть столицей империи, вторая стала центром новой власти, новой империи.

Некоторые города были объектами ожесточенных конфликтов по вопросу о принадлежности их тому или иному государству (Вильнюс, Гродно), в других многократно сменялась политическая власть, третьи не раз становились ареной кровавых столкновений на этнической почве. Каким-то городам особенно «повезло», и они испытали все эти процессы. Есть исследования, которые изучали города Франции, Германии, Британии в годы войны, но нигде города не подвергались таким многообразным переменам и испытаниям, как в Российской империи.

Мне показалось важным организовать проект, который позволил бы лучше представить, что происходило с городами Российской империи в годы войн и революций, с 1914 по 1921 г. Сразу оговорюсь, что это лишь первый «приступ» к теме. У нас не было возможности реализовать длительную скоординированную исследовательскую программу. Благодаря поддержке Германского исторического института в Москве мы смогли провести осенью 2014 г. конференцию, а затем подготовить к изданию том, который читатель держит сейчас в руках. На первом этапе мы обозначили нашим авторам круг интересующих нас вопросов, а они уже уделяли больше внимания тем из них, которые были более значимы для обсуждаемых ими городов

и/или лучше проработаны ими как исследователями. После конференции, при доработке статей многие авторы постарались развить темы, которые оказались сквозными для всех описанных случаев, как, например, снабжение городов продовольствием.

Авторов статей, представленных в этом томе, объединяет интерес к истории города в широком смысле слова. Собственно, мы исходили, как правило, из прежнего багажа исследователей, когда приглашали их к участию в нашем проекте. Но далее начинаются существенные различия. Некоторые статьи написаны историками, которые изучают прежде всего войну и революцию в городском контексте. Другие более интересуются историей того или иного города как важного места в национальном историческом нарративе. Среди авторов есть люди, живущие в городах, о которых они пишут. Есть те, кто влюблен в свой город, а есть и те, кто относится к нему со скепсисом. Часть авторов смотрит на свои объекты исследования извне, в том числе находясь вне историографического контекста и политических обстоятельств тех стран, которым принадлежат исследуемые ими города в настоящее время. «Посторонний» американец рассказывает историю противостояния литовцев и поляков вокруг Вильно/Вильнюса иначе, чем грузинский автор — историю противостояния грузин и армян в Тифлисе, немецкий историк рассматривает межэтнические отношения в Ревеле и Риге иначе, чем украинский историк — межэтнические отношения в Киеве. Эти обстоятельства очень важны — авторы говорят о событиях в разных эмоциональных регистрах, используют разные историографические традиции.

Политические обстоятельства оказались для проекта более значимыми, чем хотелось бы, — осень 2014 г. не была самым удобным временем для проведения международных конференций в России. Не все, кого мы хотели видеть в проекте, в конечном счете в нем участвуют. Для тома были заказаны статьи о Баку, Ереване, Минске, Екатеринославе, Архангельске, которые по разным причинам не были написаны. Мы вынуждены были отказаться от рассмотрения городов Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока просто из-за ограниченности масштабов проекта, понимая, конечно, что города этих регионов проживали не менее интересные трансформации. В то же время мы очень рады, что в этой книге, где редакторами выступают историк из Санкт-Петербурга и историк из Харькова, участвуют авторы из 10 стран — России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Грузии,

Эстонии, Польши, США, Англии, Германии. Сохранение и развитие академических контактов в эти трудные годы, в том числе и в рамках этого проекта, было очень важно.

Усилиями наших авторов мы получили статьи о Петрограде, Москве, городах Урала, Риге и Таллине, Вильнюсе, Варшаве, Гродно и Новогрудке, Киеве, Харькове и Одессе, Кишиневе и Тбилиси. Это дает неизбежно неполную, но весьма представительную картину.

Помимо статей, посвященных отдельным городам, в конце книги читатель найдет статьи-комментарии четырех выдающихся историков, которые обсуждают близкие им аспекты истории этого периода через призму статей, включенных в сборник. Питер Гэтрелл говорит преимущественно о проблемах мобильности населения. Джошуа Санборн обсуждает, насколько материал этого тома подтверждает концепцию его книги об «апокалипсисе империи» и разворачивавшихся в ней процессах деколонизации. Леонид Иосифович Бородкин смотрит на экономический ракурс темы и, в заметном противоречии с Санборном, подчеркивает, что материал статей показывает: резкое ухудшение положения со снабжением и управляемостью относится только к последней трети 1916 г., а обвал наступает уже после революции. Борис Иванович Колоницкий рассматривает различные направления возможных (и нужных!) сравнительных исследований положения в городах империи в рассматриваемый период.

Мы же попробуем во Введении поговорить о тех ключевых тематических кластерах, которые так или иначе появляются во всех статьях этого сборника.

Время

Время уплотняется, наполняется событиями. Это можно сказать применительно ко всему рассматриваемому периоду и к большинству городов. Собственно, многие города империи и перед войной представляли собой места бурных изменений. Во время войны время идет по-разному в разных городах. Часть городов выпадает из «русского времени» в результате оккупации, пространство которой существенно расширилось в результате немецкого наступления, начавшегося в мае 1915 г. Динамика процессов в оккупированных городах уже не определяется событиями в России вплоть до конца мировой войны, когда Германия уходит из региона. Исчезновение Германии

как регионального гегемона, а также крах империи Габсбургов дают старт войне «всех против всех», которая часто ведется именно за контроль над городскими центрами, такими как Вильнюс или Львов.

Российская революция, и прежде всего порожденное ею новое советское государство, вновь начинает оказывать мощное воздействие на бывшие западные окраины империи, где встречает сопротивление белых, а также противодействие новых национальных структур, в первую очередь польского государства. В 1920–1921 гг. Советы распространяют свой контроль на Кавказ, где ресурсы сопротивления независимых республик оказались ограниченными.

Очевидно, что динамика политических изменений резко возрастает в 1917 г. Смены власти, часто сопровождавшиеся кровавыми столкновениями в самих городах, для некоторых центров превращаются в бесконечный «сериал». Киев, по самым скромным подсчетам, пережил более 10 смен власти именно в этот период. Даже города, расположенные в российской глубинке, на Урале, становятся ареной частой смены власти — вплоть до семи раз, как в Уфе, где, как и на Западе, значимым оказался этнический фактор, придавший дополнительную динамику процессам в городе.

Динамика изменений экономической ситуации тоже указывает на 1917 г. и первые месяцы 1918 г. как на переломный период. С самого начала войны мы наблюдаем рост цен на продовольствие, однако ситуация со снабжением оставалась в целом под контролем, который в значительной степени осуществлялся муниципальными органами. Городские службы в большинстве случаев довольно эффективно справлялись с решением масштабных задач, которые обрушила на них война, — помощь семьям мобилизованных, размещение беженцев и раненых, организация транзита большого числа военных и гражданских лиц.

Признаки того, что власти перестали удовлетворительно справляться с задачей снабжения городских центров продовольствием, появляются во второй половине 1916 г., когда в восприятии населения ситуация становится «нетерпимой», начинаются разговоры о голоде. Но подлинный коллапс системы снабжения приходится на революционное время. Если в предыдущий период рост цен на десятки процентов сопровождался пусть и более умеренным, но все же увеличением заработной платы, то теперь подорожание на сотни и тысячи процентов происходит без какой-либо реальной компенсации. Крах переживают и все другие системы городского хозяйства — отопление, канализация

выходят из строя. Улицы превращаются в зловонные сточные каналы. Все силы населения уходят теперь в буквальном смысле на борьбу за выживание, добывание пищи и дров. На фоне «немыслимого быта» революционных лет кризисные явления и бытовые трудности 1914–1916 гг. выглядели уже совсем иначе. Менялись представления о возможном и допустимом, в том числе в сфере человеческих отношений.

Это нашло свое отражение в динамике изменения численности населения. Во многих городах до 1917 г. включительно наблюдался быстрый рост численности населения — отчасти из-за прибытия беженцев и раненых, отчасти из-за перевода в Москву, Петроград, Харьков важных промышленных предприятий с угрожаемых западных окраин. С 1918 г. во многих городских центрах происходит резкое сокращение численности населения, что отражает полный коллапс городских служб и системы снабжения, во многом вызванный разгромом муниципальных органов власти Советами. Зато начинается за счет беженцев от Советов и от возможной мобилизации в ходе Гражданской войны рост численности населения в городах регионов, не охваченных войной, прежде всего на Юге.

Применительно к рассматриваемому периоду мы можем говорить о дискретности времени. Приход оккупационной власти, возникновение новых государств, революция, радикальное изменение бытовых условий и норм поведения создавали ощущение радикального разрыва с безвозвратно канувшей «прошлой жизнью», недолгие периоды революционной экзальтации, надежд на решительное обновление сменились у большинства состоянием безграничной усталости и апатии.

С точки зрения модернизационных процессов период с 1917 г. часто выглядел как время архаизации, разрушения сложных структур городского хозяйства, организационных форм высокой культуры, современных норм жизни. В определенном смысле время, можно сказать, поворачивало вспять...

Пространство

Тема пространства применительно к нашей проблематике проявляется в удивительном многообразии аспектов.

Статьи о Риге и Таллине, о Варшаве, отчасти и статья о Вильнюсе показывают, что на начальном этапе войны поддержка империи

со стороны различных этноконфессиональных групп была связана, среди прочего, с надеждами на вознаграждение после войны за лояльность, получение автономии в рамках Российской империи и с восприятием Германии как бóльшей угрозы. В то же время многие города уже в 1915 г. «выходят» из пространства Российской империи в результате оккупации. Вплоть до краха Германии в 1918 г. набирает силу образ *Mitteleuropa* как региона германского доминирования. Местные акторы ищут для себя место в новой географии, по-новому центрированном имперском пространстве.

Сквозь большие имперские регионы проступают и образы национальных отечеств, которые находятся в конфликтах друг с другом. Многие города становятся фокусирующими точками этих конфликтов — Львов и Киев, Вильнюс и Гродно, Рига и Таллин. В 1917 г. начинается переформатирование административного пространства окраин империи: прежние губернии меняют свои очертания в соответствии с этническим признаком по решению Временного правительства, как в Прибалтике. С 1917 г. развиваются процессы суверенизации имперских окраин, получившие мощный дополнительный импульс в результате прихода большевиков к власти в центре бывшей империи. Возникающие новые государства по-новому формируют политическое и экономическое пространство вокруг городов и в самих городах.

Это задает новую логику и новую динамику развития. Меняется воображаемая география макрорегиона, обостряются вопросы принадлежности к российскому политическому пространству. Например, в Кишиневе и многих других окраинных центрах уже после развала империи, даже в 1918 г., держались за принадлежность к некоей уже не существующей демократической России исходя из местных интересов. Меняется положение города в окружающем пространстве, в системе коммуникаций одни связи рвутся, другие, новые, возникают. Железнодорожный транспорт работал с нарастающими перебоями, что особенно болезненно отражалось на поставках продовольствия. Сама система торговых связей городов претерпевала существенные изменения, становилась намного более ограниченной, локальной.

В самом городе мы можем наблюдать изменение пространства рынков, уличной торговли и особенно яркое явление той поры — своеобразное социальное пространство очереди. Постепенно вырабатываются нормы поведения в этом пространстве, которые, впрочем,

будут неустойчивы из-за обострения дефицита и борьбы за продовольствие.

Одно из важнейших изменений социального пространства города — новые роли женщины, которую война и мобилизация мужчин вытолкнули из домашнего круга на рынок труда, в новую роль сестры милосердия в лазаретах и госпиталях. Затем, по мере углубления социального кризиса и в условиях Гражданской войны, женщина будет все чаще выступать в роли главы семейства, в роли главной добычицы пропитания, часто на грани и за гранью прежних социальных норм.

Значение пространства города как пространства контроля над распределением дефицитных продуктов питания, топлива, медикаментов возрастало по мере усугубления кризисных явлений. Примеры Вильнюса и Гродно показывают, как немецкая оккупационная администрация старалась контролировать потоки товаров, обеспечивая собственную монополию на самые ценные продукты и создавая условия для сбыта немецкого неликвида. С этими усилиями контролера боролись местные еврейские торговцы, не остановившиеся даже перед сооружением секретного тоннеля для доставки товаров в Гродно. По русскую сторону фронта муниципалитеты и государство сотрудничают, но часто и конфликтуют в сфере контроля за потоками товаров и ценами.

Город выступает как поставщик обитаемого пространства. С самого начала войны остро встает вопрос размещения госпиталей, беженцев, рабочих переводимых подальше от фронта предприятий, концентрируемых в городе войск. Прибывающие в город беженцы и работники эвакуированных предприятий меняли облик отдельных районов. Статьи о Тбилиси, Кишиневе, Гродно, Харькове содержат много таких примеров: в Кишиневе и Тбилиси размывается колониальная структура городского пространства, в Гродно — этноконфессиональная, в Харькове по преимуществу социальная. В книге показаны и попытки создания своеобразных немецких гетто в городах империи на фоне роста антинемецких настроений в 1915 г.

В революционных условиях обострялся вопрос собственности на здания, ответственности за их обслуживание и поддержание в рабочем состоянии систем водоснабжения, канализации, отопления. Предметом ожесточенных конфликтов была стоимость аренды жилья. Проблема учета и контроля обитаемого пространства приобрела

в Москве невиданные прежде масштабы в связи с переездом в город большевистского правительства.

Война порождала ранее неизвестные общественные пространства. Местом борьбы за влияние для разных политических сил становятся госпитали (об этом идет речь в статье о Киеве), места содержания военнопленных и, уже в революционные годы, — военные гарнизоны, места расквартирования воинских частей. В 1917–1918 гг. политика как никогда прежде выплескивалась на улицы и площади, город оказывался сценой и рамкой революции, что так ярко показывают включенные в книгу фотографии.

Символическое пространство города радикально менялось при смене политических хозяев. Это особенно ясно видно на примере Варшавы как столицы независимой Польши, где систематически устранялись все символические признаки российского имперского присутствия, вплоть до разборки колоссальных строений. В других городах западных окраин империи в условиях оккупации или основания новых государств символы имперской доминации и русского присутствия — городская топонимика и уличные таблички, торговые вывески, памятники — также уничтожаются.

Власть, лояльность, идентичность

Большая война означала, что грядут большие перемены. Люди пытались угадать, какие именно. В Новоградке неосторожные слова чиновника, обращенные к толпе призывников, создали у них заблуждение, что война окончилась, не начавшись, и все радостно засобирались по домам. Но надежда, что все образуется, умерла быстро. В Варшаве уже в начале войны все гадают, через сколько недель сдадут город. Все пытаются вообразить мир, который установится через год, максимум два года войны. В конечном счете, разумеется, все ошиблись в своих ожиданиях, потому что, за исключением редких провидцев, таких как Петр Дурново, никто в 1914 г. не предполагал масштаба грядущих изменений. Даже в 1917-м еще никто и представить себе не мог, что все континентальные империи Центральной и Восточной Европы рухнут в результате войны и вся политическая география региона окажется перекроенной. Но политическое воображение с начала войны работало с возбуждением, с обостренными страхами и надеждами, уже совсем иначе, чем в мирное время.

С самого начала войны власть и в реальности становится зыбкой и неопределенной. На западных окраинах значительный объем властных полномочий перешел к российским военным, неразбериха с прерогативами и зонами ответственности между военными и гражданскими властями сразу дала о себе знать. В 1915 г. многие города западных окраин оказались под контролем германских оккупационных властей. Уже тогда у многих возникает ощущение *временности* власти, при которой в данный момент приходится жить. Появление Временного правительства было не началом этого *временного* состояния, а лишь дало ему имя. Начиная с 1917 г. власть, как уже было сказано, меняется во многих городах часто, иногда — с калейдоскопической быстротой. В качестве власти выступают и германские войска, и войска стран Антанты (в портовых городах — Архангельске, Одессе, Баку), японские войска в Забайкалье, различные белые силы, большевики, солдатские советы, не всегда лояльные большевикам, новые национальные правительства, военные атаманы разных политических мастей.

Но это — политический уровень. А для повседневной жизни города ключевое значение имели муниципальные власти, которые часто продолжали работать, несмотря на смену политических режимов. Многие статьи показывают, что муниципальные власти в Российской империи обладали большим потенциалом и опытом и удивительной устойчивостью. Это стало очевидно после февраля 1917 г., когда политическая власть, особенно на периферии, была почти парализована, а муниципалитеты держали на своих плечах ухудшающуюся ситуацию, не давая ей сорваться в хаос. Это, кстати, указывает на крупные города и их муниципалитеты как на важнейшую площадку развития общественной самоорганизации дореволюционной России.

Наши знания о роли городских структур и руководивших ими людей довольно фрагментарны. Это происходит во многом потому, что такими сюжетами занимаются по преимуществу местные историки в масштабе одного города. Эта книга, конечно, не решает задачу составления достаточно полной картины, но дает возможность увидеть значимость муниципальных структур в масштабе всей империи. Муниципалитеты были разрушены Советами, и это стало одним из факторов той социальной катастрофы, которая произошла на прострaнстве, подконтрольном большевикам, в 1918–1920 гг.

Смены власти, вовлечение новых групп в борьбу за власть имели весьма отчетливое этническое измерение. Целый ряд факторов, обусловленных войной, вызвал мобилизацию этничности, резкое возрастание значимости национализма в жизни империи в целом и в особенности в жизни городов империи.

Две сильно урбанизированные этнические группы с самого начала войны становятся объектом дискриминационных мер. Прежде всего это немцы. Людей ведут в участок уже за то, что они говорят по-немецки. Принимается целый ряд антинемецких мер, включая депортацию и принудительную продажу собственности. Уже в 1914 г. происходят первые немецкие погромы, а в мае 1915 г. разворачивается колоссальный, с человеческими жертвами, немецкий погром в Москве. Возникают планы создания немецких гетто.

Другая группа, немедленно оказавшаяся под подозрением и административным прессингом, — евреи. Военные власти начинают колоссальную кампанию по выселению евреев из прифронтовой зоны, которая фактически упразднила черту оседлости за два года до того, как она была отменена де-юре Временным правительством.

В городах на оккупированных территориях резко, часто практически до нуля, сокращается присутствие русского населения. Армия, чиновники, православные священники эвакуируются. Устраняются все признаки русского присутствия — вывески, названия улиц. Закрываются или передаются другим конфессиям православные церкви. В статьях приводятся свидетельства людей из России, приехавших на западные окраины развалившейся империи в 1918 г. и пораженных полным отсутствием русских надписей в городах, где в 1914 г. русский язык доминировал.

Уход русских сам по себе менял иерархию этнических групп в городах, с новой остротой ставил вопрос об их политической принадлежности. Так, по немецкой переписи 1916 г. население Гродно сократилось почти в половину, до 24 397 жителей, из которых евреи составляли 15 583 (63,7%), поляки — 7 609 (31,1%), малорусы — 570 (2,3%), белорусы — 465 (1,8%), литовцы — 113 (0,4%). Таким образом, православные из доминирующей конфессии превратились в незначительное (менее 5%) меньшинство. Важной составной частью оккупационной политики были усилия по демонтажу достигшей русификации, по развитию идентичности украинцев и белорусов как отдельной от русской.

Следя за изменением конфессионального и этнического состава городов в ходе войны, нужно иметь в виду, что цифры переписей не отражают всей глубины процессов. Например, в Баку процент мусульманского населения все время оставался почти без изменений. Однако «наполнение» этой доли менялось. Квалифицированные рабочие из Ирана покидали нефтяные разработки из-за падения курса рубля, а на их место приходили крестьяне из окрестных сел. Точно так же из 15 тыс. гродненских евреев далеко не все жили в городе перед войной, но пришли туда на место тех евреев, которые добровольно или принудительно выехали на восток.

Истории Гродно, Тбилиси, Риги, Таллина, Вильнюса и многих других городов на имперских окраинах — это истории обострения конфликтов между этническими группами за «право собственности» на город. Многие из этих конфликтов были решены силой оружия, иногда с боями на улицах города, теми местными игроками, которые вплоть до конца войны не решались выступить как самостоятельная вооруженная сила.

Во внутренних губерниях город был местом, где формировались структуры, которые выполняли организующие функции среди отдельных групп населения. Система помощи миллионам беженцев была организована по этническому признаку. Люди, занимавшие ключевые позиции в этой системе или в других земляческих организациях в годы войны, затем выходили на ведущие роли в новых национальных государствах.

Смены власти и их последствия, весь опыт городской жизни военного и революционного времени оказывали мощное воздействие на процессы формирования идентичностей и политических лояльностей. Эти процессы отнюдь не были «линейными». Концепция «национального безразличия» (*national indifference*), предложенная историками Богемии Питером Джадсоном, Джереми Кингом и Тарой Зара, при определенной модификации может быть полезна для понимания процессов, рассматриваемых в этой книге. «Национальное безразличие» как нежелание решительно поддержать то или иное национальное движение со стороны этнических групп, от имени которых это движение выступало, отсутствие четко выраженного стремления к созданию независимого национального государства совсем не обязательно свидетельствовало о «темности» или «отсталости» «национально безразличных». Напротив, нередко такая позиция

была рациональным выбором групп, которые вполне можно назвать региональными элитами. Наиболее яркий пример такой ситуации дает статья о Кишиневе, красноречив и пример немцев в городах Прибалтики. Образцом тотального политического безразличия выглядит Одесса.

Эта книга представляет собой весьма увлекательное чтение для любого, кто интересуется историей России XX века.

Энн О’Доннелл

Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920

«**В**ойна с Германией, — писал Николай Астров, городской голова Москвы во время бурного периода 1917 г., — смела сложную сеть экономического и хозяйственного поведения, которая после многих лет мирных, соседских отношений стала нормальным состоянием повседневной жизни»¹. Экономический кризис военного времени расшатал не только фасады институтов и принятых политических курсов, но и фундамент имперской социальной жизни, особенно в городах. Помимо роста цен и исчезновения товаров, под давлением экономических трудностей империи распался богатый, разносторонний набор хозяйственных практик, каркас для «нормального состояния повседневной жизни», как ее понимали имперские субъекты. По сравнению с политическими последствиями экономического коллапса империи в военные годы мы знаем относительно мало о видах «экономического и хозяйственного поведения» (коммуникабельности, ключевой для повседневных практик), которые пришли на смену формам, характерным для мирного времени. Экономической и хозяйственной жизни обычно отводится роль спускового

© Энн О’Доннелл, 2017

Энн О’Доннелл — профессор-ассистент Университета Нью-Йорка.

крючка в революционных процессах, стимула для действия, которое разворачивается в другом, внешнем измерении². Такая некорректная постановка вопроса исключает ее из революционного процесса. Послужив толчком для социального переворота или политических выступлений, хозяйственная жизнь быстро отходит на задний план для того, чтобы снова возникнуть позже в качестве более или менее нейтрального поля для внедрения революционных политических подходов и революционной вовлеченности³. Однако Астров указывает нам, что с точки зрения как «хозяйственного поведения», так и «соседских отношений» опыт Первой мировой войны был сам по себе в какой-то мере революцией⁴. Настоящая статья ставит целью проследить, как эти новые принципы «экономического и хозяйственного поведения», которые появились во время войны, а также вызванные ими ожидания и задачи управления структурировали революционный процесс и сформировавшиеся в итоге учреждения. В рассказанной здесь истории город Москва предстает как субъект политических преобразований, а не просто как полотно для таких изменений и объект для переделки в соответствии с политическими принципами нового режима.

В этом отношении влияние Москвы имело двойной характер. В качестве города, в котором большевики намеревались заявить свои права на власть после побега из Петрограда в марте 1918-го, Москва и ее хозяйственная экосистема — ее полуразрушенный жилищный фонд, имеющиеся в избытке торговые помещения, переполненные транспортные узлы, процветающие черные рынки — сформировали «клуббу», на которой «взросли» многие ключевые институты режима и его практики городского управления. Однако то, что формировалось в Москве, быстро приобрело значение далеко за ее пределами. Практические нужды распространения власти большевиков в сочетании с их верой в науку социализма и, как следствие, в возможность воспроизвести московские достижения в других частях Советской республики придали Москве статус образцового города, наиболее советского из всех советских городов. Москва заняла эту позицию почти сразу же после того, как большевики объявили ее своей столицей, несомненно задолго до того, как появилась возможность кардинально перестроить город. Понадобится десятилетие и даже более до внедрения масштабных проектов, которые превратят Москву из разросшейся деревни в социалистический метрополис. Однако уже в 1920 г. Народный комиссариат просвещения создал отдел, занимающийся координацией

многочисленных конгрессов и конференций, проходящих в Москве, размещением приезжих и организацией экскурсий по городу⁵. К началу 1920-х восприятие Москвы как некоего олицетворения нового режима распространилось даже за пределы Советской России, в том числе среди врагов большевиков. «Москва, — писал в 1922 г. В. В. Руднев в эмиграции, — приобретает облик типичного „советского“ города. „Красная“ Москва — это предельное воплощение советского режима»⁶.

На протяжении Первой мировой войны, по мере того как цепочки поставок распались и изменялись самые базовые ожидания в отношении правил, определяющих снабжение, проблемы хозяйственной жизни приобрели безотлагательный характер. Эти хозяйственные изменения были вызовом для перегруженного, неэффективного имперского государства. Они также перекроили базовые черты городской социальной жизни. Первая часть этой статьи демонстрирует, как в результате экономического кризиса военных лет взаимоотношения и практики, настолько рутинные, что в иной ситуации они были бы почти незаметными, оказались неожиданно в центре внимания, открытыми для пересмотра. После этого рассматривается, как во время революций 1917 г. все менее знакомая, менее устойчивая и, как следствие, все более склонная к конфликтам хозяйственная жизнь Москвы дала начало новым институтам местного управления, домовым организациям, которые в конечном итоге стали ключевыми узлами распространения власти большевиков в городе. В последней части статья прослеживает, как в условиях двойного давления большевистской идеологии и борьбы за превращение города в новую столицу Советской республики проект перераспределения самого желанного хозяйственного актива Москвы, застроенных площадей, нуждался в участии общества и зависел от него, создавая для режима особую форму административного потенциала государства (state saracity) посредством размывания границ между официальным и неофициальным, публичным и частным.

Москва во время войны

Суровые условия тотальной войны внесли полный беспорядок в принятые практики экономической жизни в Российской империи. В августе 1914 г. российское Министерство финансов отказалось от с трудом введенного золотого стандарта империи, который создавался

по образцу британской системы и был принят двумя десятилетиями ранее⁷. Ожидая непродолжительный конфликт (как отмечал М. В. Бернацкий, «бюджет 1915 г. был составлен исходя из убеждения, что во втором полугодии экономика будет находиться в мирных условиях»), царский режим намеревался финансировать военную кампанию посредством иностранных займов и печатного станка⁸. Однако по мере того как война затягивалась и займы от союзников иссякали, режим был вынужден все чаще опираться на денежные эмиссии. Курс рубля стремительно падал как раз в то время, когда экономически прибыльные западные территории оказались под вражеской оккупацией, большая часть рабочей силы была мобилизована в армию и налоговые поступления от внешней торговли уменьшились⁹. Известное имперское распоряжение, приостанавливающее официальную продажу алкоголя, подорвало один из основных источников государственного дохода именно тогда, когда военные расходы, содержащиеся в секрете и рассматриваемые отдельно от обычных затрат в «чрезвычайном» необнародованном бюджете, разрастались¹⁰.

Мобилизация денег и ресурсов, достаточных для борьбы с немцами, также привела к глубокому проникновению имперского государства в области, которые ранее оставались сферой деятельности коммерческих рынков¹¹. Хотя все воюющие стороны внедрили схожие инновации в сфере экономического управления, только в России бюрократы и эксперты столь активно отстаивали такого рода меры в качестве ответа на трудноразрешимые задачи развития, возникшие еще до войны¹². Отвращение к «посредникам» и «спекулянтам» было настолько сильно, что руководители Министерства земледелия, перед которыми стояла задача по управлению зерновыми запасами во время войны, решительно направляли свои усилия на «обход частных торговых структур» вместо их включения в государственные сети. Таким образом ограничивалась роль внешнего капитала, но у государства появлялась необходимость создания своих органов, занимающихся обменом товаров, которые вступали в конкуренцию с уже существующими частными институтами¹³. Хорошо известная неэффективность имперской бюрократии также создавала препятствия для государственных усилий по снабжению продовольствием. Борьба за ресурсы между гражданскими и военными властями повышала цены на зерно, так как чиновники, отправленные в одни и те же богатые хлеботородные регионы, набавляли цену за счет государства. Военные руководители,

получившие широкие административные полномочия в прифронтовых территориях, конфисковывали железнодорожные составы с зерном, приобретенным властями тыловых городов¹⁴.

Возникновение многочисленных полугосударственных организаций стало ответом на недочеты режима в управлении снабжением. Эти организации, самые известные из которых, Союз городов и Военно-промышленный комитет, зародились в Москве, были тем не менее проникнуты государственным этосом, несмотря на жесткую, критическую оценку имперского государства. Предложения, сформулированные на большой конференции по проблемам снабжения, организованной Союзом городов в Москве в июле 1915 г., сосредоточились на совершенствовании официального контроля над ценами, железными дорогами и распределением при помощи руководимой государством «единой системы регистрации запасов продовольствия и топлива, а также их географического распределения»¹⁵. Однако по мере того как разочарование в имперском режиме росло в результате принятия царем на себя верховного командования, общественные организации всё в большей степени направляли свою деятельность не на содействие государственным усилиям по осуществлению снабжения, а на их замещение¹⁶. Провал в сфере регулирования экономической жизни в масштабах всей империи был одним из основных направлений критики попыток правительства по организации снабжения. Хотя центральная власть издавала обязательные для исполнения приказы и распоряжения по управлению материальными ресурсами, их выполнение обычно находилось в руках региональных и муниципальных властей. В какой-то мере такой подход был неизбежен. В отсутствие значительных информационных ресурсов и практических методов для фиксации цен (проблема, которая была предметом широкого экспертного обсуждения даже в странах с такой развитой экономикой, как в Великобритании) у имперского правительства оставалось мало других вариантов, помимо передачи вопроса в ведение местных властей, которые могли возместить недостаток технических знаний пониманием местных условий¹⁷. Однако такие меры неизбежно еще более раскалывали империю как экономическое пространство.

Муниципальные власти были вынуждены брать на себя все бóльшую роль в управлении местной экономической жизнью. Николай Астров позже писал, что города империи «особенно ощущали

высокий прожиточный минимум и несли тяжелое бремя, пытаясь его снизить», несмотря на то что это была «сфера, в которой у них не было опыта и никакого реального законного права». Большинство муниципалитетов, по словам Астрова, столкнулись с высокими ценами на основные продукты во время второго года войны. На третьем году «это относилось ко всем аспектам муниципальной жизни и руководства»¹⁸. В Москве первое вторжение городского руководства в сферу фиксирования цен относилось к продаже мяса и было осуществлено под покровительством градоначальства, которым в это время, в апреле 1915 г., руководил А. А. Адрианов. Адрианов был особенно осторожен в отношении этого подхода, который он охарактеризовал в письме министру внутренних дел Н. А. Маклакову как «в высшей степени рискованный, так как неверное определение максимальной цены может повести к тому, что подвоз скота прекратится, и столица (Москва) останется без мяса»¹⁹. В то время как, по словам Астрова, большинство городских руководителей устанавливали официальные цены в соответствии с «рыночными ценами товара на тот момент»²⁰, Адрианов «неоднократно созывал у себя совещания из представителей городского общественного управления и мясной биржи и лиц, близко стоящих к мясной торговле» с целью фиксирования московских оптовых цен на уровне 9 рублей за фунт²¹. Уполномоченные изначально регулировать только продажу мяса и хлеба, многие города быстро распространили сферу своего контроля также на топливо, свечи и чай²².

Проблема соблюдения правопорядка принимала угрожающие размеры для всех городов. Расплывчатая, неясная задача борьбы со «спекуляцией» была ее ключевым измерением. Сообщение Министерства внутренних дел по этому вопросу, посланное начальникам полиции и губернаторам в апреле 1915 г., относилось к «спекулянтам» тех, кто «искусственно» повышал «и без того высокие цены на эти продукты», подтверждая разграничение между приемлемым процессом балансировки спроса и предложения, с одной стороны, и недозволенной спекуляцией с другой²³. В тот же день Маклаков послал Адрианову специальное сообщение с донесениями об особенно вопиющей спекуляции в Москве и с рекомендациями по «высылке спекулянтов, независимо от занимаемого ими общественного положения»²⁴. Отвечая, Адрианов подтвердил создание многочисленных комиссий и издание указов на городском уровне, направленных

на борьбу как со спекуляцией, так и с усугублявшейся проблемой взяточничества среди должностных лиц²⁵. Для города, который исторически уже обладал одной из самых многочисленных полицейских служб (до войны в Москве один полицейский приходился на каждые 77 жителей, в то время как в Петербурге эта пропорция составляла 1 к 216, а в Берлине — 1 к 416), необходимость надзора над самими полицейскими добавляла дополнительный уровень к уже широкой городской сети контроля²⁶. Для того чтобы обеспечить соблюдение торговцами так называемых «ориентировочных цен», установленных городской управой и вывешенных на общественных торговых площадках на видном месте, Адрианов приказал полицейским проводить неожиданные проверки местных складов и железнодорожных станций, контролируя, например, в один день запасы овса, а в другой — качество скота. Адрианов заверял Маклакова, что он лично выбирал надежных работников, «вверенной мне полиции я поручил тщательно следить за исполнением моих распоряжений и о всяком замеченном нарушении немедленно мне доносить».

Тем не менее цены в Москве росли. Астров впоследствии подсчитал, что к июню 1916 г. цены на рис выросли до 243 % по отношению к уровню 1914 г., на уголь и дрова — до 224 %, ржаную муку — до 195 %, а на сахар — до 153 %²⁷. В то же время Москва испытала резкий скачок численности населения, только в первый год войны приняв 400 000 новых жителей и впервые достигнув отметки в 2 млн чел. вскоре после Февральской революции²⁸. Некоторые из новоприбывших пришли на место рабочих, призванных в армию. Большинство же составили беженцы с оккупированных территорий и раненые солдаты. Во время войны Москве, как основному транзитному узлу в империи, пришлось разместить беспрецедентное число приезжих. Военные учреждения организовали свои самые большие больницы в Москве, в общем располагая 24 344 больничными койками по всему городу. Удивительно, но количество коек, которыми заведовал сам город, было почти в два раза больше — 57 175. Еще 15 888 коек содержались ресурсами различных институтов и организаций муниципального уровня. В сумме к сентябрю 1916 г. Москва предоставляла приблизительно 118 000 больничных коек для раненых — в два с лишним раза больше по сравнению с двумя ближайшими конкурентами, Киевской областью и Петроградом²⁹. Многие из сотен тысяч эвакуированных, которые прибыли в город, остались

там до конца войны. Ежедневная газета «Утро России» сообщала, что на фронте организации для беженцев обычно раздавали железнодорожные билеты до Москвы вне зависимости от того, куда эвакуируемые хотели отправиться, возлагая на город ответственность за их снабжение или же приобретение для них билетов с целью дальнейшего проезда. Всего за две недели в июле 1915 г., в разгар боевых действий, более чем 1500 беженцев прибыло на железнодорожные станции Москвы, которые бессистемно организовали «пункты кормления» и вывесили на платформах адреса агентств по оказанию помощи. Большой театр, Купеческий клуб и богатая семья Морозовых были среди тех, кто организовал общежития и детские сады в частных зданиях. Этим летом некоторые из наиболее модных московских ресторанов на какое-то время превратились в приюты и госпитали, так же как и многие городские школы, значительно отсрочив этим начало учебного года 1915/16³⁰.

Летом 1915 г. в местных газетах появились сообщения о распространении спекуляции на новый товар — городскую недвижимость. Население Москвы существенно выросло именно тогда, когда и так не самый обильный жилой фонд был частично использован под больничные койки и приюты. Так как цены на топливо обычно были зафиксированы в договорах об аренде, московские домовладельцы были вынуждены закупать топливо по ценам, которые значительно превышали получаемую арендную плату. Огромные повышения арендной платы и выселения за неуплату стали привычным делом, что привело к массовому недовольству по отношению к домовладельцам и очернению «союзов», которые они сформировали для проведения жестких переговоров со съемщиками. В 1916 г. ситуация настолько обострилась, что городскому руководству пришлось вмешаться, запретив до конца войны рост арендной платы и выселение во всех за исключением небольшого количества случаев. В ответ на этот шаг многие домовладельцы просто прекратили выполнять свои контрактные обязательства по отоплению и обслуживанию своих зданий, которые быстро пришли в ветхое состояние³¹. У города был очень короткий опыт по управлению муниципальными предприятиями (Москва запустила первые такие проекты — по строительству канализации и линий электрического трамвая — только в начале века), но у городского руководства не осталось другого выбора, кроме взятия на себя обязательств, от которых отказались домовладельцы³².

Попытки снабжения запасами стройматериалов потерпели неудачу, так же как это происходило на протяжении почти всего предыдущего десятилетия. Рост количества новых завершённых жилищных строек составил только половину прироста уровня населения в период между 1906 и 1915 гг., когда строительство окончательно прекратилось³³. Городские газеты ссылались на новый показатель — эффективное использование пространства, посвящая статьи обнаружению скрытых резервов застроенных площадей и регулярно сообщая о том, что 1500 квартир пустовали, в то время как москвичи отчаянно нуждались в крове³⁴.

Экономика военного времени как социальное отчуждение

Воздействие экономических преобразований военного времени на практики городской повседневной жизни можно было почувствовать почти сразу. Даже до того как летом 1914 г. Министерство финансов официально приостановило конверсию рублей в золото, слухи о надвигающемся решении спровоцировали шквал паники среди москвичей. «Утро России» сообщало о тревожном предчувствии «денежной публики», которая устремила в банки и с лихорадочной поспешностью начала снимать со своих счетов свободные принадлежавшие ей суммы³⁵. К 23 июля, за 2 дня до официального приостановления конверсии, по предположениям газет, более 36,4 млн руб. были сняты со счетов в городских банках и большая часть их была отправлена за границу. Общественная паника по поводу ценности денег не отступила даже после того, как приостановление было официально принято. В отсутствие понятной меры стоимости местные финансовые кризисы множились, что имело последствия не только для имперской финансовой политики, но и для социального опыта экономической жизни. 24 августа 1915 г. в течение всего нескольких часов тысячи клиентов собрались у московского отделения Государственного банка в надежде поменять свои бумажные купюры на монеты. К концу дня отделение исчерпало все свои запасы монет³⁶. Ни большие поставки из Петрограда, ни приказ местной полиции, разрешающий обмены в местных отделениях, не смогли нормализовать ситуацию, которая разрешилась только после того, как банк установил верхний предел по обмену бумажных купюр на монеты на уровне

5 рублей. В свою очередь, углубляющийся кризис мелкого обмена привел к дальнейшей дестабилизации привычного использования денег. Для того чтобы как-то уладить проблему обмена, осенью 1915 г. местные заведения начали выпуск собственных валют, которые могли быть использованы только в выпустившем их магазине или кафе³⁷. Борясь с нарастающей проблемой инфляции, владельцы обычно требовали, чтобы такие «магазинные деньги» использовались в установленный, ограниченный период времени. Таким образом, отчуждение денег в Москве во время войны носило разнообразный характер. Не только ценность денег государственного выпуска стала носить все более местный характер, но и физические свойства денег тоже начали меняться, от монет к бумажным купюрам и от единой бумажной валюты, с водяными знаками и портретами царя, к различному набору бумаг, у которых отсутствовали базовые атрибуты денег в привычном понимании москвичей — универсальной обмениваемости, надежной длительной стоимости и защиты от подделки, поддерживаемой государством.

Экономический беспорядок военного времени также вытолкнул москвичей на незнакомую социальную территорию, в ситуации, не регулируемые сводами имперских законов или поведенческими нормами мирного времени. Конфликтный потенциал скрывался как раз под внешней оболочкой этих новых, нерегулируемых явлений, например «хвостов», как стали называться длинные очереди, ползущие вверх и вниз по городским улицам³⁸. Феномен стояния в очередях появился вскоре после начала войны, но, как отмечали обозреватели, хвосты стали повсеместным явлением в Москве только в 1916 г., когда были ужесточены ограничения на продажу продуктов первой необходимости и были введены продовольственные карточки на хлеб и сахар. К весне стали замечаться рост цен на продукты и первое появление «хвостов»³⁹. Хвосты были новшеством, поскольку, как вспоминал в своих мемуарах глава московской полиции при Временном правительстве, они собирали незнакомцев вместе на улицах, где они иногда стояли часами, и разговор естественным образом обращался к последним событиям⁴⁰. Это не культура кофеен, но очереди за хлебом стали местом, где незнакомцы могли собираться, общаться и вырабатывать новые правила поведения для незнакомых им социальных проблем. В холодную погоду могли ли стоящие снаружи в очереди согреться в ближайших кафе и потом ожидать, что их

место в очереди все еще будет за ними, когда они вернутся? Согласно Никите Окуневу, проблема посещений уборной была решена положительно общим консенсусом. Однако вопрос о коротких перерывах для того, чтобы согреться, так и остался без решения⁴¹. Периодически потенциал насилия, скрытый в этих незнакомых «действиях продажи и покупки», прорывался наружу. Продовольственные бунты неоднократно случались в Москве, даже до того как появились хвосты. Требования бунтовщиков выявляли не только недовольство высокими ценами, но и ощущение, что тщательно калиброванное равновесие между покупателями и продавцами было нарушено. В июле 1915-го протестующие женщины на московском Таганском рынке требовали от продавцов снижения цен на молодой картофель ровно на один рубль, а в январе 1916 г., согласно переписке между руководителем полиции Е. К. Климовичем и МВД, планировался бунт возле Прохоровской фабрики, который был бы направлен против тех торговых заведений в районе, у которых, как считалось, были самые завышенные цены⁴².

Наиболее взрывной московский бунт во время войны изначально был направлен против немецких торговцев, проживающих в городе, но в течение нескольких дней в мае 1915 г. он распространился на большую часть центра города. После объявления войны Москву, как и другие места, охватила волна патриотизма, выражавшаяся в народных демонстрациях, которые, в целом, поддерживали городские власти⁴³. В Москве, однако, в среде большого сообщества этнически русских торговцев начало военных действий также дало толчок развитию феномена, который Эрик Лор назвал «динамической экономической националистической программой». В большей степени, чем их коллеги в других городах, московские торговые организации считали слишком мягкими меры, принятые кабинетом министров в отношении предприятий, которые находились в собственности немцев. Основываясь на этом убеждении, осенью 1914 г. они опубликовали брошюру, которая призывала потребителей избегать немецких магазинов, а также приводила список имен и домашних адресов собственников «немецких и австрийских фирм»⁴⁴. Кроме того, торговцы нашли поддержку у недавно назначенного военного начальника города, князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, известного своей герmanoфобией⁴⁵. Следуя приказам Петрограда в начале войны, город интернировал всех подданных Германии и Австрии мужского

пола в возрасте от 17 до 45 лет, в общем примерно 3000 человек, чья собственность была конфискована и выставлена на аукцион⁴⁶. Однако после вступления в должность Юсупов начал собственную кампанию борьбы с немецким «засильем», организовав выселение оставшихся подданных Германии, преимущественно женщин и людей старшего возраста, которых переселили в район на берегу реки Яузы, как в гетто⁴⁷. Городские газеты публиковали имена выселенных ежедневно, и, хотя руководство в Петрограде приостановило выселение, как только узнало о нем, Юсупов получил выговор за действия без необходимой санкции МВД, а не за притеснение мирных граждан⁴⁸.

За несколько недель до бунта слухи о коварных немецких заговорах против жителей распространились по Москве, как раз когда потери на Галицийском фронте росли и волна раненых прибыла в город. «Слухи были преувеличены», — сообщал И. Жилкин несколькими месяцами позже в «Вестнике Европы», упоминая рассказы о заминированных мостах через реку Москву и яде, вылитом в фабричные колодцы. Такие выдумки, как отмечал Жилкин, часто появляются в моменты поражений. Они обычно возникают и не приводят ни к каким последствиям, уступив под влиянием «более спокойных и вдумчивых людей. Кому будет выгодно взрывать московские мосты? Сказал бы скептик...». Но в мае 1915 г. скептики не высказали своего мнения, и вместо этого слухи распространялись⁴⁹. На самом деле Жилкин сам пал жертвой заговорщического варианта этого менталитета, хотя он и затруднялся найти ему объяснение. Жилкин заключил, что даже в этом случае слухи бы не пошли дальше разговоров, если бы какая-то организация не вмешалась в дело. Он писал, что несомненно «кто-то преднамеренно распространяет [слухи] и подливает масла в огонь». Этим «кем-то», как предполагал Жилкин, повторяя общее сложившееся мнение в то время, был сам режим⁵⁰.

26 мая группа солдатских жен не получила их обычной швейной сдельной работы на благотворительной акции, проходившей под покровительством сестры императрицы недалеко от Кремля. Толпа собралась и, как описывал Жилкин, события быстро приняли драматический оборот. Сначала говорили, что сестра императрицы сама подъехала на машине и высокомерно заявила, что для них работы нет. Другие сообщали, что сестра императрицы насмеялась над женщинами в связи с российскими потерями в Галиции⁵¹. Солдатки пожаловались князю Юсупову, который пообещал изучить дело

и отправил их по домам. Однако в тот же день приблизительно 1500 рабочих собрались на другом берегу Москвы в Замоскворечье, чтобы потребовать исключения работников из Эльзаса из их рядов ввиду распространяющихся слухов об отравлении колодцев на ближайших фабриках. В обоих случаях полиция, которая считала протесты патриотическими (и в любом случае согласно последнему приказу не имела права использовать оружия против демонстрантов), не вмешивалась.

На следующий день события приобрели насильственный характер, когда толпа, состоящая примерно из 10 тысяч человек, вернулась к фабрикам в Замоскворечье, схватила одного из руководителей, шведа Карлсена, протащила его к реке, где забила его камнями и утопила на глазах у его дочери, которую также избили, несмотря на усилия полиции. Вскоре после этого на соседней фабрике были убиты четыре женщины, родственницы немецкого менеджера, которого уже изгнали⁵². На следующее утро, 28 мая, большая толпа с флагами и портретами царя собралась на Красной площади и пела патриотические песни. Изначально полиция опять посчитала, что мероприятие носило организованный и принципиальный характер с целью демонстрации патриотизма, и не вмешивалась. Но вскоре после обеда ситуация неожиданно изменилась. Группы людей отправились в направлении Китай-города и заполнили верхние торговые ряды, в итоге направившись на Тверскую улицу, главную артерию города⁵³. Люди заполнили улицы, лавина «штанов, пиджаков и пальто упала из окон» ближайшего здания. Как писал Жилкин, он последовал за массой в сторону австрийской фирмы Манделя, которая была быстро захвачена толпой, сотнями рук разбивающей окна, и дымилась, как будто охваченная огнем⁵⁴. Мечущийся по Кузнецкому мосту, Петровке, Неглинной вихрь разрушения вскоре охватил весь город, захватывая каждый попадавшийся на пути магазин с иностранным названием на вывеске⁵⁵. Испуганные владельцы магазинов стояли у дверей, пытаясь показать бумаги и документы и сдерживать толпу, в чем они только частично преуспели⁵⁶. По словам руководителя местной охраны Мартынова, глава полиции Адрианов шел вместе с толпой, убеждая ее обойти вниманием те магазины, которые, по его утверждению, принадлежали евреям, а не немцам. Юсупов же, по сообщениям, также посетил место действия вскоре после обеда, посчитал его патриотической демонстрацией и удалился, махая бунтовщикам по дороге⁵⁷. Ближе

к вечеру Джунковский прибыл из Петрограда как раз вовремя, чтобы принять участие в экстренном заседании Московской думы, посвященном необходимости вмешательства, на котором было, наконец, принято решение разрешить полиции открывать огонь по толпе, вступившее в силу немедленно⁵⁸.

Последовавшее расследование оценило материальный ущерб приблизительно в 70 млн руб., который понесли 113 немцев, 489 русских с именами, похожими на иностранные, и 90 русских с русскими именами. 8 человек было убито во время бунта и еще больше ранено. Тем не менее странным образом в последующих обсуждениях произошедшего внимание сконцентрировалось на возмущающем обращении с материальными ценностями во время событий, а не на людях, пострадавших от насилия⁵⁹. В статье в «Вестнике Европы», опубликованной через несколько месяцев после событий, Жилкин даже не упомянул убийства немецкого руководителя фабрики и женщин в Замоскворечье. В то же время он описал материальные разрушения в мельчайших подробностях, не упуская случая перечислить каждый предмет, который он видел вылетающим из витрин магазинов: «торты, коробки и банки» из Эйнема, производителя кондитерских изделий; «пианино, граммофоны» из магазина музыкальных инструментов Мюллера; «галoши, ленты» из магазина в Камергерском; «кровати, шкафы, стулья, диваны, зеркала» из витрин на Газетном; «простыни, связки полотен, цветные ткани» из многоэтажного магазина Циндель на Кузнецком мосту, эпицентре погрома, и из ближайших мастерских⁶⁰.

Одержимость Жилкина разрушением материальных ценностей отражала более широкую обеспокоенность из-за распада во время бунта социальных норм, регулирующих отношение к товарам и собственности. Эту тревогу разделяли и другие наблюдатели. С. С. Ольденбург отмечал с удивлением в своем дневнике, что в этот день с украденными вещами на улицах можно было увидеть даже хорошо одетых людей⁶¹. Жилкин, также озабоченный слабеющими хозяйственными нравами, пытался преуменьшить значение мародерства и подчеркнуть в свою очередь приверженность толпы к контролю за теми, кто ворует. Группы «хулиганов» настолько сознавали некорректность своих поступков, что они пытались скрыть добычу, надев три или четыре пары брюк из магазинов. Толпа стаскивала с них штаны и пиджаки и добавляла к этому несколько ударов. По словам

Жилкина, некоторые «грабители» заблаговременно «садились и снимали штаны» сами. Жилкин подчеркивал, что многое было разрушено, но не разграблено. Наиболее грустным в зрелище вылетающих из витрин галош, по его мнению, было не то, что множество красивых пар унесли домой, а то, что обувь разрезали ножницами, которые каким-то случайным образом нашлись у людей в толпе⁶².

Москва начала войну, по словам Николая Астрова, как «объединяющий центр для всех городов России». Однако к началу Февральской революции, как писал один солдат своей семье, она стала «не только центром всей России, но и центром нашего унижения, спекуляции, наглости и мошенничества»⁶³. Цены неумолимо росли по мере того, как война затягивалась. Однако, как демонстрирует письмо солдата, проблема высоких цен и дефицита заключалась не только в затратах, к которым они приводили, и даже не в провалах управления, которые они отражали, а в беспорядочном социальном опыте, постыдном и ложном, который эти хозяйственные недостатки тыла создавали. «Мне ужасно представить себе, что тебе придется переносить такие мучения в поисках квартиры», — продолжал он⁶⁴. В новых условиях тотальной войны управление хозяйственными ресурсами приобрело чрезвычайную политическую важность для всех воюющих сторон, но, возможно, в наибольшей степени это относится к Российской империи, где государство так ревностно оберегало свою монополию на власть и где даже существование полугосударственных органов для облегчения экономического руководства воспринималось как подрыв этой монополии. Глубокие социальные потрясения, порожденные войной (передвижения миллионов беженцев, солдат, бюрократов, вырванных из их привычной среды, привычных практик производства и потребления и оказавшихся в незнакомых хозяйственных условиях), также перенесли хозяйственную жизнь из области обычного, принятого, повседневного в сферу особого значения. Хотя географически Москва была далеко от фронта, к началу Февральской революции под воздействием миграций и дефицита ее хозяйственная среда обитания с каждым днем становилась для жителей все менее знакомой, менее понятной и менее надежной.

При рассмотрении преобразований города, которые ему предстояло пройти зимой 1916/17 г., в центре внимания обычно находятся хозяйственные последствия для городского пространства, вызванные новыми институтами, политикой и подходами нового режима.

Однако уже сама война, до того как городской политический фасад разрушился, создала новый хозяйственный ландшафт в Москве, наполненный незнакомыми принципами коммуникации и экономических практик. Эта новая хозяйственная среда была на самом деле «клуббой», на которой выросли новые революционные институты. В значительной степени она предшествовала политическим преобразованиям, а не следовала за ними. Вместо того чтобы анализировать, какие материальные объекты и практики создали революционные субъекты, мы при рассмотрении истории Москвы после Февраля будем проследживать те виды субъектов, коммуникации и институтов, которые создал московский ландшафт.

Москва во время революции

Жизнь не могла ждать.

Вечером 27 февраля, незадолго до того как междугородная связь прервалась, подтверждения о Петроградских волнениях достигли Москвы по телефонным линиям. «Что делается на белом свете: на войне, в Петрограде и даже в Москве, — писал москвич Никита Окунев в своем дневнике, — строго говоря, никому правдиво не известно»⁶⁵. Этой ночью военный комендант Москвы И. И. Мрозовский запретил публикации телеграмм из Петрограда. В то же время прогрессивные группы, представители общественных организаций, студенты и рабочие собрались в здании думы и сформировали два новых института: Комитет московских общественных организации, или КОО, под руководством думского депутата Н. М. Кишкина и Временный революционный комитет, который состоял из рабочих и студентов и позже стал Московским советом⁶⁶. На следующее утро студенты обвесили думу красными флагами, в то время как офицеры, солдаты из гарнизонов и рабочие заполнили площадь для того, чтобы услышать «декларации», в спешке подготовленные новыми властными институтами, и предаться праздничной атмосфере. Опоры старого режима разрушались с удивительной стремительностью. Глава московской охраны Мартынов исчез 28 февраля (вернувшись через две недели с весьма расплывчатым объяснением своего отсутствия). На следующий день глава полиции В. Н. Шебеко и его заместитель незаметно выскользнули из своих офисов на Тверском бульваре,

переодевшись в гражданскую одежду. Они направились на квартиру сестры Шебеко, откуда позвонили Мрозовскому для того, чтобы сообщить о своей отставке⁶⁷. На фоне такого поведения вышестоящих многие полицейские также покинули свое место службы, оставив участки открытыми, с оружием в свободном доступе. А. Н. Вознесенский, который стал главой полиции летом 1917 г., позже оценил, что более 6 тыс. ружей и 400 револьверов пропало из полицейских участков в первые дни марта, в то время как полиция бездействовала⁶⁸. Тем временем можно было наблюдать, как уже вооруженные группы студентов вели целые «конвои» полицейских к думе⁶⁹.

«Праздник революции», как назвал его Вознесенский, продолжался чуть более недели, в течение которой зеваки посещали роскошные квартиры недавно арестованных имперских руководителей, толпы поджигали здания, хранящие документы охранки, и были открыты Бутырская и Таганская тюрьмы, освобождая несколько сотен политических заключенных и более тысячи уголовных преступников. 6 марта рабочие фабрик, которые бастовали всю неделю, вернулись на работу, и Москва приступила к возрождению административного механизма⁷⁰. Как отмечал с удивлением Вознесенский, он и его коллеги не имели возможности медлить в попытках «привести в порядок полицейские помещения и документы, пострадавшие от толпы». Жители завалили городские ведомства запросами. «Жизнь, — объяснял Вознесенский, — не могла ждать. Толпы народа осаждали реформированные участки. Кого только там не было! Праздные люди ходили без конца, наводя справки о продовольствии, о карточках на хлеб и сахар, а также о днях мясопустных. Комиссары составили наспех протоколы о грабежах, пожарах, кражах и скандалах, доносах и кляузах»⁷¹.

Парадокс революции был очевиден: нужда в государстве росла как раз тогда, когда официальные институты разрушались. Во время войны москвичи привыкли ожидать активного вмешательства государства в новые сферы, такие как снабжение продовольствием, а также в значительно большей степени в старые области, такие как контроль за порядком. В этом смысле они следовали принципам, отмеченным исследователями других обществ военного времени: во время войны люди, находящиеся в движении или же каким-либо другим способом выбитые из знакомых практик повседневной жизни, более склонны рассчитывать на государство в обеспечении базовых элементов

их благосостояния⁷². Война, как отмечал Ян Гросс, сама по себе в какой-то мере революция, перестраивающая социальные отношения и изменяющая баланс сил между обществом и государством. Но что если одновременно со спровоцированным войной поворотом к государству само это государство разрушается под ударами политической революции, которая ставит под сомнение его самые базовые принципы? Именно это случилось в Российской империи в 1917 г. В качестве ключевого узла империи в движении и центра политической жизни Москва была особенно удачно расположена для того, чтобы стать свидетелем расцвета институтов, которые возникли в результате столкновения резко возросших ожиданий в отношении вмешательства государства с разрушением существующих институтов. После Февральской революции в Москве заседали не один, а три городских совета (по одному для рабочих, солдат и крестьян), неполная городская дума, а также Комитет общественных организаций (КОО). Все эти институты должны были заниматься муниципальной политикой и управлением. На уровне округов существовало 44 районных думы и 12 районных советов⁷³.

Резкий рост количества институтов свидетельствовал не о возрождении управления, а о глубине его коллапса. По словам Вознесенского, лето 1917 г. сопровождалось колоссальным ростом уровней насилия и коррупции. Преступность, которая разрослась в отсутствие надежных полицейских сил, была одной из проблем. Множились «притоны темных развлечений», «клубы потребителей кокаина» и «секретные рестораны с цыганскими хорами». После закрытия полицией в одном месте они моментально открывались в другом при поддержке коррумпированных районных властей⁷⁴. Однако сложности в разделении официального и неофициального были более фундаментальной проблемой. По мнению А. И. Верховского, который стал командующим Московского военного округа летом, неприемлемое и унижительное поведение проходивших через город солдат, которые усиливали беспорядок в городе уже своим присутствием, создавало особенные трудности для общества⁷⁵. В письмах Верховскому москвичи жаловались, что солдаты бродят по улицам в любое время суток и катаются на лодках по рекам во время рабочего дня. Многих видели крадущими в форме. Другие открыто продавали свой паек (который они получали не по порядку, проходя вперед очереди благодаря своему военному статусу) тем же самым людям, которые

стояли за ними⁷⁶. Полиция была не в лучшем состоянии. Когда директор московского отделения Государственного банка пришел к главе полиции Вознесенскому для того, чтобы обсудить безопасность кремлевских золотых резервов в случае дальнейших беспорядков, оба руководителя согласились, что нынешним охранникам доверять нельзя и что надежных полицейских нет. По мере того как официальные институты государства, особенно его инструменты силы, теряли свои «зубы», они также теряли свои отличительные черты — становилось все труднее найти отличия между полицейским и вором. «Такова была судьба умирающего правительства, — вспоминал Вознесенский, — что оно не могло сформировать надежную охрану для своей казны»⁷⁷.

Параллельно возникли альтернативные инструменты власти, поддержанные москвичами из всех слоев общества, желающими принять участие в революции и отчаянно ищущими поддержки своей повседневной жизни. Многие такие институты занимались администрированием хозяйственных нужд и были организованы по сфере деятельности или на рабочем месте: вдобавок к уже хорошо известным фабричным комитетам и профессиональным союзам сорганизовались профессии, у которых ранее не было своего публичного голоса, включая дворников (которые встречались в театре Зимина), воров и проституток (которые устраивали встречи в цирке Никитиных)⁷⁸. Однако, пожалуй, наиболее распространенная форма городской организации опиралась на районы и их структурный блок — жилой многоквартирный дом. Летом 1917 г. домовые комитеты формировались в городах по всей империи, опираясь на инструкции, опубликованные в случае Москвы местными юристами⁷⁹. По словам В. В. Руднева, Московская городская дума собиралась использовать домовые комитеты в качестве «капиллярной системы» муниципальных сетей распределения, которые снабжали бы население едой, топливом и даже обувью⁸⁰. В реальности же большинство домовых комитетов существовало для того, чтобы компенсировать недостатки официальных сетей распределения, организуя частные закупки необходимых товаров для эксплуатации зданий и потребления жителей. Комитеты заведовали вывозом мусора, уборкой улиц и ночными патрулями по дому и двору, которые звонили в колокола и кричали, если замечали что-либо подозрительное⁸¹.

Москва часто оказывается на обочине героических нарративов об Октябре, так как ее опыт большевистской революции был менее решительным и, в целом, более беспорядочным, чем у Петрограда. Под руководством В. П. Ногина, председателя Московского совета до революции, московские большевики предпочитали более тесное сотрудничество с меньшевиками, чем того желал Ленин. По утверждениям, Ногин был подавлен, когда социалисты-революционеры и меньшевики покинули заседание советского исполнительного комитета (исполкома), на котором он зачитал первый полный отчет о событиях в Петрограде⁸². Ногин получил «озабоченные телеграммы большевиков... из столицы, которые пытались придать ему решительности»⁸³. 27 октября разразилась уличная драка, когда Военно-революционный комитет уступил контроль над Кремлем юнкерам, которые 28 октября арестовали уже самого Ногина. События начали развиваться в пользу большевиков только 30 октября, когда Военно-революционный комитет начал контрнаступление, которое через 3 дня привело к возвращению Кремля⁸⁴.

Проблема переноса петроградской революции в новые условия и взаимосвязь этого вопроса с задачами политического контроля оказалась трудной даже в недалеко расположенной Москве. В течение 6 месяцев после Октябрьской революции до прибытия петроградских большевиков в Москву в марте 1918 г., когда они объявили ее столицей новой Советской республики, город пережил собственный процесс революционных преобразований. С институциональной точки зрения Москва сохранила три отдельных совета, одновременно также создав Совет народных комиссаров, который включал, в частности, комиссаров продовольствия, почты, театра и даже иностранных дел. Последний пост занял товарищ Фрихе, который выступал от имени города во взаимоотношениях с иностранными организациями как минимум до середины марта 1918 г., то есть также на протяжении нескольких недель после того как прибыло центральное правительство⁸⁵. М. И. Рогов стал комиссаром по гражданской части. Его комиссариат расположился в кабинетах бывшего градоначальства⁸⁶. «Комиссия Рогова», как ее называли, стала вялым ответом Москвы на «комиссию Дзержинского», Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК), в Петрограде. Москва сформировала официальные представительства ЧК только в феврале 1918 г. в ответ на радиogramму из Петрограда, и даже тогда только по инициативе нескольких районных советов⁸⁷. В период между октябрем 1917 г. и апрелем 1918 г.

Московский совет возложил ответственность за муниципальное руководство на «Совет районных дум» и его исполнительное бюро, которым руководил большевик М. Ф. Владимирский. Как и их коллеги в центральном правительстве, большинство московских муниципальных работников объявили забастовку после Октябрьской революции, значительно облегчив работу Владимирского и процесс распространения большевистской власти на городское управление. Без забастовки, как позже писал Владимирский, большевики никогда бы не смогли захватить городской управленческий аппарат настолько полноценно, заполнив кабинеты новыми, хоть и неподготовленными, кадрами, готовыми работать на новый режим⁸⁸.

Московский совет также объявил свои собственные революционные программы, отличные от тех, что реализовывались в Петрограде. Наиболее известным был амбициозный проект по муниципализации обширных сегментов городской инфраструктуры, включая несколько дюжин фабрик (за 8 месяцев до аналогичного решения в масштабах всей республики) и все жилые дома, в которых собранная арендная плата составляла более 750 рублей в месяц, что затронуло примерно половину зданий в городе, в которых проживало две трети его жителей. Муниципализация застроенного пространства, объявленная 12 декабря, только отдаленно была связана с дореволюционными большевистскими программами⁸⁹. Ленин говорил о перераспределении квартир за несколько недель до Октябрьского восстания. Однако, помимо этого, упоминания муниципализация недвижимости встречались в программах социалистической партии редко⁹⁰. Реальным результатом муниципализации, возможно подготовленной инвестициями военного времени, возложивших ответственность за субсидии на топливо и эксплуатацию зданий на город без направления доходов в городскую казну, стала просто передача арендной платы от домовладельцев городу. Принятая мера не упоминала физического перераспределения. Однако она быстро и убедительно утвердила город в роли некоего поставщика пространства, усиливая неуверенность в отношении права частной собственности на здания, которое впервые появилось годом ранее, когда домовладельцы начали отказываться от выполнения своих традиционных обязанностей по обслуживанию зданий. Эти элементы программы нашли яркое выражение через 3 месяца, когда прибыла первая делегация из Петрограда и начала искать место для центрального правительства.

Большевизация как хозяйственный процесс

Присвоение Москвы режимом большевиков в марте 1918 г. было своего рода завоеванием. Оно было достигнуто при помощи десятков тысяч государственных служащих, которые сопровождали режим при переезде из старой столицы в новую, а также будущих служащих, которые наводнили город в поисках должностей и благополучия (хотя тысячи работников также уехали из города)⁹¹. Центральные структуры нанимали москвичей-старожилов, которые служили консультантами по городу⁹². Политическое завоевание Москвы большевиками нельзя объяснить без физического овладения городом. Рассмотрение изменений в хозяйственной жизни во время этого процесса (особенно в отношении городских зданий, которые служили показателем власти в этот период политических преобразований) позволяет взглянуть не только на взлет и падение определенных институтов и индивидов на революционном небосклоне, но и на появление и укрепление практик управления и организации, ключевых для процесса политического захвата. Таким образом, политический и хозяйственный захваты Москвы были взаимосвязаны, что наиболее очевидно отражено в одновременной реализации муниципализации застроенного пространства и расположение в нем людей и институтов, представляющих центральное руководство.

Муниципализация была не единым всесторонним курсом, а скорее набором разрозненных подходов, которые постепенно сконцентрировали право распоряжаться городскими ресурсами в руках официальных властей. Москва занималась муниципализацией особенно энергично: только через 6 месяцев другие города начнут следовать ее примеру по муниципализации квартирных домов, и только через 9 схожие методы будут приняты ВЦИК. Московские меры рассматривали арендную плату как потенциальный источник дохода для города; на тот момент город не претендовал на управление помещениями. Тем не менее многие домовые комитеты отказались подчиняться: не столько с целью борьбы за права домовладельцев, сколько для защиты собственного доступа к арендной плате, которую они уже на протяжении многих месяцев использовали для оплаты товаров и услуг, необходимых их зданиям. Недавно созданный союз домовых комитетов, Центродом, и его 25 районных отделений опубликовали резолюцию, в которой призвали все здания не следовать приказу

Моссовета, до тех пор пока у Учредительного собрания не будет возможности встретиться и оценить легальность муниципализации⁹³. Спротивление было сломлено только осенью 1918 г., вскоре после прибытия центрального правительства, когда председателей непокорных домовых комитетов арестовали, а также была начата кампания в прессе, обвиняющая домовые комитеты в контрреволюционной деятельности⁹⁴.

Необходимость распространения муниципального контроля на управление застроенным пространством стала очевидной только после прибытия в город центрального руководства. К тому времени, когда начался переезд правительства, германская угроза Петрограду, которая изначально служила основной мотивацией для «эвакуации», уже несомненно прошла. Тем не менее сотрудники правительственных органов лихорадочно готовились к переезду, как будто опасаясь, что их оставят позади. Комиссариат земледелия так спешил разместиться в новой столице, что отправил свою первую партию работников 13 марта (всего через два дня после прибытия Ленина), не подготовив для них ни рабочие места, ни жилье. Служащим пришлось жить и работать в своих вагонах, до тех пор пока помещения не были найдены⁹⁵. С самого начала борьба за пространство приняла ожесточенный характер. По словам Л. Троцкого, И. Сталин приказал своему заместителю в комиссариате по делам национальностей «глубокой ночью захватить здание бывшего отеля, на которое претендовала другая структура»⁹⁶. Многие институты начали поиск помещений, возродив контакты с домовладельцами, установленные в сентябре 1917 г., когда Временное правительство реализовывало свой план эвакуации⁹⁷. Однако такие варианты могли обеспечить только малую часть прибывающих чиновников. Совнарком дал указание центральным институтам придерживаться строгой нормы, которая в течение 1918 г. снизилась до двух квадратных сажень на человека на работе и дома⁹⁸. Но даже в этих условиях численность прибывающих в город усугубила уже существующий дефицит жилой площади, вызванный износом зданий и наплывом беженцев во время войны. Столкнувшись с городом, который представлялся заполненным, прибывающие петроградцы и их московские коллеги разработали новые формы расселения. Уплотнение (подселение новых жителей в уже заселенные пространства) стало одним из предпочтительных методов создания нового пространства там, где его раньше не было. В конце февраля

1918 г. Моссовет создал Жилищный совет, который руководил перераспределением жилого пространства среди жителей, в то время как прибывший Совнарком сформировал конфликтную комиссию, которая собиралась еженедельно во вторник после обеда⁹⁹. Приказы Жилищного совета и его наследника, Центрального земельно-жилищного отдела (ЦЗЖО), редко как-либо объясняли, каким образом уже проживающие должны были переустроить пространства для того, чтобы найти место для вновь прибывших. Детали процесса оказались в руках самих жильцов, что гарантировало, что у комиссии по конфликтам и ее наследников всегда будет достаточно работы.

Таким образом, двойные проекты по муниципализации застроенного пространства и переселению центрального правительства в Москву стимулировали друг друга. Поскольку многие помещения, которые вновь прибывшие собирались использовать, были заняты людьми, не желающими их покидать, то вскоре в поисках места приезжие и ЦЗЖО начали издавать приказы о «реквизиции» и «конфискации». Летом 1918 г. ЦЗЖО предоставил себе право распоряжения всем застроенным пространством в городе, заявив о своем праве на реквизиции помещений и выселения даже в зданиях, принадлежавших другим ведомствам, учреждениям и обществам или частным владельцам на основе принципа, что «вся недвижимость в Москве находится в распоряжении Моссовета»¹⁰⁰. Это заявление было прежде всего направлено против других учреждений, так как ЦЗЖО, хоть и сформированный именно для решения этих проблем, не обладал монополией на распоряжение пространством. Например, комиссариатом по военным делам была создана своя «квартирная комиссия», которая вдобавок к квартирам захватывала госпитали, монастыри, школы и магазины по всему городу и сдавала их в аренду другим институтам и даже частным лицам¹⁰¹. Не менее предприимчивыми были местные структуры, занятые распоряжением помещениями. Прежде всего это касалось районных советов и их жилищных управлений, которые активно утаивали помещения от ЦЗЖО для того, чтобы самим контролировать их распределение.

Возникшие критерии, согласно которым определялось, считать ли помещение подходящим для реквизиции или конфискации, опирались не только и даже не столько на физические характеристики этого помещения. Они были социальными. После прибытия в Москву Совнарком дал указание Народному комиссариату труда

рассмотреть вопрос высылки всех москвичей, не занятых «производительным трудом», среди них «проституток, спекулянтов, маклеров, посредников... занимающихся уличной торговлей»¹⁰². В начале июня он дал ЦЗЖО право выселения «паразитических элементов»¹⁰³. К концу лета 1918 г., по мере расширения красного террора, ЦЗЖО начал агрессивную кампанию по перераспределению, в рамках которой было принято решение, что районные жилищные управления должны принимать участие в работе по «выселению паразитических элементов Москвы и заселению рабочих элементов в здоровые помещения»¹⁰⁴. Через несколько недель Моссовет издал более обширный приказ «Об учете и распределении мебели», который четко разделил городское население на четыре социальные категории, с которыми связал жилищные условия. Первая категория, рабочие, имели право сохранить всю мебель, что у них была, а также получить в пользование объекты для дома из тех, что оказывались в запасах районных советов, то есть были отобраны у людей в рамках многочисленных «обысков», «инвентаризаций» и «проверок», организованных всеми начиная с чиновников до чекистов и бандитов. Работники низшего и среднего звена на частных и государственных предприятиях, как и актеры в государственных театрах, могли сохранить свою собственность, но не получали ничего нового. Более высокопоставленные служащие лишались лишних предметов домашнего обихода за исключением объектов, необходимых для их работы. Наконец, все те, кто живет за счет доходов от нетрудовой работы: бывшие владельцы фабрик, домовладельцы, а также все остальные, принадлежащие к высшим слоям буржуазии, — лишаются всех предметов домашнего обихода за исключением наиболее необходимых¹⁰⁵.

Задача перераспределения пространства и вещей предполагала проведение описей комнат, квартир, зданий и людей в широчайших масштабах. Они значительно превосходили возможности созданных жилищных управлений. Последние обратились к домовым комитетам за помощью в сборе огромных объемов информации о помещениях и вещах, требующих перераспределения. В середине августа все домовые комитеты в городе обязали сдать список жителей для того, чтобы районные жилищные отделы «установили дома, из которых должны быть выселены паразитические элементы»¹⁰⁶. Такое использование домовых комитетов не было уникальным для задач перераспределения. Когда большевики прибыли в Москву, одним из первых

их действий было объявление новых выборов в домовые комитеты с целью очистки их от лиц «буржуазного» происхождения¹⁰⁷. Новые выборы проходили по тем же правилам, что и выборы в Советы, предполагавшие, что все избиратели были заняты социально полезным трудом. В случае если все жители не соответствовали этому требованию, местные советы имели право полностью переселить здание или «уплотнить» его рабочими жильцами, которые автоматически занимали позиции в новых комитетах. Предполагалось, что в реализации всех заданий, сформулированных различными структурами советской власти, можно было положиться только на комитеты, состоящие из рабочих.

В революционных условиях домовые комитеты не были признаны официальными структурами муниципального управления. Ни их члены, ни участники районных «квартхозов», созданных в 1919 г. для того, чтобы надзирать за ними, не получали оплаты за выполнение широкого спектра обязанностей, которые им предписывались¹⁰⁸. Они возникли до Октябрьской революции для решения проблемы хозяйственной поддержки во время экономического и политического развала, но большевистский режим изобретательно нашел им новые применения. Например, в апреле 1918 г. ЧК, оценив численность иностранцев, проживающих в Москве, в более чем 12 тыс., дал указание всем иностранным гражданам пройти проверку документов в течение 7 дней. Так как штат из 600 человек не позволял проверить реализацию этого решения, ЧК приказал председателям домовых комитетов нести ответственность за пропуски и провалы в его соблюдении¹⁰⁹. В июле 1918 г. Моссовет принял решение, что члены домовых комитетов рискуют 3-месячным арестом и штрафом в 10 тыс. руб., если будут найдены участники контрреволюционного вредительства, проживающие в здании с согласия комитета или без¹¹⁰.

Домовые комитеты делали все: от сбора оружия до регистрации офицеров. Но в вопросе перераспределения пространства домовых комитетов было недостаточно. Они оказались неспособны во многих аспектах предоставить ясную картину московского застроенного пространства, требуемую от них. Советские власти связали недостатки в реестрах с тем, что, как жаловался жилищный отдел, «домовые комитеты... охраняют интересы жильцов», а не интересы самого жилищного отдела¹¹¹. В какой-то мере это несомненно было именно так: многие домовые комитеты усердно работали от имени резидентов,

которые столкнулись с угрозой выселения и уплотнения. Однако также нередко комитеты или их председатели охотно участвовали в выселениях¹¹². Проблема заключалась не в том, что домовые комитеты подрывали проект перераспределения, а в том, что без них невозможно было его реализовать, как и без помощи других многочисленных неофициальных участников. Их участие не подрывало перераспределение пространства в Москве, как считали жилищные управленцы. На самом деле такие популярные действия были их сутью. Осенью 1918 г. «вакханалия выселения», как ее назвали в «Известиях», стала действительно популярной кампанией, реализованной на районном уровне в зданиях или даже отдельных квартирах, когда жители боролись за квадратные метры и межкомнатные дверные проемы¹¹³.

Местные мероприятия по перераспределению осуществлялись в рамках двойных усилий по переезду правительства и перекройке московского социального ландшафта. Доносы, ошибки и сведения счетов лили воду на мельницу выселений и дополняли официальные усилия по каталогизации и распределению пространства. «Иногда граждане приносят сведения о свободном помещении в надежде получить таковое для себя и с кучей бумаг, доказывая свое право на помещение», — писали инспекторы о районном отделении в Хамовниках¹¹⁴. Вместо того чтобы жилищные отделы искали помещения для граждан, граждане находили пространства для жилищных отделов. Часто отдел использует «случайную информацию», вознаграждая просителя, который предоставил ее, или же, к его разочарованию, отдавая пространство кому-то другому. Перераспределение движимой собственности проходило в схожей манере. В отчете о Бауманском районе инспекторы проанализировали опись движимого имущества конца 1918 г., отобранного по адресу: Новобасманная улица, 10, квартира 3. Они разузнали во время дискуссии с секретарем домового комитета, что часть имущества была конфискована по приказу экономического отдела местного совета как реквизированная мебель. Однако, как стало ясно, часть мебели по сообщениям инспекторов все еще находилась в здании. На самом деле она находилась во владении нынешних жильцов дома. Когда они попросили проверить нахождение той мебели, что не была вывезена, секретарь проинформировал инспекторов, что это «не представлялось возможным... так как она [мебель] разбросана по всему зданию», среди всех жильцов, и «указать ту или другую вещь, где она находится, он не мог»¹¹⁵.

После Октябрьской революции Москву захлестнули два революционных процесса одновременно, которые оба создавали видимость драматического расширения государственной власти на физическую инфраструктуру города и социальные отношения, встроенные в нее. Однако на практике эти объединенные усилия по муниципализации застроенного пространства и перераспределению его соответствующим людям и ведомствам привели к размыванию границ между государственным и негосударственным, официальным и неофициальным, публичным и домашним. Таким образом, муниципализацию и большевистское овладение Москвой следует рассматривать одновременно как историю расширения государственной власти и как историю ее эрозии. Функционально задача перераспределения всего городского застроенного пространства требовала технологий администрации и информации, которыми новый режим не обладал. Вместо этого ведомства выросли из самого процесса перераспределения, который большевики не могли в полной мере контролировать. Даже вопрос физического расположения государства преследовал большевиков в первые годы их власти. В 1918 г. в качестве управляющего делами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич рассылал повторяющиеся запросы всем институтам с требованием прислать информацию о себе: какую работу они выполняли, как были организованы и где находились. Во время поисков помещений представители центральных властей захватывали квартиры и превращали их в кабинеты, а также располагались в офисах, как будто они были квартирами. Незапланированные проверки выявили, что многие чиновники жили в комнатах, которые они получили под предлогом организации рабочего пространства. В конце 1920 г. Совнарком сформировал комиссию по разгрузке города Москвы для того, чтобы убрать из Москвы те институты, которые не должны были там располагаться. Во время своей деятельности комиссия обнаружила «крайнюю разбросанность ведомств» по городу¹¹⁶. Проблема заключалась не только в том, что центральные учреждения занимали слишком много пространства. Они также занимали слишком много разных помещений: комиссариат просвещения распределился по 40 зданиям, ВСНХ — по 126, в то время как центральная военная администрация имела кабинеты в более чем 200 зданиях¹¹⁷. Основной целью комиссии стало восстановление четкого разделения между рабочим или публичным и домашним пространством в городе — задача, которая оставалась актуальной еще долго после того, как революция закончилась¹¹⁸.

Примечания

¹ *Gronsky P. P.* The War and the Russian Government: The central government. *Astrov N. J.* The municipal government and the all-Russian Union of Towns. New Haven, 1929. P. 167.

² Нил Хардинг объясняет, что у такого разделения между экономическим и политическим в русской революции богатая родословная, которую можно проследить по взглядам Ленина на взаимоотношения между ними. См.: *Harding N.* Lenin's Political Thought: Theory and Practice in the Democratic Revolution. London, 1977. P. 121–122, 133. Это относится не только к русскому случаю, но и к рассмотрению французского и других революционных сценариев. Марксистские интерпретации Французской революции опираются на схожий набор допущений; см., напр., *Soboul A.* The Parisian Sans-culottes and the French Revolution, 1793–1794. Clarendon, 1971, introduction. Для критической оценки трактовок революции, основанных на разделении этих двух сфер в случае Ирана в 1978–1979 гг., см.: *Kurzman C.* The Unthinkable Revolution in Iran. Cambridge MA, 2004. Chs. 5 and 7.

³ Для пересмотра именно такого подхода к экономической жизни во время Французской революции см.: *Spang R.* Stuff and Money in the Time of the French Revolution. Cambridge MA, 2015.

⁴ Исследования Яна Гросса послужили вдохновением для этого подхода: *Gross J.* War as Revolution // The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / N. Naimark, L. Gibianskii (eds.). Boulder Colo.: Westview Press, 1997. P. 23.

⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 4085. Оп. 1а. Д. 368. Л. 16.

⁶ *Руднев В. В.* Большой город («Красная» Москва) // Современные записки. 1922. № 11. С. 318.

⁷ *Козлов Г. А.* Советские деньги. М., 1939. С. 9.

⁸ *Michelson A. M.* Revenue and expenditure / with introduction by count V. N. Kokovzov // Russian public finance during the war. New Haven: Yale Univ. Press, London: Milford, Oxford Univ. Press. (Economic and social history of the world war. Russian series), 1928. P. 146.

⁹ *Ibid.* P. 80.

¹⁰ *Ibid.* P. 85.

¹¹ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge MA, 2002. P. 14, 19.

¹² *Ibid.* P. 21.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 291, 284; см. также *Holquist P.* Op. cit. P. 22.

¹⁵ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 290. Астров утверждал, что предложенные решения не носили антикоммерческого характера, а скорее были направлены на улучшение координации между общественными и частными предприятиями.

¹⁶ *Holquist P.* Op. cit. P. 28. Усилия участников этих организаций привлекли внимание охранки, чьи агенты посещали такие мероприятия, как конференция по борьбе с излишними затратами, проведенная в Москве при участии 327 делегатов («они ожидали намного больше людей, более 1000», — сообщил глава московской охранки А. П. Мартынов), а также секретные встречи военно-промышленного комитета (донесение Мартынова, которое вышестоящие посчитали настолько впечатляющим, что как

будто поддразнивали: «Вы что же, все от самого Рябушинского узнали? Он у вас сотрудником состоит, что ли?»), см.: *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. Т. 1: Воспоминания руководителей политического сыска / под ред. З.И. Перегудовой. М., 2004. С. 309.

¹⁷ О Великобритании см.: *Tawney R. H.* The Abolition of Economic Controls, 1918–1921 // *The Economic History Review*. Vol. XIII. 1943. P. 4.

¹⁸ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 269.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-102. Делопроизводство 4. Оп. 124. Д. 130. Л. 18.

²⁰ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 276.

²¹ ГАРФ. Там же.

²² *Astrov N. J.* Ibid.

²³ ГАРФ. Там же. Курсив мой.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Начиная с весны 1915 г. до полицейского управления в Петрограде начали доходить слухи о том, что московские полицейские регулярно «требуют и получают особые вознаграждения за выдачу разрешений на въезд» поставщикам, доставляющим грузы. Другие полицейские якобы «получали денежные вознаграждения от спекулянтов» за то, что не обращали внимания на секретные запасы во время незапланированных проверок. ГАРФ. Ф. Р-102. Делопроизводство 4. Оп. 124. Д. 130. Л. 12.

²⁶ *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума, 1863–1917. М., 1998. С. 209.

²⁷ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 271–272.

²⁸ История Москвы: в 6 т. М., 1952–1959. Т. 5 (1955). С. 699; *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge MA, 1998. P. 126. Писарькова оценила рост городского населения на протяжении дюжины лет до войны в 3,5% ежегодно, что составляло больше, чем в любом другом городе мира. *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 203.

²⁹ Москва и Первая мировая война: документальные свидетельства. М., 1994. С. 45 со ссылкой на РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 264. Л. 18–21.

³⁰ *Рыга В., Кокорев А.* Война и москвичи: Очерки городского быта, 1914–1917. М., 2008. С. 344.

³¹ Это описание основано на материалах книги: Красная Москва 1917–1920 гг. / общ. ред., пред. Л. Каменева, Н. Ангарского. М., 1920. С. 332–334.

³² *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 200–201.

³³ *Colton T.* Op. cit. P. 56.

³⁴ *Рыга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 91. Последующие оценки давали примерно 30 000 зданий по всей Москве и приблизительно 230 000 квартир, см.: Красная Москва. С. 340.

³⁵ Цит. по: *Рыга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 177.

³⁶ Там же. С. 187.

³⁷ Там же. С. 189.

³⁸ *Engel B. A.* Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // *Journal of Modern History*. Vol. 69 (1997). № 4. P. 696–721, цитата: p. 706.

³⁹ *Рыга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 194.

⁴⁰ *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. М., 1928. С. 71.

⁴¹ Цит. по: *Рыга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 427.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-102. Делопроизводство 4. Оп. 124. Д. 130. Л. 98.

⁴³ Как отмечает Эрик Лор, во время войны похожие демонстрации прошли также и в других столицах: *Lohr E. Patriotic Violence and the State: The Moscow Riots of May 1915 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 4 (2003). № 3. P. 607–626.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 624.

⁴⁵ *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 361.

⁴⁶ *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 309.

⁴⁷ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. / под ред. А. Л. Паниной. М., 1997. Т. 2. С. 557.

⁴⁸ В своих мемуарах Джунковский утверждал, что он немедленно приказал Юсупову не останавливать кампанию совсем, а отправить имена всех немцев, которых он собирался переселить, на рассмотрение МВД и в случае подтверждения высылать их в регионы, установленные МВД для различных вражеских национальностей: австрийцев и немцев в Пермь, турок в Рязань, а всех остальных в Уфу: *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 557.

⁴⁹ *Жилкин И.* Московский погром // Вестник Европы. Пг., 1915. Кн. 9. С. 299–311, цитата на с. 302.

⁵⁰ Там же. С. 302–303.

⁵¹ Там же. С. 301.

⁵² *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 327.

⁵³ *Жилкин И.* Указ. соч. С. 303.

⁵⁴ Там же. С. 303–304.

⁵⁵ Там же. С. 309.

⁵⁶ Там же. С. 306.

⁵⁷ *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 362.

⁵⁸ *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 562.

⁵⁹ *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 330; *Lohr E.* Op. cit. P. 609.

⁶⁰ *Жилкин И.* Указ. соч. С. 307.

⁶¹ Цит. по: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 253.

⁶² *Жилкин И.* Указ. соч. С. 304–307.

⁶³ *Astrov N. J.* Op. cit. P. 167.

⁶⁴ В кн.: Москва и Первая мировая война: документальные свидетельства, с. 53, приведен документ: РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 52об.

⁶⁵ Цит. по: *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 397.

⁶⁶ *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 255; *Ангарский Н.* Московский совет в двух революциях. М., 1928. С. 8.

⁶⁷ *Вознесенский А. Н.* Указ. соч. С. 11.

⁶⁸ Там же. С. 24.

⁶⁹ *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 386.

⁷⁰ *Вознесенский А. Н.* Указ. соч. С. 22.

⁷¹ Там же. С. 25.

⁷² *Gross J.* Op. cit. P. 23.

⁷³ *Colton T.* Op. cit. P. 77. КОО был распущен в июле 1917 г. после новых выборов в Московскую городскую думу, проведенных в июне. В течение весны «партификация» городских институтов интенсифицировалась, хотя изначально «члены первого Московского [рабочего] совета были беспартийными». Согласно Н. Ангарскому, возмущение запиской Милюкова привело к тому, что «представители социалистических партий стали действовать в соответствии с указаниями партийных организаций»:

Ангарский Н. Указ. соч. С. 13; см. также: История Москвы. Т. 6. С. 38. О феномене «партификации» см.: *Holquist P.* Op. cit. P. 114.

⁷⁴ *Вознесенский А. Н.* Указ. соч. С. 107–108.

⁷⁵ *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 261.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 136.

⁷⁸ Там же. С. 32–34.

⁷⁹ *Бронштейн Н. И.* Инструкция для учредителей домовых организаций (с приложением «Положение о домовых организациях»). М., 1917.

⁸⁰ *Руднев В. В.* Указ. соч. С. 331.

⁸¹ *Вознесенский А. Н.* Указ. соч. С. 58.

⁸² *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981. P. 332.

⁸³ *Pethybridge R.* The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917. Macmillan, 1972. P. 198.

⁸⁴ *Pipes R.* The Russian Revolution. New York: Knopf, 1990. P. 501.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 209. Л. 1а.

⁸⁶ *Игнатиев Г. С.* Москва в первый год пролетарской диктатуры. М., 1974. С. 183.

⁸⁷ МЧК: из истории Московской чрезвычайной комиссии, 1918–1921: сб. документов / сост. А. С. Велидов, И. Е. Поликарпенко, В. Г. Ушаков. М., 1978. С. 15–17.

⁸⁸ *Владимирский М.* Московские районные думы и Совет районных дум в 1917–1918 гг. // За власть Советов. М., 1957. С. 332.

⁸⁹ *Colton T.* Op. cit. P. 93; Красная Москва. С. 335.

⁹⁰ Красная Москва. Там же.

⁹¹ Согласно ранней советской статистике, сокращение численности населения Москвы началось сразу после Февральской революции. К сентябрю 1917 г. Москва уже потеряла 189 000 человек, или 9 % населения. С сентября до следующего апреля население сократилось еще на 138 000. Частично, как отмечали демографы, падение было вызвано ликвидацией гарнизона. Учитывая, однако, что в тот же период десятки тысяч чиновников приехали из Петрограда, вполне возможно, что реальные показатели миграции были даже выше. С апреля 1918 до августа 1920 г. население Москвы сократилось еще на 687 000, примерно на 40 % по сравнению с пиком в феврале 1917 г. См.: Красная Москва. С. 54.

⁹² По комиссариату финансов см.: РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 78. Л. 58.

⁹³ *Руднев В. В.* Указ. соч. С. 331.

⁹⁴ Красная Москва. С. 336.

⁹⁵ Московский вечерний час. 1918. 13 марта (№ 2). С. 2; Там же. № 1. С. 2.

⁹⁶ *Rigby T. H.* Lenin's Government: Sovnarkom, 1917–1922. Cambridge, 1979. P. 57.

⁹⁷ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 560. Оп. 26. Д. 1409. Л. 1–7, 14–17, описывает меры, предпринятые структурами Министерства финансов летом 1917 г. Первые группы отправились всего за несколько дней до Октябрьской революции. После перерыва, в середине февраля структуры продолжили приготовления для переезда на основе более ранних планов.

⁹⁸ *Окунев Н. П.* Дневник москвича, 1917–1924: в 2 кн. М., 1997 (Репринт изд. УМСА-Press, Париж, 1990). Кн. 1. С. 226 (16/29 окт. 1918 г.).

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 4. Д. 44. Л. 22. В официальных документах не было отмечено, для чего нужны были такие структуры. После Февральской революции в Москве,

как и в Петрограде, некоторые здания, которые ассоциировались со старым режимом, были захвачены. Как утверждает Вознесенский, летом 1917 г. Моссовет совершил первую официальную попытку «реквизиции» пространства для нужд постреволюционного правительства, когда он заявил о намерении занять отель «Дрезден» с целью использования его для офисов, несмотря на протесты самого отеля и городских судов. *Вознесенский А. Н.* Указ. соч. С. 40–41. После Октября банды анархистов, в самой малой степени отличные от криминальных групп, «экспроприировали» несколько особняков по всему городу.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 4. Д. 44. Л. 26.

¹⁰¹ Там же. Ф. 4085. Оп. 1а. Д. 231. Л. 17.

¹⁰² ЦГАСП (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 84. Л. 95.

¹⁰³ Декреты Советской власти. Т. 2. 27 июня 1918 г. Приказ совпал с обысками в Китай-городе, последовавшими за подстрекательской речью Троцкого, который, по утверждению москвича Никиты Окунева, призвал рабочих донимать всех, кого они встретят на улицах района, и отмечать здания, где проживали представители буржуазии, «желтыми, буржуазными билетами» (по выражению Троцкого). *Окунев Н. П.* Указ. соч. С. 192 (17/30 июня 1918 г.).

¹⁰⁴ ЦАГМ (Центральный архив города Москвы). Ф. 2435. Оп. 1. Д. 85. Л. 32.

¹⁰⁵ Известия. 1918. 18 окт. (№ 220).

¹⁰⁶ ЦАГМ. Ф. 2435. Оп. 1. Д. 85. Л. 32.

¹⁰⁷ Как ЦЗЖО объяснял Бонч-Бруевичу летом 1918 г., для уплотнения «согласие домовых комитетов не требуется, так как домовые комитеты охраняют интересы жильцов и не склонны этими интересами поступиться»: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 79. Л. 27.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 381. Л. 8, 113, 114; ЦАГМ. Ф. 2435. Оп. 1. Д. 85. Л. 4. См. также: Красная Москва. С. 339.

¹⁰⁹ МЧК. С. 28.

¹¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 79. Л. 27.

¹¹² См. дело Чарыковой: Там же. Д. 77. Л. 163.

¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 77. Л. 198.

¹¹⁴ Там же. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 381. Л. 12.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 1а. Д. 231. Л. 20.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. Л. 6.

Ян Кузбер

Петроград в годы войны и революции, 1914–1924

Преемственность и разрыв

Когда в марте 1919 г. Джон Рид впервые опубликовал в США свое классическое журналистское произведение «10 дней, которые потрясли мир», он вписал Октябрьскую революцию в качестве эпохального события в историческую память — по крайней мере у тех, кому коммунистическая утопия была близка. Сам Рид, который имел доступ ко всем революционно настроенным партиям в октябре 1917 г., должен был, впрочем, признать, что собственно Октябрьский переворот был довольно будничным событием, незаметным для многих жительниц и жителей Петрограда¹. Владимир Дмитриевич Набоков, управляющий делами Временного правительства от кадетской партии, описывает в своих фрагментарных мемуарах, как он предугадывал конец собственного правительства, но в замешательстве в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. просто ушел домой². Для обоих, Рида и Набокова, значение Октябрьского переворота стало ясно лишь в ретроспективе. Один в Петербурге, другой далеко от него — оба увидели

© Ян Кузбер, 2017

Ян Кузбер — профессор Университета в Майнце.

Первую мировую войну с ее последствиями. Как американский коммунист, так и русский аристократ возлагали вину за мировой пожар на старый режим. Но в 1917 г., который лишь впоследствии исследователи в поисках причин и поводов Октябрьской революции вырвали из контекста Великой войны³, их ожидания будущего абсолютно не совпадали. Если Джон Рид хотел работать в Петрограде на благо социалистической мировой революции, Набоков думал об обновлении России как конституционной демократии, которую бы инициировали и стали ее движущей силой старые элиты столицы.

Неуверенность в политическом настоящем и будущем, ожидания и разочарования, стремление ввиду непредсказуемости внешнего мира упорядочить собственный внутренний мир в идеальном и материальном отношении — отличительные черты эпохи, наступившей с началом Первой мировой войны. Эти черты проявлялись с тех пор, как в первые дни войны город был переименован из Петербурга в Петроград, а потом, после окончания Гражданской войны и упрочения нового режима, в 1924 г., из Петрограда в Ленинград⁴. Как и для других городов империи, необходимо учитывать в едином комплексе мировую войну, революцию, смену общественных систем и гражданскую войну. Как жители обустроивали свою жизнь? Кажется, что на этот вопрос, во всяком случае для столицы России, легко ответить. Есть необозримая масса литературы о столице Российской империи в контексте революции 1917 г. Она постоянно фигурирует в связи с общими работами о революции в России с точки зрения проблематики политической, социальной и культурной истории. И тем не менее интересующий нас вопрос продолжает составлять задачу для исследований — задачу, которую эта короткая статья может лишь обрисовать. В общем, применительно к истории Санкт-Петербурга считается, что история Российской империи и история города в ней сливаются так тесно, как ни в каком ином отдельном случае. Рассматривать их по отдельности представляется просто невозможным.

Столица в начале XX века

Для столицы империи, которая на рубеже XX в. в результате запоздалой, но стремительной индустриализации превратилась в мегаполис, насчитывавший более двух миллионов человек, особенно тяжело определить, что в этом случае представляет собой локальное общество.

Существовало множество институтов, союзов, кружков и медийных средств, которые составляли структуру публичной сферы города — или, точнее, различных публичных сфер. Публичные, общественные действия и связанные с ними беспорядки всегда могли привести к последствиям для всего государства. Достаточно привести в пример Кровавое воскресенье и начало первой русской революции в Петербурге. Социальный протест перерос в политический — уже поп Гапон был по своей политической роли в том числе и креатурой государства.

В 1913 г. не в последнюю очередь благодаря завоеваниям этой первой революции в Санкт-Петербурге существовали 550 газет и журналов⁵. Это составляло не менее четверти от тогдашнего печатного производства всей Российской империи. Обширная аудитория мегаполиса имела возможность читать то, что ее интересовало. В случае становившихся все более грамотными работниц и рабочих это могли быть христианские наставления, листовки, социалистические брошюры или приключенческие романы, распространявшиеся через читательские кружки и читальни. Но это могли быть и журналы для женщин или специализированные издания для буржуазной образованной публики. Издательства и редакции процветали.

Итак, Санкт-Петербург был оживленным центром модерна⁶. Проезжая на авто или трамвае по Невскому или посещая Большой проспект на входившей в моду Петроградской стороне, можно было увидеть новый мир кино. Кинотеатры появились в городе в последнем десятилетии XIX в. С 1907 г. киноателье Дранкова производило фильмы, которые имели большой успех, — от популярного криминального жанра до кинолент на исторические темы. Большие кинозалы — такие как «Паризиана» на Невском — вмещали до тысячи зрителей. Около 150 кинотеатров в 1913 г. были особенными местами в Петербурге, где пересекалось множество городских слоев, привлеченных немой кинематографом⁷. Отражением атмосферы Петербурга и интеллектуальных стремлений элиты стал роман Андрея Белого «Петербург». Он продолжил «петербургский текст» в литературе, запечатлев город, контуры которого на фоне революции 1905 г., казались, начали исчезать.

Это чувство в годы перед Первой мировой войной было, очевидно, присуще многим в миллионном городе. Федор Шаляпин преуспевал на столичных сценах и среди богемы. Жизнь депутата Государственной думы и профессора, такого как историк Павел Николаевич

Милюков, мало соприкасалась с жизнью популярного священника правоконсервативного толка Иоанна Кронштадтского и еще меньше — с жизнью приказчиков, рабочих и крестьян-мигрантов, которые работали на фабриках города и жили на окраинах Санкт-Петербурга⁸. Среди интеллектуалов велись жаркие дискуссии о пути России между консерватизмом, социализмом и либерализмом. Результатом стал сборник «Вехи», авторы которого полагали, что Россия стоит на перепутье своего развития, а Петербург — средоточие этой дилеммы⁹.

Сам царь, очевидно, не желал принимать во внимание многообразие и проблемы своей миллионной столицы. Петербургские торжества в неорусском стиле к юбилею династии в 1913 г. были пышными и смогли имитировать поддержку Романовых населением, но при всем блеске это было бегство от напряженности в городе и в империи¹⁰.

Противоречия между жизненным миром и интересами элит и масс обнаруживались не только в сфере культуры и досуга. Их можно увидеть и в архитектуре на рубеже XX в. Большая часть города состояла из безликих многоквартирных доходных домов, которые служили объектом спекуляции — особенно когда после перипетий революции 1905 г. конъюнктура в городе снова пошла вверх. В то же время архитекторы и домовладельцы находили выражение своим вкусам в представительных фасадах стиля модерн. Постройки, подобные дому эмира Бухарского на Каменноостровском проспекте или американской фабрике швейных машин «Зингер» на Невском архитектора Павла Сюзора, привлекали глаз. От классицизма уже давно перешли к эклектизму и индивидуализму в строительстве — те, кто мог себе позволить такую форму архитектурной репрезентации. Рабочие вместо стихийно возникавших бараков все чаще перебирались в многоквартирные дома-казармы, число этажей в которых постоянно росло.

Архитекторы, которые реагировали на инфраструктурные социальные проблемы и создавали накануне Первой мировой войны планы, выходявшие за пределы индивидуальных объектов строительства, в определенной степени обращали свой взор назад, к «регулярству» планов XVIII столетия. В то же время они проектировали город с миллионным населением. Федор Егорович Енакиев, Леонтий Бенуа, Мариан Марианович Перетяткович в своем масштабном плане 1912 г. размышляли об изменении структуры жизненных артерий

города. Фокусом проекта должна была стать новая застройка острова Голодай, с элементами города-сада и центральной ролью рабочих. Эти планы, так же как планы строительства метро в испытывавшем транспортные проблемы городе, не были реализованы¹¹. Разразилась Первая мировая.

Война: Петербург становится Петроградом

Летом 1914 г. царь Николай II не отправился в дальнейшее путешествие, оставшись в Царском Селе. Начались дипломатические осложнения в ходе августовского кризиса 1914 г., российское правительство подлило своими приказами о мобилизации масла в огонь. Когда после известия об объявлении Германией войны 1 августа 1914 г. массы ринулись на Дворцовую площадь, при ликовании народа Николай показался на балконе Зимнего дворца. Об этом моменте председатель Государственной думы Михаил Родзянко оставил яркие воспоминания:

«После молебна о даровании победы государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем. Громовое „ура“ наполнило дворец и прокатилось ответным эхом в толпе на площади. После молебствия государь вышел на балкон к народу, за ним императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и, когда она увидела государя, ее словно пронизала электрическая искра и громовое „ура“ огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями „Да здравствует Россия и славянство!“ склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени < ... > Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: — То было наше семейное дело < ... > Дела в Петербурге складывались благоприятно. С мобилизацией все рабочие выступления внезапно прекратились»¹².

Никогда царь Николай не чувствовал свое единение с жителями столицы в большей степени, чем в этот день. Всеобщая забастовка, которая потрясла столицу в июле 1914 г. и которую имел в виду Родзянко, заглохла¹³. Подогретая многолетними дискуссиями в прессе

о «пангерманизме» и «неославизме», публика была подготовлена к войне и ждала ее. По меньшей мере на некоторое время патриотизм охватил все слои городского населения — совсем иначе, чем в войну с Японией десять лет назад¹⁴. Не только 250 000 человек на Дворцовой — на больших проспектах и в парках города на периферии состоялись патриотические манифестации, которые, впрочем, превращались иногда в погромы. Через два дня после начала войны толпа взяла штурмом посольство Германии рядом с Исаакиевским собором и опустошила здание. Десятки тысяч других демонстрантов прошли по центру, неся иконы, императорские портреты, русские флаги, с криком «Долой швабов!». Десять дней спустя Дума утвердила на чрезвычайном заседании в Таврическом дворце масштабные военные ассигнования. Немецкие предприятия должны были прекратить работу, кипучая общественная жизнь петербургских немцев замерла. «Августовское чувство», которое, по его словам, наблюдал Родзянко и о котором в момент начала войны сообщалось отовсюду из Европы, привело и в Петрограде к национальному подъему и вытеснению имперского многообразия в городском пространстве¹⁵.

После более чем двух веков город поменял имя: Петербург превратился в звучащий по-русски Петроград. Отвержение врагов должно было выразиться уже в новом названии столицы. Петербургские немцы, долгое время хорошо интегрированная в городской социум группа, вызывали теперь подозрения у петроградского общества. Чем дольше тянулась война, тем больше это касалось чиновников со звучащими на немецкий манер фамилиями, но прежде всего царицы Александры, принцессы из дома Гессен-Дармштадт¹⁶. Чем более несчастливый оборот принимала война в 1915 и 1916 гг., тем сильнее в городе распространялись слухи, что Александра оказывает губительное влияние на правительственные дела¹⁷.

Слухи быстро распространялись в городе, поскольку после начала войны были задействованы законы военного времени и ужесточилась цензура. В газетах появлялись белые полосы, которые иллюстрировали это ужесточение, в городе возрос спрос на географические карты, чтобы можно было следить за ходом боевых действий¹⁸.

Сразу после начала войны начали расти цены на основные продовольственные продукты. Показателем была цена на спички. Разгневанные покупатели на одном из петроградских рынков напали на сопротивлявшихся продавцов в лавках, показав, что умами владеют

не только патриотизм и национализм. Ажиотажная скупка продуктов также была выражением страха и неуверенности, которые были распространены уже в 1914 г.¹⁹ Вскоре были введены предельные цены на основные продовольственные товары. Спекулянты по законам военного времени без всяких околичностей могли попасть на три месяца в тюрьму. Были введены ограничения в торговле крепкими алкогольными напитками, а затем и полностью запрещена водочная торговля. Уличные демонстрации, которые до войны были обыденным явлением, под угрозой жестких мер запрещались. Повышение подоходного налога и увеличение тарифов на междугородные и внутригородские перевозки на 20 % уже за первые полгода войны стали предвестником грядущих экономических трудностей и проблем.

Война на северном участке немецкого Восточного фронта протекала для российских армий после поражения наступления в Восточной Пруссии неудачно. До конца 1914 г. царская армия потеряла 1,2 млн чел. убитыми, ранеными и пленными. В 1915 г. была оккупирована Курляндия, а экономически важный для империи центр в Риге был на осадном положении²⁰. Сам Петроград уже в первый год войны стал дальним тылом для фронта, и это положение существенно не изменилось вплоть до Гражданской войны. Для города это обернулось потоком раненых, которых доставляли сюда с северо-западного участка фронта, и столь же выросшим потоком беженцев, которые оставляли прежнее место жительства перед лицом угрозы немецкой оккупации, а в случае с евреями, как и с немцами, стремились избежать депортации вглубь страны. Оборудовались лазареты наряду с уже существовавшими больницами, которые и в мирное время едва ли были в состоянии справиться со своими задачами. Торжества при открытии лазаретов давали членам императорской фамилии, а также представителям церкви возможность апеллировать к патриотизму различных групп населения. Устраивались курсы медсестер для дам из хорошего общества, общественные организации проводили сбор средств для раненых. Даже в городских тюрьмах шили одеяла для госпиталей. Настроение в Петрограде в первую зиму 1914/15 г. было совсем не таким, как в Русско-японскую войну, к которой население относилось по большей части равнодушно.

Многие жители тем не менее продолжали жить как раньше. Они так же ходили на оба городских ипподрома, оборот которых за конец летнего сезона 1914 г. существенно увеличился. Они посещали

футбольные матчи, когда лига открыла осенний сезон. Театры снова открыли свои двери после летнего перерыва — правда, давали специальные патриотические представления²¹. В то же время пьесы немецких авторов были сняты с репертуара, как и очень популярные до этих пор произведения Рихарда Вагнера. В образовательных учреждениях начался очередной учебный год, но теперь было запрещено принимать подданных Германии и Австро-Венгрии. Школы для девочек, разумеется, также были задействованы для помощи фронту в тылу: ученицы организовывали бесплатные столовые для беженцев и помощь в лазаретах, стали обязательными ремесленные курсы²².

С началом войны стала очевидной внешняя зависимость экономики империи — в том числе, и в первую очередь, Петрограда, куда из Германии поставлялось разное сырье для предприятий столицы, особенно оборонной промышленности. С августа 1914 г. выросли цены на топливо. Некоторые фабрики были вынуждены сокращать производство или закрыть его уже в первые полгода войны. Постепенно в городе стала нарастать безработица. В то же время возникали новые предприятия — например, «Русский Рено», совместное акционерное общество с оборотным капиталом в один миллион золотых рублей. В целом годы войны стали для города не только временем падения конъюнктуры, но в отдельных сегментах — временем богатых заказов и процветающей торговли, только жителям города это не принесло никакой пользы²³.

Лицо города приобрело во время войны в большей степени женские черты. С одной стороны, в столице было немало военных: гвардейские полки и другие войска оставались здесь, чтобы обеспечивать общественный порядок. С другой стороны, среди беженцев, прибывших в Петроград из округи, преобладали женщины, так как мужчины были мобилизованы. Они старались найти работу в качестве прислуги, нянь или поварих. На крупных фабриках выросло число женщин-работниц, квалификация женской части населения достигалась непосредственно на рабочем месте²⁴. Новым и непривычным был образ женщины-телеграфистки. Обратной стороной этой тенденции стало появление беспризорных детей в невиданных до тех пор масштабах. Выросла молодежная преступность и преступность в целом, первые сообщения о кражах сапог с военных армейских складов вызвали широкий общественный резонанс²⁵.

В конце 1914 г. последовала новая волна депортации подданных Германии и Австро-Венгрии из города; лица в возрасте от 17 до 60 лет были обязаны выехать на расстояние не менее 100 верст от Петрограда. Те, кто не выехал из города, подвергались принудительным работам. На серии аукционов было распродано имущество, принадлежащее немцам, а вырученные средства переданы городским лазаретам и госпиталям. Символической акцией стала передача реквизированных лошадей и повозок армии. 1 января 1915 г. была вынуждена закрыться немецкоязычная «Санкт-Петербургер Цайтунг», старейшая газета города²⁶. Несмотря на все эти меры, специальный думский комитет был занят вопросом о том, как бороться с немецким засильем в экономике империи.

В 1915 г. цены на продукты, дрова и топливо снова значительно выросли²⁷. Появились разоблачения банд контрабандистов и спекулянтов, но, несмотря на это, быстро продолжал расширяться черный рынок, который охватывал разные сферы. Теперь только он мог гарантировать состоятельным горожанам уровень потребления, к которому они привыкли до войны. В аптеках цены в 1915 г. выросли на 20%. Была установлена норма на спирт и эфир, что сказалось на медицинском снабжении лазаретов. Обычной уличной картиной стали военнопленные, которых привлекали к городским работам. Они не могли посещать трактиры и клубы, многие из которых и без того были вынуждены закрыться. То же касалось театров или цирка — все это были учреждения, которые играли существенную роль для тыла. Всякое братание было запрещено, магазины пленные могли посещать только под конвоем²⁸.

В сезон 1915/16 г. театры по-прежнему были открыты, а культурная жизнь подчинена военным задачам. Знаменитый медик и физиолог Владимир Михайлович Бехтерев, который с 1908 г. снова работал в столице, представил свою работу «Война и психозы» и читал лекции о психике Вильгельма II²⁹. Жителям столицы демонстрировали героев войны: как особое событие был обставлен приезд 13-летней Марии Есипенко, девочки, которая добровольцем пошла на фронт, была ранена во время боя и тем не менее вернулась на передовую. Как героя петроградская пресса чествовала и 13-летнего добровольца Вершинина, сына морского офицера, который погиб в Русско-японскую войну на крейсере «Варяг». Этот юный доброволец был награжден Георгиевским крестом 4-й степени³⁰.

Все это не могло предотвратить того, что ситуация в столице с отступлением российских войск в течение 1915 г. все больше осложнялась. Мясо и сахар, который использовался для самогонирования, были во все большем дефиците³¹. С алкоголизмом боролись как с явлением, в котором видели причину беспорядков: была учреждена специальная комиссия по борьбе с городским алкоголизмом. В ее поле зрения попадали прежде всего аптеки, где продавался спирт, предназначенный для медицинских целей, а также спиртосодержащие лосьоны для бритья. Более ста аптек обвинили в спекуляции алкоголем на черном рынке, публичное уничтожение алкоголя усиливало беспорядки³².

Свидетель вспоминал: «Толпа бунтующих рабочих окружила винный склад. Владельцы и руководство в попытке их остановить решили разбить бочки со спиртом, прежде чем толпа смогла проникнуть на склад. Потоки спирта хлынули грязными ручейками из разбитых бочек на улицу. Толпа, состоявшая из мужчин, женщин и даже солдат, совершенно озверела, с шапками кинулась к сточной канаве набирать спирт, но большинство просто дотягивались губами до грязного потока спирта в попытке его выпить»³³.

Несмотря на принятые меры, забастовки и волнения в течение 1915 г. снова вспыхивали по мере того, как начала расти инфляция³⁴. Осенью 1915 г. императрица Александра Федоровна не вернулась в Зимний дворец в столице, но осталась в Царском Селе. В части помещений Зимнего дворца устроили лазарет, в котором в октябре 1915 г. сначала было 240 сотрудников, затем их число быстро возросло. На Иорданской лестнице, парадном входе во дворец, были поставлены ваннные кадки, галерея 1812 года стала пунктом скорой помощи³⁵.

Уже до своего назначения на пост министра внутренних дел в октябре 1915 г. Александр Хвостов предупреждал о растущем дефиците продовольствия и топлива. По его оценке, Петроград был особенно уязвим: вместо 405 железнодорожных вагонов ежедневно, которых хватило бы для потребностей столицы, туда в октябре поступало в среднем только по 116 вагонов в день³⁶. То, что в империи не было дефицита производства, но была проблема распределения, особенно отразилось на ситуации в Петрограде. Поскольку до войны было попросту дешевле получать уголь с Британских островов, чем, к примеру, из Донбасса, неприятельская блокада Балтики для британских

кораблей сказалась весьма остро: зимой 1915/16 г. Петроград начал замерзать.

1916 г. начался дальнейшим повышением цен и принятием мер, которые должны были победить спекуляцию, однако остались безрезультатными. В эти первые недели 1916 г. впервые было прервано пассажирское железнодорожное сообщение, чтобы дать абсолютный приоритет грузовому сообщению, то есть снабжению города³⁷.

Но и вагоны, которые доставили свежие продукты в город, стояли неразгруженными на запасных путях. Мясо и рыба портились. В некоторых рабочих кварталах спекулянты промышляли порченым товаром. Ответственность за это была возложена на правительство, городскую администрацию, а также на многочисленные общественные комитеты, которые работали без координации друг с другом³⁸. Уголь и дрова стали предметом спекуляции. В доходных домах, по жалобам жителей, температура в помещениях падала до 8–9 градусов. В 1916 г. более 60% предприятий и более 90% всего занятого в экономике столицы населения работали на военные нужды³⁹.

Во второй половине 1916 г. к усугублявшемуся кризису снабжения присоединилась открытая агитация революционных партий. За ними следила охранка, но она не могла предпринять никаких последовательных действий. Поползли слухи, что положение на фронте безнадежное. Это не соответствовало тому, что сообщали бюллетени и периодическая печать столицы. До сего дня этот вопрос остается спорным. Доминик Ливен, к примеру, утверждал, что положение на Галицийском фронте в результате Брусиловского прорыва отнюдь не было безнадежным⁴⁰. С другой стороны, контрнаступление в Курляндии зимой 1916/17 г. захлебнулось. Но занимающий военную историю вопрос о потенциале российских вооруженных сил в атмосфере столичных слухов не играл никакой роли: фронт подходил все ближе, а некомпетентность и коррупция в правительстве все больше проецировались на царскую чету⁴¹. Влияние Григория Распутина, который на долгие годы получил доступ к царскому двору и постоянно был замешан в скандалах, стало предметом думских дебатов. Эта фигура стала символом разложения самодержавия, а его убийство в декабре 1916 г. князем Юсуповым и другими воспринималось как освобождение.

Условия жизни в столице резко ухудшились чрезвычайно холодной зимой 1916/17 г.⁴² В общем с 1914 по 1916 г. цены на уголь выросли в четыре раза, на продовольствие для питания рабочих — в семь

раз. Одновременно столичные газеты пестрели сообщениями о дельцах, нажившихся на войне, и коррупции. Лидер партии конституционных демократов Павел Милюков открыто обвинил в своей думской речи в ноябре 1916 г. царя и его правительство, назвав их поведение «глупостью или изменой»⁴³.

Февральская революция и падение самодержавия в 1917 г.

В феврале 1917 г. начались забастовки и беспорядки среди голодающего населения Петрограда. Казалось, в определенной степени повторялись обстоятельства Кровавого воскресенья 1905 г. Забастовки начались 22 февраля 1917 г. снова с Путиловского завода, как в революцию 1905 г., и перекинулись на весь город. Но в отличие от 1905 г. город охватили настоящие голодные бунты. Уже несколько дней почти отсутствовали хлеб и молоко, магазины были закрыты. Это отнюдь не свидетельствовало об отсутствии в городе хлеба — но им больше не торговали, а припасали или продавали на черном рынке. 23 февраля 1917 г., в Международный женский день, начались демонстрации женщин, образовавшиеся из очередей перед закрытыми магазинами. Женщины в этой ситуации определяли картину, что отражало и общий состав городского населения к началу 1917 г. В следующие дни забастовка в городе переросла во всеобщую. Царь Николай отреагировал из своей главной ставки в белорусском Могилеве: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии». Его приказ был уже неисполним, поскольку войска столичного гарнизона в большинстве своем перешли на сторону забастовщиков и демонстрантов. В историографии первым солдатом, отказавшимся исполнять приказы, называется Иван Тимофеевич Кирпичников, солдат лейб-гвардии Волынского полка⁴⁴. 23 и 24 февраля он вместе со своей командой еще занимался разгоном демонстрантов, при котором были погибшие, но затем уговорил членов своей команды больше не выходить из казарм. Насколько его действия были реальным импульсом для революции, оставим за скобками. Однако, во всяком случае, его полк подал пример: выступившие казаки и матросы поддержали лозунг «Долой войну!» и также потребовали хлеба. Эти выступления превратили демонстрации в революцию. Правительство за несколько

дней потеряло власть в столице. Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов признал невозможность взять ситуацию под контроль силой оружия⁴⁵. Государственная дума также открыто выступила против царя. Председатель Думы Родзянко телеграфировал царю 26 февраля 1917 г.:

«Положение серьезное. В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»⁴⁶.

Однако, не владея информацией о положении вещей, царь, подержанный своей супругой, приказал действовать жестко: подавить волнения с помощью дислоцированных в округе войск и распустить Думу. Это был момент, когда Дума полностью стала на сторону революции. Она образовала из своих членов комитет, который поставил царя перед перспективой отречения. Николай II отправился в Петроград с целью предотвратить такое развитие событий, но добрался только до Пскова. Там 2 марта 1917 г. он отрекся в пользу своего брата⁴⁷. Однако когда тот не принял трон, истории династии Романовых в России пришел конец. Петроград был теперь столицей не империи, но государства, контуры которого оставались неопределенными. Из думского комитета образовалось Временное правительство, которое собиралось оставить форму государства на усмотрение будущего выборного Учредительного собрания. Временное правительство заседало в Мариинском дворце напротив Исаакиевского собора. Организованный тогда же Совет рабочих и солдатских депутатов занял Таврический дворец. Ничто не могло лучше символизировать конфликт: в одном крыле дворца заседали депутаты старого парламента, в другом — депутаты Совета, тесно связанные с различными социалистическими силами⁴⁸. Началась эпоха двоевластия, а для многих петроградцев — будь то рабочий, солдат, студент или либеральный дворянин — и время больших надежд. Упомянутый в начале В. Д. Набоков был в эйфории:

«В эти 40–50 минут, пока мы шли к Государственной думе, я пережил не повторившийся больше подъем душевный. Мне казалось,

что в самом деле произошло нечто великое и священное, что народ сбросил цепи, что рухнул деспотизм... Я не отдавал себе тогда отчета в том, что основой происшедшего был военный бунт, вспыхнувший стихийно вследствие условий, созданных тремя годами войны, и что в этой основе лежит семя будущей анархии и гибели... Если такие мысли и являлись, то я гнал их прочь»⁴⁹.

«Революционеры» и «путчисты»

23 марта 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде, бывшем царском парадном плацу, были устроены пышные торжественные похороны погибших по время Февральской революции, в которых принимали участие члены нового Временного правительства, Совета, а также многочисленные солдаты гарнизона и жители города. Пожалуй, это был единственный раз, когда в Петрограде на совместное торжество собрались вместе все, начиная от действующих в Петрограде социалистических партий и либералов до умеренных правых, в удостоверение того, что свержение царя было правильным путем. Николай вернулся в Царское Село и там содержался под стражей вместе с семьей.

В городе нарастал хаос. Чиновники продолжали работать в присутствиях, но не знали, у кого властные полномочия. Советы различных уровней, в районах города и на фабриках, соперничали с Временным правительством за право давать ведомствам указания. Часть войск объявили себя Красной гвардией. Полицейских, которые символизировали собой старый режим, на улицах преследовали.

Временное правительство условилось о совместных действиях с Советом лишь в самых общих чертах. Ситуация со снабжением оставалась критической и с окончанием зимы⁵⁰. В апреле 1917 г. с немецкой помощью из ссылки вернулся Ленин, Троцкий торопился назад из Нью-Йорка⁵¹. Среди социалистических партий в городе, меньшевиков, большевиков и эсеров, оставался дискуссионным вопрос, должна ли непосредственно за «буржуазной» последовать сразу «социалистическая» революция.

На фоне того, что Временное правительство в ходе «наступления Керенского» летом 1917 г. еще раз попыталось перехватить инициативу на фронтах Первой мировой войны, вопрос о том, у кого, собственно, власть в Петрограде, оставался открытым. Временное правительство не имело никакого влияния на расквартированных

в городе 250 000 солдат. В большинстве своем они признавали над собой власть Совета рабочих и солдатских депутатов и ожидали, что тот «захватит власть» и «завершит» революцию. Помимо этого, продолжение войны вызывало активное неприятие, и не только среди солдат столичного гарнизона. Ходили слухи, что из столицы выведут для наступления 1-й Пулеметный полк, расквартированный на Выборгской стороне неподалеку от главного штаба большевиков. Этот тяжеловооруженный полк был одним из подразделений, на которые мог рассчитывать Ленин в конце июня 1917 г. Выступая перед военной организацией большевиков в экстравагантном здании стиля модерн, бывшем дворце балерины Кшесинской, он предупредил, что можно осуществить революцию в Петрограде, но не во всей остальной стране.

Степень недовольства среди солдат в городе была столь велика, что 3 июля 1917 г. они по собственной инициативе выступили из казарм⁵². Они ездили на броневиках по городу и палили вокруг. В городе воцарились паника и ужас не только среди сторонников старого режима, которые считали, что было бы лучше, если бы Петроград захватил немецкий кайзер, чем если городом завладеют распоясавшиеся солдаты. Писатель Максим Горький, который в целом относился к революции положительно, также был потрясен вышедшим из-под контроля насилием.

4 июля положение продолжало обостряться. Около 50 000 вооруженных людей двинулись на Таврический дворец, тогда как министры Временного правительства уже покинули свою резиденцию в Мариинском дворце. Социалист Александр Керенский, тогда военный и морской министр, спешно выехал на фронт. Ни телеграф с почтой, ни оружейные склады и вокзалы не были взяты под охрану сторонниками Временного правительства. «Власть» валялась на улице. Но ни большевики Ленина, ни другие революционные партии ее не «подняли». Матросы захватили в Таврическом дворце эсера Чернова, и только вмешательство Троцкого позволило его освободить. Этим закончился так называемый «июльский путч» большевиков, который на самом деле им не был⁵³. Когда волнение в Петрограде улеглось, а Временное правительство несколько упрочило свое влияние, оно запретило большевистскую партию. Верные правительству войска из бывших гвардейских полков захватили особняк Кшесинской, однако Ленин уже бежал из города.

Похороны жертв Февральской революции

Это, однако, не означало, что чаша весов между Петроградским советом и Временным правительством склонилась в пользу последнего. Когда в конце августа 1917 г. генерал Лавр Корнилов собирался вести на Петроград армейский корпус, чтобы восстановить «порядок» и распустить Совет, министр-председатель Временного правительства Керенский испугался втягивания города в новые вооруженные конфликты и приказал сместить Корнилова⁵⁴. Одновременно радикализировались рабочие, которые требовали, чтобы Совет взял «власть». Председателем Совета в конце сентября был избран Лев Троцкий. О степени нерешительности большевиков и неясности положения в Петрограде, как и по всей стране, говорит то, что до 24 октября ни один из лидеров большевиков не хотел восстания⁵⁵ — даже когда Временное правительство запретило большевистскую газету «Правда». Троцкий заявил, что «вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы»⁵⁶.

Октябрьский переворот

Однако Ленин решился действовать, и в этом он мог опереться на влиятельные группы. В ночь на 25 октября 1917 г. красногвардейцы и рабочие, на лояльность которых мог рассчитывать Ленин, устремились в город. Время поджимало. Ленин хотел сместить Временное правительство, прежде чем в Таврическом дворце соберется Всероссийский съезд Советов, чтобы решить вопрос о будущем России после Временного правительства⁵⁷. Ни жители города, ни политические группировки не видели больше в нем реальной силы; его министры забаррикадировались в Зимнем дворце, едва защищаемые казаками, юнкерами и женским батальоном. Министр-председатель Керенский покинул Зимний уже около полудня 25 октября 1917 г. во взятом напрокат автомобиле, чтобы организовать для поддержки Временного правительства лояльные ему войска на фронте.

Переворот в этот день, несмотря на отдельные нестыковки, произошел без особого сопротивления. Большевики и красногвардейцы, направляемые из нового штаба в Смольном, взяли под свой контроль мосты, вокзалы и прежде всего телеграфные станции. Телефонная связь с Зимним дворцом была прервана. Пока большевистские листовки уже к вечеру сообщили о падении Временного правительства, его министры еще совещались о привлечении для защиты оставшихся

им верными военных — в неведении о том, что они в большинстве своем дезертируют в город. Журналисты — в том числе упоминавшийся американец Джон Рид — в качестве наблюдателей поспешили прибыть на место. И хотя Джон Рид назвал свой бестселлер о революции «Десять дней, которые потрясли мир», он вынужден был признать, что «штурм» Зимнего дворца не отличался ничем героическим и увидеть в этом революцию было сложно. Когда поздним вечером крейсер «Аврора» произвел выстрелы в сторону Зимнего дворца с Невы, в Таврическом дворце уже заседал съезд Советов — 670 делегатов со всей страны. Наконец завязались бои за Зимний дворец, которые закончились к 2 часам ночи. Большевик Антонов-Овсеенко арестовал министров Временного правительства в Малахитовом зале и распорядился поместить их в Петропавловскую крепость. Победа на этом этапе осталась за Лениным⁵⁸.

Произошедшая так называемая Октябрьская революция не преврала представления оперы Мусоргского «Борис Годунов» в Мариинском театре. По Невскому продолжал двигаться уличный транспорт. Хотя на Дворцовой площади собралось, вероятно, около 20 000 чел., далеко не все из них участвовали в штурме Зимнего дворца. Трудно придумать больший контраст в сравнении с массовым участием в Февральской революции. Жители Петрограда, несомненно, жили в эпоху перемен, но смена общественных систем произошла практически без них. Съезд Советов Ленин поставил перед свершившимся фактом, и часть разгневанных депутатов покинула заседание в Таврическом дворце, предоставив поле деятельности большевикам. Большевики немедленно провозгласили передачу земли крестьянам, конец ненавистной войне и учреждение революционного правительства, Совета народных комиссаров с Лениным во главе.

Однако в городе царил хаос. То, что красногвардейцы основательно погуляли в винных погребах Зимнего дворца, было лишь мелким эпизодом. В целом насилие стало приметой времени. Уже через пять дней после «социалистической революции», которую приветствовали отнюдь не только большевики, можно было прочесть приказ: «Ко всем гражданам г[орода] Петрограда! Настоящим г[ород] Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения...»⁵⁹

6 января 1918 г. в Таврическом дворце снова собрались депутаты, на этот раз избранные в Учредительное собрание, однако вопреки ожиданиям Ленина большевики даже близко не смогли обеспечить себе большинство. После одного заседания, на котором шла речь о регламенте, красногвардейцы просто не пустили депутатов на второе заседание: Учредительное собрание было распущено.

Первые дни социализма

Октябрьская революция в Петрограде отнюдь не гарантировала еще власть большевиков по всей России. Новые власти с недоверием относились к старой столице империи из-за сопротивления прежних элит Петрограда. Это объясняет, почему по декрету от 12 марта 1918 г. большевики сделали столицей Москву, а Ленин стал править из Кремля.

В Петрограде большевики вместе с художниками авангарда экспериментировали в организации первых майских праздников и годовщины революции, открывшей социалистическую эпоху. Дворцовая площадь стала ареной революционных представлений, на которых «трудящиеся» выступали против «капиталистов» и, естественно, побеждали. Однако язык форм был абстрактным, а индивидуализация действующих лиц не предусматривалась. Сатира использовалась для избличения классового врага и прежних обитателей зданий на Дворцовой площади, царя и его «приспешников». Ставилось «Освобождение труда». Подобные спектакли в чем-то предвосхитили фильм Сергея Эйзенштейна о революции «Октябрь», мощные образы которого до сих пор определяют представление о революционном перевороте. Ради этого фильма Зимний дворец штурмовали снова — и на этот раз так, «как надо»⁶⁰.

Но борьба за умы составляла лишь один фронт, на котором должен был утверждаться новый порядок. Новые владыки и немногие владычицы — как, к примеру, знаменитая Александра Коллонтай — должны были в то же время сражаться на Гражданской войне против белых. Однако эти последние — коалиция между царскими генералами и приверженцами буржуазно-демократического направления Февральской революции — боролись между собой едва ли не с тем же ожесточением, что и против большевиков. Последние некоторое время сохраняли власть только над двумя пятыми территории

бывшей империи. По всей многонациональной стране пришли в действие центробежные силы. Важнейшим для Петрограда были сепаратистские тенденции в Прибалтике, в результате которых появились независимые республики Литва, Латвия и Эстония, а также выход из распадавшегося государственного образования Финляндии. Гражданская война теперь угрожала городу непосредственно. После того как мир в Брест-Литовске в марте 1918 г. и практически полный распад фронтов устранили угрозу германской оккупации, летом 1919 г. над Петроградом нависла угроза захвата белыми под командованием генерала Юденича⁶¹. Отпор наступлению белых организовал нарком по военным делам Лев Троцкий во главе организованной им Красной армии.

Ее костяк составляли кронштадтские матросы, которые со времен революционных дней 1917 г. рассматривали себя в качестве авангарда революции и уравнилельного социализма. Военно-морская база в Финском заливе на подступах к городу была для большевиков одновременно и опорой для власти, и угрозой. В Петрограде быстро стало ясно, что коммунисты Ленина хотят установить режим, опирающийся на насилие и террор. Хотя национализацию собственности, распределение жилой площади и насильственную реквизицию продуктов питания широкие массы населения приветствовали.

Во многих элитных дворянских и буржуазных квартирах появились новые жильцы. Старые владельцы, если они оставались в городе и не решались на эмиграцию⁶², были вынуждены довольствоваться одной комнатой и принимать вселенных рабочих. Так появились коммунальные квартиры — «коммуналки». Состав населения из-за коммуналок радикально изменился, особенно в старом центре Петрограда — не без стратегического замысла⁶³. Одновременно большевики делали упор на «фактор перевоспитания» старых элит, которые теперь подчинялись социалистическим правилам общежития. «Красные уголки» в государственно-кооперативных домах, украшенные символами революции, с социалистической просветительской литературой, становились средствами классовой борьбы, охватившей и бытовую жизнь отдельного человека.

Средствами «военного коммунизма» перевертывался верх дном привычный жизненный уклад. Не только городские элиты и интеллигенцию города не устраивала атмосфера насилия и террора в городе. Многие рабочие и солдаты также представляли себе по-другому

и равноправное участие в политическом волеизъявлении, и продовольственное снабжение. Глава петроградских большевиков Григорий Зиновьев по завету Ленина не церемонясь расправлялся с неудобным мнением, в том числе внутри лагеря социалистов. Человек ЧК в кожанке и с револьвером на поясе, который, придя к власти, создавал атмосферу насилия, воплощал эту политику утверждения власти большевиков в городе. Если белый террор происходил по большей части бесконтрольно, то за насилием большевиков стоял определенный расчет⁶⁴. Чекисты запугивали расчетливо и систематично. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК), которая была учреждена под руководством Феликса Дзержинского в конце 1917 г. первоначально на маленькой квартире по улице Гороховой, 2, быстро превратилась в спрута, который опутал и город, и село. Чиновники и офицеры в городе были лишены формы и погон; учителей из-за контрреволюционных настроений выгоняли из школ. Старая интеллигенция и прежние элиты стали зарабатывать на жизнь поденной работой и торговлей на черном рынке. Снабжение и при новом режиме оставалось критическим, ежедневное потребление калорий сократилось зимой 1917/18 г. до уровня существенно менее 1000 калорий⁶⁵. Алексей Толстой, позднее лауреат Сталинской премии, писал в «Хождении по мукам» о голодающем Петрограде⁶⁶. Социолог Питирим Сорокин сравнивал очереди в бесплатные столовые с раздачей еды для бедных в церквях до революции — с той разницей, что теперь в очередях стояли прежние элиты⁶⁷.

Это отчасти вполне отвечало марксистскому лозунгу об экспроприации бывшего экспроприаторского класса, но заходило дальше. Уже вскоре в Петрограде стало очевидно, что революция стала поедать своих детей. Стиль жизни коммунистического руководства стал напоминать канувший в прошлое дворянский мир. В то время как население голодало и бедствовало, у вождя кронштадтских большевиков и главнокомандующего Балтийским флотом Раскольников, к примеру, текло рекой шампанское, давались банкеты, а его жена, большевистская комиссарша Лариса Рейснер, одевалась в изысканные платья⁶⁸.

Некоторые из разочарованных большевиков положили на стол свои партбилеты. Между реквизициями в деревне при военном коммунизме и вспыхнувшими в феврале 1921 г. в Петрограде забастовками была непосредственная связь. Рабочие в городах, как и прежде,

были тесно связаны со своей деревенской родиной, поэтому по меньшей мере семьи их дальних родственников были затронуты жестокими подавлениями сельских крестьянских мятежей. Связь с деревней в годы Первой мировой войны и революции снова стала более тесной, поскольку революция привела в Петрограде к процессу деурбанизации. Надежные оценки временной атомизации управления и импровизированных комитетов и советов для этой эпохи затруднительны, но можно исходить из того, что население Петрограда из-за смертности и эмиграции уменьшилось с более чем 2 млн до 700 000 чел. Писатель Вениамин Каверин сравнивал жизнь петроградцев в это время с жизнью пещерных людей, которые не решались выходить из своих убежищ.

Кронштадтское восстание матросов

В начале 1921 г. настроение во многом напоминало февраль 1917 г. Снабжение города было катастрофическим. Большевики больше не могли быть уверены в лояльности ни населения, ни солдат городского гарнизона. Забастовки охватили все производственные предприятия города. Через четыре года после Февральской революции большевики потеряли контроль над флотом в Кронштадте — то есть теми матросами, которые поддержали их в 1917 г. и отразили наступление белых на Петроград⁶⁹. 1 марта 1921 г. матросы провозгласили обновление практики и идеи Советов, отрекшись от большевиков⁷⁰. Через некоторое время весь город-крепость был в руках оппозиции, которая вылила свое негодование на страницах кронштадтской газеты «Известия»:

«Совершая Октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создано еще большее порабощение личности человека.

Власть полицейско-жандармского монархизма перешла в руки захватчиков-коммунистов, которые трудящимся вместо свободы принесли ежеминутный страх попасть в застенки чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима < ... > Трудовая Россия, первая поднявшая красное знамя освобождения труда, сплошь залита кровью замученных во славу господства коммунистов. В этом море крови коммунисты топят все великие и светлые задачи и лозунги трудовой революции»⁷¹.

Матросы и солдаты (около 45 000 человек) приступили к организации обороны острова. Большевикам в Петрограде это причиняло большое беспокойство. Лед в Финском заливе начал таять, что грозило сделать крепость на острове неприступной. Троцкий и командарм Тухачевский попытались поэтому взять остров штурмом 7 марта и заставили под дулами ружей колеблющихся красноармейцев выступить в метель против острова. Под орудийным огнем многие из наступавших провалились под лед на подступах к городу, только от ружейного огня погибло 2000 чел. Штурм провалился. Так начался краткосрочный эксперимент с советской республикой на основе низовой демократии, момент угрозы господству большевиков в городе их революции. Кронштадтцы требовали немедленно провести по всему Петрограду новые выборы с тайным голосованием. Должны были быть введены свобода слова, печати и собраний для всех рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий — но не для бывших эксплуататоров. Выдвигались требования выпустить всех политических заключенных из числа членов социалистических партий и трудящихся, распустить вооруженные группы, которые специально занимались конфискацией продовольствия. Кронштадтские матросы в целом подвергали сомнению монополию большевиков на руководство революцией.

Пока в это время на съезде РКП(б) в Москве была запрещена любая фракционная деятельность, а Ленин исключал своих противников внутри партии, его дело в Петрограде зашаталось, поскольку кронштадтцы пользовались широкой популярностью в городе. Зиновьев, лидер партии в Петрограде, организовал массовое подавление чекистами забастовок⁷². Из Москвы срочно прибыли 300 депутатов-добровольцев с партийного съезда. В итоге большевикам удалось одержать победу. 17 марта 1921 г. начался последний и решающий штурм Кронштадта. С помощью авиации 50 000 солдат ранним утром преодолели лед. Через 18 часов сражение завершилось⁷³. На следующий день Зиновьев распорядился немедленно казнить 500 матросов без всякого суда. Когда палачи замешкались с исполнением, лидер петроградских партийцев обратился к молодым московским комсомольцам. Некоторым восставшим удалось пробраться в Петрограде в квартиру писателя Максима Горького, который пожаловался Ленину и требовал наказать Зиновьева. Однако голос Горького, одной из ведущих интеллектуальных фигур революции, был проигнорирован. 2000 восставших были казнены, остальных сослали на Соловецкие острова в Белом

море, которые стали первым крупным концентрационным лагерем в России. Так военное превосходство и неограниченный террор утвердили в Петрограде власть большевиков, которой после Кронштадтского восстания матросов никто уже не осмеливался бросить вызов.

Петроград становится Ленинградом

Жителей города, в отличие от местных руководителей партии, мало волновало, где похоронят вождя революции Ленина после его смерти в 1924 г. Петроградские большевики требовали погребения тела на Марсовом поле. «Питер хочет Ленина себе...», — поместила заголовок «Правда» — но безрезультатно⁷⁴. Зато состоялось переименование всего города в Ленинград. В эту эпоху город возвратился также к новой нормальности — насколько она была возможна в городе, где остались сильны импульсы модерны и в то же время стремился утвердиться тоталитарный режим.

Война и революция имели для Петербурга — Петрограда — Ленинграда колоссальные последствия. Правда, жители начали возвращаться в город, и Ленинград постепенно стал одним из советских городов — причем первоначально приобрел более «русский», менее этнически пестрый характер⁷⁵. Хотя планировался и начал строиться новый центр, который был необходим из-за возросшего населения, — но центр музейный, который являлся воплощением империи, остался, и его притяжения ничто не могло превзойти⁷⁶. В то же время продолжалось падение политической роли города — а с ней, на долгую перспективу, и экономической. Этого не изменил и конец Советского Союза. В конкуренции обеих столиц Москва по-прежнему остается победительницей.

Примечания

¹ *Reed J.* Ten Days that Shook the World. New York: Boni and Liveright, 1919.

² *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции / И. В. Гессен (изд.). Т. 1. Берлин, [1921]. С. 87.

³ Примером может служить сконцентрированный на основных исторических персонажах труд Ричарда Пайпса, но это же составляет и основание для социально-исторической аргументации: *Suny R. G.* Toward a Social History of the October Revolution // *American Historical Review*. Vol. 88. № 1 (Feb., 1983). P. 31–52. О новейших тенденциях в поистине необозримой литературе см.: *Kolonitskii B., Yisrael E. C.* Russian Historiography of the 1917 Revolution: New Challenges to Old Paradigms? // *History and Memory*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 34–59.

⁴ *Kusber J.* Konkurrierende Plätze in Sankt Petersburg: Zur Dauerhaftigkeit der Verortung politischer Macht im historischen Gedächtnis // Die Besetzung des öffentlichen Raumes. Politische Plätze, Denkmäler und Straßennamen im europäischen Vergleich / R. Javorski, P. Stachel (hgg.). Berlin: Frank & Thieme, 2007. S. 139.

⁵ *Idem.* Kleine Geschichte St. Petersburgs. Regensburg, 2009. S. 110f.

⁶ О Петербурге как городе эпохи модерна всеобъемлюще и до сих пор вне конкуренции: *Schlögel K.* Petersburg: Das Laboratorium der Moderne 1909–1921. Hanser: München, 2002.

⁷ Андрей Белый после посещения кинотеатра даже использовал термин «соборность» (*Tsvivan Y.* Early Cinema in Russia and its Cultural Reception. London; Chicago: The University of Chicago Press, 1994. P. 34, 150).

⁸ *Petersen H.-C.* “...not intended for the Rich”: Public Places as Points of Identification for the Urban Poor — St. Petersburg (1850–1914) // Spaces of the Poor: Perspectives of Cultural Sciences on Urban Slum Areas and Their Inhabitants / H.-C. Petersen (ed.). Bielefeld, 2013 (Mainzer Historische Kulturwissenschaften. Vol. 17). P. 71–97.

⁹ *Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Гурьевзон М.О. и др.* Вехи. М.: Новости, 1990; см. также: *Read C.* Religion, revolution and the Russian Intelligentsia 1900–1912: The Vekhi debate and its intellectual background. London, 1979.

¹⁰ *Dowler W.* Russia in 1913. DeKalb, IL: Northern Illinois Univ. Press, 2010. P. 238f.

¹¹ *Kusber J.* Kleine Geschichte St. Petersburgs. S. 113.

¹² *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 94–95.

¹³ *McKean R.B.* St. Petersburg between the revolutions: workers and revolutionaries, June 1907 — February 1917. New Haven: Yale Univ. Press, 1990. P. 297–317.

¹⁴ *Kusber J.* Feindliche Nähe: Russische Perzeptionen des deutschen Kaiserreiches an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert // В. Heidenreich, S. Neitzel (hgg.). Das Deutsche Kaiserreich, 1890–1914. Paderborn: Schöningh, 2011. S. 271–285, 355–359.

¹⁵ *Jahn H.F.* For Tsar and Fatherland? Russian Popular Culture and the First World War // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / S. Frank, M.D. Steinberg (eds.). Princeton Univ. Press, 1994. P. 133f.

¹⁶ Исчерпывающе о слухах вокруг нее: *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 298–312.

¹⁷ Императрица уверяла императора после того, как он принял на себя функции главнокомандующего Вооруженными силами России, что она контролирует столицу. См. об этом: *Die letzte Zarin: Ihre Briefe an Nikolaus II und ihre Tagebuchblätter bis zu ihrer Ermordung / J. Kühn* (hg.). Berlin, 1922. S. 85.

¹⁸ Петроградский курьер. 1914. 24 июля.

¹⁹ Там же. 26 июля.

²⁰ *Kusber J.* The Experience of War and Occupation: The Baltic Metropolis Riga during the First World War // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata XV. Riga, 2014. P. 154–162.

²¹ Санкт-Петербург: 300 лет истории / под ред. П.Ш. Ганелин, В.М. Ковальчук. СПб.: Наука, 2003. С. 369f.; *Jahn H. F.* Op. cit. P. 144.

²² Петроградский курьер. 1914. 21 авг.

²³ *McKean R.B.* Op. cit. P. 319–327.

²⁴ *Hasegawa T.* The February Revolution of Petrograd, 1917. U. Washington Press, 1981. P. 76, 79.

²⁵ Петроградский курьер. 1914. 1 сент., 2 окт.; 1915. 1 марта.

²⁶ *Kusber J.* Sankt Petersburg / Sankt-Peterburg // Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, 2015. URL: ome-lexikon.uni-oldenburg.de/r32260 (дата обращения 23.03.2017).

²⁷ Санкт-Петербург: 300 лет истории. С. 375–377.

²⁸ Петроградский курьер. 1915. 15 марта.

²⁹ *Jahn H. F.* Op. cit. P. 137.

³⁰ Петроградский курьер. 1915. 20 марта.

³¹ *McKean R. B.* Op. cit. P. 345f.

³² Вечернее время. 1916. 5 янв.

³³ Там же. Цит. по: *Ivanova N.* Petrograd: First World War (1914–1918) // Cahiers Bruxellois – Brusselse Cahiers 2014/1E (XLVI). P. 165–166.

³⁴ *Hasegawa T.* Op. cit. P. 91–103.

³⁵ *Ivanova N.* Op. cit. P. 164.

³⁶ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 132–133.

³⁷ Вечернее время. 1916. 1 янв.

³⁸ Там же. 16 и 18 янв. О мобилизации общества в целом: *Sanborn J.* Imperial apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian Empire. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2015. P. 143–169.

³⁹ *Hasegawa T.* Op. cit. P. 74.

⁴⁰ *Lieven D.* The Collapse of the Tsarsit and the Soviet Empires in Comparative Perspective // The Decline of Empires / E. Brix (hg. u. a.) Wien; München, 2001, P. 103.

⁴¹ Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 3: Военные действия на сухопутных театрах войны [1916–1918 годы] / под общ. ред. С. К. Шойгу. М., 2015. С. 117–143.

⁴² *Булдаков В. Н., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию в России. М., 2015. С. 398 и сл.

⁴³ *Bohn T. M.* “Dummheit oder Verrat” – Gab Miljukov am 1. November 1916 das “Sturmsignal” zur Februarrevolution? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 41. H. 3 (1993). S. 361–393; *Gaida F. A.* Miliūkov, Pavel Nikolaevich // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson (eds.). Berlin: Freie Univ. Berlin, 2014-10-08. DOI: http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.10191 (дата обращения 23.03.17).

⁴⁴ *Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П.* Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 178–195; *Moritz V.* “Es ist genug Blut geflossen”: Die Nacht des Kirpitschnikow und die Russische Revolution // V. Moritz, H. Leidiniger. Die Nacht des Kirpitschnikov: Eine andere Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2008. S. 137–149.

⁴⁵ *Булдаков В. Н., Леонтьева Т. Г.* Указ. соч. С. 443–448.

⁴⁶ Цит. по: *The Russische Revolution 1917: Von der Abdankung des Zaren bis zum Staatsstreich der Bolschewiki* / M. Hellmann (hg.). München 6. Aufl. 1987. S. 122f (Красный архив: исторический журнал. Т. 21. С. 6 и сл.).

⁴⁷ Обмен телеграммами между Петроградом и Псковом и манифест об отречении см.: Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1927. С. 219–242.

⁴⁸ *Hildermeier M.* Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt/M, 1989. S. 138f.

⁴⁹ *Набоков В. Д.* Указ. соч. С. 14–15.

- ⁵⁰ Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 3. С. 598–602.
- ⁵¹ *Suchanov N.N.* The Russian Revolution 1917: A Personal Record / J. Carmichael (ed.). Princeton Univ. Press, 1984. P. 269–292.
- ⁵² *Hildermeier M.* Op. cit. S. 174–179.
- ⁵³ *Rabinowitch A.* Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington; London, 1968.
- ⁵⁴ *Munck J.L.* The Kornilov Revolt: A critical examination of sources and research. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1987.
- ⁵⁵ *Булдаков В. Н., Леонтьева Т. Г.* Указ. соч. С. 598–602.
- ⁵⁶ *Троцкий Л. Д.* Доклад на экстренном заседании Петроградского совета о деятельности ВРК // Известия ЦИК. 1917. 25 окт. (№ 206).
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Rabinowitch A.* Die Sowjetmacht: Die Revolution der Bolschewiki 1917. Essen Mehring-Verl., 2012. S. 401–445.
- ⁵⁸ *Hildermeier M.* Op. cit. S. 238–240.
- ⁵⁹ Объявление Военно-революционного комитета, 29 окт. 1917 г. (Красный архив: исторический журнал. Т. 53. С. 43).
- ⁶⁰ *Röttger J.* Der Feiertag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution // Erinnern mit Hindernissen: Osteuropäische Gedenktage und Jubiläen im 20. und zu Beginn des 21. Jahrhunderts / R. Jaworski, J. Kusber (hgg.). Berlin, 2011. S. 30–43.
- ⁶¹ Подробно: *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des “Einen und unteilbaren Rußland”: Die Petrograder Front des russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.
- ⁶² *Smith D.* Der letzte Tanz: Der Untergang der russischen Aristokratie. Frankfurt/M.: S. Fischer, 2014. S. 177.
- ⁶³ *Obertreis J.* Wohnen im Leningrad der zwanziger Jahre aus kultur- und alltagsgeschichtlicher Sicht: Der Machtkampf zwischen Haupt- und Untermietern // Kultur in der Geschichte Russlands / B. Pietrow-Ennker (hg.). Göttingen, 2007. S. 247–264.
- ⁶⁴ *Baberowski J.* Der rote Terror. München: DVA, 2003. S. 39f.; *McAuley M.* Bread and justice: state and society in Petrograd 1917–1922. Oxford: Clarendon, 1991. P. 375–395.
- ⁶⁵ Пайпс пишет о хлебных пайках по 60 грамм [Так???) в день на взрослого в апреле 1918 г.: *Pipes R.* Die Russische Revolution. Bd. 2: Die Macht der Bolschewiki. Berlin, 1992. S. 643.
- ⁶⁶ Хожение по мукам. Книга 2: Восемнадцатый год (1928).
- ⁶⁷ *Kusber J.* Kleine Geschichte St. Petersburgs. S. 127.
- ⁶⁸ *Figes O.* A People’s Tragedy: Russian Revolution 1891–1924. 1996. P. 803.
- ⁶⁹ См. об этом: *Mawdsley E.* The Baltic Fleet and the Kronstadt Mutiny // Soviet Studies 24.4 (1973). P. 506–521.
- ⁷⁰ Ленин и Троцкий говорили о белогвардейском эсеровском заговоре при поддержке французских спецслужб // Правда. 1921. 3 марта.
- ⁷¹ За что мы боремся? // Известия ВРК г. Кронштадта. 1921. 7 марта (№ 5).
- ⁷² *Kusber J.* Kleine Geschichte St. Petersburgs. S. 129f.
- ⁷³ *Pipes R.* Die Russische Revolution. Bd. 3: Rußland unter dem neuen Regime. Berlin, 1993. S. 619f.
- ⁷⁴ Правда. 1924. 24 янв.
- ⁷⁵ *Романова Н. М.* Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. СПб, 2013. С. 414–420.
- ⁷⁶ *Kusber J.* Konkurrierende Plätze in Sankt Petersburg. S. 137.

Игорь Нарский

«Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22)

«**Н**аши улицы превращены в форменные помойные или выгребные ямы. Обыватели уфимских домов разучились, пожалуй, даже ходить так называемыми черными ходами. Выметенный ли сор, слитые ли помои, выеденную от яйца скорлупу и тому подобные лоскутки и объедки они смело и безнаказанно выносят в парадные двери и выливают в соседнюю с тротуаром канаву, рассчитывая на бесплатное санитарное действие дождевой воды. Даже еще проще бывает, сплошь да рядом все это просто летит из окна, попадая подчас прямо на головы проходящих.

В результате вышеизложенного уличные канавы до того изгажены и загружены без всякой периодической чистки, что мостики совершенно закупорились и бурлящей дождевой воде приходится размывать без того разбитые тротуары. Особенно это выявляется на улице Чернышевской. На этой улице вместо прежних водосточных канав и мостиков — следы свиного постоя. Ко всему этому необходимо еще прибавить целое кладбище собачьих, кошачьих да

© Игорь Нарский, 2017

Игорь Нарский — профессор Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета, Челябинск.

крысиных трупов — и вот вам полная картина санитарного состояния нашего города»¹.

Зимой зловонные кучи превращались в ледяные горы, передвигаясь по которым уфимские обыватели рисковали переломать себе кости: «Хождение по тротуарам даже центральных улиц нашего города, не только ночью, но и днем даже, становится небезопасным. После снежных метелей образовавшиеся большие заставы в некоторых улицах совершенно закрыли проходы. Укатавшиеся, а местами обледенелые мостовые с глубокими ухабами и высокими снеговыми буграми не только не очищаются, а даже не посыпаются песком или золой»².

Приведенные зарисовки облика городских улиц, опубликованные в официальном органе Уфимского губернского комитета РКП(б), описывают состояние одного из губернских центров Южного Урала, города Уфы, ближе к концу рассматриваемого периода — осенью 1920 и весной 1921 г. Они лаконично фиксируют то, что, на мой взгляд, составляет quintessence стремительных перемен, произошедших с городами Урала с 1914 по 1921 г. — беспрецедентную разруху городского быта, по иронии судьбы застигнувшую страну, охваченную пафосом революционных перемен. Вместо обещанных новыми правителями в скором будущем свободы, справедливости, прогресса и материального благополучия, которых ожидали бывшие подданные российской короны, последним пришлось пережить насилие, унижения, страхи и нищету. По сути дела, незавершенный проект модернизации, начатый в императорской России, был прерван, и страна стала стремительно дрейфовать в противоположную сторону — в досовременное общество с присущей ему скудостью политических и материальных ресурсов. В том числе и на Урале — в регионе, который в рассматриваемый период побывал и тыловым, лежащим в нескольких тысячах верст от полей сражений мировой войны, и эпицентром боевых действий войны гражданской.

Анализ процессов, которыми была отмечена жизнь городов Урала в годы Первой мировой и Гражданской войн, необходимо предварить несколькими замечаниями, расшифровывающими название данного текста. Под уральскими городами в дальнейшем будут подразумеваться четыре губернских и тридцать уездных центров так называемого Большого Урала в границах 1914 г., который накануне войны объединял четыре губернии — Вятскую, Пермскую,

Первомайская демонстрация 1917 г. в Златоусте Уфимской губернии

Оренбургскую и Уфимскую. К 1922 г. Урал, вернее, вновь образованная Уральская область уменьшилась и потеснилась на северо-восток, потеряв значительную часть Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний, три губернских столицы и половину уездов. При этом уездные Екатеринбург и Челябинск приобрели губернский статус, а Екатеринбург, кроме того, стал общеуральской столицей. Тем не менее в целях более пластичного изложения в дальнейшем будет привлекаться источниковый материал за 1918–1921/22 гг. и о тех населенных пунктах, которые более не значились на административной карте Урала, как, например, Уфа 1920–1921 гг., улицы которой описывались выше.

Под «семилетней войной» подразумевается период 1914–1921 гг. — время Первой мировой и Гражданской войн, — который на Урале завершился беспрецедентным голодом 1921–1922 гг., положившим конец массовым вооруженным возмущениям уральских крестьян и казаков русского и нерусского происхождения. Метафора «семилетней войны», сконструированная по типу «31-летней войны» (1914–1945) Э. Хобсбаума и «второй тридцатилетней войны» Х.-У. Велера³, призвана отразить тот факт, что уральцы

воспринимали весь период с начала мировой войны и до начала выхода из голода в 1922 г. как единый военный период, апогей которого пришелся на 1918–1921 гг. Подобное восприятие современниками тех лет обеспечивалось тем, что они для рядового населения были наполнены все более трудными поисками пропитания, на фоне которых «великие события» сливались в неразличимую массу⁴.

Концепт «ускоренных (или уплотненных) перемен» использован создателями сборника «Города в Восточной Европе: К проблематике модернизации и пространства от позднего Средневековья до XX века» Бианкой Пьетров-Энкер и Карстенем Герке. Издатели сборника, в свою очередь, инструментализировали концепции модернизации Рихарда Мюнха, Ганса ван дер Лоо и Вилема ван Рейена⁵, отличающиеся от классических представлений о модернизации как универсальном, необратимом и европоцентричном процессе XIX–XX вв. акцентированием ключевой роли культуры, разнообразия, взаимовлияний и обратимости многовековой трансформации. Нидерландские социологи ван дер Лоо и ван Рейен предложили определение модернизации как комплекса взаимодействующих структурных, культурных, психических и физических перемен, связанных, соответственно, с такими измерениями, как структуры, культура, личность и природа. Этим измерениям соответствуют четыре процесса: структурам — дифференциация, культуре — рационализация, личности — индивидуализация, природе — доместикация. «Под дифференциацией подразумевается развитие структурного многообразия, которое происходит, например, в контексте развития рыночных отношений, отделения города от деревни, поступательного разделения труда, урбанизации, а также появления новых форм общественной и государственной солидарности и организации в противовес традиционным объединениям и институтам. Дифференциация включает, помимо прочего, развитие городской буржуазии, а также формирование общественности как отделенной от государства дискурсивной общности. Рационализация одновременно включает культурное измерение структурной дифференциации, которая помимо прочего охватывает появление новых мировоззрений, норм и символов, нацеленных на „расколдовывание“ действительности ради овладения ею. Деньги и время, развитие наук, отделение светской власти от духовной, кодификация права, реформация, просвещение и вера в прогресс — вот элементы этого измерения модернизации. Контроль над

природой касается отдельного человека, коллектива и окружающей среды. Измерение „индивидуализация“ как психический компонент модернизации нацелено на изменение идентичности, на процесс цивилизации, в центре которого стоит самоконтроль человека в большом и малом, от планирования жизни до контроля над аффектами... Доместикация как физический компонент модернизации указывает на растущее овладение природой со стороны человека, вплоть до технологических революций XIX и XX веков, а также овладение человеческим телом и окружающей средой в контексте новых властных отношений — с помощью труда, образования, социальных сетей и политики»⁶.

«Ускоренные перемены» в городах Урала, конечно, трудно квалифицировать как проявления модернизации. Но что же тогда в городах происходило? Ниже я попробую применить предложенную теоретическую матрицу, чтобы, во-первых, идентифицировать процессы, проходившие в 1914–1921/22 гг. в городах Урала, в категориях «мягкой» концепции модернизации. Во-вторых, чтобы упорядочить материал по намеченным выше компонентам, сигнализирующим наличие модернизации.

Структурная дифференциация?

Весной 1919 г. главный начальник Уральского края С.С. Постников — высокий гражданский чин с полномочиями генерал-губернатора и резиденцией в Екатеринбурге — подал в отставку, изложив ее мотивы в пространном письме в колчаковский Совет министров в Омске⁷. На первое место среди объяснений своей добровольной отставки он поставил произвол военных властей: «С восстановлением ст. 91 Устава о полевом управлении войск военные власти, от самых старших до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, миную гражданскую непосредственную власть. *Незакономерность действий, расправы без суда, порка даже женщин, смерть арестованных „при побеге“* (выделено в оригинале. — И. Н.), аресты по доносам, передание гражданских дел военным властям, преследование по клевам и проидам, когда это проявляется на гражданском населении, — начальник края может только быть свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности

военного, виновного в перечисленном, а гражданских лиц сажают в тюрьму по одному наговору. Уполномоченный по охране действует независимо от начальника края. То же и военный контроль»⁸.

Подводя черту под многочисленными проблемами, справиться с которыми ему не представлялось возможным, С. С. Постников констатировал: «Руководить краем голодным, удерживаемом в скрытом спокойствии штыками — не могу. Не могу удержать промышленность в таких условиях здесь, при бездействии министерства торговли и промышленности в Омске. Не могу бороться с военной диктатурой. Не могу изменить порядок хода дел в Омске: для того не призван и не компетентен»⁹. Постников сетовал, помимо прочего, на свою зависимость от командующего Сибирской армией Р. Гайды, на ограниченность прав местной администрации, на нищету земских учреждений.

Этот казус может, на мой взгляд, лаконично проиллюстрировать одну из центральных проблем, которые переживали города Урала после начала Первой мировой войны, со стремительным нарастанием — с 1917 г. Проблема эта состояла в коллапсе управления: в появлении часто сменявших друг друга бесчисленных государственных, общественных и квазигосударственных, гражданских и военных институций с неясными, сходными и пересекающимися полномочиями, дефицитом авторитета и материальных ресурсов; в торжестве военных и чрезвычайных органов над гражданскими учреждениями; в компенсации слабости административных органов применением насилия в отношении стремительно бедневшего, перепуганного и запутавшегося в происходящем населения.

Одним из ключевых моментов в хаосе власти стал слом в январе — марте 1918 г. прежних земских и муниципальных структур, который нарушил всякую преемственность в осуществлении власти. Попытки сменивших большевиков «белых» режимов между летом 1918 и 1919 г. реанимировать органы самоуправления были малоуспешными по причине нехватки ресурсов. Так, осенью 1918 г. одна из оренбургских газет с тревогой отмечала: «Городские самоуправления и земства бьются, как рыба об лед, в тисках общероссийской экономической разрухи, с каждым днем приближаясь к финансовому краху. Они уже банкроты. Им уже нечем содержать школы и больницы, нечем платить жалование служащим. Иногда их касса затрудняется оплатой ордера в 200 рублей»¹⁰.

Оборотной стороной кризиса структур управления был распад общественности, зарождавшейся в поздней Российской империи, — гибель многопартийности, деградация и огосударствление политической печати и общественных организаций, — а также эскалация преступности, самосуда и других форм насилия снизу. Все это, равно как и распад рынка, нарушение связей города с деревней, крах денежных отношений, развал промышленности и другие проявления структурной деградации, отчасти связанные с хаосом управления, отчасти имеющие собственную логику, в данном тексте по причине ограничения объема останутся за кадром.

Общая ситуация в уральских городах в рассматриваемый период отличалась следующими особенностями. Во-первых, городское население Урала было немногочисленно. Между концом XIX в. и кануном Первой мировой войны оно составляло от пяти до шести процентов населения региона. Во-вторых, в отличие от столиц и двадцати четырех губерний России, в которых проводились переписи 1920 и 1923 гг., численность горожан Урала неспешно, но поступательно росла за счет беженцев и гарнизонных частей. За два года войны она выросла на 132 тыс. жителей, или на треть, и накануне революции составляла восемь процентов — от 4,5% в преимущественно крестьянской, великорусской и православной Вятской губернии до почти 14% в торговой Оренбургской с высоким удельным весом мусульманского татаро-башкирского населения¹¹. Затем численность населения губернских и уездных центров до 1920 г. стабилизировалась или несколько сократилась. Исключение составляет Екатеринбург, новая столица Урала, население которого с 1914 по 1920 г. выросло на 60%¹². Последовавший в 1921–1922 гг. рост удельного веса городских жителей на Урале не имел ничего общего с классической урбанизацией и был прямым следствием массового голода. Городское население не росло — однако от пятой до третьей части жителей на Урале потеряла сельская местность¹³.

В-третьих, отдельные уральские города стали жертвой многочисленных смен власти, когда Урал оказался в эпицентре Гражданской войны. Здравый смысл подсказывает, что частотность смены власти может использоваться в качестве важного количественного показателя уровня хаоса управления и бедствий населения. В свое время, используя данные исследований и справочной литературы о переходе власти из рук в руки в 46 губернских и областных центрах

европейской части Российской империи (за исключением территорий, которые в ходе боевых действий к 1917 г. были оккупированы противником), я составил примерную карту-схему частотности смены власти в России во время революции и Гражданской войны. К сожалению, в опубликованном виде она по техническим причинам оказалась нечитаемой¹⁴. Тем не менее описание материалов к неудавшейся карте позволяет очертить зоны различной степени бедствий и, что особенно важно, «вписать» Урал в общероссийский контекст. Обнаруживаются как минимум три зоны, в которых частотность смены власти принципиально различалась. Примерно половина губернских центров на протяжении 1914–1920 гг. испытала смену правителей лишь дважды — весной и осенью 1917 г. Реже она происходила трижды, если переход к «диктатуре пролетариата» осуществлялся через относительно длительное пребывание у руля власти промежуточных структур, оставшихся верными свергнутому Временному правительству, или советских властных структур, которые выступили после большевистского восстания в Петрограде в конце октября 1917 г. с лозунгом «однородного социалистического правительства» и представляли собой компромисс местных большевиков с другими социалистами¹⁵. Такая модель смены власти была характерна для губернских городов Центральной и Северо-Западной России, части Поволжья, Русского Севера. Во второй зоне переходы власти осуществлялись от четырех до семи раз, половина которых чаще приходилась на 1918–1919 гг., реже захватывали 1920 г. По такой схеме события развивались в 15 губернских городах европейской части России, население которых в 1918 г. испытало приход белых в различных обличьях. Это было характерно для граничащих с Украиной великорусских губерний, большей части Новороссии, ряда губерний Поволжья и Урала. Наконец, третья зона отличалась наиболее частой сменой власти — от 8 до 14 раз. Она охватывала девять губерний: почти всю Украину и западный кусок Новороссии — регион, в котором переплелись интересы Советов, оккупационных властей Германии, украинских националистов, казачьей и крестьянской вольницы. Следствием сложной расстановки сил стали сменявшие друг друга волны «освободителей».

Для Урала были характерны первая и вторая модели частотности смен власти. Вятка, где власть удерживалась большевиками с конца 1917 г., типологически относится к первой из них, Пермь и Оренбург — ко второй. Уфа, где власть сменялась семь раз, типологически

Парад Оренбургского полка им. С. Разина в Троицке Оренбургской губернии. 1919 г.

близка к третьей. Местный национализм был здесь важной политической картой: поборники автономии Башкирии среди местной элиты несколько раз меняли ставку на союзника, содействуя падению то красных, то белых правителей в городе и регионе. Однако иностранной интервенции здесь не было. Многочисленные переходы власти создавали ситуацию анархии, нарушали привычный быт, дестабилизировали снабжение, дезориентировали население. Другими словами, политические, хозяйственные, социальные и культурные структуры в уральских городах переживали не дифференциацию, а слом, многообразие оборачивалось хаосом, многовластие — безвластием.

Культурная рационализация?

«Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры», — писал по горячим следам ее очевидец Н. А. Бердяев¹⁶. Война и революция сломали не только старые институты власти. Они разметали устоявшиеся культурные ориентиры, обесмыслили привычные нормы поведения. В условиях стремительного распада прежнего порядка, падения авторитета власти и сбоя в распространении официальной информации осмысление происходящего давалось населению с трудом, зияя информационными лакунами.

Осенью 1917 г. по всей стране, в том числе и на Урале прошли массовые разгромы городских винных складов, накопивших за три года действия сухого закона огромные запасы спиртного. Активными участниками этих акций были гарнизонные или возвращавшиеся с фронта солдаты. Вслед за осуждением их действий согражданами участники разгромов сами нашли объяснения своих действий — именно те, которых от них ждали охваченные революционным пафосом интеллигенты. Так, в одном из уездных городов Пермской губернии «...солдаты сами рассказывали, что они темные, политически невоспитанные, в разгроме магазинов видели борьбу с буржуями, а в разгроме винных и пивных складов — законное вознаграждение за пережитые годы войны и лишения»¹⁷.

Годом позже, оказавшись под властью антибольшевистского режима, уральские горожане вновь вернулись к дореволюционной патриотической лексике. Так, прошение златоустовских рабочих на имя местного горного начальника от 14 ноября 1918 г. о сохранении старой, более высокой тарифной сетки оплаты труда особо подчеркивало лояльность, патриотизм и исключительную жертвенность рабочих уездного Златоуста: «Мы продолжаем стоять на государственной точке зрения, в силу которой рабочий класс должен приносить на алтарь отечества те жертвы, которые никогда не приносили и не приносят другие классы»¹⁸.

Приведенные примеры показывают, что, изо всех сил пытаясь приспособиться к неясной действительности, городской житель прислушивался к мнению официальных инстанций. Ведь придание смысла происходящему для ориентации в окружающем — одна из важнейших функций культуры — становилось вопросом жизни и смерти в буквальном смысле этого слова. Никто из горожан не знал, как отзовется неосторожно оброненное слово, чем закончится выход на улицу и что готовит завтрашний день. В годы революции в решении проблем осмысления действительности и ориентирования в ней были кровно заинтересованы и противоборствовавшие режимы, и не понимавшее смысла происходящего население.

Новоиспеченные правящие режимы были в наибольшей степени заинтересованы в рационализации и легитимации своих действий, в том числе применения жестокости, компенсирующей собственную слабость, что, как правило, осуществлялось за счет снятия с себя ответственности и вытеснения непонятного, чужого и страшного в поле

действий противника. Во многих газетах на «красных» и «белых» территориях в 1918 г. появились рубрики о жизни за пределами территории, контролируемой режимом, — «Там, где нет советской власти», «В умирающей Совдепии», «В Колчакии», «В Большевизии», «История одного преступления» и т. д., — насыщенные информацией о зверствах врагов.

Несмотря на хорошо документированное в источниках недовольство всеми сменявшими друг друга режимами, уральское население то пыталось найти с ними общий язык и объясниться, то «подыгрывало» им. В обоих случаях целью было понять смысл происходящего и обезопасить себя, чтобы избежать роли жертвы в будущем. Горожане, которые, по сравнению с сельскими жителями, гораздо чаще контактировали с очередными правителями, вероятно, быстрее овладели стилистикой различных политических порядков и умело пользовались ею для решения своих проблем. По окончании же Гражданской войны уральское население и города, и деревни активно пользовалось классовым клише большевистской пропаганды, заявляя, что в Советы и компартию прокрались контрреволюционеры и бывшие белогвардейцы¹⁹.

Предлагавшиеся властями образцы толкования действительности уральцы умело комбинировали с другими, отчасти простонародными способами нейтрализации непонятного и потому пугающего. Среди интерпретационных инструментов встречаются религиозные, апокалипсические трактовки происходящего, а также светские слухи, которые позволяли найти лаконичные альтернативные объяснения, предупреждали об угрозе, объединяли, вселяли надежду на скорое падение ненавистной власти и нередко провоцировали на неповиновение или открытую борьбу с ней²⁰.

Итак, уральские горожане в 1914–1921 гг. были весьма заинтересованы в объяснении текущих событий, в том, чтобы «расколдовать» действительность и овладеть ею — то есть в «культурной рационализации». Однако среди инструментов «рационализации» весомую роль играли домодерные, иррациональные практики — устное слово вместо утраченного доверие письменного, вера вместо знания, народно-религиозные образцы толкования вместо интеллигентско-светских. Многие свидетельствуют в пользу тезиса, согласно которому «культурная рационализация» проходила в рамках иррациональных, досовременных традиций, скорее приближая уральских горожан к доиндустриальному обществу, чем порывая с ним.

Психологическая индивидуализация?

Накануне революции 1917 г. одна из челябинских корреспонденций под заглавием «Родные картинки», обобщая материалы русской прессы, так живописала настроение улицы: «Присмотритесь к улице нашего дня, и вам станет жутко. У нее хищное, злобное лицо. В каждом обыденном практическом движении человека из толпы — кто бы он ни был — вы увидите напряженный инстинкт зверя. Никогда еще закон борьбы за существование не имел столь обильных и ярких проявлений в человеческом обществе.

Присмотритесь к этим мелким движениям нынешнего „человека и гражданина“.

В большом городе, например, когда вы пытаетесь сесть теперь в вагон трамвая, вас безжалостно могут сбросить под вагон другие, желающие занять ваше место. Судя по газетной хронике, теперь нередки случаи гибели детей — учащихся, сброшенных под колеса толпой. Тот, кому нужно сесть в вагон, борется с другими, кому тоже нужно сесть, не на живот, а на смерть, с энергией и ожесточением зверя. В десятках других мелких примеров, в которых сказываются элементы, образующие будни жизни, вы можете увидеть это небывалое пренебрежение человека к человеку, феноменальный, жестокий эгоизм личности.

В хвостах у лавок бывали случаи, когда, поспорив из-за очереди, один разбивал другому голову бутылкой... Смерть, убийство из-за того, чтобы добыть себе кусок мяса, которое мог бы захватить сосед. Чем это не грызня волков из-за добычи?! < ... > из этих мелочей, а не из высоких вопросов складывается обывательский день. И в этих мелочах видна бескрайняя, преступная и не имеющая оправдания жестокая тупость человека к человеку и оголенный разнузданный звериный эгоизм.

Никогда еще так легко не третировали, не ругали, не лезли в драку из-за вздора, как теперь!

< ... > миллионы ненужных терзаний со дня на день ожесточают обывателя, бессмысленно тонущего в грязи, изнашиваемого в хвостах, стиснутого до обморока в вагоне, ругаемого приказчиком, извозчиком, всяким встречным и, в свою очередь, теряющего культурный облик и готового изругать весь мир, ударить женщину, столкнуть с дороги ребенка...»²¹

Эскалирующая жестокость как доминирующий образец индивидуального и группового поведения проходит красной нитью через весь рассматриваемый период, однако в 1917 г. в ее восприятии историческими акторами происходит качественная перемена. До весны 1917 г. брутализация поведения на улице описывается как опасная общая тенденция, без конкретных примеров, преимущественно в форме слухов, артикулирующих страхи перед будущим, как в приведенной выше цитате. С весны 1917 г., в связи с ростом преступности вследствие начавшегося хаоса управления, очищения тюрем от уголовников, отмены полиции, нагнетания продовольственных проблем и понижения уровня и качества жизни населения, прошлые страхи стали восприниматься как оправдавшиеся, а проявления массовизирующейся повседневной жестокости начали описываться в частных историях и на конкретных примерах.

Предельного накала массовая склонность к насилию достигла всего через несколько месяцев после начала революции, взорвавшись пиришеством упомянутых выше пьяных погромов осенью 1917 г. В них без труда читается существенная перемена в поведении, природа которой корректно описывается теорией «процесса цивилизации» Норберта Элиаса. Переменчивость и ненадежность жизни резко сокращали возможности человека планировать и прогнозировать свою жизнь, заставляя все более полагаться на удачу. В этой связи демонстрация удачливости, готовности к риску, показное молодечество становились неотъемлемым атрибутом повседневного поведения. Бессмысленное, на первый взгляд, геройство было исполнено смысла: способность любой ценой схватить за хвост удачу была равноценна способности выжить во враждебной среде. Во время пьяного разгула последних месяцев 1917 г. свидетели неоднократно отмечали пренебрежение его участников к риску. Очевидец погрома в Оренбурге в декабре 1917 г. оставил яркое свидетельство этого настроения среди охотников за дорогими напитками в горящем складе: «Выходящие из здания хвалились своим геройством: вот-де, мол, я какие трудности преодолел, но вина все-таки достал. Трудности заключались в следующем: подвал, где находилось вино в бутылках, был охвачен огнем, внутренность подвала также была в огне, и вот, говорит, мне приходилось прыгать через огонь и чуть не задохнуться в дыму, все вытерпел.

Подвал мог вот-вот обрушиться и завалить людей, но посетителей, жаждущих вина, это не утрашало: они продолжали пробираться в подвал и наполнять свои карманы и мешки»²².

Изменение внешних условий существования «перенастраивало» человеческую психику и модели поведения. Закономерности новой «отладки» поведенческих кодов российского населения в те годы соответствовали наблюдениям Н. Элиаса за историей овладения европейцами собственными аффектами: «...общества без стабильной монополии на насилие одновременно всегда являются такими обществами, в которых разделение функций относительно ограничено и цепочки действий, связывающие отдельного человека, довольно коротки. И наоборот: общества с более стабильными властными монополиями... — это общества, в которых разделение функций более или менее хорошо развито, в которых цепочки действий, связывающие отдельного человека, длиннее и функциональная зависимость человека от других людей сильнее. Здесь человек в целом защищен от внезапного нападения, от неожиданного вмешательства физической жизни в его жизнь; но одновременно он и сам вынужден сдерживать выплески собственных страстей, возбуждение, которое толкает его к нападению на другого. < ... > Удержание спонтанного возбуждения, сдерживание аффектов, расширение горизонта мысли за пределы сиюминутности, в последовательность прошедших причин и будущих последствий — это различные аспекты того же изменения поведения, которое неизбежно происходит одновременно с монополизацией физического насилия, с удлинением цепи последовательных действий и взаимозависимостей в общественной сфере. Это и есть изменение поведения в смысле „цивилизации“»²³.

Многое свидетельствует о том, что этот процесс в уральских городах в 1914–1921 гг., особенно с 1917 г., пошел в прямо противоположном направлении. Ослабление власти и обостренное чувство незащищенности обернулись нагнетанием аффектов в поведении населения. Самочинные уличные расправы разъяренной толпы над уличными или предполагаемыми преступниками, единичные до 1917 г. и ставшие рутиной во время революции; насильственные переделы собственности посетителями (черных) рынков и томящимися в продовольственных «хвостах» женщинами, стихийные погромы складов в поисках утаенных товаров, надежда на авось в условиях невозможности планировать жизнь — все это не позволяет описать перенастройку психики уральских горожан в категориях психологической индивидуализации.

Однако и о тотальной атомизации общества говорить вряд ли уместно. Применение немотивированного насилия, коллективное неумеренное пьянство, иррациональное молодечество могли выступать своего рода эрзацем утраченных институтов солидаризации, создавая иллюзию общности и определяя границу между «своими» и «чужими».

Доместикация человеческой среды?

«Колоссальные размеры бедствий, причиненных войной народному здоровью и санитарному состоянию страны, не могут быть целиком учтены сейчас имеющимися данными. Тяжкие последствия катастрофы будут изживаться возрождающейся страной еще в течение десятков лет»²⁴, — констатировали российские гигиенисты в конце 1920-х гг., оглядываясь на годы Первой мировой и Гражданской войн. Буйство эпидемий в те годы в России — лишь один из показателей того, как человеческая среда вышла из-под контроля исторических акторов. Другим — не менее красноречивым — свидетельством запустения человеческой среды обитания в городах Урала являлось упоминавшееся в начале антисанитарное состояние городов. Не менее характерной городской проблемой, свидетельствовавшей об архаизации городской среды, было массовое недоедание. В городах оно развивалось по иной схеме, чем в сельской местности. Уральские крестьяне и станичные казаки до и после массового голода 1921–1922 гг. питались значительно обильнее горожан, но стали главными жертвами голодомора. Уральские горожане стали ощущать недоедание как пугающую тенденцию накануне революции, а как реальную повседневную проблему — зимой 1917/18 г. С этого времени в рутину превратились задержки товаров по продовольственным карточкам. Люди привыкли к многочасовым, в том числе ночным «хвостам» за продуктами, в стоянии за которыми участвовали все члены семьи, включая малых детей. Горожане вынуждены были по крестьянскому образцу переходить на более грубую и однообразную, менее калорийную пищу; мясо и рыбу заменять горохом, а хлеб — картофелем. В городах становился все более востребованным крестьянский опыт заготовки продуктов впрок, приготовление пищи по крестьянской рецептуре, использование пищевых суррогатов. Вместе с тем недоедание горожан в 1921–1922 гг. не перешло в фазу затяжного голода, как это случилось в деревне.

Поскольку и антисанитария, и голод являются обстоятельствами, напрямую связанными с эпидемическими заболеваниями, эпидемии могут рассматриваться в данном случае как ключевая иллюстрация деградации среды обитания горожан.

За рассматриваемый период в России (без учета фронта мировой войны) от эпидемических заболеваний умерло порядка 3 млн чел. — столько же, сколько на полях сражений Гражданской войны и в полтора раза больше, чем в Первой мировой войне²⁵. Эпидемии, для которых российские города и до революции были родным домом, в период революционно-военных катаклизмов превратились в настоящее бедствие. Невиданный размах этого сложного социально-биологического явления в охваченной революцией стране объясняется резким ухудшением условий существования, дававших зеленый свет механизмам передачи заразных болезней. Основные пути их распространения — водный, пищевой и контактно-бытовой — оказались открытыми для массовых вспышек многих заболеваний. В обстановке распада власти происходило разрушение и без того несовершенных систем водопровода и канализации. Ухудшались бактериологические показатели воды. Брала верх специфичная санитарная культура низших слоев населения, брошенных войной и революцией в хаотичный миграционный процесс. Катастрофически ухудшалось материальное положение, что выражалось в изменении характера питания и снижении количества потребляемых витаминов, неблагоприятном эмоциональном фоне и высокой концентрации стрессовых ситуаций, топливном кризисе и разрушении жилищного фонда, нехватке одежды и обуви (что повышало шансы перегрева или переохлаждения)²⁶. Все эти условия, каждое из которых способствовало развитию эпидемических процессов, перемешались в военно-революционной России в гремучую смесь, то и дело взрывающуюся мощными вспышками заболеваний.

Благоприятная стартовая площадка для массовых эпидемий на Урале была подготовлена санитарным состоянием городов еще до революции. Так, в Вятке городской ассенизационный обоз накануне мировой войны едва ли мог вывозить десятую часть отходов. Преобладающая часть нечистот оставалась в городе, пропитывая почву. Вследствие подпора почвенных вод многие выгребные и поглощающие колодцы в сырое время года отдавали нечистоты обратно. Именно места с высоким стоянием почвенных вод в Вятке были отмечены в начале XX в. заболеваниями тифом и дизентерией. Аналогичной

Счастливые обладатели продовольствия. Челябинск, 1919

была ситуация в столице Пермской губернии, жители которой традиционно страдали от отсутствия современных канализации и водопровода. Из Уфы до начала Первой мировой войны вывозилась лишь $\frac{1}{14}$ -я часть нечистот. В Оренбурге, где канализация была построена в 1917–1918 гг. и находилась в первые годы в удовлетворительном состоянии, большие проблемы создавало санитарное состояние водопровода — одного из старейших в России (1831 г.). Водоснабжение города осуществлялось без очистных сооружений, ассенизационный обоз до революции не удовлетворял потребности, вследствие чего Оренбург переживал грандиозные холерные и тифозные эпидемии. Смертность в городе в 1910 г. (40 чел. на 1 тыс. жителей) почти на треть превышала соответствующий показатель Европейской России (31,4 чел.) и почти в два раза — Германии (22,1 чел.). Вода без отстоя и фильтрации попадала в город, вследствие чего прозрачность воды с апреля по ноябрь составляла от 0 до 15 см, а весной, во время половодья, вода приобретала цвет жидкого кофе. В ней содержались

продукты разложения органических веществ в количестве, обычном для сточных вод благоустроенных городов²⁷.

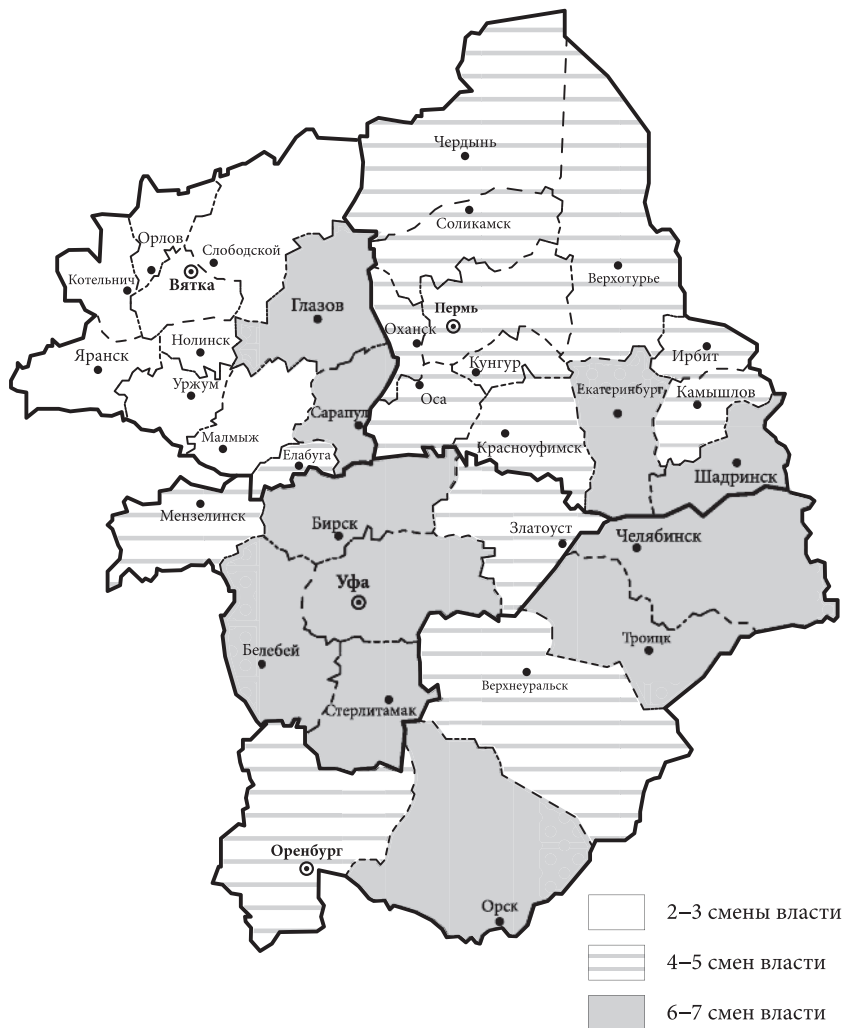
Революция 1917 г. оказалась трамплином в вопиющую антисанитарию, мимолетно описанную в начале этого текста: перестали вноситься налоги, чиститься улицы и выгребные ямы, ремонтироваться тротуары и водопровод, поддерживаться ассенизационное дело, больницы, школы и приюты. В 1918–1919 гг. уже стало ощутимо недоставать материальных средств и специалистов здравоохранения. Врачи забили тревогу²⁸. Эпидемиологическая ситуация вышла из-под контроля.

«Царем» эпидемий в 1914–1921 гг. в городах Урала стал тиф, в том числе сыпной, известный в народе как «голодный», «тюремный» и «вшивый». Эта болезнь распространяется всеми тремя путями передачи инфекционных заболеваний. В крупных городах Урала тиф поступательно развивался. Так, в Перми им в 1914 г. болело чуть более 500 горожан, в 1917 г. — более 1000, в 1920 г. — более 10 тыс., а в 1922 г. почти 20 тыс. городских жителей. В отдельных населенных пунктах тиф выкашивал до 10% жителей²⁹.

Массовые эпидемии, эпицентрами которых на Урале были города, достигли к 1922 г. степени пандемий и ураганно распространились по голодающим сельским местностям. Это свидетельствует о том, что среда обитания стала в крайней степени некомфортной и не только нормальная социальная жизнедеятельность, но и физическое выживание в ней становилось сомнительным. Физическое измерение «ускоренных перемен» в городах Урала может быть определено не как «приручение», а скорее как «одичание» окружающей среды.

Нельзя сказать, чтобы горожане в условиях беспомощности оскудевших институций, ранее отвечавших за поддержание среды обитания хотя бы на минимально приемлемом уровне, не попытались «приручить» «дикарку». Однако подобно тому как они пробовали «рационализировать» реальность с помощью иррациональных, с точки зрения современного общества, практик, они апеллировали к подручным средствам одоления голода и дезинфекции, позаимствованным из репертуара плебейской культуры — таким как приготовление суррогатов пищи и алкоголя или усердное потребление самодельного спиртного. Прыжок в современность обернулся для уральских горожан болезненным падением в домодерность.

Итак, мировая война и революция — драматичные приметы современности и радикальные инструменты модернизации — в уральских

Частота смены власти в губернских и уездных городах Урала в 1917–1919 гг.

Карта составлена И. В. Нарским на основе данных Большой сов. энциклопедии: в 65 т. + т. СССР. [1-е изд.]. М.: Сов. энцикл., 1926–1947 и Сов. ист. энциклопедии: в 16 т. М.: Сов. энцикл., 1961–1976. Пояснения о составлении и чтении карт см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. (Социальная история России XX века). С. 45–47, 574–575.

(и, видимо, не только) городах вызвали эффекты, прямо противоположные модернизации: вместо усложнения структур наметился их распад; «расколдовывание» действительности осуществлялось с привлечением иррациональных, «колдовских» средств; несостоявшаяся индивидуализация личности и утрата контроля над запустевшей средой обитания обернулись почти первобытными импровизациями на тему выживания.

Примечания

¹ Известия (Уфа). 1920. 11 сент. Цит. по: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 297.

² Известия (Уфа). 1921. 6 марта.

³ См.: *Hobsbawm E. J.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Michael Joseph, 1994; *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. München: C. H. Beck Verlag, 2003.

⁴ Об этом мне приходилось писать многократно. См., напр.: *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 434–442; *Narskij I.* Bürgerkrieg – zur Konstruktion eines Gründungsmythos im frühen Sowjetrußland (Ural 1917–1922) // N. Buschmann, D. Langewiesche (hgg.). Der Krieg in den Gründungsmythen europäischer Nationen und der USA. Frankfurt am Main / New York: Campus Verlag, 2003. S. 320–330; *Нарский И. В.* Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 394–412; *Narsky I.* First There Was Oblivion: Collective Remembrances of the First Years of Soviet Power in Russia in 1922 (Ural Study 1917–22) // J. W. Borejsza, K. Ziemer (eds.). Totalitarian and authoritarian Regimes in Europe. New York, Oxford: Berghahn Books, 2006. P. 525–540; *Нарский И. В.* Первая мировая и Гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1921 гг.) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / ред. К. Бриуш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 179–201.

⁵ Städte im östlichen Europa: Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom späten Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert / C. Goehrke, B. Pietrow-Ennker (hgg.). Zürich: Chronos Verlag, 2006. S. 7–29, 393–409.

⁶ *Ibid.* S. 12–13.

⁷ Подробнее см.: Колчаковщина на Урале (1918–1919). Свердловск: Отд-ние Урал. обл. совета профсоюзов, 1929. С. 85–87.

⁸ Цит. по: Там же. С. 85.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Рабочий день. 1918. 3 нояб.

¹¹ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 10: Вятская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внут. дел, 1904. С. I; Т. 28:

Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. I; Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. I; Т. 45: Уфимская губерния. Тетр. 1. СПб., 1901. С. I; Наш Урал. 1919. 2 февр.

¹² Уральский рабочий. 1920. 14 сент.

¹³ См.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. С. 122–125, 139–144.

¹⁴ См.: Там же. С. 45–47, 254–257.

¹⁵ Вероятно, модель троекратной смены власти в 1917 г. реализовывалась гораздо чаще, чем зафиксировано в литературе, которая на протяжении десятилетий умалчивала об эпизодах, не вписывающихся в образ «триумфального шествия советской власти».

¹⁶ *Бердяев Н. А.* Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. М.: Феникс: ХДС-пресс, 1991. С. 36.

¹⁷ Цит. по: *Попов Н. Н.* Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. С. 145.

¹⁸ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 3102. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

¹⁹ Подробнее см.: *Нарский И. В.* Конструирование мифа. С. 394–412.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Narskij I.* Volksfrömmigkeit und Kriegserfahrung im Ural (1917–1922) // D. Beugau (hg.). Der Krieg in religiösen und nationalen Deutungen der Neuzeit. Tübingen: Edition diskord, 2001. S. 165–188; *Нарский И. В.* Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалипсические слухи на Урале в годы революции и Гражданской войны // *Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории.* Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 231–255.

²¹ Челябинский листок. 1917. 11 янв.

²² Оренбургский казачий вестник. 1917. 20 дек.

²³ *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt/M: Surkamp, 1997. Bd. 2. S. 332–333.

²⁴ *Билиток В. И., Каминский Л. С.* Народное питание и народное здоровье. М.; Л., 1929. С. 86.

²⁵ См.: *Степанов А. И.* Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // *Революция и человек: социально-психологический аспект.* М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 203.

²⁶ Подробнее см.: *Эпидемиология.* М.: Медицина, 1993. С. 9–14, 130, 135, 261.

²⁷ Подробнее см.: *Нарский И. В.* Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // *Человек и война: (Война как явление культуры).* М.: АИРО XX, 2001. С. 238–265; *Его же:* Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России // *Родина.* 2001. № 11. С. 74–79.

²⁸ Так, весной 1919 г. медики Пермской губернии констатировали: «На губернском съезде врачей и представителей общественно-санитарных организаций выяснилось, что борьба с этими эпидемиями, к сожалению, не может вестись хоть сколько-нибудь планомерно за отсутствием как медицинского персонала, так и предметов больничного оборудования: медикаментов, белья, дезинфекционных средств и пр. Местные учреждения и больницы терпят крайнюю нужду во врачах и фельдшерах. Разные бараки переполнены больными, а теперь, когда наступила весна, явилась новая угроза — холера, очаги которой уже существовали осенью прошлого года». См.: По ту сторону Урала: (В царстве Колчака). Уфа, 1919. С. 36.

²⁹ Подробнее см.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. С. 128–139.

Карстен Брюггеманн

Города имперских и национальных утопий: транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924*

Введение

Ретроспективно историки часто конструируют логическую генеалогию произошедших событий, хотя разные подходы обычно создают отличающиеся нарративы. В случае Таллина (нем. *Reval*, рус. Ревель) и Риги (лат. *Rīga*) мы до сих пор сталкивались с историями побед и поражений, реализованных мечтаний и пошатнувшихся убеждений. Если мы признаем, хотя бы на секунду, этнические нарративы в качестве доминирующей формы того, как эти истории до сих пор преподносились, то согласно им в рассматриваемый период эстонцы и латыши добились своих национальных государств, в то время как бывшее господствующее меньшинство, балтийские немцы, полностью потеряли свои ведущие позиции как в администрации, так и в какой-то мере в экономической жизни. Многие из них покинули свою родину в результате радикальной аграрной реформы,

© Карстен Брюггеманн, 2017

Карстен Брюггеманн — профессор Таллинского университета.

* Это исследование было финансово поддержано Эстонским научным советом (проект IUT31-6).

проведенной в начале 1920-х. Русские, которые ранее представляли империю в столицах Эстляндии и Лифляндии, стали политически и социально разрозненным национальным меньшинством. В свою очередь, классовый нарратив предлагает историю большого потенциала балтийских рабочих и крестьян, который, как минимум на время, был разбит силами международного империализма.

Эти масштабные нарративы фокусируются исключительно на определенных группах людей. Однако на самом деле они не отражают многоголосье городского населения в таких городах, как Таллин и Рига. Полиэтничность была нормой во многих городских центрах Восточной Европы, и историки должны скорее признать это, вместо того чтобы рассматривать эти пространства комплексных межэтнических взаимоотношений через призму этнических категорий. Однако это не значит, что категория «нации» не играла никакой роли в Таллине и Риге начала XX в.¹ Современная историческая урбанистика сталкивается с историей сосуществования и переплетения различных этнических и социальных сред, которые принимали участие в городской жизни. Таким образом, военные и революционные годы в Таллине и Риге необходимо рассматривать как периоды нестабильности, в рамках которой почти непредсказуемые процессы изменений во власти предоставили этим средам постоянно меняющиеся права на легальное участие в городских делах, начиная с проблемы простого присутствия в городском пространстве и заканчивая вопросами политической власти. В свою очередь, транснациональный подход, который в теории (то есть ставя под сомнение бесспорное доминирование категории «нация» в аналитических схемах)² обладает потенциалом, позволяющим в большей мере отразить комплексные межкультурные отношения, на деле зависит от наличия источников, которые отразят все существующие в городах среды. Так как источники часто недоступны³, даже такой разносторонний подход страдает от определенных ограничений.

Сравнение Таллина и Риги уместно с различных точек зрения. В зависимости от подхода они могут в той или иной мере соответствовать общей для региона траектории городского развития или же полностью отличаться в плане этнического состава и экономического развития. Неожиданный и маловероятный исход войны и революции, а именно формирование национальных государств, только на первый взгляд создает видимость значительной схожести судьбы

этих городов. Если вернуться к 1914 г., то оба города в какой-то мере были обычными губернскими столицами Российской империи, несмотря на то что ганзейское прошлое с немецким доминированием и средневековой формой отличали их от других городов империи. Однако это культурное «западное» наследие делало их очень похожими друг на друга, во всяком случае с имперской точки зрения, в рамках которой различия между эстонцами и латышами, согласно мемуарам русского депутата из Риги, Серафима Петровича Мансырева, часто не были понятны даже членам Государственной думы⁴. Так как оба города были с этнической точки зрения нерусскими и по составу в большей (Рига) или меньшей (Таллин) степени полиэтничными, они обладали некоторыми поразительными чертами в контексте городов Российской империи, которые я опишу во вводной части этой статьи. Тем не менее, несмотря на то что, с точки зрения имперского центра, эти два города были трудноразличимы, особенно из-за их якобы «немецкого» характера, на самом деле они существенно отличались размером, распределением власти, культурной ситуацией и до 1914 г. Однако только во время войны их судьбы начали значительно отличаться из-за места прохождения фронта между немецкими и российскими войсками. Какое-то время складывалось ощущение, что их пути разойдутся навсегда, так как Рига стала прифронтовым городом уже в сентябре 1915 г. и была оккупирована германскими войсками двумя годами позднее. В свою очередь, Таллин попал под оккупацию только в феврале 1918 г. и, таким образом, непосредственно испытал на себе последствия Октябрьской революции. В то время как Рига прошла через семь разных режимов с 1917 по 1919 г., в Таллине их было «только» пять. В этой статье я буду неоднократно возвращаться к различному опыту военных лет.

На протяжении всей статьи я попытаюсь избежать хорошо известных этнических нарративов, хотя это и не так просто, так как до недавних пор бóльшая часть нашего знания поступала из работ с этническим уклоном⁵. Вместо этого я буду рассматривать то, что я бы назвал историческим потенциалом, созданным некоторыми моментами в период неоднократных изменений с 1914 по 1924 г. Таким образом, я попытаюсь показать открытость выбранных исторических ситуаций не в последнюю очередь для того, чтобы создать противовес хорошо разработанным национальным нарративам в Латвии и Эстонии, в которых некий «телеологический дух» ведет «нацию» к четко

представляемому окончательному решению национального вопроса, национальному государству — с Таллином и Ригой в качестве столиц.

Однако начнем с портрета двух городов в довоенные годы, вписывая их в контекст Российской империи. После краткого описания ситуации в августе 1914 г. я рассмотрю влияние войны, а затем проанализирую изменения, произошедшие в течение весны 1917 г., когда революционный хаос вторгся также и в балтийские города. Моим третьим моментом в истории будет немецкая оккупация, которая установилась в Риге летом 1917 г. и в Таллине весной 1918-го. Наконец, я рассмотрю два центральных момента в истории Латвийского и Эстонского государств (которые произошли в разные периоды). В 1919 г. в Латвии столкновения в рамках войны за независимость дважды перешли на улицы Риги. Можно согласиться с Марком Хэйтли, утверждая, что именно эти события на самом деле сделали Ригу по сути «латвийской»⁶. Я закончу свое повествование об этих двух балтийских городах провалившейся попыткой коммунистического государственного переворота в Таллине в декабре 1924 г., после которого период консолидации национального государства был успешно пройден.

Российские имперские представления

Как и другие города империи, Рига и Таллин испытали значительный демографический рост до 1914 г., что отражено в *табл. 1*. Хотя и не в той же мере, что Рига, численность населения Таллина также значительно выросла. Как и в Риге, рост населения был преимущественно связан с миграцией местных крестьян в индустриализирующиеся городские центры.

Однако с точки зрения этнического измерения этих демографических изменений (см. *табл. 2 и 3*) есть значительные различия. Уже в 1840-х в Таллине проживало больше эстонцев, чем немцев, и в 1871 г. их доля составила более 50%. В свою очередь, в Риге даже в 1913 г. латыши составляли только около 40% населения, хотя они были крупнейшей этнической группой начиная

Таблица 1. Рост населения в Риге и Таллине, 1867/71–1913⁷

Рига		Таллин	
1867	102590	1871	29162
1881	169320	1881	45880
1897	255879	1897	58810
1913	507476	1913	116132

с 1890-х. К 1913 г. в Таллине сформировалось преобладающее эстонское большинство, которое составляло более 70 % населения. Здесь численность немцев была более или менее стабильной, но к 1913 г. их доля упала до 10 %. В Риге, благодаря массовому наплыву латышей, к 1913 г. доля немцев составляла 16 %, хотя их численность также удвоилась по сравнению с 1867 г. Схожим образом численность русских в Таллине увеличилась в 4 раза, но их доля осталась на уровне чуть более 10 %. Однако в Риге к началу Первой мировой войны численность русских была в 10 раз больше, чем в Таллине, и они составляли почти четверть населения города, таким образом значительно превышая долю немцев. С одной стороны, быстрый рост численности русских был связан с увеличением числа административных позиций, особенно в Риге, которая считалась центром балтийских губерний⁸. С другой стороны, строительство железной дороги и общая индустриализация сделали города привлекательными для многих русских из внутренних губерний, которые стремились попытаться счастья в балтийских портах. В Таллине ключевыми факторами в привлечении русских рабочих стали прежде всего решение о строительстве большой морской крепости и увеличение мощностей и числа верфей (было построено три новых верфи). В 1916 г. в кораблестроении было занято уже 15 000 рабочих, и многие из них приехали из России⁹. В значительно большей степени, чем раньше, городские власти вынуждены были принимать этих русских рабочих во внимание, особенно в 1917 г., когда они вместе с гарнизонами стали активными приверженцами революционного подъема.

Таблица 2. Этнический состав Риги и Таллина, 1867/71–1913 (в абсолютных числах)¹⁰

	Латыши	Эстонцы	Русские		Немцы	
	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>
1867/71	24 199	15 097	25 772	3 300	43 980	10 020
1881	49 974	26 324	31 976	5 111	66 775	12 737
1897	106 541	40 406	43 338	6 008	65 332	10 297
1913	205 204	83 133	110 620	13 275	80 823	12 424

Демографический фактор был, несомненно, также важен для состава городской администрации. Бесспорно, одной из самых отличительных черт политической жизни Таллина в первые десятилетия

Таблица 3. Этнический состав Риги и Таллина, 1867/71–1913
(в процентах)¹¹

	Латыши	Эстонцы	Русские		Немцы	
	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>	<i>Рига</i>	<i>Таллин</i>
1867/71	23,6	51,8	25,1	11,3	42,9	34,4
1881	29,5	57,4	18,9	11,1	39,4	27,8
1897	41,7	68,7	16,9	10,2	25,5	17,5
1913	40,4	71,6	21,8	11,4	15,9	10,7

XX в. был тот факт, что, хотя на губернском уровне власть в Эстонии все еще оставалась в руках балтийского немецкого рыцарства (*Ritterschaften*), в столице губернии традиционная немецкая правящая элита потеряла власть уже в 1904 г. Начиная с муниципальных выборов в конце 1904 г. Таллин управлялся эстонцами, которые тесно сотрудничали в городской думе с русской фракцией. В этом смысле ситуация резко отличалась от второго по численности эстонского города, Тарту (нем. *Dorpat*, рус., с 1893 г., Юрьев), относящегося к Ливонии, и от самой Риги, которые находились под немецким руководством до 1917 г.¹²

Каким образом эстонская победа стала возможной в 1904 г.? Так как существовал избирательный ценз размером в 1000 рублей, то победа в муниципальных выборах прежде всего означала, что эстонцы расширили свою долю во владении недвижимостью. В то время как в 1871 г. в руках эстонцев находилось только 2,6% недвижимости, то через 30 лет демографическое большинство владело уже 64% объектов недвижимости в городе, включая почти 40% в Старом городе, который был коммерческим центром¹³. Накануне выборов 1904 г. эстонские политические активисты организовали концентрацию эстонской недвижимости в одном конкретном избирательном округе, где они впервые получили большинство избирателей¹⁴. В конечном итоге объединенная оппозиция даже выиграла в четырех из шести округов. Продвижение этнического русского, Эраста Георгиевича Гиацинтова, на позицию мэра города было умным ходом, позволившим заручиться поддержкой имперского руководства и даже немцев, считавших невозможным возражать против русского кандидата, который должен был быть утвержден в Санкт-Петербурге. Гиацинтов прослужил в Эстляндской губернии 25 лет, хорошо знал местные условия и симпатизировал эстонцам. Император

утвердил его 5 марта 1905 г., в тот момент, когда первая революция в империи уже началась¹⁵. Однако из-за революционных событий Гиацинтов продержался на своем посту только несколько месяцев, после чего он покинул политическую арену, уступив место эстонцу, Вольдемару Лендеру.

Период между революциями часто упрощенно рассматривают через призму неизбежности имперской катастрофы. Однако местные власти такой ход событий отнюдь не считали вероятным. После месяцев столкновений в 1905 и 1906 гг., когда этническое противостояние между эстонцами/латышами и немцами стало серьезной проблемой¹⁶, городское население Таллина пыталось найти модус вивенди, используя новые свободы, предоставленные императором в ответ на революционный подъем. Так, если в 1900 г. существовало 7 ежедневных газет, то в 1913-м издавалось уже 7 эстонских, 4 немецких и 3 русских, а также дополнительно 15 эстонских и 3 немецких журнала. С 1906 по 1913 г. Лендер также гарантировал преемственность власти, до того как он ушел в отставку и уступил место своему заместителю, Яану Поске. Лендер изучал математику и инженерное дело в Санкт-Петербурге и, таким образом, относился к той разрастающейся когорте эстонцев, которые воспользовались возможностями, предоставленными империей, и строили карьеру в самой России. Поска, который получил начальное образование в православной семинарии в Риге, а в 1890 г. закончил юридический факультет университета в Тарту, был также культурно ближе к русскому, а не немецкому миру. В 1918 г. он станет первым министром иностранных дел Эстонии. Как и Лендер, он руководил городом во взаимном согласии с губернаторами, которые располагались в замке на холме Тоомпеа в Таллине. Такая ситуация была немыслима еще за десятилетие до этого, когда русские чиновники, как правило, не были готовы, если мягко выразиться, к сотрудничеству с эстонцами¹⁷.

В то же время мэром Риги с 1901 по 1912 г. был Джордж Армистед, чей дед переехал в Ригу из Англии в начале XIX в. Благодаря экономическим успехам в торговле и строительстве железных дорог его семья интегрировалась в среду немецких высших городских классов, и он сам был женат на балтийской немке. Он закончил Рижский политехникум и продолжил учебу в Цюрихе и Оксфорде. Однако так же, как и его таллинский коллега Лендер, Армистед работал железнодорожным инженером в центральных губерниях и свободно

владел русским языком. В отличие от традиционных политически активных немецких элит, которые обычно изучали юриспруденцию, медицину или теологию, оба градоначальника представляли современные технические дисциплины¹⁸. Таким образом, как и в Таллине, городское руководство в Риге отошло от обычного упора на проблемы сословий, немецкой культуры и местной балтийской автономии. Лендер и Армистед, несмотря на различия происхождения, следовали схожему курсу по интеграции их городов в имперские сети, прежде всего с точки зрения экономики. В дополнение к этому оба сконцентрировались на модернизации городов, уделяя внимание школам, больницам и всем формам коммерции. Более того, Армистед сознательно интегрировал немало латышей в свое окружение, поскольку, как вспоминала его внучка, он считал, что их «нельзя больше подавлять»¹⁹.

Таким образом, к 1914 г. в обоих городах существовали всё более уверенные в себе «местные» большинства, чье публичное присутствие не сводилось только к газетам, культурным ассоциациям и уличным рекламным объявлениям на местных языках (рядом с немецкими и русскими). Начиная с рубежа веков в Таллине, в Старом городе, на пустырях, которые ранее относились к зоне безопасности (до того как статус города как военной крепости был отменен в середине XIX в.), были построены здания, предназначенные для нужд эстонской культуры и бизнеса. В довоенные годы здесь были построены здания для Таллинского общества взаимного кредитования и для национального театра «Эстония». Последнее особенно стало источником изумления и неверия для эстонцев в деревнях, которые приезжали в Таллин только для того, чтобы увидеть это культурное проявление национального движения²⁰. Несомненно, российский имперский город стал объектом гордости для маленького народа, который русская литература все еще изображала как исключительно деревенский²¹. В то время как Таллин, таким образом, постепенно превращался в место национальных утопий (в соперничестве с Тарту, который играл роль духовной столицы эстонцев), статус Риги был более неоднозначен. Несомненно, с конца XIX в. Рига была культурным центром латышей, а благодаря индустриализации она также превратилась в политический очаг латышского социального протеста. Тем не менее ее общий вид в большей степени отражал политические и культурные возможности немецкого традиционного меньшинства.

В Таллине после этнических волнений во время революции городское руководство было готово поддержать строительство нового здания Немецкого театра, открытого в 1910 г. совсем недалеко от «Эстонии», которая будет достроена тремя годами позднее. Шокированные антинемецким насилием в 1905 и 1906 гг. немцы попытались сплотиться вокруг немецких обществ (“Deutsche Vereine”)²² и активизировались на городском уровне, прежде всего по направлениям культуры и образования, пытаясь сохранить свое ведущее социальное положение именно в этих областях. Однако в обществе проявились глубокие противоречия, когда в 1910 и 1911 гг. немцы не смогли провести даже такое, казалось бы, безобидное мероприятие, как фестиваль песни, поскольку никто не хотел брать на себя ответственность и гарантировать отсутствие политических проявлений во время мероприятия, как того требовал губернатор²³. Как правило, конфликты с губернатором упирались в вопрос достаточного использования русского языка на нерусских культурных мероприятиях. В этом отношении немцы обычно вели себя весьма упрямо. Похоже, что эстонцы в вопросе о языке были более гибкими. Когда шла подготовка к чеканке медали для празднования эстонского песенного фестиваля в 1910 г., губернатор Измаил Коростовец потребовал наличия русского перевода рядом с эстонской надписью. Тогда эстонцы решили чеканить ее совсем без надписи²⁴.

Несомненно, когда летом 1914 г. началась война, все этнические группы стремились продемонстрировать свой патриотизм по отношению к царю и империи. Однако у жителей Таллина и Риги существовали различия в том, что я бы назвал «имперскими образами будущего». В тот момент, конечно, никто не подвергал сомнению продолжение правления Романовых. В какой-то мере и эстонские и латышские «новички», и немецкие традиционные элиты даже хотели одного и того же: возможно более широкой автономии для губернии (гарантируя при этом продолжение экономической интеграции в империю). Однако эстонские и латышские национальные движения дополнительно мечтали о границах губерний, проведенных согласно этническому расселению, вместо традиционных границ, которые изначально только разделили административные территории немецких рыцарств. Будущая Эстония, таким образом, должна была включать части северной Ливонии, заселенные почти исключительно эстонцами. Хотя в латышском случае этот вопрос был более сложен²⁵, эта

проблема оставалась одним из основных требований, выдвигаемых местными этническими большинствами начиная с 1880-х. Конечно же, обе группы пытались лишить рыцарства их власти на губернском уровне. В этом смысле многие эстонцы и латыши приветствовали войну.

В балтийских городах прошли массовые патриотические демонстрации по случаю отъезда солдат, часть из которых шла на войну добровольно²⁶. Среди солдат эта поразительная идентификация с целями Российской империи сохранялась и в 1915 г.²⁷ Латыши и эстонцы с большим удовлетворением убеждались, что их исторический образ врага, судя по всему, совпадал с мнением других европейцев²⁸. Балтийские депутаты в Государственной думе четко сформулировали, что за выполнение исторической миссии бастиона России против немцев их народы ожидают широкой автономии, либеральных реформ и конца доминирования местных балтийских немцев²⁹. Константин Пятс, еще один эстонский активист, который, как и Поска, учился в рижской православной семинарии и служил заместителем Гиацинтова в Таллине до того, как последний покинул Эстонию в 1905 г. из-за революционных событий, был уверен, что после российской победы Эстония все еще будет частью империи. Однако будущий основатель государства был убежден, что после войны не произойдет возврата к старому порядку, сословному доминированию рыцарства, так как у российского руководства не будет причин смотреть на эстонцев и латышей с недоверием³⁰. В этом контексте войну даже называли «священной войной» для эстонцев и латышей³¹.

Очевидно, что именно начало войны подстегнуло ожидания эстонцев и латышей в отношении будущей автономии (за счет рыцарства) в составе реформированной Российской империи. Тем не менее центры Таллина и Риги были украшены недавно воздвигнутыми памятниками Петру Первому, которые официально должны были означать непрерывающуюся лояльность недавно мятежных губерний к Санкт-Петербургу. Памятники появились в рамках серии юбилеев, которые Российская империя отмечала с 1907 (200 лет битвы под Полтавой) по 1913 (300 лет династии Романовых) год. В 1910 г. двухсотлетие вхождения Эстляндии и Лифляндии в состав империи было отмечено установкой двух памятников, причем оба находились вблизи от старых городских центров: в Таллине — на Сенной площади, в Риге — на бульваре Тронфольгер. В Таллине проект

инициировали представители рыцарства, но его также поддержала губернатор и городское руководство, которое находилось в руках эстонцев. Однако с самого начала эта инициатива встретила сопротивление немецкой и эстонской общественности. В то же время это был весьма неожиданный пример целенаправленного сотрудничества городских общин. В результате статуя стала «памятником способности полиэтничного и многонационального Таллина достигать важной цели, даже если мотивации действий не полностью совпадали»³². В свою очередь, в Риге воздвижение памятника было исключительно немецко-русской инициативой. Проект был профинансирован городом, лифляндским рыцарством и пожертвованиями других лифляндских городов и организаций³³.

В Риге общество было способно реализовывать такого рода проекты собственными средствами, включая организацию приезда Николая II на церемонию открытия в сентябре 1910 г.³⁴ Таллину же потребовалась всеимперская кампания сбора пожертвований, которая в итоге была осуществлена под официальным патронажем царя. В этом смысле памятник в Таллине был действительно имперским проектом, реализованным на деньги, поступившие со всей империи. Однако с точки зрения памяти мнения в обоих городах разделились. Для русских жителей статуя Петра Первого прежде всего означала почитание завоевателя Балтийского побережья. Такая интерпретация была отражена как в семиотическом послании самого памятника в Таллине, изображавшего морского правителя, так и во многих русскоязычных публикациях, сопровождавших празднование в 1910 г.³⁵ В свою очередь, рыцарство и более консервативные немцы видели в Петре гаранта их корпоративных сословных привилегий, закрепленных в капитуляциях 1710 г.³⁶ Более либерально настроенные немцы подчеркивали сохранение протестантизма, также гарантированное этими привилегиями, или же указывали на идею 200 лет мира под российским скипетром (хотя исторически это не совсем соответствовало действительности, так как балтийские губернии должны были предоставлять рекрутов имперской армии). В свою очередь, эстонцы и латыши были весьма не в ладах с Петром как раз из-за тех же самых привилегий, которые он дал немецкому дворянству и которые придали им статус всего лишь «рабов» на ближайшее столетие. Поэтому эстонские газеты пытались создать нарратив о Петре как идеологе европеизации России, для того чтобы превратить эту одиозную фигуру

в более приемлемую. Тем не менее во время церемонии открытия памятника в Таллине многие места на трибунах остались свободными — возможно, из-за отчетливо русского характера церемонии. Детские хоры спели гимн, песни о древней России, Волге и победе Петра под Полтавой. Всего за несколько дней до открытия Сенная площадь была предусмотрительно переименована в площадь Петра. Таким образом, империя была запечатлена в таллинской топонимике. Несмотря на различия интерпретаций, такие памятники являлись осознанно воздвигнутыми символами принадлежности региона к империи³⁷.

Несомненно, в 1914 г. Таллин и Рига были имперскими городами, интегрированными не только в экономические, военные и политические структуры, но и с точки зрения политики памяти. В то же время в полиэтничных городских обществах, которые следовали своего рода прагматичной линии компромисса и избегания потенциального конфликта, существовало много противоречивых лояльностей и идентичностей. В 1915 г. из-за имперских антинемецких законов и распространившихся подозрений в измене даже Эстляндское рыцарство было готово пойти на компромисс с некоторыми эстонскими политиками вокруг Пятса, чтобы противостоять введению земства в местной администрации. Тем не менее вскоре этот проект был раскритикован другими эстонскими активистами как «сепаратный мир» с немцами, и поэтому он не был реализован. Это также ясно указывает, что даже у демографического большинства не было четкой стратегии достижения более широких прав автономии³⁸. Тогда никто из местных элит осознанно не преследовал цели создания независимых государств.

В то время морская крепость в Таллине, в 1913 г. названная в честь «императора Петра Великого», была прежде всего самым важным имперским опорным пунктом в Эстляндской губернии. Ее руководитель, вице-адмирал Александр М. Герасимов, подчинялся только главнокомандующему Балтийского флота и, таким образом, обладал компетенцией городских властей на территории, отнесенной к крепости. Начиная с 1915 г. Таллин, а также западные и центральные регионы Эстляндии подчинялись ему. Таллин превратился в важный военный город, и милитаризация повседневной жизни значительно расширилась, хотя Эстляндия, то есть эстонские острова, стали театром военных действий только осенью 1917 г.³⁹ В тот момент, впрочем, Рига уже была отрезана от остальной империи фронтом.

Революционные мечты в двух балтийских городах во время войны

Война прежде всего привела к многочисленным ограничениям в отношении немцев в балтийских губерниях. Помимо запрета на использование их языка в публичной сфере, закрытия немецких газет, конфискации лошадей, периодических депортаций и притеснений лютеранской церкви, в 1916 г. был запрещен немецкий как язык преподавания в школах. Между тем именно в этих сферах до войны немецкие организации концентрировали свои усилия по сохранению социального положения немецкого меньшинства. В то время как антинемецкая истерика угрожала выйти из-под контроля во всей империи, в долгосрочной перспективе монархия потеряла своего единственного потенциального партнера в Балтийском регионе⁴⁰. С продвижением армии кайзера для многих немцев альтернатива была близка.

В балтийских губерниях война стала реальностью уже в 1915 г. Продвижение германской армии к реке Даугава (Западная Двина) разделило территорию расселения латышей пополам. Рига пока что оставалась под российским контролем, но театр военных действий был уже очень близко. Огромные потоки эвакуированных и беженцев с литовских и латышских территорий, распространявшиеся по всей империи, были тяжелым бременем для таких городов, как Тарту и Таллин, где многие из них изначально оказались. Однако Рига была первым городом, через который прошли эти сотни тысяч. Сначала, уже в апреле — мае 1915 г., тысячи евреев были депортированы из приграничных территорий. Позже за ними последовали беженцы из Польши, Литвы и, наконец, Курляндии. Уже к 1 августа 1915 г. была завершена эвакуация с заводов Риги наиболее важного для военной экономики машинного оборудования. В тот же день немцы заняли Еглаву (нем. *Mitau*, рус. Митава). Вскоре эвакуация затронула фактически все слои города. С исчезновением крупных предприятий многие малые предприятия столкнулись с угрозой банкротства. Так как большинство этих малых бизнесов принадлежало немцам, многие воспринимали эвакуацию как очередную антинемецкую меру. Помимо объектов военного значения планы эвакуации также затрагивали образовательные учреждения и церкви (однако только православное духовенство покинуло город). Перепись, проведенная в 1917 г. после

немецкого завоевания, показала, что численность населения упала на 40 %. Так как «примерно четверть из подсчитанных состояла из беженцев», — пишет Хейтли, — «то можно уверенно предположить, что более половины довоенного населения Риги покинуло город из-за мобилизации, эвакуации или депортации»⁴¹.

В Таллине во время первых недель войны многие предприятия были вынуждены закрыться или же работать не в полную силу из-за отсутствия энергии, сырья или рабочей силы. Даже Русско-Балтийская верфь сократила производство. Для того чтобы как-то компенсировать снижение производства в Риге, Эстонии пришлось удвоить усилия. Многие стратегически важные заводы перешли под контроль морской крепости и были милитаризованы. Рабочие лишились прав на забастовки и на возможность менять рабочее место по собственному желанию. В то же время многие из тысяч лифляндских беженцев нашли работу на индустриальных предприятиях Таллина. Тем не менее ситуация с поставками на деле не улучшилась. Эвакуация заводов, запланированная уже в 1915 г., наконец началась осенью 1917 г., после того как Рига оказалась под контролем германской армии⁴². Из сохранившихся воспоминаний мы знаем, что арендная плата и прожиточный минимум значительно выросли. По воспоминаниям одного очевидца, из-за русских солдат и рабочих, а также латышских, по преимуществу беженцев, Таллин стал «чужим» местом. Очереди за сахаром и топливом стали повседневным явлением, как и забастовки на тех фабриках, которые не были подчинены морской крепости и, соответственно, не были милитаризованы⁴³. В то время как положение хотя бы в какой-то мере нормализовалось в военные годы, в 1917 г. ситуация со снабжением в городах стала катастрофической, именно в 1917-м произошел радикальный скачок цен на продукты питания. Осенью даже картошка стала редким товаром в Таллине, сахар и манная крупа давно исчезли, и единственным доступным товаром после часов, проведенных в очереди, была черно-коричневая лапша из неизвестных ингредиентов⁴⁴.

Революция 1917 г., изначально спонтанная и преимущественно без очевидных лидеров, застала оба города в совершенно разном положении. Несмотря на то что в целом военные столкновения происходили значительно реже, Рига оставалась фронтовым городом. Когда в начале 1917 г. российская армия попыталась отвоевать Еглаву, в бои (в латвийской традиции их обычно называют «рождественскими

сражениями», *Ziemassvētku kaujas*, так как по юлианскому календарю они прошли 23–29 декабря 1916 г.) были направлены отряды латышских стрелков, сформированные в августе 1915 г.⁴⁵ Следствием серьезных потерь латышей в этих битвах (приблизительно 2000 погибших и 7000 раненых, более трети полка) стали укрепившиеся сначала среди солдат, а потом и в латышском обществе в целом сомнения в военных способностях российских штабов и будущем империи как таковом. Так как латышские организации, «буржуазия», не смогли защитить стрелков, среди последних росли антивоенные настроения, что сделало их восприимчивыми к большевистской агитации⁴⁶. Однако в первые недели Февральской революции Рига оставалась относительно спокойной. Собрания и митинги на улицах преимущественно привлекали солдат гарнизона. Красные ленты появились в марте, и только 23 марта латышская социал-демократическая партия провела «день памяти» мучеников революции. По словам Хейтли, только к 1 мая «революционная культура была широко распространена»⁴⁷.

С политической точки зрения город все в большей степени переходил под контроль Совета рабочих депутатов и комитетов, избранных 12-й армией и подразделениями латышских стрелков. После того как городская дума под руководством Андрейса Красткалнса, поддерживаемая петроградским Временным правительством, ушла в отставку из-за внутреннего конфликта по вопросам безопасности, новый временный состав городской думы был сформирован по спискам, предоставленным советом⁴⁸. Новая городская дума была избрана 26 августа, всего за неделю до захвата города германской армией. Всё еще объединенные латышские социал-демократы получили 49 (41%) из 120 мест. За ними следовала удивительно сильная Немецкая партия с 19 местами в думе. Социалистический блок получил 18 мест, и Латышская демократическая партия — 9. Из-за наступления германской армии новый состав думы не принял никаких решений, но он демонстрирует чрезвычайно революционную атмосферу в военном городе и слабость национальных демократов⁴⁹.

Бесспорно, весной 1917 г. в Таллине революционная деятельность была значительно более распространена. Рабочие верфи Бёкера начали забастовку 1 марта, и к вечеру 18 тыс. жителей по всему городу отказались работать. Следующим утром общая забастовка собрала в центре города 30 тыс. человек. Таким образом, революция также достигла Таллина: моряки захватывали свои суда, рабочие

штурмовали тюрьмы, грабили офисы правительственных и городских учреждений, пока рабочая милиция пыталась как-то контролировать эти порывы. Вскоре многие начали носить красные ленты и организовывать митинги на каждом углу. Очевидец вспоминал:

Русские заразили эстонцев вирусом выступлений. Выступлениям не было конца. Если... у моряка и солдата или у солдата и эстонского рабочего было разное мнение, то один из спорщиков, у которого был лучше подвешен язык, забирался на лестницу, фонарный столб или запрыгивал на грузовик — и митинг затягивался. Люди собирались в группы вокруг оратора. Они кричали «правильно!» и «ура!», иногда «смести всё!» и наслаждались «свободой» до бессознательного состояния⁵⁰.

Весной 1917 г. революция в Таллине все еще символически была тесно связана с событиями в Петрограде. Эмоциональной кульминацией стал апрельский визит в Таллин министра юстиции Александра Керенского и «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской. Восторженный прием, организованный им в театре «Эстония», подтвердил, что в тот момент и на Неве, и в Эстонии герои происходящих событий были одни и те же. Отто Страндман из Трудовой партии Эстонии (трудовики), который всего через два года станет эстонским премьер-министром, поприветствовал русских гостей пылкой речью, в которой он заявил, что Эстония никогда не предпочтет отделение от России. Когда Керенский взял Страндмана за руку и крикнул «Да здравствует автономная Эстония», публика начала петь Марсельезу. Несомненно, дух петроградской Февральской революции крепко держал Таллин в своих руках⁵¹.

Тем не менее в результате создания Совета рабочих и солдатских депутатов в Таллине появился четвертый центр власти (помимо губернатора, городского руководства и командующего морской крепости), власть которого постоянно росла благодаря его авторитету среди солдат⁵². Когда мэр Поска был назначен губернским комиссаром от имени петроградского Временного правительства, впервые в истории во главе губернии стал эстонец (такие же полномочия в Лифляндии получил Красткалнс). Тем же постановлением учреждалось губернское собрание и устанавливались новые границы губернии, которые с этих пор также включали территории Лифляндии, заселенные эстонцами. Если посмотреть на это решение с имперской перспективы, то измененный устав губернии был прежде всего

антинемецкой мерой военного времени, принятой для того чтобы лишить старые элиты их привилегий в балтийских губерниях. В марте 1917 г. революционное правительство, которое прежде всего пыталось подорвать одну из основ империи Романовых — разделение власти с местным нерусским дворянством, совершило то, чего имперское руководство никогда не решалось сделать из-за предполагаемой угрозы эстонского сепаратизма. Поэтому создание губернских собраний с всеобщими, свободными, равными и тайными (хотя и непрямые) выборами необходимо рассматривать как часть программы Временного правительства по демократизации и попытку оспорить притязание Советов на роль единственных демократически избранных представительных властных структур в губернии⁵³.

Любопытно, что сложившееся двоевластие в Таллине не только напоминало своего рода конфликт уполномоченных лиц между представителями Временного правительства и местного Совета, но и одновременно отражало столкновение двух весьма отличных имперских представлений о будущем Эстонии. Впрочем, в это время оба подхода по-прежнему связывали это будущее с Россией. С точки зрения революционного символизма еще любопытнее было то, что, пока Поска располагался в бывшей крепости губернатора на холме Тоомпеа, Совет рабочих и солдат использовал Кадриоргский дворец, построенный Петром Первым в начале XVIII в. Большевики объявили лучший отель в городе, «Золотой Лев», своей «коммуной». Изначально Поска, все еще в роли мэра, пытался найти компромисс с советом. Однако вскоре стало ясно, что представители двух политических сред не могли, мягко говоря, преодолеть взаимные подозрения и различия⁵⁴. В то же время новый временный городской устав положил конец ситуации, при которой только торговцы и владельцы недвижимости избирали городское руководство. Муниципальные выборы, прошедшие в Таллине 6 августа, принесли победу большевикам (31 место из 101), что обычно связывают со стремлением солдат, как русских, так и эстонцев, добиться прекращения войны. Однако различные эстонские социалистические партии и группы, включая Трудовую партию (трудовики), эсеров (22) и национально сознательных меньшевиков (12), получили более 50 мест, в то время как немцы — только 5. Первым решением нового городского руководства стало введение эстонского в качестве рабочего языка⁵⁵. Ситуация действительно сложилась революционная, и из-за

радикализации событий в Петрограде процессы в Таллине всё более приобретали национальную окраску. Так как даже совет понимал, что Поска популярен среди эстонцев, двоевластие сохранялось до того, как большевики захватили власть в Петрограде. Между тем фронт приближался, что делало большевистскую агитацию за мир все более эффективной. Начавшаяся эвакуация промышленных предприятий привела к росту безработицы, и наконец в таллинском Совете сложилось большевистское большинство. В итоге в ноябре, через несколько дней после переворота в Петрограде, совет лишил Поску его должности⁵⁶.

Писательница Марта Силлаотс вспоминала, что начиная с июля, когда губернское собрание провело свое первое заседание (всё еще с умеренным большинством), люди начали носить сине-черно-белые ленты вместо красных. По ее словам, никто из официальных лиц Таллина не поддерживал Совет, включая русских, которым не нравилось стремление низших классов захватить власть. Однако у эстонских руководителей были другие причины противостоять Совету. С точки зрения национальной политики, революционная власть следовала тем же традициям, что и губернатор Коростовец, — игнорирование всего эстонского. В этом смысле русские руководители были схожи, так как даже те, кто носил красные ленты, не воспринимали автономистские идеи своих эстонских коллег всерьез⁵⁷.

Сложно судить, как далеко заходили такого рода автономистские устремления. Однако похоже, что только после германского продвижения к Риге и Эстонским островам осенью 1917 г., большевистского переворота в Петрограде и, наконец, разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. эстонские политики начали оценивать полную независимость как один из возможных, но все еще очень маловероятный вариант развития событий⁵⁸. С общей точки зрения Февральская революция стала решающим шагом в передаче местной власти в руки демографического большинства и пересмотре границ губерний согласно этническому критерию. Таким образом, пришедший извне революционный дух стимулировал этнизацию местной политической повестки. Имела место национальная революция, поддержанная из тактических соображений Временным правительством, которое весной приняло решение о создании эстонских военных частей. В отличие от латышских стрелков, которые преимущественно поддерживали интернационалистский курс большевиков⁵⁹, эстонские части

позже в подавляющем большинстве остались преданными идеалу левой национальной демократии⁶⁰.

На тот момент, в начале 1917 г., был взят курс на превращение губернии в «свободную Эстонию в свободной России», то есть федеративное решение. Как губерния Эстония все еще сохраняла территориальную целостность. Германские войска заняли пока что только острова. Передислокация национальных частей ближе к Хаапсалу (нем. *Hapsal*, рус. Гапсал) служила цели возвращения островов. Здесь также было удобнее отгородить солдат от агитации большевиков, которая все больше распространялась в Таллине. Вскоре после того как Совет захватил власть в Таллине, на выборах во Всероссийское учредительное собрание большевики получили 40 % голосов по Эстонии, что приблизительно соответствовало их результату в Москве и Петрограде. Как и в других индустриальных регионах империи, радикализация росла. Однако на выборах партии, выступающие за широкую национальную автономию (Трудовая партия, эстонские социал-демократы (меньшевики) и либеральный Демократический блок), получили 46 %. Это был яркий показатель потенциала идей Февральской революции в Эстонии⁶¹.

В то же время большевики одержали убедительную победу (72 %) во все еще не оккупированных латышских регионах Лифляндии. По сравнению с показателями по всей империи это был очень высокий результат, который необходимо рассматривать в контексте ухудшения положения в прифронтовом регионе. Бескомпромиссное требование мира и земли, выдвинутое латышскими большевиками, сделало их популярными в регионе, где не было других социалистических партий. Более того, многие сторонники федеративных или национальных демократических решений покинули свою родину из-за войны и организовали различные ассоциации беженцев по всей империи. Таким образом, к тому времени как Рига была занята германскими войсками, а Лифляндия преимущественно поддерживала большевистское правительство, Таллин и Эстония весьма неохотно перешли под контроль большевиков⁶². Новый режим отбросил до тех пор весьма популярное представление о демократической Российской Федерации. Когда большевики разогнали Учредительное собрание в Петрограде, национальная независимость неожиданно стала последним средством. Более того, в регионах, находившихся под германской оккупацией, возвращение к идее Российского

федеративного государства стало маловероятным не в последнюю очередь из-за того, что германская военная администрация весьма успешно предотвращала распространение социалистической советской альтернативы в Курляндии, Риге и позже также в остальной Лифляндии и Эстонии. Многие сторонники Советов, включая многочисленных русских рабочих и солдат, убежали от приближающихся германских войск. Во многих смыслах именно германская оккупация ментально приготовила по меньшей мере эстонцев к независимости, хотя совсем другим делом было поверить в потенциал этого радикального решения.

Германская утопия во время оккупации

В январе 1918 г. немецкий председатель биржевого комитета в Таллине, Эрхард Дехио, отметил в своем дневнике ежедневно растущую неуверенность в рядах немецкой общины. Фройляйн фон Игельстром ограбили по дороге на холм Тоомпеа, и, когда торговец Альберт Кох обнаружил воров на своем складе, они тут же его застрелили⁶³. Когда утром 25 февраля германские войска вошли в город, Дехио ощутил облегчение: «Все лучшие элементы в городе были неслезанно рады, даже эстонцы, за исключением тех, кто поддерживал большевиков»⁶⁴. В то время как Дехио не мог понять, «сон ли это или реальность», эстонская писательница Силлаотс отмечала полных энтузиазма немцев, встречающих солдат, и истерически плачущих немецких женщин, хотя солдаты отвечали им «невнятно и равнодушно»⁶⁵. Эстонцы Таллина столкнулись с другим удивительным развитием событий, когда тем же утром на стенах города вывесили декларацию о независимости. Когда с лестницы эстонского реального училища Константин Пятс зачитал манифест толпе, было даже организовано небольшое празднование события⁶⁶. Конечно же, германская военная администрация не считалась с эстонской независимостью, и вскоре Пятс был арестован.

На самом деле Дехио, которого германское командование назначило ответственным за организацию гражданской администрации города, изначально предложил Пятсу и Поске войти в состав городского руководства от имени немцев. Однако оба заявили, что как избранные представители они не могут принять это предложение⁶⁷. Если в течение нескольких месяцев большевистской власти

многие эстонские городские чиновники пытались избежать выполнения своих обязанностей посредством пассивного сопротивления, то теперь многие из них подали в отставку⁶⁸. К удовлетворению многих местных немцев их язык стал единственным официальным языком. Частные письма должны были быть написаны по-немецки и по требованию цензуры отправляться в открытых конвертах. Силлаотс вспоминала, что важные документы можно было получить только при помощи взяток должностным лицам, а поведение германских солдат очень скоро начало напоминать поведение российской армии осенью 1917 г. Только проблема голода стала еще острее, так как во время германской оккупации все продовольствие отправлялось в Германию⁶⁹. Мечты о «немецком порядке» и о будущем в составе рейха, как это представлял, например, Дехио, не соответствовали опыту большинства эстонцев, которые ощущали, что их национальные устремления ограничиваются в еще большей степени, чем при российской имперской власти. Даже некоторые балтийские немцы считали введение немецкого в качестве языка преподавания в школах фатальной ошибкой⁷⁰.

Хотя сценарий Балтийского герцогства под руководством герцога из семьи Гогенцоллернов так никогда и не материализовался, многие местные немцы представляли себе именно такой путь «возвращения в состав рейха». В 1919 г. эстонский журналист Георг Эдуард Луига написал, что эстонцы готовы были забыть о том, что немцы делали на протяжении 700 лет своего доминирования в балтийских провинциях, но они не могли простить немцам их поведения во время девяти месяцев оккупации⁷¹. Этнический конфликт в Таллине и Риге во время оккупации во многом напоминал противоречия, проявившиеся в 1905 и 1906 гг., о которых все еще хорошо помнили.

В то время как в Таллине германская оккупация продлилась меньше 8 месяцев, Рига находилась под германским контролем более года. Через 7 лет после того как Николай II посетил Ригу в сентябре 1910 г., его кузен, Вильгельм II, последовал его примеру сразу после захвата города германской армией. Германская имперская репрезентация, например на день рождения императора в конце января 1918 г., не оставляла сомнений, что оккупанты воспринимали Ригу исключительно как немецкий город⁷².

После кризисных военных лет с экономической точки зрения город несколько ожил под германским управлением. Появилось много

магазинов, хорошо одетые посетители проводили время в кафе с живой музыкой. Цеха и фондовая биржа открылись соответственно в октябре 1917 г. и мае 1918 г. После подписания Брестского мира в Ригу из России, из эвакуации, вернулись политехникум, Рига Коммерцбанк и городской ломбард. Даже пляжи Юрмалы, традиционной зоны отдыха в городе, были очищены от бункеров и оборонных сооружений в преддверии летнего сезона. Однако проблема недостатка продовольствия не была решена, и именно поэтому в латышской памяти весь период ассоциировался с разграблением Латвии ради германской военной кампании. В начале ноября 1918 г., так же как и в Таллине, голодные бунты подчеркивали, насколько безнадежным стало положение в городе⁷³.

Необходимо отметить, что в отличие от Эстонии, где немцы не смогли склонить известных политических активистов к сотрудничеству, в Риге некоторые ведущие консервативные латыши были, напротив, к этому готовы. Бывший губернский комиссар Красткалнс и опытный журналист Фрицис Вейнберг постарались на страницах газеты “Rīgas Latviešu Avīze” представить германское господство в наиболее привлекательном для латышской аудитории свете⁷⁴. Если принять во внимание слабость либеральных национальных движений в разделенном государстве, жители которого очевидно тянулись к радикальным левым утопиям, такое положение дел не должно удивлять. Латышские консерваторы в значительно большей степени, чем в эстонском случае, воспринимали немцев как единственную силу, которая может спасти Латвию от большевизма. В отличие от Эстонии в Риге левое сопротивление германской оккупации, руководимое латышскими социал-демократами, было широко распространено. Однако в конце 1918 г. под влиянием положения, сложившегося в условиях германской оккупации, партия разделилась на два лагеря — один поддерживал идею присоединения к Советской России, а другой — путь сецессии от России с целью создания национального государства⁷⁵.

Германская имперская утопия закончилась в ноябре 1918 г. Во всяком случае, в Эстонии многие местные немцы смирились с неизбежностью эстонского правительства. Им пришлось признать, что руководить государством, не учитывая демографическое большинство, стало невозможно. Не секрет, что именно это происходило в 1918 г. во время германской оккупации. В то же время эстонские

политики, используя авторитет демократически избранного Губернского собрания, успешно добивались поддержки идеи независимости государства в столицах западных союзников⁷⁶. Конечно, для Лондона и Парижа фактическое признание собрания было не более чем удобным стратегическим противовесом германским властям, которые на международной арене утверждали, что представляют интересы различных национальных групп, находившихся под их властью⁷⁷. Тем не менее это признание, пусть и условное, означало выбор союзников в пользу национальных администраций как основы для демократического решения в регионе. Таким образом, с широкой международной точки зрения германская оккупация в конечном итоге расчистила путь для реализации сценария, который предполагал национальную независимость. Во-первых, немцы изгнали большевиков. Во-вторых, их оккупация дала повод для дипломатического признания Губернского собрания Эстонии западными союзниками.

Национальная политика в национальных столицах

Когда закончилась германская оккупация, Таллин и Рига впервые стали столицами национальных государств, хотя декларация о независимости Латвии была провозглашена только теперь, 18 ноября. Карлис Улманис стал премьер-министром Временного правительства от имени Народного совета. Тем не менее когда в конце ноября Советская Россия напала на своих «новорожденных» соседей, развитие двух городов снова пошло по разным сценариям. В то время как Красная армия никогда не оккупировала эстонскую столицу (в начале января 1919 г. она находилась в 40 километрах к востоку от города), 3 января 1919 г. рабочие в Риге объявили восстание, и в ночь с 3-го на 4-е латышские стрелки взяли город без единого выстрела. Красный режим продержался в Риге в течение четырех с половиной месяцев и, по сути, был просто еще одним вариантом латышской власти. Советская администрация под руководством Петериса Стучки разделяла антинемецкие настроения Временного правительства Улманиса, который тем не менее в конце декабря был вынужден подписать соглашение о предоставлении латвийского гражданства немецким добровольцам, активно участвовавшим в антибольшевистском движении на латвийской территории. Из-за этого Улманис стал

чрезвычайно непопулярной фигурой, а латышские меньшевики прекратили с ним сотрудничество⁷⁸.

Несомненно, в Латвии у большевиков был демократический мандат. Хотя Стучка утверждал, что время конституционных собраний прошло, 3 февраля он заявил, что на прошедших выборах (во Всероссийское учредительное собрание) партия Улманиса получила только 10 % голосов, в то время как большевиков поддержали две трети избирателей. На самом деле члены Латвийского советского правительства, выбранные Советом рабочих Латвии в январе, уже имели мандат, который они получили на выборах в Учредительное собрание или в городские думы. Большевики могли бы дополнительно подкрепить эти мандаты, если бы они решили провести выборы в течение первых дней своего режима. Однако с самого начала этот этнически латышский режим не скрывал, что его цель — установить классовое господство, хотя Стучка и заявил на встрече со студентами: «Никто не должен бояться. Нет угрозы резни»⁷⁹. Между тем уже в январе начались постоянные проверки рынков с массовыми арестами продавцов и покупателей. Пятая подряд зима, проведенная в условиях дефицита военного времени, проходила очень тяжело. Установление государственных монополий на продажу алкоголя, картофеля, сахара, соли, круп и муки привело к распространению коррупции и черного рынка. Общая экономическая политика опиралась на классовый критерий, и «буржуа» находились на дне иерархии. Учитывая социальную структуру Риги, классовый антагонизм можно было легко принять за этнический. Рабочие были мобилизованы, для того чтобы контролировать, как «богатые», в основном немцы, соблюдали новые квоты по разрешенному количеству одежды. Хейтли подчеркивает, что первые указания Совета «по сути не сильно отличались от германских постановлений начала 1917 г., однако значительно превышали их в размахе, так как они расширили представления о конфискации того, что могло считаться важным для военных нужд, и постепенно превратили ее в открытое преследование классовых врагов». Весь спектр мер «по сути, сводился к экономической политике грабежа». Когда режим объявил о создании «коммун» в деревнях, крестьяне первыми выступили против Советов. В результате поддерживать продовольственное снабжение стало еще труднее, и в Риге были отмечены первые случаи смерти от голода. В целом, эта ситуация привела к растущему недовольству латышских стрелков, которые теперь выступили против Стучки⁸⁰.

Вскоре Рига также столкнулась с кровавой резней красного террора. До сих пор ни один режим не дал стабильности и благополучия. Каждый из них служил интересам конкретных групп. Богатство, работа и средства к существованию всех остальных уничтожались. В марте буржуазию обязали зарегистрироваться на работу и поменяться квартирами с рабочими из промышленных пригородов. Когда красные установили свою власть в Риге, государство превратилось просто в опирающийся на вооруженную поддержку «механизм по определению и категоризации людей и управлению грабежом в интересах конкретной группы». Более того, этот режим пришел «с риторикой и опытом более широкого контекста империи, скатывающейся в кровавый хаос» в регион с багажом десятилетий межэтнических конфликтов и пятью годами войны. В этом свете красный террор и его белый эквивалент, реализованный немцами, после того как Балтийский немецкий ландесвер отвоевал Ригу 22 мая 1919 г., не вызвали никакого удивления⁸¹.

Когда 18 марта 1919 г. немцы взяли Еглаву, численность казней увеличилась. Стучка верил в неизбежность мировой революции и считал свое правление «скорее всего, временным». Андрейс Плаканс утверждал, что «в результате месяцы его правления больше сводились к сведению счетов, а не к серьезной попытке строительства нового государства». В итоге Стучка растерял всю ту широкую поддержку, которая была у большевиков среди латвийского населения и в самой Риге⁸². На самом деле после того как 22 мая немцы сформировали латвийское марионеточное правительство под руководством священника Андриевса Ниедра, они, начав новую волну террора, также сделали многое, чтобы потерять даже ту ограниченную поддержку, на которую они еще могли рассчитывать среди консервативных латышей. Даже для антибольшевистски настроенных латышей те дни напоминали «немецкие карательные экспедиции», которые подавляли революционный порыв в 1905 и 1906 гг.⁸³ Таким образом, в восприятии латышей волны насилия в первой половине 1919 г. были вполне объяснимы в контексте первой русской революции. Обе стороны, Советы и немцы, очевидно, вышли за пределы «исторической обоснованности» своего сведения счетов и, таким образом, расчистили путь для единственной силы, у которой еще не было возможности себя проявить: национальных демократов под руководством Улманиса, поддерживаемых западными союзниками. Однако только

интервенция военной миссии союзников в начале июня смогла остановить белый террор.

В то время как в Латвии влияние левых достигло кровавого апогея во время правления Стучки, национальная революция в Эстонии была бы невозможна без полной поддержки (национально сознательных) социалистов. Для того чтобы найти объяснение этому, необходимо опять взглянуть на влияние Первой мировой войны. На раннем этапе Октябрьской революции в Эстонии местные социалистические партии (прежде всего Трудовая партия Страндмана) солидаризировались с идеей демократической республики. Таким образом, этот раскол произошел на год раньше, чем в Латвии. Благодаря широкой популярности ключевых лозунгов левых («мир», «земля» и т. д.) силы местной Февральской революции доминировали в демократически избранном Учредительном собрании (апрель 1919 г.) и городском собрании Таллина (май 1919 г.). Если в выборах по всей Эстонии социал-демократы и Трудовая партия получили, соответственно, треть и четверть голосов, то в Таллине каждая из них получила чуть менее четверти голосов. Однако вместе с социал-революционерами, которые также получили больше голосов, чем Народная партия бывшего мэра Яана Поски, левые контролировали почти две трети мест⁸⁴. Таким образом, умеренные левые в Эстонии смогли успешно преобразовать революционный потенциал в мечту о радикально демократическом национальном государстве. В то время как в Таллине, когда война за независимость против Красной армии все еще продолжалась, были созданы демократически избранные центральные и местные собрания, Рига стала ареной кровавого террора. Позже, в 1919 г., Рига столкнулась уже с открытой войной.

В июне ситуация на латвийской территории была запутанной. Рига находилась под контролем немцев и марионеточного правительства Ниедры. Улманис сотрудничал с эстонцами на севере, имея за спиной поддержку латышских войск под эстонским командованием. Борясь с одним и тем же врагом, отступающей на восток Красной армией, 23 июня под Цесисом эстонско-латвийские подразделения столкнулись с войсками немецкого ландесвера. После победы, которая была своего рода формирующим моментом для легитимности эстонской демократии, эстонцы и их латышские союзники продвинулись на юг, в сторону Риги⁸⁵. Однако среди рижских немцев в этот момент «настроение напоминало поздний декабрь 1918 года», когда

Красная армия приближалась к городу⁸⁶. Эстонский бронепоезд обстреливал город, и маленький эстонский флот появился на реке Даугаве. Только вмешательство союзников помешало эстонцам войти в Ригу и провести на улицах «немецкой» Риги парад победы, о котором мечтал рядовой состав⁸⁷. 8 июля вместо эстонского парада на улицах Риги прошел латышский. Британские, американские и французские представители служили посредниками в достижении мирного разрешения конфликта, которое предполагало вывод немецких войск из Риги и предоставило возможность латышам организовать в столице триумфальный прием Улманиса и войск. Участие латышей из обеих армий в параде (тех, кто действительно воевал на севере за Улманиса, и тех, кто принял участие в военных действиях под немецким командованием в Курляндии) было четким признаком попыток национального примирения⁸⁸.

Несмотря на то что в июле и августе в городе было спокойно, ситуация со снабжением оставалась сложной. Голод был предотвращен благодаря Американской администрации помощи и британским поставкам. Дети особенно выиграли от поддержки союзников, которая кормила в среднем 25 000 детей всех национальностей в городе⁸⁹. Однако война для Риги еще не закончилась. Хотя большевики вернутся не скоро, немецкие и российские войска под командованием печально известного Павла Бермондта-Авалова все еще угрожали Риге. Его Западная добровольческая армия преимущественно состояла из солдат германской армии и фрайкорпс, которые вместо того чтобы отправиться домой, как требовали того союзники, продолжили антибольшевистскую борьбу под российским флагом. Российские солдаты, примерно пятая часть армии, в основном прибыли в Курляндию из немецких лагерей военнопленных. Однако Бермондт, которого поддерживали германские круги в рейхе, не собирался оправдывать ожиданий союзников. Вместо того чтобы поддержать наступление Северо-Западной армии генерала Николая Юденича из Эстонии в направлении Петрограда⁹⁰, 8 октября Бермондт неожиданно напал на Ригу. Вскоре районы города к западу от Даугавы оказались под его контролем. Когда латышские солдаты отступали всю ночь на восток, казалось, что город опять перейдет в руки нового захватчика. Однако, в этот раз благодаря добровольцам из рядов студентов, государственных служащих и пожарных, линия фронта на восточном берегу смогла сдержать противника. 10 октября немецкая артиллерия наносила

урон Старому городу на восточном берегу, в то время как латышские и эстонские орудия отвечали стрельбой по западному берегу. Военные корабли союзников охраняли Даугаву. Непосредственная угроза отступила, когда на следующий день прибыли эстонские бронепоезда (а также несколько орудий, посланных Юденичем, который объявил Бермондта предателем родины). Фронт на Даугаве оставался активным еще на протяжении четырех недель⁹¹.

В этот период снабжение города вновь пришло в упадок, несмотря на деятельность Американского детского фонда. Грабители бродили по Риге. Солдаты, среди них часто эстонцы, обворовывали жилье, а артиллерийские обстрелы периодически приводили к гибели людей. Задokumentировано также использование отравляющего газа. Постепенно застой на фронте и яростное сопротивление латышей привели к деморализации солдат Бермондта. Рижский русский журналист Николай Бережанский вспоминал, что, когда латыши брали пленных, они обычно расстреливали немцев, а к русским относились хорошо⁹². Западная добровольческая армия отступила после непродолжительного столкновения, после того как латышские соединения начали наступление по замерзшей Даугаве, для того чтобы обойти противника с фланга. Рига была спасена, в битве одержана победа, но все это было достигнуто ценой жизни 2000 латышских солдат. По мнению Хейтли, именно в этот период и во время этого кровопролития, когда война за независимость пришла на улицы Риги, город наконец стал для латышей местом памяти. Немецкие войска потерпели поражение не только под Цесисом, но и на западном берегу Даугавы, прямо напротив «их» центра города⁹³. Таким образом, непосредственным результатом наступления Бермондта стал неожиданный рост поддержки правительства Улманиса. Вдобавок военное сопротивление заработало латышам определенное уважение представителей союзников⁹⁴.

Рижский мирный договор, подписанный в августе 1920 г., ознаменовал окончание латвийской войны за независимость. Однако последнее подразделение латышских стрелков вернулось в Ригу только в октябре. Троицкий полк, который участвовал в Гражданской войне в России на стороне Красной армии, вернулся домой из Владивостока. Когда они прибыли в Ригу, их встречали президент, правительство, командующие армией и почетный караул. Хейтли считает эту церемонию, которая завершилась у здания латышской ассоциации,

где в 1915-м были проведены поминки первого павшего стрелка, «символическим актом завершения» периода войны: «Новый либеральный режим отпраздновал возвращение своих во всяком случае номинально коммунистических сыновей с их дальних кампаний»⁹⁵.

Последний акт в Таллине

Для Эстонии, как и для Латвии, война против Советской России закончилась в 1920 г. Эстонская левая национальная революция победила уже весной 1919 г., когда Отто Страндман из Трудовой партии стал премьер-министром. Однако столкновения с идеологическими силами соседа продолжились на внутренней арене. В Таллине избранные городские власти часто были более социалистическими по сравнению с местными властями по всей стране. Хотя в первом муниципальном совете, избранном в 1919 г., не было ни одного коммуниста, в выборах в 1921 и 1923 гг. коммунистические организации участвовали под разными названиями и сформировали самые крупные фракции, соответственно 28 и 36 мест из 101. На деле они никогда не смогли в полной мере защищать интересы своих избирателей в быстро деиндустриализирующемся городе, так как многие депутаты вскоре были арестованы или уехали в Советскую Россию. Так, уже в конце 1922 г. «Коммунистические рабочие» отправили имена кандидатов из своего избирательного списка в муниципальный совет для того, чтобы заменить уехавших⁹⁶.

Хотя коммунистическая партия Эстонии была объявлена вне закона, коммунистическая деятельность как таковая оставалась легальной. В 1924-м в тесном сотрудничестве с профсоюзами «Единый рабочий фронт» весьма успешно претендовал на роль единственного представителя промышленных рабочих, которые столкнулись с безработицей. Фронт требовал повышения зарплат, сокращения рабочего дня, социальной страховки, лучших условий жизни и т. д.⁹⁷ Массовые демонстрации требовали предоставления трудящимся рабочих мест и социальной поддержки рабочих. Классовая риторика успешно притягивала малоимущих. Впрочем, государство не теряло бдительности. В мае 1922 г. после предательства одного из арестованных коммунистов полиция нашла ведущего эстонского коммуниста Виктора Кингиссеппа, который в 1917 г. отобрал власть в Таллине у Поски. Тем же вечером Кингиссепп был казнен. Позже, в мае, последовал

«Процесс 115 коммунистов», на котором многие из осужденных были членами демократически избранных властных структур Эстонии. То же самое случилось в 1924 г., когда после волны январских арестов в ноябре был организован «Процесс 149 коммунистов». Один из осужденных был приговорен к смертной казни, а 39 — к пожизненному сроку принудительного труда. Этот процесс стал непосредственным поводом для неудачного коммунистического государственного переворота 1 декабря 1924 г., после которого коммунистическая деятельность в Эстонии была полностью объявлена вне закона.

Путч организовали эстонские коммунисты из советской ссылки и эстонского подполья с согласия Коминтерна и его руководителя Григория Зиновьева. В течение первых часов 1 декабря благодаря эффекту неожиданности коммунисты смогли захватить некоторые стратегически важные здания. Вскоре полиция и армия вернули эти здания под свой контроль. Вечером узурпаторы были арестованы⁹⁸. Конечно, этот неудавшийся переворот можно в первую очередь рассматривать как антиэстонское нападение. В то же время это была последняя попытка реализовать имперскую утопию в советском формате. Насколько нам известно, для коммунистических активистов отсутствие поддержки таллинских рабочих стало очень неприятным сюрпризом. За два года до попытки переворота треть избирателей города поддержали коммунистический список в Таллине, но теперь они остались безразличными. 1 декабря на улицах Таллина только 350 человек активно участвовали в событиях, среди них также агенты эстонской полиции и армии. Коммунисты в других эстонских городах также остались пассивными, очевидно из-за того что они ждали сигнала из Таллина, который так и не пришел. Подразделения Красной армии по другую сторону границы, готовые накануне попытки переворота среагировать на призыв помощи из Таллина, также бездействовали⁹⁹.

Обычно в эстонской историографии считается само собой разумеющимся то, что граждане «повернулись спиной к коммунистам» во время попытки переворота¹⁰⁰. Мы не знаем, как объяснить заблуждения коммунистического руководства, решившего, что это был подходящий момент для переворота — сразу после «Процесса 149 коммунистов». Конечно, Коминтерн должен был что-то предпринимать, для того чтобы в интересах мировой революции спасти положение. Более того, уже в годы до попытки переворота советские

публикации представляли Эстонию как охваченную буржуазным национализмом, с рабочими, страдающими от гнета эстонских и международных капиталистов. Эти публикации наводили на мысль, что рабочим достаточно только сказать об их положении рабов эстонских капиталистов, и их национализм был бы усмирён. У читателей могло сложиться представление, что то же самое относилось к эстонской армии, которая была ненадежной из-за своего социального состава¹⁰¹. Как показал декабрь 1924 г., это было не так. В начале 1920-х эстонские газеты регулярно сообщали своим читателям об условиях жизни в Советской России, уделяя особенное внимание эстонским поселенцам. Это прежде всего касалось «оптантов», эстонцев из России, которые после эстонско-советского мирного договора, подписанного в начале 1920 г., получили возможность переехать в Эстонию (в конечном итоге 40 000 мигрировало)¹⁰². Очевидно, что в 1924 году люди больше не верили в потенциал советского революционного прогресса.

Таким образом, в Эстонии все представления о российском имперском будущем ушли в тень. Крах коммунистического проекта в 1924 г. сделал национальное решение единственным возможным вариантом. Более того, попытка переворота поставила на повестку парламента проблему другой группы потенциальных повстанцев — немцев. Для того чтобы любая потенциальная угроза со стороны немцев стала маловероятной, в 1925 г. Эстония приняла закон о культурной автономии национальных меньшинств, что тогда считалось весьма незаурядным решением национального вопроса¹⁰³. Впрочем, Эстония к этому моменту была весьма однородной с точки зрения этнического состава: 90 % ее населения составляли представители титульной нации.

Заключительные замечания

В итоге — такого рода этническая гомогенизация была характерна для обеих столиц новообразованных государств. В Таллине в 1922 г. проживало 122 419 (в 1913-м — 116 131) жителей, из которых эстонцы составляли 83,8 % (71,6 %), русские — 6,2 % (11,4 %) и немцы — 5,6 % (10,7 %)¹⁰⁴. В отличие от Таллина Рига еще не отошла от потерь населения, которые город понес в военные годы. В 1925 г. в Риге проживало только 337 699 жителей (по сравнению с 507 476 в 1913 г.), но доля латышей выросла до 59 % (40,4 %), в то время как

доля немцев снизилась до 13% (15,9%), а русские (включая белорусов) не достигали уже даже 9% (21,8%)¹⁰⁵. Уже статистические показатели ясно указывают, какой город пострадал больше в процессе трансформации из имперского города в столицу национального государства. Однако с точки зрения этнической гомогенизации оба города следовали схожей траектории, и необходимо отметить, что значительная часть представителей «имперских» меньшинств, русских и немцев, покинула город. Хейтли отмечает, что состав русского меньшинства особенно изменился в Риге. Хотя многие староверы остались в Риге, тем не менее в начале 1920-х значительная доля русских в городе включала скорее беженцев из Советской России, а не тех, кто покинул город или был эвакуирован во время войны. Больше не было российской администрации и военного присутствия, что полностью изменило русское присутствие в городе¹⁰⁶.

Для посетителей из других западноевропейских центров постреволюционной эмиграции и Рига, и Таллин все еще напоминали русский мир царской империи, не в последнюю очередь из-за живой православной культуры. Даже в 1929 г. редактор известной иммигрантской газеты «Последние новости» Яков А. Цвибак (псевдоним — Юрий Седых) нашел в магазинах и на улицах Риги вывески на русском. Когда он увидел, как перед собором перекрестилась старуха, он почувствовал себя в России своего детства: «Рига сейчас латышский город, это чувствуется на каждом шагу, — признавал он, — но русско-го здесь осталось бесконечно много»¹⁰⁷. Однако Цвибак прекрасно понимал, что это только декорация прошлого. Для того чтобы привезти в Париж немного «настоящей» русской земли, он тем не менее, несмотря на грозящую опасность, решил пересечь советскую границу в Восточной Латвии¹⁰⁸. Таким образом, Рига не была «настоящей» русской, но она на самом деле никогда таковой не была¹⁰⁹.

Что же касается немцев, то аграрные реформы в обеих странах лишили дворянство их традиционной власти. Вместо того чтобы опираться на землевладение как основу их социального положения и культурной идентичности, им теперь пришлось смириться с новым статусом городского по сути меньшинства. Некоторые уехали в Германию, однако многие другие остались и более или менее адаптировались к новым реалиям. Экономическая реориентация после коллапса российского рынка ударила по всем слоям городского населения Таллина и Риги. Социосферы городов кардинально изменились, когда

бывшие индустриализированные пригороды потеряли свое назначение и возможность предоставлять работу. Старые городские центры, ранее почти исключительно заселенные немцами, столкнулись с наплывом латышей и эстонцев. Во многих сферах проходили процессы «латышизации» и «эстонизации», о которых мы все еще знаем очень мало (за исключением традиционных односторонних подходов с исключительно национальным фокусом)¹¹⁰.

Таким образом, два бывших нерусских имперских города, какими они представлены в статье, — яркий пример преимуществ исследовательских подходов, которые принимают мультикультурность как данность. Тем не менее у нас все еще нет всесторонних исследований, особенно по эстонской столице. После 5 лет войны, революции и различных политических режимов Таллин и Рига полностью изменились не только с точки зрения демографии. После того как в 1922 г. в Таллине на площади Петра (*Peetriplats*) был снесен памятник Петру Первому, это место было переименовано в Площадь свободы (*Vabaduse Plats*). В Риге на месте памятника Петру, который был эвакуирован в 1915 г., в 1935 г. открыли памятник Свободе.

Многие такие топонимические изменения символизировали переход городского пространства в руки титульных наций. Таким образом, их история, которая до этого не была тесно и исключительно связана с городским пространством, оживала на улицах Таллина и Риги. Архитектурное превращение в национальные столицы было разносторонним процессом, который не был завершен, так как в результате советской аннексии в 1940 г. города опять поменяли свой статус¹¹¹. Последовавшее за этим превращение столиц национальных государств в провинциальные города другой, советской империи, следует изучать отдельно.

Примечания

¹ См.: *Hirschhausen U. v.* Die Grenzen der Gemeinsamkeit: Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2006 = Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Vol. 172. S. 12–17.

² *Clavin P.* Defining Transnationalism // *Contemporary European History*. 2005. Vol. 14. Iss. 4. P. 421–439; *Meyer J.-H.* Transnationale Geschichte: Eine Perspektive // *Historische Mitteilungen der Ranke-Gesellschaft*. 2013/14. H. 26. S. 366–382.

³ Подробнее см.: *Hatlie M.* Riga at War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2014 = Studien zur Ost-

mitteleuropaforschung. Bd. 30. S. 8–11. Например, мы до сих пор почти ничего не знаем о тех немцах в Таллине и Риге, которые не принадлежали к высшим классам. Они просто не оставили после себя большого количества источников. См.: *Ferberg N.* Sozialdemokratische Aktivitäten unter den Deutschbalten in Lettland // *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*. 2006. Bd. 53. S. 177–199; *Angermann N.* Die Deutschbalten — eine Oberschicht? // *Mythen der Vergangenheit: Realität und Fiktion in der Geschichte*. Jürgen Bracker zum 75. Geburtstag / O. Pelc (hg.). Göttingen, 2012. S. 247–263.

⁴ *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной Думе (1912–1917) // *Историк и современник: историко-литературный сборник*. Кн. II. Берлин, 1922. С. 21–22.

⁵ Современные национальные историографии в Эстонии и Латвии до сих пор не занимались исследованием городской истории этого периода. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, национальные нарративы заинтересованы в создании национальных государств, а не в периодах беспорядка и отчаяния. Во-вторых, даже если будущие столицы играют какую-то роль в этих нарративах, то только из-за того, что события, происходившие в них, позже привели к созданию национальных государств. В-третьих, история этих полиэтничных городов в рассматриваемый период требует лингвистических навыков, которые теперь довольно редки. Однако современная международная историография пытается в какой-то мере заполнить эту лауну. Для периода до 1914 года см.: *Riga: Portrait einer Vielvölkerstadt am Rande des Zarenreiches 1857–1914* / E. Oberländer, K. Wohlfart (hgg.). Paderborn *et al.*: Schöningh, 2004; *Hirschhausen U. v.* Die Grenzen der Gemeinsamkeit; *Woodworth B. D.* Civil Society and Nationality in the Multiethnic Russian Empire: Tallinn/Reval 1860–1914: PhD Diss. Bloomington: Indiana University, 2003; *Idem.* Administrative Reform and Social Policy in the Baltic Cities of the Russian Empire: Riga and Reval 1870–1914 // *Jahrbuch für europäische Verwaltungsgeschichte*. 2004. Bd. 16. S.111–150. На данный момент издано только одно разностороннее исследование Риги после 1914 г.: *Hatlie M.* Riga at War. К сожалению, аналогичной книги по Таллину еще не появилось. Также см. недавно изданные популярные «биографии» двух городов: *Fülberth A.* Riga: Kleine Geschichte der Stadt. Cologne *et al.*: Böhlau, 2014; *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Tallinn: Kleine Geschichte der Stadt. Cologne *et al.*: Böhlau, 2011.

⁶ *Hatlie M.* Op. cit. P. 274–276.

⁷ Эти данные не в полной мере сопоставимы, так как территории, на которых они подсчитывались, отличались. Больше подробностей по Риге см.: *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 48 и по Таллину: *Woodworth B. D.* Civil Society. P. 21.

⁸ О Таллине см.: *Woodworth B. D.* Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. Iss. 2. P. 135–162.

⁹ *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Op. cit. S. 184, 191–92; о довоенной промышленности в Эстляндии см.: *Pihlamägi M.* Eesti tööstus Eesimese maailmasõja aastail (1914–1918) // *Esimene maailmasõda ja Eesti* / T. Tannberg (ed.). Tartu: Eesti Ajalooarhiiv, 2014; *Eesti Ajalooarhiivi toimetised* = Acta et commentationes Archivi Historici Estoniae. Vol. 22. № 29. P. 170–199.

¹⁰ По Риге см.: *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 57–58; по Таллину см.: *Woodworth B. D.* Civil Society. P. 21; Tallinna ajalugu XIX sajandi 60-ndate algusest 1965. aastani / R. Pullat (ed.). Tallinn: Eesti Raamat, 1969. P. 36. Во всех опросах использовался разговорный язык в качестве критерия для определения этнического состава, что в какой-то мере позволяет использовать таблицу для сравнительного анализа. Как правило,

численность «немцев» может быть, таким образом, несколько завышена. Численность евреев актуальна только для Риги. В то время как в 1867 г. в городе проживало 5254 (5,1%) еврея, к 1913 г. их численность составила 21771 (4,3%). В этом году жители, общавшиеся на польском, составляли 7,2%, а также было более 10% использовавших другие языки. См.: *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 57–58.

¹¹ Там же.

¹² Для общего обзора истории балтийских губерний начала XX в. см.: *Kasekamp A.* A History of the Baltic States. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 76–94; *Plakans A.* A Concise History of the Baltic States. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 254–300; *Pistohlkors G. v.* Die Ostseeprovinzen unter russischer Herrschaft (1710/95–1914) // *Baltische Länder / G. v. Pistohlkors* (hg.). Berlin: Siedler Verlag, 1994. S. 416–450; об отношениях балтийских немцев с имперским центром см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале 20 века. СПб.: Мир, 2008; *Henriksson A.* Vassals and Citizens: The Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2009 = Materialien und Studien zur Ostmitteleuropa-Forschung, Bd. 21.

¹³ *Woodworth B.D.* Civil Society. P. 222.

¹⁴ *Mäeltsemees S.* Tallinna linna juhtimin: 100 aastat eestlaste võimuletulekust pealinnas. Tallinn: Tallinna Tehnikaülikool, 2004. P. 23–24; *Woodworth B.D.* Civil Society. P. 223–224.

¹⁵ *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 28–29.

¹⁶ Последние публикации по Эстонии см.: *Karjahärm T.* 1905. aasta Eestis: Massiliikumine ja vägivald maal. Tallinn: Argo, 2013; *Idem.* 1905. aasta Eestis: sotsialistid ja terroristid. Tallinn: Argo, 2015; *Idem.* Gewalt in Estland im Jahre 1905: Emotionale Anomalie oder ein Faktor der Modernisierung? // Wandel und Anpassung in der Geschichte Estlands 16.–20. Jahrhundert / Change and Adaptation in Estonian History 16th–20th Century / *K. Brüggemann* (hg.). Lüneburg: Nordost Institut, 2014 = Nordost-Archiv. 2013. Bd. 22. S. 140–174.

¹⁷ *Brüggemann K.* Representing Empire, Performing Nation? Russian Officials in the Baltic Provinces (late 19th / early 20th centuries) // *Ab Imperio.* 2014. Iss. 3. P. 231–266.

¹⁸ О значении железных дорог в империи см.: *Schenk F.B.* Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart: Steiner, 2014 = Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 82.

¹⁹ Об Армистеде см.: *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 110–114; цит. (p. 111): *Radcliffe M.* A Baltic Story. Riga: Rīgas Dome, 1997. P. 113; о Лендере: *Woodworth B.D.* Civil Society и *Lender E.* Minu lastele. Stockholm: EMP, 1967; Tallinn: Eesti Päevaleht, 2010.

²⁰ *Sillaots M.* Sealtpoolt künniseid: Tagasivaade. Tallinn: Kultuurileht, 2009. P. 94.

²¹ *Brüggemann K.* Fremde im eigenen Imperium: Russische ethnografische Beschreibungen finnischer und baltischer Völker an der Ostsee im späten Zarenreich // Nation und Sprache in Nordosteuropa im 19. Jahrhundert / *K. Maier* (hg.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2011 = Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Bd. 9. S. 49–73.

²² *Hackmann J.* Nachholende Nationalisierung: Das kurze Leben der Deutschen Vereine in den russländischen Ostseeprovinzen 1905–1914 // Vereinskultur und Zivilgesellschaft in Nordosteuropa: Association Culture and Civil Society in North Eastern Europe / *J. Hackmann* (hg.). Cologne *et al.*: Böhlau, 2012 = Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 20. S. 387–418; эти ассоциации охватывали примерно 40% немцев Эстландии.

²³ Только в мае 1914 г. немецкий лидертафель организовал концерт на свой 60-летний юбилей: *Plaesterer A. 75 Jahre Revaler Liedertafel: 1854–1929*. Reval: Estländische Druckerei Aktien-Gesellschaft, 1929. S. 192–199, 220–229; общий обзор см.: *Woodworth B. D. Music Associations and National Identity in Russia's Baltic Provinces: The Case of Tallinn: 1850–1914 // Vereinskultur und Zivilgesellschaft*. S. 307–327.

²⁴ *Woodworth B. D. Civil Society*. P. 127–128; о песенных фестивалях см.: *Brüggemann K., Kasekamp A. “Singing oneself into a nation?”: Estonian Song Festivals as Rituals of Political Mobilization // Nations and Nationalism*. 2014. Vol. 20. Iss. 2. P. 259–276.

²⁵ Простого объединения Южной Ливонии и Курляндии было бы недостаточно из-за латышей (преимущественно католической веры), проживающих в Латгалии, входившей в Витебскую губернию, см.: *Plakans A. Regional Identity in Latvia: The Case of Latgale // Forgotten Pages in Baltic History: Diversity and Inclusion / M. Housden, D.J. Smith (eds.)*. Amsterdam: Rodopi, 2011 = *On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics*. V. 30. P. 49–70.

²⁶ Согласно *Hatlie M. Riga at War*, p. 50, добровольное поступление на службу было особенно распространено среди учителей. См. там же, p. 34–35. По Эстонии см.: *Ast K. Mälestusi tormiselt teelt*. Stockholm: Vaba Eesti, 1961. P. 130–132; *Grosschmidt E. Suures heitluses: Mälestused*. Tartu: Noor-Eesti, 1937. P. 9; *Graf M. Eesti rahvusriik: Idee ja lahendus: ärkamisajast Eesti Vabariigi sünnini*. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda, 1993. P. 78–83; *Karjahärm T. Ida ja lääne vahel: Eesti-Vene suhted 1850–1917*. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1998. P. 204.

²⁷ *Eglit L. Eesti sõdurite sõjakogemus Esimeses maailmasõjas: võrdlev analüüs sõjaaegsete kirjade ja sõjajärgsete mälestuste põhjal: MA Thesis*. Tartu: University of Tartu, 2012. P. 55–57.

²⁸ *Блейре Д. и др. История Латвии: 20 век*. Riga: Jumava, 2005. С. 70–71; *Hatlie M. Op. cit.* P. 230.

²⁹ *Karjahärm T. Ida ja lääne vahel*. P. 208; *Блейре Д. и др. Указ. соч.* С. 71.

³⁰ [*Päts K.*]. *Eesti haritlase kiri Eestimaa aadeli seisue liikmele // Tallinna Teataja*, 13.12.1914; [*Idem*]. *Balti aadeli ja Eesti rahva vahekorra kujunemise võimalused // Tallinna Teataja*. 2015. 3 янв. См.: *Karjahärm T. Eesti-saksa kompromiss 1915. aastal // Esimene maailmasõda ja Eesti*. P. 108–110.

³¹ *Zetterberg S. Eesti ajalugu*. Tallinn: Tänapäev, 2009. P. 375. Автор утверждает, что «по словам самого Пятса, война была священной». Понятие «священная война» появляется как минимум однажды в газете “Tallinna Teataja”, редактором которой был Пятс, в анонимной передовой статье. В статье «Войны и надежды народов» автор утверждал, что текущая война — «святая война» для всех «балтийских народов» (то есть «наших соседей — латышей и литовцев»), так как в ней идет борьба с «нашими угнетателями и поработителями». После войны эти народы ожидали «возвращения их национальных прав». См.: *X. Sõda ja rahvaste lootused // Tallinna Teataja*. 1914. 22 сент. — за эту ссылку я благодарен своему коллеге Тоомасу Карьяярму. Насколько известно, Пятс не использовал псевдоним «X.», но как главный редактор он хотя бы должен был быть согласен с идеями, выраженными в этой передовой статье.

³² *Woodworth B. D. Civil Society*. P. 325; см. также: *Idem. An Ambiguous Monument: Peter the Great's Return to Tallinn in 1910 // R. Büttner [R. Büttner], V. Dubina, M. Leonov (eds.)*. Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв.: сб. материалов междунар.

конф. "Russia and the Baltic States: Political Relations, National Identity and Social Thought in XVIII–XX Centuries" (Самара: Паpus, 2001). С. 205–219.

³³ *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 331. На самом деле город не только заплатил 28 000 руб. на памятник, но и выделил также 400 000 руб. на «городское развитие, включая новый булыжник для улиц, новый парк Петра, несколько общежитий для детей, людей пожилого возраста и бедных, а также образовательные учреждения»: *Hatlie M.* Op. cit. P. 15.

³⁴ О визите Николая см.: *Hatlie M.* Op. cit. P. 14–23.

³⁵ См., напр., *Годунов В. И.* Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летию юбилею завоевания ее Россией (1710–1910). Ревель: Тип. Авг. Миквица, 1910; *Рогозиников И. И.* К двухсотлетию присоединения Эстляндии к державе Российской. Ревель: Г. Геберт, 1910; *Сивицкий С. Н.* К двухсотлетию русского владычества в Прибалтийском крае, 1710–1910 г. Исторический очерк Прибалтийского края. Северная война в пределах Прибалтийского края. Осада и взятие Риги. С 3 портретами, планом Риги и картой края. Рига: Издание Рижского педагогического общества, 1910.

³⁶ О капитуляциях рыцарства в 1710 г. см.: *Die baltischen Kapitulationen von 1710: Kontext – Wirkungen – Interpretationen / K. Brüggemann, M. Laur, P. Piirimäe (hgg.).* Cologne *et al.*: Böhlau, 2014.

³⁷ *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Op. cit. S. 213–216; *Hatlie M. R.* Flags and Bayonets: Mass Celebrations in Riga 1910–1920 // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2002. Bd. 51. H. 4. S. 475–499.

³⁸ См.: *Karjahärm T.* Eesti-saksa kompromiss 1915. aastal.

³⁹ *Tannberg T.* Saateks: Lisandusi suure ilmasõja kui "unustatud sõja" tundmaõppimiseks // *Esimene maailmasõda ja Eesti*. P. 12.

⁴⁰ *Must A.* Privileegeritust põluluseks: baltisaksa ühiskonnategelaste repressioonide esimene maailmasõja ajal // *Ibid.* P. 15–107; *Idem.* Von Privilegierten zu Geächteten: Die Repressalien gegenüber deutschbaltischen Honoratioren während des Ersten Weltkrieges. Tartu: University of Tartu Press, 2014.

⁴¹ Об этом см.: *Hatlie M.* Riga at War. P. 41–51, цитата — p. 51, и *Fülberth A.* Op. cit. S. 167–168.

⁴² *Pihlamägi M.* Op. cit. P. 175, 187–192.

⁴³ *Ibid.*; *Sillaots M.* Op. cit. P. 95–96, 100–101; см. также: *Lust K.* Võitluse toidu hinna tõusuga Eestis 1914. aastast 1917. aasta kevadeni // *Esimene maailmasõda ja Eesti*. P. 200–216.

⁴⁴ *Sillaots M.* Op. cit. P. 124.

⁴⁵ *Блейере Д.* и др. Указ. соч. С. 77–80.

⁴⁶ Там же. С. 80–81.

⁴⁷ *Hatlie M.* Riga at War. P. 61–63, цитата — p. 63. Интересно, что А. Fülberth (Riga. *Kleine Geschichte der Stadt*, s. 169) совсем не упоминает события, связанные с Февральской революцией в городе.

⁴⁸ *Hatlie M.* Riga at War. P. 65–66; *Блейере Д.* и др. Указ. соч. С. 83.

⁴⁹ *Hatlie M.* Riga at War. P. 67–70; *Блейере Д.* и др. Там же.

⁵⁰ *Sillaots M.* Op. cit. P. 118.

⁵¹ *Päälinna külalised Tallinnas // Postimees*. 1917. 10 apr. P. 3; *Zetterberg S.* Eesti ajalugu. P. 380–381; *Eesti ajalugu V: Põrisesõjuse kaotamisest Vabadussõjani / Т. Каржахärm, Т. Rosenberg (eds.).* Tartu: Ilmamaa, 2010. P. 413. О популярности Марсельезы: *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven: Yale Univ. Press, 1999. P. 30–79 (chapter "The Symbolic Revolution").

- ⁵² *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 44.
- ⁵³ *Pajur A.* "Meie riigipoliitiliseks paleuseks on autonoomia". 30. märtsi 1917. aasta näärus Eestimaa ajutise valitsemiskorra kohta // *Esimene maailmasõda ja Eesti*. P. 217–269.
- ⁵⁴ *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Op. cit. S. 219–223.
- ⁵⁵ *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 45–46; см. протоколы заседания Таллинской городской думы (24/08/1917): Tallinna ajaloo lugemik. Dokumente 13.–20. sajandini / T. Kala *et al.* (eds.). Tallinn: Tallinna Linnaarhiiv, 2014. P. 439–447.
- ⁵⁶ *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Tallinn. S. 223–224.
- ⁵⁷ *Sillaots M.* Op. cit. P. 118–119.
- ⁵⁸ Для общего обзора ситуации см.: *Brüggemann K.* National and Social Revolution in the Empire's West: Estonian Independence and the Russian Civil War, 1917–1920 // *Russia's Home Front in War and Revolution 1914–22. Book 1: Russia's Revolution in Regional Perspective* / S. Badcock, L. Novikova, A. B. Retish (eds). Bloomington: Slavica Publishers, 2015. P. 143–174.
- ⁵⁹ *Swain G.* The Disillusioning of the Revolution's Praetorian Guard: The Latvian Riflemen, Summer – Autumn 1918 // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. Iss. 4. P. 667–686.
- ⁶⁰ *Pajur A.* Die Bildung estnischer Militäreinheiten 1917–1918 // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2015. Bd. 10. S. 136–162.
- ⁶¹ *Radkey O.* Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1990. P. 35–36; *Graf M.* Eesti rahvusriik. P. 179–182.
- ⁶² Об этом коротком периоде власти большевиков в Эстонии см.: *Brüggemann K.* "Foreign Rule" during the Estonian War of Independence 1918–1920: The Bolshevik Experiment of the "Estonian Worker's Commune" // *Journal of Baltic Studies*. 2006. Vol. 37. Iss. 2 = Special Issue: Foreign Rule and Collaboration in the Baltic Countries, 1860–1920. New Directions in Research. Guest Editor: K. Brüggemann. P. 210–226.
- ⁶³ *Dehio W.* Erhard Dehio. Lebensbild eines baltischen Hanseaten 1855–1940. Heilbronn: Eugen Salzer-Verlag, 1970. S. 186.
- ⁶⁴ *Dehio W.* Op. cit. S. 190.
- ⁶⁵ *Sillaots M.* Op. cit. P. 137; *Dehio W.* Op. cit. S. 192.
- ⁶⁶ *Pajur A.* Die Geburt des estnischen Unabhängigkeitsmanifests 1918 // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2006. Bd. 1. S. 151, 157–158.
- ⁶⁷ *Dehio W.* Op. cit. S. 198.
- ⁶⁸ *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 47–48.
- ⁶⁹ *Sillaots M.* Op. cit. P. 138–139.
- ⁷⁰ *Dehio W.* Op. cit. S. 213–214.
- ⁷¹ *Luiga G.E.* Eesti-Saksa wahekord Baltimaal. Tallinn: Tallinna Eesti Kirjastus-Ühisus, 1919. P. 37.
- ⁷² *Hatlie M.* Riga at War. P. 71–73.
- ⁷³ *Ibid.* P. 84–86. О голодных бунтах в Таллине см.: *Sillaots M.* Op. cit. P. 140.
- ⁷⁴ О Вейнбергере см.: *Hirschhausen U. v.* Op. cit. S. 120–124; *Hatlie M.* Riga at War. P. 246–248.
- ⁷⁵ *Hatlie M.* Riga at War. P. 256–259.
- ⁷⁶ *Laaman E.* Eesti iseseisvuse süünd. Stockholm: Vaba Eesti, 1964. P. 279–293; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und

unteilbaren Rußland”: Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkrieges 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002 = Forschungen zum Ostseeraum 2002. Bd. 6. S. 64–67; *Kuldkepp M.* Intrigiid, provokatsioonid ja iseseisvuse süünd: Eesti välisdelegatsioon ja Aleksander Kesküla // *Ajalooline Ajakiri*. 2013. Iss. 3 (145). P. 321–374.

⁷⁷ *Arens O.* The Estonian Question at Brest-Litovsk // *Journal of Baltic Studies*. 1994. Vol. 25. Iss. 4. P. 305–330.

⁷⁸ *Блейере Д.* и др. Указ. соч. С. 123. См. также: *Henning D.* Die Legende vom dritten Weg: Die sozialistische Sowjetrepublik Lettlands (1918–1920) // *Journal of Baltic Studies*. 1994. Vol. 25. Iss. 4. P. 331–348; *Swain G.* Starting the World Revolution: Latvia's Soviet Republic of 1919 в готовящемся к изданию сб.: *Russia's Great War and Revolution, 1914–1922: Borderlands and Conflicts* / A. Marshall, S. Sabol, J. Steinberg (eds.). Bloomington: Slavica Publishers. Я благодарен Джоффу Суэйну, который предоставил мне рукопись.

⁷⁹ *Swain G.* Starting the World Revolution, цит.: *Popoff G.* The City of the Red Plague: Soviet Rule in a Baltic Town. London: Allen and Unwin, 1932. P. 48, 53, 69, 72. См. также *Hatlie M.* Riga at War. P. 105–106.

⁸⁰ *Hatlie M.* Riga at War. P. 107–108, цит. — p. 108; *Swain G.* The Disillusioning; *Idem.* Starting the World Revolution.

⁸¹ Swain G. Starting the World Revolution; цитата: *Hatlie M.* Riga at War. P. 114.

⁸² *Plakans A.* The Latvians: A Short History. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. P. 118.

⁸³ *Hatlie M.* Riga at War. P. 129–130.

⁸⁴ *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 54.

⁸⁵ Об этой короткой, но эмоционально очень оспариваемой битве, которая имела место всего за несколько дней до того, как германская сторона подписала Версальский мирный договор, см.: *Brüggemann K.* Legenden aus dem Landeswehrkrieg: Vom “Wunder an der Düna” oder Als die Esten Riga befreiten // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa Forschung*. 2002. Bd. 51. S. 576–591; *Pajur A.* Der Ausbruch des Landeswehrkriegs: Die estnische Perspektive // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2009. Bd. 4. S. 145–169; *Zellis K.* Die Schlacht bei Cēsis, die Esten und das Historische Bewusstsein der Letten // *Ibid.* S. 170–189; о дальнейшей судьбе битвы: *Брюггеманн К.* Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3 (101). С. 232–249.

⁸⁶ *Hatlie M.* Riga at War. P. 134–135.

⁸⁷ *Brüggemann K.* Legenden aus dem Landeswehrkrieg. S. 589.

⁸⁸ *Hatlie M.* Riga at War. P. 135.

⁸⁹ *Ibid.* P. 136–139.

⁹⁰ *Brüggemann K.* National and Social Revolution. P. 167–170.

⁹¹ *Бережанский Н. С.* П. Бермондт в Прибалтике в 1919 г.: из записок бывшего редактора // *Историк и современник*. Кн. I. Берлин, 1922. С. 44–50; *Hatlie M.* Riga at War. P. 147–148; об эпизоде с Юденичем: *Brüggemann K.* National and Social Revolution; *Idem.* Defending National Sovereignty Against Two Russias: Estonia in the Russian Civil War, 1918–1920 // *Journal of Baltic Studies*. 2003. Vol. 34. Iss. 1. S. 22–51.

⁹² *Бережанский Н. С.* Указ. соч. С. 65; *Hatlie M.* Riga at War. P. 148–150.

⁹³ *Hatlie M.* Riga at War. P. 274.

⁹⁴ *Fülberth A.* Op. cit. S. 174–175.

⁹⁵ *Hatlie M.* Riga at War. P. 145.

⁹⁶ Кстати, ситуация повторилась в 1924 г., на этот раз с «Единым рабочим фронтом»: *Mäeltsemees S.* Op. cit. P. 58–63.

⁹⁷ Eesti ajalugu VI. Vabadsusajast taasiseseisvumiseni / A. Pajur, T. Tannberg (eds.). Tartu: Ilmamaa, 2005. P. 73.

⁹⁸ Подробнее см.: Mäss: Detsembrimäss / aprillimäss / T. Pruuli (ed.). Tallinn: Eetriüksus, 2008.

⁹⁹ Eesti ajalugu VI. P. 75–76.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 76.

¹⁰¹ См., напр.: *Tikk K.* Эстония. М.: Высший военный совет, 1924; *Brüggemann K.* Образ Прибалтики в раннем советском страноведении: старые стереотипы и новые образы врагов // Россия и прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире / Т. М. Джаксон и др. (ред.). М.: УРСС / Ленанд, 2012. С. 46–62.

¹⁰² *Rannast-Kask L.* Venemaa eestlaste ja opteerimise kuvand Eesti ajakirjanduses aastatel 1920–1924 // *Ajalooline Ajakiri*. 2016. Iss. 1 (155). P. 71–102.

¹⁰³ *Aun K.* Der völkerrechtliche Schutz nationaler Minderheiten in Estland von 1917 bis 1940. Hamburg: Hansischer Gildenverlag, 1951; *Housden M.* On their Own Behalf: Ewald Ammende, Europe's National Minorities and the campaign for Cultural Autonomy 1920–1936. Amsterdam: Rodopi, 2014 = On the Boundary of two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics. Vol. 37.

¹⁰⁴ *Brüggemann K., Tuchtenhagen R.* Op. cit. S. 236.

¹⁰⁵ Otrā tautas skaitīšana Latvijā 1925. gadā 10. Februarī / M. Skujenieks (ed.). Riga: Valsts statistiskā pārvalde, 1925. P. 84–85.

¹⁰⁶ *Hatlie M.* Riga at War. P. 308–309.

¹⁰⁷ *Седых Ю.* Там, где была Россия. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1930. С. 22.

¹⁰⁸ Там же. С. 53, 88.

¹⁰⁹ О русском культурном восприятии балтийских губерний в царский период см.: *Brüggemann K.* The Baltic Provinces and Russian Perceptions in Late Imperial Russia // *Russland an der Ostsee: Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster* (16. bis 20. Jahrhundert) / *Russia on the Baltic: Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception* (16th–20th Centuries) / K. Brüggemann, B. D. Woodworth (hgg.). Vienna et al.: Böhlau, 2012 = Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 22. S. 111–141.

¹¹⁰ Однако недавно было опубликовано одно интересное исследование латышизации рижского научного сообщества, также привлекающее во внимание транснациональные факторы: *Bolin P.* Between National and Academic Agendas: Ethnic Policies and “National Disciplines” at the University of Latvia, 1919–1940. Huddinge: Södertörns Högskola, 2012.

¹¹¹ См. подробное исследование: *Fülberth A.* Tallinn – Riga – Kaunas: Ihr Ausbau zu modernen Hauptstädten 1920–1940. Cologne et al.: Böhlau, 2005 = Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart. Bd. 2.

Гжегож П. Бомбьяк

Варшава в годы Большой войны

Период I Мировой войны в истории города стал с разных точек зрения переломной эпохой. Произшедшие в то время трансформации (в политической, общественной и повседневной жизни), как и прямые последствия военных действий, предопределили дальнейшее развитие города в межвоенное двадцатилетие и стали предвестием того, что ему доведется испытать в ходе следующей войны.

Эта динамика становится очевидной, в частности, если сопоставить данные относительно численности населения, которая стремительно увеличивалась на рубеже XIX и XX вв. Этому способствовала прежде всего миграция крестьян, получивших свободу передвижения благодаря манифесту об отмене крепостного права в 1863 г. Если сразу после январского восстания 1863 г. Варшава насчитывала 244 000 жителей, то в каждое последующее десятилетие ее население увеличивалось на 100 000, чтобы к рубежу веков составить 700 000 жителей, а накануне I Мировой войны уже 885 000. Это фактически означало рост населения в четыре раза, что было исключительным явлением в масштабе Европы. В этом отношении Варшава стала седьмым по величине европейским городом после Лондона

(4,5 млн), Парижа (2,8 млн), Берлина (2,1 млн), Вены (2 млн), Петербурга (1,9 млн), Москвы (1,4 млн) и Будапешта (900 тыс.)¹.

В последней четверти XIX в. немецкий журналист Ф. Верник, посетивший Варшаву, не сомневался, что город, вопреки первому впечатлению, является западноевропейским по своему характеру. Он отмечал: «Несмотря на яркую и любопытную смесь народов, Варшава по-прежнему остается исконно польским городом, в котором присутствует польский язык, польская культура и польские формы повседневной жизни. Это славянское племя демонстрирует здесь необычайный талант к ассимиляции других народов, жизненную силу, свежесть и духовную эластичность...»² Эти наблюдения сохранили свою актуальность и спустя 25 лет, так же как и характеристика русских. Он писал о них так: «Живущих в Варшаве русских можно отнести к местным жителям лишь условно. Офицеры, чиновники, учителя и их семьи составляют основной костяк этой группы. Естественно, сфера их влияния несоизмеримо велика как с точки зрения политической, так и социальной, учитывая численность этой этнической группы, особенно с того времени, как была русифицирована система образования. До сих пор естественного притока русских в Варшаву не отмечается»³.

Тем не менее их численность увеличивалась вплоть до 1914 г. Без учета военных она составляла в 1864 г. ок. 3000, в 1892 г. — 17 000, а в 1913 г. уже 35 000. Однако с учетом увеличения численности населения это составляло лишь 4,1 % от общего числа⁴. Весьма специфическим был также социальный состав этого правящего слоя. В нем преобладали мужчины репродуктивного возраста при значительно меньшем проценте детей и пожилых людей. Таким образом, эта группа состояла прежде всего из военных и гражданских чиновников, многочисленных купцов и домовладельцев, а также небольшого числа рабочих.

Другой характерной чертой русской Варшавы было отсутствие сопоставимой по своему размаху с другими этническими группами культурной жизни. Русский клуб (осн. 1864) или Русское благотворительное общество (осн. 1868), организовывавшие концерты, скачки или спектакли, были случайными явлениями. Кроме официальной газеты «Варшавский дневник», у русской общественности не было никакого другого культурно-литературного издания, ни стационарного русского театра, ни собственной галереи. Единственное,

что связывало русских с польской культурной жизнью, были оперные спектакли в Большом театре и носившая более развлекательный характер оперетта. Известные артисты, выступавшие в Варшаве, как правило, останавливались здесь по дороге в столицу империи или на обратном пути из нее. В свою очередь, русские деятели, которых игнорировала польская публика, были призваны реализовать политический заказ властей, собственно, поэтому их выступления и не пользовались особой популярностью.

Варшава начала XX в. состояла из трех существовавших параллельно и лишь иногда пересекавшихся миров: уже упомянутой официальной русской Варшавы, польского города и еврейской Варшавы. Центр каждого из этих миров находился в той части, где представители данной группы преобладали над остальными. Как поляки и русские, так и евреи в этом общем пространстве пользовались родным языком, отмечали свои праздники, обладали собственным сакральным и светским пространством, следы которого сохранились до сих пор.

В уже цитировавшемся сообщении Ф. Верник писал далее: «Еврейская часть населения имеет много общих черт с немецкой, придавая местной жизни много существенных, любопытных акцентов. Евреи пришли из Германии. < ... > Торговля по большей части сосредоточена в руках евреев, причем не только крупная торговля, ворочающая миллионами, но также мелкая и совсем мелкая им подчинена»⁵. Причины такого положения крылись в гораздо более существенном, чем в случае с поляками, естественном приросте еврейского населения. Если в 1864 г. в Варшаве проживали 73 000 евреев, то в 1914 г. уже 337 000⁶.

Основным центром еврейской Варшавы была возведенная на ул. Гломацки Большая синагога (1878). Она была символом реформированного иудаизма и одним из красивейших сооружений этой части Европы. Она являлась также важным центром культурной жизни (проповеди в ней провозглашались по-польски), поскольку рядом с ней находилась огромная библиотека вместе с переданным ей в начале XX в. коллекционером М. Берсоном внушительным собранием иудаики. Синагога располагалась почти на границе еврейского квартала. Проходя сквозь эти невидимые городские ворота, местные жители плавно переходили с идиша на польский. Еврейский характер носили также такие важные пункты в центре города,

как ул. Лешно, пл. Железных ворот, пл. Гжибовская, а также на ряде отрезков — важнейшая артерия Варшавы — ул. Маршалковская. Как следует из подсчетов, в 1910 г. этой группе принадлежало 35,9% городской недвижимости, а, по свидетельству Верника, 64,5% ее представителей на рубеже веков зарабатывали на жизнь торговлей.

Большая синагога стала зримым свидетельством успешности европеизированной части варшавских евреев, что не совпадало с образом этой группы в целом. Большинство варшавских евреев молились в традиционных синагогах на Воле или Праге. Именно они, перемещаясь по городу в традиционных костюмах, и определяли еврейский колорит города. С той оговоркой, что в таком одеянии евреям запрещалось, например, появляться на ул. Маршалковской и в некоторых городских парках.

Ситуация изменилась после 1893 г., когда лицам, исповедующим иудаизм, по распоряжению царских властей было предписано переселиться за так называемую черту оседлости. Именно тогда за десять с небольшим лет в Царство Польское прибыло около 100 000 евреев, называемых литваками. С одной стороны, это привело к оживлению торговли и экспорта в Россию, а с другой — к радикализации общественных настроений. Литваки, говорившие преимущественно по-русски и поддерживаемые властями, отвергали любые формы ассимиляции с польским обществом, нивелируя тем самым уже имевшиеся к этому времени достижения с обеих сторон. Это, в свою очередь, стало непосредственным толчком для выдвижения народными демократами антисемитских лозунгов. Эти лозунги в первые десятилетия XX в. нашли благодатную почву в среде рабочих, мелких мещан, а также части интеллигенции. Здесь же берет свое начало призыв к экономическому бойкоту евреев, выдвинутый в 1913 г. Романом Дмовским, что ударяло в основном по бедноте.

Если пренебречь этническими различиями, то наиболее многочисленной социальной группой среди жителей Варшавы были рабочие. Варшава, наряду с Лодзью, была крупнейшим промышленным центром. Однако, в отличие от Лодзи, в Варшаве были сосредоточены различные отрасли промышленности (тяжелая промышленность, текстильная и т. д.). Численность рабочих, живших в городе, росла пропорционально росту населения и его промышленному развитию. Если в 1879 г. количество рабочих составляло 14 533 человека, т. е. 4,3% процента населения, то в 1900 г. оно выросло до 37 925

(т.е. до 5,5%), накануне революции в 1904 г. — до 55 632 (7,2%), а непосредственно перед началом войны уже до 80 211 человек, т.е. до 9,5% населения Варшавы⁷. Это делало город естественным оплотом рабочего движения, организованных забастовок, а также в 1905–1907 гг. кровавой вооруженной борьбы⁸.

В 1914 г. Варшава была городом, который в течение 100 лет входил в состав Российской империи и который — исключая короткий период Царства Польского — был лишен систематической поддержки государства. Это имело явный политический подтекст, поскольку роль одного из крупнейших городов западной части империи и формальной столицы после 1863 г. фактически свелась к положению заштатного губернского центра. Пережившая настоящий строительный бум в начале XIX в., украшенная многими зданиями государственного значения, к концу века Варшава, по сравнению с другими европейскими метрополиями, явно отставала в развитии инфраструктуры, которой не уделялось должного внимания. Это, впрочем, не затормозило ее экономического, демографического и территориального развития, а поддержку государства заменили общественные и частные инициативы.

После усиления процесса русификации, особенно в царствование Александра III, городское пространство стало своеобразным полем битвы, где каждый новый элемент приобретал символическое значение. Именно после 1863 г. количество возводимых православных храмов явно превысило потребности населения этого вероисповедания, а их расположение в ключевых пунктах города⁹, а также на выезде из него¹⁰ имело чисто политическое значение, о чем речь пойдет ниже.

Своего рода итогом этого тлеющего конфликта является яркий пример: открытие памятника Адаму Мицкевичу в Варшаве, состоявшееся в 1898 г. в столетие со дня рождения поэта. Фигура этого эмигранта, одного из ключевых деятелей культуры в сознании поляков, бывшего при этом противником царизма, в течение полувека весьма успешно исключалась цензурой из публичного пространства (что приводило на деле к обратному эффекту). Сооружение памятника, как и большинства подобных проектов, было инициировано «снизу» и профинансировано из добровольных пожертвований, таким же образом было организовано и строительство, например, филармонии и здания Общества поощрения изобразительных искусств

(своего рода замены Национального музея). Само торжественное открытие монумента, как и многих ему подобных, приобрело характер национальной манифестации. Призванное стать сигналом оттепели после царствования Александра III и знаком доброй воли юного Николая II, оно тем не менее не только подверглось критике со стороны российской политической элиты Варшавы, но и жителями города было воспринято как полумера. Опасаясь беспорядков, местные власти не позволили произносить каких-либо речей, поэтому торжество прошло в полной, пронзительной тишине, благодаря чему достигло гораздо большего пропагандистского эффекта. В свою очередь, сам памятник и его монументальный постамент с множеством пышных деталей, вызывающих сакральные ассоциации, были повсеместно восприняты как «алтарь Отечества». Кроме того, монумент призван был отвлечь внимание от стоявшего неподалеку, перед Дворцом наместника, памятника Ивану Паскевичу. Именно польский «князь поэтов» должен был господствовать в образе главной артерии города, а не царский князь Варшавский, подавивший польское восстание 1830 г. и героический порыв венгров в 1848 г.

В свою очередь, памятник Паскевичу, установленный перед Дворцом наместника 21 июля 1870 г. (по старому стилю), сразу же вызвал негативные эмоции среди жителей города. Он стал очередным звеном в ряду репрессий, которым подверглось Царство Польское после восстания. Памятник возник по воле царя Александра II, который лично отдавал создателям указания относительно его окончательного вида и местоположения. В соответствии с этими указаниями на постаменте, рядом с девизом фельдмаршала «Честь и верность», были помещены барельефы, изображавшие, в частности, штурм Еревана, покорение варшавской Воли, а также въезд с царем Николаем I и царицей Александрой в Варшаву в августе 1840 г. Надпись на памятнике гласила: «Князь Варшавский, граф Паскевич Ереванский».

Завершая этот сюжет, можно добавить, что другие памятники также утверждали особый статус Варшавы в рамках Российского государства. Стоит, в частности, напомнить, что до 1915 г. власти так и не решились установить над Вислой ни одного памятника в честь кого-либо из царей. С одной стороны, как период правления Николая I, так и более поздняя эпоха не способствовали инициативам такого рода, поскольку более важной задачей оставалось удержание непокорного города в повиновении. В свою очередь, с другой стороны,

существовали опасения, что во время очередного бунта такой памятник мог бы стать первой мишенью антицарских выпадов поляков.

Из-за отсутствия в Варшаве подобных знаков лояльности к монарху эта роль отводилась другим архитектурным сооружениям. Первой в этом ряду была, несомненно, Александровская цитадель, возведенная по личному распоряжению царя Николая I в 1823–1824 гг. Памятные слова, произнесенные царем в присутствии представителей польской аристократии в 1835 г., не оставляли иллюзий относительно ее предназначения: «Я повелел соорудить здесь Александровскую цитадель и клянусь вам, что при малейших беспорядках я прикажу разбомбить город, уничтожу Варшаву и точно не я буду ее отстраивать»¹¹.

Тот факт, что этим символическим знакам придавалось особое значение, подтверждает дальнейшая судьба российских памятников в Варшаве, особенно кн. Паскевичу. К. Г. Соколов в своей книге «Русская Варшава» сообщает, что в 1915 г. русские в ходе бегства не успели демонтировать памятник, который первоначально был демонстративно свергнут с постамента, а затем разобран 17 октября 1917 г. Его разбитые части долгое время валялись под путепроводом на ул. Карова, а впоследствии были переплавлены¹². Эта история нашла свое продолжение уже в наше время, поскольку на месте, где стоял монумент, теперь установлен памятник кн. Ю. Понятовскому, который до 1921 г. находился в качестве трофея в имени Паскевичей в Гомеле.

Эта война символов, которая велась с начала XIX в. и стала самой долгой битвой в современной Европе, оживилась вместе с ростом националистических настроений в Российской империи и усилением процесса русификации в Царстве Польском.

Своеобразными имперскими памятниками в городском ландшафте Варшавы были сооруженные там церкви. П. Пашкевич в своей монографии о российском искусстве прямо пишет о «культурной колонизации», справедливо замечая, что расположение некоторых храмов, воздвигнутых по инициативе царских властей в православной стилистике, не только не сочеталось с окружением, но и имело прежде всего политическое и пропагандистское измерение. Так, он приводит слова сына создателя крупнейшего из варшавских соборов, Александра Бенуа: «Я не поляк, однако я как-то принял к сердцу резкое, довольно-таки „бестактное“, да и прямо оскорбительное вторжение русского национализма в этот чисто западный город, начиная

со здания в „русском стиле“, что выросло позади памятника Копернику и в котором теперь расположилась русская гимназия»¹³.

Упомянутое переустройство дворца Сташица, в котором располагалось уничтоженное в ходе репрессий после восстания 1831 г. Варшавское научное общество, произошло в правление Александра III. В нем разместилась гимназия, а позже — церковь Св. Татьяны.

Венцом рассматриваемой концепции стало сооружение в самом центре города, на Саксонской площади, символического памятника в честь правления династии Романовых — крупнейшего православного храма в Варшаве, собора Св. Александра Невского. В данном случае стиль как таковой оказался уже недостаточным, поэтому власти решились на использование невиданной по своей монументальности формы. Взамен уже давно непопулярного в центральной России зодчества в псевдорусском стиле здесь была использована выражающая аналогичное содержание византийская стилистика, которая, однако, осталась совершенно чуждой для городского пейзажа Варшавы. Это дополнительно подчеркивалось расположением храма в самом центре города, что с точки зрения урбанистики было явным диссонансом. В свою очередь, как представляется, собор явился продолжением той концепции, которую до сих пор выражал стоявший на этом месте памятник Павшим генералам, сохранившим верность царю в 1830 г.

Непосредственным инициатором сооружения собора был царский генерал-губернатор Иосиф Гурко, который писал в одном из донесений Александру III, в результате полностью одобренному его планы: «Имеющиеся [в Варшаве] церкви наталкивают на мысль, что они принадлежат конфессии едва выносимой, ни в коей мере не господствующей, государственной. Их внутреннее убранство также не отвечает представлениям о мощи и величии православной религии»¹⁴. В данном случае этот храм не только отразил отношение к польскому населению, но и символизировал перестановку политических сил на международной арене после конгресса в Берлине и явного охлаждения в российско-немецких отношениях. Один из официальных документов того времени гласит, что этот собор, расположенный на западных рубежах, должен величественно и гордо вознести крест и золотые купола. Своим присутствием он призван был заявить миру и беспокойным полякам о неизбежности православия на этих землях. Подобно воинскому стягу, он давал бы

ясно понять, что российская власть и народ не уступят ни пяди этой земли. Кроме того, возведение столь величественного храма в Варшаве стало бы очевидным сигналом для остальных славян, внушая им надежду на объединение под защитой православия¹⁵. В свою очередь, премьер-министр П. Столыпин высказался так: «...сооружению в Варшаве, центре католической страны, православного собора, размер которого и богатое убранство соответствовали бы господствующей в государстве религии, правительство всегда придавало чрезвычайно важное значение»¹⁶.

Автором проекта, получившего высокую оценку и особую награду от царя, был архитектор Леонтий Бенуа, профессор Петербургской академии художеств, который создал также эскизы для росписей центрального нефа храма. Относительно художественного уровня проекта следует признать *sine ira et studio* его несомненные эстетические достоинства. Тем не менее собор воспринимался прежде всего как символ российского господства, и такое отношение сделало его в период I Мировой войны разменной монетой для немцев, пытавшихся завоевать расположение поляков.

Один из представителей политической элиты в 1915–1918 гг. гр. Богдан Гуттен-Чапский в своих мемуарах отмечал: «Примерно за 20 лет до начала войны русские решили построить на Саксонской площади, в самом сердце Варшавы, огромный собор < ... > Из-за многочисленных злоупотреблений строительство растянулось надолго. В русской среде родилась легенда, что его окончание будет знаком конца российского господства в Польше. Перед самой войной состоялась пышная церемония освящения собора. Польское общество восприняло это торжество как вызов. После завоевания Варшавы я предпринял шаги к тому, чтобы этот храм, который благодаря своим огромным позолоченным куполам придавал городу русский характер, был передан католическому вероисповеданию в знак триумфа польского католического костела над навязанной православной верой. Г. Беселер отнесся к этому вопросу весьма благосклонно, чего нельзя сказать о католическом клире, поскольку тогда еще многие верили, что русские могут вернуться, и боялись мести. Не будучи в состоянии реализовать свои устремления, я пришел к мысли о превращении собора в межконфессиональный гарнизонный храм. Эта идея нашла поддержку, и 25 февраля 1916 г. католический полевой епископ Йоппен освятил собор»¹⁷.

Несмотря на возражения части интеллигенции, собор был окончательно разобран в 1924–1926 гг., а его фрагменты были использованы, в частности, в королевском склепе в замке на Вавеле, в костеле Спасителя в Варшаве, в соборе Опеки Богоматери в Барановичах, а также при создании варшавских памятников Сирены и Яна Килинского.

В начале XX в. один из крупнейших польских финансистов, король железных дорог, как его называли, и одновременно отец европейского пацифизма, Ян Готлиб Блох¹⁸ в своем монументальном труде «Грядущая война» писал: «Если раньше на поле боя отправлялось ограниченное число действующих войск и резервистов под предводительством профессиональных офицеров, то сегодня на поле выходят целые народы: все постепенно, в соответствии с возрастом, будут поставлены под ружье, так что в результате под знаменами может оказаться все здоровое мужское население до 45 лет, а в некоторых странах и до 50 лет < ... > Эти сонмы людей получают вооружение несоизмеримо более внушительное и смертоносное, чем раньше, к тому же не испробованное еще ни в одной крупной регулярной войне. Поля сражений не будут больше покрыты пороховым дымом»¹⁹.

1914–1918 гг. были отмечены резким спадом количества жителей Варшавы как раз из-за беспрецедентно смертоносного характера войны. В 1914-м число жителей составляло в целом (без предместьев) 884 544 чел., а в 1917-м — 733 608. Количество женщин превышало число мужчин в это время более чем на 32%. Исследователи солидарны в вопросе о том, что одной из причин уменьшения количества жителей стала мобилизация и военные потери, а также добровольное или принудительное переселение вглубь России. На основании изданного царскими властями 13 августа 1914 г. распоряжения из Варшавы были высланы подданные Австро-Венгрии и Пруссии. Их выбросили из домов и вывезли на восток, лишь тем, кто побогаче, удалось выкупить себе время на то, чтобы упаковать свое имущество и доставить его в безопасное место. Очередная волна миграции наступила уже осенью 1914 г., когда из-за наступления немецких войск, подошедших к городу, его оставили ок. 260 000 чел., из которых затем вернулись 200 000²⁰.

Ст. Дзиковский, журналист, бывший в то время в Варшаве, отмечал: «Варшава, окруженная железным кольцом, оказалась вновь отрезанной от большей части Царства Польского. Варшава живет,

окруженная вокруг пустыней. За несколько верст от ее шумных и многолюдных улиц кружит смерть, валяются горы трупов, тлеют старые пепелища и разгорается зарево новых пожаров. По улицам маршируют войска с почерневшими, уставшими и серыми лицами, в другую сторону тянется хоровод раненых в разорванных шинелях, потрепанных мундирах. Они проголодались, устали, спотыкаются на каждом шагу, но для них нигде нет места, нет и ложки теплой еды. < ... > Варшава слушает рассказы солдат. Варшава смотрит на раненых и молчит. Никому уже не верит, чувствует приближение беды, знает уже, что эта армия, уставшая, равнодушная, лишенная патриотизма, которую обворовывают и которой помыкают, не может победить, что через два, три месяца возникнет в ней ужасная паника, которую никто уже не сдержит»²¹.

28 августа 1914 г. власти города оборудовали в здании Кадетского корпуса (сегодня — аппарат Совета министров на Уяздовских аллеях) городской госпиталь на 1500 коек, готовясь к обороне. Мемуаристы сообщают, что наряду с армейскими шеренгами по городу тянулись трамвайные вагоны и возы с ранеными, а Варшава превратилась в огромный лазарет.

Исследователи установили, что после 1915 г. в наибольшей степени на падение численности жителей города повлияло уменьшение количества родившихся и увеличение смертности, что было явлением типичным для военного времени и неизменно сохранялось до 1918 г. Если в 1914 г. естественный прирост составлял +6,3%, то уже в следующем году он стал отрицательным и составил: -5,6 (1915 г.), -5,5 (1916 г.), -26,5 (1917 г.) и -17,6% (1918 г.)²². В этом ряду особенно отчетливо видно, что самая высокая смертность среди жителей Варшавы наблюдалась в 1917 г. Эпидемия дизентерии и тифа собирала в то время свою кровавую жатву. Кроме того, истощенные тремя годами войны люди страдали от заболеваний сердца и внутренних органов, которые гораздо чаще, чем в мирное время, заканчивались смертью.

В 1918 г. ситуация начала меняться, а окончание войны вызвало массовое возвратное перемещение, хотя людей косила в то время испанка. Проведенная годом позже, уже в независимой Польше, официальная перепись населения показала, что Варшава насчитывала на тот момент 723 610 чел., из них 323 549 мужчин и 400 061 женщина. При таких пропорциях преобладание женского населения над

мужским составляло 23 %²³. В последующие годы военные потери населения постепенно восполнялись²⁴.

Война повлияла также, как установили исследователи, на трансформацию конфессиональной и этнической структуры населения города. Миграция и оставление русскими Варшавы в 1915 г. привело к уменьшению количества православных, в свою очередь, отступление немецких войск сопровождалось принудительной акцией по эвакуации многих евангелических семей. Количественные показатели для конфессиональных групп в Варшаве в 1914 и 1918 гг. выглядели следующим образом: католиков — 487 000 и 404 000, православных 36 800 и 3 200, протестантов в целом 19 900 и 12 200, а также иудеев 337 100 и 302 700²⁵.

Военные действия повлияли также на трансформацию социальной структуры, в которой по-прежнему доминировали рабочие. Однако разрушения в промышленности привели к увеличению числа неквалифицированных рабочих, поденщиков и кустарей, а также к росту безработицы, которая к концу войны охватила почти половину этой группы²⁶. Война, как любой другой конфликт в истории, привела к росту числа отбросов общества. По общим подсчетам, варшавский люмпен-пролетариат насчитывал ок. 20 000 чел., которые включали также проституток (ок. 2 500) и большое число воров.

Годы Первой мировой войны парадоксальным образом были периодом не только значительных разрушений урбанистической ткани (по сравнению с Калишем или Лувен), но и территориального расширения города. Заблокированные российскими властями разнообразные инициативы, направленные на присоединение предместий, были реализованы в период немецкого правления в городе. По решению генерал-губернатора Варшавы Ганса фон Беселера 8 апреля 1916 г. территория города была расширена за счет пригородов. До этого времени Варшава без Вислы насчитывала 3 244 гектара и была разделена на 15 комиссариатов, после 1916 г. ее площадь должна была составить 8 210 гектаров и делиться на 26 комиссариатов. Левобережная часть охватывала в то время 7 625 гектаров, а правобережная — 3 858 гектаров (это давало среднюю плотность населения 243 чел. на гектар)²⁷.

В начало войны сначала не верили, а потенциальный конфликт недооценивали, считая, что все ограничится локальным австрийско-сербским спором: «...европейская война была бы в настоящее время

явлением столь отвратительным, что этот спор должен быть локализован (т. е. ограничен. — Г. Б.) любой ценой, — писал журналист и литератор Станислав Дзиковский²⁸. Известие о покушении Гаврилы Принципа дошло до столицы Привисленского края на следующий день. Его опубликовали во внеочередных приложениях все варшавские издания, которые с тех пор постоянно информировали сначала о накаляющейся международной обстановке, а позже об идущих боях. Нежелание верить в то, что произошло, сопровождало и дальнейшие сражения. Другой известный литератор Цезарий Елента в своем дневнике отмечал: «Как же это, неужели Европу на самом деле разрезают реки крови? Значит, в самом деле друг с другом сражаются миллионные армии? Неужели возможно, чтобы человек, привыкший к свободе, оказался от нее внезапно отделен непроходимым лесом штыков? Неужели правда, что нет уже почты, телеграфа, железной дороги?»²⁹

Почти никто не отдавал себе отчет в том, сколь точными оказались анализ и предсказания Яна Готлиба Блоха, тогда уже совсем забытого над Вислой отца пацифизма (Герберт Г. Уэльс в своих заметках прямо писал о войне Блоха)³⁰. Блох доказывал в начале столетия, что война не начнется из-за страха перед теми последствиями, которые она вызовет. Он ошибался, поскольку не учел иррациональной стороны человеческой природы. И все же он был прав, излагая свой прозорливый прогноз того, что принесет современная война, в частности жителям больших городов, таких как Варшава. Он писал: «...война лишит целые миллионы людей хлеба насущного. Одновременно и цены всех предметов жизненной необходимости поднимутся в большинстве государств весьма значительно из-за осложнения или прекращения поставок. В этих условиях нельзя будет рассчитывать на то, что налоги будут поступать регулярно, а это приведет к тому, что государства будут вынуждены искать чрезвычайные средства, и не только на покрытие расходов, вызванных войной, но и на то, чтобы как-то справиться с привычными расходами»³¹. В результате, как он доказывал, это создаст угрозу социальных взрывов, что и произошло не только в Варшаве, но и в других европейских городах. Почти пророчески звучит другой фрагмент его рассуждений: «Можно считать совершенно правдоподобным фактом, что в ходе грядущей войны под влиянием всеобщего страха мелкая монета скорее, чем обычно, исчезнет из обихода и будет спрятана про запас на черный день.

Из этого следует, что государства с металлической валютой будут вынуждены прибегнуть к эмиссии бумажных денег, которые быстро потеряют свою ценность»³².

Эти прогнозы оправдались почти сразу после начала войны. В своих воспоминаниях журналист и литератор Чеслав Янковский в 1914 г. писал о ситуации в Варшаве: «Из-за закрытия филиалом Государственного банка дисконта векселей часть варшавских банков прекратили всяческие кредитные операции. Эти банки и ссудосберегательные товарищества перестали выплачивать деньги по вкладам и сбережениям. Многие фабриканты, промышленники и купцы оказались просто-таки в критическом положении, не имея возможности осуществлять выплаты работникам. Варшаву охватил новый страх. < ... > В воскресенье 2 августа в городе ощущался такой дефицит мелкой монеты, что в аптеках не выдавали лекарств, если обратившийся за ними не мог расплатиться под расчет. Нигде не давали сдачи с банкнот, то тут, то там не принимали банкнот вообще < ... > Спекулянты требовали и брали по пять рублей за размен сторублевки»³³.

Начало войны и первые недели боевых действий не принесли Варшаве никаких серьезных изменений ни в инфраструктуре города, ни в его внешнем виде. Это по-прежнему был организм, лишенный остатков самостоятельности и не имеющий присутственных мест для собственных центральных органов. Единственным заметным изменением было лишь возросшее число военных на улицах, но к этому жители Варшавы могли привыкнуть еще десятилетие назад, в ходе революции 1905 г. После первой волны беспокойства и паники, когда вслед за обнародованием 2 августа информации об объявлении войны люди начали делать запасы, а банки прекратили выплаты, жизнь вернулась в обычное русло. По-прежнему действовали развлекательные салоны, кондитерские и театры. Многие из них не прекращали свою работу во время налетов и непосредственных боев и местными жителями рассматривались как форма бегства от кошмара окружающей их действительности.

В театрах шли спектакли, а репертуар колебался между пробуждением возвышенных патриотических чувств и часто невзыскательным фарсом. В новом сезоне, в сентябре 1914 г., в Польском театре шел, например, спектакль под названием «Эльзас», пользовавшийся, как сообщали газеты, огромной популярностью. В свою очередь,

в Летнем театре сменяли друг друга комедия Стефана Кривошевского «Дьявол и трактирщица» и ура-патриотические пьесы Станислава Козловского «Пленник Наполеона» и Эдмона Аракура (Edmond Hagacourt) «В когтях у немцев». А в Объединенных Театрах на двух сценах на ул. Обозной и в «Элизиуме» на ул. Каровой играли легкий репертуар («Настоящую любовь» Роберто Бракко и «Открытый дом» Михала Балуцкого). Подобную «продукцию», пользующуюся «неизменным интересом», давали и в оперетте («Веселая вдова» и «Граф Люксембург» Легара)³⁴.

Работали также галереи во главе с Товариществом поощрения искусств (Захента), которое в новой ситуации превратилось в организацию, поддерживающую художников. В прессе того времени сообщалось: «Сегодня, когда все стремятся к тому, чтобы по мере возможности наша общественная и культурная жизнь шла дальше своим чередом, когда все жаждут хотя бы минутной передышки, верно поступил Комитет Товарищества Захенты, издавший проект специального постановления, которое носит одновременно художественный и актуальный характер... и называется „Война в искусстве“. На фоне длящейся больше месяца полной засухи на ниве искусства новая выставка... у театра исполнит свое высокое призвание, дав спутанным мыслям минуту отдыха и морального покоя»³⁵.

В октябре во все ухудшающейся ситуации в залах Захенты открылась очередная выставка, на сей раз эскизов, о которой «Свет» сообщал: «Хорошую идею предложил Комитет нашей главной художественной институции, устроившей настоящую выставку эскизов. Она даст возможность заработать нашим художникам, которые оказались в очень трудном финансовом положении. Она даст нашей публике возможность приобрести оригинальные произведения, часто высокой художественной ценности, по очень низкой цене, доступной даже в плачевных обстоятельствах сегодняшнего дня»³⁶.

«Плачевные обстоятельства» причиняли гражданскому населению все больше и больше неудобств. В октябре управление Варшавско-Венской железной дороги объявило, что поезда будут следовать только до станции Скерневицы, тем самым железнодорожное сообщение с Западом было окончательно прервано. Спустя два дня из-за отсутствия угля было ограничено освещение улиц. Тогда впервые поползли слухи о возможности взятия города немцами, решительно опровергнутые генерал-губернатором.

Журналист Антоний Марыльский отмечал: «Южная Варшава, бурлящая днем и ночью в вихре и водовороте военной жизни, муравейник из военных и мобилизованных человеческих масс, носящиеся в неисчислимом множестве, как безумные, и ревущие автомобили и мотоциклы, мчащиеся по городу конные экипажи, солдаты, охотящиеся на улицах столицы за лошадьми, экипажами и повозками, осаждаемые толпами банки, прекращенные выплаты, переполненные вокзалы и поезда, тревожные новости об авариях на водопроводе, электрических и газовых станциях, о намерениях москалей поднять на воздух Варшаву, увертюрой к чему должен был якобы стать взрыв на складе амуниции около цитадели, все это давало ощущение обыденности и вместе с тем создавало атмосферу нервного возбуждения и беспокойства. Суть войны мы ощутили в тот момент, когда брожение умов еще больше усилилось из-за страшных вестей о жестокости Г. Пройскера (H. Preusker) в Калише, превратившего город с 3 до 11 августа в руины и издевавшегося над мирными гражданами. Через Варшаву в панике двигались целые толпы эвакуированных семей российских чиновников из пограничных областей, испуганных и удивленных, что поляки выпускают их живыми < ... > едва ли не каждый из этих чиновников выискивал родственные связи с поляками, так же, как в 1918 г. многие немцы перед тем, как оставить Царство Польское, утверждали, что *meine Tante* — моя тетка или *Grossmutter war auch eine Polin* — бабка тоже были поляками»³⁷.

В октябре, когда на город начали падать первые немецкие бомбы (11/X), в филармонии дал концерт известный российский бас Федор Шаляпин, передавший весь доход от выступления в пользу Царства Польского. Надежды пробудил также приказ о возвращении в Варшаву эвакуированных несколько месяцев назад учреждений и гражданских институций.

Так же, как каждый год, 3 декабря открылся тогда еще ежегодный, устроенный по образцу парижского, Салон искусств в Захенте, на котором были выставлены работы 82 выдающихся художников, в частности Эдварда Окуня, Игнация Пеньковского, Станислава Лентца, Владислава Ваньке, Войчеха Коссака, а также другие произведения высокого уровня. Пресса отметила как заслуживающие внимания только картины Леона Вычулковского³⁸. Одновременно, как и в Париже, был открыт также «салон отверженных», т. е. II Выставка

независимых художников в Художественном салоне на ул. Новый Свет, 27. Там экспонировались произведения молодых художников, работы которых не встретили понимания и не были приняты официальным жюри Захенты. Так продолжалась начатая в мирное время характерная для метрополии творческая дискуссия разных поколений художников о судьбах нового искусства; правда, в 1914 г. ее заглушало эхо рвущейся неподалеку шрапнели.

К описываемому здесь состоянию войны и «видимой нормальности» следует добавить еще один элемент, тесно связанный с навязанным русскими характером города. Ведь до самого конца российского присутствия в Варшаве отмечались государственные праздники, сопровождаемые официальными торжествами, которые и определяли календарь выходных и праздничных дней. Их празднование сопровождалось «молебнами, прекращением работы судов и присутственных мест, а также освобождением учеников от уроков»³⁹, и хотя в целом они не были, возможно, столь вызывающими, как русская архитектура, но оставались такими же чуждыми и напоминали жителям о правящем ими доме Романовых. Сюда следует отнести, в частности, 30 июля (12/VIII), когда отмечался день рождения «Его Императорского Высочества Наследника Трона Великого Князя Алексея Николаевича», и 5 октября (18/X) — его именины, а также 21 октября (3/XI), на которое приходилась «годовщина восшествия на трон Его Императорского Величества Николая II Александровича», и 6 декабря (19/XII) — день именин царя.

Упомянутый Цезарий Елента отмечал: «Пирамиды проституток и офицеров мчатся по Новому Свету и Краковскому Предместью на резиновых колесах»⁴⁰. Таких громоздких сооружений я еще не видел никогда в жизни»⁴¹. Новый 1915 год, несмотря на то что Варшава была «окружена миллионом штыков», тоже отмечали торжественно. «Русские офицеры встречали Новый год так же, как католики < ... > Рестораны были заняты почти исключительно русскими. Вчера, т. е. в Новый год, в переполненной до краев опере и оперетте я насчитал военных общим числом до четырехсот»⁴².

Таким образом, внешне в городском пейзаже во второй половине 1914 г. ничего не изменилось. Работали театры, устраивались вернисажи новых выставок, отмечались, как и раньше, все государственные праздники. Однако если 1914–1915 гг. не привели к существенному изменению уже оформившегося русского облика города, поскольку

и не могли этого сделать, то происходящие события явно повлияли по крайней мере на постепенное преобразование характера Варшавы.

Я. Г. Блох в уже цитированном монументальном произведении «Грядущая война» отдельную главу, «Обеспечение Варшавы на случай осады», посвятил рассуждениям на эту тему. Еще на рубеже веков он писал, что «все существующие и возможные стратегические комбинации исходят из факта, что Варшава — это крепость и что в случае войны она должна будет выдержать осаду»⁴³. Он справедливо полагал, что вместе с Демблином и Модлином она образует сеть укреплений, защищавших западные рубежи Царства Польского, следовательно, именно сюда будет нацелена атака немцев. Он, однако, не учел обратного сценария. Допуская, что оборона будет «длительной и упорной», продолжительностью вплоть до полугода, он не предполагал, что ее может не случиться, потому что... русские сами оставят город. Впрочем, и здесь оправдались его прогнозы относительно положения, в котором окажется город и его жители. Так, он писал: «Как бы то ни было, нужно считать вполне естественным, что через три недели после начала войны Варшава непосредственно будет иметь дело с немецкими войсками. Определенная отсрочка может, конечно, случиться, но рассчитывать на нее не стоит. Благоразумие предписывает всегда готовиться к худшему»⁴⁴. В другом месте своих рассуждений он предостерегает от нового, лишь разрабатываемого на тот момент, оружия, каковым должно было стать сбрасывание зарядов с воздуха. Что существенно, он писал об этом за три года до того, как братья Райт в США совершили первый удачный полет, и за тринадцать лет до того, как Сикорский в России создал первый бомбардировщик⁴⁵.

Не через три недели, а через три месяца после начала конфликта над Варшавой появились первые самолеты и дирижабли, начавшие бомбардировки города. С самого начала «взрывы», как тогда под давлением цензуры пресса определяла эти налеты, концентрировались в ключевых пунктах Варшавы, в непосредственной близости от телеграфа, телефона и вокзала Варшавско-Венской железной дороги. Впрочем, целью был также жилой район Средместье, подвергшийся атакам затем, чтобы заставить власти сдаться из-за предполагаемой паники среди населения. Так было, например, во время одного из первых налетов на ул. Хлодную и Млынарскую или позже на ул. Маршалковскую и Братскую, а также в случае с гораздо более

трагичным по своим последствиям взрывом по адресу Иерусалимские аллеи, 70 (XII 1914 г.)⁴⁶, повлекшим за собой жертвы среди гражданского населения. Объявления в прессе того времени содержали много предложений работы в качестве «*garde malade* для ухода за ранеными... на месте или на выезде»⁴⁷. Несмотря на это, жители Варшавы, что является одной из их характерных черт, не потеряли чувства юмора. Ц. Елента в своем дневнике отмечал: «Бомба, сброшенная с аэроплана, решительно наделена светскими качествами. Она собирает людей на месте взрыва не только сразу после падения, но и весь оставшийся день вплоть до поздней ночи»⁴⁸. В свою очередь, в прессе можно найти сообщение о том, что один из владельцев палисадника у своего дома вырастил огромную тыкву, снабдив ее надписью: «Немцы как тыква надутые достойны только съедения»⁴⁹. Она была выставлена в окне редакции на ул. Краковское Предместье, возбуждая улыбки уличной толпы.

Что важно, эти налеты не вызывали стихийной агрессии по отношению к попавшим в плен и конвоируемым по улицам города пленникам. На них смотрели как на «привлекательное и любопытное зрелище». Упомянутый мемуарист отмечал: «Как только заслышишь издали крики нищеты: *Wiluś! Wiluś!*⁵⁰ — можно быть уверенным, что увидишь плотную толпу зевак, сопровождающих нога в ногу с российскими солдатами партию немцев в остроконечных касках или фуражках без козырьков»⁵¹. Более того, обнаруженных среди них поляков из-за границы всегда встречали с явной заботой, поддерживая их едой и папиросами.

В другом месте своих рассуждений Блох писал: «Кроме того, нужно следить не только за тем, чтобы население могло что-то купить на рынке, но также за тем, чтобы оно имело за что это покупать. Всяческие сношения населения с внешним миром будут, очевидно, прерваны, торговля и промышленность замрут. Люди, живущие с поденных заработков или с месячной зарплаты, мгновенно окажутся без каких-либо средств к существованию»⁵². Затем он добавлял, что первым, но и самым продолжительным следствием войны, проявляющимся с разной интенсивностью, будет отсутствие продовольствия и спекуляция на его ценах. «Цены подскочат до безумных высот, предметы ежедневной необходимости будут доступны лишь для богатых людей. Без чрезвычайной помощи большинство жителей будет обречено на голодную смерть не только из-за дороговизны

продуктов питания, но из-за отсутствия каких-либо заработков»⁵³. Именно поэтому уже в феврале 1915 г. Общественный комитет, который возглавлял русский президент Варшавы камергер Александр Александрович Миллер, хотя фактически им руководил кн. Здзислав Любомирский, организовал полевые кухни, которые поставляли теплую еду населению. Все чаще и чаще рабочие объявляли стачки, требуя зарплаты, как в том же апреле 1915 г. на заводах «Шеффер и Буденберг» и «Перкун»⁵⁴.

Одной из форм противодействия усиливающейся нищете стала активизация благотворительной деятельности различных групп общества, что происходило в рамках как существовавших в Варшаве до 1914 г. тридцати одной институции, так и возникших уже в новой ситуации. Среди уже существовавших следует упомянуть: Благотворительное общество с действующим до сих пор представительством по адресу Краковское Предместье, 62, находившееся неподалеку Русское благотворительное общество на ул. Беднарской, 23, Французское благотворительное общество на ул. Щигель, 8, Швейцарское благотворительное общество на ул. Видок, 8, Общество защиты бедных матерей и их детей на ул. Хожей, 70, Христианское общество защиты женщин на ул. Мазовецкой, 11, а также общество Красного Креста с представительством на ул. Сенаторской, 15. Последняя из названных организаций помогала поддерживать контакты с солдатами, находившимися на фронте, а также в лагерях военнопленных.

Деятельностью, не предусмотренной уставом, занимались и другие благотворительные общества, как, например, уже упоминавшаяся Захента, которая помогала художникам, организуя выставки и продажи их работ, или Торговое общество, разместившее в «Варшавском курьере» информацию о предоставляемом ее членам питании: «Буфет общества работников торговли и промышленности, в представительстве на ул. Сенной, 16, предоставляет ежедневно членам общества и их семьям ок. 30 дешевых (по 20 копеек) обедов»⁵⁵.

Действовали ночлежки и приюты, например приют «Назарет» на ул. Фрета, 10, ночлежка на ул. Вильчей, 7, а также «Приют для неизлечимых» на ул. Вспульной, 69. К новым условиям вынужден был адаптироваться и «Дом опеки над заблудшими девушками», находившийся на ул. Житней, 1, как и сиротский дом на ул. Литовской, 14, и «Дом убежища для стариков»,

располагавшийся на ул. Пширынок, 4. Это были самые старые и известные институции, а общее число пунктов социальной опеки в начале 1915 г. было более 200⁵⁶. Предпринимались и другие благотворительные акции, в частности повсеместно открывались кухни, выдававшие дешевую еду. Тем не менее они не могли в полной мере удовлетворить потребности пострадавших в результате военных действий. Среди объявлений в ежедневной прессе обнаруживается и такое: «Ученик (7 класс) дает уроки дешево (можно за обед)»⁵⁷.

В 1909 г. в Варшаве действовали только 3 дешевых кухни на ул. Подвале, 22, ул. Коперника, 3, и ул. Вспульной, 40. Пятью годами позже их было уже намного больше, а общее их число доходило до 15, чего, впрочем, было явно недостаточно для сотен людей, лишенных крыши над головой и средств к существованию. Этими кухнями пользовались не только самые бедные. Были здесь и многочисленные представители свободных профессий, актеры закрытых государственных театров, писатели и художники, которые во время войны лишились средств к существованию, а также меценатов и их заказов. Военное время не способствовало инвестициям в искусство, учитывая ненадежную бытовую и политическую ситуацию. В качестве компенсации варшавская аристократия и буржуазия старалась устраивать особые столовые для интеллигенции. В составе одного из комитетов «Дешевых обедов для интеллигенции» можно обнаружить, в частности, супругу воеводы мазовецкого Адама Херсе (Adam Herse), жену Густава Хона, Владимира Клаве с женой, Петра Джевецкого, кн. Елену Островскую, Леона Папеского с супругой, Станислава Весселя. Только музыканты, как это следует из мемуаров Ц. Еленты (и является любопытной бытовой деталью), несмотря на ухудшившиеся условия, поддерживали status quo, продолжая зарабатывать на частных уроках. «Ибо Варшава обойдется без всего: без театра, без литературы, без изобразительного искусства, но без уроков фортепиано не выживет, и вот пианисты, хоть и закрыли свои консерватории на все засовы, иногда все же с какой-то барышни пару рубликов вытянут»⁵⁸.

В 1914 и 1915 гг. дешевые кухни выдавали «пишущей братии, художникам и т. п.» обеды по цене 15 копеек, но и от этого в самый тяжелый период, связанный с продовольственным кризисом, пришлось отказаться, что заставило многих интеллигентов обратиться к физическому труду. «В кухне на ул. Шпитальной вечером нечего делать.

Ужинов не выдают, ибо мясо так подорожало, что пришлось бы вновь поднимать цены, в то время как писатели и художники получают все меньше гонораров за свои статьи и стихи, картины и скульптуры. Говорю это так, для поднятия духа, поскольку в жизни я не нашел еще среди многочисленной их толпы ни одного, который бы что-либо продал и получил откуда-нибудь больше, чем рубль», — писал дальше Ц. Елента⁵⁹.

Перестановка сил на театре военных действий привела также к изменениям в положении Варшавы. Елента отмечал: «Варшава стала урной, в которую брошены шары, в любом случае призванные решить будущее Польши, а возможно, и будущее Европы»⁶⁰. Эти слова выражают уверенность в том, что Варшаве суждено сыграть ключевую роль в сражениях I Мировой войны, о чем писал и уже упомянутый Я. Блох. Однако если для Европы в целом роль Варшавы не могла быть решающей, то для польских земель события, которые разыгрались в этом городе и его окрестностях, имели существенное значение. Столица Привисленского края была важным козырем в политической игре, так называемой польской картой, которая должна была обеспечить поддержку всего народа и приток доблестных воинов, необходимых в решающих сражениях.

В беспокойном 1915 г. повторилась ситуация начала войны. В июле (26/VII) сначала окончательно было остановлено движение на Варшавско-Венской железной дороге, а также закрыт для пассажиров вокзал в центре города, а затем началась эвакуация учреждений. Вацлав Побудзинский в неопубликованных мемуарах так описывал момент конца столетнего русского господства в Варшаве: «В Варшаве одновременно с таким положением вещей распорядились эвакуировать правительственные институты и все, что могло иметь для кого-то хоть какую-нибудь ценность. Так, приказано было изъять металлы: заводские станки, котлы, даже целые заводы велено было забирать, либо же заставляли владельцев этих заводов и промышленных предприятий „добровольно“ переезжать в срединную Россию вместе со всем оборудованием. В последние дни начали снимать колокола с церквей и костелов. На Саксонской площади (в соборе Александра Невского. — Г. Б.) операция с одним из колоколов не удалась, и кусок громадины упал на землю, врывшись в нее едва ли не на всю свою высоту. Предполагалось, что Варшаву сдадут в субботу, а это произошло в четверг ранним утром. Отсюда и хаос». И ниже:

«Поезда, набитые награбленными богатствами из Варшавы, уходили почти непрерывно. Вывезли все из Королевского замка, из Лазенок, из Бельведера. Обворовали университетскую библиотеку, зоологический кабинет, политехнику. Взорвали то, что не смогли украсть. По вечерам Варшава озарялась неестественным блеском от зарева пожаров»⁶¹.

Следует отметить, что многие подобные сообщения, публиковавшиеся еще в ходе войны, носили явно пропагандистский характер. Их целью было разжигание немцами антироссийских настроений среди варшавян. В других мемуарах, пера выдающегося политика Станислава Й. Тугутта, читаем: «Не знаю, что бы случилось, если бы [немцы] вошли в Варшаву с манифестом, провозглашающим независимость Польши, но они вошли только со списком долгой череды преступлений, за которые грозит смертная казнь, и с реквизициями продуктов питания. Люди, вера которых в непобедимую мощь России сильно поколебалась и которые с определенным любопытством присматривались к дальнейшему развитию событий, почувствовали себя обманутыми и с чистой совестью вернулись к русофильству»⁶².

Варшава слишком привыкла к сабле и плетке, чтобы реагировать непосредственно. Во многих случаях это было своеобразное раболепие, которое газеты называли «мудрой польской политикой последнего периода». Однако для многих это был период пассивного ожидания, названный другим мемуаристом, Ц. Елентой, недугом, который точит этот город. Это был недуг, поразивший Варшаву в последние сто лет и образно названный «русофильством».

Символично, что после вступления немцев Варшава «вернулась» в Западную Европу, так, в ней было восстановлено центральноевропейское время, которое на 24 минуты отставало от актуального до тех пор варшавского времени. Среди упомянутых распоряжений, кроме утверждения кн. Здзислава Любомирского на посту президента города, было запрещение всех собраний, как в помещениях, так и на свежем воздухе (за исключением процессий и похорон), временное приостановление издания газет, приказ об уничтожении в течение 48 часов всех почтовых голубей. Что касается последнего распоряжения, то в случае, если бы у кого-то были обнаружены птицы, он автоматически был бы заподозрен в шпионской деятельности. Нужно было зарегистрировать все телефонные и телеграфные устройства. Был издан запрет вывоза: продовольствия, хлопка, кожи, но также

меди, цинка и латуни. Введены ограничения в работе магазинов и ресторанов (первые могли работать только до 8 вечера, вторые — на час дольше). Но прежде всего был введен полицейский час, который вступал в силу с 10 часов вечера. По улицам в это время могли перемещаться только лица, обладающие специальным разрешением властей (врачи, священники, а также патруль Гражданского комитета — *Straż Komitetu Obywatelskiego*). Первой газетой, которая появилась 10 августа, было немецкое издание “*Deutsche Warschauer Zeitung*”, заменившее русский «Варшавский дневник». Именно тогда в Варшаву прибыл и Юзеф Пилсудский, развернувший политическую деятельность, но из-за обеспокоенности немцев и радикализации настроений фактически сразу вынужден был оставить город.

Экономист Мечислав Янковский, сторонник эндеков, отрицательно настроенный к новым хозяевам, в своих мемуарах писал: «В это время немцы постепенно обустроивали собственную власть и учреждения. Спустя несколько дней после захвата они издали распоряжение о регистрации всех, кто служил в русской армии... Почти весь служебный персонал в немецких учреждениях набирали из евреев, а точнее евреек, которые работали машинистками. Это было удобно для немцев, ведь большинство евреев знают немецкий язык, которого много в их жаргоне (т. е. идише. — *Г. Б.*)»⁶³.

В конце августа 1915 г. был урегулирован юридический статус польских земель. Именно тогда было создано Варшавское генерал-губернаторство, которое возглавил гр. Ганс фон Беселер. Одновременно Гражданский комитет города Варшавы ввел обязательное всеобщее образование и утвердил школьный бюджет для этих целей. Эти распоряжения только на первый взгляд призваны были нормализовать ситуацию. Фактически они стали прелюдией к полному подчинению немцами завоеванных ими земель. Они не только не хотели допустить создания польских органов самоуправления, но и уничтожали те, которые уже образовались с уходом русских властей. Для начала был распущен Гражданский комитет и все подчинявшиеся ему подкомитеты (12/IX), а вместо него была создана городская милиция. Было ужесточено также действующее законодательство, в частности запрещались все процессии и собрания, предписывалась конфискация всех телефонных устройств и аппаратов.

Немцы рассматривали занятую территорию как военный трофей. Известный историк и знаток Варшавы Александр Краушар отмечал:

«Оккупанты не только по-прежнему отбирали продукты для своей надобности, но и всячески препятствовали их поставкам в столицу. Едва ли не каждый крестьянин при въезде в город подвергался реквизиции буханок хлеба, яиц и кур. В результате птица стала доступной исключительно немцам и спекулянтам. Простой смертный варшавянин мог только мечтать о таком деликатесе. Шаги такого рода действовали отрезвляюще на отношение населения, которое, будучи потрясенным фактом изгнания москалей, готово было забыть на время о существовавших предрассудках в отношении немцев, поскольку их считали избавителями от российского ига. Однако по мере того как с течением времени хищные притязания новых захватчиков становились все более заметными, ненависть к ним в сердцах населения, измученного грабежом, голодом и другими притеснениями, постепенно разрасталась и перешла в хроническое состояние»⁶⁴.

В последний раз стоит обратиться к рассуждениям Я. Г. Блоха, который в качестве одного из элементов военной действительности называл необходимость регламентации продовольствия для гражданского населения. Он размышлял над тем, каким категориям жителей хлеб надо будет продавать, а каким — раздавать даром (этим, как уже упоминалось, занялись столовые для неимущих). У него не было сомнений, что ограничение потребления предотвратит не только спекуляцию, но и бунт. Он писал: «Поскольку законы спроса и предложения сами по себе перестают регулировать торговлю предметами первой необходимости, их место должны занять правительственные распоряжения, действующие с точностью и аккуратностью часового механизма. Иначе невозможно было бы удовлетворить потребности населения, пусть даже ограниченные до минимума. Бухгалтерия и контроль должны быть совершенными, чтобы злоупотребления стали совершенно невозможными, но при этом чтобы не было ни малейшей растраты. < ... > Голод вообще-то — это плохой советчик, он часто вызывает в обществе бурление, а иногда и более серьезные и опасные возмущения, которые в Варшаве нежелательны больше, чем где бы то ни было»⁶⁵.

Русские власти не успели ввести эти ограничения, зато немцы уже через два месяца после занятия Варшавы (19/III 1915 г.) ввели карточки не только на хлеб, но и на муку. В апреле (6/IV) следующего года оккупационные власти издали декрет, обязывавший частных лиц и товарищества заявлять о запасах продовольствия (с целью их изъятия). За отказ в выдаче продовольствия грозила конфискация

или штраф. Это ухудшило и без того тяжелые бытовые условия населения и усилило негативное отношение к новому захватчику. Уже упомянутый А. Краушар писал: «Даже в самые тяжелые русификаторские времена столица страны сохраняла вид зажиточного города, в достатке снабженного разными товарами первой необходимости. По сравнению с другими европейскими центрами в Варшаве можно было достойно прожить за небольшие деньги. Нищета неработающего класса, проявлявшаяся в уличном попрошайничестве, никогда не переходила привычных границ, наблюдаемых повсеместно. Лишь немецкая оккупация вызвала к жизни явление, доселе неизвестное. У продовольственных магазинов начали выстраиваться так называемые „хвосты“ — очереди, которые с течением времени приобрели вид своеобразной и неотъемлемой декорации повседневной жизни. С каждым днем дороговизна становилась все более невыносимой из-за реквизиций в пользу оккупационной армии и чиновников любых поставок из ближних и дальних окрестностей столицы»⁶⁶. Несмотря на предостережения Блоха, распространилась спекуляция, которая деморализовала местных кушцов и ремесленников. В результате после переписи населения, проведенной 11 октября 1915 г., полгода спустя, в марте (6/III), устроили перепись нищих. Они должны были ответить на следующие вопросы: 1) где просит милостыню; 2) какому ремеслу учился и имеет ли какое-то другое образование; 3) когда и где недавно работал; 4) собирает ли милостыню для детей.

Курс немецкой политики в отношении польского населения, как уже упоминалось, в течение 1915 и 1916 гг. ужесточался, вводились все новые и новые политические репрессии вплоть до расстрела за «расклеивание запрещенных воззваний», что подтверждало военный характер властей. Одновременно эти шаги маскировались символическими жестами, целью которых было угождение патриотическим чувствам поляков. Таким жестом стал изданный сразу после введения продовольственных карточек в ноябре 1915 г. (15/XI) декрет, позволивший открыть в Варшаве университет и политехнику. Несмотря на то что они существовали и раньше и создавали возможность для интеллигенции получить образование, их воспринимали как элемент русификации.

Организация высшей школы на польском языке и передача ее в руки поляков (ректором стал Юзеф Брудзинский) была первоначально очень тепло встречена в обществе. Торжественная месса

в кафедральном соборе Св. Иоанна в честь начала работы Варшавского университета с участием представителей немецких властей, но прежде всего — трех последних из живущих профессоров Главной школы⁶⁷ (предшественницы университета в 60-е гг. XIX в.), стала прекрасным пропагандистским ходом. Один из инициаторов этого события Б. Гуттен-Чапский писал в своих воспоминаниях: «Открытие высших учебных заведений не прошло без глубокого впечатления в польском общественном мнении. Теперь уже стало фактом, что немцы, хоть и не давали никаких политических обещаний и даже старались по возможности приглушить политические моменты при открытии университета, спустя лишь несколько месяцев после занятия Варшавы предоставили стране возможность распространять высокую национальную культуру, в то время как русские не дали ничего, кроме красивых громких обещаний. Антирусские элементы видели в этой немецкой концессии начало развития, которое должно было привести к грядущим завоеваниям, в том числе и в политической сфере»⁶⁸.

Этой цели призваны были служить также очередные «уступки», маскирующие ужесточение политического курса. В январе 1916 г. Г. Беселер дал согласие на организацию проводимого впервые торжества по случаю годовщины начала январского восстания (22/1), что совпало с возведением на варшавском кладбище Повонзки памятника на могиле Пяти павших — первых жертв патриотических демонстраций. Это место, доступ к которому русским властям удавалось с успехом блокировать, имело особое значение, к нему устраивали тайные паломничества в течение без малого полувека. Эти торжества дополнило в августе (5/VIII) возведение на склонах цитадели креста в память о жертвах царизма, казненных на этом месте. В его открытии приняли участие помимо огромного скопления жителей Варшавы многие ветераны 1964 г.

Однако важнейшим элементом этой своеобразной «исторической политики», проводимой немцами в Варшаве, стало согласие на торжественное празднование Дня Конституции 3 мая (за два дня до того должны были отметить также 70-летие со дня рождения Генрика Сенкевича — 1/V 1916 г.). Оно должно было носить антирусский характер, но одновременно бить по австрийцам как соучастникам разделов (формально Австро-Венгерская (II) империя, созданная в 1871 г., не принимала в них участия). Именно тогда одну из сторон Рынка

в Старом городе, на которой в одном из домов жил Гуго Коллонтай (участник Большого сейма), называли его именем.

Однако в 1916 г. от иллюзий, которые питали еще год назад, не осталось и следа, что показывают многие воспоминания. Станислав Кутжеба писал: «Но Варшава холодно оценивает политическое значение возможности торжества. Она рада, что оно могло состояться, что все прошло удачно, что в массах, несомненно, способствовало пробуждению национального сознания. Однако не делает никаких выводов на будущее, не строит замков на песке; заключения некоторых изданий, идущие в этом направлении, остались исключительно мнением редакции»⁶⁹.

Другой инициативой немецких властей стало уже упоминавшееся в начале статьи согласие на ликвидацию следов русской Варшавы. Уже в 1916 г. (26/X) городской совет утвердил изменение названий важнейших улиц, в частности улица гр. Берга была переименована в честь диктатора восстания 1863 г. Ромуальда Траугутта, Владимирская — в честь Тадеуша Чацкого (деятеля просвещения I половины XIX в.), гр. А. Коцебу — в честь Александра Фредро (отца польской комедии), Леопольдины — в честь Эмилии Плятер (героини восстаний 1831 г.), а Константиновский сквер — в сквер Адама Мицкевича. В свою очередь, в ноябре (27/XI) совет дал согласие на демонтаж памятника павшим генералам-лоялистам, который повсеместно воспринимался как обелиск позора (разрешено было собирать средства на его демонтаж). Подобным образом полгода спустя (5/III 1917 г.) был решен вопрос о памятнике Ивану Паскевичу. Первоначально его окружили высоким забором и поместили надпись: «Здесь стоит палач Польши. На этом месте будет воздвигнут памятник князю Юзефу [Понятовскому]».

Постепенного усугубления негативного отношения к немецким оккупационным властям не смог изменить изданный в Варшаве т. н. Акт 5 ноября [1916 г.], в котором два немецких императора, Вильгельм II и Франц Иосиф, обещали возродить Польшу. Этот документ не вызвал массового обращения в вербовочные пункты, хотя в день его оглашения на улицах города было разрешено проводить патриотические демонстрации⁷⁰. Последующие патриотическо-пропагандистские инициативы уже не могли принципиально изменить ситуацию. Среди важнейших решений в 1916 г. следует упомянуть демонтаж византийского купола церкви Св. Татьяны (21/V), которая — как уже

упоминалось — была создана после перестройки Общества любителей наук (дворец Сташица), и возвращение зданию первоначально вида. Другим важным событием стали торжества в честь Тадеуша Костюшко в ознаменование столетия со дня его смерти (15/X), которые состоялись в ратуше и в Варшавском университете (в обоих местах были установлены сохранившиеся до настоящего времени памятные доски). Аналогичные торжества прошли также годом позже в честь столетия со дня смерти Яна Генрика Домбровского, а также в январе 1918 г. на склонах цитадели — в ознаменование годовщины I раздела Польши, казни Ромуальда Траугутта и оставления русскими Варшавы.

По отношению к немцам население Варшавы питало под конец их правления такие же чувства, как и прежде по отношению к русским, полагая, что это народ современных варваров, которые «раздирают пленников, как некогда татары, сажая их на заостренный, как сегодняшнее острие у шлема-пикельхельма, кол»⁷¹. Считалось, что сущность этого народа состоит в милитаризме, что он способен только на агрессию и уничтожение, что, как казалось, подтверждали судьбы Калиша, Лувена (Лёвена), Мехелена (фр. Malines) и Льежа. «В этом-то и состоит символическая разница между двумя расами и культурами. < ... > Француз хочет совершить отвратительный поступок, а немец не может не совершить отвратительно поступка!»⁷²

Повседневная жизнь города в 1917 и 1918 гг., несмотря на сотрясавшие его все новые и новые стачки и постоянные проблемы с доставкой продовольствия, шла в относительно нормальном ритме, заданном в 1916 г. Истощенное из-за военных действий население все чаще и чаще становилось жертвой болезни, что завершилось пиком — эпидемией гриппа-испанки. Уже в июле 1918 г. в Варшаве появились первые ее предвестники.

10 ноября 1918 г. бывший до сего времени авторитарным правителем Королевства генерал-губернатор Ганс фон Беселер подал в отставку. Газеты сообщали, что утром прибыл в столицу освобожденный из Магдебурга Юзеф Пилсудский. Уже упоминавшийся А. Краушар писал: «С Беселером в эти памятные ноябрьские дни повторилась ситуация, уже хорошо известная не раз поднимавшейся в борьбе за свободу столице. В 1806 г., во время вступления французов в Варшаву, бежал на Прагу генерал-губернатор Э. фон Колер

(von Kohler) в окружении толпы жителей, не призывавшей, однако, к мести над представителем ненавидимых первых прусских оккупантов. Двадцатью с лишним годами позже князь Константин, вверившись защите народа, смог проехать в безопасности через значительную часть страны, окруженный заботой люблинцев. И вот вновь, в ночь с 10 на 11 ноября, Беселер уходит целым и невредимым с разрешения прибывшего как раз тогда в Варшаву магдебургского пленника, бежит по долгой печальной дороге из Бельведера в Замок. Переодетый в гражданское платье, бледный и растерянный, он уже не производил впечатления, которое о нем, „покорителе крепостей“, утвердилось в общественном мнении, даже немецком. Теперь это был символ жестокого поражения непобедимых до сих пор немцев, символ капитуляции, которая постигла возглавляемую им армию»⁷³.

11 ноября 1918 г. Варшава начала очередную главу в своей истории. Захватывались правительственные здания, разоружались уже немногочисленные немецкие отряды, при этом не удалось избежать последних жертв войны, в частности при захвате ратуши. Многие мемуаристы отмечали, как и в августовские дни 1915 г.: «Повсюду срывают ненавистные немецкие надписи и знаки. Я сам видел, как двое подростков добрались до немецкого орла у Дворца наместника на Краковском Предместье и с шумом сбросили его на землю, а немецкий солдат, в полной экипировке и в шлеме на голове, стоявший на посту перед дворцом, в котором в тот момент уже заседал солдатский совет, даже не обернулся»⁷⁴.

Из города было эвакуировано в последующие дни около 12 000 немецких военных и 18 000 чиновников, а также вспомогательные и санитарные службы. Варшава же, как писали современники, «жила в те дни на улице», в эйфории победы, забывшая на мгновение об ожидавших ее очередных трудностях в первые дни независимости. Эдвард Слоньский, патриотический поэт начала XX в., предвидел этот момент уже в 1915 г. в своих стихах:

“O, Polsko, w grobach leżąca bielonych,
dziś wstajesz z potu ludzkiego i trudu
pod cichym szumem sztandarów czerwonych,
na twardych rękach roboczego ludu,
bo Wolność było twoje pierwsze miano,
a nam w dziedzictwie wolność zapisano”⁷⁵.

Примечания

- ¹ *Kieniewicz S.* Warszawa w latach 1795–1914. Warszawa, 1976. S. 185.
- ² *Wernik F.* Opis Warszawy z 1876 r. / oprac. i tłum. I. i J. Kosmowie // Warszawa XIX w. / pod red. R. Kołodziejczyka, Ja. Kosima, Ja. Leskiewiczowej. Warszawa, 1971. Z. 2. S. 323.
- ³ *Wernik F.* Op. cit. S. 323.
- ⁴ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 260.
- ⁵ *Wernick F.* Op. cit. S. 322, 323.
- ⁶ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 255.
- ⁷ *Ibid.* S. 191.
- ⁸ См.: *Lechnowski A.* Ruch strajkowy w Warszawie w latach 1894–1899 // Warszawa XIX w. Z. 2. S. 231–263, а также: *Kiepuska H.* Warszawa 1905–1907. Warszawa, 1991.
- ⁹ Примером может быть как преобразование костела пиаров на ул. Длугой в собор Св. Троицы, дворца Стащица на Краковском Предместье в церковь Св. Татьяны, так и возведение на Саксонской (Саской) площади собора Св. Александра Невского.
- ¹⁰ Например, церковь Св. Иоанна Климача на Воле или церковь Св. Марии Магдалины на Праге.
- ¹¹ Цит. по: *Szczerbatow Ks.* Rządy ks. Paskiewicza w Królestwie Polskim (1832–1847). Warszawa, 1900. S. 120.
- ¹² *Соколов К. Г.* Русская Варшава. М., 2002. С. 38. Похожая судьба постигла другой российский памятник в честь генералов, «павших» в 1830 г. Он увековечил память семи военных (генералов М. Гауке, Ст. Потоцкого, Ю. Новицкого, И. Блюмера, Ст. Трембицкого, Т. Я. Сементковского и полковника Ф. Н. Мецишевского), не пожелавших присоединиться к восстанию 1830 г. и потому убитых подхорунжими. На возвыгнутом в годовщину событий (в 1841 г.) памятнике была выбита надпись: «Полякам, убитым 17(29) ноября 1830 г. за верность своему правителю». Первоначально он был установлен на одной из центральных площадей (Саксонская площадь), где в 20-е гг. XIX в. устраивались парады великого князя Константина Павловича. В конце столетия он был перенесен на несколько сот метров дальше, освободив место для собора Александра Невского. Жители Варшавы не приняли этот памятник, как и памятник Ивану Паскевичу, и якобы даже сплевывали, проходя мимо него, как это описывается в воспоминаниях. В результате он был демонтирован в 1917 г. с разрешения немецких оккупационных властей.
- ¹³ *Бенуа А.* Мои воспоминания: в 5 кн.: в 2 т. / отв. ред. Д. С. Лихачев / изд. подг. Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов, Л. В. Андреева, Г. Г. Поспелов, Г. Ю. Стернин. Т. 2. Кн. 4. М., 1980. С. 45; см. также в польском переводе: *Paszkiewicz P.* Pod berłem Romanowów: Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915. Warszawa, 1991. S. 6–7.
- ¹⁴ *Powierza A.* Z dziejów soboru prawosławnego w Warszawie (Ze źródeł archiwalnych) // Droga. 1924. № 3.
- ¹⁵ Kancelaria General-Gubernatora Warszawskiego / AGAD 6469. См.: *Paszkiewicz P.* Op. cit. S. 116.
- ¹⁶ *Alkar* [Aleksander Kraushar]. Z dziejów Warszawy: Sobór na placu Saskim // Tygodnik ilustrowany. 1916. № 2. S. 19.
- ¹⁷ *Hutten-Czapki B.* Milicja Miejska i sobór na placu Saskim — obchód 3 maja 1916 roku w Warszawie // Warszawa w pamiętnikach Pierwszej wojny światowej / oprac. K. Dumin-Wąsowicz. Warszawa, 1971. S. 160–161.
- ¹⁸ В русской среде известен как Иван Станиславович Блох. — *Прим. пер.*

¹⁹ Bloch J. G. Przyszła wojna pod względem technicznym, ekonomicznym i politycznym / Wyboru dokonał, w przypisy i wstęp zaopatrzył G. P. Bąbiak. Warszawa, 2005. S. 167.

²⁰ Dunin-Wąsowicz K. Ludność Warszawy w latach I wojny światowej // Warszawa popowstaniowa 1864–1918. Warszawa, 1968. Z. 1. S. 37.

²¹ Dzikowski S. Rok wojny w Warszawie // Warszawa w pamiętnikach. S. 57.

²² Drozdowski M. M. Warszawa w latach 1914–1918. Warszawa, 1990. S. 73.

²³ Dunin-Wąsowicz K. Op. cit. S. 39.

²⁴ Milewski J. Przemiany demograficzne i warunki życia ludności Warszawy u schyłku I wojny światowej // Warszawa popowstaniowa 1864–1918. S. 53.

²⁵ Drozdowski M. M. Op. cit. S. 74.

²⁶ Ibid. S. 75

²⁷ Ibid. S. 78–79.

²⁸ Dzikowski S. Op. cit. S. 55.

²⁹ Jellenta C. Wielki zmierzch: Pamiętnik. Warszawa, 1985. S. 23.

³⁰ Wells H. G. Der Krieg Blochs // Die Friedens Werte. 1916. T. XVIII. № 5. См. также: Werner A. Fenomen europejskiej myśli wojskowej: Jan Bloch (1936–1902) // Wojsko i Wychowanie. 2000. № 1. S. 94.

³¹ Bloch J. G. Op. cit. S. 265.

³² Ibid. S. 268.

³³ Jankowski Cz. Pierwsze dni wojny – ostatnie dni Rosjan w Warszawie // Warszawa w pamiętnikach. S. 41.

³⁴ См.: Kurier Warszawski. 1914. № 241. S. 3.

³⁵ X. Ze sztuk // Kurier Warszawski. 1914. № 241. S. 3.

³⁶ См.: Świat. 1914. № 44. S. 12.

³⁷ Marylski A. Niemcy przed Warszawą: epizod z Wielkiej Wojny (rok 1914). Warszawa, 1921. S. 6. Подробно о настроениях в Варшаве пишет А. Дембская в антологии: Warszawa za carem / oprac. A. Dębska // Karta. 2014. № 79.

³⁸ См.: Świat. 1914. № 50. S. 11–12.

³⁹ Kalendarzyk kieszonkowy z informacjami i notatnikiem na rok 1909 / Nakładem Księgarni Warszawskiej Wodzyńskiego. Warszawa, 1909. S. 3.

⁴⁰ Это было признаком роскоши, поскольку резиновые колеса в Варшаве были только у самых дорогих дрожек.

⁴¹ Jellenta C. Op. cit. S. 152.

⁴² Ibid. S. 230.

⁴³ Bloch J. G. Op. cit. S. 283.

⁴⁴ Ibid. S. 284.

⁴⁵ Ibid. S. 330.

⁴⁶ Jellenta C. Op. cit. S. 142.

⁴⁷ См.: Kurier Warszawski. 1914. № 241. S. 11.

⁴⁸ Jellenta C. Op. cit. S. 142.

⁴⁹ X. Dynia olbrzym // Kurier Warszawski. 1914. № 245. S. 3.

⁵⁰ Уменьшительная форма имени императора Вильгельма II.

⁵¹ Jellenta C. Op. cit. S. 102–103.

⁵² Bloch J. G. Op. cit. S. 284.

⁵³ Ibid. S. 294.

⁵⁴ См.: Królikowski L., Oktabiński K. Warszawa 1914–1920: Warszawa i okolice w latach walk o niepodległość i granice Rzeczypospolitej. Warszawa, 2007.

- ⁵⁵ См.: Kurier Warszawski. 1914. № 241. S. 3.
- ⁵⁶ *Drozdowski M. M.* Op. cit. S. 29.
- ⁵⁷ См.: Kurier Warszawski. 1914. № 241. S. 11.
- ⁵⁸ *Jellenta C.* Op. cit. S. 119.
- ⁵⁹ *Ibid.*
- ⁶⁰ *Ibid.* S. 64.
- ⁶¹ *Pobudziński W.* Bój o Warszawę: kartka z dziejów wojny europejskiej, dotycząca operacji, mających na celu opanowanie Królestwa Polskiego // Kurier Narodowy. Warszawa, 1915. S. 11–12. Детальное описание захвата города см. на с. 20–24.
- ⁶² *Thugutt S.* Początek wojny – Niemcy w Warszawie // Warszawa w pamiętnikach. S. 78.
- ⁶³ *Jankowski M.* Op. cit. S. 140.
- ⁶⁴ *Kraushar A.* Pierwsze zarządzenia okupanta... // Warszawa w pamiętnikach. S. 245.
- ⁶⁵ *Bloch J. G.* Op. cit. S. 295–296.
- ⁶⁶ *Kraushar A.* Pierwsze zarządzenie okupanta. S. 243–244.
- ⁶⁷ Это были Валенты Миклашевский, Станислав Холевинский и Игнаций Барановский. Сама Главная школа считалась кузницей целого поколения т. н. варшавских позитивистов, к которому принадлежали выдающиеся деятели культуры II половины XIX в., в частности Г. Сенкевич, Б. Прус, А. Свентоховский, А. Дыгасинский. Это при их участии произошли важные перемены в мировоззрении польского общества в эпоху промышленной революции.
- ⁶⁸ *Hutten-Czapski B.* Otwarcie Uniwersytetu Warszawskiego i Politechniki // Warszawa w pamiętnikach. S. 388–389.
- ⁶⁹ *Kutrzeba S.* Uniwersytet – Odgłosy 3 maja // *Ibid.* S. 401.
- ⁷⁰ Подробно сообщает об этом специальный выпуск журнала “Tygodnik ilustrowany” (1916. № 46), целиком посвященный этому событию.
- ⁷¹ *Jellenta C.* Op. cit. S. 25.
- ⁷² *Ibid.* S. 71.
- ⁷³ *Kraushar A.* Charakterystyka von Beslera // Warszawa w pamiętnikach. S. 156–157.
- ⁷⁴ *Jankowski M.* 11 listopada 1918 r. // Warszawa w pamiętnikach. S. 487–488.
- ⁷⁵ *Słoński E.* 1 listopada 1905 // *Idem.* Та, co nie zginęła... Warszawa, 1915. S. 171, подстрочный перевод: «О Польша, в гробах белых ты лежишь, / Но восстанешь ты из пота и труда, / Под тихий шорох красных флагов, / В твердых руках рабочего народа, / Чтобы Свобода стала твоим первым именем, / И нам в наследство свобода записана была».

Перевод О. Остапчук

Теодор Р. Виск

Вильнюс между империей и национальным государством в 1914–1922 гг.

В течение неполных десяти лет, которые прошли от начала Первой мировой войны до официального присоединения Вильнюса¹ к Польской Республике, на долю города выпали смена нескольких правителей и администраций, многочисленные конфискации, экономический крах и голод. В 1914 г. Вильнюс был провинциальным городом Российской империи, однако после перехода под власть Польши его экономическое положение стало еще более маргинальным. В течение этих неполных десяти лет поляки и литовцы строили планы о включении города в свои будущие (национальные) государства, в то время как другие национальные группы — в особенности евреи — старались не задевать (интересы) поляков и литовцев. Во время войны большинство жителей города, несомненно, страдало от тяжких лишений. В то же время территориальные и демографические перемены, произошедшие вследствие войны, несли в себе обещание новых политических возможностей по окончании военных действий. Однако неспособность литовских и польских патриотов прийти к компромиссному решению о статусе города привела к тому, что в итоге обе стороны предпочли остаться в рамках собственных взаимоисключающих национальных проектов, преисполненные ожесточенности и решимости. Если говорить кратко, история Вильнюса в эти годы демонстрирует, насколько сложно было националистически настроенным элитам приходиться к компромиссу с национальным «другим» или даже понимать точку зрения представителей другой нации.

Первые годы войны: август 1914 — сентябрь 1915 г.

Пожалуй, самой примечательной особенностью историографии Первой мировой войны «на востоке» является общее отсутствие интереса историков к военному конфликту как таковому. В национальных государствах, возникших после 1918 г., война сводилась к своего рода «преддверию» независимости. В СССР Первую мировую войну интерпретировали прежде всего как одну из основных причин Октябрьской революции 1917 г. Даже после 1992 г. сама война не стала центральной темой российских исторических исследований. Особенность истории Вильнюса заключается в разительной нехватке информации о первом годе войны — как в первичных источниках, так и в историографии. Несколько книг анализируют немецкую политику и поведение в городе и за его пределами, но даже общие исследования игнорируют временной отрезок между августом 1914 г. (начало войны) и 1915 г. (взятие Каунаса)². Опубликованные мемуары также, как правило, начинаются с последних месяцев 1914-го или даже с 1915 г.³ Сравнительно скудное освещение периода 1914–1915 гг. в этой статье отражает нехватку источников.

«Военный энтузиазм», имевший место повсюду в Европе (хотя масштабы этого явления были поставлены под сомнение в исследованиях последних лет), можно было наблюдать и в России. Но не в Вильнюсе⁴. Поляки и евреи имели мало оснований для воодушевления относительно империи, которая относилась к ним в лучшем случае как к гражданам второго сорта, а русское население Вильнюса в подавляющем большинстве состояло из чиновников и солдат. Патриотически настроенные поляки надеялись, что война ослабит империю и, соответственно, сделает возможным возрождение независимой Польши. Те немногие политически мыслящие литовцы, что проживали на тот момент в Вильнюсе, также питали надежды на большую культурную автономию по окончании войны, а евреи по большей части попросту старались держаться как можно тише и зарабатывать себе на жизнь. Последнее, впрочем, становилось все труднее из-за того, что торговые связи были нарушены войной.

В начале войны поляки, как и литовцы, поспешно заявили о своей верности царю и о поддержке империи в военном конфликте. Однако было понятно, что в случае, если война обернется плохо, эта поддержка перейдет на сторону противника⁵. Равно как и поляки

в Варшаве и других городах, поляки в Вильне вынуждены были решать, какая из сторон может предложить им больше. Станислав Цивинский отмечал в своем дневнике, что в ноябре и декабре 1914 г. «русофильство» было все еще достаточно популярно среди поляков в Вильне⁶. В записях, составленных уже после войны, польская активистка и писательница Ванда Добачевская также соглашалась с тем, что поляки выражали поддержку русскому оружию на ранних стадиях войны. В то же время она отмечала, что в Вильно энтузиазм относительно русских никогда не достигал того уровня, что в Варшаве: «В Вильно никто не приветствовал казаков цветами»⁷.

Самая многочисленная этническая группа в Вильнюсе — евреи понимали, что война и ее исход сулят им мало хорошего. Еврейские антирусские настроения во многом объяснялись жестоким обращением с еврейскими мирными жителями со стороны русского военного командования⁸. Сочувствующий (хотя и не слишком юдофильский) польский наблюдатель писал в августе 1915 г.: «Неполитизированные еврейские массы инстинктивно отдавали предпочтение немцам и в душе горячо желали русским поражения. Это было больше, чем германофилия: это была идеализация немцев...»⁹

Дневник журналиста Чеслава Янковского рассказывает о том, как поляки поддерживали русскую армию в начале войны, о битве за Варшаву в ноябре 1914 г. и о взятии немцами города в начале августа 1915 г., о приказах, требовавших обязательного (но оплачиваемого) труда, направленного на усиление обороны Вильнюса в июле 1915 г., а также о том, как реквизированный домашний скот прогоняли по центру города¹⁰. После того как 18 августа 1915 г. немецкая армия вошла в Каунас — город, находящийся едва ли в сотне километров от Вильнюса, стало очевидно, что следующий на очереди — Вильнюс. В связи с этим приступили к эвакуации банков, правительственных учреждений и даже памятников императрице Екатерине Великой и генерал-губернатору князю М. Н. Муравьеву¹¹.

15 августа был объявлен комендантский час, который вступил в силу 18 августа. После наступления комендантского часа все уличные фонари должны были быть погашены, все окна занавешены черной бумагой (чтобы не пропускать внутренний свет) и никому не позволялось выходить на улицу. Все оставшиеся в городе трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 50 лет были обязаны сообщить о себе в местные полицейские участки для создания рабочих

батальонов, которые копали оборонительные траншеи вокруг города¹². Возможно, в неосознанном принятии того, что обеспечить поддержание порядка собственными силами не удастся, в августе русские позволили создать добровольную городскую милицию.

Как вспоминал один из евреев — членов этой милиции, учитель и писатель Хирш Абрамович, мужчины надеялись, что вступление в милицейские силы поможет защитить их и их семьи от депортации в Россию. По словам Абрамовича, большинство членов милиции были поляками, но встречались и евреи. В их обязанности входило регулирование дорожного движения и в целом поддержание общественного порядка¹³. К началу сентября город был полон слухами о предстоящих депортациях, воздушных бомбардировках и еще худшем. Русские войска отступали, а немецкие приближались. Немецкие бомбы сбрасывались на город, газеты перестали выходить, повседневная жизнь была нарушена. 15 сентября один из очевидцев писал: «Вильнюс становится отрезанным от мира». 18 сентября отступающая русская армия попыталась взорвать мосты через реку Нерис, но в спешке смогла лишь повредить их. В этот же день немецкая армия вошла в город¹⁴.

Первые месяцы немецкой оккупации

Когда русские покинули Вильнюс, немногие жители сожалели об их уходе. Под немцами, казалось, жизнь станет по крайней мере более упорядоченной и предсказуемой.

Патриотически настроенные поляки и литовцы также надеялись, что немецкая оккупация станет первым шагом к независимости или по меньшей мере к автономии. Так или иначе появление немецких войск было воспринято — вначале — как освобождение¹⁵. Евреи, в свою очередь, видели немцев более цивилизованными, чем русские, и надеялись на лучшее обращение, чем при царском режиме.

В субботу, 18 сентября, немецкие войска хлынули в город через поврежденный, но все еще пригодный Зеленый мост. Чеслав Янковский отмечал в своем дневнике: «После месячной осады немцы вынудили русских отступить на восток и взяли Вильнюс без единого выстрела». Янковский также отмечал отсутствие крупного ущерба, причиненного городским строениям, и то, что, несмотря на многочисленные выстрелы, слышимые в ночи, железная дорога и газовый

завод остались невредимы. К полудню на городских стенах появилось официальное обращение на пяти языках, в котором извещалось о немецкой оккупации Вильнюса¹⁶.

Прокламация, подписанная графом Пфайлем, начиналась с провозглашения того, что «немецкие силы изгнали русскую армию из польского города Вильно», отмечая, что город был «всегда жемчужиной в славном Королевстве Польском». Ни одна другая национальная группа, кроме поляков, не была упомянута, что создавало впечатление, как будто город и его окрестности населяли исключительно поляки. Как можно было ожидать, граф Пфайль также предупреждал об ответственности за нападения на немецких солдат, но сделал это, так сказать, примирительно, заканчивая фразой: «Я не желаю применять какие-либо карательные меры в Вильно. Боже, храни Польшу!»¹⁷ Абрамович саркастически отмечал, что, несмотря на благосклонные слова (по крайней мере в адрес поляков), присутствующие в прокламации Пфайля, «эта прусская „свобода“ длилась от силы час», после чего первоначальное официальное объявление сняли и заменили другим, где были указаны гораздо более строгие условия и правила¹⁸.

«Час», упомянутый Абрамовичем, является скорее фигурой речи, но общее содержание немецких официальных объявлений на самом деле изменилось достаточно быстро, и в худшую сторону. 21 сентября жители Вильнюса были проинформированы о необходимости уничтожения всех почтовых голубей в течение двух дней, а также получили предупреждение о том, что «женщинам запрещено продавать себя немецким солдатам», что побудило местных остряков гадать, значит ли это, что жительницам Вильнюса следовало предлагать себя бесплатно¹⁹. Далее последовали и другие ограничения — от обязательных намордников для собак (животных без присмотра следовало «поймать и убить») и обременительного взноса в 30 марок (в городах) за обязательную регистрацию до запрета уличной торговли едой и напитками, а также запрета на собрания в общественных местах²⁰. Словом, было понятно, что жизнь под немецкой оккупацией будет более упорядоченной, но, возможно, не менее трудной, чем в предыдущем году под российской властью.

Как следовало из первоначальной пропольской прокламации Пфайля, немцы были жизненно заинтересованы в использовании националистических настроений местного населения себе на пользу.

Оценка состояния национального вопроса в регионе, данная генералом Эрихом фон Людендорфом, отражает приоритеты немцев в этом вопросе: «Литовцы надеялись, что час избавления близок, и когда те добрые времена, которых они ожидали, не наступили вследствие тяжелого военного положения, они стали относиться к нам с подозрением. Поляки были настроены враждебно, так как они боялись, вполне оправданно, пролитовской политики с нашей стороны. Белые русины не считались, так как поляки украли у них их национальность и ничего не дали им взамен... Еврей не знал, что думать, но он нас не беспокоил, и с ним мы по крайней мере могли говорить, что было вряд ли возможно с поляками, литовцами и латышами»²¹.

На самом деле отношение поляков к немцам изначально не было столь негативным, как это описывает Людендорф в своих мемуарах²². В целом, однако, интересы немцев и поляков не совпадали. Поляки в основном желали включить регион Вильно в пределы независимой Польши, в то время как немецкое оккупационное командование было более озабочено проблемами, требующими немедленного решения: ведение войны, пропитание и снабжение солдат, а также поддержание общественного порядка. В докладе некоего фон Бекерата (von Beckerath) Гинденбургу, датированном маем 1916 г., было отмечено, что, хотя некоторые поляки были разочарованы политикой немцев, в целом немецкому оккупационному командованию следовало принять поляков во внимание, так как последние составляли «относительное большинство» среди населения Вильнюса и его окрестностей²³. Фон Бекерат, вполне возможно, пытался приукрасить ситуацию. В своем дневнике от конца сентября 1915 г. Чеслав Янковский перечислил основные причины все возрастающего напряжения в отношениях между поляками и немецкими оккупантами: расквартирование немецких офицеров и солдат в домах поляков, беспорядочное и возмутительное воровство (которое немецкие солдаты иногда «компенсировали» бесполезными бумажками), а также игнорирование «гражданских комитетов», основанных (в основном) поляками для помощи в управлении городом²⁴. Жалобы подобного рода лишь участились в последующие годы немецкой оккупации.

Даже Янковский, сторонник национал-демократической партии, а значит, недоброжелательно настроенный к евреям, отмечал: «В настоящее время [29 сентября 1915 г.] более всего раздражены и озлоблены евреи». К примеру, когда евреи обратились к градоначальнику

фон Трескофу (von Treskow) с петицией против приказа держать магазины открытыми в шаббат, командующий ее отклонил, сказав, что в течение года у него не было ни единого выходного воскресенья: «Это война, господа!»²⁵ Немцы в этой ситуации были не столько антисемитами, сколько попросту негибкими и не толерантными к еврейским религиозным правилам и требованиям. К примеру, немецкие оккупационные власти настаивали, чтобы все тела умерших были похоронены в закрытых гробах (что, естественно, противоречит еврейскому религиозному закону). Немцы ограничили торговлю, которая, в свою очередь, была практически монополизирована евреями. Оккупационные власти требовали, чтобы зерно, фрукты, орехи и даже рыба отпускались (по очень низким ценам) именно им. В такой ситуации, при явной и растущей угрозе недоедания и даже голода, процветание черного рынка, где евреи как опытные купцы и торговцы играли важную роль, стало неизбежным следствием. Несмотря на драконовские угрозы и наказания, немцам не удавалось контролировать рынок (равно как и прокормить армию и местное население). В основном они преуспели лишь в том, что настроили местных евреев против себя. Однако, как отмечал Хирш Абрамович в своих мемуарах: «Немецкая оккупация времен Первой мировой войны притесняла всех в более или менее равной мере». Евреи не были подвергнуты каким-либо особым ограничениям, и в некоторых случаях им удавалось выживать под немецкой оккупацией даже лучше, чем горожанам-полякам, в частности благодаря схожести идиша и немецкого языка²⁶.

Литовцы также не были особенно довольны немецкой оккупацией. Для начала, имело место провокационное описание Вильнюса как польского города в прокламации Пфайля. Далее, как следовало из меморандума фон Бекерата, немцы не воспринимали литовское национальное движение всерьез, особенно в связи с вопросом о принадлежности Вильнюса. В протесте, подписанном лидерами литовского национального движения по поводу немецкой переписи населения Вильнюса, было указано, что с момента прибытия в город немцы «последовательно поддерживали агрессивную польскую политику»²⁷. Годом позже, летом 1917 г., один из самых известных литовских лидеров, доктор Йонас Басанавичюс, сочинил памфлет, в котором он запечатлел страдания литовцев под немецкой оккупацией. Среди невзгод, выпавших на долю литовцев, было отмечено многое:

от конфискации земли и продукции у крестьян до болезней, вызванных хроническим недоеданием и распространением заразных заболеваний, носителями которых были немецкие солдаты. Попытка «германизировать» Вильнюс посредством установки в городе табличек и знаков на немецком языке также была отмечена в памфлете²⁸. В целом, уже в 1916 г. литовцы были недовольны немецкой оккупацией, так же как и их соседи, поляки и евреи.

Во многом недовольство брало свое начало из плачевной экономической ситуации того времени. Как было отмечено выше, дезорганизация торговли, вызванная войной, вместе с неадекватными требованиями продовольственного снабжения немецкой армии означала, что угроза голода местного населения существовала уже в 1916 г. (и после этого ситуация только ухудшалась). Уже в июле 1915 г., спустя два месяца после оккупации Вильнюса, немцы приказали конфисковать все зерно и установили строгий контроль над ценами. С наступлением немецкой армии этот порядок распространился также и на литовские территории и Вильнюс²⁹. Был издан указ о том, что местные лавочники обязаны принимать как немецкую, так и русскую валюту (по курсу, выгодному немцам, — сперва по 1,5 марки за рубль, затем курс вырос до 2 марок за рубль)³⁰. В попытке увеличения денежной массы также был введен в обращение новый «германский восточный рубль». Однако те местные, кому было что продавать (обычно нелегально, так как немцы запрещали или строго регулировали практически всю торговлю), не хотели принимать немецкие расписки. Реквизиции зерна, фруктов, мяса, лошадей (для тяги), картофеля и, по существу, любого другого продовольствия были очень часты, тягостны и хаотичны. Как землевладельцы, так и крестьяне были крайне разочарованы поборами³¹. Такая политика жесткого ограничения имела как экономические, так и политические последствия — и те и другие были предельно негативными.

С экономической точки зрения попытка немцев установить тотальный контроль над экономикой означала, что крестьяне и землевладельцы стали проявлять мало инициативы в производстве продуктов питания. Это, в свою очередь, должно было привести к ужасающему дефициту продовольствия к концу 1916 и в 1917 г. С политической точки зрения ограничения, введенные немцами, стали причиной того, что к 1917 г. все национальные группы отвернулись

от них. К этому времени изначально по крайней мере потенциально благосклонное отношение к немцам со стороны литовцев и евреев (и в меньшей степени поляков) практически сошло на нет.

В культурной политике на раннем этапе немцы придерживались линии, кажущейся либеральной. В указе от декабря 1915 г. было четко заявлено, что «язык преподавания должен быть родным языком [учеников]». Тот же самый указ запрещал использование русского в качестве языка преподавания (хотя русский мог быть включен в программу средних школ как предмет). Также было четко указано, что «белорусский» не был идентичен русскому и, следовательно, мог использоваться. В указе было обозначено ожидание, что «все учителя (*Lehrpersonen*) как можно скорее приобретут знание немецкого языка»³². Пукшто отмечает, что к концу 1915 г. в Вильнюсе было 4 польские гимназии, 8 «неполных» гимназий (с четырехлетним курсом обучения) и 30 начальных школ. В этих школах в сумме учились более 5000 учеников³³. На практике еврейские школы продолжили функционировать с единственным изменением — школы с преподаванием на русском языке стали учить на идише или иврите. Немцы относились неодобрительно к использованию идиша в школах и пытались вместо этого ввести «чистый» немецкий, однако это не принесло результатов³⁴. Школы с преподаванием на литовском языке не подверглись каким-либо ограничениям, и вскоре в городе был открыт Народный университет с преподаванием на литовском языке³⁵. Однако литовцы не долго радовались — вскоре немцы этот университет закрыли. Настойчивые усилия принудить школы служить немецкому делу (как с точки зрения индоктринации местного населения, так и в качестве центров германизации) еще более настроили представителей всех национальных групп против немцев³⁶. Люлевичус заключает: «В конечном счете образовательная политика была очередным провалом, так как местное население обратилось к традиции подпольного обучения и образование стало средоточием вялого сопротивления»³⁷.

Еще одним аспектом, способствующим озлоблению и отчуждению местного населения относительно немцев, был спрос на рабочую силу. Как видно из недавнего исследования, тысячи поляков, литовцев и евреев были вынуждены работать на немцев в строительстве дорог, вырубке деревьев и выполнять другие виды физического труда. Хотя эта работа в принципе оплачивалась, оплата

редко была соответствующей. Принудительный труд также требовал от людей неделями и дольше находиться вне дома. И, как это случается с любым принудительным трудом, в целом полезность данных рабочих батальонов для немецкой трудовой деятельности была сомнительной³⁸.

Усталость от войны и немецкая культурно-просветительная работа, 1916–1917 гг.

Самое позднее к концу 1915 г. мало у кого из жителей Вильнюса могли оставаться какие-либо сомнения в сущности немецкой оккупации. Главной заботой немецких оккупантов было поддержание военной мощи. В целом немцы не были заинтересованы в ограничении использования языков (за исключением преподавания русского языка), но они также и не расходовали ресурсы для этой цели. Немецкие оккупанты ожидали, что местные жители будут вести себя как добropорядочные пруссаки: платить налоги, поступаться выгодой, которую могла бы принести продажа производимых ими продуктов, для того чтобы кормить немецких солдат, и вести себя тихо. Учитывая тяжелые условия жизни в самой Германии, вряд ли можно было ожидать, что снабжение и повседневная жизнь на оккупированных территориях будут легче. В то же время немцы финансировали на удивление много культурных событий, публикаций, концертов и других подобных мероприятий в рамках «культурно-просветительной работы» (*Kulturarbeit*). Вместе с тем не стоит забывать, что для большинства местных жителей культурные мероприятия оставались роскошью, далекой от их повседневной жизни, состоящей из недоедания и неизвестности будущего.

В 1916 г. население Вильнюса было измучено и страдало от голода, жители тяготились немецкой оккупацией и жаждали мира. В следующем году условия стали еще хуже. Революция 1917 г. в Петрограде лишь усложнила ситуацию. Сначала казалось, что революция даст новые силы русским в войне с Германией (это также позволило Вудро Вильсону добиться вступления США в войну на стороне союзников), но к концу года революция привела к выходу России из войны.

В повседневной жизни, однако, «вялое сопротивление», упомянутое Люлевичусом, все так же имело место, но не приводило к особым изменениям. В 1916 г. население оккупированной немцами

территории *Обер Ост* (*Oberost*) страдало от принудительной трудовой повинности, конфискации зерновых и лошадей, а также новых налогов на все — от собак до спичек. На частных лиц также распространялся запрет на рыбалку, торговлю каким-либо продовольствием и владение велосипедами (последние были конфискованы немцами). В 1917 г. пояса пришлось затянуть еще туже из-за ввода нового налога на соль, новых конфискации лошадей и зерновых, а также решения немецких властей от 24 июля 1917 г. исключить из обращения русский рубль.

Огромное сокращение населения Вильнюса было прямым следствием повсеместной нищеты. Если в начале войны население города составляло более 200 000 чел., то к сентябрю 1917 г. оно сократилось до 139 000 чел. Из них 11 000 чел. скудно кормились на 130 публичных суповых кухнях, которые были организованы местными комитетами горожан³⁹. Помощь международных организаций и родственников из Северной Америки была пресечена после того, как в апреле 1917 г. Америка вступила в войну.

Как можно судить по множеству отдельных примеров и статистических данных, 1917 г. был худшим из всех военных лет для жителей Вильнюса независимо от национальности. К примеру, смертность среди евреев в 1917 г. была более чем в 3 раза выше, чем в довоенные годы, в то время как рождаемость стремительно упала до менее чем одной трети по сравнению с показателями 1911–1913 гг.⁴⁰ Среди поляков — жителей Вильнюса смертность в течение первых 3 месяцев 1917 г. более чем в 2 раза превышала показатели 1915 г., а в польском отчете о состоянии города, датированном весной 1917 г., утверждалось, что следствием сочетания поборов, принудительного труда и повышения налогов стало «попросту уничтожение края»⁴¹.

Дневник литовского писателя Людаса Гиры, датированный февралем — мартом 1917 г., полон сетований на холод (а также на то, что без соответствующего отопления дети не могут посещать школы), на неуклонно растущие цены на все виды продовольствия⁴². Хайкл Лунский, возможно, лучше всех передал атмосферу тех лет в своих послевоенных записях. Он отмечал, что, в то время как в 1914 г. раздавались вопли и стоны семей, чьих мужчин забирали на войну, к 1917 г. ни у кого уже не было больше сил жаловаться⁴³.

Тем не менее своего рода культурная и политическая жизнь продолжалась и в эти безрадостные годы. В 1916 г. немцы опубликовали

несколько путеводителей по городу и финансово поддержали несколько выставок о местной культуре и искусстве. Несмотря на плохое отопление в школах, Людас Гира продолжал учить литовских детей. Газеты по-прежнему выходили и даже повысили тиражи. Среди них были издания, выходящие на немецком (*Wilnaer Zeitung* и *Zeitung der X. Armee*), литовском (*Dabartis* и с осени 1917 г. *Darbo Balsas*), польском (*Dziennik Wileński*), белорусском языках (*Homan*) и на идише (*Letste naves*)⁴⁴.

Вильнюс увлекал и притягивал не только старожилов: еврейских поэтов, литовских и польских патриотов, — немецкие оккупанты также пленились городом. В увлекательной главе своей книги о территории *Обер Ост* Вежас Люлевичус попытался проследить феномен появившегося у немцев в этот период «восточного образа мышления». Еще до 1918 г. немцы создали удивительно много печатных текстов об оккупированных ими восточных территориях. Люлевичус выделял несколько характеристик, преобладающих в немецком дискурсе о «новых восточных землях». Среди них были простор/пустота, грязь, опасность, беспорядок (*Unordnung*), а также интересные, но примитивные народы. Согласно интерпретации этих текстов Люлевичусом, немцы видели свою роль в том, чтобы «выпрямить» (в прямом и переносном смысле) эти земли, вычистить их и привнести культуру (*Kultur*)⁴⁵.

При более детальном рассмотрении немецких текстов того времени о Вильнюсе можно заметить ту смысловую нагрузку и «культурные задачи», о которых говорил Люлевичус. Возьмем, к примеру, путеводитель в импрессионистском стиле, написанный солдатом Паулем Монти и опубликованный сначала частями в газете *Wilnaer Zeitung*, а затем в виде буклета, который вышел в 1916 г. уже в качестве второго издания. Вступительные слова путеводителя подчеркивают экзотичность, кривизну и беспорядочную природу города и его пространства: «кривые и путаные улицы и переулки вьются, глаз впустую ищет прямых линий, которые хоть в какой-то мере разъяснили бы логику и смысл всего городского организма»⁴⁶. Автор подчеркивал не свойственное немцам использование пространства, говоря о необычном расположении железнодорожной станции, которая, по сути, отрезана от города (имеется в виду Старый город). К тому же не было ни единой улицы, напрямую соединяющей станцию и город. Городские скверы и площади также казались автору путеводителя

своеобразными: Кафедральная площадь — вовсе и не «площадь», а парк, а Лукишская площадь (*Lukischplatz*) презрительно сведена к следующему определению: «на самом деле лишь исходный материал для площади, с истинно русской тратой пространства без какого-либо проектирования, без отсылки к окружающим зданиям, скорее пустырь, нежели живая часть города»⁴⁷. Этим автор еще раз явно подчеркнул обеспокоенность беспорядочным пространством, в котором отсутствовали четкие границы, связующие элементы и форма.

С особым интересом Монти описывал еврейское население Вильнюса. Начиная с главной артерии еврейской части города — «немецкой» улицы (*Vokiečių*) путеводитель описывает множество табличек «на невозможном немецком, предлагавших широчайшее многообразие всевозможных товаров». Можно почти с полной уверенностью утверждать, что под «невозможным немецким» автор имел в виду попытки местных евреев (которые в любом случае составляли большинство розничных торговцев Вильнюса) выдать родной идиш за «настоящий» немецкий. Напротив железнодорожной станции толпились жители города, которые с идишским акцентом предлагали прибывшим пассажирам еду и постой⁴⁸.

Еврейская часть города (гетто) в некоторых деталях: «Так же, как и давным-давно, словно на острове посреди моря, народ Израиля живет на своих собственных улицах посреди огромного города Вильна». Традиция и набожность преобладают в этом «городе в городе». Описание многолюдных, узких улиц и не слишком высокого уровня гигиены в квартале достойно цитаты: «Темное облако появляется и висит над этими крышами вне зависимости от погоды. Прогулка по этим узким улочкам вызывает клаустрофобию у западного человека [т. е. у немца]. Все чувства протестуют против впечатлений от этой прогулки. Глаза видят отчаяние, уши слышат неблагозвучный шум, а нос — ох, нос! — у носа есть все причины чувствовать себя лично оскорбленным. Бесконечное число мелких лавочек выстроились вдоль улиц, предлагая для продажи все что угодно. Везде, куда ни глянь, уличные торговцы, а под ногами снуют дети. Магазины закрываются лишь на шаббес, и уличный гомон утихает. Но найти Большую синагогу — не такая уж простая задача, так как она „прячется“ в лабиринте улочек и крохотных дворишков, каждый из которых укрывает небольшой молитвенный дом. Здесь, в пределах нескольких шагов, доступно все, что необходимо для еврейской жизни: места, чтобы покупать

и продавать, места для молитвы, купальня и внушительная библиотека (знаменитая библиотека Страшуна)⁴⁹.

Несмотря на шуточный стиль повествования, мы снова видим образ угрозы, беспорядочности, «оскорбляющей нос» вони, смятение перед бесконечно петляющими аллеями и невозможностью получить четкий и цельный образ происходящего. Еврейская часть Вильнюса — это хаотичный, экзотичный и чуждый квартал; весь шарм города для немецкого туриста-солдата заключается именно в его экзотичности и запутанности, несущей неясную угрозу. Граница между порядком и хаосом пролегает в путеводителе вполне четко: воображаемая грань, отделяющая железнодорожную станцию от остального города. На станции царит порядок: «Железнодорожная станция не принадлежит городу: она служит руководству [er dient dem grossen Herrscher]»⁵⁰. Но как только вы осмелитесь выйти за пределы станции, там начинается чуждый мир еврейских торгашей, изогнутых улиц, грязи и беспорядка.

Примечательной особенностью путеводителя Монти является практически полное отсутствие в его нарративе людей. Исключения составляют несколько еврейских торговцев. Католические церкви города описаны без отсылки к их (по большей части) польским прихожанам. Путеводитель также не упоминает литовских крестьян, приехавших в город в качестве слуг и рабочих. Безусловно, жанр путеводителя предполагает описание преимущественно статичных объектов (церквей, изваяний, площадей, памятников), нежели людей, однако, ознакомившись с путеводителем Монти, читатель в буквальном смысле не будет знать, на каких языках говорили жители города. Возможно, признание существования культуры у обитателей Вильнюса противоречило бы общему «экзотичному» тону путеводителя⁵¹.

Другие немецкие публикации — возможно, ориентированные на более широкую аудиторию тех немцев, кто никогда не посетит город самостоятельно, уделяли местным языкам и культуре больше места в тексте. В травелогe, озаглавленном «Новый Восток» (*Neu-Ost*), Пауль Листовский приводит краткое описание польских городов и культуры от Ченстоховы до Гродно. И хотя он называл Вильнюс «литовская столица», не ясно — понимал ли он название «Литва» в этническом или же географическом смысле. В любом случае, специфически литовские претензии на город не упоминались⁵². Более научно-ориентированные работы по географии Польши и Литвы,

опубликованные в течение последнего года войны, утверждали, что начиная с момента германской оккупации в 1915 г. «город и земля стали предметами бережной заботы немецкого управления, функционирующего с наибольшим успехом... Тем самым город вступил в новейшую фазу своего культурного развития, которая вытеснила более ранние периоды литовского, потом польского и, наконец, русского влияния»⁵³. Сложно более точно описать придуманный немцами их собственный образ носителей культуры и распространителей просвещения (*Kulturträger*) в отсталых краях.

В то же время в некоторых публикациях можно встретить благожелательное отношение и уважение к местной культуре, которую немцы обнаружили в Вильнюсе и его окрестностях. Выдающимся фактом является то, что во время войны и перед лицом всевозможных материальных лишений немцам удалось опубликовать, к примеру, путеводитель по выставке «Древности и искусство» региона между Вильнюсом и Минском⁵⁴. Еще большее впечатление производит высококачественный том, собравший художественные фотографии города. Сюжеты фото включают как общий вид города, окутанного снегом, так и изображения еврейской части города. Также присутствуют фотографии православных и католических церквей. Однако даже здесь редактор не смог удержаться от того, чтобы подчеркнуть грязь (*“Schmutz”*) и неприятные запахи (*“üble Gerüche”*), которые без этого комментария могли бы остаться незамеченными аудиторией⁵⁵. Самый утонченный и объемный путеводитель по Вильнюсу *“Wilna. Eine vergessene Kunststätte”* («Вильна. Забытый город искусства») авторства профессора Пауля Вебера сетует на то, что русские относились к городу, «как к пасынку», и неоднократно отмечает: «Немецкому глазу будет не хватать [здесь] чистоты и порядка». В то же время автор пишет в возвышенной и воодушевленной манере о культурной и архитектурной красоте города⁵⁶. Словом, не только немецкая оккупация в значительной степени повлияла на Вильнюс, но также и Вильнюс и его окрестности оказали влияние на тех, кто соприкоснулся с ними.

1917–1918 гг.: в преддверии независимости

5 ноября 1916 г. Центральные державы объявили о создании независимого Польского государства, не позволяя, однако, полякам на самом деле контролировать администрацию в каком-либо регионе.

Более того, события-потрясения в Петрограде вдохновили как польское, так и литовское национальное движение добиваться себе еще больших уступок. Как недавно заявил Томас Балкелис, литовские патриоты начали требовать независимости (не в пример требованиям об автономии) только в военные годы⁵⁷. И хотя у поляков это требование оформилось намного раньше, чем у литовцев, к тому моменту, как оно было высказано открыто, война была в самом разгаре⁵⁸.

Одним из самых важных был вопрос о границах будущих государств. В конце мая 1917 г. группа, представляющая «все польские политические направления в Литве», обратилась к немецкому канцлеру с меморандумом о будущем статусе этой территории. В меморандуме поляки утверждали, что именно они являлись здесь единственным «естественным культурным элементом», и настаивали на том, что этнографически литовская территория была более или менее сосредоточена в границах бывшей Ковенской губернии (Каунас). Учитывая преобладание польской культуры среди образованного и более состоятельного местного населения, Литва, по утверждению авторов меморандума, могла существовать лишь в тесном союзе с Польшей. Этот так называемый «меморандум 44-х» (по числу подписавших) привел литовцев в ярость отчасти подобными заявлениями, но, пожалуй, еще более — беспечным отказом хотя бы признать литовские претензии на территории, а также литовскую культуру в качестве серьезного соперника⁵⁹. Вскоре литовские активисты обнаружили опровержение польских претензий на территорию региона. В их меморандуме (также посланном немецкому канцлеру) настойчиво проводилась мысль о том, что в отличие от «агрессивного полонизма» литовцы предъявляют притязания не на всю территорию бывшего Великого княжества Литовского, а лишь на этнические литовские земли и (здесь аргумент становится, по необходимости, несколько невнятным) территории со смешанным населением. Что касается самого Вильнюса (который даже не был упомянут в польской декларации), утверждалось, что его население было издавна смешанным, и лишь потому, что некоторые представители «простонародья» говорили по-польски, еще не стоит считать их принадлежащими к польской национальности. И даже «литовская знать», которая сейчас в основном поддерживает поляков, совершает это по причине незнания собственного прошлого и литовских корней. Вильнюс располагался в преимущественно литовском этнографическом регионе и был

населен литовцами, а «польским иммигрантам» не должно быть позволено узурпировать подлинное место литовцев в их собственной столице. В этом споре евреев не существовало, т. к. имела место дуэль между идеями польского и литовского государств⁶⁰.

Будущий министр иностранных дел Литвы Петрас Климас описывает, как в 1917 г. в Вильнюсе постепенно крепла литовская протогосударственность. Поляки, безусловно, главенствовали вначале и обладали большей поддержкой среди местной элиты и знати. Однако начиная с лета 1917 г., а особенно — после конференции в сентябре того же года, на которой присутствовали 264 литовских активиста, ситуация начала меняться⁶¹. Самым значимым результатом данной конференции стало создание совета из двадцати представителей, Литовская Тариба (*Taryba*, Совет Литвы), своего рода протоправительство⁶². Начиная с этого момента события развивались стремительно. Этому способствовали вступление Америки в войну в апреле 1917 г. и падение Российской империи в конце того же года. В ноябре 1917 г. даже имел место призыв (разумеется, из-за границы) к независимости Литвы⁶³.

Активность литовского движения возросла настолько, что поляки сочли необходимым обратиться к немецким властям и политикам с различными петициями, защищая свои позиции в Вильнюсе и настаивая на польской принадлежности и идентичности Вильнюса⁶⁴. Меморандум, составленный в начале ноября 1917 г. Владиславом Завадским из Польского комитета в Вильне, предусматривал три возможных сценария будущего Литвы: 1) объединение Литвы и Польши; 2) независимость Литвы; 3) более свободная конфедерация с Польшей. Завадский выражал озабоченность, что те, кого он называл “Lietuwi”, могут завоевать превосходство отчасти из-за их целеустремленности, если не сказать фанатизма. Последних он считал «самой шовинистической и антипольской группой» (в то время как местные поляки иногда — в частности, поэт Адам Мицкевич — могли называть себя, и называли, “Litwini”, не являясь при этом этническими литовцами). В завершение меморандума Завадский настаивал на том, что в случае возникновения независимой Литвы (будущее) польское государство «должно категорически требовать, чтобы любая образованная таким образом Литва ограничивалась землями, населенными преимущественно литовцами...». В частности, «Вильнюс и виленский округ» должны были стать частью Польши⁶⁵.

К несчастью для будущих польско-литовских отношений, эта позиция находилась в прямом конфликте с литовским настойчивым требованием, чтобы Вильнюс стал столицей будущего литовского государства⁶⁶.

После революции большевиков в Петрограде и выхода России из войны оказалось, что немцы свободно властвуют на востоке, включая Вильнюс. Поляки Вильнюса знали о литовских притязаниях и боялись, что литовцам удастся взять контроль над городом при попустительстве немецких властей. 13 января 1918 г. Станислав Цивинский писал в своем дневнике: «Будущее Вильно состоит в балансе... было бы настоящим скандалом и глупостью, если бы Вильно стал столицей Литвы! — и все оттого, что литовцы не хотят прийти к соглашению с поляками!»⁶⁷

Статус Вильнюса как столицы Литвы казался Цивинскому абсурдом, но для Совета Литвы (*Taryba*) альтернативы не существовало (как и желания искать ее). 16 февраля 1918 г. литовские лидеры провозгласили (что характерно, в Вильнюсе) восстановление литовского государства⁶⁸. Без сомнения, делать заявления было легко, однако создать государство в реальности — намного сложнее. Эта односторонняя декларация раздосадовала немцев, но весной 1918 г. они признали независимость Литвы. Официальное заявление, изданное Советом Литвы (*Taryba*), возглавляемым Басанавичюсом, провозглашало «восстановление» «независимого литовского государства на демократической основе, со столицей в Вильнюсе»⁶⁹. Однако, несмотря на заявление литовцев, границы будущей Литвы оставались неопределенными. За кулисами литовцы обсуждали с немецкими властями предстоящее создание государства, избрав 11 июля принца Вильгельма фон Ураха фон Вюртемберг будущим литовским монархом⁷⁰. Падение Германской империи в ноябре 1918 г. помешало принцу принять литовскую корону под именем короля Миндаугаса II⁷¹.

Война окончена, война продолжается: 1918–1920 гг.

1918 г. начался с победы Германии на Восточном фронте и закончился сокрушительным поражением Германии в войне с Антантой. Традиционно война считается оконченной в 1918 г., однако в Вильнюсе и повсеместно к востоку от реки Одры условия военного положения сохранялись как минимум в течение еще двух лет. Таким

образом, 1918 г. стал годом перехода от относительно стабильного положения к ситуации, близкой к хаосу. Подписанное Германией перемирие от 11 ноября 1918 г., означающее официальное прекращение военных действий, не стало событием для Вильнюса и его окрестностей.

Нищета в городе была стабильной, в то время как политическая ситуация, казалось, стремительно выходила из-под контроля. После отречения кайзера и подписания договора о прекращении военных действий в ноябре 1918 г. немецкие войска в Вильнюсе оказались в невозможной ситуации. Они располагались на чужой земле, служили несуществующему правительству, были окружены непостижимой борьбой среди националистов, не говоря об угрозе иностранного вторжения с востока (Красная армия) и запада (Польша). Немцы оставались в Вильнюсе еще несколько недель, эвакуация пришлось на середину декабря, хотя в ноябре 1918 г. солдаты 10-й армии избрали свой собственный Совет (*Rat*)⁷².

Красная армия вошла в Вильнюс, чтобы заполнить вакуум власти, возникший после поражения немцев. Уже 8 декабря 1918 г. Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии объявил о формировании Временного революционного рабочего правительства Литвы. Объявлено об этом было в Вильнюсе⁷³. Также в декабре прошли выборы в Совет народных депутатов Вильнюса. Примечательно, что члены этого совета почти поровну были разделены на коммунистов и «симпатизирующих». Первые желали более тесного сближения с Советской Россией, вторые были более независимыми социалистами. Девяносто шесть членов этого первого совета принадлежали к пробольшевистской группе, в то время как более независимо ориентированный (хотя тоже социалистический) еврейский Бунд имел шестьдесят депутатов, меньшевики-интернационалисты — двадцать два депутата, а литовские социал-демократы — пятнадцать. Социалисты не остановились на достигнутом и 8 декабря 1918 г. сформировали Временное революционное правительство рабочих и крестьян Литвы. Примечательно, что среди восьми «министров» этого правительства было три литовца, два поляка и два еврея, включая Семена Диманштейна. Последний впоследствии снискал известность как специалист по национальностям в СССР, а позднее оказался среди жертв чисток Сталина⁷⁴. В то время как коммунистическое возбуждение ощущалось в городе в течение всего декабрьского хаоса, литовцы

торопились обосновать в городе собственные государственные институты⁷⁵. Местные же поляки поспешили организовать «подразделения самозащиты», целью которых было защитить польский Вильнюс от Красной армии и от возможных угроз со стороны литовцев⁷⁶. Судя по документу, изданному в 1919 г. членами немецкого солдатского Совета, немецкое командование отдавало предпочтение польским консерваторам, что было вполне вероятно. В то же время довольно сомнительно, что к тому времени немецкие военные действительно беспокоились о чем-либо, кроме эвакуации войск из региона⁷⁷. С наступлением первых дней 1919 г. как литовцы, так и поляки (в лице своих политических лидеров), признавая неспособность противостоять приближающейся Красной армии, произвели эвакуацию Вильнюса. Красная армия беспрепятственно вошла в город в ночь на 5 января 1919 г. Абрамович описывал жизнь под большевиками в 1919 г. как «невыносимо тяжелую». Он утверждал, что пропитания едва хватало и все кто мог покидали город и уезжали в провинцию к родственникам и друзьям. Тем не менее спустя несколько недель большевики позволили торговцам снова открыть лавки, а русские солдаты даже устраивали музыкальные развлечения и — естественно — пропагандистские встречи для местных⁷⁸.

Правление большевиков в Вильнюсе продлилось едва ли три месяца; 19 апреля 1919 г. город был взят польской армией под предводительством Йозефа Пилсудского⁷⁹. И хотя после этой даты поляки удерживали контроль над городом не непрерывно, «освобождение» в апреле 1919 г. поляки Вильнюса отмечали на протяжении всего межвоенного периода⁸⁰. К примеру, к празднованию пятнадцатой годовщины этой даты был выпущен буклет со стихотворениями, фотографиями военных героев и воспоминаниями. Возвышенный тон воспоминаний, напечатанных в буклете, связан с тем, что город был отбит у большевиков накануне Пасхи. Особые мессы служились в честь поражения Красной армии и возвращения Вильнюса в пределы сильной, независимой Польши. То, что успешная военная операция была проведена под руководством Йозефа Пилсудского, имело особое значение. Таким образом устанавливалась связь между национальным героем, рожденным здесь же, и судьбой города⁸¹. Взятие Вильнюса не только для местных поляков играло важную роль, но, возможно, было еще более ценно как событие, определившее будущие восточные границы Польской Республики⁸².

Для поляков, проживающих в Вильнюсе, воспоминания о событиях апреля 1919 г. были намного более горькими. Въезд поляков в город сопровождался атаками на евреев, в результате которых десятки были убиты (еврейские источники говорят о шестидесяти жертвах как минимум), а собственность разграблена⁸³. Кроме стихийного насилия, как отмечал лидер общины Яков Выгодский, имели место три «ужасных дня» политических нападков — с 20 по 22 апреля. В эти дни многие евреи были арестованы и, что было особенно разрушительно для будущих взаимоотношений, с еврейской общиной в целом обходились как с пособниками советских оккупантов⁸⁴. Горькая память об апрельском погроме 1919 г., учиненном польскими солдатами, заставила евреев Вильнюса опасаться за свое будущее под польским правлением и *ipso facto* подвигла их более сочувствовать литовцам⁸⁵. Польские власти отрицали причастность к насилию, направленному против евреев, но утверждали, что евреи сотрудничали с советскими оккупантами. Этот погром в Вильнюсе, наряду с погромами во Львове, Белостоке и множестве небольших местечек, оказал губительное влияние на польско-еврейские отношения. Если упростить ту болезненную и сложную ситуацию, то в целом евреи опасались, что польское государство не было заинтересовано в защите их прав или даже в их личной безопасности. Поляки, с другой стороны, были озлоблены интерпретацией погрома в Вильнюсе, полной, по их мнению, преувеличений и антипольских предрассудков⁸⁶. Аргументы и той и другой стороны следует принимать во внимание. Однако не стоит забывать, что, как это бывает практически во всех подобных случаях, аргументы обеих сторон крайне тенденциозны⁸⁷.

В то время как поляки праздновали военную победу, литовцы планировали собственное возвращение в город. Как показал Чесловас Лауринавичюс, на самом деле литовцы предпочитали поляков, нежели Красную армию, — по крайней мере в апреле — и могли бы даже пойти на сотрудничество с Пилсудским в 1919 г., но эта возможность была упущена⁸⁸. В феврале 1919 г. поляки организовали *гражданскую администрацию восточных земель*, которая существовала до сентября 1920 г. и под чье покровительство попадал Вильнюс⁸⁹.

Почти сразу же польская культура вернулась в город — в городе открылись театры, газеты и школы⁹⁰. Что важнее всего, университет, закрытый еще в 1832 г., был воскрешен как польское учреждение. Названный в честь своего основателя Стефана Батория, университет

был официально открыт согласно указу, подписанному Йозефом Пилсудским 28 августа 1919 г. Указ гласил: «Этим моим указом Виленский университет, закрытый враждебными нам силами семьдесят восемь лет назад, вновь призван к жизни»⁹⁹. Как позднее вспоминал первый ректор университета, даже еврейское население города восприняло открытие университета с интересом и симпатией⁹². Литовцы также основывали в городе собственные школы и газеты, несмотря на польскую цензуру и общую недоброжелательность, однако им не удалось осуществить задуманное открытие в городе литовского университета⁹³.

Когда летом 1920 г. Красная армия направлялась к Варшаве, литовское руководство увидело в этом возможность воспользоваться слабостью поляков и восстановить литовскую власть над городом, провозглашенным литовской столицей⁹⁴. Красная армия вошла в Вильнюс 14 июля 1920 г. и передала город под контроль Литвы 26 августа, сразу же после поражения в битве за Варшаву от польской армии, известного также как «чудо на Висле». После советского поражения Литва, возможно, и не имела шанса сохранить контроль над преимущественно польским городом, однако для того чтобы вернуть Вильнюс под контроль Польши (под которым город оставался вплоть до осени 1939 г.), потребовалось прибегнуть к мнимому «мятежу», устроенному другом и соратником Пилсудского Люцианом Желиговским. До какой степени Пилсудский знал (или даже отдал приказ) об атаке Желиговского на город, остается предметом обсуждения. Однако после того как войска последнего заняли Вильнюс 9 октября 1920 г. и отобрали город у литовцев, Пилсудский не критиковал действия своего друга⁹⁵. Сопrotивление было минимальным, и город оказался в польских руках без серьезных сражений⁹⁶.

Так как действия Желиговского были хотя и мнимым, но «мятежом», было бы неблагоприятно пытаться мгновенно включить подконтрольную территорию в состав Польши. Вместо этого на занятых территориях было организовано квазисамостоятельное государство, формально независимое от Польши, названное Срединная Литва, в то время как среди населения был подготовлен плебисцит (см. об этом ниже)⁹⁷. То, что результат плебисцита будет благоприятным для поляков, было предсказуемо, что стало основной причиной громогласных выступлений литовцев против этого плебисцита. Как все и предвидели, к началу 1922 г. Срединная Литва прекратила свое

существование и стала восточным регионом Польской Республики. «Освобождение» октября 1920 г. (с польской точки зрения) или «незаконная оккупация» (с литовской точки зрения) вскоре превратились в два противоборствующих мифа. Для патриотически настроенных поляков Желиговский был героем, оттого центральная артерия города в межвоенный период носила его имя. Для литовцев, наоборот, октябрьская атака была незаконным и циничным захватом власти со стороны поляков и началом двадцатилетней оккупации истинной столицы Литвы⁹⁸.

Пока Вильнюс оспаривали польские и литовские войска, а также войска Красной армии, поляки и литовцы готовили очередное наступление — на дипломатическом фронте. Границы будущих польского и литовского государств только начинали обретать реальную форму во время хаоса 1919–1920 гг. Было сложно примирить основные концепции, которыми оперировали дипломатические деятели обеих сторон. Мало кто из поляков мог представить независимую Польшу без восточных городов, таких как Вильнюс и Львов, а литовская политическая элита посвятила себя идее Вильнюса как вечной литовской столицы. В любом случае города с этническим литовским большинством не существовало; поляки и евреи схожим образом доминировали среди населения Каунаса/Ковно, хотя этот город по крайней мере находился посреди однозначно литовской территории. Как мы видели, еще до того как война была окончена, как литовцы, так и поляки выдвигали требования воюющим сторонам. Начиная с конца 1918 г., когда в спешке учреждались неокрепшие правительственные и дипломатические службы, польские и литовские дипломаты продолжали наступление, требуя «свой» город.

Дипломатические записки и полемике между польскими и литовскими дипломатами в Лиге Наций отражают различие выбранных ими стратегий. Польские документы делают акцент на историю последних лет, высокую культуру, присутствие польского языка и культуры, а также присутствие польского населения в городе. Литовцы же подчеркивали особенности географии, истории до XIX в., а также идею о том, что понятие «Литва» (и «литовцы») должно быть интерпретировано более широко, нежели просто регион, где в настоящее время доминирует литовский язык. Они также утверждали, что статистика населения была сформирована пристрастно и не в пользу литовцев. Из этой статистики следовало, что литовцы являлись

преимущественно деревенской, небогатой и менее состоятельной нацией. Эти риторические стратегии проявлялись, естественно в разных формах, снова и снова в длительном диалоге 1920-х гг. и далее. В то время как отдельные авторы все же разнятся в выборе аргументов, общие риторические стратегии литовцев против поляков на удивление схожи⁹⁹.

1920–1922 гг. — Вильнюс уходит Польше

После освобождения (или незаконного захвата) Вильнюса Желиговским в октябре 1920 г. вероятность того, что литовцам удастся взять контроль над городом без иностранного вмешательства, была мала.

В то время как советские власти были готовы поддержать претензию литовцев на город, что, без сомнения, являлось больше антипольской мерой, чем отражением пролитовских чувств, Антанта решительно охладела к идее посылать войска в направлении Вильнюса¹⁰⁰. В любом случае претензии литовцев не казались особенно убедительными французской или британской стороне — по крайней мере не более убедительными, чем аргументы поляков.

Учитывая явно условный характер Срединной Литвы, а также ее недемократическое военное происхождение, следовало срочно провести выборы, которые стали ключевыми для будущего всего региона того периода. 12 октября 1920 г. Желиговский объявил себя верховным главнокомандующим территории, но обещал, что любые указы, изданные им, должны быть *post facto* ратифицированы законодательным органом Срединной Литвы (*Sejm Ustawodawczy*) после созыва последнего. Наконец выборы были назначены на 8 января 1922 г. С конца 1920 г. и на протяжении всего 1921 г. Желиговский и польская администрация Срединной Литвы делали что могли, чтобы убедить всех жителей территории принять участие в выборах. С самого начала казалось маловероятным, что литовцы будут участвовать в выборах — и правительство в Каунасе, и местные литовские интеллектуалы, такие как Миколас Биржишка, призывали бойкотировать выборы и считали их незаконными. Однако можно было надеяться на то, что удастся убедить голосовать евреев, и власти Срединной Литвы в течение этого времени делали все возможное, чтобы заполнить потенциалы евреев-избирателей.

Желиговский пользовался положительной репутацией среди евреев и не был связан с насилием, направленным против евреев. Последнее, к сожалению, не было столь уж редким явлением среди польских войск в течение последних двух лет. «Приказ № 1», изданный генералом, не выделял особенно какую-либо национальную группу, документ лишь констатировал, что «дикие орды большевиков» были изгнаны из города, а также что избранная законодательная власть будет впредь решать судьбу территории¹⁰¹. В то время как самыми явными избирателями для Желиговского являлись поляки, он также надеялся получить поддержку евреев для того, чтобы инкорпорировать Вильнюс в состав Польши. Именно поэтому для Срединной Литвы было жизненно важно избежать антисемитизма. Еврейские комментаторы согласны с тем, что политика относительно евреев в течение 1920–1922 гг. была «мягкой» и что Желиговский и другие должностные лица Срединной Литвы пытались склонить евреев на свою сторону¹⁰².

В то же время литовское государство с самого начала демонстрировало очень благосклонное отношение по отношению к еврейским гражданам, пойдя дальше всех европейских держав в предоставлении евреям не только равных прав, но и культурной автономии и даже министерства еврейских дел¹⁰³. В течение нескольких лет перед Первой мировой войной польско-еврейские отношения стали очень натянутыми. Литовцы, с другой стороны, оставались относительно нейтральными в еврейском вопросе (так как их основным соперником, естественно, были поляки). Образ поляков в глазах евреев был еще более запятнан явным нежеланием молодого польского государства (и польской публики) согласиться на договор о предоставлении прав меньшинствам, как того требовали союзники на Парижской мирной конференции 1919 г. Память о погромах во Львове (ноябрь 1918 г.), Вильнюсе (апрель 1919 г.) и в других городах еще более запятнала образ поляков среди евреев¹⁰⁴. В то время как многие евреи понимали, что лишь малая часть поляков участвовала в погромах или одобряла подобные эксцессы, страх того, что польское государство не захочет или не сможет защитить своих непольских граждан, был широко распространен. С другой стороны, этот страх также заставлял евреев колебаться перед тем, как принимать какие-либо действия, которые могли бы спровоцировать их польских соседей, — к примеру, открыто поддерживать претензии литовцев на Вильнюс.

В то время как существуют основательные свидетельства того, что множество евреев Вильнюса предпочли бы, чтобы город перешел в литовские руки, не многие открыто заявляли об этом — возможно, из страха настроить поляков против себя. К примеру, Яков Выгодский отмечал в своих мемуарах, что нейтральная линия поведения, применяемая евреями в отношении оккупационных властей (начиная с немцев), должна быть изменена в пользу активной поддержки литовцев, как только они возьмут Вильнюс. Он также описывал положение евреев в «Ковенской Литве» как «рай» (*“gan eden”*). Однако, как только город снова перешел в польские руки, гораздо более осмотнительный подход со стороны евреев был снова на повестке дня¹⁰⁵.

Согласно внутреннему докладу Срединной Литвы, к декабрю 1920 г. еврейская политическая жизнь вернулась в нормальное русло. На собрании еврейской общины ее председатель доктор Выгодский говорил о «чрезвычайно положительном впечатлении», которое произвел на него генерал Желиговский. Однако он также подчеркивал, что полякам и евреям стоит прикладывать совместные усилия для того, чтобы предотвратить какие-либо дальнейшие перегибы, и стремиться к тому, чтобы улучшить взаимоотношения. Поляки должны уважать условия Версальского договора (здесь Выгодский, скорее всего, имел в виду требование гарантии предоставления прав национальным меньшинствам). Выгодский также говорил о федерации — хотя из расплывчатого упоминания в этом докладе не совсем ясно, имелась ли в виду федерация с Литвой. По примеру Выгодского главный раввин Вильнюса рабби Исаак (Ицхак) Рубинштейн упомянул недавно имевшее место насилие против евреев в городе и за его пределами, подчеркивая, что это насилие было вызвано агитацией со стороны «некоторых секретных организаций» (то есть не по прямому приказу польских властей). Все докладчики подчеркивали необходимость работать с властями, в школах и в прессе, добиваясь преодоления антисемитизма¹⁰⁶.

Оценить с точностью отношение еврейской общины Вильнюса к перспективе инкорпорации города в пределы Польши сложно¹⁰⁷. Один доклад от начала 1921 г. утверждает, что евреи тяжело страдали под польской оккупацией и не выражали несогласия с присоединением Вильнюса к Польше лишь потому, что боялись войск Желиговского. Однако это утверждение, найденное в документах литовского Министерства иностранных дел, является слишком

очевидно антипольским и пролитовским, чтобы принимать этот документ всерьез — что подтверждается следующей цитатой: «Поляки заявили, что намерены истребить евреев, если Вильну не уступят Польше < ... > Под литовским правлением... евреи Вильны пользовались всеми привилегиями равного гражданства < ... > Следовательно, единственно естественным для евреев... должно стать желание голосовать за то, чтобы Вильна осталась литовской»¹⁰⁸. Действительно, многие евреи, возможно, в идеале и поддержали бы присоединение города к Литве, но власти Срединной Литвы старались угодить еврейским чувствам. Председатель временной правящей комиссии (высшей гражданской власти Срединной Литвы) Александр Мейштович даже настаивал на том, чтобы говорить с еврейской делегацией на идише¹⁰⁹. Как бы то ни было, в итоге евреи мало что могли получить, в то время как им было много что терять, займи они четкую позицию «за» либо «против» участия в плебисците. Таким образом, в конце 1921 г. еврейское руководство (в лице представителей различных партий) представило нейтральную декларацию, которая не содержала ни явного одобрения участия в выборах, ни призыва их бойкотировать. Эта декларация была, возможно, чем-то большим, чем дипломатической тактикой, — попыткой избежать открытого оскорбления в адрес поляков в силу понимания, что вне зависимости от того, выступят ли евреи против участия в плебисците или нет, поляки все равно выиграют большинством голосов¹¹⁰.

Внутренний доклад об отношении неполяков к плебисциту изображает отношения между поляками и евреями с, пожалуй, шокирующей прямоотой: «поддержка польской стороны в вопросе Вильнюса не в интересах евреев, так как все евреи прекрасно ощущают антисемитизм со стороны всех слоев польского общества». Судя по докладу, евреи предпочли бы жить в государстве, в котором они бы не являлись единственным меньшинством (странным образом из этих дискуссий исчезли значительные меньшинства в Польше, представленные белорусами, украинцами и немцами). Последнее было бы достижимо посредством объединения с Литвой или «с другой стороны, [посредством] прямого объединения с евреями Советской России или Германии». Ни один еврей, говорится в докладе, не забывает о том, что евреи находятся «у руля власти» в Советской России, однако некоторые предпочитают связываться с экономически более развитой Германией¹¹¹. Несмотря на весь антисемитский

тон и предрассудки, авторы доклада, возможно, правы в оценке опасений евреев стать польскими гражданами. Польское государство открыто склонялось к самоопределению как будущее национальное государство поляков. Это могло означать лишь то, что неполяки в итоге окажутся в категории граждан второго класса. Но евреи Вильнюса, без сомнения, осознавали, что вхождение их города в состав Польши неизбежно, и, как это много раз случалось прежде в еврейской истории, пытались вести себя кротко, дабы не усугубить антиеврейские чувства среди литовцев и поляков.

Выборы в сейм Вильнюса прошли, как и планировалось, 8 января 1922 г. Как и ожидалось, большинство поляков проголосовало, а большинство неполяков — нет. Литовцы были наименее вероятными голосующими; официальные данные показывают, что 8,2% литовцев из сельской местности приняли участие в выборах, в то время как среди литовцев, живущих в городах (тех, что наиболее вероятно были связаны с национальным движением), явка составила всего лишь 1,2%. Среди евреев 15,3% живущих в сельской местности и 6,3% городских жителей приняли участие в выборах¹¹². Другими словами, среди более национально-сознательных личностей (крестьяне на этой стадии почти наверняка были менее национально ориентированы, чем горожане) евреи и литовцы воздержались от голосования, в то время как поляки проголосовали. В самом Вильнюсе 83,6% поляков-христиан (но лишь 75,6% всех христиан; другими словами, литовцы и белорусы в целом бойкотировали выборы) проголосовало, в то время как 303 еврея из всех проживающих в Вильнюсе (что составило 1,4%) опустили бюллетени в урны для голосования¹¹³. Официальная точка зрения о том, что бундисты поддержали участие в выборах, в то время как сионисты выступили против выборов, оказывается неверной, учитывая почти тотальное неучастие евреев¹¹⁴.

Как и ожидалось, сейм Вильнюса собрался лишь на месяц и проголосовал за самороспуск 28 февраля. 20 февраля сейм принял самый важный — на самом деле единственно важный — закон: прошение о том, чтобы Срединная Литва вошла в состав Польской республики¹¹⁵. 2 марта делегация от сейма Вильнюса уже была в Варшаве для того, чтобы представить данное прошение Законодательному сейму Польской республики. Прошение было одобрено 6 апреля. 18 апреля 1922 г., накануне трехлетней годовщины освобождения Вильнюса от советской власти (а для евреев — годовщины кровавого погрома),

Срединная Литва была официально включена в состав Польской республики, а церемонию в городе по этому случаю посетили Пилсудский, Желиговский, Александр Мейштович, три епископа и другие высокопоставленные лица¹⁶.

* * *

В Вильнюсе, как и повсюду в Европе, Первая мировая война обострила национальные устремления и противоречия. Война также имела катастрофические последствия для экономики города и для его населения. Оптимистичный, растущий в начале 1914 г. город к 1922 г. стал намного меньшим, намного более голодным и изолированным. Поляки «выиграли» состязание за город, но это была Пиррова победа. Последняя привела к полному разрыву отношений с Литвой. Город также стал гораздо более однородным в течение 1914–1922 гг. — после того как почти все русские покинули его и вследствие значительного сокращения еврейского населения. В 1922 г. Вильно был более польским, чем когда бы то ни было прежде. К сожалению польских патриотов, эта ситуация длилась менее двух десятилетий.

Примечания

¹ В тексте я буду использовать литовскую форму названия города лишь для удобства. Это, естественно, не означает согласия с литовским национальным нарративом о том, что город вечно принадлежал литовской нации и государству.

² См., к примеру, *Čepėnas P.* Naujųjų laikų Lietuvos istorija. Vilnius: Lituanus, 1992. Vol. II. P. 25ff.

³ См., напр., мемуары будущего министра иностранных дел Литвы Петраса Клима: *Klimas P.* Dienoraštis 1915–1919. Chicago: AM&M Publications, 1988.

⁴ *Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1995.

⁵ *Sukiennicki W.* East Central Europe during World War I: From Foreign Domination to National Independence. Boulder: East European Monographs, 1984. P. 100–111.

⁶ *Cywiński S.* Kartki z pamiętnika (1914–1920). Wilno: Odbitka z “Dziennika Wileńskiego”, 1931. P. 10–12.

⁷ *Dobaczewska W.* Wilno ii Wileńszczyzna w latach 1914–1920. Wilno: Dziennik Urzędowy Kuratorjum Okr. Szk. Wileńskiego, 1934. P. 12.

⁸ О насильственном выселении русскими военными тысяч еврейских граждан из их домов около фронтовой линии см. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. P. 16–23 and *passim*. В целом о бедственном положении евреев Восточной Европы во время Первой Мировой войны см.: *Schuster F.* Zwischen allen Fronten: Osteuropäische Juden während des Ersten Weltkrieges (1914–1919). Cologne: Böhlau, 2004.

⁹ “Poufny memorial Michała Rõmera z sierpnia 1915”, отредактированный и опубликованный Виктором Суkenницким (Wiktor Sukiennicki) под заголовком “Wilno na schyłku rządów carskich”: *Zeszyty Historyczne* (Paryż). 1970. № 17 (185). P. 119.

¹⁰ *Jankowski C.* Z dnia na dzień: Warszawa 1914–1915 Wilno. Wilno: Wydawnictwo Kazimierza Rutkiewicza, 1923. P. 20–68.

¹¹ Lietuva Didžiąjame Kare / P. Ruseckas (ed.). Wilno: Wydawnictwo “Vilniaus Žodis”, 1939. P. 12; *Cywiński S.* Kartki z pamiętnika. P. 19 (запись от 12–15 августа): “Zdjęto w Wilnie pomniki Katarzyny ir Puszkina. Murawjew stoi jeszcze. Ach, żeby Moskali stąd wyszli I nigdy już nie wrócilli!”

¹² Wilnas Leidenzeit im Krieg // Das Litauen-Buch: eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee. N. p. [Wilna]: Druck und Verlag Zeitung der 10. Armee, 1918. S. 116–117. Этот эпизод оканчивается тем, как немецкие войска входят в город; к сожалению, страдания (*Leiden*) Вильнюса в этот конкретный момент были далеки от окончания. О военных операциях с немецкой точки зрения см.: *Ludendorff E. v.* Ludendorff's Own Story. New York: Harper & Brothers, 1919. Vol. I. P. 197–202.

¹³ *Abramowicz H.* Profiles of a Lost World: Memoirs of East European Jewish Life before World War II. Detroit: Wayne State Univ. Press, 1999. P. 177–178.

¹⁴ Дневник Пеликасаса Бугайлишкаса см.: *Klimas P.* Op. cit. P. 18–25.

¹⁵ *Dobaczewska W.* Nastroje Wileńskie w latach wojny // P. O. W. na ziemiach W. X. Litewskiego 1919–1934: szkice i wspomnienia / S. Burhardt (red.). Wilno: Wydawn. Wileńsko-Nowogródzkiego okręgu związku peowiaków, 1934. P. 16.

¹⁶ *Jankowski C.* Z dnia na dzień. P. 235–237.

¹⁷ Объявление Пфаля “An die Einwohnerschaft von Wilno!” (немецкая версия) см.: *Glaser S.* Okupacja niemiecka na Litwie w latach 1915–1918: Stosunki prawne. Lwów: Wydawnictwo Wschód, 1929. P. 159–160.

¹⁸ *Abramowicz H.* Op. cit. P. 180–181.

¹⁹ Lietuvos Mokslo Akademijos Biblioteka (LMAB), Ranraščių skyrius (библиотека Академии наук Литвы, Отдел рукописей, Вильнюс). F. 23-23. L. 9. Немецкий текст гораздо более экспрессивен: “Den Frauenzimmern wird es verboten, sich deutschen Soldaten feil zu bieten”. Вразумления появились также и на польском и литовском языках, равно как и предупреждение о том, что больные венерическими заболеваниями (предположительно проститутки) будут арестованы.

²⁰ *Ibid.* L. 10–25.

²¹ *Ludendorff E. v.* Ludendorff's Own Story. Vol. I. P. 221–222.

²² Выдающееся описание польского города Вильно на протяжении первых месяцев немецкой оккупации см.: *Pukszto A.* Wilno pod koniec roku 1915 – na początku 1916: Polskie czy niepolskie? // *Przegląd Wschodni*. T. 8. Zesz. 1 (2002). P. 39–56. Об общей культурно-социальной истории города в этот период см.: *Pukszto A.* Między stołecznością a partykularizmem: Wielonarodowościowe społeczeństwo Wilna w latach 1915–1920. Toruń: Adam Marszałek, 2006.

²³ Litwa podczas wojny: Zbiór dokumentów / L. A. [Ludwik Abramowicz] (ed.). Warsaw: Wydawnictwo Departamentu Spraw Politycznych, 1918. P. 7–12.

²⁴ *Jankowski C.* Z dnia na dzień. P. 277–283.

²⁵ *Ibid.* P. 279–280.

²⁶ *Abramowicz H.* Op. cit. P. 186–202. Еще один выдающийся источник сведений о еврейской жизни Вильнюса во время Первой мировой войны: *Pinkas far der geschikhte fun vilne in di yorn fun milhome un okupatsie* / Sh. An-shki (ed.). Vilne: 1922.

²⁷ “Lietuvių atstovų pareiškimas Vilniaus miesto vokiečių valdžiai dėl gyventojų surašymo” (дагировано 19 марта 1916 г.) в кн.: Lietuva vokiečių okupacijoje pirmojo pasaulinio karo metais 1915–1918: Lietuvos nepriklausomos valstybės genezė / E. Gimžauskas (ed.). Vilnius: LII, 2006. P. 64–65.

²⁸ *Basanavičius J.*, dr. Iš lietuvių gyvenimo 1915–1917 m. po vokiečių jungu. Vilnius: “Švyturio” spaustuvė, 1919.

²⁹ LMAV. F. 23-23. L. 62–64.

³⁰ LMAV. F. 23-23. L. 16, 153. В целом о валютной политике того периода см.: *Paszkiewicz B.* “Ostrubel” i “Ostmarka”: O pieniądzu okupacji niemieckiej na Litwie // *Biuletyn Numizmatyczny*. Vol. 7 (1982). P. 130–134.

³¹ Об экономической политике немцев см.: *Linde G.* Die deutsche Politik in Litauen im ersten Weltkrieg. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. S. 52–68; *Glaser S.* Okupacja niemiecka. P. 131–142 (“Rekwizycje i kontrybucje”).

³² LMAV. F. 23-23. L. 120-4; в целом о правовом положении школ под немецкой оккупацией см.: *Glaser S.* Okupacja niemiecka. P. 143–148 (“Szkolnictwo”).

³³ *Pukšto A.* Wilno pod koniec roku 1915. P. 50–52.

³⁴ *Abramowicz H.* Op. cit. P. 203.

³⁵ *Klimas P.* Op. cit. P. 79, 88.

³⁶ Приказ, запрещающий какие-либо университетские курсы в Вильнюсе, был издан 19 февраля 1916 г. В переводе на литовский документ доступен в кн.: Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius: Mintis, 1965. P. 558.

³⁷ *Liulevicius V.* War Land on the Eastern Front. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 127.

³⁸ *Westerhoff C.* Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg: Deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen, 1914–1918. Paderborn: Schöningh, 2012.

³⁹ Lietuva Didžiąjame Kare. P. 16–23.

⁴⁰ *Szabad C.* Ruch naturalny ludności żydowskiej w Wilnie w ciągu ostatnich lat 18-tu (1911–1928) // *Księga pamiątkowa I Krajowego Zjazdu Lekarskiego “TOZ-u”*. Warszawa: Nakładem Centralu Tozu, 1929. P. 83–85.

⁴¹ Referat o ogólnem położeniu miasta (весна 1917 г.) // *Litwa za rządów ks. Isenburga*. Cracow: Nakładem Krakowskiego Oddziału Zjednoczenia Narodowego, 1919. P. 42–54.

⁴² *Gira L.* Vilniaus gyvenimas po Vokiečiais, 1917 m. // *Mūsų senovė*. Vol. 1. № 3 (1922). P. 410–424.

⁴³ *Lunsky H.* Me-hagheto havilnai: tipusim ve-tslalim. Vilna: Agudat ha-sofrim veha-zhurnalistim ha'ivriyim veVilna, 1921. P. 7.

⁴⁴ *Urbšienė M.* Vokiečių karo meto spauda ir Lietuva. Kaunas: Spaudos fondas, 1939. P. 41–43.

⁴⁵ *Liulevicius V.* Op. cit. P. 151–175.

⁴⁶ *Monty P.* Wanderstunden in Wilna. Изд. 3-е. Wilna: Verlag der Wilnaer Zeitung, 1918. S. 9.

⁴⁷ *Ibid.* S. 12–15.

⁴⁸ *Ibid.* S. 19, 30.

⁴⁹ *Ibid.* S. 59, 61–67.

⁵⁰ *Ibid.* S. 29.

⁵¹ Более краткий и менее поэтический путеводитель для немецких солдат давал больше практических советов, предвзято два пеших маршрута наставлением: “Die Heimat kann dir Wilna nicht ersetzen; trachte jedoch, es kennen zu lernen, halt die

Augen offen, so wirst du dich heimischer fühlen". Цит. по: Ich weiß Bescheid: Kleiner Soldatenführer durch Wilna. Wilna: Verlag Zeitung der 10. Armee, 1918.

⁵² *Listowsky P.* Neu-Ost: Unser Zukunftsgrenzgebiet um Ostpreussens Ostrand: Fahrten durch Polen und Litauen unter deutscher Kriegsverwaltung. Königsberg: Hartungsche Zeitung, 1917.

⁵³ *Friedrichsen M.* Landschaften und Städte Polens und Litauens. Beiträge zu einer regionalen Geographie. Berlin: Gea Verlag, 1918. S. 32.

⁵⁴ *Ippel A.* Wilna – Minsk: Altertümer und Kunstgewerbe: Führer durch die Ausstellung der 10. Armee. Wilna: Zeitung der 10. Armee, 1918.

⁵⁵ Wilna im Bilde: 20 Kunstblätter nach Lichtbildern / B. Steiguer (ed.). Wilna: Verlag der Zeitung der 10. Armee, 1918.

⁵⁶ *Weber P.* Wilna: Eine vergessene Kunststätte. Wilna: Verlag der Zeitung der X. Armee, 1917. S. 10 *et passim*.

⁵⁷ *Balkelis T.* The Making of Modern Lithuania. London: Routledge, 2009.

⁵⁸ Превосходная краткая коллекция польских мемуаров военных лет представлена в кн.: Teraz będzie Polska: Wybór z pamiętników z okresu I wojny światowej / A. Rosner (red.). Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1988.

⁵⁹ Этот меморандум вместе с ответом литовцев был опубликован в оригинале по-немецки в Litauen und die Polenfreunde. Wilno, 1917.

⁶⁰ Этот меморандум был напечатан (по-литовски) в Lietuva vokiečių okupacijoje, документ № 21. P. 139–147.

⁶¹ *Klimas P.* Lietuvos Valstybės Kurimas 1915–1918 metais Vilniuje // Pirmasis Nepriklausomos Lietuvos dešimtmetis 1918–1928. London: Nida, 1955 P. 7–16; *Kairys S.* Tau, Lietuva. Boston: Lietuvių enciklopedijos spaustuvė, 1964. P. 249–251.

⁶² О самых важных решениях данной конференции см.: Lietuvių Vilniaus konferencijos 1917 m. rugsėjo 18–22 d. posėdžių protokolo ištrauka // Lietuva vokiečių okupacijoje, документ № 21. P. 159–161. Превосходным исследованием отношений между немцами и литовским национальным движением является работа *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: Der Fall Ober Ost 1915–1917. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993.

⁶³ *Senn A. E.* The Emergence of Modern Lithuania. New York: Columbia Univ. Press, 1959. P. 25.

⁶⁴ *Pukszo A.* Postawy wileńskich Polaków pod niemiecką okupacją w latach 1915–1918 // Ostatni obywatele Wielkiego Księstwa Litewskiego / T. Bujnicki, K. Stępnik (eds.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. P. 281–286. Некоторые польские политические группировки занимали более позитивную позицию относительно литовского движения, но часто делали расплывчатые отсылки к существующим в прошлом тесным связям между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, к примеру: “Lenkijos politinių judėjimų ir organizacijų deklaracija Lietuvos klausimu” (19–22 мая 1917 г.), см.: Lietuva vokiečių okupacijoje, документ № 19. P. 126–128.

⁶⁵ Memoriał o sprawie litewskiej złożony przez Władysława Zawadzkiego w Warszawie w listopadzie 1917 / W. Sukiennicki (red.) // Zeszyty Historyczne (Paryż). 1974. № 30 (250). P. 77–85; оригинальный текст меморандума см.: Litwa podczas wojny. Warszawa: Wydawnictwo Departamentu Spraw Politycznych, 1918. P. 55–58.

⁶⁶ См., к примеру, дискуссии в *Gaigalat W.* Litauen: Das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen. Frankfurt: Frankfurter Vereinsdruckerei, 1917, *passim* и особенно страницы о поляках и литовцах, 120–130.

⁶⁷ *Cywiński S.* Kartki z pamiętnika. P. 84.

⁶⁸ Lietuvos Taryba skelbia aktą dėl Lietuvos valstybės atkūrimo 1918.02.16 // Vilniaus miesto istorijos dokumentai (VMID). P. 342; по поводу дискуссий, которые привели к этой декларации, см.: *Klimas P.* Lietuvos Valstybės Kurimas. P. 19–25.

⁶⁹ Lietuvos Taryba. P. 342. См. также: *Basanavičius J.*, dr. Dėl vasario 16 dieną paskelbtos Lietuvos nepriklausomybės // Vilniaus miesto istorijos skaitiniai / E. Manelis, R. Samalavičius (sud.). Vilnius, 2001. P. 478–488.

⁷⁰ *Senn A.E.* Op. cit. P. 32–38. Кроме классической работы Зенна, этот ключевой для создания независимой Литвы период очень плохо изучен в западной историографии. Для более подробной информации о двух самых важных дипломатических деятелях того периода см.: *Gabrys J.* Vers l'Indépendance Lituanienne: Faits, Impressions, Souvenirs 1907–1920. Lausanne: Librairie Centrale des Nationalités, 1920 и *Klimas P.* Der Werdegang des Litauischen Staates von 1915 bis zur Bildung der provisorischen Regierung im November 1918. Berlin: Pass & Garleb G.m.b.H., 1918.

⁷¹ О чрезвычайно сложных дипломатических спорах по поводу избрания Вильгельма фон Ураха литовским королем см. документы, собранные в Lietuva vokiečių okupacijoje. P. 340–404.

⁷² *Senn A.E.* Op. cit. P. 61–68; *Liulevicius V.* Op. cit. P. 214–219.

⁷³ *Senn A.E.* Die bolschewistische Politik in Litauen 1917–1919 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 5. Berlin, 1957. S. 93.

⁷⁴ *Vaitkevičius B., Vasiliauskas Z.* Lithuania in 1918–1919: First Soviets. Vilnius: Mintis, 1979. P. 38–40, 56–60.

⁷⁵ *Grigaraičius A.* Vilnius: 1918 metų gruodžio 20–24 dienos // VMIS. P. 496–505.

⁷⁶ *Wejtko W.* Samoobrona Litwy ir Białorusi: Szkic historyczny. Wilno: Nakładem Związku Organizacyji B. Wojskowych w Wilnie, 1930.

⁷⁷ Wilnas Auslieferung an die Polen: Denkschrift des zurückgetretenen Soldatenrats der 10. Armee. Stuttgart: Jung u. Sohn, 1919.

⁷⁸ *Abramowicz H.* Op. cit. P. 209–218 (“April 1919”).

⁷⁹ *Waligóra B.* Walka o Wilno: Okupacja Litwy i Białorusi w 1918–1919 roku przez Rosję Sowiecką. Wilno: Wydawnictwo Zarządu Miejskiego, 1938. О взятии города польскими войсками см.: *Piskor T.* Wyprawa wileńska. Warsaw: Księgarnia wojskowa, 1919.

⁸⁰ См. исследование современника, посвященное отвоеванию Вильнюса у Советов: *Kaden-Bandrowski J.* Wyprawa wileńska. Warsaw: Żołnierz polski, 1920, а также *Nagrodzki Z.* Wyprawa wileńska roku 1919 we wspomnieniach cywila. (Kartki z pamiętnika). Wilno: Kurjer Wileński, 1933.

⁸¹ Wilno 1919.IV.19 – 1934: Wydawnictwo poświęcone 15-ej Rocznicy odzyskania Wilna / E. Małachowski (ed.). Wilno: Politechnika robotnicza w Wilnie, 1934.

⁸² См. политико-военную историю с документами в кн.: *Łukomski G., Stolarski R.E.* Walka o Wilno: Z dziejów samoobrony Litwy ii Białorusi 1918–1919. Warszawa: Adiutor, 1994.

⁸³ О погроме в Вильнюсе 19–22 апреля 1919 г. см.: *Schuster F.* Zwischen allen Fronten. S. 445–448; *Golczewski F.* Polnisch-jüdische Beziehungen 1881–1922: Eine Studie zur Geschichte des Antisemitismus in Osteuropa. Wiesbaden: Franz Steiner, 1981. S. 229–232; Доклад о происшествяих в Вильне. Представлен Польскому правительству Еврейским Комитетом Вильны [1919] // *Liekis S., Miliakova L., Polonsky A.* Three Documents on Anti-Jewish Violence in the Eastern Kresy during the Polish-Soviet Conflict // *Polin*. Vol. 14 (2001). P. 138–149.

⁸⁴ *Wygodzki J.* In shturm: zikhroynes fun di okupatsye-tsaytn. Vilna: B. Kletskin, 1926. P. 152–166. Выгодский подчеркивает сотрудничество среди солдат и гражданского (предположительно польского) населения в ограблении и совершении злодеяний 20–22 апреля (с. 154–156).

⁸⁵ Об усилиях еврейской общины, направленных на самоорганизацию в это смутное время, см.: *Kassow S.* Jewish Communal Politics in Transition: The Vilna *Kehile*, 1919–1920 // *YIVO Annual*. Vol. 20 (1991). P. 61–91.

⁸⁶ Нил Пиз сообщает, что изначальные сведения о погромах значительно преувеличивали масштаб последних и реальный уровень насилия был ниже, чем об этом думали тогда. Как бы то ни было, в то время польские евреи были убеждены, что сотни или тысячи евреев были зарезаны польскими антисемитами, и вера в это — пусть и необоснованная — влияла на их позиции. *Pease N.* “This Troublesome Question”: The United States and the “Polish Pogroms” of 1918–1919 // *Ideology, Politics and Diplomacy in East Central Europe* / М. Biskupski (ed.). Rochester: University of Rochester Press, 2003. P. 58–79.

⁸⁷ Даже в конце двадцатого века память о погроме в Вильносо сохранила полярно противоположные суждения, см.: *Bergman S.* W sprawie pogromu w Wilnie w kwietniu 1919 roku // *Odra*. Т. 32. № 2–3 (1992). P. 126–127.

⁸⁸ *Laurinavičius Č.* Aus der Geschichte des provisorischen litauischen Komitees von Wilna (April bis Juni 1919) // *Nord-Ost Archiv*. Hf. 2. № 2 (1992). S. 361–376.

⁸⁹ *Gierowska-Kallaur J.* Zarząd cywilny ziem wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warsaw: Wyd. Neriton IH PAN, 2003.

⁹⁰ *Pukszto A.* Kultura polska Wilna w okresie Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich w latach 1919–1920 // *Zapiski Historyczne*. Т. 68. Zesz. 4 (2003). P. 69–88.

⁹¹ *Wrzosek A.* Wskrzeszenie Uniwersytetu Wileńskiego w r. 1919. Wilno: Zawadzki, 1919. Полный текст этого указа см.: *Pilsudski J.* Dekret Naczelnego Wodza Wojsk Polskich o otwarciu U.S.B. w Wilnie // *Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur: materiały I międzynarod. konf.*, Białystok 21–24 IX 1989: w czterech tomach. Т. 3 / E. Feliksiak (red.). Białystok: TLiAM: Filia Uniw. Warszawskiego, 1992. P. 57–58. Этот том содержит несколько статей, связанных с университетом Стефана Батория и другими учебными заведениями Вильнюса.

⁹² *Siedlecki M.* Wspomnienia z pierwszych dwóch lat organizacji Uniwersytetu Wileńskiego // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu 350 rocznicy założenia Uniw. Wileńskiego*. Wilno: Uniwersytet Stefana Bortorego, 1929. Т. II. P. 60–80.

⁹³ *Pšibilskis V. B.* Iš Lietuvos XX a. kultūros istorijos. Vilnius: Arlila, 1997. P. 37–64.

⁹⁴ О развитии литовской армии тех лет см.: *Lesčius V.* Lietuvos kariuomenė 1918–1920 metais // *VMIS*. P. 506–517.

⁹⁵ Несколько лет спустя сообщалось, что Пилсудский «выбрал» Желиговского для того, чтобы снова взять Вильнюс (*Lukomski G.* Wojna domowa: Z dziejów konfliktu polsko-litewskiego 1918–1920. Warsaw: Adiutor, 1997. P. 36). О «мятеже» Желиговского см.: *Krajewski Z.* “Bunt” generała Żeligowskiego i zajęcie Wilna // *Wojskowy przegląd historyczny*. Т. 46. № 1 (1996). P. 56–71. В целом об этой интересной исторической фигуре см.: *Fabisz D.* Generał Lucjan Żeligowski (1865–1947): Działalność wojskowa i polityczna. Warszawa: DiG, 2007.

⁹⁶ Об этих батальонах см.: *Żak A.* Wilno 1919–1920. Warszawa: Bellona, 1993; *Wali-góra B.* Zajęcie Wilna przez Gen. Żeligowskiego. Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1930 и *Lossowski P.* Stosunki polsko-litewskie w latach 1918–1920. Warszawa: Książka

і Wiedza, 1966. P. 319–367. Гнев, направленный против Желиговского, и в целом апатия западных держав отображены в сборнике статей: *Biržiška M.* [Mykolas Biržiška]. Na posterunku wileńskim. Wilno: Głos Litwy, 1922. T. 4. P. 59–94 (статьи с октября по декабрь 1920 г.).

⁹⁷ О Срединной Литве см.: *Krajewski Z.* Geneza i dzieje wewnętrzne Litwy Środkowej. Lublin: Ośrodek Studiów Polonijnych i Społecznych PZKS, 1996; *Kolarz B.* Ustrój Litwy Środkowej w latach 1920–1922. Gdańsk: Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2004.

⁹⁸ См. хороший пример о литовской точке зрения в этом вопросе в *Biržiška M.* Spalių 9 diena (1920–1927). Kaunas: Vilniui vaduoti sąjunga, 1927; о пропольской риторике см.: “Niema Litwy bez Polski, niema Polski bez Litwy” // *Zorza wileńska na rok 1920: Kalendarz.* Wilno: Księgarnia Jurkiewicza i Szalkiewicza, 1920. P. 17–31.

⁹⁹ Я рассматриваю этот аспект (противостояние польской и литовской дипломатической риторики по поводу виленского вопроса) более детально в *Weeks T.* The War of the Words: Polish and Lithuanian Rhetoric about Vilnius/Wilno 1917–1925 // *Lietuva ir Lenkija XX amžiaus geopolitinėje vaizduotėje / A. Pukšto, G. Milerytė (eds.).* Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2013. P. 59–74.

¹⁰⁰ Мир, достигнутый между большевистской Россией и Литвой, признавал претензии последней на Вильнюс. *Žepkaitė R.* Lietuvos-Tarybų Rusijos taikos sutartis ir Vilniaus klausimas // *Lietuvos TSR MA darbai.* Serija A. Vilnius, 1963. T. 2 (15). P. 107–120. В целом о литовской дипломатии касательно виленского вопроса см.: *Vilniaus klausimas Lietuvos respublikos diplomatijoje (1918–1940) / A. Veilientienė (ed.).* Kaunas: Jumena, 2003.

¹⁰¹ *Yerushalayim deLita.* Collected and arranged by L. Ran. 3 vol. New York, 1974. Vol. I. P. 30.

¹⁰² См., к примеру, *Klausner I.* Yerushalayim deLita: Doroth Ahronim 1881–1939. Tel Aviv: Bet lohame ha'getaot, 1988. P. 166–171, как и официальные доклады о евреях Срединной Литвы в начале 1921 г., см.: *Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius (LCVA).* Ф. 22. Оп.1. Д. 57.

¹⁰³ *Liekis Š.* A State within a State? Jewish Autonomy in Lithuania 1918–1925. Vilnius: Versus Aureus, 2003; *Truska L.* Lietuviai ir Žydai nuo XIX a. pabaigos (baiki 1941 m. birželio. Antisemitizmo Lietuvoje raida. Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas, 2005. P. 57–77. Более общее исследование всего межвоенного периода представлено в *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe between the World Wars. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1983. P. 213–240.

¹⁰⁴ О погроме во Львове см.: *Hagen W. W.* The Moral Economy of Popular Violence: The Pogrom in Lwów, November 1918 // *Antisemitism and its Opponents in Modern Poland / R. Blobaum (ed.).* Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005. P. 124–147.

¹⁰⁵ Одним из признаков того, что Выгодский поддерживал литовцев, стало его согласие занять должность министра еврейских дел в Литовской Тарибе, впрочем не покидая для этого Вильнюс. *Wygodzki J.* In shturm. P. 199–200. Выгодский признает, что литовцы совершили ошибки в Вильнюсе, включая тенденцию отдавать предпочтение литовцам для вакансий на государственной службе и чрезмерно спешную попытку ввести в городе литовский язык (с. 203). См. также *Liekis Š.* On Jewish Participation in the *Taryba* in 1918 // *Lithuanian Historical Studies.* T. 4 (1999). P. 62–82.

¹⁰⁶ LCVA. Ф. 22. Оп. 1. Д. 27 (Sprawozdanie z życia politycznego społeczeństwa żydowskiego w Wilnie).

¹⁰⁷ См., к примеру, различные подходы к еврейской позиции, высказанные двумя крупными учеными: *Liekis Š.* A State within a State? P. 157–166 и *Wolkonowski J.* Stosunki

polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919–1939. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2004. P. 96–108.

¹⁰⁸ LCVA. Ф. 383. Оп. 7. Д. 251, л. 120 (напечатанная статья «Отношение евреев к плебисциту в Вильне», датированная 10 февр. 1921 г., маркирована как перевод статьи из газеты *Еврейская Трибуна* от 4 февр. 1921 г.).

¹⁰⁹ LCVA. Ф. 19. Оп. 1. Д. 68, л. 64 (документ озаглавлен “Delegacja żydowska u P. Meysztowicza”).

¹¹⁰ В своих мемуарах Выгодский гораздо более открыто критикует поляков и пишет о том, что выборы не считались легитимными. Он также обвинял поляков в подтасовке результатов выборов, утверждая, что до выборов прибывали поезда из Варшавы, набитые «голосующими», которые приезжали, чтобы отдать свои голоса: *WygodzkiJ*. In shturm. P. 263–265.

¹¹¹ LCVA. Ф. 21. Оп. 1. Д. 12 (“Sprawy dotyczące Sejmu Wileńskiego”). L. 24.

¹¹² Wybory do Sejmu w Wilnie, 8 stycznia 1922: Oświecenie akcji wyborczej i jej wyników na podstawie źródeł urzędowych. Wilno: Generalny Komisarjat Wyborczy, 1922. P. 164–165.

¹¹³ *Ibid.* P. 102–104, 137; о результатах выборов см. также: LCVA. Ф. 19. Оп. 1. Д. 92 (“Sprawozdanie-raport o przebiegu i wynikach głosowania do Sejmu Wileńskiego w dniu 8 styczniu 1922 r.”).

¹¹⁴ Wybory do Sejmu w Wilnie. P. 33.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 94–95 содержит текст Uchwała Sejmu Wileńskiego (20 Febr. 1922) под заголовком “Uchwała w. przedmiocie przynależności państwowej Ziemi Wileńskiej”.

¹¹⁶ *Kolarz B.* Ustrój Litwy Środkowej. P. 67–85. О сейме в Вильнюсе см. также: *Srebrakowski A.* Sejm wileński 1922 roku: Idea i jej realizacja. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993.

Андрей Чернякевич

Гродно: город без Отчизны

В самом начале Второй мировой войны, в сентябре 1939 г., в *Grodno* — центре повета на так называемых северо-восточных «кресах» Польши — из числа гродненских пожарников была создана военизированная дружина. Накануне, после поспешной эвакуации местной администрации, город фактически оказался без власти, и дружина должна была заняться устранением «коммунистической диверсии». Причем если среди членов дружины находились представители различных национальностей, то «коммунистами» оказались исключительно местные евреи. Позже данный факт позволил советским судебным органам квалифицировать произошедшее как «еврейский погром»¹.

Удивительным образом этот эпизод перекликается с другим, времен Первой мировой войны, имевшим место в сентябре 1915 г. в Гродно — тогда центре одной из губерний Северо-Западного края. Только в тот раз члены добровольного пожарного общества пытались спасти город, бывший ареной кровопролитного сражения и также оставленный гражданскими властями, от пожара. В результате

© Андрей Чернякевич, 2017

Андрей Чернякевич — преподаватель Центра белорусских исследований при Варшавском университете.

пожарники были заподозрены немецкими военными в диверсии, арестованы и едва избежали расстрела².

Малозначительные на первый взгляд сами по себе, оба события вместе, однако, служат своеобразным маркером. Пожарники, члены местной добровольческой организации, как последний общественный институт, способный противостоять стихии, и они же — как инструмент пацификации одной части городского сообщества другой ее половиной. Когда речь идет об изучении тех изменений, которые произошли в жизни города всего лишь за два десятка лет, это смещение коллективной угрозы во внутреннее пространство бросается в глаза в первую очередь. И точка отсчета такого разлома возникла именно в годы Первой мировой войны.

Гродно изначально был городом пограничья, о чем косвенно свидетельствует его название. Он появился, видимо, в результате славянской колонизации населенной балтами обширной лесной территории в среднем течении Немана³. Позже из крепости на внешнем рубеже христианской цивилизации Гродно превратился в административный центр Российской империи на границе с Царством Польским. Для самого Гродно, во времена Речи Посполитой бывшего сеймовым городом, это стало скорее шагом назад. К середине XIX в. по размерам доходов он был на сто двадцатом месте в империи. Примерно столько же в городе насчитывалось фонарей на спиртовом газе⁴.

Одной из основных коммуникационных артерий города выступал Неман. Хотя судоходство по реке и представляло сложную задачу, но за счет канала Огинского и Августовской системы Гродно был значимым транзитным пунктом. В 1862 г. через город прошла железная дорога Петербург — Варшава (147 верст от Вильны, 241 верста от Варшавы), а еще спустя тридцать лет — новая линия, Гродно — Сувалки — Олита (Алитус)⁵.

Правда, Гродно не смог в полной мере воспользоваться своим положением: на двадцати фабриках было занято около двух тысяч рабочих, а на сотне мелких предприятий — четыреста. Вместе они обеспечивали годовой оборот в семь с половиной миллионов рублей⁶. «Судя по всему, бедный наш край лежит под какой-то несчастливой звездой, — писала одна из местных газет, — ничего хорошего, ничего радостного нельзя найти в ее прошлом, ни один светлый луч не освещает серость ее сегодняшней жизни... Город стоит над красивой сплавной рекой, но, несмотря на это, нет в нем ни торговли, ни

промышленности... Новые железные дороги, которые прошли через Гродно, вместо того чтобы обогатить его — как это происходит в других городах, — принесли только вред, так как оторвали от него соседние торговые центры, ранее тянувшиеся к Гродно...»⁷

Согласно переписи 1897 г., в Гродно насчитывалось 46919 жителей. Из них евреи составляли 47,7% (22384). На втором месте были те, кто назвал своим родным языком русский, — 22,4% (10515), на третьем — польский (14,5%, или 6814 чел.). 5434 жителя города считали свои родным белорусский язык (11,6%), а 804 (1,7%) — татарский. Польский исследователь А. Домброньский попробовал скорректировать эти показатели, исключив из статистики военных. Согласно его подсчетам, в городе проживало на момент переписи около 63% евреев, 18% польскоязычного населения, 12% русскоговорящих и только около 7% считавших своим родным языком белорусский. По вероисповеданию в Гродно жило 48,3% иудеев, 30% православных, 18,5% католиков. При этом среди белорусскоязычных гродненцев православные составляли 69,2%, а католики — 29,4%⁸.

Русские были в большинстве среди христианского духовенства (59%), чиновников (58,6%) и крестьян (47,3%), поляки — среди потомственных дворян (41,8%), а евреи — среди купцов (76%). Белорусскоговорящая часть населения занимала одну пятую почти во всех сословиях, за исключением купцов и мещан, где их число не превышало 4%⁹. Как отмечал корреспондент одной из газет, «вот он — город чиновников и военных, а в будущем — первоклассная крепость...»¹⁰ Об этом же свидетельствовала и динамика роста городского населения, но уже вместе с армией: 45461 чел. в 1909 г., 52460 в 1910 г., 57949 в 1912 г.¹¹

Как раз накануне Первой мировой началось строительство нового кольца укреплений вокруг города. Поэтому, когда в конце 1913 г. население города достигло 59340 чел., 12 тыс. из них составляли военные, а еще 3 тыс. гродненцев были отставными военными и военными в запасе. Кроме них в городе проживало: 48785 мещан, 3937 крестьян, 2183 дворянина, 113 священников, 508 почетных граждан, 417 купцов¹².

Уже в самом начале войны город пережил две большие эвакуации. А после того как немцы вошли в Варшаву, через него хлынула настоящая волна беженцев. Гродно оказался последним российским укреплением вдоль линии Немана, занятым немецкими войсками. Крепость пала 2 сентября 1915 г.¹³

*Немецкий
пулеметчик
на фоне Гродно*

Кратко историю города под оккупацией в своем фельетоне пересказал Аркадий Бухов: «Гродно — небольшой, очень чистенький и уютный городок с весьма странной политической историей. В кратких словах она сводится к следующему: сначала из Гродно очень многие уходили, потом туда очень многие приходили.

Прежде всего из Гродно исчезло еврейское население, и исчезло по экстренному настоянию добрых русских властей, которые, очевидно, полагали, что срочное выселение евреев сможет заменить недостаток снарядов или неправильность стратегических планов Генерального штаба. Когда оказалось, что даже приставы, выселявшие евреев, не смогли помочь положению, начали делать беженцев из местных поляков. Поляки уехали, а за ними покинули город и чиновники. Что в городе осталось — неизвестно. Говорят, что осталась армия, которая тоже отступила. Словом, из города, кажется, было выселено и ушло все, кроме одного хромого портного, который мне впоследствии и рассказал об этом. Потом в Гродно стали приходиться. Это была сплошная полоса всяких приходов, весьма тяжелая для городского организма. Сначала, конечно, пришли немцы. Что делали немцы — догадаться нетрудно. Использовали дикие каштаны, заставили починить тротуары, изъяли из употребления бродячих собак, ввели карточную систему...»¹⁴

Немецкое виденье будущего Гродно было неопределенным. Предполагалось, что город перешел лишь под временное управление, но уже с весны 1916 г. стало понятно, что он останется немецким

либо войдет в длительные, устойчивые связи с Германией¹⁵. Первоначально Гродно относился к сфере управления службы тыловой инспекции. Позже, в середине 1916 г., он становится центром одного из шести административных округов на Восточном фронте, которые спустя год были сведены в три округа — Курляндия, Белосток-Гродно и Литва. С января 1918 г. военное командование объединило два последние в один расширенный — Литву¹⁶. При этом оккупация преподносилась новой властью как культурная миссия, а категории «цивилизованность», «модернизация» и «германизация» выступали в качестве синонимов.

Первоначально немецкая администрация в городе состояла из двух офицеров и двух писарей, компетенция которых была ограничена проведением реквизиции и выдачей паспортов. Только 1 апреля 1916 г. Гродно оказался выделенным из округа в самостоятельный городской район во главе с капитаном, доктором права Вайсенборном. Тогда же были созданы центральный и хозяйственный отделы, окружной суд и прокуратура, отдел жандармерии.

Одной из основных проблем, которая возникла перед новой властью, стал вопрос о разделе полномочий. Решая текущие задачи,

Мост в Гродно, взорванный русской армией 2 сентября 1915 г.

Понтонная переправа через Неман в Гродно

Вайсенборну приходилось время от времени конфликтовать то с военным губернатором Гродно фон Хельдом, то с начальником гродненского района фон Лиресом, начальником тыловой инспекции и дальше вплоть до руководства военной железной дороги, центральной службы военной полиции и гражданской администрации в Варшаве¹⁷.

С другой стороны, сами немецкие чиновники считали глупостью делать тут что-либо. Немецкие вложения в развитие городского хозяйства за период оккупации имели сугубо прагматический характер: устройство и починка водопровода, ломбарда, больницы, пожарной команды, ратуши, багажной станции, канализации, ассенизаторского обоза и тюрьмы¹⁸. Немцы также восстановили железнодорожное сообщение и даже успели отстроить несколько новых линий узкоколейки, а деревянный железнодорожный мост через Неман современники называли «настоящим шедевром военной архитектуры»¹⁹.

Война в прямом смысле опустошила город. На июнь 1916 г. население Гродно сократилось до 24397 жителей. Согласно немецкой переписи, из них евреи составляли 15583 (63,7%), поляки — 7609

(31,1%), 570 малорусы (2,3%), белорусы — 465 (1,8%), литовцы — 113 (0,4%) и 120 (0,5%) другие²⁰. Кроме того, за период немецкой оккупации в Гродно количество смертей превысило рождаемость более чем в два раза. В. Студницкий подчеркивал, что общее уменьшение численности горожан на этих территориях происходило главным образом за счет еврейского населения. Но хотя в целом число евреев в Гродно и уменьшилось, относительно христианского населения еврейская община выросла на 10,7%²¹.

Как заметил позже один из местных общественных деятелей, «Отъезд из Гродно большого числа людей из интеллигентских сфер очень негативно сказался на интеллектуальном уровне города и окрестностей...»²² Сложившиеся условия позволили евреям закрепить свое доминирующее положение в экономической жизни города и края. Они составили 91,9% от всех гродненцев, занимающихся торговлей, 72,6% местных ремесленников и 63,3% среди представителей так называемых свободных профессий. Поляки соответственно 7,3% в торговле, 22,7% — среди ремесленников, 27,6% среди представителей свободных профессий. Согласно данным В. Студницкого, среди торговцев в Гродно совсем не было белорусов, зато они составляли

Немецкие лазаретные обозы на подъезде к Гродно

Первое заседание организованного немцами городского совета Гродно

3,8% гродненских ремесленников и 6,8% представителей свободных профессий²³.

Первоначально немецкая администрация попыталась ограничить еврейскую торговлю («шайка торговцев» — так называл еврейских купцов в своем дневнике один из чиновников), но это привело только к экономическому коллапсу. Возникла своеобразная «торговая война» между городом и районом. Местные евреи даже выкопали туннель в обход военных кордонов вокруг Гродно, чтобы беспрепятственно доставлять продукты из сельской местности²⁴. В результате оккупационным властям пришлось искать обоюдовыгодный компромисс. Немецкая администрация оставила еврейскую торговую монополию, вместо этого обеспечив доставку немецких товаров, которые фирмы не могли реализовать внутри страны: дешевые ножницы, расчески, стеклянные бусы, картинки, карты для игры, карманные зеркала, дешевые украшения и т. д. Но больше всего прибыли в бюджет принесло распоряжение о реализации алкоголя только за золото!²⁵

Немецкая оккупация не привела и к немедленному слому сложившейся ранее системы ограничений, так тяготившей евреев.

Наоборот, новая администрация продолжала пристально следить за тем, чтобы деятельность еврейских внутриобщинных институтов не выходила за узкорелигиозные рамки. В конце 1915 г. было создано временное правление еврейской религиозной общины Гродно, объединившее все городские синагогальные общины. Инфраструктура еврейской общины включала в себя самые различные организации: детский приют, баню, благотворительную кухню, столовую, пекарню, кредитную кассу, кооперативы, школы и др. Уже в самом конце войны в Гродно было основано еврейское спортивное товарищество «Makkabi»²⁶.

В своем письме в мае 1916 г. немецкий президент города особо подчеркнул тот факт, что правление должно заниматься исключительно религиозными вопросами. «Еврейская община, — отчитывал в письме прежнего председателя правления общины немецкий президент Гродно, — представляет только религиозные интересы своих членов. Переданный мне список кандидатов этой цели не соответствует. Существующие при правлении общины секции делают ее ответственной за ряд вопросов, которые находятся в исключительной компетенции

Очередь за хлебом в Гродно

городского самоуправления, роль же магистрата временно выполняет немецкий президент города». «В дальнейшем в деятельности общины, — продолжал немецкий президент, — прошу придерживаться следующих правил: главной целью существования правления еврейской общины является удовлетворение религиозных интересов еврейского населения города, включая сюда выборы раввинов и соблюдение ритуалов, связанных с приемом пищи, насколько это позволяет существующее военное положение и распоряжения немецких властей...»²⁷

Перед войной в городе фактически не было ни одной польской организации, а польское движение оставалось под пристальным вниманием со стороны российской администрации. «Мы имеем в окрестностях многочисленное и зажиточное земское общество, — сокрушался на страницах «Gazety Białostockiej» корреспондент из Гродно, — имеем достаточно польской интеллигенции в самом Гродно, но, несмотря на это, польская общественная жизнь у нас едва-едва тлеет... Наступают и проходят великие национальные юбилеи — однако нас они не касаются, будто бы нас тут и не было... Где-то выходят из печати однодневки, однако у нас про них ни слова... Национальное сознание — минимальное...»²⁸ За период оккупации ситуация коренным образом изменилась. Было создано польское общество помощи жертвам войны, вокруг которого вскоре возник целый ряд общественных институтов: кухня для интеллигенции, детский приют Св. Антония, рабочий дом, кооператив. Одновременно легализуется польская школа, которая дала начало целому ряду организаций: польской школьной матице, образовательному совету и даже местной харцерской организации²⁹.

Жизненное пространство белорусского крестьянина перед войной составляли деревня и местечко. «Город, — замечает немецкий исследователь Райнер Линднер, — как коммуникационный центр в это время не находился в распоряжении белорусов»³⁰. Теперь же Гродно постепенно превращается в один из локальных центров белорусского движения. Белорусские институты в Гродно прошли все те же этапы, что и институты других национальных групп. Весной 1916 г. в городе по инициативе белорусских деятелей из Вильно была открыта первая белорусская школа. В школе действовало три класса, в которых дети не только бесплатно обучались, но и получали бесплатно обеды, учебники и учебные принадлежности. Кроме самого Гродно, несколько белорусских школ были открыты по бывшему уезду³¹.

«...В Гродно бушевала польская черная сотня, которая, пользуясь приходом немцев, захотела полонизировать этот древнебелорусский город... — писала позже „Беларуская думка“. — С другой стороны, православная церковная служба (псаломщики и другие), все, кто остался после выехавших в Московщину православных священников, при своем фанатизме и темноте были самыми большими приятелями московского и неприятелями белорусского, что при том влиянии на народ, которое имела эта служба, передавалось и самому народу»³².

И все же прежняя, выстраивавшаяся десятилетиями гегемония православной церкви оказалось разрушена. Причем разрушена в прямом смысле слова. В августе 1915 г. местное духовенство покинуло Гродно вместе с последним пассажирским поездом. К концу оккупации Софийский кафедральный собор был занят немцами под гарнизонный костел, Александровская церковь служила складом мебели, в бывшей военной церкви был продовольственный склад (картофеля и т. п.), а Богородическая церковь стояла в развалинах после пожара³³.

Оккупационный режим принес городу стабильность, которая выражалась в «индифферентности и мещанском прозябании». Как писал журналист, «Город наш спокойно занимался обычным занятием последних лет — спекулировал и наживался... И вдруг пришло „тревожное“ известие: война окончилась...»³⁴ Конец войны прошел под знаком массового возвращения беженцев и наплыва бывших военнопленных, с одной стороны, а с другой — в ожидании установления новой власти.

Газета «Наше утро» писала в конце 1918 г.: «В последнее время на улицах города можно часто натолкнуться на освобожденных

*Местный продавец газеты
«Гродно цайтунг»*

из германского плена русских солдат, частью из прежнего гродненского лагеря, частью прибывших из Германии. Люди эти не имеют решительно никаких средств к существованию и лишены возможности отправиться на родину. Как это случилось, что они застряли в Гродно, вместо того чтобы быть отправлены немецкими властями на родину, мы не знаем. Но как бы то ни было, положение этих людей отчаянное...»³⁵ Отсылая к примеру других городов, где были созданы комитеты по оказанию помощи военнопленным, «Наше утро» призывало гродненцев «без различия партий, национальностей и вероисповедания» прийти на помощь бывшим военнопленным³⁶.

Спустя год, к осени 1919-го, по официальным данным в городе проживало 28 165 чел., по неофициальным — 36 425. Согласно польской переписи, гродненские евреи насчитывали в это время 16 628 чел., или 59 % всего городского населения. В местечках по повету евреев было меньше. В Крынках иудеи составляли 40,5 %, в Скиделе — 32,9 %, в Лунно — 31,3 %, в Озёрах — 29,9 %, в Большой Берестовице — 27,2 %, в Волпе — 22,6 % и в Индуре — 20,2 % от общего числа жителей³⁷.

При отсутствии общей геополитической стратегии в высших кабинетах власти немецкое командование лавировало между разнообразными представительствами только что возникших государств с единственной целью — сохранить как можно дольше плацдарм для эвакуации армии в Восточную Пруссию. При его молчаливой поддержке в Гродно начинается формирование административных институтов литовского государства, главным из которых выступало Министерство белорусских дел³⁸. За несколько месяцев своей деятельности Министерство провело несколько съездов местного населения, организовало бюро осведомления, разведки и надзор за мостами над Неманом, урегулировало вопрос о переходе железной дороги от немцев к литовским властям, пыталось возродить институт мировых судей и почту, назначило лесничих, занималось поддержкой разнообразных общественных организаций, пропагандой и продажей части товаров, оставшихся от немцев³⁹.

Что существенно, в город переносится формирование белорусского полка литовской армии. Собственно, само название вовсе не отражало его национального состава⁴⁰. Согласно польским донесениям, весной 1919 г. в нем служило около двухсот гродненских евреев, и все

Немецкие солдаты на гродненском рынке

они были хорошо вооружены (началось даже формирование отдельной еврейской роты)⁴¹. «Потом пришел белорусский полк, — писал по этому поводу А. Бухов, — весьма обрадовавший все местное население и крайне испугавший крестьян-белорусов, которые, по словам одного моего знакомого из их среды, скептически ворчали: — Русские были — ушли... Немцы пришли — ушли... Теперь еще белорусы пришли: что-то будет?..»⁴²

В отличие от литовских органов власти польская администрация в Гродно существовала полуконспиративно. Уже в ноябре 1918 г. польский министр иностранных дел назначил комиссара польского правительства. (Согласно другим данным, комиссариат польского правительства начал действовать в городе только с 20 января 1919 г.) Одним из первых шагов комиссара С. Ивановского была организация импровизированной переписи населения и сбор подписей под обращением к Польскому сейму о присоединении этих территорий к Польше. Были выбраны три депутата от Гродненщины, но польский парламент не признал их полномочий⁴³.

Одновременно шло формирование военной силы, которая опиралась на две основные организации — Польскую военную организацию

и так называемую Самооборону польской земли. Было даже несколько попыток взять власть в повете, но немецкая сторона очень быстро дала понять, что передача власти в чьи-либо руки произойдет только с ее согласия. Кроме того, большим влиянием в городе пользовалось большевистское подполье. Единственное, что пока сдерживало большевиков и поляков от попыток захватить город, был немецкий гарнизон крепости, который прикрывал отход 10-й немецкой армии в направлении Восточной Пруссии⁴⁴.

На этом фоне присутствие в Гродно белорусских организаций, которые выступали в качестве государственных институтов, было маргинальным явлением. Скорее деятели Белорусской Народной Республики действовали опосредованно, через членов того же Министерства белорусских дел, Белорусский комитет и т. д. В качестве неофициального представительства белорусского правительства на оккупированной территории был создан Гродненский губернский комиссариат БНР. Однако формально роль комиссариата исполняло правление Центральной белорусской рады Гродненщины.

«Резко изменившаяся благодаря мировой войне политическая конъюнктура нашего края, — замечало одно из местных изданий, — а именно призыв к жизни нового государства — Литвы, поставила на очередь многие неотложные, жгучие и трудноразрешимые вопросы, в особенности вопрос национальный и о языке...»⁴⁵

Только в конце 1918 г. по инициативе вернувшегося из эвакуации епископа Владимира была образована городская (позже — губернская) гродненская русская (позже — белорусская) управа как «правомочный орган, отражающий интересы русского населения». А в скором времени она начала «конструировать» бюрократическую надстройку. Были созданы беженский, народного образования и земельный отделы⁴⁶.

Согласно «Памятке белорусам Гродненской губернии», которую успела выпустить управа, язык рассматривался скорее как сопутствующий фактор, а главным доводом выступала «историческая традиция». «Всякому жителю Гродненской губернии, — говорилось в ней, — наверное, хотелось бы знать, кто издавна владел этим краем, какие люди жили здесь в старину, какая у них была вера и как сложилось теперешнее положение в губернии... Никогда, значит, наша губерния не была в полном смысле польскою, и народ в ней древнерусский (белорусы); не была она заселена поляками, не была и завоевана

Беженцы в Белоруссии

ими; она только находилась некоторое время в союзе с Королевством Польским, и за это время поляки, сколько могли, старались уничтожить здесь все русское, но не успели...

В нашей местности испокон века хозяевами были белорусы. Поляки пришельцы здесь, а белорусы давние собственники и устроители земли. Хотя и было время, когда белорусам здесь тяжело жилось от поляков, но это время прошло и более не должно повториться. Белорусы, помните это твердо. Свою историю нужно знать, чтобы не повторить прежних ошибок или не попасть в какой-либо обман, что, пожалуй, легко может случиться в наше беспокойное время, если мы забудем свое прошлое, с таким трудом пережитое нашими предками»⁴⁷. Оспаривая критику с польской стороны, представитель русскоязычного православного населения Е. Курлов напоминал, что именно православные чиновники были инициаторами освобождения крестьян, тогда как крупными землевладельцами были как раз католики⁴⁸.

«Может ли Гродненская губерния существовать как самостоятельное государство, — спрашивал риторически один из руководителей

управы, — либо ей необходимо примкнуть к кому-нибудь из соседей?» В итоге из трех возможностей: Польша, Украина и Литва — предпочтение отдавалось последней: «...Вопрос о присоединении к Польше совершенно отпадает. России, которую мы знали с ее царизмом и произволом, теперь не существует. ...Русское государство не существует, а есть только отдельные губернии. Россия разрушена. ...То же относится к Украине». Вывод был один: «Белорусам необходимо присоединиться к такому государству, которое имеет под собой твердую почву»⁴⁹.

Представители Белорусского национального комитета, в принципе, стояли на тех же позициях, хотя, как замечал позже В. Крынский, местное общество «с большим удовлетворением приняло провозглашение Белорусской Народной Республики в марте 1918 г.»⁵⁰. Общую идею белорусско-литовского союза сформулировал еще в 1916 г. Антон Луцкевич: «В настоящий момент главной задачей, которую одинаково ставят себе белорусы и литовцы, является прекращение польской национальной экспансии, питаемой из Польши. ...Отсюда проистекает и политический лозунг настоящего момента, господствующий в литовском и белорусском обществе: выделение белорусских и литовских земель, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского, а ныне занятых германскими войсками, как самостоятельного территориального целого»⁵¹. При этом за основу брался тезис Вацлава Ластовского, согласно которому «...сам фундамент Гродно и его окрестностей заселен белорусами, как и тысячу лет назад»⁵². Белорусские организации в Гродно высказывались за «независимую и неделимую Беларусь», но «в союзе с литовским государством»⁵³.

Еще одним важным отличием позиции Гродненского белорусского комитета от управы была его склонность к леворадикальным взглядам, делавшим их фактически сторонниками большевиков. Сложившуюся ситуацию объяснял в своем письме в январе 1919 г. один из членов правительства БНР А. Смолич: «Хоть я и считаю, что от большевизма для края больше бед, чем пользы... но если он предоставит возможность широкой культурной работы, признает и защитит нашу государственность, доведя ее до натуральных границ... то мы можем ухватиться за эту идею, признать ее национальным заданием данного времени и просто стать в ряды защитников этого порядка, чтобы воевать хотя бы против всего мира»⁵⁴.

Согласно Антону Луцкевичу, новость о провозглашении Советской Белоруссии так «наэлектризовала» гродненских белорусов, что они «как один готовы были ехать в Минск и работать вместе с большевиками». Этот радикализм наглядно пробивался и сквозь национальную риторику. Выступая на похоронах первого гродненского белорусского учителя, председатель комитета А. Якубецкий призывал всех собравшихся «...трупами застелить дорогу борьбы за возрождение Беларуси!»⁵⁵

Во время переговоров между представителями местных белорусских и польских организаций весной 1919 г. один из польских делегатов не удержался, чтобы не задать вопрос относительно того, что «может быть, у белорусов душа больше лежит к большевикам, чем к Польше?» «Нам хорошо известно, что несут нам большевики, — был ответ. — Однако нам не известно, что думают делать с Беларусью поляки...»⁵⁶ Характерно в этой связи выглядела позиция самого главы правительства БНР. Будучи в Гродно, в своем дневнике Антон Луцкевич записал: «...Большевизм (само собой, если он не станет править во всем мире, а до этого, кажется, еще рано) можно сравнить с детской болезнью корью или другой, [которой] ребенок должен переболеть, но после от нее и следа не останется. Наоборот: если б хотя бы на некоторое время у нас к власти пришли бы поляки, то эта болезнь въелась бы в кровь и кости нашего народа аж до десятого поколения. Единственный *antidotum* против польскости — это большевизм»⁵⁷.

В свою очередь, литовская сторона накануне мирной конференции в Париже обосновывала свое право на Гродненщину исходя из этнолингвистических факторов. В изданной литовским информационным бюро в Лозанне книге Е. Пурискиса утверждалось, что жители Гродненщины являются славяноговорящими балтами, то есть «почти литовцами», и принципиально отличаются от белорусов из окрестностей Минска или Могилева⁵⁸. Судя по всему, подобная аргументация имела свою аудиторию. Так, министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур всерьез опасался, что в случае выхода из Гродно немцев там может произойти литовское восстание против поляков⁵⁹.

«Возвращение» же Польского государства на территорию бывших восточных воеводств Речи Посполитой проходило согласно традиции исключительно символической по своему содержанию польской культуры. «...Гродно, — подводил итог почти двухсотлетнему нахождению в границах империи один из местных

публицистов, — собирались придать облик чисто русской провинции... Новые хозяева, постепенно уничтожая воспоминания о прошлом, старались стереть все то, что было польским в этом когда-то столь многообещающем граде. Угнетали творческий дух и калечили всякую возможность дальнейшего естественного развития. В формировании индивидуальной души города, на которую повлияли четыре столетия польской мысли, стремящейся когда-то неумоимо в своем цивилизационном походе на север и восток, замерли мы перед искусственной преградой...»⁶⁰

Причем большинство из этих образов-символов составляли часть общенационального канона — Немой сейм, образ Т. Костюшки и Ст. Батория, герои последнего восстания — и позволяли быстрее сориентироваться в новой ситуации, подтверждая верность традиции. «124 года назад у нашего народа, — говорилось в обращении Главной рады Гродненской земли к центральным властям в Варшаве, — силою штыков захватчики в Гродно вырвали свободу. Прошли годы поражений, годы национального позора; наша земля пропиталась кровью борцов за свободу Польши, однако наш дух так и не был сломлен. Теперь же народ в момент, когда можно высказать свою несломленную волю, перед Богом и всем светом подтверждает, что он — польский и к Польше... принадлежит. Кровь, пролитая сынами Польши в борьбе за свободу на всех концах света, является лучшей гарантией свободы и развития края и народов, которые входят в состав Речи Посполитой»⁶¹.

Полностью отрицая любое русское (как и большевистское) влияние на этих территориях, некоторые из польских деятелей тем не менее декларировали свою поддержку белорусскому движению. “Echo” в передовой статье так сформулировало одну из своих задач: «Насколько мы являемся решительно друзьями белорусскому народу, его стремлению к свободе и его оправданным требованиям, настолько же искренне и открыто мы будем бороться против тех, кто подстраивается под белорусскую фирму с целью избавиться в этом крае от культурного влияния Запада и втянуть в орбиту широкой русской души... Мы хотим поддерживать белорусскую эмансипацию, но только если она на самом деле идет от белорусского народа и служит его пользе»⁶².

Наверное, самыми последовательными приверженцами «русского мира» оставались местные евреи. «Это довольно легко, — писал

позже в своем рапорте член британской миссии П. Райт, — после всего обвинять евреев, что они приняли сторону России. А почему они должны были поступить иначе? Польские евреи вовсе не поляки, а евреи. Мирная конференция в 1919 г. сделала из них поляков, но Венский конгресс еще раньше — в 1815 г. сделал из них русских. Можно только сожалеть, что они должны каждый раз подстраиваться под всё новые решения великих держав. Вполне допустимо, что, после того как на протяжении всего XIX века они старались оставаться хорошими русскими, в веке XX им так трудно было стать хорошими поляками». Многие из евреев бывших Северо-Западных губерний, с которыми разговаривал П. Райт, не скрывали своего искреннего удивления в связи с тем, что именно Польша, а не Германия или Россия вступила на эти территории первой. «Мне все еще кажется, что я сплю», — так высказался один из его собеседников, имея в виду восхождение Польского государства⁶³.

Такая позиция была вызвана враждебным отношением со стороны некоторых местных поляков, что вылилось в целый ряд конфликтов. Так, городскими властями было решено выделить под еврейскую гимназию старый замок, в котором к тому времени не осталось ни окон ни дверей, а жители окрестных домов вплотную занялись разборкой печей. Но тут вдруг с протестом выступил польский национальный комитет, решивший, что еврейские дети будут осквернять «святое для всей Польши место», и представители гимназии поспешили отказаться от замка⁶⁴.

Еще один спор возник вокруг общей больницы для представителей всех национальностей, или, по выражению немецких властей, «гродненских аборигенов». В ней работало три еврейских врача, а кроме того, евреи составляли значительную часть среднего и низшего персонала. В связи с этим определенная группа польской общности через местную печать выступила с критикой подобного положения и потребовала открытия для евреев отдельной больницы (в итоге к концу года все больные и персонал еврейского происхождения были переведены в здание бывшей еврейской больницы)⁶⁵.

Напуганные известиями о погромах в других городах, гродненские евреи с тревогой ждали вступления польской армии⁶⁶. В меньшей степени эти опасения касались большевиков. Относительно же белорусской опции у них оставались большие сомнения. Как

выразился представитель еврейской общины на праздничном заседании по поводу отъезда из города правительства БНР, «Беларусь до сих пор никогда не была независимой, поэтому белорусы сделают большое дело, добившись от других народов признания собственно государства»⁶⁷.

Возросшее политическое значение языкового вопроса стало источником для дальнейшего раскола уже по национальному признаку. Очень скоро проявились два основных вектора конфликта: белорусско-русский и польско-еврейский. Причем каждый из них разворачивался в своем поле. Первый — в сфере образования и отчасти религиозной жизни, второй — в вопросах местной администрации. Общим в этих спорах оставалось то, что все они велись вокруг влияния внутри тех либо иных общественных институтов.

О лингвистических характеристиках языков, которыми пользовалось местное население, стоит сказать отдельно. Уже знакомый нам корреспондент писал о местном польском наречии: «Польский язык — даже и не язык, а на самом деле местный диалект, находящийся в весьма отдаленном родстве с польским языком, который на местных улицах услышишь весьма редко...»⁶⁸ Между тем идет процесс распространения польского языка. Так, в конце 1918 г. гродненский деканат обратился с просьбой к начальнику города об организации школьного образования в окрестных деревнях на польском языке⁶⁹. Даже бухгалтерия городского совета в начале оккупации велась на польском⁷⁰.

Колоритное описание местного еврейского языка оставил в своем дневнике помощник немецкого бургомистра ротмистр Курт Кламрот: «Идиш — это очень оригинальный язык... Для нас он звучит напыщенно и часто странно. < ... > Но к этому диалекту быстро привыкаешь и в скором времени запоминаешь выражения на чужом языке. Поэтому спустя какое-то время меня уже совсем не удивляло, когда... еврей пришел жаловаться на полицейского, который реквизировал у него контрабандный товар: „Хуйк, гвалт, полицейский отобрал у меня мешок моншки и два пакета зэф!“ То, что „моншки“ означает сахар-песок, а „зеф“ — мыло, я успел узнать уже в первые несколько дней своего пребывания в Гродно...»⁷¹

В этом смысле русский язык выполнял очень важную агрегирующую функцию, которую воспринимали как данность. Но именно изменение языкового пространства города больше всего потрясло

беженцев, когда они начали возвращаться сюда в конце войны. «Ни одной русской надписи нигде, — записал отец И. Корчинский в „Летописи Софийского собора“. — Русского слова не слышно было на улицах...»⁷² Его чувства разделял председатель Гродненской русской управы Е. Курлов: «По приезду в Гродно меня поразило, что ни в общественных местах, ни в магазинах, ни просто на улицах не было слышно родного — русского языка. Не говорю уже о полном отсутствии русской печати, школы, даже вывесок...»⁷³

На смену русскому в публичную жизнь входит белорусский язык. «С уходом русских из Гродно, — писала виленская белорусская газета „Гомон“, — сразу выяснилось, что вся московщина у нас была наносная. Теперь русского языка на улицах совсем не услышишь. Зато всюду слышная наша родная белорусская мова. Люди, которых раньше разные „добродетели“ убеждали, будто „стыдно“ говорить „по-простому“, теперь смело и громко разговаривают по-своему...»⁷⁴ До войны в распространении белорусского языка в Гродно можно было выделить определенную географическую закономерность. Так, описывая Занеманский район города, Б. Грабинский вспоминал: «Форштадт отличался от города, был похож на маленькие местечки Беларуси. Если в самом Гродно католическая интеллигенция говорила по-польски, православная — на русском, евреи — ломаным русским языком, то Форштадт говорил по-белорусски. Было там несколько еврейских домов, где говорили по-еврейски и белорусски тоже»⁷⁵. Только перед самой войной, в связи со строительством крепости и наплывом рабочих из центральных губерний, на Форштадте, если верить «Нашай ніве», воцарился русский язык⁷⁶.

Теперь же поменялись сами возможности белорусского языка. Если раньше один лишь вопрос о наличии белорусской литературы мог вызвать возмущение владельца книжной лавки, то теперь премьер-министр Белорусской Народной Республики Антон Луцкевич, описывая свое пребывание в городе в начале 1919 г., замечал по этому поводу: «Вообще, всюду теперь услышишь белорусский язык, увидишь объявления по-белорусски, белорусские книжки и др.»⁷⁷

Показательным в этом смысле выглядит диалог на тему белорусизации школы в ноябре 1918 г. во время так называемого Гродненского губернского съезда, после того как Андрей Якубецкий, представитель Белорусского национального комитета, высказался за то, чтобы преподавание в школе велось лишь на белорусском языке.

Его главным тезисом было: «Тот белорус, кто говорит по-белорусски». Правда, уже другой член комитета, Белецкий, заметил, что пока «по техническим соображениям» в школах следует оставить русский язык.

Следом в спор вступил представитель управы Иван Ярушевич, который, в свою очередь, призвал «не навязывать крестьянам непонятный язык». Бывший настоятель Софийского собора отец Корчинский заявил о «преждевременном введении белорусского языка» в церкви ввиду того, что «богослужение ведется на церковнославянском языке, понятном белорусам». Фон Дитман, согласившись, что родной язык — «одно из самых важных благ человека», тем не менее заметил, что «придавать такое огромное значение, какое придает ему Натусевич, по крайней мере недальновидно». На реплику же Натусевича по поводу того, что «выносить резолюцию на русском языке стыдно», еще один представитель управы — Семен Яковюк ответил: «Не надо спорить нам о языке, надо дело делать», подчеркнув, что изменение в названии организации с «русской» на «белорусскую» — это «игра слов».

При этом когда вопрос коснулся вхождения Гродненщины в состав Литовского государства, за что выступала управа, особенно подчеркивалось, что правительство Литвы «сейчас нисколько не стремится ввести в Беларуси литовский язык»⁷⁸.

Отвечая на обвинение польской газеты в «русификации», один из представителей управы замечал: «В деле народного образования управа стоит на чисто демократической, свободной платформе: каждый учится на том языке, на каком сам желает. Белорусская речь пока недостаточно окрепла, не утвердилась в полной мере в своих изначальных формах, грамматически и литературно не окончательно обосновала их; для окончательного ее развития нужны многие годы, и не следует предъявлять к ней чересчур строгих требований...»⁷⁹

Последние месяцы немецкой оккупации разительно отличались от предыдущих нескольких лет необычайным ростом общественной и политической активности. В одночасье появилось сразу несколько изданий, причем с ярко выраженной целевой аудиторией. Вместо вышедшей до этого одной официальной “Grodner Zeitung” появилась газета военного совета, польские — “Echo Grodzieńskie”, “Nowe życie”, газета на русском и идиш «Наше утро», русскоязычный «Голос Гродно» и белорусскоязычные «Бацькаўшчына», «Зорка» и «Беларусь».

Вместе с тем сложилась совершенно новая ситуация, когда отсутствие ясных политических перспектив в жизни края выдвинуло на первое место в решении экономических и общественных вопросов Временный комитет по принятию городского хозяйства, а позже — городскую раду. В условиях разгорающихся социальных и национальных конфликтов между различными претендентами на власть оба эти института оказали огромное влияние на дальнейшие события в жизни города. К этому добавилось возросшее влияние местного правления еврейской общины Гродно, которая, по сути, стремилась к возрождению прежних кагалных отношений. Прошедшие выборы в раду и правление общины закрепили за обоими институтами полномочия представительной власти. На короткое время возник своеобразный феномен, получивший название Гродненской республики — территории, фактически находившейся в ведении городского самоуправления.

В конце ноября 1918 г. по приказу немецкого коменданта (*Stadtaptmann*) города барона фон Зеккендорфа в Гродно создается Временный комитет по принятию городского хозяйства из рук оккупационных властей. Согласно немецкой стороне, «совместная работа необходима... для того, чтобы представители города могли ознакомиться с работой и состоянием городских предприятий в то время, когда весь аппарат регулярно работает под управлением немцев». При этом оккупационные власти обещали оказать помощь при взыскании налогов в городскую кассу и предоставить часть продуктов на военных складах⁸⁰.

В состав комитета вошли представители от еврейского, польского и белорусского национальных комитетов (12 представителей от еврейской общины, 9 — от польского комитета, 4 — от управы и по 2 — от белорусского комитета и от немецкого населения) и рабочей фракции⁸¹. Во главе нового института стал Эдвард Листовский — поляк, бывший полковник российской армии (и член конспиративной Польской военной организации)⁸².

Комитет стал сразу местом постоянных споров. Уже на первом заседании польская часть депутатов демонстративно покинула зал, протестуя против назначения руководителем местной милиции еврея. К ним присоединилась рабочая фракция, мотивируя свой шаг необходимостью организации представительного, а не назначенного оккупационными властями органа⁸³.

«Этот злополучный вопрос, вызвавший распад Временного городского комитета, разрешился легко и оригинально... — писала не без сарказма газета „Наше утро“. — Немецкая комендатура приняла на себя всю полицейскую и охранную службу в городе и окрестностях. Вместо польско-еврейско-русской милиции нас будут защищать немецкие солдаты. Таким образом, немецкий комендант вывел из затруднения наших городских представителей...»⁸⁴

Комитет очень скоро проявил себя не только как хозяйственная единица. Не выступая открыто в поддержку той или другой политической ориентации, он тем не менее фактически саботировал все начинания литовской администрации. Более того, комитет вынудил немецкое командование отказаться от идеи продвигать интересы Литвы в управлении городом⁸⁵. Попытка Министерства белорусских дел организовать в Гродно собственную судебную власть закончилась тем, что Временный комитет постановил передать вопрос о незаконной деятельности министерства в... городской суд⁸⁶.

Перманентный кризис внутри комитета, однако, служил аргументом в пользу еще одного института — Совета рабочих депутатов⁸⁷. На открытии заседания совета было заявлено, что «...первоначальная деятельность совета в существующих условиях не может вылиться в ту определенную форму, которую он должен был бы, по своему существу, по своим задачам и директории принять. Это вопрос времени, это вопрос будущего. Пока же Совет рабочих депутатов должен будет подготовить ту огромную организаторскую работу, которая ему окажется необходимой впоследствии... Теперь же гродненцы видят только первую стадию новой эпохи...»⁸⁸

«В области общественной правовой жизни, — подводил итог один из корреспондентов, — наш город находится в состоянии полного разброда. У нас имеется польский, белорусский, еврейский и Временный городской комитет. У нас отсутствует, однако, определенная власть, которая выражала бы волю всего населения и пользовалась бы среди него авторитетом. А между тем время не ждет, ибо события идут вперед головокружительным темпом. В ближайшем будущем может наступить момент, когда мы будем предоставлены самим себе, и тогда наша неорганизованность и растерянность в практических вопросах может оказаться роковой...»⁸⁹

К концу оккупации главной функцией немецких властей стало сохранение слабого равновесия между разными политическими

группировками. К уже существующему военно-административному аппарату осенью 1918 г. добавился еще один институт — *Soldatenrat*, Солдатский совет. Фактически главной его задачей стала подготовка к эвакуации немецкой армии⁹⁰. В этом смысле характерно обращение Солдатского совета к местному совету в связи с готовящимся митингом: «До сведения немецких властей дошло, что некоторые из собраний, организуемых местными организациями, имеют своею целью объявление всеобщей забастовки во всех частных городских, а также и военных предприятиях и канцеляриях. Этой забастовке, как мы узнали, предположено придать характер революции. Считаем поэтому необходимым указать, что подобная забастовка не только сделает невозможной работу еще не освоившегося городского комитета, но отразится существенно на проведении нашего плана демобилизации, которую мы обязались державам Согласия провести в соответствии с заключенным договором. Мы обращаемся ко всем более трезвым и благоразумным элементам местного населения с просьбой уяснить себе те печальные последствия, которые может повлечь за собой подобный шаг...»⁹¹

Общее настроение, царившее в городе накануне нового, 1919 г., передают несколько строк из газеты: «Не надо войны, не надо междоусобиц. Литва ли, Беларусь, Польша или Россия — для нас это должно быть не символом грубой силы и самовластия, а символом права и торжества, торжества идеи и разума»⁹². В другом месте «Наше утро» добавляла: «...Ни одна программа не должна нас слишком напугать, даже и диктатура пролетариата не так страшна, как ее рисуют, лишь бы прошла фильтр законодательный. Страшна нам лишь диктатура самовольности и бесправия, власть хаотической анархии. Все остальное, что может быть теоретически и практически обосновано, не пугало для нас, ибо действительность сама по себе довольно мрачна, а будущность, если переходная стадия будет долго длиться, сулит нам еще более ужасное. И скверная заплатка приемлемее какой бы то ни было дыры»⁹³.

Происходящее стало прямым результатом того коммуникационного вакуума, в котором оказался город. В середине декабря 1918 г. движение пассажирского транспорта на железной дороге было на неделю приостановлено по распоряжению Солдатского совета Восточного фронта, чтобы ускорить эвакуацию немецкой армии⁹⁴. К началу следующего года город оказался не только без Отечества, но, что было не менее важно, без надежной связи с внешним миром. Тем временем

с приближением Красной армии для части граждан приобретает первостепенное значение вопрос — куда и как бежать? «Так и сидишь целый день перед картой и гадаешь — куда уходить...»⁹⁵ Пятого февраля 1919 г. было подписано соглашение, по которому немцы пропускали польские войска через Гродно на восток, против большевиков. При этом сам город и уезд должны были оставаться под немецким контролем до окончания эвакуации армии⁹⁶.

Короткая история Гродно в годы Первой мировой в пересказе Аркадия Бухова заканчивалась приходом в город в конце апреля польской армии: «Они сразу же — вопреки сомнениям местных жителей — почувствовали себя старожилками и объявили все, что можно охватить глазом, исконным польским: и жителей, и дома, и деревни, и даже скворцов на крышах»⁹⁷.

Примечания

¹ *Gnatowski M.* Radzieckie dokumenty o represjach za stłumienie komunistycznych rebelii w Skidlu i Grodnie we wrześniu 1939 r. // *Studia Poslaskie*. Białystok, 2001. Т. XI. S. 326.

² *Makarzyk J.* Miłosierny kapłan z Grodna // *Misericordia*. 1997. № 3. S. 27–31.

³ В окрестностях города вместе сошлись сразу несколько геологических регионов: Восточно-Сувалковское поозерье, Августовская равнина, Сокольское взгорье, Гродненская возвышенность и Средненеманская низина, см.: *Puszcze wielkokiście na północnym Podlasiu i zachodniej Grodzieńszczyźnie w XV–XVI wieku (podziały, administracja, służby leśne i wodne)*. Olsztyn, 2007. S. 68–72.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / сост. П. Бобровский. Ч. 2. СПб., 1863. С. 782, 794, 799.

⁵ *Maliszewski E.* Przewodnik po gubernji Grodzieńskiej: Zarys statystyczno-opisowy. Warszawa, 1919. S. 7; *Киштымов А.* Гродно и неманский водный путь. Конец XVII — начало XX в. // *Гарадзенскі палімпсест XII–XX стст.* / мат-лы міжнар. навук. канф. (Горадня, 7 лістапада 2008 г.). Горадня: Беласток, 2008. С. 137–138.

⁶ *Gazeta Białostocka*. 17.11.1913 (№ 46).

⁷ *Gazeta Białostocka*. 18.11.1912 (№ 1). S. 7–8.

⁸ *Соркіна І.* Насельніцтва Гародні паводле апублікаваных матэрыялаў Першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расейскай імперыі 1897 г. // *Гарадзенскі палімпсест XII–XX стст.* С. 115.

⁹ *Соркіна І.* Указ. соч. С. 118–119.

¹⁰ *Gazeta Białostocka*. 18.11.1912 (№ 1). S. 7–8.

¹¹ *Przegląd statystyczny m. Grodna za lata 1924, 25 i 1926*. Grodna, 1928. S. 2.

¹² Национальный (религиозный) состав жителей, однако, был скорее уже не столь однозначным. Православные гродненцы насчитывали 9444 чел., католики — 13629, иудеи — 35213, протестанты — 510, мусульмане — 547. См.: *І. Соркіна.* Указ. соч. С. 123.

¹³ Черепица В. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии). Гродно: ГрГУ, 2003. С. 238.

¹⁴ Вухов А. Кусочек воспоминаний: Фельетон. URL: http://www.russianresources.lt/archive/Vuhov/Vuhov_2.html (дата доступа: 27.03.2017).

¹⁵ Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Клармота / падрых-тоўка да публ. А. Смаленчука // Горад Святога Губерта: зборнік краязнаўчых артыку-лаў. Вып. 6 (2012). Горадня, 2012. С. 52.

¹⁶ Баціц М. OberOst і нямецкая акупацыя Гародні ў Першую сусветную вайну па-водле Дзенніка Курта Клармота // Гістарычны альманах. Т. 18. Гродна, 2012. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 56–58, 70; Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Клармота. С. 50–51.

¹⁸ Наше утро. 1918. 15 дек. (№ 6). С. 2.

¹⁹ Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Клармота. С. 46; Баціц М. Указ. соч. С. 58.

²⁰ Maliszewski E. Op. cit. S. 8.

²¹ Studnicki Wł. Zarys statystyczno-ekonomiczny ziem północno-wschodnich. Wilna, 1922. S. 31, 43, 55–58; Małżeństwa, urodzenia i zgony w województwach centralnych i wschodnich. Dane ogólne za lata 1919–1926 // Kwartalnik statystyczny. T. VI. Zesz. 1. Warszawa, 1929. S. 420.

²² Nad Niemnem. Grodno, 1917. S. 114, 118.

²³ Studnicki Wł. Op. cit. S. 55, 57–64.

²⁴ Баціц М. Указ. соч. С. 53–54.

²⁵ Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Клармота. С. 64, 65, 70.

²⁶ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 81–93.

²⁷ Там же. Л. 3–60б.

²⁸ Gazeta Białostocka. 18.11.1912 (№ 1). S. 7–8.

²⁹ Praca społeczna, dobroczynna i oświatowa w Grodnie w latach wojny // Głosy znad Niemna, 1917. Grodno, 1918. S. 114–119; Zarys dziejów Państwowego Gimnazjum Męskiego im. A. Mickiewicza w Grodnie // Państwowe Gimnazjum Męskie im. A. Mickiewicza w Grodnie. Drugie sprawozdanie za rok szkolny 1928/1929. Grodno, 1929. S. 5–8.

³⁰ Лінднэр Р. Гісторык і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Бела-русі XIX–XX ст. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. С. 31–32.

³¹ Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Вільня; Беласток: Інстытут беларусістыкі; Беларускае гістарычнае тавары-ства, 2010. С. 126–127; 134–135.

³² Беларуская думка. 26.5.1919 (№ 13). С. 1–2.

³³ Черепица В. Указ. соч. С. 239.

³⁴ Наше утро. 1919. 1 янв. (№ 1). С. 2.

³⁵ Там же. 1918. 15 дек. (№ 6). С. 2.

³⁶ Там же. 1918. 20 дек. (№ 10). С. 3.

³⁷ Biblioteka publiczna m. st. Warszawy. Dział starych druków i rękopisów. Zarząd cywilny ziem wschodnich (ZCZW). Akc. 1724. S. 37. Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grodzień 1919). Lwow, 1920. S. 27, 38.

³⁸ Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F. 582. Ap. 2. B. 36. L. 43–44ap. R. 1, 1919.

- ³⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–10; Часопіс міністэрства Беларускіх спраў. Верасень 1919. № 1. С. 4–5.
- ⁴⁰ *Луцкевіч А.* Дзённік // Польша. 1991. № 4. С. 169.
- ⁴¹ *Karpus Z.* Białoruskie formacje wojskowe w Polsce w latach 1919–1921 / Pomorze – Polska – Europa: Studia i materiały z dziejów XIX i XX wieku. Torun, 1995. S. 224.
- ⁴² *Бухов А.* Указ. соч.
- ⁴³ ZCZW. Акс. 1724. S. 28; *Ibid.* Акс. 1725. S. 3.
- ⁴⁴ ДАГО. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 76; Jednodniówka Koła POW Grodno. S. 27; *Lukomski G., Stolarski R.* Walka o Wilno: Z dziejów samoobrony Litwy i Białorusi 1918–1919, Warszawa 1994. S. 22, 128, 132.
- ⁴⁵ Наше утро. 1918. 10 дек. (№ 1). С. 1.
- ⁴⁶ Там же. 17 дек. (№ 7). С. 2.
- ⁴⁷ Памятка белорусам Гродненской губернии. Гродно: типо-лит. т-ва С. Лапин с с-ми, 1918. С. 7–8.
- ⁴⁸ Наше утро. 1918. 26 дек. (№ 15). С. 2.
- ⁴⁹ *Ляхоўскі У., Чарнякевіч А.* Гродзенская губернская управа // Берасцейскі хранограф: сб. навук. прац. Вып. 5. Брэст: Альтернатива, 2010. С. 122–153.
- ⁵⁰ *Крыніскі У.* Адраджэнскі рух у Горадзеншчыне // Новая дарога. 13.9.1942 (№ 25). С. 6.
- ⁵¹ LCVA. F. 281. Ap. 2. B. 28. L. 83–84.
- ⁵² Цит. по: *Смалянчук А.* Горадня і гарадзенцы 1911–1915 гг. на старонках «Нашай нівы» // Гарадзенскі палімпсест. 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры XVI–XX ст. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. Мінск: Зміцер Колас, 2011. С. 419.
- ⁵³ Наше утро. 1918. 20 дек. (№ 10). С. 3.
- ⁵⁴ *Сідарэвіч А.* З думай аб незалежнасці // Польша. 1991. № 4. С. 213.
- ⁵⁵ Беларуская думка. 21.5.1919. № 11; *Луцкевіч А.* Указ. соч. С. 222.
- ⁵⁶ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 22. Л. 88–91.
- ⁵⁷ *Луцкевіч А.* Указ. соч. С. 222.
- ⁵⁸ *Purickis J.* L'état lituanien et le gouvernement de Gardinas (Grodno). Lausanne, 1918. S. 13.
- ⁵⁹ *Wasilieski L.* Józef Piłsudski jakim go znałem. RÓJ, 1935. S. 178.
- ⁶⁰ Nad Niemnem. S. 35.
- ⁶¹ *Tarłowski H.* Grodno w czasie zmartwychwstania Polski // Krajoznawstwo. Grodno. 1939. S. 3.
- ⁶² Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (LMAB). F. 21. B. 351. L. 5.
- ⁶³ Archiwum Akt Nowych (AAN). MSZ. T. 9387. S. 24, 28.
- ⁶⁴ ГАГО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 95. Л. 1; Наше утро. 1919. № 18.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.
- ⁶⁶ Наше утро. 1918. 19 дек. (№ 9). С. 2.
- ⁶⁷ *Karpus Z.* Op. cit. S. 224.
- ⁶⁸ *Gazeta Białostocka.* 18.11.1912 (№ 1). S. 7–8.
- ⁶⁹ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБГр). Ф. 259. Оп. 2. Д. 140. Л. 7.
- ⁷⁰ Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Кларота. С. 56.
- ⁷¹ Там же. С. 73.
- ⁷² *Черепица В.* Указ. соч. С. 239.
- ⁷³ *Ляхоўскі У., Чарнякевіч А.* Указ. соч. С. 122–153.

- ⁷⁴ Нотан. 3.6.1916 (№32).
- ⁷⁵ *Грабінскі Б.* Саколышчына — Горадня — Вільня // ARCHE. 2000. № 5. С. 198.
- ⁷⁶ *Смалянчук А.* Горадня і гарадзенцы. С. 414.
- ⁷⁷ Там же. С. 409; Грамадзянін. 1919. № 13.
- ⁷⁸ *Ляхоўскі У., Чарнякевіч А.* Указ. соч. С. 122–153.
- ⁷⁹ Наше утро. 1919. 8 янв. (№ 7). С. 2.
- ⁸⁰ Наше утро. 1918. 15 дек. (№ 6). С. 2.
- ⁸¹ *Антонай І.* Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны у 1919–1921 гг.: Малюнкі гвалту і зьдзеку фацетных польскіх паноў на Беларусі: (Мае перажываньні). [Б. м.], 1921; Przegląd statystyczny m. Grodno za lata 1922 i 1923. Grodno, 1925. S. 4.
- ⁸² Jednodniówka Koła Związku P. O. W. Grodno, 1936. S. 28.
- ⁸³ Наше утро. 1918. 10 дек. (№ 1). С. 2–3.
- ⁸⁴ Там же. 14 дек. (№ 5). С. 2.
- ⁸⁵ Там же. 21 дек. (№ 11). С. 2.
- ⁸⁶ *Луцкевіч А.* Указ. соч. С. 187.
- ⁸⁷ Наше утро. 1918. 19 дек. (№ 9). С. 3.
- ⁸⁸ Там же. 1919. 28 янв. (№ 23). С. 1.
- ⁸⁹ Там же. 13 янв. (№ 10). С. 2.
- ⁹⁰ *Tarłowski H.* Op. cit. S. 2.
- ⁹¹ Наше утро. 1919. 8 янв. (№ 7). С. 3.
- ⁹² Там же. 1918. 25 дек. (№ 14). С. 1.
- ⁹³ Там же. 1919. 5 янв. (№ 4). С. 2.
- ⁹⁴ Там же. 1918. 11 дек. (№ 2). С. 2–3.
- ⁹⁵ Там же. 1919. 7 янв. (№ 6). С. 2.
- ⁹⁶ *Czerniakiewicz A.* Przejmowanie władzy przez Polaków w Grodnie (koniec 1918 — kwiecień 1919) // Początki niepodległości. Łomża — Białystok — Grodno — Suwałki. 1918–1919. Białystok, 1998. S. 48.
- ⁹⁷ *Бухов А.* Указ. соч.

Александр Быстрик

Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

«Перекресток Восточной Европы» — так исследователи и публицисты часто называют территорию современной Беларуси. Если принять эту метафору, то Западную Беларусь можно считать самой активной частью этого перекрестка, ведь за последние 100 лет жители Западной Беларуси пережили девять смен разных государственных режимов. Особенно турбулентными для этой территории оказались годы Первой мировой войны. Военное положение, введенное в окраинных губерниях, сменилось оккупацией кайзеровскими войсками, во время которой активизировались национальные движения за самоопределение. После отступления немецких сил через эти земли несколько раз перекатились волны польских и советских армий. Относительная стабильность установилась только в 1921 г., когда по условиям Рижского мира «Северо-Западный край» был разделен между Польшей и Советской республикой.

К сожалению, за большими историческими нарративами скрываются многие детали локальной истории. Что означали описанные

© Александр Быстрик, 2017

Александр Быстрик — аспирант Центрально-Европейского университета, Будапешт.

выше политические пертурбации для жителей городов, местечек и деревень, находящихся на окраинах империи Романовых? Как менялся порядок их жизни, установленный в предыдущие десятилетия? Каким образом реалии военного времени повлияли на повседневность жителей городов и местечек? На эти вопросы поможет ответить только изучение микроистории отдельных населенных пунктов, описание вызванных войной и дезинтеграцией империи социальных процессов в городах и местечках.

Объектом этого исследования был выбран город Новогрудок. Этот небольшой город когда-то был важным городским центром Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. В Российской империи город стал центром уезда. Несмотря на то что Новогрудок являлся уездным городом, по своим характеристикам он скорее приближался к местечкам — переходному типу населенного пункта от села к городу, т.к. за XVIII и XIX столетия город терял свое политическое и экономическое значение, пережив несколько разрушительных пожаров и эпидемий. Со своим населением в 8457 чел. он, скорее, был в одной группе с такими населенными пунктами, как Несвиж (9625 чел.), Игумен (5812 чел.) или Докшицы (4558 чел.), чем с большими уездными городами, такими как Слуцк (16646 чел.), Борисов (20455 чел.), Пинск (38686 чел.) или Бобруйск (42309 чел.)¹. Более того, находящиеся в Новогрудском уезде Барановичи, официально записанные как местечко, к началу войны насчитывали уже несколько десятков тысяч человек населения. Основной причиной быстрого роста Барановичей и относительного застоя Новогрудка было то, что в 1870-х гг. железные дороги были проложены именно через Барановичи, в то время как центр уезда остался в стороне от новой транспортной артерии и экономических перспектив, которые она открывала.

Структура городской власти также отличала Новогрудок от более крупных городов края. Так, городскими делами заведовало т. н. городское упрощенное общественное управление под руководством городского старосты². Особенности такой структуры управления являлось отсутствие института городской думы, а также бóльший контроль со стороны вышестоящих властей. Уездные власти были представлены уездным земским собранием и управой.

На местечковый характер Новогрудка в предвоенный период указывает и слабое промышленное развитие города. На начало 1914 г.

в Новогрудке существовало только 2 завода, на которых работало всего лишь 14 чел. По этим показателям Новогрудок также можно сравнить с Докшицами (6 чел.) и Игуменом (13 чел.)³.

Число ремесленников также составляло малую часть населения города — лишь 649 (около 8% жителей)⁴. Остальные горожане были заняты в сфере торговли, кустарных промыслов и государственной службы. В то же время город поддерживал активные связи с сельским хозяйством уезда. На это указывает проведение 6 ежегодных ярмарок (такое число в Минской губернии было только у Пинска и Игумена)⁵.

Про отсутствие промышленности и сильную связь с селом пишут в мемуарах новогрудчане: «Новогрудок не имел промышленности. Еврейское население зарабатывало на жизнь торговлей и ремеслом. Они все ожидали рыночного дня в воскресенье, когда крестьяне приезжали в город, чтобы продать свои продукты и купить нужные им товары»⁶.

По составу населения Новогрудок не отличался от других малых городов Северо-Западного края — как и в большинстве местечек, основную часть населения составляли евреи (см. табл. 1 и 2). Следует отметить, что еврейское население города активно эмигрировало на Запад, особенно в предвоенные годы⁷. По данным Всероссийской переписи, второй по количеству языковой группой в городе были белорусы. Кроме евреев и белорусов в городе проживали татары, поляки и русские.

Таблица 1. Население г. Новогрудка по родному языку — Первая всероссийская перепись населения 1897 г.⁸

Численность \ Родной язык	Идиш	Белорусский	Татарский	Польский	Русский	Другие	Всего
	Количество	4992	1676	475	401	319	24
Проценты	63%	21%	6%	5%	4%	1%	100%

Таблица 2. Население г. Новогрудка по вероисповеданию на 1 января 1914 г.⁹

Численность \ Конфессия	Иудей	Православные	Католики	Мусульмане	Протестанты	Всего
	Количество	5584	1609	678	566	19
Проценты	66%	19%	8%	7%	< 1%	100%

Сфера здравоохранения в городе была представлена земской и еврейской больницей и тремя аптеками¹⁰. Система образования включала приходское одноклассное училище, народное училище, высшее начальное училище, новогрудскую женскую прогимназию¹¹, а также двухгодичные учительские курсы¹².

Общественные организации Новогрудка занимались в основном благотворительностью. Так, существовало Новогрудское благотворительное общество, Общество по содержанию богадельни в Новогрудке, Общество вспомоществования учащимся новогрудского городского училища¹³, Новогрудское добровольное пожарное общество¹⁴.

Религиозные учреждения города были представлены двумя православными церквями, католическим костелом и часовней, а также мусульманской мечетью¹⁵. Стоит подчеркнуть, что несколько бывших католических костелов и монастырей, которых в конце XVIII в. было 11, на начало XX в. существовали в виде руин, но имели символическое значение для католической общины города.

Еврейская жизнь Новогрудка (ид. Нава́редка) была особенно насыщена. В городе действовала одна синагога и 12 молебных домов¹⁶. Еврейская община поддерживала работу многих благотворительных организаций, которые занимались помощью бедным и неимущим евреям¹⁷. Также существовало Общество доставления бедным евреям г. Новогрудка средств для обучения ремеслам¹⁸. Следует отметить, что во время революции 1905 г. Бунд, сионисты-социалисты и лидеры еврейской общины смогли организовать отряды еврейской самообороны и предотвратить погромы¹⁹.

Новогрудок был центром деятельности белорусских национальных активистов. Во время вторых думских выборов 1907 г. от Новогрудка баллотировались представители Белорусской социалистической громады. Новогрудок периодически появлялся на страницах газеты «Наша Ніва», в том числе в материалах местных корреспондентов и читателей. Для белорусского движения символическая ценность Новогрудка заключалась в истории города как одного из центров образования Великого княжества Литовского²⁰.

Для польского общества Северо-Западного края Новогрудок был важен как родной город Адама Мицкевича. Новогрудок и Новогрудчина, воспетые Мицкевичем, в представлении поляков были воплощением старосветской шляхетской традиции, древней

романтизированной Литвы, но в то же время бесспорно частью польской Речи Посполитой.

Поскольку образование на польском языке в Северо-Западном крае было запрещено, польское движение организовывало нелегальные школы в городе и уезде. С 1905 по 1912 г. такая школа функционировала в Новогрудке под руководством Марии Вежбовской. После закрытия школы властями Вежбовская добилась открытия курсов кройки и шитья, куда приходили ученики закрытой школы и продолжали изучать польский язык²¹.

Война, разразившаяся так внезапно, навсегда изменила город, нарушила многие аспекты размеренной жизни провинциального местечка. Мобилизация, реквизиции, пропаганда, кампания по борьбе с «немецким засильем», сбор помощи беженцам и солдатам, введение сухого закона, экономические трудности, в конечном итоге эвакуация — все это коренным образом изменило ежедневную жизнь города.

В первую очередь война коснулась горожан, подлежащих мобилизации. Еще до введения военного положения в Минской губернии, 26 июля²² 1914 г. губернатор А. Ф. Гирс разослал всем начальникам полиции губернии указание по подготовке к возможной мобилизации²³. Это указание подразумевало, кроме всего прочего, что военнобязанные уже не могли покинуть страну. В любом случае, официально мобилизация началась уже 30 июля, а военное положение в Минской губернии было введено за день до объявления Германией войны — 31 июля 1914 г.²⁴

Непосредственно из Новогрудка в действующую армию до октября 1914 года было призвано более 60 чел. Всего по уезду в первый год войны было призвано около 5 тыс. чел. В их числе, кроме прочих, было 30 служащих Новогрудского земства, в т. ч. 6 врачей²⁵. В 1915 г. на территории всего уезда планировалось мобилизовать 1320 чел., в 1916-м — 744²⁶.

Призыв в армию часто сопровождался беспорядками и насилием по отношению к евреям и в предвоенные годы²⁷. Мобилизация 1914 г., как никакая другая, характеризовалась волнениями резервистов. Самый крупный инцидент, зафиксированный в источниках, произошел 4 августа и упомянут в рапорте минскому губернатору. Причиной рапорта послужило то, что уездный предводитель дворянства Борсуков самовольно распечатал несколько патриотических оповещений,

которые в том числе призывали население не верить слухам о русской армии. Исправник Строчковский в рапорте утверждает, что сам Борсуков поспособствовал распространению непроверенной информации, что привело к беспорядкам:

«Предводитель Дворянства объявил подвергавшимся освидетельствованию запасным, что „сегодня Русские войска... заняли Галицию“. В ответ на это грянуло громогласное „ура!“ запасных, далеко услышанное чрез растворенное окно на площадь. Спустя минуту после этого г. Предводитель Дворянства опять сообщил новость: „Австрийский Император Франц Иосиф умер, слава Богу...“ Призывные опять повторили „ура!“ <...> запасные, нижние чины и прочие, услышав слово „умер“, в связи с другими его словами, поняли как наступления мира. Крича „мир, мир“, стали кто целоваться, обнимая даже евреек, кто шапки бросал вверх, а кто побегал к лошадям, чтобы увести их домой, или к подводам, чтобы уезжать; поднялся крайний беспорядок, в особенности отразившийся на настроении запасных во дворе Воинского Начальника; при чем вся масса до 5000 человек намерилась разбегаться. Много понадобилось усилий со стороны полиции и Воинского Начальника, чтобы успокоить народ и восстановить порядок...»²⁸

Очевидно, что патриотический подъем начального периода войны, характерный более для интеллигенции и городских жителей, не так глубоко затронул крестьян и резервистов, которые исключительно положительно восприняли «новость» о мире и были рады разойтись по домам.

Можно предположить, что, учитывая провинциальный характер Новогрудка, пропаганда в местечке была не так эффективна, как в больших городах, — существовал недостаток информации, который часто пополнялся слухами. Про это и писал предводитель дворянства в своих обращениях, упомянутых выше:

«...во многих деревнях Новогрудского уезда очень часто возникают неверные слухи о положении дел на театре военных действий... направленные к умалению величия России и ея доблестной армии. <...> А потому предупреждаю население сельских местностей Новогрудского уезда не верить всяким частным слухам о военных действиях нашей армии. Всякий интересующийся военными событиями может ежедневно обращаться в свое волостное правление или к сельскому старосте, у которых будут самые верные сведения о ходе военных действий из газет...»²⁹

Кроме предводителя дворянства слухам были подвержены и другие чиновники. Например, председатель Новогрудской уездной земской управы Ярошевский 5 августа 1914 г. обратился к минскому губернатору со следующим письмом:

«Совершенно конфиденциально. <...> Вследствие циркулирующих слухов о возможности выселения жителей из города Новогрудка по случаю военных действий, имею честь покорнейше просить... разъяснить мне, как следует поступить с земским имуществом Управы и служащими в ней в случае получения такого распоряжения, и куда направить служащих с делами Управы»³⁰.

На тот момент боевые действия между российской и немецкой армиями только начинались, поэтому губернатор ответил председателю управы, что его ходатайство является преждевременным³¹. Тем не менее сам факт такого обращения к высокому чиновнику указывает на низкий уровень информированности и подверженности слухам новогрудских властей.

Еще один пример, который свидетельствует об этом, можно найти в другом рапорте уездного исправника от 27 августа:

«...предоставляю при сем дознание, произведенное вследствие тенденциозной корреспонденции священника Савича, помещенной в № 171 Минской газеты Северо-западная жизнь. Относительно прибытия в район Мирской волости трех неизвестных подозрительных иностранцев, не задержанных местными жителями. При этом докладываю, что упомянутые лица были местные крестьяне... и что сообщение о Константина Савича не подтвердилось исследованием»³².

Атмосфера домыслов и слухов была, скорее, характерной для всей губернии. Именно поэтому минский губернатор издал особое обращение к предводителям дворянства от 13 августа 1914 г.:

«Ввиду предстоящего 8 августа солнечного затмения и возможности сопоставления его народными массами [с] текущими событиями, прошу немедленно озаботиться самым широким оповещением населения [о] предстоящем затмении указанием, что явление это естественное и никакого отношения [к] переживаемому времени не имеет»³³.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что как минимум в первые военные дни паникерство, слухи и шпиономания распространялись по городу и уезду. Отсутствие собственной уездной газеты наверняка сыграла в этом свою роль, т.к. минские и виленские

газеты выписывало не так много людей, особенно в деревнях. Как было показано выше, даже часть городской интеллигенции — чиновники и священники были подвержены воздействию этой атмосферы.

Особо стоит отметить кампанию по борьбе с «немецким засильем», которая развернулась в Российской империи после объявления войны. Уже с началом мобилизации начались аресты и высылка подданных Германии и Австро-Венгрии во внутренние губернии России³⁴. Так, по указанию минского губернатора новогрудский уездный исправник составил списки и задержал немецких и австро-венгерских подданных. Вследствие того, что в Новогрудок не была проведена железная дорога, подданных «неприятельских государств» удалось этапировать в Вятку лишь спустя месяц, в октябре 1914-го. Кроме того, около десятка лиц лютеранского и католического вероисповедания, в т. ч. женщины и дети, были высланы в Самару³⁵.

Стоит отметить, что большинство из семей немецких и австро-венгерских подданных проживали в Российской империи на протяжении нескольких поколений. Так, мать высланных в Вятскую губернию «пруссских подданных» подавала прошение на имя минского губернатора о их возвращении. Она утверждала, что все они родились в Минской губернии и никакого отношения к Германии не имеют: *«Мы не немецкого происхождения, а белорусы, римско-католического вероисповедания»*. Это прошение, как и большинство подобных ему, не было удовлетворено властями³⁶.

Подобные радикальные меры на местном уровне часто доходили до абсурда. Например, для принятия решения по высылке германского подданного В. Ф. Чапли новогрудский исправник организовал медицинский осмотр, который установил, что Чапля был глухой и умственно недоразвитый. Несмотря на это, в декабре 1914 г. было принято решение выслать его в Астраханскую губернию под досмотр полиции³⁷.

Кроме общих распоряжений по аресту и высылке подданных вражеских государств в уезд направлялись особые указания по выявлению немецких и австро-венгерских граждан в важных экономических структурах. Так, 27 сентября 1914 г. в ответ на запрос минского губернатора уездный исправник рапортовал, что на службе в кредитных учреждениях подданных неприятельских государств нет³⁸. Также 16 октября минский губернатор запросил информацию о фабриках, заводах, имениях и лесоповалах, принадлежавших «иностранцам

враждующих государств»³⁹. На этот запрос исправник отразпортовал, что фабрик в уезде нет, а подданные Германии и Австро-Венгрии не владеют именными и не заведуют вырубкой/эксплуатацией леса, за исключением Карла Дымека из Барановичской волости⁴⁰. В том же ключе можно рассматривать конфискацию автомобилей у подданных враждебных государств. Впрочем, по телеграмме уездного исправника в сентябре 1914 г. «самодвижущихся экипажей», принадлежавших австрийским и немецким подданным, в уезде не было⁴¹.

Суммируя известную информацию о борьбе с «немецким засильем» в г. Новогрудке, можно сказать, что она существенно не повлияла на жизнь города. Хотя само собой разумеется, что для высланных жителей Новогрудка это стало личной трагедией. Тем не менее экономическое и политическое значение этой группы было невысоким — большинство из них были простыми горожанами. На незначительное присутствие немецких и австро-венгерских подданных указывает площадь отчужденного недвижимого имущества подданных враждебных государств — всего 67 десятин по всему уезду. Для сравнения, по Пинскому и Мозырскому уездам эти цифры составили 13 100 и 8371 десятин соответственно⁴². Но несомненно, кампания по «освобождению от немецкого засилья» внесла свою лепту в усиление в городе шпиономании и германофобии.

Еще одной важной чертой жизни Новогрудка во время войны стала организация благотворительных инициатив по помощи воинам российской армии и их семьям, беженцам и другим пострадавшим от войны. Одной из первых таких организаций стал Комитет по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, созданный городскими чиновниками, священниками и представителями дворянства⁴³. Комитет был официально зарегистрирован как частное общество минским губернатором 16 октября 1914 г. В уставе комитета было указано, что он «оказывает помощь нуждающимся семьям всех верований и национальностей»⁴⁴.

Способ работы комитета описывает городской староста в рапорте от 10 октября 1914 г.:

«...имею честь донести... что... попечительством город разделен на 9 участков, и каждым участком заведывают от 2 до 4 попечителей. ...участковые попечители в своих участках предложили домовладельцам и квартирантам, не пожелают ли они добровольно каждый

месяц давать пожертвования деньгами сообразно своему состоянию. ...за сентябрь месяц собрано всего 135 руб. 49 копеек, а кроме того от попечителей получено членских взносов 25 рублей.

...30 семейств нуждаются сверх казенного пособия в частной помощи, каковым семьям и выдано на текущий сентябрь месяц более нуждающимся по 6 руб., а менее нуждающимся по 3–4 руб.».

Такая деятельность комитета даже привлекла внимание прессы. Про сбор добровольных пожертвований комитетом написала «Наша Ніва»⁴⁵, а также «Вестник Минского губернского земства»⁴⁶.

Кроме добровольного сбора пожертвований по указанию председателя дворянства были учреждены попечительства при каждом церковном приходе уезда по оказанию помощи семьям запасных⁴⁷. Следует отметить, что деятельность комитета была в основном направлена на жителей села, т. к. из сельской местности уезда в армию набрали намного больше мужчин, чем из самого города. Соответственно, комитет оказывал возможную помощь крестьянским семьям, которые испытывали трудности в работе на земле⁴⁸.

Работу комитета следует рассматривать в одном ряду с активностью Новогрудского уездного земства, поскольку цели, задачи и даже личный состав этих организаций во многом совпадали. В сентябре 1914 г. на чрезвычайном земском собрании «Новогрудское земство единодушно решило примкнуть к Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым воинам и ассигновало 10 000 руб.». В первую очередь Новогрудское земство открыло лазарет в Барановичах, а также был организован сбор добровольных пожертвований⁴⁹. Как и вышеописанный комитет, Новогрудское земство оказывало помощь семьям запасных по уборке урожая и засеиванию полей⁵⁰.

При поддержке уездного земства была организована и другая деятельность:

«Последнее мероприятие, т. е. Мастерская по шитью белья для раненых, уже функционирует в г. Новогрудке и организовано местным Дамским Комитетом, в распоряжение которого предоставлен зал Уездной земской управы»⁵¹.

В августе 1915 г. земство хотело также направить ремесленный потенциал уезда на военные нужды⁵². Несмотря на желание уездного земства мобилизовать население для снабжения армии, осуществить этот замысел, скорее всего, не удалось — через несколько недель город был оккупирован немецкими войсками.

Новогрудское уездное земство поддержало и открытие отделения общества Красного Креста в городе и уезде *«на оказание посильной помощи раненым воинам, защищающим отечество»*. На это было выделено 5000 рублей из земских сбережений⁵³.

Само собой разумеется, занимались благотворительностью и религиозные организации. Кроме вышеупомянутых попечительств, созданных при церковных приходах, духовенство уезда жертвовало 2% своего жалования на нужды армии и потерпевших от военных действий⁵⁴. «Минские епархиальные ведомости» также сообщают, что церковные учреждения организовывали благотворительные мероприятия:

«30 декабря минувшего 1914 г. в г. Новогрудке в местном общественном собрании учащимися Вселюбской женской церк.-прих. школы был дан литературно-вокальный вечер в пользу Красного Креста. <...> Успех был огромный, <...> сбор на Красный Крест был полный. На вечере во главе с Предводителем Дворянства и его супругой была почти вся городская интеллигенция и местное духовенство»⁵⁵.

Еще одной благотворительной организацией, которую следует описать, является уездное отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет). Официально уездное отделение было утверждено на заседании Минского губернского отделения комитета 5 февраля 1915 г.⁵⁶

Основная работа уездного отделения комитета началась весной — летом 1915 г., во время успешного наступления Германии в Польше, которое привело к появлению большого числа беженцев. Так, на заседании губернского отделения комитета 18 августа было решено открыть в уездах специальные комитеты по регистрации и оказанию помощи беженцам. Новогрудскому уездному отделению было выделено 3000 руб. на обучение детей беженцев⁵⁷. Суммы, выделяемые новогрудскому отделению, значительно увеличились в недели, предшествующие оккупации города, — в августе отделение получило уже 15 000⁵⁸. Впоследствии губернским отделением было выделено еще 20 000 руб., но эти деньги уездный комитет получил, скорее всего, после эвакуации в местечко Мир Новогрудского уезда⁵⁹. Такие суммы указывают на то, что в уезде и в самом Новогрудке скопилось большое количество беженцев из западных губерний Российской

империи, что усугубило неблагоприятную экономическую и гуманитарную обстановку в этой местности.

Новогрудок стал местом работы национальных благотворительных организаций, таких как Польское общества помощи жертвам войны⁶⁰. К сожалению, о деятельности общества известно довольно мало, однако можно предположить, что объем его работы был небольшим, поскольку общероссийские организации в Новогрудке были достаточно активными и направляли свою деятельность на горожан всех национальностей и вероисповеданий.

Суммируя деятельность благотворительных организаций в Новогрудке, можно отметить несколько моментов. Эти организации были важным инструментом для патриотической мобилизации горожан. Они, по существу, являлись одной из немногих возможностей для горожан добровольно поспособствовать «победе русского оружия», будь то денежные пожертвования или собственный труд. С другой стороны, получатели такой помощи — семьи солдат ощущали поддержку общества в тяжелое для них время. Кроме этого, благотворительная и гуманитарная активность отбирала все больше и больше ресурсов и времени у городских властей и церкви, что соответственно отражалось на их других функциях.

Экономические проблемы, вызванные войной, можно разделить на несколько групп. Во-первых, непредвиденные расходы городских и уездных властей, в т. ч. на вышеописанную деятельность, негативно сказались на нормальной работе этих учреждений. Про это пишут сами работники уездного земства в рапорте минскому губернатору:

«...тяжелый момент вызвал если не приостановку, то замедление в мирной повседневной работе земских учреждений. <...> Земство отложило мероприятия неспешного характера для экстренных мероприятий, связанных с войной»⁶¹.

Так, большие суммы денег (10 000 руб. на Всероссийский земский союз и 5000 руб. на Красный Крест) были взяты из земских сбережений, предназначенных для устройства в Новогрудке новой гимназии. В результате строительство этой гимназии было отложено⁶². Земство также отсрочило проекты по созданию в уезде телефонной сети⁶³ и ряда профессиональных учебных заведений⁶⁴.

С другой стороны, многие земские планы, особенно связанные с улучшением инфраструктуры (постройка или ремонт дорог, мостов,

медицинских и гуманитарных учреждений) выполнялись, поскольку были важны в т. ч. и для военных целей.

На жизнь города прямо влияли и общие экономические проблемы, связанные с войной, — инфляция, дефицит, спекуляция, реквизиции. На эти проблемы также обращали внимание городские и уездные власти. Так, в связи с ростом цен пересматривался бюджет на содержание земских учреждений, таких как конные станции⁶⁵. Требовалось повышение расходов и на многие другие учреждения, что создавало дополнительные нагрузки на земский бюджет.

Для борьбы с ростом цен и спекуляцией городские власти принимали административные меры уже в сентябре 1914 г., введя таксу (законодательно установленные цены) на продукты первой необходимости⁶⁶. Такие меры по контролю за торговлей указывают, что ситуация с ростом цен и связанной с ним спекуляцией стала проблематичной через довольно короткое время после начала войны.

Подобную политику местные власти проводили и в отношении сельскохозяйственных товаров. В июле 1915 г. для «устранения недобросовестных посредников при реализации урожая текущего года» новогрудский отдел Минского общества сельского хозяйства образовал посредническое бюро по закупке и продаже с.-х. продуктов⁶⁷. Введение такого института должно было решить критически важную проблему роста цен на продукты продовольствия, который был подстегнут в т. ч. реквизициями для армии. К сожалению, доступные источники не сообщают, насколько успешными были действия властей по борьбе с ростом цен и спекуляцией.

Одним из самых значимых изменений в жизни города стало введение сухого закона, который вступил в силу в начале сентября 1914 г.⁶⁸ Это решение было особенно позитивно воспринято белорусской прессой, поскольку борьба с пьянством была одной из целей национальных активистов. Католическая газета “*Bielarus*” вместе с «*Нашай Нівай*» критикует городские власти Новогрудка за то, что они «*нашли возможным открыть в городе в 1915 г. три пивные, четыре магазина с водкой и вином*»⁶⁹. Но уже в следующих номерах “*Bielarus*” с одобрением пишет о том, что местный уездный комитет трезвости постановил навсегда запретить продажу алкогольных напитков, в том числе и пива⁷⁰.

Несмотря на начальные успехи российской армии, в первой половине 1915 г. германские войска провели успешное наступление.

В конце августа стало очевидно, что немецкая армия оккупирует большую часть Минской губернии, в т. ч. и Новогрудок. Минский губернатор издал указ с инструкцией об эвакуации уже в середине августа. В начале сентября были высланы дополнительные инструкции по ходу эвакуации. Новогрудским учреждениям МВД предписывалось переместиться в г. Речицу и в случае дальнейшего наступления противника — в г. Муром⁷¹.

Земские власти также готовились к эвакуации заранее. В докладах к Восьмому чрезвычайному уездному земскому собранию (2 сентября 1914 г.) поднимался вопрос о подготовке к эвакуации и выделению на нее средств. Было решено среди прочего закупить дополнительный конный транспорт для эвакуации имущества и служащих и заплатить работникам земства двухмесячный оклад⁷². Как уже упоминалось ранее, 4 октября некоторые новогрудские чиновники прибыли в местечко Мир, которое находится на востоке от Новогрудка⁷³. Там же очутился и уездный Татьянинский комитет, который активно занимался проблемой беженцев, в большом количестве заполнивших восточную часть уезда⁷⁴. Многие из чиновников выехали дальше Мира, т. к. попытки собрать уездное земское собрание в Минске и Мире не были успешны из-за отсутствия кворума⁷⁵.

Возможно, новогрудским чиновникам в эвакуации не удалось объединиться из-за плохой связи Новогрудка с Минском, в т. ч. и вследствие перегруженности железнодорожных путей в Барановичах и Новоельне — ближайших к Новогрудку станций. Почтовая и телеграфная связь также оказались прерванными, и уездный предводитель дворянства не смог своевременно получить инструкции минского губернатора по порядку эвакуации и реквизициям⁷⁶.

Кроме российских чиновников и интеллигенции, а также большой части православного населения эвакуировались и евреи Новогрудка. Так, новогрудская иешива оказалась в Гомеле, а ее ученики разъехались по губерниям Российской империи. Послевоенные данные по населению Новогрудка указывают на то, что за время войны город покинуло как минимум 2000 евреев⁷⁷. Тем не менее в воспоминаниях новогрудских евреев не встречается сведений об их насильственном изгнании из города российскими властями, хотя такая практика применялась во время летнего отступления 1915 г. Возможно, проблемы в коммуникации с Минском опять же повлияли на эту ситуацию.

Общее число новогрудских беженцев можно посчитать, используя послевоенную информацию, в частности из польских статистических источников. Например, “Spis Ludności” дает цифру населения Новогрудка в 5096 чел.⁷⁸ Сравнивая с предвоенными цифрами, можно высчитать, что за 5 лет военных действий Новогрудок потерял около 3300 чел., или 40 % населения, что примерно совпадает с общей цифрой по территории немецкой оккупации. Например, в Гродненском, Ошмянском и Лидском уездах население сократилось соответственно на 47,4 %, 32 % и 27 %⁷⁹.

Из табл. 3 также видно, что доля православного населения города уменьшилась более всего, в то время как процент католиков значительно увеличился. Доля иудеев и мусульман уменьшилась, но не так значительно, как православных. Эти данные указывают на то, что в беженство уходили в первую очередь православные, в то время как католики чаще оставались на местах. Про это же пишет и газета «Вольная Беларусь»:

«Вообще говоря, Новогрудский уезд теперь является более польским, чем когда бы то ни было. Значительная часть православных белорусов убежала вместе с российским войском. Вся бюрократия (чиновничество) и российская интеллигенция (впрочем, ее было только горсть) — тоже»⁸⁰.

Таблица 3. Население г. Новогрудка по вероисповеданию в 1914 и 1919 гг.^{81, 82}

Конфессия \ Год	Иуден	Православные	Католики	Мусульмане
1914	66%	19%	8%	6,6%
1919	65,3%	15,4%	13,7%	~ 5,6%
Изменение (в %)	-0,7%	-3,6%	+5,7%	~ -1%

Можно сказать, что последние дни российской власти в Новогрудке были очень напряженными. Кроме проблемы собственной эвакуации жители города претерпели наплыв беженцев, отступающих войск, и это все на фоне экономического и продовольственного кризиса, вызванного военными действиями, а также реквизициями, которые часто превышали установленные нормы.

Германские войска вступили в Новогрудок 22 сентября 1915 г. Город вместе с западной частью уезда, включая Барановичи, был

Немецкие связисты в Новогрудке

оккупирован войсками германской 10-й армии под командованием Райнхарда фон Шефера-Бояделя⁸³. В 15–20 километрах на восток от Новогрудка успешное наступление немецкой армии было остановлено вследствие истощения, а также контратак российской армии.

Новогрудок, оказавшись в прифронтовой зоне, не вошел в состав земель Обер Оста, подчиненных германской оккупационной власти. Вместо этого город был включен в состав военно-операционной полосы (*Operationsgebiet*)⁸⁴. Об этом также пишет «Вольная Беларусь»:

«Земля Новогрудская, отечество Адама Мицкевича, осталась почти целиком по ту сторону фронта. Она теперь находится так близко к линии фронта, что не присоединена ни к одному из округов < ... > Находясь в округе т.н. "Operationsgebiet", земля Новогрудская управляется только военными властями»⁸⁵.

Командование 10-й армии размещалось в центре Новогрудка, на рыночной площади, в т.н. «домике Мицкевича»⁸⁶. Казармы немецкого гарнизона тоже размещались в ста метрах от рыночной площади, в стенах бывшего монастыря доминиканок.

Несмотря на то что высшая власть в Новогрудке принадлежала военным, город был одним из немногих, который сохранил элементы самоуправления. В частности, в конце 1916 г. "Dziennik Wileński" сообщает следующее:

«Новогрудок не без волнения переживает теперь свои первые на демократических началах выборы в Городскую управу. Эта Управа (Bürgerausschnos) состоит из 6 членов, 6 заместителей и бургомистра; за нееврееями закреплена половина мест в Управе»⁸⁷.

Позже источники сообщают, что бургомистром стал Казимир Керсновский (католик). К сожалению, очень мало известно о деятельности управы. Есть информация лишь о том, что в 1918 г. немецкие власти ограничили деятельность новогрудской управы, а также ввели цензуру прессы и книгопечатания⁸⁸.

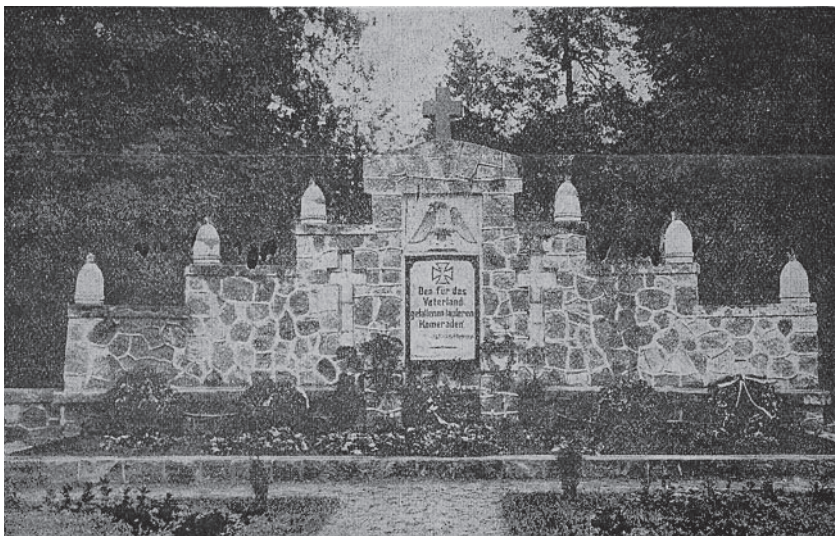
Несмотря на то что Новогрудок не находился технически на территории Обер Оста, как показывает практика, во многих аспектах политика и реалии Обер Оста распространялись и на этот прифронтной город. Очевидцы оккупации описывают попытку армейских властей воплотить немецкий *Ordnung* и *Bildung* на занятых ими землях, что включало в себя жесткую экономическую эксплуатацию города и повета, усиленный контроль за передвижением населения, относительную нейтральность оккупационных властей в национальном вопросе, введение строгих требований гигиены и чистоты в городе, некоторое улучшение городской и уездной инфраструктуры.

События лета и осени 1915 г. сильно повлияли на состояние Новогрудка и уезда. Белорусская газета "Номан" так описывает Новогрудский уезд после оккупации немецкими войсками:

«...с той осени [1915 г.] Новогрудский уезд почти совсем опустел. Убежали все, кто имел хоть где-то другое пристанище. Много местных господ, особенно женщины и дети, оставили дворы и выехали, более

Немецкое военное кладбище в Новогрудке

Немецкое военное кладбище в Новогрудке

всего в Минцину. Только некоторые остались на месте, охраняя дорогу их сердцу землю отцов»⁸⁹.

Политика немецких властей, особенно в плане реквизиций, лишь усугубила и без того сложную ситуацию в городе. Немецкие власти реквизировали у населения лошадей, коров, зерно и другие продукты питания. В мае 1916 г. был издан указ, по которому у крестьян уезда забирался весь урожай и запрещалась любая торговля продовольствием⁹⁰. Как уже говорилось выше, Новогрудок поддерживал прочные экономический связи с сельским хозяйством уезда, поэтому упадок производства продуктов питания и торговли продовольствием крайне отрицательно отразился на жизни в городе. Об этом вспоминают жители Новогрудка:

«Война, разразившаяся в 1914-м, сделала жизнь в Новогрудке очень тяжелой. Немецкая армия оккупировала город в 1915-м. Он стал прифронтовым городом, и немецкие оккупанты забирали у крестьян все. Крестьяне перестали приезжать в город, так как им нечего было продавать. Был голод»⁹¹.

Немецкие оккупационные войска эксплуатировали не только сельское хозяйство уезда, но и оставшиеся рабочие руки — в основном

женщин. Жителей города использовали в том числе для строительства и укрепления шоссе и железных дорог⁹².

Дополнительные трудности для жителей Новогрудка и уезда создала «политика передвижения», введенная немецкими властями. Вся оккупированная территория западных губерний делилась на небольшие округа, перемещаться между которыми возможно было только с соответствующими документами. Даже к крестьянским повозкам прибывали дощечки с указанием того округа, откуда направляется крестьянин⁹³.

Политика германской администрации вызывала протесты среди населения, которые иногда перерастали в конфликты. Так, в марте 1918 г. рабочие Новогрудка провели митинг в поддержку бастующих рабочих гродненской табачной фабрики, которые требовали заключения справедливого мира⁹⁴.

Впрочем, ограничение перемещения, реквизиции, принудительный труд, комендантский час и суровое законодательство — это скорее нормальные явления для оккупированной территории. При этом следует отметить, что данная политика Обер Оста имела особое идеологическое обоснование — немецкий порядок (*Ordnung*) и немецкое образование, формирование (*Bildung*)⁹⁵. В то же время германская оккупация принесла и другие, более позитивные новшества в экономической, общественной и культурной жизни края.

«Немецкий порядок» в городе наводился не только на слова. Даже польские издания признают, что в Новогрудке при немцах была «небывалая чистота»⁹⁶. Сами немцы в оккупационных печатных изданиях регулярно обращали на это внимание. Немецкие газеты иронически сравнивали успехи оккупационной администрации по упорядочению города с образом «немецких варваров», создаваемым российской пропагандой:

«На месте сломанных деревьев, находящихся в запустении садов, возникли чудесные скверы, вместо гнилых заборов появились искусно изготовленные изгороди из березы. Великолепный сквер на восточной стороне Татарской улицы обустроен с умом и искусством и заслуживает большой похвалы. Рядом с чистенькими и образцовыми домиками он смотрится как небольшой городской сад. Все это возникло благодаря труду и умению немецких солдат. Видно, радость творчества, наряду с аккуратностью и опрятностью, сознанием красоты у нас, у варваров, врожденные»⁹⁷.

Особое внимание местная немецкая комендатура уделяла вопросам гигиены. Источники воды в городе были разделены на пригодные и непригодные для питья, отремонтированы дренажные канавы, создана инфекционная камера, для офицеров и рядовых построены бани. Наружные уборные и стойла для животных немецкими властями указывалось регулярно чистить, что снизило количество мух и других вредных насекомых⁹⁸.

Учитывая угрозу пожаров, которые происходили регулярно в преимущественно деревянном Новогрудке, немецкие власти организовали пожарную команду и закупили пожарные машины, которые успешно применялись⁹⁹.

Разумеется, все эти действия были направлены в первую очередь для предотвращения эпидемий, пожаров и обеспечения нормальных условий проживания для немецких солдат. Тем не менее для местного населения немецкий *Ordnung* имел и положительные стороны.

В техническом плане одним из самых видимых достижений немецких властей в Новогрудке было проведение в город железной дороги в 1916 г. Для постройки дороги, как отмечалось выше, сгонялось все трудоспособное население, проводилась реквизиция лошадей и вырубка леса¹⁰⁰. И все же создание менее чем за год узкоколейной дороги с двумя ответвлениями и депо было своеобразным проявлением модернизации, которая проводилась немецкая армия для военных целей, но которая имела позитивный побочный эффект и для жителей города. В подобном ключе следует рассматривать создание телефонной сети в уезде, строительство электростанции в городе и введение электрического освещения¹⁰¹.

Следует также добавить, что кроме принудительного труда для создания железной дороги немецкие власти создавали места и для наемных рабочих¹⁰².

Несмотря на то что немецкие войска пробыли в городе немногим более трех лет, они смогли оставить свой след в Новогрудке. Самое значимое напоминание о немецкой оккупации в городе — это памятник над захоронением немецких солдат, который торжественно открыли 1 августа 1916 г.¹⁰³

Древние руины Новогрудского замка немецкая комендатура также приспособила для военных целей. Так как замок расположен на высшей точке Новогрудской возвышенности, в одной из башен строения немцы построили в конце 1915 г.¹⁰⁴ наблюдательную вышку.

Базарная площадь Новогрудка

Культурная работа немецких оккупационных властей была также направлена на обслуживание немецких солдат. В городе были открыты «солдатский дом», в котором регулярно проходили мероприятия для солдат, столовая, офицерское казино и кафе, кино, газетные киоски, кондитерская, общественный телеграфный и телефонный пункт¹⁰⁵. С февраля 1916 г. в городе начала публиковаться первая в истории новогрудская газета “Nowogrodeker Kriegszeitung”, редактировал которую немецкий писатель и художник Карл фон Берлепш¹⁰⁶. Помимо обычных тем — ход войны, реалии окопной жизни, фронтовые истории, письма из дома и т. д., в “НК” регулярно публиковались материалы по истории и культуре Новогрудка и о новогрудской жизни вообще.

Культурная работа немецких властей выходила и в публичную сферу. По воскресеньям для солдат и жителей города комендантура организовывала уличные концерты (*Promenadkonzerten*), которые, по сообщениям немецкой прессы, пользовались популярностью¹⁰⁷. Некоторые местные жители действительно восприняли эти мероприятия положительно:

«Хорошие духовые оркестры появились в городе и часто играли на Рыночной площади. Однажды в город приехал даже симфонический

оркестр <...> Это было замечательное событие. <...> Тогда я впервые услышал Филармонический оркестр. С армией пришли и солдаты, которые хорошо играли на фортепиано. Один из них давал мне уроки игры некоторое время. <...> Я знаю, что у солдата-пианиста были другие ученики в городе. Были и другие солдаты, которые хорошо играли»¹⁰⁸.

Как видно, немецкие армейские оркестры, а также готовность некоторых германских солдат и офицеров обучать горожан музыке были для провинциального Новогрудка настоящим событием. Более того, жители города (в первую очередь евреи, которым проще было общаться с немцами) использовали эту возможность для усовершенствования своих собственных музыкальных навыков.

Музыкальные представления немецких военных в Новогрудке вписываются в концепцию немецкой культурной работы на Востоке — *Kulturarbeit*. Эта концепция являлась составной частью идеологии Обер Оста и подразумевала, что завоеватели будут формировать и создавать культуру для многочисленных народов Восточных земель, поскольку сами эти народы, по мнению немецких генералов, культуру создать не в силах¹⁰⁹.

Другими регулярными публичными мероприятиями, проводимыми немецкими властями или с их одобрения, были т. н. цветочные дни (*Blumentagen*). В эти дни на центральной площади проводились различные мероприятия, направленные на сбор денег на благотворительность. Например, во время цветочного дня, проведенного в поддержку еврейской общины, было собрано около 700 марок¹¹⁰, а во время другого цветочного дня на нужды поляков-христиан было собрано более 1000 марок:

«Новогрудок был украшен флагами. В полдень на рыночной площади под звуки полкового оркестра собрались офицеры и рядовой состав на очередной цветочный день, на этот раз польско-христианский. Милые дети в пестрых польских национальных костюмах, чаще всего в сопровождении дам, говорящих на немецком языке, или молодых девушек продавали цветы...»¹¹¹

Публичные мероприятия также происходили, когда город посещали важные личности Германской империи, такие как король Саксонии Фридрих Август III, король Баварии Людвиг III, а также фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Во время визитов таких персон в городе проходили парады, концерты и другие публичные мероприятия.

Жители Новогрудка на работах, организованных немецкой администрацией

Большинство культурных мероприятий проходило на рыночной площади города, в районе которой концентрировались все главные учреждения городской жизни — городские власти, торговые лавки, казармы, церкви, костел и т. д. Кроме площади для мероприятий и празднований традиционно использовалась Замковая гора, которая находилась неподалеку от площади. На ней, например, запускались фейерверки в честь дня рождения Бисмарка¹¹².

В ключе «немецкой культурной работы» велась и образовательная политика в зоне немецкой оккупации. Образование считалось важным элементом немецкой *Kulturarbeit*¹¹³. Власти Обер Оста подготовили детальные инструкции по созданию школ и обучению детей, вплоть до шаблонов расписания и списка обязательных предметов, среди которых особое место занимал немецкий язык¹¹⁴.

Интересно, что, хотя русский язык был запрещен в школах, в реальности это правило не всегда применялось. Например, в школах для еврейских и белорусских детей преподавание все равно велось на русском языке¹¹⁵. Этот факт может объясняться тем, что кадры, которые могли вести преподавание на другом языке, на тот момент просто не были подготовлены.

Работа со школами началась вскоре после оккупации. В мае 1916 г. «Новогрудская военная газета» сообщала о следующих успехах немецких властей в сфере образования:

«За достаточно короткий срок после вступления наших войск в Новогрудок возобновились занятия в существующих католических приходских школах. Вскоре образовалась еще одна, вторая начальная школа, которую посещали мусульманские дети. На прошлой неделе местная комендантура открыла среднюю школу для еврейских мальчиков и девочек. <...> Особое значение придается немецкому языку, который преподает солдат, по профессии учитель»¹¹⁶.

Национальная политика немецких властей, особенно в сфере образования, кардинально отличалась от политики царского режима. Основным принципом национальной политики Обер Оста было равноправие всех народов, его населявших. Многим национальным активистам Обер Оста немецкая оккупация представлялась хорошей возможностью развить национальное самосознание своего народа. Проблема заключалась в том, что желаемые «национальные территории» разных народов очень часто накладывались друг на друга, что случилось и в Новогрудке.

Среди национальных движений польское движение попыталось использовать немецкую политику в своих целях одним из первых. Это вполне естественно, учитывая особенности демографических изменений в Новогрудке, описанные выше, а также экономический и политический вес поляков в уезде и в крае.

С разрешения властей в городе действовала организация Новогрудский союз помощи христианам и магометанам. Эта организация первоначально занималась помощью кооперативам и благотворительной деятельностью, в т. ч. она участвовала в цветочных днях, упомянутых выше. Однако союз брал на себя и другие обязательства:

«Культурная жизнь у нас, несмотря на тяжелые условия, не исчезла. Этому поспособствовал упоминаемый „Новогрудский Союз“, а особенно его секция по образованию, которой руководит п. Вежбовская. В городе 150 детей учатся в школах „Союза“. На селе <...> „Союз“ удерживает 5 народных школ; число было бы значительно больше, если бы не нехватка учительских сил»¹¹⁷.

Важно подчеркнуть, что упомянутая в статье Вежбовская — та самая, которая до начала войны организовала в городе нелегальную польскую школу. Также следует заметить, что 150 детей для

Новогрудка — это довольно большая цифра, и в число этих учеников должны были входить не только католики. Союз привлекал детей православного и мусульманского исповеданий бесплатной учебой и дармовым питанием. Десять учителей для городских и деревенских школ были выписаны союзом из Вильны¹¹⁸. Всего в уезде, по сведениям польских авторов, за время оккупации было основано 14 польских школ¹¹⁹.

Кроме образовательной деятельности союз организовывал и культурные мероприятия. Например, в конце 1916 г. организация провела богослужение и памятный вечер в честь умершего польского писателя Генрика Сенкевича. Мероприятие закончилось пением польского национального гимна и польских песен¹²⁰.

На деятельность союза не могли не обратить внимание белорусские национальные активисты. Соответствующая статья вышла в газете «Номан» в августе 1917 г.¹²¹ В ней белорусский корреспондент описывает «школьный кризис», который, по его мнению, происходит в городе:

«...от второй половины 1915 г. аккуратная школьная жизнь не могла долго наладиться по причине недостатка школьных книжек. <...> Немецкие власти... держатся мнения, что нельзя допускать, чтобы одна национальность врывалась в сферу другой. В нашем городе отношения ясные: 84% белорусов, 12,3% евреев, 1,7% поляков»¹²².

Здесь надо подчеркнуть, что автор статьи приводит данные не по самому городу, где, конечно же, преобладало еврейское население, а по всему уезду, где доминировали белорусы. Из этого он делает следующий вывод:

«Более всего нужны белорусские школы. Так скажет любой, кто умеет правильно думать — кроме поляков, которые не считаются с фактами, а везде в нашем Крае ищут способ для расширения своей национальности. <...> И немецкие власти справедливо отказали выполнить просьбу Союза, который хотел вести скрытую польскую политику. Наоборот: планируется послать в Новогрудок несколько закончивших учебу в Свислоче белорусских учителей»¹²³.

Как видно из этой цитаты, борьба за школы, характерная для спорных регионов Обер Оста, присутствовала и в Новогрудке. Нужно отметить, что эта борьба в городе тянулась до конца существования Второй Польской Республики. Трудно сказать, действительно ли немецкие власти отказали полякам, учитывая, что автор статьи

в одном месте подает некорректную информацию. Впрочем, по информации журнала “Kultura Polska”, польские школы в Новогрудском уезде открывались только в католических деревнях, в то время как немецкие власти старались направить белорусских учителей из Свислочской семинарии в православные деревни¹²⁴.

Исходя из сведений, приведенных в газетах “Kultura Polska” и “Номан”, можно предположить, что немецкие власти в новогрудской зоне оккупации использовали религию как основной маркер национальности, где католик (даже белорусскоязычный) обычно считался поляком, а православный — белорусом. Такая позиция являлась своего рода компромиссом, проявлением нейтральности: польские активисты свободно действовали в католических деревнях, но их деятельность не приветствовалась в православных поселениях, где приоритет отдавался белорусским деятелям.

В самом же городе в 1916 г. для белорусов открылись только два подготовительных класса русскоязычной гимназии. Объясняется это острым недостатком белорусских педагогических кадров в городе. Настоящую гимназию (хоть и смешанную — русско-белорусскую) в Новогрудке открыли лишь в 1919 г., уже при польской власти¹²⁵.

Белорусские активисты Новогрудка также влились в деятельность Белорусской Народной Республики. Представители от города вместе с другими делегатами из провинции посетили Народный секретариат БНР 3 апреля 1918 г. Между городскими представителями и секретариатом был налажен контакт, и уже 21 апреля делегаты от Новогрудского уезда принимали участие в заседании Рады БНР¹²⁶.

Еврейское население Новогрудка также использовало те возможности для культурной и образовательной деятельности, которые предоставлял оккупационный режим. Как уже упоминалось выше, для сборов пожертвований еврейская община участвовала в цветочных днях, а также организовывала публичные мероприятия для солдат и горожан — например, спектакли и концерты¹²⁷. Одним из значимых достижений еврейской общины Новогрудка было открытие приюта для сирот, число которых сильно выросло вследствие военных действий. Свидетели открытия приюта вспоминают:

«В сентябре 1917 г. было решено открыть приют. <...> Ответственный немецкий офицер дал согласие на проект. <...> 28 ноября 1917 г. была праздничная церемония открытия приюта, на который

присутствующие пожертвовали 4825 марок. <...> Бюджет приюта пополнялся из взносов, пожертвований, помощи немецкой администрации, разных спектаклей, мероприятий и лотерей»¹²⁸.

В том же 1917 г. еврейская община Новогрудка основала сионистский спортивный клуб «Макабби»¹²⁹. Как и другие национальные группы в городе, евреи развивали свою образовательную систему. Новая школа, где обучали ивриту, открылась уже после эвакуации немецкой армии — в 1919-м¹³⁰.

Конец немецкой оккупации Новогрудка не был спокойным. Польские источники сообщают, что после создания революционных солдатских советов (*Soldatenrat*) немецкие военные начали распро­давать армейское имущество и сбегать в Германию, оставляя бывшие территории Обер Оста наступающим вооруженным силам большевиков. В конце декабря 1918 г. последний отдел немецких «гусаров смерти» заставил городские власти передать им контрибуцию в размере нескольких тысяч марок под угрозой поджога города¹³¹. Вероятный участник этих событий, один из отступающих гусаров, упоминает ожесточенные уличные бои в Новогрудке между немецкими и большевистскими отрядами. В результате сторонами было сожжено несколько домов и конюшен¹³². Тем не менее можно сказать, что город непосредственно от военных действий в Первую мировую войну пострадал не слишком сильно.

Можно сделать несколько основных выводов относительно того, какие изменения произошли в жизни Новогрудка за первые 4 года войны. Некоторая специфика Новогрудка по сравнению с большими городами региона была вызвана его провинциальным, местечковым характером.

В первую очередь, значительно повлияла на город мобилизация. Несмотря на то что из самого города в 1914 г. было призвано лишь 60 чел., мобилизация по уезду ухудшила продуктивность сельского хозяйства и, соответственно, обеспеченность города продовольствием. Из-за этого местные власти прилагали значительные усилия, оказывая помощь семьям мобилизованных крестьян. Мобилизация профессионалов, в частности врачей, также негативно повлияла на жизнь города.

Как и во многих других городах империи, мобилизация была сопряжена с волнениями, особенно на призывных пунктах. Тем не менее в Новогрудке эти волнения не вылились в еврейские погромы,

в отличие от других городов и местечек в черте оседлости. Это можно объяснить тем, что еврейская община в городе была достаточно сплоченная и, скорее всего, учла и использовала свой опыт 1905 г. и доверенных призывов.

Учитывая отдаленность Новогрудка от губернских центров и железной дороги, отсутствие собственной газеты и телефонной сети, начало войны вызвало особенную насыщенную атмосферу слухов, домыслов и паники в обществе. Даже представители городской власти были подвержены ее влиянию. С другой стороны, недостаток информации означал недостаток пропаганды, опять же по сравнению с большими городами.

Работа городских властей в целом значительно поменяла приоритеты. Основными направлениями стала помощь семьям солдат, в т. ч. организация благотворительных сборов, помощь действующей армии и беженцам.

Непосредственно на жизни горожан отразилась и общая неблагоприятная ситуация в экономике. Цены на продукты и товары поднимались, появились дефицит и спекуляция, с которыми пытались бороться власти. Вдобавок к этому был введен сухой закон, который особенно негативно отразился на торговцах спиртным и владельцах питейных заведений.

В конце концов, по своему желанию и следуя приказам властей, значительное количество населения Новогрудка и всего уезда, в первую очередь русские и православные вообще, вынуждены было покинуть свои дома и стать беженцами. Возвратиться они смогли лишь после окончания войны, а многие так никогда больше не увидели родной город. Беженство основательно изменило баланс национальных групп в городе. Русские практически исчезли как разряд горожан. Доля белорусов в населении также снизилась, что сыграло свою роль в событиях 1919–1921 гг.

Оставшимся 60% новогрудчан пришлось приспособливаться к реалиям немецкой оккупации. Разруха и голод, вызванные военными действиями и реквизициями, делали жизнь в городе все тяжелей, из-за чего городские общины прилагали дополнительные усилия в гуманитарном направлении.

Оккупация Новогрудка германскими войсками принесла действительно новый порядок во всех сферах. Эксплуатация природных и сельскохозяйственных ресурсов, живой силы соседствовала

с некоторой модернизацией инфраструктуры. Хотя она была проведена для краткосрочных военных целей, многие ее элементы остались действующими на долгие годы. Например, железнодорожная ветка Новоельня — Новогрудок просуществовала до 1960-х гг.

Культурная политика немецких генералов глубоко повлияла на характер новогрудского общества. Еврейская община, например, стала на траекторию активного развития. Как приют, так и школа и спортивный клуб активно действовали в межвоенном Новогрудке. После войны начали активно создаваться профессиональные союзы, банки, благотворительные организации и т. д.

Благодаря немецкому «карт-бланшу» на культурную национальную работу в Новогрудке усилилось соперничество между двумя национальными проектами за лояльность местного населения. Именно во время немецкой оккупации белорусские и польские активисты из Новогрудка столкнулись напрямую в борьбе за контроль над школьным образованием в уезде. Позже обе группы сделали Новогрудок важным центром своего национального проекта: для поляков — государственного и колонизаторского (цивилизаторского), для белорусов — революционно-освободительного.

Примечания

¹ Обзорь Минской губерніи за 1913 г. Минск: Издание Минскаго губернскаго статистическаго комитета, 1914. С. 72.

² Памятная книжка Минской губерніи на 1915 г. Минск: Издание Минскаго губернскаго статистическаго комитета, 1914. С. 179.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ *Uris Wm. Memoirs from before the First World War* // Pin as Na aredo : Memorial Book. Tel-Aviv, 1963. URL: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/Novogrudok/Novogrudok.html#ТОС>.

⁷ *Ibid.*

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Демоскоп Weekly (сайт). URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=777.

⁹ Обзорь Минской губерніи за 1913 г. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 47, 50.

¹¹ Памятная книжка Минской губерніи на 1915 г. С. 183–184.

¹² *Макрушыч А.* Адукацыя на Навагрудчыне ў 60-х гадах XIX — пачатку XX ст.: здабыткі і праблемы // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Мінск: УП «Рыфтур», 2010. С. 207.

¹³ Обзорь Минской губерніи за 1913 г. С. 60.

- ¹⁴ Памятная книжка Минской губернии на 1915 г. С. 188.
- ¹⁵ *Якоўская В.* Канфесійнае жыццё Навагрудчыны ў канцы XIX — пачатку XX ст. // Людзі і ўлада Навагрудчыны: гісторыя ўзаемадзеяння (да 500-годдзя надання Навагрудку прывілея на магдэбургскае права): зборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларускае навука, 2013. С. 267.
- ¹⁶ *Ibid.* С. 270.
- ¹⁷ Novogrudok // Pinkas Hakehillot: Polin. Vol. 8 / Sh. Spector (ed.). Jerusalem: Yad Vashem, 2005. P. 430–437; English translation: Encyclopedia of Jewish Communities, Poland. Vol. 8. URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/pinkas_poland/po18_00430.html.
- ¹⁸ Обзорь Минской губернии за 1913 г. С. 60.
- ¹⁹ Novogrudok // Pinkas Hakehillot.
- ²⁰ *Уцучак А.* Навагрудчына на старонках «Нашай Нівы» (1906–1915 гг.) // Людзі і ўлада Навагрудчыны. С. 279.
- ²¹ *Макрушыч А.* Op. cit. С. 208.
- ²² Все даты, кроме размещенных в цитатах, — по новому стилю.
- ²³ НИАБ (Национальный исторический архив Беларуси). Ф. 295-1-85916. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Л. 65.
- ²⁵ Там же. Ф. 22-1-1207. Л. 136р.
- ²⁶ Гісторыя Навагрудка — з глыбінь вякоў да нашых дзен = История Новогрудка — из глубин веков до наших дней / ред. М. П. Касцюк. Мінск: Белстан, 2014. С. 368.
- ²⁷ *Uris Wm.* Op. cit.
- ²⁸ НИАБ. Ф. 295-1-85916. Л. 210–211.
- ²⁹ Там же. Л. 212.
- ³⁰ НИАБ. Ф. 295-1-85916. Л. 122.
- ³¹ Там же. Л. 123.
- ³² Там же. Л. 265.
- ³³ Там же. Л. 187.
- ³⁴ *Рудовіч С. С.* Царская палітыка барацьбы з так званым «нямецкім засіллем» у 1914–1917 гг. // Архіўныя чытанні I–III: мат.-лы навук. канф. Мінск 2003–2005 гг. Мінск: РІВШ, 2006. С. 152.
- ³⁵ *Мазеў В.* Навагрудчына у час Першай сусветнай вайны // Людзі і ўлада Навагрудчыны. С. 290–291.
- ³⁶ *Рудовіч С. С.* Царская палітыка. С. 153.
- ³⁷ *Ibid.* С. 153–154.
- ³⁸ *Мазеў В.* Op. cit. С. 291.
- ³⁹ НИАБ. Ф. 295-1-8593. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Л. 58, 62.
- ⁴¹ Там же. Ф. 295-1-85916. Л. 363.
- ⁴² Вѣстникъ Минскаго губернскаго земства. Минскъ, 1915. № 5. С. 36.
- ⁴³ НИАБ. Ф. 306-1-56. Л. 1–2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2г. 9.
- ⁴⁵ Nasza Niwa: Pierszaja bielarus. hazeta z rysunkami: wychodzić raz u tydzień polskimi i ruskimi literami. Wilnia, 1914. № 43. С. 3.
- ⁴⁶ Вѣстникъ Минскаго губернскаго земства. 1914. № 9, 53.
- ⁴⁷ НИАБ. Ф. 306-1-72. Л. 35.
- ⁴⁸ Вѣстникъ ... 1914. № 8. С. 2; № 4. С. 42–43.
- ⁴⁹ НИАБ. Ф. 22-1-1207. Л. 135.

- ⁵⁰ Там же. Ф. 22-1-1240. Л. 8.
- ⁵¹ Там же. Ф. 22-1-1207. Л. 135.
- ⁵² Там же. Ф. 22-1-1240. Л. 45.
- ⁵³ Там же. Ф. 22-1-1207. Л. 142.
- ⁵⁴ Минскія епархіяльныя вѣдомости. Минск, 1914. № 17. С. 275–276.
- ⁵⁵ Там же. 1915. № 5. С. 135–136.
- ⁵⁶ НИАБ. Ф. 511-1-7. Л. 31, 34.
- ⁵⁷ Там же. Л. 207.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 511-1-4. Л. 364.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 511-1-7. Л. 212.
- ⁶⁰ *Rudović S.* Этнічныя супольнасці Беларусі у палітыцы царызму перыяду Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 — люты 1917) // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Мінск: Деполіс, 2001. С. 179.
- ⁶¹ НИАБ. Ф. 22-1-1207. Л. 135.
- ⁶² Там же. Л. 135г.
- ⁶³ Доклады Четвертому очередному Новогрудскому уѣздному земскому собранию: Часть 2-я. Барановичи: Новогрудская уѣздная земская управа, 1914. С. 22–23.
- ⁶⁴ Там же. Часть 1-я. С. 47.
- ⁶⁵ Там же. Часть 2-я. С. 9.
- ⁶⁶ НИАБ. Ф. 22-1-1207. Л. 136г.
- ⁶⁷ Вѣстникъ Минскаго губернскаго земства. 1915. № 7. С. 31.
- ⁶⁸ Там же. 1914. № 8. С. 45.
- ⁶⁹ *Belarus: Tydniowaja Katalickaja Hazeta.* Wilnia. 1914. № 50.
- ⁷⁰ *Ibid.* 1915. № 5.
- ⁷¹ Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. документов. Минск: Беларусь, 2014. С. 71–72.
- ⁷² НИАБ. Ф. 22-1-1240. Л. 55.
- ⁷³ Беларусь в годы Первой мировой войны. С. 135.
- ⁷⁴ НИАБ. Ф. 21-1-140. Л. 18.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 22-1-1240. Л. 57г, 59.
- ⁷⁶ Гісторыя Навагрудка. С. 372.
- ⁷⁷ *Slutsky Y., Weiss A.* Novogrudok // *Encyclopaedia Judaica / M. Berenbaum (ed.), F. Skolnik (2nd ed.). Vol. 15.* Detroit: Macmillan Reference USA, 2007. P. 321–322.
- ⁷⁸ *Romer E.* Spis Ludności Na Terenach Administrowanych Przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919). (Prace Geograficzne Wydawane Przez Eugenjusza Romera, VII). Lwów; Warszawa: Książnica Polska T-Wa Naucz. Szkół Wyższych, 1920. S. 25.
- ⁷⁹ *Ляхоўскі У.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.). Вільня; Беласток, 2010. С. 39.
- ⁸⁰ Вольная Беларусь. Мінск, 1917. № 9.
- ⁸¹ *Romer E.* Op. cit. S. 39.
- ⁸² Обзорь Минской губернии за 1913 г. С. 73.
- ⁸³ *Трацяк С.* Наваградчына ва ўмовах войн, рэвалюцый і інтэрвенцый (1917–1921 гг.) // Наваградчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы. С. 234.
- ⁸⁴ *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй // Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. С. 507.
- ⁸⁵ Вольная Беларусь, 1917. № 9. С. 2.

- ⁸⁶ *Żmigrodzki J.* Nowogródek i Okolice. Wilno: Luz, 1931. S. 17.
- ⁸⁷ Dziennik Wileński. Wilno, 1916. № 266.
- ⁸⁸ *Ляхоўскі У.* Op. cit. С. 92.
- ⁸⁹ *Номан*: bielaruskaja wilenskaja czasopis = Гоман: белорусская виленская часопісь. Wilnia, 1916. № 13.
- ⁹⁰ Гісторыя Навагрудка. С. 376.
- ⁹¹ *Novogrudok: The History of a Jewish Shtetl / J. Kagan (comp.).* London: Vallentine Mitchell, 2006. P. 49.
- ⁹² Гісторыя Навагрудка. С. 374.
- ⁹³ Вольная Беларусь. 1917. № 19.
- ⁹⁴ Гісторыя Навагрудка. С. 376.
- ⁹⁵ *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 113–114.
- ⁹⁶ *Żmigrodzki J.* Op. cit. S. 17.
- ⁹⁷ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 23.
- ⁹⁸ *Ibid.* 1916. № 23.
- ⁹⁹ *Ibid.* 1916. № 16, 23.
- ¹⁰⁰ Гісторыя Навагрудка. С. 374.
- ¹⁰¹ *Żmigrodzki J.* Op. cit. S. 17.
- ¹⁰² *Novogrudok: The History of a Jewish Shtetl.* P. 41.
- ¹⁰³ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 25.
- ¹⁰⁴ Zeitung der 10. Armee. Wilna, 1915. № 565.
- ¹⁰⁵ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 2.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* 1916. № 1.
- ¹⁰⁷ *Ibid.* 1916. № 5.
- ¹⁰⁸ *Rabina M.* Music in Novogrudok // Pinčas Nayaredok: Memorial Book. Tel-Aviv, 1963. P. 146. URL: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/Novogrudok/Novogrudok.html#ТОС>.
- ¹⁰⁹ *Liulevicius V. G.* Op. cit. P. 113.
- ¹¹⁰ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 16.
- ¹¹¹ *Ibid.* 1916. № 26.
- ¹¹² *Ibid.* 1916. № 7.
- ¹¹³ *Ibid.* 1916. № 15.
- ¹¹⁴ *Ляхоўскі У.* Op. cit. С. 76, 250–262.
- ¹¹⁵ *Ibid.*
- ¹¹⁶ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 15.
- ¹¹⁷ Dziennik Wileński. 1916. № 266. S. 2.
- ¹¹⁸ *Ляхоўскі У.* Op. cit. С. 116.
- ¹¹⁹ *Żmigrodzki J.* Op. cit. S. 17.
- ¹²⁰ Dziennik Wileński. 1916. № 266. S. 2.
- ¹²¹ *Ibid.* 1917. № 70. S. 2.
- ¹²² *Ibid.*
- ¹²³ *Номан*. 1917. № 70. S. 2.
- ¹²⁴ Вольная Беларусь. 1917. № 9. С. 2.
- ¹²⁵ *Вабішэвіч А.* Беларуская гімназія ў Навагрудку // Навагрудскія Чытанні. Вып. IV. Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 1996. С. 74.

¹²⁶ Гісторыя Навагрудка. С. 376–377.

¹²⁷ Nowogrodeker Kriegszeitung. 1916. № 27.

¹²⁸ The History of the Orphanage // Pinḳas Nayaredoḳ: Memorial Book. Tel-Aviv, 1963. P. 154. URL: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/Novogrudok/Novogrudok.html#TOC>.

¹²⁹ Novogrudok // Pinkas Hakehillot.

¹³⁰ Novogrudok: The History of a Jewish Shtetl. P. 60.

¹³¹ *Żmigrodzki J.* Op. cit. S. 17–18.

¹³² *Ostendorf G.* Kriegerlebnisse Aus Dem 1. Weltkrieg (27–29.12.1918). S. 43. URL: http://www.stadt-land oldenburg.de/i_weltkrieg.htm.

Олена Бетлій

Київ — город проблемных идентичностей

В 1802 г. на берегу Днепра, у подножия Александровской горы, «усердием Киевского гражданства за утверждение прав древних сея столицы Всероссийским Императором Александром I» поставили памятник «Святому Владимиру Просветителю Руси». Это был первый киевский памятник св. Владимиру. Последующая его судьба могла бы стать красноречивой иллюстрацией к истории идеологизации киевского пространства в XIX и XX вв. Так, поставленный на месте крещатицкого источника, он превращается в место ежегодного паломничества — крестного хода из Софийского собора 15 июля. К середине XIX в. в связи с перепланировкой горы и обустройством линии Днепра он переживает свой период забвения и возвращается в ритуальные практики киевлян в 1860-х, но уже с новой приставкой к своему названию — «нижний памятник св. Владимиру»¹. В советские времена он утрачивает не только свои составляющие — крест, часовню и чашу с источником, но также имя. Теперь это памятник Магдебургскому праву. Под таким названием он вписан в ментальные карты киевлян и туристические пункты сегодня.

© Олена Бетлій, 2017

Олена Бетлій — доцент Национального университета «Киево-Могилянская академия».

Примечательна эта история тем, что, стирая из памяти первоначальное функциональное значение памятника, советская власть в новом названии увековечила память о практиках киевлян начала XIX в. И практики эти базировались на полученных согласно Магдебургскому праву привилегиях. Николай Закревский описал этот сюжет так: «По поводу постройки этого памятника в Полном Собрании Законов находится, от 7 ноября 1802 г., Высочайший указ, данный Киевскому военному губернатору Феншу, следующего содержания: „Сколько приятно Мне было видеть знак усердия, изъявленного Киевскими гражданами в сооружении памятника Святому и Равноапостольному Великому Князю Владимиру, особенно по уважению моему к главной и благочестивой мысли сего памятника, столько крайне был Я удивлен, что о предположении сем от вас предуведомлен Я не был. Здания сего рода столько сами по себе важны, что не могут быть начинаемы с единого ведома местного начальства; и долг онаго весьма по мнению Моему ясный, есть доносить о них предварительно высшему Правительству. Я узнал о сем единственно из отношения вашего к бывшему генерал-прокурору, на сих только днях к сведению Моему дошедшему. Поставляя сие особенно вам в замечание, Я тем не менее отдаю справедливость доброму намерению Киевских граждан, и особливо за назначение ими построить богадельню в пользу страждущего человечества, поручаю вам изъяснить за сие Мою им признательность“. Вскорости после этого Высочайшего замечания на место Андрея Семеновича Фенша назначен был генерал Тормазов...»²

Таким образом, коллизия, связанная с реализацией инициативы киевских граждан, указывает на различное понимание управленческих стратегий, которых придерживались в Киеве, и тех, которые были свойственны Петербургу. Указывает она и на разную политическую культуру, в контексте которой определялось пространство этих городов. О том, насколько чувствительна была разница, писал годы спустя в своей книге о Киеве Иван Фундуклей, гражданский губернатор в 1839–1852 гг.: «Устройство на этом основании городов нынешнего Западного и Юго-Западного края России весьма различествовало от устройства великороссийских городов, и между тем как учреждения последних несколько раз изменялись, первые долго сохраняли коренные свои уставы во всей их силе, и следы их заметны даже и в нынешнем населении Киевских городов. Поэтому

считаем не излишним объяснить здесь сущность старинного городского устройства по привилегиям и по Магдебургскому праву, известному многим только по имени... Такой порядок, по крайней мере, в наружных его формах, существовал в Киеве до 1835 г., когда Магдебургское положение отменено и городское управление устроено по общим учреждениям русских городов»³.

Поставленный в 1802 г. памятник св. Владимиру, по сути, стал первым и единственным местом-маркером, указывающим на конфликт различных традиций самоуправления в Киеве в XIX в. Все последующие значимые здания и памятники возводились при длительном согласовании с российскими императорами и с их повеления, а самая грандиозная перестройка Киева в 1830–1850-х гг. вообще происходила под практически непрерывным контролем со стороны Николая I⁴. Однако хотелось бы подчеркнуть, что на 1914 г., о котором ниже пойдет речь, история развития Киева, согласно правилам «управления великороссийских городов», насчитывала всего лишь несколько десятилетий, что было ничтожно малым сроком по сравнению с традицией Магдебургского права, ведущей свое начало в городе с XV в. Этот факт, как мне кажется, вытеснен доминирующим на сегодня дискурсом памяти о Киеве XIX в., определяющимся анализом корпуса текстов, конструирующих образ Киева как «матери городов русских»⁵, и не принимающим во внимание пошаговое исследование истории киевского самоуправления в течение всего XIX в. В результате мы не просто получаем наполненную смысловыми и фактографическими разрывами историю Киева, но также можем говорить о вполне искривленном представлении о всепроникающем русском характере города к началу Первой мировой войны⁶. Такая точка зрения приводит к вполне логичному тупику, когда речь заходит об объяснении событий 1917 г. и поиске ответов на вопрос, как так получилось, что в «русском Киеве» оказалась возможной украинская революция и провозглашение независимой Украинской Народной Республики.

С другой стороны, вследствие такого отношения к истории города утрачивается, как мне кажется, и понимание того, чем в первую очередь был Киев для императорского двора. Сохранились довольно подробные описания императорских визитов в город, которые помогают составить ментальную карту императорского Киева, например на основе последнего визита Александра III 16–19 августа 1885 г.

Состоит она из таких пунктов, как вокзал, Софийский собор, царский дворец, институт благородных девиц, благотворительные заведения, Александровская больница, 1-я мужская гимназия, Лавра, плацдарм на Сырце, пароходная поездка по Днепру, смотр маневров и посещение женских учебных заведений и детских приютов, городского театра⁷. Организация таких визитов лежала на плечах генерал-губернатора, к торжественным ритуальным мероприятиям (приветствие на вокзале, завтраки, обеды, сопровождение, провозание) допускались высшие гражданские и особенно воинские чины, высшие духовные особы. Таким образом, во время указанных визитов Киев превращался в выставку императорских объектов и декораций в русском стиле⁸, где каждый объект показывался индивидуальным составом участников по хорошо изученному сценарию. При этом общение осуществлялось между императорским домом, назначенными им в Киев высшими чинами и представителями народа, о котором демонстративно пекся императорский дом. Отсутствовала здесь главная прослойка города — собственно те, кто сам город развивал и определял его повседневный характер. Возникает вопрос: чем тогда, если не колонией, на которую распространялась имперская политическая культура посредством русскоязычного культурного пласта, был в это время Киев для Петербурга? При этом я сознательно избегаю рассмотрения этого процесса сквозь призму «русификаторской политики», которая не передает, как мне кажется, основного, т. е. того, что разница в политических культурах Киева начала и конца века лежала не столько в языковом, сколько в ценностном, правовом, пласте.

Рассматривая Киев в контексте колониального дискурса, можно объяснить и формирование состава населения города. Если в 1874 г. в городе насчитывалось 127 251 чел.⁹, то в 1897 г. — 247 723. За счет каких слоев увеличивалось население города? Согласно переписи 1897 г., четко выделялись четыре основные группы: по языковому принципу — великороссы (134 277), малороссы (55 064), поляки (16 579)¹⁰, по вероисповеданию можно вычленил четвертую группу — иудеи¹¹ (31 801)¹². При этом великороссы значительно преобладали в таких группах населения, как дворяне, лица духовного звания, купцы, мещане¹³, а также среди грамотного населения города¹⁴. Следует отметить, что в Киевской губернии распределение по языковому принципу в процентном соотношении было следующим: малороссийский — 79,21 %, еврейский 12,10 %, великорусский 5,89 %, польский

1,93% и др., которые насчитывали меньше 1% жителей¹⁵. Соответственно урбанизация происходила не за счет местного сельского населения. Об этом говорят и следующие цифры. Согласно переписи, количество местных уроженцев среди киевлян равнялось 79972; выходцев из других уездов Киевской губернии было 44721 чел. Наибольшей же была группа выходцев из других губерний — 119814 (мужчин 71408, женщин 48406)¹⁶. О том, что население города пополнялось за счет приезжих жителей, говорят и данные последующего после переписи десятилетия. Так, 1906 г. указывался как год, когда «чистая прибывль вселившегося населения достигла в Киеве небывалой до сегодня цифры — 31,5 тыс. человек»¹⁷.

Мы не можем, вследствие отсутствия достаточного количества источников¹⁸, однозначно утверждать, что бюрократическая прослойка города была представлена преимущественно выходцами из великорусских губерний, однако мы все же можем подчеркнуть следующую особенность развития Киева. Нельзя не заметить, что в Киеве складывалась характерная для европейских колониальных империй ситуация, когда даже выходцы из местной лояльной имперскому центру элиты оказывались за бортом центральных органов государственной власти. Так, высшие чины были представлены генерал-губернатором Треповым, киевским губернатором Суковкиным, главным начальником Киевского военного округа генерал-адъютантом Троцким — все они были ставленниками Петербурга, прибывшими в Киев по назначению. В начале войны состав представителей империи в Киеве пополнился еще одной важной фигурой — новоназначенным полицмейстером. Им стал коллежский советник Горностаев, бывший приставом городской части Москвы. До момента назначения на столь высокую должность в киевской иерархии власти его связывал с Киевом только визит их императорских величеств в город в сентябре 1911 г. Тогда он был командирован вместе с другими чинами московской полиции в распоряжение киевского губернатора¹⁹.

И только голова Киевской городской думы Ипполит Дьяков, происходивший из потомственных дворян Киевской губернии, был представителем уроженцев города. Стоит ли удивляться, что свое вхождение в структуры власти представители украинских партий в Киеве начали именно из баллотирования и прохождения в гласные Киевской городской думы в июле 1917 г. Однако, как известно, должность городского головы предполагала решение хозяйственных,

а не политических вопросов. Именно он вместе с гласными думы и членами городской управы заведовал делами городского хозяйства и управления в условиях, когда деятельность органов местного самоуправления согласно Положению от 1892 г. в значительной мере контролировалась губернатором.

Аполитичность и сосредоточение на жизни города хорошо просматриваются в материалах думы. Вместе с тем они предлагают отличный от официального, имперского, киевский дискурс. Этот дискурс не предполагал дискуссий о «Киеве — Иерусалиме земли русской» или «Киеве — матери городов русских», а предлагал увидеть в Киеве претендента на третью столицу в империи, город с большим хозяйственным потенциалом, муниципальный научно-деловой центр, который сможет организовывать городские съезды, промышленные выставки и создавать институты благоустройства. Кроме того, в перспективе Киев виделся как «центр умственного развития и торгово-промышленной жизни»: «В высших и средних учебных заведениях — богатство Киева, залог его будущего развития и роста. Ежегодно тысячи учащихся заполняют город; вместе с учащимися переселяются и их семьи», — или же: «благодаря тому что заграничные товары в Киеве будут стоить дешевле, сюда будут приезжать торгово-промышленники со всего обширного края. Появятся много новых магазинов, фабричных складов, агентур, представительств...»²⁰ Стоит подчеркнуть, что город не рассматривался как индустриальный центр. Для развития фабрично-заводской промышленности не хватало как финансового ресурса, свободных денег, так и квалифицированных рабочих. Вместе с тем следует отметить, что представители органов местного самоуправления достаточно грамотно определяли задачи развития города и указывали на все проблемы, связанные с реализацией поставленных задач. Так, в одном из отчетов читаем: «И если в доброе старое время, когда количество населения городов было ничтожно, компетенция городских управлений ограничивалась узкими задачами и целями, то в настоящее время с ростом городских поселений не только вопросы внешнего благоустройства, санитарии и т. д., но и вопросы общего экономического и культурного роста города потребовали своего разрешения... Стало истиной, что только тот город имеет шансы на развитие, где городское самоуправление разрешило вопрос, по какому пути направить свою деятельность». Соответственно основное внимание

уделялось вопросам благоустройства (канализация, водоснабжение, новые трамвайные линии и развитие общественного транспорта, закрытие канав, освещение, мостовые, борьба с наводнениями, озеленение), народного здоровья и образования, торговли. Понимая, что с вызовами урбанизации нельзя справиться, опираясь исключительно на собственные силы, в сентябре 1914 г. гласные реорганизовали орган думы — «Известия Киевской городской думы» — и превратили его в муниципальный журнал, в котором освещался опыт развития европейских и российских городов²¹.

Останавливаясь на структурах власти и особенностях развития города, следует также обратить внимание еще на одно событие времен начала войны — ликвидацию Киевского генерал-губернаторства. Соответствующее решение Совета министров было утверждено указом Николая II от 10 октября 1914 г. Считалось, что входящие в генерал-губернаторство губернии уже достаточно инкорпорированы в систему юридических и политических отношений в Российской империи, а поэтому не требовали обособленного статуса. Кроме того, институт губернатора с каждым годом усиливал свое влияние в сфере администрирования соответствующей территории в обход генерал-губернатора²². Таким образом, Петроград больше не нуждался в институте генерал-губернатора для управления Киевской, Волынской и Подольской губерниями. К тому же функции военного и гражданского контроля передавались главному начальнику Киевского военного округа (КВО). Об этом сообщалось киевскому губернатору в телеграмме от министра внутренних дел Маклакова 19 июля 1914 г.: «Киевская губерния с 18 июля включается в состав территории военных действий и с того же числа объявляется на военном положении, причем все гражданское управление губернии подчиняется главному начальнику Киевского военного округа, до образования же названного военного округа, о чем последует особое распоряжение военному министерству, права главного начальника военного округа присваиваются местному командующему войсками. Распубликованию подлежит только распоряжение о введении военного положения без указания на порядок подчинения и военный округ»²³. Соответствующий указ Николая II о введении военного положения и подчинении гражданского управления местностей, объявленных на военном положении, главным начальникам военных округов киевские газеты опубликовали 22 июля²⁴.

На практике переход на военное положение означал переподчинение гражданских институтов — канцелярии губернатора и органов местного самоуправления — главному начальнику КВО. Что же касается жизни самого города, то можно сказать, что Киев почувствовал бремя войны уже в середине июля 1914 г., когда и начал превращаться в полноценный «домашний фронт». Постановлением Совета министров 13 июля было введено в действие положение о подготовке к войне, а 17 июля была объявлена мобилизация Киевского военного округа. В последующие несколько недель город переживал то, что можно назвать «милитаризацией городского пространства». Тысячи призванных нижних чинов запаса следовали на сборные пункты переполненными трамваями, бродили по улицам и базарам. Полиции было поручено максимально эффективно наводить порядок, бороться со скупщиками воинского обмундирования, пресекать агитаторов и сплетников в местах большого скопления людей. Нередко блюстителями порядка становились и сами горожане. Случалось, что совместные поездки гражданских и военных лиц в городском трамвае заканчивались конфликтами, когда штатские старались призвать к порядку, а нередко и пристыдить толпу только что призванных²⁵. Образумить население пыталась и киевская власть. Однако и ее усилия по успокоению масс, прекращению манифестаций были тщетны. 19 июля в газетах опубликовали правительственное сообщение с дополнительным обращением киевского губернатора Суковкина: «Непрекращающиеся повсеместно манифестации, все более многочисленные и происходящие даже в ночное время, побуждают правительство, вполне разделяющее этот патриотический порыв, вновь обратиться к населению с призывом соблюдать спокойствие и сдержанность и избегать проявлений возбужденного народного чувства, которые могут только осложнить создавшееся положение. Объявляя об этом населению города Киева, я уверен, что граждане сознают всю серьезность данного момента, переживаемого Россией, и, следуя призыву правительства, отрешатся от каких бы то ни было проявлений, нарушающих спокойное течение жизни»²⁶. Такие сообщения скорее указывают на довольно массовую поддержку правительства в Киеве, что, в свою очередь, подвергает сомнению тезис Ганнеса Лайдингера о том, что «„ура-патриотизмом” в начале Первой мировой войны», несмотря на все усилия, «перенялись лишь небольшие слои местного населения»²⁷.

Вместе с тем с колес организовывались киевские комитеты Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ), а также обустраивалось управление главноуполномоченного Российского общества Красного Креста (РОКК) при армиях ЮЗФ и подведомственных ему частях и тыловых учреждениях на территории округа. Именно в составе этих организаций киевляне смогли оказывать помощь раненым и больным офицерам и нижним чинам, прибывающим в Киев, заниматься благотворительностью, а также решать другие вопросы, вызванные войной. Я не буду здесь детально останавливаться на этой стороне киевской жизни, так как она требует отдельной публикации. Приведу только одно из описаний, указывающих на новый характер города: «Киев представляет собой крупнейший тыловой и первый приемный пункт для больных и раненых армий Юго-Западного фронта. До 19 октября через Киев прошло 70 000 раненых, в круглой цифре. Проходили они волнами, периодами, в количестве от 2000 до 3000 каждые сутки, в моменты наибольшего подъема. Вместе с тем Киев есть крупнейший медицинский центр: в нем сосредоточена деятельность всероссийских организаций, развернувших здесь, вместе с военным ведомством, 117 лечебных заведений, к которым кроме местных привлечены выдающиеся силы других городов»²⁸. До конца войны усилия РОКК и организаций, главным образом ВЗС и военного ведомства, будут направлены на то, чтобы Киев функционировал как эффективный эвакуационный и сортировочный пункт, принимающий и распределяющий в первую очередь раненых, с поздней осени 1914 г. военнопленных, а с мая до декабря 1915 г. еще и беженцев из Галиции и Царства Польского.

Мобилизационный период также ознаменовался чередой указов, вносящих новые ограничения и правила. Закрытие магазинов в праздничные дни, введение ограничений на продажу бензина и смазочных материалов, реквизиция товаров для нужд фронта (напр., биноклей), воинско-автомобильная повинность, использование городских учреждений для нужд армии *etc.*²⁹ Однако самым ощутимым для горожан оказалось следующее постановление генерал-губернатора Трепова 3 августа 1914 г.: «Воспрещается провоз, пронос и водворение в места расположения действующих армий, а равно продажа как воинским чинам, так и отдельным воинским частям всех крепких напитков без специального на то разрешения воинского начальства.

Воспрещается провоз, пронос и хранение денатурированного спирта лицами, не имеющим разрешения акцизного ведомства на пользование таковым в районе действующих армий. Лица, виновные в нарушении настоящего обязательного постановления, подвергаются в административном порядке взысканию штрафа до 3000 рублей или заключению в тюрьме или крепости до 3 месяцев по предварительной конфискации всех задержанных при них крепких напитков для немедленного их уничтожения»³⁰. Этот запрет, с одной стороны, повлек за собой закрытие многих киевских лавок, опечатывание погребов в ресторанах, разорение торговцев крепкими напитками. С другой стороны, его непосредственным результатом стала нелегальная торговля денатурированным спиртом, с которой чины киевской полиции безуспешно пытались бороться в течение всего периода войны. Еще одним следствием этого запрета было увеличение количества «внезапных смертей» от отравления некачественными заменителями спирта³¹.

Таким образом, в первые месяцы войны перед властями в Киеве стояла задача как можно эффективней и с наименьшими беспорядками провести мобилизацию, оградив жителей города от возможных эксцессов, вызванных скоплением нижних чинов запаса; а также использовать весь имеющийся в городе запас ресурсов для нужд армии. При этом уже в течение месяца стало понятно, что определенные указы нуждаются в корректировке и уточнении. И здесь уже в защиту интересов горожан вступала городская дума, добиваясь снятия ограничений в торговле *etc.*³²

Параллельно с этими мероприятиями, направленными на изъятие материальных ресурсов для нужд армий ЮЗФ, проводились и другие — уже в рамках т.н. «шпиономании». В категорию шпионов попадали праздношатающиеся личности, которые заводили разговоры с нижними чинами о роде службы, о месте дислокации или же негативно отзывались об императоре и империи *etc.*³³ Общество оказалось довольно бдительным, и часто люди сами сдавали полиции подозрительного случайного собеседника. Следствие над задержанными могло длиться годами. Надо сказать, что такой политический контекст способствовал развитию культуры доносов в городе. Киевские обыватели не только улавливали настроения времени, но пользовались ими для сведения счетов друг с другом. Показательным в этом отношении было дело прокурора Киевской судебной

палаты о жене австрийского офицера Людмиле Краус. Как указывалось в деле, «сотник 38 Донского казачьего полка Гумилевский в поданном им в Киевское губернское жандармское управление заявлении изложил, что проживающая в городе Киеве жена австрийского офицера Людмила Краус в средних числах ноября сего года во время беседы по поводу увольнения из учебных заведений детей австрийских подданных произнесла: „Безобразие и чем думает идиот, который сидит там наверху, это нужно быть последним мерзавцем, негодяем, чтобы всю бессильную злобу свою распространять и на детей“. Когда же жена Гумилевского, возмущенная поступком Краус, заметила ей „неужели у вас поворачивается язык говорить такие вещи на Государя императора, живя в России, облагодетельствованной ею и питаюсь ее хлебом“, Краус ответила „подумаешь благодетельство“, а затем добавила „еще посмотришь, что он запоет дальше, когда его расколотят, а это наверняка будет“»³⁴. Дело было прекращено за недостаточностью улик.

Приведенный пример интересен не только контекстом воспроизведенного и, очевидно, вымышленного диалога между персонажами дела, но и маркировкой еще одного потенциального «чужого»/«врага» в городской среде Киева — австрийских и германских подданных. Именно ими стали пополняться киевские тюрьмы уже к концу июля 1914 г. Задержанию подлежали все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет, а также другие личности, вызывающие подозрение. Только в августе пришло уточнение, что австрийские и германские подданные славянского происхождения не подлежат аресту и высылке³⁵. Таким образом, в первые месяцы войны Киев, как и Париж, Берлин или Лондон, получил своего «внутреннего врага»³⁶. Все учебные заведения города согласно распоряжениям обязывались доложить об имеющихся среди педагогов австрийских и германских подданных. Как правило, ими оказывались преподаватели немецкого языка. Однако в большинстве случаев учителя выказывали желание принять российское подданство и продолжить свою работу в учебном заведении. Также директора гимназий получали прошения от родителей учеников разрешить им посещать занятия, пока будет длиться процедура вступления в российское подданство³⁷.

Вместе с тем такая правительственная политика по отношению к австрийским и германским подданным на территории Российской империи способствовала самоорганизации соответствующих

национальных меньшинств, проживающих в империи. Показательным примером здесь служит история создания Чешской дружины в Киеве³⁸. С такой инициативой выступили представители комитетов чешских обществ, образованных в городах империи. Организация дружины из чешских добровольцев должна была стать особенным доказательством лояльности к Российской империи, наряду с демонстративным отказом от австрийского подданства и переходом в российское подданство. Примечательно, что военное ведомство довольно быстро отреагировало на чешскую инициативу. Уже 4 августа киевский губернатор получил телеграмму от замминистра внутренних дел Джунковского, в которой речь шла о том, что «по ходатайству чешских обществ в России намечено в скором будущем сформировать особые чешские войсковые части для действия против Австрии. Формирование намечается произвести в Киеве распоряжением Штаба Киевского Военного Округа. Деятельность по набору чехов-добровольцев и препровождению их в Киев возложена на уполномоченных чешских обществ, имеющихся в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве, с ответственностью этих обществ за политическую благонадежность добровольцев»³⁹. Однако на следующий же день, 5 августа, пришло уточнение предыдущего задания: «такое оповещение чешского населения не должно исходить непосредственно от губернского начальства, а всецело должно быть сделано через более влиятельных и надежных чехов, для чего Вашему Превосходительству надлежит принять особые меры к негласному их оповещению»⁴⁰. Более подробные инструкции о создании чешских добровольческих частей были даны начальнику штаба КВО 7 августа. В них подчеркивалось, что Киев выбран для этой задачи «как наиболее центральный их (чешский. — О. Б.) пункт с значительным чешским населением». «Киевское чешское общество» объявлялось «главным по своим функциям» среди других чешских организаций, поэтому все добровольцы должны были отправляться в его распоряжение. После этого Киевское чешское общество должно было составить списки добровольцев и вместе с удостоверениями о подаче прошений о принятии их в русское подданство передать их в штаб КВО. Всех признанных годными добровольцев надлежало сразу же зачислять на службу и на довольствие от казны и передавать в распоряжение лиц, которые будут назначены для формирования чешских добровольческих частей. Штабу КВО, в свою очередь, надлежало «определить число возможных

к формированию чешских частей и разработать точный расчет состава, в котором будут содержаться эти части... Из чехов-добровольцев надлежит сформировать исключительно пехотные части, причем им должна быть придана организация как в отношении численного состава этих частей и их подразделений, так и в смысле внутреннего устройства, применительно к соответствующим частям нашей армии. Пулеметных команд и команд связи для чешских добровольческих частей формировать не следует»⁴¹. Торжественное освящение знамени Чешской дружины состоялось на Софийской площади возле памятника Богдану Хмельницкому уже 28 сентября. Это событие освещалось детально не только газетой чехов, выходявшей в Киеве, — “Cechoslovan”, но и в других киевских газетах. Реализация чешской инициативы по созданию дружины в Киеве имела далеко идущие последствия для самого города. Со второй половины 1915 г. чехи, оказавшиеся в Дарницком изоляционно-пропускном пункте как австрийские военнопленные, будут заменять ушедших на войну киевлян в различных предприятиях Киева, а зимой 1918 г. окажутся теми, кому город доверит охрану наиболее важных для жизни города предприятий⁴².

Свои изменения произошли и в деятельности киевских поляков⁴³. В отличие от чехов, представители польских организаций сосредоточили свою деятельность не на создании добровольческих частей, а на организации помощи жертвам войны. Не углубляясь в проблематику решения польского вопроса в Российской империи во время войны и принимая во внимание, что она в значительной степени влияла на лояльность киевских поляков по отношению к империи, обращу внимание только на некоторые моменты. Во-первых, с началом войны изменяется риторика ежедневной польской газеты “Dziennik Kijowski”. Этого не мог не заметить председатель Киевского временного комитета по делам печати проф. Тимофей Дмитриевич Флоринский. Главный киевский цензор в годовом отчете за 1914 г. отметил: «большая ежедневная газета, по направлению близко прилегающая к программе польской народно-демократической партии (народовцы). Газета по-прежнему велась очень живо и с большим умением. Они внимательно следили за политической и культурной жизнью польского народа во всех трех государствах, между которыми разделена польская народность, и специально отстаивали интересы поляков Юго-Западного края, который многим публицистам газеты все

еще представляется краем по преимуществу польскими. Причисляя себя к „прогрессивным“ и „оппозиционным“ органам печати, в первой половине отчетного года нередко выражал, правда, в сдержанной форме, недоверие к правительству и законодательным палатам, но во второй половине года со времени обнародования воззвания к полякам Верховного главнокомандующего принял вполне лояльный тон и призывал весь польский народ к тесному единению с русской властью и русской армией. Одной из характерных особенностей газеты надо считать ее резкий антисемитизм, не спадавший и во время войны. Средний тираж печати повысился с 7000 до 9000 экземпляров»⁴⁴. Следует отметить также, что газета активно информировала о всех видах деятельности польского общества города и способствовала сбору пожертвований на различные инициативы по оказанию помощи жертвам войны. Среди таких инициатив был и сбор денег для польского госпиталя. Открыли его 24 сентября 1914 г. как земский госпиталь № 8, содержащийся на средства польского общества, по ул. Паньковская, 2. История госпиталя показательна тем, что, хотя госпитали во время войны превращаются в поле идеологической войны и как результат в них устанавливается максимальный контроль за всей литературой, которая попадает в руки раненых, госпиталю разрешается выписывать „Dziennik Kijowski“. Главврач пытался пойти еще дальше и получить разрешение «для чтения раненым солдатам книг на польском языке», поскольку «в вверенном мне госпитале имеется около 30 % поляков солдат»⁴⁵. Таким образом, уже в начале войны к таким польским местам Киева, как Александровский и Николаевский костелы, гостиницы и рестораны, которыми владели поляки, польский театр и польское гимнастического общества и др., добавился указанный польский госпиталь.

Совсем иначе сложилась судьба украинских организаций в Киеве. Уже в августе 1914 г. единственная украинская газета «Рада» была закрыта. Как вспоминал впоследствии Евген Чикаленко, издатель «Рады» и один из самых влиятельных украинских общественных деятелей того периода: «Украинская жизнь в Киеве во время войны почти затихла: издательская деятельность остановилась из-за цензурных условий; украинский клуб „Родина“ закрыт, и в его помещении украинцы устроили военный лазарет, куда благодаря некоторым сознательным врачам отбирали раненых солдат украинского происхождения, им наши дамы читали и раздавали украинские книги.

Но после доносов черносотенной газеты „Киев“ военное командование устроило следствие и обыск, и хотя раненные спрятали книги под матрасы так, чтобы их не нашли, все же с того времени в украинский лазарет начальство выбирало только великороссов. ТУПовский совет собирался редко, поскольку ни украинских дел, ни жизни никакой не было»⁴⁶. Одним из последствий отсутствия украинской газеты в городе можно считать невозможность полной реконструкции жизни «украинского Киева» времен войны — особенно по сравнению с исследовательскими возможностями реконструировать жизнь польского и чешского обществ на основе уже указанных выше газет или же жизнь евреев в городе на основе материалов, например, Киевского отделения общества распространения образования между евреями в России или Комитета по оказанию помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий, в г. Киеве. Следует также отметить, что, лишив киевлян газеты, власть также позаботилась о том, чтобы избавить город от влиятельного в украинских кругах проф. Михаила Грушевского, арестовав его в ноябре и выслав в декабре 1914 г. сначала в Симбирск, потом переведа в Казань и Москву. По распоряжению властей украинцы попали под пристальное внимание полиции и жандармского управления, которые опасались украинского заговора против империи⁴⁷. Как утверждалось в «Записке об украинском движении», подготовленной Департаментом полиции МВД Российской империи и изданной в 1916 г., «следует в свою очередь здесь же привести данные, касающиеся украинского движения и собранные членом Совета министра внутренних дел, бывшим в служебной командировке в городе Киеве в первой половине 1915 года. По этим данным, украинское движение с начала войны, по отзывам компетентных лиц, лишь на поверхности несколько затихло; но его невидимая работа в известном направлении продолжается, захватывая духовенство, народных учителей и третий элемент в земстве. В феврале 1915 года, в годовщину смерти Шевченко, в высших местных учебных заведениях были вывешены прокламации в духе мазепинцев, которые рассчитывают на значительное умножение своей численности с присоединением Галичины»⁴⁸. Комментируя в основном политическую активность украинских деятелей, авторы «Записки» также обращали внимание на то, что «в самом городе Киеве замечалось стремление украинофильских кругов оттенить обособленность малороссов чисто внешним путем — открытием

кондитерских, где продавщицы облачаются в характерные костюмы и говорят только на местном малорусском наречии, устройством вывесок с малорусским названием»⁴⁹. Отмечалось еще одно связанное с Киевом событие: «в сфере местной общественной жизни обращает на себя внимание тенденция подчеркивания украинской культурнической обособленности, что ярко выразилось на проходившем 18–21 января в Киеве съезде представителей кооперативов Киевской губернии. На этом съезде выделялись речи, произнесенные на малорусском наречии. В этих речах ораторы призывали к насаждению в Малороссии просвещения и культуры при непременном пользовании малорусской речью (рідной мовой) и приглашали „Полтавщину, Киевщину и Черниговщину“ объединиться в один мощный союз, причем в речах „сквозило“ враждебное отношение к русской государственности. Наконец, в марте 1916 года в Киеве украинцами стали распространяться марки с рисунками, изображающими идею „Самостийной Украины“»⁵⁰. Очевидно, приведенные сведения были собраны «агентурным путем», и установление достоверности приведенной в них информации требует сверки с другими источниками, которыми мы на данный момент не располагаем.

Таким образом, киевляне в самом начале войны столкнулись с ситуацией, когда этническая принадлежность становилась причиной гонений со стороны властей или, наоборот, в некоторых случаях открывала новые организационные возможности, если они совпадали с интересами, преследуемыми империей в войне или в регионе. Полная же этническая самоидентификация горожан произошла только в 1917 г., когда уже непосредственное участие/неучастие в уличных демонстрациях или в выборах давали ответ на вопрос «Кто ты?». Поэтому до февральской революции, как мне кажется, мы можем говорить не столько о «чешском», «украинском», «польском», «русском» Киеве, сколько о деятельности наиболее активных представителей этнических групп, оставивших по себе ego-документы или следы в архивных материалах жандармерии и полиции.

«Равномерное попечение о всех жителях города» лежало на плечах органов местного самоуправления — Киевской городской думе и Киевской городской управе, возглавляемых Ипполитом Дьяковым и со второй половины 1916 г. его заместителем Федором Бурчаком. Дума определила свои задачи 20 июля. Во время внеочередного заседания гласные не только выразили слова поддержки и лояльности

царю (подобного регламента придерживались и другие учреждения), но и поставили целью снарядить первые санитарные поезда и подготовить город к приему раненых. Кроме того, было принято решение призвать киевлян активно поддержать армию — пожертвованиями и приютом раненым бойцам. При городской управе с этой целью открывали кредит для нужд мобилизации⁵¹. Для решения этих проблем и с целью координации усилий различных волонтерских инициатив 13 августа городская дума выступила с предложением создать общегородской комитет, в который должны были войти гласные, общественные деятели, представители всех учреждений, жертвовавших денежные средства и силы для общей работы. В рамках комитета создали 3 отдела: для помощи семьям запасных, сбора средств, для справочной и организационной работы. Общая установка деятельности была вне политики: «И правые, и левые должны войти сюда и не имеют права отказаться от общей работы. Здесь нет и не должно быть политики. Здесь должны быть только честные люди и должна быть общая для всех неотложная работа»⁵².

Вместе с тем кроме раненых еще одна категория населения попала под непосредственную опеку города — семьи нижних чинов: «от города Киева на театр военных действий призвано громадное количество запасных», — подчеркивали во время заседаний⁵³. 15–17 сентября 1914 г. городское статистическое бюро во главе с Ф. С. Бурчаком провело регистрацию семей мобилизованных нижних чинов. Оказалось, что в материальной помощи от города нуждается 7000 семей. Осенью 1915 г. их насчитывалось уже 10 000, а в июле 1917 г. 19 049⁵⁴. В это число входили только те семьи, которые не получали помощь из других источников. Однако не всегда удавалось сразу установить, только ли от города получают поддержку такие семьи. Поэтому служащие отдела по призрению семей солдат при городской управе в течение всей войны продолжали переписку с различными учреждениями и организациями, уточняя информацию о малообеспеченных семьях⁵⁵. Выдачей пособий семьям запасных занимались участковые попечители. Причем за каждый полицейский участок отвечал один попечитель. Первые выплаты были произведены уже в октябре 1914 г. Последние — в январе 1918 г.⁵⁶

Кроме материальной поддержки малообеспеченным семьям запасных городские власти пытались организовать опеку над их детьми. Для детей из таких семей должны были устроить дневные приюты

и детские сады⁵⁷. Уже в августе 1914 г. приют и питательный пункт для детей временно организовали в Контрактовом доме на Подоле. Вместе с тем городские власти также поддерживали и развивали уже начатую до войны традицию, когда, стараясь помочь малообеспеченным семьям, они организовывали бесплатные детские игры в городских садах и скверах в теплое время года. При этом они пытались охватить и детей с окраин. Такие мероприятия были организованы также летом 1914 г. и продолжались, несмотря на войну: «события эти отвлекли было совершенно детей от площадки, но это продолжалось недолго — несколько первых дней, после чего дети опять принялись за работу и игры»⁵⁸. Примечательно, что игры показывали, насколько детвора была поглощена событиями, которые происходили вокруг. Так, в 1915 г. дети уже активно играли в «войнушку», мастерили пистолеты, рисовали войну, т.е. война была полностью представлена в детском творчестве⁵⁹.

Сложно сказать, пытались ли родители или учителя оградить детей от событий и ограничить влияние войны на детскую психику. По имеющимся источникам, скорее всего дети также становились участниками «военной политики» государства, когда каждый член общества должен был помнить о долге и посильной помощи, которую мог оказать общему делу победы. Так, с начала 1914/15 г. учащиеся киевских учебных заведений стали участниками различных акций по сбору пожертвований. Они устраивали литературно-музыкальные вечера (репертуар которых подчеркивал преданность империи и прочность славянских уз), проводили кружковые сборы, принимали участие в общекиевском сборе для раненых и не только⁶⁰. Сложно сказать, насколько при этом культивировалась киевская идентичность юных горожан. Скорее всего, о ней вспоминали во время экскурсий по городу или поездок в другие города края⁶¹. При этом все подобные мероприятия организовывались только с разрешения попечителя киевского учебного округа. Кроме того, созданным при управлении округа Комитете по оказанию помощи раненым и семьям запасных регулярно готовился отчет о собранных пожертвованиях на основании «данных киевского губернского казначейства и донесений учебных заведений в комитетах о суммах, препровожденных ими в казначейство»⁶².

В 1915 г. все явственней становится потребность организации целевой помощи малообеспеченным киевлянкам. Со временем стало

понятно, что давать денежную помощь контрпродуктивно — женщинам нужно было зарабатывать. Собственно, занимаясь детьми, организовывая для них питание и культурные мероприятия, власти города преследовали еще и цель создать возможность матерям найти работу, взяв на себя функцию отсутствующего отца, который печется о детях. Таким образом, Киев не был исключением из общеевропейского правила — женщины, чтобы обеспечить семьи, вынуждены были искать работу и значительно расширить пространство своего пребывания в городе. С этой целью городская управа организовала трудовую помощь женщинам из малообеспеченных семей — летом 1915 г. для них были открыты центральные и районные швейные мастерские⁶³. Заказы получали от различных ведомств и главным образом обшивали тыл. Но даже благодаря такой помощи городской власти не удавалось полностью покрыть нужду населения. Кроме того, постепенно становилась очевидной еще одна потребность — создать наконец-то городскую биржу труда, которая помогала бы женщинам с надежным трудоустройством. Как отмечали современники, ситуация в этом вопросе в городе была катастрофической. С одной стороны, вследствие мобилизации мужского населения Киев испытывал дефицит рабочих рук. С другой стороны, горожане страдали от множества различных посреднических конторок, обещавших трудоустройство и часто подводивших своих клиентов и клиенток, обворовывая их. Наиболее печальным был опыт женщин, пытавшихся найти работу с помощью подобных конторок: «совершенно особняком стоят находящиеся прямо в трагическом положении ищущие труда девушки-подростки. До сих пор, как во времена глубокой древности, в Киеве на глазах у всех, по всем рынкам и площадям торговцы живым товаром покупают их, пользуясь безвыходным положением, обманывая доверчивых, ловко запутывая и запугивая строптивых. Всему этому давно уже нужно положить предел. Город должен взять в свои руки все дело урегулирования спроса на труд»⁶⁴.

Что удалось на практике — это создать в 1916 г. Киевское центральное бюро труда на средства Отдела помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта, Всероссийского земского союза и рабочего отдела Киевского военно-промышленного комитета. Таким образом, по сути, объединились усилия города и названных комитетов по трудоустройству населения Киева. Это было недолгое время, когда в городе был ощутим дефицит рабочих рук.

Уже через год ситуация будет меняться и фиксировать начнут безработных. Так, за 1916 г. бюро получило 38 961 предложение на работу при спросе в 44 004; отправлено же было 24 495⁶⁵. Примечательно, что в месяц обращалось в два раза меньше женщин, чем мужчин (1000 и 2000 соответственно), однако по сравнению с мужчинами женщины намного реже обращались в бюро во второй раз. Это объяснялось «растущим притоком прежде не работавших жен и вдов запасных, во-вторых, тем обстоятельством, что прислуга, составляющая главный контингент клиентов женского отделения, меняет места не столь часто, как мужчины, где велик процент чернорабочих и мастеровых»⁶⁶. Ситуация с трудоустройством женщин и мужчин имела еще одну важную разницу в этот период — спрос на мужской труд значительно превышал спрос на женский труд (на 100 заявок от женщин поступало 77 предложений от работодателей). Показательно, что современники, анализируя деятельность бюро труда, продолжали разделять «женский рынок труда» (как правило, он касался «личного услужения») и «мужской рынок труда», не указывая, какое количество вакансий «мужского рынка труда» покрывалось за счет женщин. Хотя также признавали, что женщины работали в сельскохозяйственной сфере, в обслуживании, в пищевой промышленности, в группе чернорабочих, в производстве одежды, в группе интеллигентных и конторских профессий⁶⁷. Об увеличении количества женщин на производстве свидетельствуют также отчеты фабричных инспекторов. Так, в годовом отчете по Киевской губернии за 1916 г. указывается, что «труд малолетних, подростков и женщин» в зависимости от нужд военного времени значительно возрос. Если на 1915 г. насчитывалось на производстве 863 малолетних, 9405 подростков и 16 284 взрослых женщины, то в 1916 г. эти показатели были — 1070 малолетних, 10 909 подростков и 20 005 взрослых женщин⁶⁸. При этом тенденция к возрастанию наблюдалась во всех видах производства, кроме кирпичных заводов, которые практически прекратили свою работу из-за войны. Следует также отметить, что значительная часть мест на производстве замещалась австрийскими военнопленными славянского происхождения, которые размещались в Дарницком лагере. По данным, собранным на июнь 1916 г., военнопленных, отпущенных на работы штабом крепости, Дарницким изоляционно-пропускным пунктом и Бердичевским этапом, насчитывалось 44 989 чел.⁶⁹ Очевидно, благодаря такой альтернативе в Киеве

сохранилось разделение на «женский» и «мужской» рынки труда. Кроме того, современники, анализируя показатели увеличения количества «экономически активных женщин», считали, что во время войны женщины в значительной степени заменили мужчин в первую очередь в учреждениях и канцеляриях, а также в торговле⁷⁰. Поскольку данная тема еще требует детального изучения, только предварительно можно заключить, что война, скорее всего, дала шанс окончившим женские учебные заведения киевлянкам наконец-то применить свои знания, поступив на службу в различные организации ВЗС, ВСМ, РОКК.

Помимо рассмотренных выше вопросов, которые пытались эффективно решить на уровне губернатора и городского самоуправления, был также вопрос беженства. Киев пережил несколько волн прибытия беженцев. В начале войны — немногочисленные добровольно оставившие свое жилье беженцы из западных губерний. Для них город пытался устроить бесплатный приют в Контрактовом доме уже в первые недели войны, что также требовало поставки нар, сена, посуды, организации кухонь⁷¹. Вторая волна была связана с Горлицким прорывом немецких и австро-венгерских войск в мае 1915 г. Тогда в Киев начали прибывать беженцы-галичане, административные заложники из Галичины и галицкие евреи⁷². Положение последней группы было особенно тяжелым, так как согласно распоряжению властей их следовало немедленно выдворять из Киева, однако стоял вопрос — куда? Первоначальное решение о выдворении в Пензенскую губернию заменилось решением о возвращении обратно в Галицию, и наоборот⁷³. Общая картина была хорошо схвачена в рапорте киевского полицмейстера на имя начальника КВО от 16 июня 1915 г.: «Вчера прибыла в Киев партия административно высланных из Галиции лиц, в 1000 человек. В числе этих лиц есть заложники, лица призывного возраста, старики, женщины и дети. Высланы они не известно по какой причине по распоряжению Тарнопольского губернатора с конвоем на имя киевского коменданта, а последним присланы в мое распоряжение. Как я докладывал Вашему превосходительству, в Киеве уже нет места для арестованных: тюрьмы, арестные дома и участки переполнены; в еврейском арестном помещении вместо 100 человек находится 1300 евреев. В Контрактовом доме вместо 1000 человек — 2500; там спят буквально друг на друге. Между тем я получил известие, что сейчас прибудет партия еще в 1500 человек.

Из вышеизложенного доклада моего, Ваше превосходительство, извольте усмотреть, что мне буквально некуда поместить присылаемых, а посему ходатайствую о распоряжении: не присылать этот этап в полицию, а оставить в вагонах на станции впредь до распоряжения, или об устройстве где-либо концентрационного лагеря для высылаемых подобным образом иностранцев. Господин губернатор поручил при этом доложить Вашему превосходительству, что по его мнению все эти арестованные должны высылаться распоряжением военных властей, так как они задержаны последними»⁷⁴.

К августу ситуация несколько стабилизировалась. Вопросом призерения и найма беженцев-галичан уже с мая занимался директор Императорской Александровской киевской мужской гимназии и председатель киевского отделения Галицко-русского общества статский советник Николай Владимирович Стороженко⁷⁵. Он пытался защищать права беженцев, нередко вступая в перепалки с коллегами. Например, об одном из собраний по вопросам беженства, состоявшемся у губернатора 17 июля, он докладывал: «Я совершенно не согласен с общим взглядом, проведенным в собрании, по вопросу о русских беженцах из Галичины. Собрание признавало этих беженцев элементом, опасным для России, нелегальным ввиду отсутствия у них документов и подлежащим выдворению из России каким-либо способом или отсылке на восток наравне с административными высылаемыми евреями, немцами и проч. Не согласен я также и с отдельными положениями, как, напр., устройство концентрационного лагеря около станции Фастов. Смотреть на русское население из Галичины как на врагов России и стать одним из его палачей я никоим образом не могу. И если постановления вчерашнего собрания облекутся на форму обязательного распоряжения, то я вынужден буду просить ваше высокопревосходительство освободить меня от попечения о беженцах-галичанах, которым я занимался... в течение двух с половиной месяцев и достигал тех результатов, которые неоднократно получали одобрение вашего высокопревосходительства»⁷⁶.

Интересен приведенный отрывок тем, что указывает на довольно враждебное отношение к беженцам и формирование со стороны властей образа «ленивого галичанина», который можно фиксировать к середине лета 1915 г. С другой стороны, также упоминается проект о постройке отдельного лагеря для беженцев с целью разгрузить Киев. Дело в том, что в эти летние месяцы киевский губернатор

не прекращал попыток убедить военные власти в том, что в Киев, куда уже в мае беженцы занесли холеру, нельзя больше пускать беженцев. Город был переполнен, а санитарно-эпидемиологическая ситуация становилась катастрофической. Считалось, что лагерь в Фастове не только разгрузит город, но также поможет организовать транспортировку беженцев через Киев транзитом на левый берег Днепра и дальше вглубь империи. Однако в августе ситуация на фронте обострилась, и уже сам Киев оказался на шаг от эвакуации. В результате к новой волне беженцев примешались еще и охваченные паникой киевляне, пытающиеся покинуть город.

В это время организация эвакуации беженцев из Киева становится прерогативой Комитета ЮЗФ ВЗС и киевского отделения Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет). В своем отчете начальнику штаба КВО от 26 сентября 1915 г. зампредела комитета писал, что «все беженцы, следующие через Киев, не остаются в городе, а после питания их на пунктах немедленно отправляются по железной дороге, по шоссе и на паромных судах по Днепру», что в городе могут находиться только некоторое время заболевшие беженцы; что комитет занимается поиском необходимого помещения для перевода беженцев из занимаемых ими временно казарм Бессарабского полка на Львовской улице. Также добавлялось, что «из 113 000 беженцев, проследовавших в последнее время через Киев, в городе оставлено от 600 до 800 человек»⁷⁷. К сожалению, сложно угадать, о каком периоде идет речь в данном сообщении. Равно сложно однозначно ответить на вопрос о количестве беженцев, прошедших через Киев от мая и до момента спада беженской волны в декабре 1915 г. Надеюсь, что мне удастся в будущем выйти на определенные цифры после тщательного анализа источников, поэтому здесь укажу лишь данные, которые приводились современниками и сегодняшними исследователями. Так, в статье В. Левицкого «Город Киев и беженцы», опубликованной в «Известиях Киевской городской думы» за декабрь 1915 г., указывалось, что, по данным Татьянинского комитета, «всех осевших в г. Киеве беженцев до 60 000. Думается нам, что эта цифра очень преуменьшена, ибо в Отделении Комитета Ея Высочества не может быть сосредоточено сведений о более состоятельных беженцах, сразу же нашедших себе приют у родственников и т.п.»⁷⁸ В другом месте он

замечает: «Шутя говорят, что по официальным статистическим данным будто бы в г. Киеве имеется самовольно поселившихся 17 беженских семейств. Хотя данных о точном числе беженцев и нет, но все же надо признать, что Киев бесспорно является крупным центром их расселения и продолжает усиленно привлекать к себе все новые и новые их массы»⁷⁹. Вместе с тем, по данным харьковского историка Любови Жванко, количество беженцев в Киеве на декабрь 1915 г. составляло 3152 чел., а в ноябре 1916 г. — 24 192 чел.⁸⁰ Объяснить столь существенную разницу в цифрах можно, как мне кажется, следующим образом. Татьянинский комитет, данные которого взяты за основу и Левицким, и Жванко, при своих исчислениях принимал во внимание две категории беженцев: 1) находящихся на пунктах приема беженцев; 2) осевших в самом городе. В первой группе фиксировались вновь прибывшие беженцы, ждущие своей отправки по эвакуационному маршруту, и к концу 1915 г. она в самом деле была немногочисленна. Вторую группу составляли беженцы, прибывающие и устраивающиеся, т.е. имеющие жилье и работу в Киеве, от начала войны. Именно вторая категория требовала особого внимания от местного самоуправления.

Показательно, что власти города пытались бороться с негативными стереотипами относительно беженцев, бытующими среди населения Киева, а также поднимали вопрос о юридическом оформлении прав беженцев. Понятно было, что новоприбывшие будут пытаться наладить свою жизнь в городе и получить права наравне с другими киевлянами. Власти даже выступили с проектом «признать вполне целесообразным соединением целого ряда учреждений для беженцев с однотипными учреждениями для детей и жен запасных и с некоторыми учреждениями общественного призрения для коренного населения города» и разделения их на «учреждения, необходимые всем категориям беженцев, учреждения трудовой помощи, учреждения для детей и подростков, инвалидные дома, убежища для калек и больницы для хроников». При этом опять-таки проявлял себя тот же взгляд на характер оказания помощи беженцам, как было и в случае с семьями запасных: мало накормить, нужно трудоустроить⁸¹.

Следует сказать, что в ситуации с отсутствием более четких данных о беженцах не было ничего удивительного. Современники вообще часто обращали внимание на неудовлетворительное состояние городской статистики, а также критиковали данные, которые подавала

полиция, опираясь на подворные адресные книги. Считалось, что велись эти книги крайне неаккуратно и данные о количестве горожан были завышены⁸². Тем не менее в феврале и ноябре 1916 г. Городской статистический комитет все же провел регистрации жителей Киева. Собственно говоря, дума решилась на такой шаг исходя из того, что, не зная реального количества населения, она не могла выработать эффективную городскую политику по решению накопившихся проблем в сфере поставки топлива и продовольствия. Вследствие финансового кризиса управа не могла провести полноценной переписи и в феврале 1916 г. ограничилась только общим подсчетом количества лиц, проживающих в квартирах конкретного дома, с распределением по возрасту и полу. С этой целью было издано 12 тыс. бланков; за 8 дней переписи рассчитывали обойти 75 000 квартир. Результаты регистрации разочаровали: оказалось, что в Киеве проживает около 500 000 чел.: «Между тем поразительный рост города породил в умах киевлян совершенно неверные представления о численности населения. Не только в обывательских кругах, но и в официальных сферах господствовала уверенность, что в Киеве не меньше 800 тыс. населения»⁸³. И уже в начале ноября 1916 г. была проведена новая, т. н. сахарная перепись. Проходила она с 30 октября по 5 ноября, регистраторами работали исключительно студенты. Было зарегистрировано 11 047 домовладений и 86 400 жилых квартир. Сообщалось, что к концу года количество населения выросло на 8,57%. Это объяснялось возвращением в Киев эвакуированных учебных заведений и горожан. Вследствие этого, по сравнению с февральским периодом, было заполнено большее число квартир. Кроме того, горожане также получили мотивацию принять участие в переписи в ноябре — все же речь шла о предоставлении карточек на продукты питания в недалеком будущем. В объяснительном материале к результатам переписи также указывалось, что одной из преград, тормозящих обход квартир, было отсутствие грамотных жителей, способных расписаться на заполненном бланке, особенно на окраинах. Был даже случай, когда на 18 квартир нашелся один грамотный. Эти данные, конечно, можно считать лишь штрихом к не восстановленному пока что портрету города. Надеюсь, что в последующих публикациях мне удастся более подробно остановиться на этом вопросе.

Что касается других сфер жизнедеятельности города времен войны, то вряд ли стоит приводить здесь весь перечень мероприятий,

на которые пошли городские власти, чтобы удерживать рост цен и обеспечивать своевременное пополнение казны города в течение войны. Отмечу лишь самые главные инициативы — борьба с хлебным и топливным голодом. Происходила она на фоне ухудшившейся ситуации на фронте, связанной с Горлицким прорывом. Отступление из Галичины российской армии сопровождалось массовой эвакуацией населения не только из Галиции, но и с территорий Подольской и Волынской губерний в течение лета 1915 г. План действий киевских властей в условиях эвакуации был рассмотрен лишь 22 августа⁸⁴. Он предусматривал эвакуацию киевских учебных заведений (армия нуждалась в помещениях), борьбу с паникой, своевременную отправку прибывающих беженцев вглубь империи и другие мероприятия. Совладать с паникой, однако, было не просто; железнодорожные станции и поезда были переполнены горожанами и багажом. Нарушилось железнодорожное снабжение города, поскольку не хватало ни составов, ни вагонов для своевременной поставки дров и товаров; к тому же наложен был запрет на прием и отправку частного груза, произошла также реквизиция пароходов и других суден на Днестре для нужд военного ведомства⁸⁵. Все это привело к продовольственному кризису.

Уже в начале осени 1915 г. Киев явственно ощутил недостаток хлеба. Дороговизна стала главной проблемой. Дума вынуждена была организовать выпечку хлеба на средства города. С этой целью была использована земская хлебопекарня на бывшей территории киевской выставки. Предполагалось продавать хлеб дешевле установленной цены. Таким образом, цена на хлеб по городу могла бы также снизиться. Работать в городской пекарне должны были военнопленные, поскольку киевлян катастрофически для такой работы не хватало (многие работники хлебопекарен были мобилизованы). К декабрю работу городской хлебопекарни удалось наладить. Для распределения хлеба по городу открыли 14 муниципальных лавок на базарах и рынках. Кроме того, городским хлебом обеспечивали воинские части Юго-Западного фронта. Удалось также обустроить четыре склада в разных частях города. Вместе с тем созданная при управе городская продовольственная комиссия занялась покупкой других продуктов, в первую очередь соли. По мнению городского головы Дьякова, побороть кризис можно было тремя путями: 1) помогая кооперативам; 2) помогая купцам привлекать товар в Киев; 3) открывая продовольственные

склады. Решено было предоставлять продукты с городских складов в первую очередь кооперативам, а потом уже частным торговцам и потребителям⁸⁶. Через год, к концу 1916 г., этих средств уже было мало. Речь шла о введении карточек на хлеб.

Не менее серьезной оказалась и угроза топливного голода. Мало того что цены выросли вдвое, так еще и количества запасенных дров и угля катастрофически не хватало. В то время Киев в основном отапливался дровами, а не углем: «каменно-угольное отопление в Киеве пользуется малым распространением, находя применение, главным образом, на местных заводах и фабриках, машинных станциях и в крупных зданиях с центральным отоплением»⁸⁷. Была налажена практика лесосплава по Днепру во время весеннего разлива реки, однако весной 1915 г. управа была лишена возможности пополнить запасы дров таким образом. Запреты армейских чинов, а также реквизиция дров на нужды армии согласно формуле — сначала армия, потом мирное население — оставили город без дров для населения⁸⁸. В результате решено было заняться покупкой дров и установить фиксированную цену, таким образом уменьшая спекуляцию. Сумели также привлечь крупных заготовителей дров, использовать военнопленных⁸⁹ для вырубki лесов поблизости от Киева, заключить договор о покупке минерального топлива в Харькове по курсовой цене харьковской каменноугольной биржи. Для слаженного обеспечения горожан дровами было создано дополнительно 17 районных городских комиссий, а также открылись склады для продажи дров самым бедным слоям населения. Обслуживанием складов и развозом дров по городу занимались военнопленные-славяне (предполагаемая оплата труда составляла 30 коп. в сутки)⁹⁰.

Оба кризиса были далеко не последние, и в дальнейшем киевлянам пришлось пережить еще немало бедствий. Худшие из них — уличные бои и погружение города в хаос войны на своих улицах. Однако переход к этому периоду был довольно спокойным. Февральская революция пришла в город по телеграфу и без уличных выступлений, но при этом изменила город до неузнаваемости. Вместо одной практически монолитной группы людей — киевлян, подданных Российской империи, на улицах города оказались украинцы, поляки, евреи, чехи и словаки (еще не ставшие чехословаками), русские, действия которых больше не сдерживала цензура и жандармский надзор. Киев превратился в центр различных национальных движений, политических

Манифестация в Киеве. Март 1917 г., ул. Владимирская

партий и организаций. Я не буду реконструировать здесь весь ход событий, хорошо известный исследователям политической истории. Обращу лишь внимание на некоторые аспекты, которые касаются вопроса городских идентичностей.

Уже в самом начале марта 1917 г. в Киеве для управления делами города формируется Совет объединенных общественных организаций, представленный членами губернской, земской, городской управ, представителями комитета ЮЗФ ВЗС, ВСГ, Киевского военно-промышленного комитета. В те же дни создаются Центральная рада как представительский орган украинских общественных организаций и Польский исполнительный комитет от польских организаций⁹¹. Визуализируются эти и многие другие организации во время массовой манифестации в Киеве 16 марта в «День праздника революции». Знаменателен этот день был еще и снесением памятника Столыпину на Думской площади. Через три дня — 19 марта следует 100-тысячная, как считается, манифестация на Софийской площади, но в этот раз при участии только украинских общественно-политических организаций. Важны эти моменты тем, что они показывают, как город

превращается в площадку для репрезентации политических взглядов своих горожан, а не лояльности, как это было в имперский период и выразалось в массовых скоплениях заведомо подготовленных групп населения, выставленных вдоль маршрута следования монарших особ. Такие изменения дают нам возможность говорить об уличной демократии и политизации городского пространства, начиная с марта 1917 г. С другой стороны, многотысячные украинские политические акции периода весны революционного года показывают, насколько неглубокой на самом деле была привнесенная имперским центром политика и последствия инкорпорирования Правобережной Украины в состав Российской империи. Ведь несмотря на доминирующий дискурс, рассматривающий Киев как центр русской цивилизации и украинские земли как Малороссию, считающий украинцев «отщепенцами от русской культуры», а украинское политическое движение — «выражением взглядов, стремлений и нужд не малорусской ветви русского народа, а лишь новейшей т. н. „украинской“ литературно-политической партии, стремящейся путем газетной и журнальной пропаганды навевать широким народным массам и учащейся молодежи свои по существу несостоятельные и с государственной точки вредные идеи национального и культурного обособления малороссов от остального русского народа»⁹², параллельно развивался свой украинский дискурс. При этом проявлялся он не только в довоенной газете «Рада» или политических партиях социал-демократического или социалистического направления, но, например, в несогласованном праздновании дня рождения Тараса Шевченко⁹³, в посвященных Шевченко материалах на страницах самой тиражной газеты «Киевская мысль»⁹⁴, в изложении истории Киева по Владимиру Антоновичу⁹⁵ *etc.* И как показали последовавшие события, сопровождавшие создание украинского государства, эти проявления, на первый взгляд незначительные, свидетельствовали о довольно сильном потенциале украинской идеи, способной мобилизовать население ЮЗК.

О том, как меняется восприятие ситуации, кроме уличных акций говорит также деятельность, которая проводится в кабинетных пространствах города. Так, в начале апреля новоназначенный попечитель киевского учебного округа Николай Прокофьевич Василенко пишет: «Ввиду коренного переустройства русской жизни, у меня постоянно ощущается потребность в контакте по вопросам

учебно-воспитательного характера с педагогическим персоналом, родителями, национальными и общественными организациями, состоящими более или менее близко к учебно-воспитательному делу. Исходя из этой потребности, я решил создать при Округе, под моим председательством, временный совещательный орган для города Киева в таком составе: 10 представителей от Совета депутатов педагогических советов, 5 представителей от объединенных родительских комитетов и по 2 представителя от Киевского городского самоуправления, Киевского губернского земства и национальных педагогических организаций — украинской, польской и еврейской»⁹⁶. Этот текст явственно показывает, кто, в глазах новой власти, имел «право на город» и чьи голоса должны были быть услышаны.

25 августа 1917 г. состоялось заседание Временного попечительского совета под председательством Владимира Павловича Науменко, заменившего переведенного в Петербург Василенко на посту управляющего КУО. Главная тема заседания — «как приблизить среднюю школу к украинскому национальному построению». Нужно было решить, будут ли предметы украиноведения (украинский язык и литература, история Украины, география и этнография Украины) обязательными или факультативными в тех гимназиях, которые хотят остаться русскими. Соответствующие программы курсов были разработаны специальными комиссиями. В результате длительной дискуссии, «имея в виду текущий острый момент и учитывая все приходящие извне обстоятельства, комиссии высказались за факультативность изучения украинского языка. Но, считаясь в то же время с основным педагогическим требованием, т. е. с необходимостью ознакомить питомцев средней школы, будущих деятелей обществ в данном крае, с историей и географией Украины и с литературой украинского народа, комиссии высказались за введение названных дисциплин в цикл обязательных предметов курса средней школы»⁹⁷. Как отмечал Науменко, «речь идет о переходном моменте, и потому в курсе школы вводится лишь то, что нужно обязательно знать в области украиноведения... Многое можно дополнить домашним чтением. Нельзя перегружать школу новыми курсами. Если же вводить изучение украинского языка как той дисциплины, благодаря которой вырабатывается логика, психология учащегося, другими словами, когда украинский язык займет то место, которое сейчас занимает в русской школе русский язык, когда на Украине школа будет национальной,

тогда, безусловно, необходимо большее число уроков по украинскому языку»⁹⁸. Полемика также велась вокруг вопроса, кто правомочен решать вопрос о введении украинского языка как нового предмета (вопрос об украинизации школы не стоял) — педсоветы, родительские комитеты или собравшийся совет. Звучали мнения, что «в интересах детей не увеличивать число уроков, тем более, что дети будут говорить по-украински и дома; вообще же следует избегать всякого насилия в этом отношении, так как достаточно уже при старом режиме в школе вводили насильственное изучение тех или иных предметов»; «что родной язык человек изучает всю жизнь, что в русской школе все предметы изучаются на русском языке, который овладевает всей психикой ребенка. В русской школе с увеличением числа уроков по украинскому может пропасть охота к его изучению»⁹⁹. Таким образом, все 20 членов совета соглашались с фактом, что школа, воспитывая сознательного гражданина, должна знакомить учеников с «особенностями данной местности», т.е. «дать учащимся полную картину жизни украинского народа». Вопрос стоял о дозах — о количестве уроков. По мнению Софии Русовой, которая еще до войны активно выступала за развитие украиноязычной системы образования, они предусматривались «гомеопатическими»¹⁰⁰.

Иначе на вопрос «украинского построения» смотрели русские националисты в Киеве, о чем свидетельствуют, например, инициированные ими антиукраинские кампании на страницах газеты «Киевлянин». Остановлюсь здесь только на одной из них. 17 июля 1917 г. Василий Шульгин, один из самых ярких лидеров киевского клуба русских националистов, выступил с обращением «Против насильственной украинизации Южной Руси». Причиной выступления послужило постановление Временного правительства «Об образовании Генерального Секретариата в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине». Для Шульгина указанный документ означал, что «население этой области будет в государственных актах именоваться украинцами, а язык, которым говорит население, украинским»¹⁰¹. Таким образом, по его мнению, Временное правительство своим постановлением переписало всех жителей Юга России в украинцы, не спросив у «людей, которые еще вчера считали себя русскими», об их взглядах на этот вопрос. Примечателен этот текст не традиционно негативным отношением к украинскому вопросу как таковому, а скорее способом артикуляции собственной

идентичности — «русских Малой Руси»¹⁰². Вместе с тем высказывалось мнение, что политический характер края должны определить свободные выборы в Учредительное собрание, которые бы показали, насколько серьезными были симпатии крестьян, среди которых «как будто стал проявляться интерес к украинству»¹⁰³.

В самом деле, вопрос самоидентификации крестьян в годы революции является одним из наиболее интересных в исследовательском плане. Так, проявления изменившейся ситуации можем наблюдать при попытках идентификации украинцев среди раненых, которые по-прежнему в большом количестве поступали в город. Например, уже в середине апреля в госпитали ВЗС разослали карточки для заполнения, в которых следовало «в графе народность обозначить великоросс-ли, украинец...»¹⁰⁴. Однако даже в марте 1918 г. не всегда было понятно, кого считать украинцем. Например, начальник лазарета семьи И. Н. Терещенко д-р Тылинский отправлял запрос к заведующему медчастью управления главноуполномоченного РОКК с просьбой «разъяснить, кого следует как украинцев перевести в 6 кауфманский и лаврский лазареты, всех ли местных уроженцев или только состоящих в украинских войсках»¹⁰⁵. Вместе с тем если принять во внимание процессы, происходящие в армии, то к декабрю 1917 г. самоопределение солдат происходило не по принципу «украинец»/«великоросс», а «украинец»/«большевик». Например, как сообщали в середине декабря из Дубно, «лучшее средство борьбы с большевиками это агитация, а потому просят выслать агитаторов в войсковые части вышеозначенных гарнизонов, [которые] изъявили свое желание украинизироваться, но беда: нет опытных и энергичных людей, которые бы провели их желание в жизнь»¹⁰⁶. В связи с этим можно лишь сказать, что исследование темы идентичностей в переходное время в киевском контексте более чем актуально, особенно принимая во внимание результаты переписи, проведенной 16 сентября 1917 г. Киевским городским статистическим бюро.

Результаты переписи известны главным образом по статье И. Биска, посвященной социальному составу населения города Киева и опубликованной в 1919 г. Так, Биск приводит следующие данные: общее количество населения города составляло 467 591 чел., из них — русских 231 379, украинцев 56 217, малороссов 20 567, поляков 42 819 и евреев 87 237¹⁰⁷. Николай Боровский в своей более детальной публикации о социальном и национальном составе Киева,

основанной на результатах всех проведенных к 1926 г. киевских переписях, уже не указывает малороссов, зачисляя данные по этой категории в категорию украинцы¹⁰⁸. Что касается политических симпатий горожан, то они отражены в результатах выборов в городскую думу, во Всероссийское учредительное собрание и в Украинское учредительное собрание.

В начале 1918 г., вспоминая события годичной давности, некоторые члены думы назвали первое полугодие 1917 г. медовым периодом революции. Немудрено. Городское самоуправление получило новые стимулы для развития, а сами горожане впервые смогли стать участниками прямого голосования за членов городской думы. Цenz канул в лету. Различные политические партии и силы смогли принять участие в выборах и широко агитировать за себя общественность. 23 июля Киев наконец-то получил возможность переизбрать власть города, избранную еще в 1911 г. (выборы 1915 г. были отменены из-за военных событий). Явка составила 58,3% (178704 избирателя). В состав новой думы было избрано 120 гласных, которых избирали из 18 зарегистрированных в думе списков. По результатам голосования наибольшее количество мандатов получил социалистический блок (список № 1; в составе объединенных меньшевиков, российских эсеров, Бунда, польских социалистов (левицы)) — 44. Следом шел блок украинской СДРП и украинских социал-революционеров (список № 12) — 24 мандата. Немногим меньше получил внепартийный блок русских избирателей Шульгина (список № 3) — 18 мандатов. Партия народной свободы (список № 4) — 10 мандатов. Большевики (список № 10) получили 7 мандатов. Всего же в думу прошли представители 11 из 18 зарегистрированных блоков, среди них еврейский демблок (5 мандатов) и польские социалисты (1 мандат). Современники подчеркивали, что особенностью этих выборов была активность населения окраин, где явка местами достигала 80%¹⁰⁹. Для нас также интересно, что среди гласных были, например, Владимир Винниченко, Дмитрий Антонович, Михаил Ткаченко, Лев Чикаленко, Иван Фещенко-Чопивский, Прокофий Понятенко, занявшие ведущие позиции в строительстве украинского государства. Также находим среди гласных в составе УСДРП сына Михаила Драгоманова, Святозара Драгоманова, одного из постоянных авторов «Известий Киевской городской думы» времен войны. Во время первого заседания новоизбранной думы гласные избрали

на должность председателя городской думы Викентия Андреевича Дрелинга (соцблок, Российская социал-демократическая рабочая партия (объединение меньшевиков)), на должность городского головы Евгения Петровича Рябцова (соцблок, Российская партия социалистов-революционеров)¹¹⁰.

Политические симпатии киевлян существенно изменились в следующие после городских выборов месяцы. В одном из мартовских номеров «Киевских городских известий» за 1918 г. вышла статья «Итоги выборов в Киеве». Автор публикации (С. М-нов) сравнивал результаты выборов. Согласно предоставленным им данным, явка при выборах в российское Учредительное собрание составила 57,46%, однако при выборах в украинское Учредительное собрание «средний процент пришедших к урнам граждан по всему Киеву составил лишь 28,54% всех избирателей»¹¹¹. Разница объяснялась политическими катаклизмами в городе. Вместе с тем наблюдалось падение явки на окраинах, в первую очередь в рабочих кварталах, и увеличение — в центре. Кроме того, симпатии жителей претерпели существенные изменения. Отдав голоса за социалистов во время первых выборов, в последующих голосовали преимущественно за украинский блок. Еще одно наблюдение — политические симпатии жителей нерабочих окраин — Куреневки, Плоского участка, Пущи-Водицы: «оказавшись во время выборов в российское Учредительное собрание менее активными, чем весь город в целом, — изменились в этом отношении во время выборов в украинское Учредительное собрание... можно заметить, что процент избирателей, голосовавших за украинские списки, значительно выше, чем такой же процент для всего города»¹¹². Считалось, что эти районы продемонстрировали «интерес избирателей-украинцев к своему национальному Учредительному собранию». Что касается центральных районов города, то было замечено, что к последним выборам «сдвиг вправо обозначился в центре более резко, чем на окраине»¹¹³. Сравнительные данные по всему городу были такими: выборы в городскую думу — соцблок 37,01%, большевики 5,4%, украинский соцблок 19,95%, русские избиратели 14,08%; выборы в российское Учредительное собрание — соцблок 9,33%, большевики 13,17%, украинский соцблок 20,88%, русские избиратели 23,51%; выборы в украинское Учредительное собрание — соцблок 8,55%, большевики 9,94%, украинский соцблок 20,26%, русские избиратели 33,22%¹¹⁴.

Следует подчеркнуть, что результатами выборов в российское Учредительное собрание блок Шульгина был более чем недоволен. Свое поражение объяснял разрозненностью действий «всех наших либерально-буржуазных элементов»: «если бы указанные выше четыре кандидатских списка (внепартийного русского блока, кадетский, польский и союза землевладельцев) были соединены... как то настойчиво несколько раз предлагали представители внепартийного русского блока, то все названные четыре списка вместе получили 123 608 голосов. Это соединение по числу голосов стояло бы на втором месте (после украинских эсеров, получивших 20 мест по Киевской губернии. — *О. Б.*)»¹¹⁵. Результаты же выборов в украинское Учредительное собрание, которое должно было стать законодательным органом УНР, Шульгина более чем радовали: «Как при Святославе, как при Богдане, от века до века называли [киевляне] себя русскими, так и в двадцатом веке, да еще при выборах в украинское Учредительное собрание назвали себя русскими Малой Руси, напомнили украинцам, что они тоже русские... и получили больше голосов, чем те украинцы, что про это забыли»¹¹⁶. Удивительным образом Шульгин не учитывал в такой оценке очень слабую явку избирателей, а с другой стороны — факт, что его блоку удалось мобилизовать своего избирателя эффективней, чем это сделали украинские политики, занятые в это время подготовкой IV Универсала и провозглашением независимой Украинской Народной Республики. Кроме того, можно высказать гипотезу, что именно обсуждение вопроса о независимой Украине повлияло на поляризацию избирательных симпатий, поделившихся между украинскими (социалистическими) партиями и русским (националистическим) блоком. Вместе с тем указанные цифры как раз свидетельствовали о довольно слабой поддержке блока Шульгина, если принять во внимание, что над созданием образа «русского Киева» — «колыбели», «матери», «Иерусалима земли русской» — работала вся машина империи в течение предыдущего столетия. Как показали результаты переписи, проведенной в марте 1919 г. уже по распоряжению большевиков, число украинцев достигло 128 644 чел., малороссов — 8259, русских — 232 148¹¹⁷. Как видно из этих данных, разрыв между украинцами и русскими значительно сократился по сравнению с переписью 1917 г. Возможно, это можно объяснить тем, что Киев к этому периоду уже стал столицей украинского государства и центром украинской политической

Снос памятника Столыпину на Думской площади

жизни. Поэтому самоидентификация как «украинцы» была более чем логична.

О том, что темп развития политических событий в разы опережал готовность к ним населения, говорят и дискуссии во время заседания Киевской городской думы, состоявшегося 17 марта 1918 г. После того как дума приложила все возможные усилия к наведению порядка в городе во время январско-февральских событий, сопровождавшихся обстрелом и блокадой города большевиками, уходом украинских властей, репрессиями, чинимыми большевиками, возвращением украинских властей с новыми союзниками¹¹⁸, в марте она не просто замечает национальный вопрос, она его актуализирует уже во время своих заседаний. Теперь гласные думы обращают внимание на то, что «обостряется национальная ненависть, мешающая отдавать силы культурной работе»¹¹⁹. При этом обостренная национальная ненависть как раз начинает превалировать в стенах думы. На том же заседании прозвучало: «Нельзя, однако, обойти молчанием еще одно существенное обстоятельство: огромное большинство населения Киева — неукраинское. Демократически избранная дума

не будет поэтому украинской думой. Это будет общественная сила — столичная городская дума Украины, лояльная по отношению к украинской власти и дружественная по отношению к украинскому обществу, постольку поскольку элементы, ее составляющие, не будут чувствовать себя на положении героев», выступая при этом против «жесткой украинизации»¹²⁰. Напомню, что речь шла о думе, поддержка первой скрипки которой, российского социалистического блока, заметно упала к марту 1918 г. Кроме того, это все та же дума, которая уже 6 ноября 1917 г. признала Генеральный секретариат (исполнительный орган власти, сформированный Украинской Центральной Радой) «органом власти края»¹²¹. В дальнейшем ей приходится согласовывать свою деятельность с генеральным секретарем внутренних дел и отстаивать в дискуссиях с ним право города на подконтрольную ему, а не центральным органам власти милицию¹²².

Несмотря на все политические катаклизмы, в течение первой половины 1918 г. и второй половины 1919 г. дума и управа пытались исполнять свою работу по регулированию хозяйственной жизни города. В 1918 г. местному самоуправлению также пришлось бороться за право горожан на собрания и митинги и на местное самоуправление; за доставку хлеба и топлива¹²³. Работа думы была парализована осенью 1918 г. В сентябре члены управы подали в отставку, протестуя таким образом против инициированных гетманом Павлом Скоропадским нововведений — фактическому переподчинению управ МВД, ограничения автономности органов местного самоуправления и назначения новых выборов в декабре 1918 г.¹²⁴ Кроме политической подоплеку имела место и хозяйственная составляющая. Проведенные в июле — сентябре ревизии органов местного самоуправления в целом по Украине показали не только растрату городских финансов, но также и ненадлежащее ведение делопроизводства и бухгалтерии. Вместе с тем важно помнить, что городское хозяйство было перенято от органов местного самоуправления предыдущего созыва в условиях войны и революции без какой-либо отчетности. Соответственно накопившиеся проблемы и нерешенные задачи также передались новой городской власти. Хорошей иллюстрацией внутренней жизни управы, например, будет ревизия выплат пособий семьям нижних чинов, которая с новой силой инициировалась весной 1918 г. Так, начиная с 1916 г. управа пыталась получить отчетные ведомости и возврат невыплаченных денег с некоторых участковых попечителей по выдаче казенного пособия семьям

солдат. Не будучи в состоянии самостоятельно разыскать таких попечителей, она обращается в сыскное отделение милиции г. Киева, а в 1918 г. также к германскому коменданту г. Киева¹²⁵.

Считается, что негативные результаты проведенной ревизии органов самоуправления привели к принятию закона «О замене существующего устава общественного управления городами», подписанного Скоропадским 2 октября 1918 г. Согласно новому закону не только возвращался имущественный и возрастной ценз при выборах в думу, но также прекращалась деятельность избранных в 1917 г. дум. Функции думы временно передавались управам, контролируемым МВД, а принятые постановления должны были отныне утверждаться губернским старостой¹²⁶.

Эти изменения привели к созданию в Киеве специальной правительственной комиссии, в полномочия которой входили вопросы местного самоуправления. В свою очередь ее председатель — бывший киевский голова Ипполит Дьяков — должен был исполнять функции городского головы¹²⁷. Тем не менее дума и управа вернулись к исполнению своих обязанностей 14 декабря 1918 г. вслед за отречением гетмана Скоропадского от власти. Неудивительно поэтому, что гласные думы положительно приняли приход к власти директории, связывая с ней надежды на возвращение демократических свобод 1917 г. Этот период в истории думы оказался коротким — 8 февраля большевики распускают думу, реорганизуют и переподчиняют отделы управы¹²⁸. Во время большевистской власти в первом полугодии 1919 г. Киев теряет тысячи жизней и будет освобожден в один день украинскими и добровольческими войсками. Дума получит глоток свежего воздуха в сентябре 1919-го, когда восстановит свою работу, однако уже в середине октября деникинский режим значительно ограничит ее деятельность¹²⁹. Тщетными окажутся воззвания к населению города, печатаемые в «Киевлянине», о вступлении в добровольцы и защите своего города: «Ныне Киев — мать городов русских — в опасности»¹³⁰. 16 декабря город вновь будет занят большевиками, после чего избранная 23 июля 1917 г. дума окончательно прекратит свое существование.

Заканчивая свою статью событиями декабря 1919 г., хочу подчеркнуть еще один важный, как мне кажется, момент. Периодизация истории Киева этого времени не оканчивается ни 1919, ни 1920 г. Процессы, начавшиеся в городе с объявлением войны в 1914 г. и изменившие условия жизни горожан, нужно пошагово исследовать

как минимум до 1923 г., а возможно, и вплоть до 1934 г. Ведь городская жизнь подвержена своей логике, которая не всегда совпадает с национальной. Поэтому предлагать городской нарратив, используя схему национального нарратива (война и революция), не только бывает контрпродуктивно, но также оставляет за рамками повествования часто самые важные для населения вопросы, которые, как правило, начинались и заканчивались вопросами о хлебе насущном. Так, за рамками этой статьи я сознательно оставляю вопросы продовольственного кризиса, приведшего к социальным бунтам уже летом 1917 г., когда экономический кризис стал реальностью, сопровождавшейся перебоями с поставкой продуктов первой необходимости. Для последующих публикаций также оставляю вопросы катастрофической криминогенной ситуации в городе осенью 1917 г.; вопросы возвращения демобилизованных солдат и новый поток беженцев через Киев в 1917–1918 гг.; деятельность Киевского военно-промышленного комитета и перенастройку киевских заводов на оборонную промышленность и другие вопросы, каждый из которых будет детально рассмотрен в моих будущих публикациях. В этой статье, в значительной мере вступительной в освещении заявленной проблематики, я ставила своей задачей предложить общую рамку для рассмотрения истории Киева периода войны и революции, а также вписать его в более долгую, чем полвека, историю города. Продлив нижнюю хронологическую рамку до 1802 г. и, таким образом, напомнив о традициях неимперской политической культуры городского самоуправления, я предлагаю дискуссию о Киеве данного периода базировать не на имагологии, а на исторической урбанистике, которая принимает во внимание в первую очередь городскую политику, основанную на вполне исследуемом фундаменте конкретной политической культуры. Идя таким путем, можно заметить, как вместо монолитного «русского» города, образ которого воспроизводится до сегодняшнего дня апологетами Василия Шульгина по его мемуарам и статьям в «Киевлянине», мы оказываемся в городе, где взаимодействуют и противоборствуют многие дискурсы. Если исходить из этого, в марте 1917 г. в Киеве можно наблюдать эффект «сброшенных оков», когда вчерашние люди имперской матрицы в условиях отмененной цензуры смогли в довольно короткие сроки мобилизовать своих сторонников вокруг новых, еще недавно запретных для обсуждения национальных проектов, как это сделали украинские политики.

Вступление в Киев большевиков. Февраль 1919 г.

При этом самым интересным в этом процессе было то, как участники определяли свои идентичности, трансформировали лояльность к империи в вполне конкретные национальные идентичности, устраивались на службу в украинских органах государственной власти или же выражали отношение к политическим событиям во время выборов. И индивидуальные, и коллективные поведенческие стратегии были столь многочисленны, сколь и захватывающи, как это часто бывает на переходном этапе. Исходя из тех, что были рассмотрены выше, завершить эту статью хочется вопросом. Основываясь на опыте Киева, можем ли мы утверждать, что победа большевиков и становление советской власти в Киеве стали следствием отсутствия политического консенсуса между украинскими властями и русскими националистами, не сумевшими поставить интересы города и демократической революции выше своих национальных проектов и не увидевшими, что ценностный фундамент консенсуса намного прочнее национального? Как повернулась бы история, если бы оба лагеря объединились вокруг идеи создания украинского государства, основывая его на модели демократического государства, а не на национальном принципе?

Примечания

¹ В этот период звание памятника св. Владимиру закрепляется за открытым в 1853 г. памятником, спроектированным Василием Демут-Малиновским и отлитым в бронзе бароном Петром Клодтом на верхней террасе Владимирской горки.

² *Закревский Н.* Описание Киева. М., 1868. С. 422.

³ *Фундуклей И.* Статистическое описание Киевской губернии. Ч. 1. СПб.: Типография МВД, 1852. С. 304.

⁴ Детальнее о развитии Киева в XIX — н. XX в. см.: *Hamm M.* Kiev: a portrait, 1800–1917. Princeton Univ. Press, 1993; *Hillis F.* Between Empire and Nation: urban politics, community, and violence in Kiev. PhD dissertation. Yale university, 2010; *Глизь Ю.* Київська Дума і благоустрій міста (кінець XIX — початок XX ст.) // Київська старовина: журнал Київського славістичного ун-ту. 2011. № 6. С. 157–171; *Idem.* Фінансова діяльність Київської міської думи 1871–1914 рр. // Український історичний журнал. 2015. № 4. С. 37–58.

⁵ См.: *Толочко А. П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laugus, 2012; *Булкина И.* Киев конца XVIII — первой трети XIX в. в исторических и идеологических нарративах // Русский сборник: исследования по истории России / [ред.-сост.: О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров и др.]. Т. 12. М.: Регнум, 2012; *Бетлій О. В.* Учнівські екскурсії по Києву в роки Першої світової війни // Наукові записки НаУКМА. Історичні науки. Т. 169. 2015. С. 35–42.

⁶ Киевскому генерал-губернаторству и, соответственно, истории инкорпорирования Правобережной Украины в состав Российской империи посвятила свои многочисленные исследования киевский историк Валентина Шандра. Она детально рассмотрела, каким образом происходила замена правовых и политических систем территорий генерал-губернаторства. См.: *Шандра В.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX — поч. XX століття. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2005.

⁷ *А. Л.* Русские государи в Киеве (1706–1885 гг.). Київ, 1896. С. 303–340. Ср.: Его императорское величество государь император Николай Александрович в действующей армии (январь — июнь 1915 г.). СПб, 1915. С. 17–33. В свой приезд в Киев 27 января 1915 г. Николай II посетил Софию, Киево-Покровский монастырь, «устроенный в 1889 г. на средства и заботами покойной Августейшей Матери Главнокомандующего Ея Императорского Высочества Великою Княгинею Александрою Петровною», где находилась «бесплатная больница и лечебница имени Императора Николая II», в которой во время войны был устроен лазарет для раненых. Далее следовало посещение Киевского военного училища, военного госпиталя, Киево-Печерской лавры, Царский дворец, питательный пункт станции Киев-первый-товарный, где опять же все внимание было сосредоточено на раненых.

⁸ Напр.: «На лагерном поле, против шулявских дач, недалеко от Старожитомирской дороги был устроен императорский павильон в русском стиле, изящно декорированный». В кн.: *А. Л.* Русские государи. С. 330.

⁹ *Боровський М.* Національно-соціальні перегрупування людності міста Києва в пореволюційних часах (1917–1923) // Київ та його околиця в історії і пам'ятках / під ред. М. Грушевського. Київ: Держ. вид-во України, 1926. С. 434.

¹⁰ В литературе часто приводится другая цифра: количество католиков — 19 230. См.: *Korzeniowski M.* Za Złotą Bramą: Działalność społeczno-kulturalna Polaków w Kijowie w latach 1905–1920. Lublin: Wyd-wo UMCS, 2009. S. 17–19; *Боровський М.* Указ. соч.

¹¹ Детальнее о еврейском Киеве см.: *Meir N. Kiev, Jewish metropolis: a history, 1859–1914*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2010; *Кальницкий М.* Еврейские адреса Киева: путеводитель по культурно-историческим местам. Київ: Дух і літера, 2012.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XVI: Киевская губерния. СПб.: Издание центр. стат. комитета МВД, 1904. С. 3.

¹³ Там же. С. 260–261.

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Там же. С. XI.

¹⁶ Из них «лица сельского состояния» составляли 39480 мужчин и 19018 женщин (из общего числа 60355 м. и 37416 ж.); потомственные дворяне — 5506 мужчин и 5799 женщин (из общего числа соответственно 8822 и 9882). Среди «дворян личных, чиновников не из дворян и их семей» количество уроженцев других губерний также преобладало — из 6199 мужчин и 6406 женщин было в этой категории 3412 мужчин и 3156 женщин. Единственная группа, в которой «уроженцев того же уезда, где живут» было больше, — группа «лица прочих сословий», т. е. мещане и купцы. В ней насчитывалось: 25514 мужчин и 27583 женщины (23010 м. и 20433 ж. из 59747 м. и 58896 ж. — приезжие из других губерний). См.: Первая всеобщая перепись. С. 36–40.

¹⁷ *Можжевитинов В.* Движение населения г. Киева за последнее десятилетие (1905–1914) // Известия Киевской городской думы (далее ИКГД). 1915. № 8. С. 34–68.

¹⁸ Материалы переписи 1897 г. по Киеву практически не сохранились.

¹⁹ Объявление // Киевские губернские ведомости. 29 июля 1914 г.

²⁰ Обзор деятельности Киевской городской думы за четырехлетие 1906–1910 гг. Київ: Изд. Лубковского, 1910. С. 5–6, 96–97.

²¹ От редакции // ИКГД. 1914. № 9. С. 3–5.

²² См.: *Шандра В.* Указ. соч. С. 335–339.

²³ Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (далее ЦГИАУ). Ф. 442. Оп. 864. Д. 233. Л. 53.

²⁴ Введение военного положения // Киевлянин. 1914. 22 июля.

²⁵ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 864. Д. 236. Л. 13–16.

²⁶ Правительственное сообщение // Киевские губернские ведомости. 1914. 19 июля.

²⁷ *Ляйдінгер Г.* Період смуті: Революційні зміни та збройне протистояння в царській імперії в 1917–1922 рр. // Україна між самовизначенням та окупацією: 1917–1922 роки / упор. В. Дорнік. Київ: Ніка-Центр, 2015. С. 35–36.

²⁸ ЦГИАУ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 401. Л. 384.

²⁹ Там же. Ф. 442. Оп. 864. Д. 233. Л. 138; Там же. Д. 235. Л. 38. О влиянии войны на повседневные практики горожан см.: *Вільшанська О.* Повсякденне життя і суспільні настрої населення // Велика війна 1914–1918 рр. і України: історичні нариси / упор. О. Реєнт. Київ: Кліо, 2014. С. 440–467; *Вільшанська О. Л.* Зміни в громадському побуті населення Києва на початку Першої світової війни // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2003. № 6. С. 245–254.

³⁰ Обязательное постановление // Киевские губернские ведомости. 1914. 12 авг.

³¹ Об этом свидетельствуют ежедневные рапорты киевского полицмейстера.

³² ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 864. Д. 238. Л. 5–10.

³³ Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3260. Л. 3.

³⁴ Там же. Ф. 317. Оп. 1. Д. 5728. Л. 1–3.

- ³⁵ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3260. Л. 103.
- ³⁶ Детальнее: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The campaign against enemy aliens during WWI. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003; *Robert J.-L., Winter J.* Conclusion: Towards a social history of capital cities // *Capital cities at war: Paris, London, Berlin 1914–1919* / J. Winter, J.-L. Robert (eds.). Vol. 1: A social history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 527–553; *Hagen M. v.* The entangled Eastern front in the First world war // *The empire and nationalism at war* / E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen (eds.). Bloomington: Slavica, 2014. P. 26–27; *Lohr E.* War nationalism // *Ibid.* P. 97–101.
- ³⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 82. Д. 58. Л. 140, 154, 179; Там же. Оп. 164. Д. 113а.
- ³⁸ Детальнее о «чешском Киеве» и «польском Киеве» я писала в другой статье: *Bethlii O.* Ubi bene ibi patria: Reading the City of Kiev through Polish and Czech “Spatial Stories” from the First World Wars Period // *Frontiers and Identities: Cities in Regions and Nations* / L. Klusakova (ed.). Prague, 2008. P. 197–220.
- ³⁹ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 864. Д. 233. Л. 175.
- ⁴⁰ Там же. Л. 176.
- ⁴¹ Там же. Л. 184.
- ⁴² Кроме того, вопрос создания чехословацкого корпуса привел в Киев в 1917 г. Томаша Масарика. Во время пребывания в городе будущий президент ЧСР установил контакты с украинскими политиками и получил их поддержку в вопросах дислокации и снабжения корпуса. В память об оказанной чехам в Киеве помощи Масарик, в свою очередь, поддержал украинцев — политических эмигрантов уже в независимой Чехословакии. См.: *Бетлій О.* Українське питання в міжнародних відносинах Центральної Європи, 1919–1923 рр.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / НАН України, Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. Київ, 2003.
- ⁴³ Детальнее: *Korzeniowski M.* Op. cit.; *Horbatowski P.* Polskie życie teatralne w Kijowie w latach 1905–1918. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2009.
- ⁴⁴ ЦГИАУ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 579. Л. 65.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 553. Л. 15.
- ⁴⁶ *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). Київ: Темпора, 2011. С. 347.
- ⁴⁷ Детальнее об украинском вопросе во время Первой мировой войны см.: *Gagen M.* фон. «У війнах творяться нації»: націотворення в Україні під час Першої світової війни // *Україна. Процеси націотворення* / упор. А. Каппелер. Київ: К. І. С., 2001. С. 271–284; Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: історичні нариси. Київ: Кліо, 2014; *Міллер А.* Політика Росії щодо України до 1917 року // *Україна між самовизначенням та окупацією*. С. 317–335; *Hagen M. v.* War in a European borderland: Occupation and occupation plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle: University of Washington Press, 2007.
- ⁴⁸ Записка об украинском движении за 1914–1916 гг. с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. [Б. м.], 1916. С. 38.
- ⁴⁹ Там же. С. 40–41.
- ⁵⁰ Там же. С. 43.
- ⁵¹ Журнал чрезвычайного собрания Думы 20 июля. № 15 // ИКГД. 1914. № 8. С. 3–5.
- ⁵² *Яснопольский Л.* Общегородские комитеты, их значение и задачи // Там же. 1914. № 9. С. 21.
- ⁵³ Журнал чрезвычайного собрания Думы. С. 4–5.
- ⁵⁴ Организация городом помощи семьям запасных // ИКГД. 1914. № 9. С. 110–111; *М-н Д.* Деятельность общегородского комитета в области организации трудовой

помощи // Там же. 1915. № 10. С. 178; Помощь семьям призванных на войну // Киевские городские известия. 1917. № 10. С. 100.

⁵⁵ См., напр.: Государственный архив г. Киева (далее ГАК). Ф. 163. Оп. 2. Д. 2.

⁵⁶ ГАК. Ф. 163. Оп. 9. Д. 9. Л. 3.

⁵⁷ Доклад по вопросу о призрении детей запасных, ушедших на войну // ИКГД. 1914. № 8. С. 14–15.

⁵⁸ *М-лин Д.* Деятельность гор. площадок для детских игр в 1914 г. // Там же. 1915. № 7. С. 125.

⁵⁹ Там же. С. 124–134.

⁶⁰ См.: ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 164. Д. 2.

⁶¹ Детальнее о содержании ученических экскурсий по Киеву во время войны см.: *Бетлій О.* Учнівські екскурсії по Києву.

⁶² ЦГИАУ. Ф. 897. Оп. 1. Д. 15а. Л. 1.

⁶³ *М-н Д.* Деятельность общегородского комитета. С. 175–180.

⁶⁴ *Левицкий В.* Город Киев и беженцы // ИКГД. 1915. № 12. С. 20–21.

⁶⁵ *Гольдельман С.* Киевское центральное бюро труда // Киевские городские известия. 1916. № 11–12. С. 100–102.

⁶⁶ Там же. С. 103.

⁶⁷ Рынок женского труда в Киеве // Киевские городские известия. 1918. № 9. С. 9–14.

⁶⁸ ЦГИАУ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1903. Л. 1–2.

⁶⁹ Государственный архив Киевской области (далее ГАКО). Ф. 2031. Оп. 2. Д. 443. Л. 612.

⁷⁰ *Биск И.* К вопросу о социальном составе населения г. Киева (по данным переписи 1917 г.) / отдельный оттиск из № 15–16 «Голос кооперации» за 1919 г. с приложением двух таблиц. Київ: Жизнь, 1920. С. 3.

⁷¹ Доклад члена управы Ф. Бурчака о необходимости расходов на прокормление прибывающих из пограничных местностей лиц, помещаемых в Контрактовом доме // ИКГД. 1915. № 8. С. 32.

⁷² О судьбе галицких евреев см.: *An-ski Sz.* Tragedia Żydów galicyjskich w czasie I wojny Światowej: Wrażenia i refleksje z podróży po kraju. Przemysl: Południowo-Wschodni Instytut Naukowy, 2010.

⁷³ ГАКО. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 406. Л. 120.

⁷⁴ Там же. Л. 35.

⁷⁵ Детальнее о Стороженко: *Жванко Л.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків: Віровець А. П.; Апостроф, 2012. С. 81–82.

⁷⁶ ГАКО. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 406. Л. 234.

⁷⁷ Там же. Л. 475.

⁷⁸ *Левицкий В.* Указ. соч. С. 6.

⁷⁹ Там же. С. 11.

⁸⁰ *Жванко Л.* Указ. соч. С. 446.

⁸¹ *Левицкий В.* Указ. соч. С. 14–25.

⁸² *Можевитинов В.* Указ. соч. С. 34–35.

⁸³ *Наумов Г.* Население Киева по ноябрьской регистрации // Киевские городские известия. 1916. № 11–12. С. 56.

⁸⁴ Детальнее см.: *Купченко В. П., Серга Ж. І.* Київ у Першій світовій війні (за документами Державного архіву міста Києва) // Архіви України. 2014. № 4–5. С. 24–34.

⁸⁵ *М-лин Д.* Киевская муниципальная хроника // ИКГД. 1915. № 9. С. 158–168.

- ⁸⁶ *Его же*. Организация снабжения г. Киева продовольствием // Там же. 1915. № 12. С. 142–151.
- ⁸⁷ *Его же*. Организация снабжения г. Киева топливом // Там же. 1915. № 9. С. 162.
- ⁸⁸ Там же. С. 163–164.
- ⁸⁹ Детальнее о положении военнопленных в Дарницком лагере см.: *Нахтізаль Р.* Дарницький табір військовополонених під час Першої світової війни // Український історичний журнал. 2010. № 2. С. 103–116.
- ⁹⁰ *М-лин Д.* Организация снабжения г. Киева топливом. С. 156–161.
- ⁹¹ Детальнее см.: *Верстюк В.* Українська Центральна Рада. Київ: Заповіт, 1997; *Касьянов Г.* Україна між революцією, самостійністю та окупацією // Україна між самовизначенням та окупацією. С. 129–172; *Jabłoński H.* Polska autonomia narodowa na Ukrainie 1917–1918. Warszawa, 1948; *Korzeniowski M.* Op. cit. S. 191–228.
- ⁹² ЦГИАУ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 579. Л. 54.
- ⁹³ *Бетлій О.* «Хай живе Австрія, геть Росію»: Справа про мітинг у Києві 1914 року. URL: <http://www.istpravda.com.ua/blogs/2013/11/26/140150/>.
- ⁹⁴ См., напр., выпуск, посвященный юбилею Т. Г. Шевченко: Киевская мысль. Приложение к № 56. 1914. 25 февр.
- ⁹⁵ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 259. Д. 69. Л. 403–405.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 85. Д. 37. Л. 12.
- ⁹⁷ Там же. Л. 36.
- ⁹⁸ Там же. Л. 37.
- ⁹⁹ Там же. Л. 37об.
- ¹⁰⁰ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 85. Д. 37. Л. 38. Детальнее о педагогической и общественной деятельности Софии Русовой см.: Софія Русова — педагог, державний діяч, просвітител: до 155-річчя від дня народження: біобібліогр. покажч. / Нац. акад. пед. наук України, Держ. наук.-пед. б-ка України ім. В. О. Сухолинського, Ніжин. держ. ун-ту ім. М. Гоголя; упоряд.: А. М. Доркену, Т. В. Лога; наук. ред.: П. І. Рогова, А. М. Доркену; наук. консультант, авт. вступ. ст. Є. І. Коваленко. Київ, 2010. 175 с. (Серія «Видатні педагоги світу». Вип. 6).
- ¹⁰¹ *Шульгин В.* Против насильственной украинизации Южной Руси // Киевлянин. 1917. 18 июля.
- ¹⁰² В течение нескольких дней на страницах «Киевлянина» печатались присланные в редакцию письма поддержки обращения Шульгина. Детальный анализ этих текстов заслуживает отдельного исследования.
- ¹⁰³ *Шульгин В.* Указ. соч.
- ¹⁰⁴ ЦГИАУ. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 557. Л. 92.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 434. Л. 3.
- ¹⁰⁶ ГАКО. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 953. Л. 31.
- ¹⁰⁷ *Биск И.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁰⁸ *Боровський М.* Указ. соч. С. 434. Детальнее о понятии «малоросс» см.: *Котенко А., Мартинюк О., Міллер А.* «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії // УГО. 2012. Вип. 16–17. С. 55–115.
- ¹⁰⁹ Выборы в Городскую думу // Киевские городские известия. 1917. № 8. С. 48–54.
- ¹¹⁰ Там же. С. 55–62; Журнал № 1. Собрание Киевской городской думы 8 авг. 1917 г. // Там же. С. 79–83.
- ¹¹¹ *М-нов С.* Итоги выборов в Киеве // Там же. 1918. № 7. С. 6.

- ¹¹² *М-нов С.* Указ. соч. С. 10.
- ¹¹³ Там же. С. 16.
- ¹¹⁴ Там же. С. 15–16.
- ¹¹⁵ По поводу результатов выборов в Всероссийское учредительное собрание // Киевлянин. 1918. 10 янв.
- ¹¹⁶ *Шульгин В.* Универсал № 4 // Киевлянин. 1918. 14 янв.
- ¹¹⁷ Перепись г. Киева 16 марта 1919 г. Київ: Киев. губ. стат. бюро, 1920. С. 8.
- ¹¹⁸ Этот период в истории Киева все еще недостаточно исследован. Часто цитируемыми источниками остаются воспоминания А. Гольденвейзера и описание событий на страницах «Киевских городских известий»: *Гольденвейзер А.* Из киевских воспоминаний // Революция на Украине: по мемуарам белых / С. А. Алексеев (сост.), Н. Н. Попов (ред.). М.; Л.: Госуд. изд-во, 1990. С. 16–35; *С. М.* Городская дума и политические события на Украине // Киевские городские известия. 1918. № 2–6. С. 27–44. Кроме того, заслуживает особенного внимания исследование Ольги Скороход: *Скороход О.* Перша спроба: прихід до влади більшовиків у Києві крізь призму сприйняття населенням (січень — лютий 1918 р.) // Наукові записки НаУКМА. Т. 91: Історичні науки. 2009. С. 24–30.
- ¹¹⁹ Управский кризис // Киевские городские известия. 1918. № 7. С. 38.
- ¹²⁰ Там же. С. 40.
- ¹²¹ Думские заседания 26 окт. — 10 нояб. // Там же. 1917. № 11. С. 85–94.
- ¹²² *Шполянский Г. М.* К вопросу о милиции г. Киева // Там же. 1918. № 7. С. 1–6.
- ¹²³ См., напр.: Заседание Городской думы 29 марта // Там же. 1918. № 8. С. 31–40; Городская дума и политические события // Там же. 1918. № 11. С. 52; Возврат к старому // Там же. 1918. № 12–13. С. 1–4; Проект передачи продовольственного дела Городскому управлению // Там же. 1918. № 8. С. 46–50.
- ¹²⁴ *Іващенко Я.* Діяльність Київської міської думи (1917–1919 рр): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. Київ, 2012. С. 89–92.
- ¹²⁵ ГАК. Ф. 163. Оп. 9. Д. 730. Л. 30. Детальнее о немецкой политике и Украинском государстве: *Дорнік В., Ліб П.* Окупаційна адміністрація // Україна між самовизначенням та окупацією. С. 235–262; *Расевич В.* Погляд зсередини — життя за окупації // Там же. С. 299–313.
- ¹²⁶ *Седляр А.* Діяльність органів міського самоврядування в період правління гетьмана П. Скоропадського (на мат-лах Волинської губернії) // Часопис української історії. 2006. № 5. С. 94–99.
- ¹²⁷ *Іващенко Я.* Указ. соч. С. 91–92.
- ¹²⁸ Показательной в этом отношении является судьба Киевского статистического бюро городской управы, которое 16 марта 1919 г. по распоряжению большевиков производит перепись населения Киева. В это время оно переходит «на некоторое время в состав Коммуноотдела и затем в состав учетно-статистического отдела губисполкома, позже получившего в своей статистической части права киевского столичного и губернского статистического бюро, а еще через некоторое время — функции центрального статистического управления Украины. В начале осени того же года, по занятии Киева денкинскими войсками, Бюро было вновь рассечено на свои составные части с переходом их к городскому и земскому самоуправлению». См.: *Волков А.* Предисловие // Перепись г. Киева 16 марта 1919 г. С. 3.
- ¹²⁹ Подробнее: *Бойко О.* Нариси життя Києва: 1919 рік: політика і повсякдення. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2015.
- ¹³⁰ Киевляне! // Киевлянин. 1919. 3 дек.

Дмитрий Черный

Харьков в годы Первой мировой войны и революции

В декабре 1912 г. самая крупная харьковская газета «Южный край» опубликовала статью своего специального корреспондента на Балканах А. Львовича под выразительным заголовком «Проблема Европейской войны». Ее автор предчувствовал и фактически предсказал наступление катастрофы, которая нависла над континентом: «...Война будет, не теперь, так весной, не весной, так осенью; но война — вопрос месяцев, а не лет. Я чувствую смертоносное дыхание; она стоит над нами»¹.

Знакомство с материалами о жизни города последних предвоенных месяцев не дает оснований предполагать, что жители восприняли всерьез предупреждение корреспондента газеты и пребывали в состоянии предчувствия войны. Реальность такого поворота событий выглядела для харьковцев (именно так в те времена называли жителей города) абстракцией, а слова специального корреспондента — скорее эмоциями чрезмерно впечатлительного человека, насмотревшегося и наслушавшегося впечатлений от ужасов вспыхнувшей недавно Балканской войны. Во всяком случае, Харьков продолжал

© Дмитрий Черный, 2017

Дмитрий Черный — профессор Харьковского национального университета.

жить обычной жизнью. Главными обсуждаемыми проблемами, которые волновали горожан, были состояние улиц, городского транспорта, цены на мясо, материальная помощь нуждающимся слоям населения, банковские мошенничества, а более всего — развлечения и увеселения: репертуар кинотеатров и театров миниатюр, посещение парков, поездки в Крым на Пасхальные праздники и т. п.

В начале XX в. Харьков стремительно развивался. К 1914 г. город существенно отличался от тихого провинциального губернского центра, которым он был еще в конце предыдущего столетия. Формировалось самосознание городского жителя, которое соединяло в себе ряд компонентов: общероссийский, украинский, европейский, урбанистический/харьковский. Особенно ярко это единство нашло проявление в архитектуре предвоенного времени. Символизировал его ряд знаковых для города сооружений. Видное место среди них занимал кафедральный Благовещенский собор, сооружение которого завершилось в 1901 г. Рассчитанный на четыре тысячи человек, он соединял черты неовизантийской архитектуры — главная часть и европейской готики — колокольня². В псевдорусском стиле было возведено здание городского ломбарда, а в стиле украинского модерна — художественного училища³. Торговый центр города существенно разросся и реконструировался, обогатился несколькими зданиями банков, соединявшими в себе черты модерна и классицизма. Теперь его величали не иначе как Сити, намекая на Лондон. Новые 5-этажные дома, которые выросли в центре и которые смотрелись на фоне преимущественно одно-двухэтажной застройки внушительно и величественно, вызывали ассоциацию с небоскребами Нью-Йорка.

Городское самоуправление распланировало развитие города на 50 лет вперед, определив темпы строительства водопровода, канализации, трамвайной сети. Абсолютно реальными выглядели планы осуществления к 1921 г. программы всеобщего обучения детей школьного возраста. В начале 1913 г. во время традиционной встречи на железнодорожном вокзале местного истеблишмента с императором, который проезжал через Харьков по дороге в Крым, монарху был вручен недавно изданный двухтомный труд «История города Харькова за 250 лет его существования»⁴. В этом капитальном исследовании подводились итоги предшествующих веков развития города. Оно задумывалось еще в конце XIX в. как необходимое пособие для «отцов города», определявших перспективы развития. Уже после

*Харьков накануне войны. Центральная деловая часть города.
Николаевский собор, немецкая кирха*

появления первого тома книга стала восприниматься как кирпичик в фундамент нового современного самосознания жителей Харькова. Адрес, который одновременно с книгой вручал императору автор «Истории» и городской голова периода Первой мировой войны Д. И. Багалей, был оформлен украинским орнаментом.

Харьковчанин чувствовал себя неотъемлемой частью успешной, довольно динамично развивавшейся страны. Поэтому совершенно естественной реакцией на начало войны стала поддержка политического курса имперской власти со стороны населения города. Уже в июле на экстренном заседании городской думы было выделено 30 тыс. руб. для обеспечения лиц, призванных на военную службу, и 100 тыс. руб. — на оказание помощи раненым; параллельно членами биржевого общества было собрано на нужды войны 40 тыс. руб.⁵ В течение первых десяти дней августа в пользу семей воинов поступило 55,1 тыс. руб. пожертвований⁶. В Харькове было создано Общество помощи пострадавшим на войне солдатам, которое с августа 1914 г. по январь 1915 г. собрало пожертвований на сумму свыше 17 тыс. руб.⁷ Эти деньги были очень нужны, потому что уже в августе в город стали прибывать поезда с ранеными: по состоянию на конец

месяца прибыло 24 поезда с более чем 10,2 тыс. чел. Впоследствии сообщения о прибытии раненых стали повседневным явлением. В первые месяцы войны в городе активно обсуждали необходимые расходы на содержание раненых в госпиталях. Местное Общество скорой помощи организовало при станции лазарет на 22 кровати, на оборудование которых выделило по 91 руб.⁸, что сопоставимо с суммами, определенными комитетом Союза городов в ноябре 1914 г.: оборудование койки для раненого обходится в 110 руб., а суточное содержание — 2 руб.⁹

Понять, что собою представлял город Харьков в годы войны и революции, можно только рассмотрев ряд ключевых аспектов эволюции его населения, политических предпочтений, муниципальной жизни, промышленного развития, социальных стандартов. Без сравнения с предвоенной картиной почувствовать динамику и «качество» изменений просто невозможно.

Население Харькова: динамика перемен

В 1914–1916 г. демографическая ситуация в городе кардинально поменялась. Так, в предшествующие войне годы — между 1897 и 1914 г. — население Харькова выросло на 75,7 тыс. чел., или на 43,5%. При этом среднегодовой прирост составлял 4453 чел., или 2,6%. Среднегодовой темп прироста населения Харькова был меньшим, чем в других губернских городах Украины и столицах империи. Прирост/отток населения в отдельные годы колебались в диапазоне 2,3–10,9 тыс. чел. в связи с влиянием политических и экономических событий¹⁰. Эти колебания не носили драматического характера и позволяли городскому самоуправлению планировать развитие городской инфраструктуры на длительную перспективу.

В 1914 г. произошло уменьшение числа жителей почти на 3,7 тыс. чел., что связано прежде всего с призывом в действующую армию мужского населения. По состоянию на 1 января 1915 г. на попечении городской комиссии по призрению семей запасных, призванных на войну, состояло 5136 семей¹¹.

Параллельно с уходом мужского населения на фронт начался приток эвакуированных из местностей, охваченных войной. Первоначально речь шла о переезде отдельных учреждений. Так, уже в ноябре 1914 г. в Харькове открылись занятия Новоалександрийского

сельскохозяйственного института, студенты и преподаватели которого, казалось, временно переехали в Харьков¹². Со второй половины 1915 г. прирост населения существенно ускорился в связи с массовым появлением эвакуированных и беженцев из зоны военных действий. В результате менее чем за полтора года — с января 1915 г. по май 1916 г. — численность проживающих в городе увеличилась почти на 37 тыс. чел. Приток населения продолжался в последующие месяцы. В рамках городской черты в 1917 г. проживало более 288 тыс. чел., на 48,1 тыс. больше, чем накануне войны. Существенно «давили» на городскую инфраструктуру пригороды с их 64,6-тысячным населением. К концу 1917 г. пригороды слились с городской чертой не только «физически», но и потому, что проживающее там население значительно теснее было связано с Харьковом местом работы, чем в предвоенные годы.

В ходе полномасштабной Гражданской войны 1918–1920 гг. население Харькова значительно уменьшилось. В 1920 г. внутри городской черты проживало на 57,6 тыс. людей меньше, чем в конце 1917 г., и на 9,5 тыс. меньше, чем накануне войны¹³. В результате притока и оттока населения, к причинам которого будем обращаться далее, изменилась социальная и национальная структура. Произошло «размывание» ядра постоянного населения города, которое было носителем местных культурных традиций.

Наибольший прирост населения в 1912–1916 гг. происходил в двух районах города: заводском (рабочем) паровозостроительного завода и центральном (по терминологии, принятой в дальнейшем, — буржуазном) Нагорном. Он составлял соответственно 50,2% и 48,3%. Таким образом, война ускорила и закрепила формирование двух социально полярных полюсов Харькова, что не могло не отразиться на жизни города в годы Гражданской войны.

Именно в эти годы в местном обиходе появилось и укрепилось понятие «общежитие» как нечто отличное от известных студенческих общежитий университета. В те времена общежитием в обобщенном смысле стали называть все места общего проживания людей, включая больницы (учитывая большое количество раненых, проходивших лечение и реабилитацию, они становились на длительный срок домом не для одной тысячи людей), воинские казармы и т.п. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г., в общежитиях и воинских частях проживали

более 25,2 тыс. чел., или 9,6% населения в пределах городской черты¹⁴. В дальнейшем, в советское время, общежитие стало элементом постоянным, явлением повседневности, превратившись, можно сказать, в социальный институт.

В период между 1914–1920 г. существенно изменился национальный состав жителей Харькова. Перед началом войны считалось, что результаты Первой всероссийской переписи населения 1897 г. адекватно отражают национальный состав населения города. В соответствии с ними в губернском центре проживали 63,13% горожан, которые языком общения в семье называли русский, 25,92% — украинский, 5,66% — еврейский, 2,28% — польский, 1,35% — немецкий, 0,35% — белорусский, 0,44% — татарский¹⁵. Перепись, проведенная в 1920 г., дала такие результаты: 50,63% назвали себя русскими, 21,23% — украинцами, 20,52% — евреями, 2,73% — поляками, 1,78% — латышами, 0,86% — немцами, 0,75% — армянами¹⁶. Безусловно, данные этих переписей не вполне сопоставимы, поскольку именно в 1920 г. впервые было предложено отвечать на вопрос о национальности, а не о языке. Объяснение факта существенного сокращения русских, менее значительного — украинцев и заметного роста еврейского населения следует искать в событиях периода войны и революции. Возрастанию доли евреев, латышей, поляков способствовали принудительное выселение властями, эвакуация и бегенство 1915 г. из зоны, прилегающей к району военных действий. Нельзя исключать и того, что снятие в 1917 г. запретов на проживание евреев вне черты оседлости обусловило то, что часть русскоговорящих жителей легализовали свое пребывание в городе, стали отождествлять себя с определенной национальной группой (в Харькове до войны была мощная прослойка купечества, приказчиков, врачей, юристов, имевших еврейские корни). Сокращение числа русских обусловлено также событиями 1919 г., о чем речь будет идти ниже.

События войны непосредственно влияли на межнациональные отношения в городе. Начиная с 1915 г. настроения национальной нетерпимости стали распространенным явлением, чего не было в предшествующие годы. Они коснулись в первую очередь немцев, поляков, евреев и украинцев.

Вот один из типичных инцидентов, которые случались на улицах города, в ресторанах, других общественных местах. Все они объединены одним: бдительные местные жители задерживают людей,

говоривших между собой по-немецки, и доставляют их в полицию для принятия соответствующих закону мер. Так, 3 мая 1915 г. в управление пристава третьего полицейского участка Харькова явились два студента Харьковского университета Михаил Петрович Радковский и Борис Михайлович Лызлов, которые доставили трех немецких колонистов, высланных из Варшавской губ., — Ивана Августовича Реннерта, Михаила Михайлова Трейхеля и Ивана Яковлева Япса. Далее дадим слово бесстрастному полицейскому протоколу, в котором записано, что они «заявили мне дежурившему околоточному надзирателю Дирюжинскому, что упомянутых 3-х колонистов они задержали на углу Пушкинской и Бассейной ул. за то, что последние на улице громко разговаривали на немецком языке, при чем Реннерт и Трейхель идя вдвоем разговаривали между собой по немецки и говорили очень громко так что они Радковский и Лызлов на это обратили внимание, Япс же шел с другими неизвестными, успевшими скрыться, но они не слышали чтобы последний говорил по-немецки, спутник же его ему говорил по-немецки, отвечал ли он ему они не слышали»¹⁷. Дело тянулось до февраля 1916 г.: проверялись личности немцев, задержанных бдительными студентами, накладывались и взыскивались с них штрафы в размере 10 руб. с каждого на основании обязательных постановлений от 25 марта 1915 г., рассматривались ходатайства немцев «о снисхождении и даровании вины», ибо они были беженцами. Власть не пошла ни на какие уступки, и в конце концов с Реннерта, последнего из трех, взыскали штраф, о чем сообщается в деле 6 февраля 1916 г.¹⁸ В канцелярию губернатора поступали многочисленные доносы о «шпионстве», вредительской деятельности людей с немецкими фамилиями¹⁹.

Что касается поляков, евреев, украинцев, то тут доминировали анонимные доносы, которые также долго и тщательно проверялись полицией. Значительный общественный резонанс не только в Харькове, но и в целом в губернии вызвала попытка наложения секвестра на магазины швейных машин компании Зингер в октябре 1915 г.²⁰ Для придания законности были использованы свидетельские показания против местных агентов компании, людей как с немецкими, так и со славянскими фамилиями. Вся эта кампания была инициирована сверху, в частности представлением военного министра от 25 августа 1915 г.²¹ Секвестр магазинов был отменен благодаря не только позиции МИДа России, который представил доказательства ложности

доносов, а также того, что кампания эта прежде всего американская, но и многочисленным ходатайствам агентов кампании и работающих на этих машинках портных, которые рисковали столкнуться с потерей заработка²². Тем не менее атмосфера была до такой степени накалена, что лояльные российские граждане начали менять фамилии на славянские, опасаясь преследований. Так, офицер российской армии Владимир Карлович Шнейдер, семья которого проживала в Харькове, вынужден был сменить фамилию на более «благозвучную» Шевелев²³. Подобные шаги породили в дальнейшем смену самоидентификации людей. Сын этого офицера Ю. Шевелев стал выдающимся украинским филологом.

Политическая жизнь

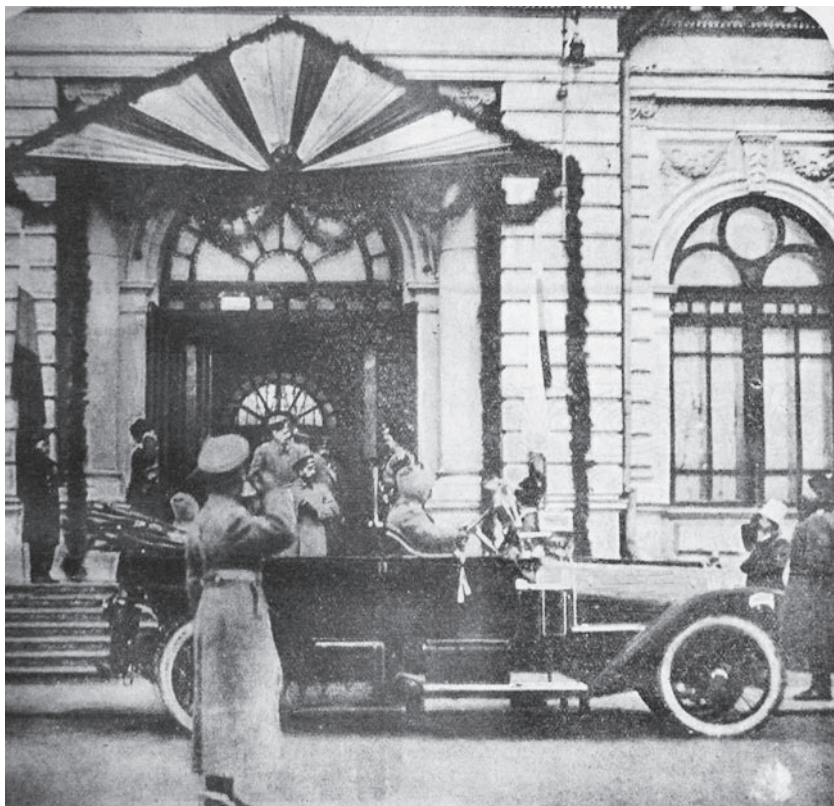
Политическая активность и политические предпочтения горожан претерпели серьезные изменения в годы войны и революции. Постепенная эволюция от характерной для традиционного общества модели поведения к современной модели началась после 1906 г. Она проявила себя пока еще как тенденция во время выборов в городскую думу 1910–1914 гг., когда на смену так называемым «профессорской» и «купеческой» партиям, известным с XIX в., пришли новые, например «прогрессивная группа». В нашем распоряжении нет прямых доказательств связи этих людей с зарождавшейся партией прогрессистов, но базовые идеологические принципы общероссийской политической силы, создаваемой П. П. Рябушинским, и харьковской группы были весьма близки.

В годы войны в Харькове оставалось значительное влияние либералов, монархистов и социалистов-революционеров. В новую фазу вступило украинское национально-освободительное движение. Особенностью последнего в 1914 — начале 1917 г. было формирование молодежных организаций, которые, во-первых, стремились к межпартийности; во-вторых, искали пути перехода от чисто культурнических задач к политическим; в-третьих — пытались найти баланс между социалистическими и национальными требованиями. Особое место занимал Молодежный союз Левобережной Украины (Юнацька спілка Лівобережної України). В Харькове действовали не менее 16 кружков этого союза, охватывая все четыре мужские и одну женскую гимназию, реальное, художественное и железнодорожное

училища, духовную семинарию, фельдшерские курсы, Высшие женские курсы, все местные вузы и эвакуированный Новоалександрийский сельскохозяйственный институт. Общее количество участников в Харькове составляло 150–200 чел. из 700–800 членов по региону Левобережья²⁴. Причем эта организация смогла создать свои отделения в 7 из 11 уездов губернии, в большинстве из которых ранее не фиксировалось существования украинских политических структур²⁵. Традиционные украинские политические партии были относительно слабы. Так, группа УСДРП осенью 1915 г. имела не более 10–15 членов. УПСР находилась в стадии формирования, и многие деятели Молодежного союза были, по всей видимости, сторонниками УПСР. В Харькове наметилась тенденция к объединению этих партий²⁶. Украинское движение несколько раз «вычищалось» арестами, которые происходили в январе 1915 г., январе 1916 г. и феврале 1917 г.²⁷ Кроме этих групп в городе существовали харьковский «видавничий гурток» («издательский кружок»), харьковская среднешкольная организация.

В сентябре 1915 г. в Харькове начало формироваться «Общество для оказания помощи малороссийскому населению, пострадавшему от военных действий». В прошении, подписанном врачом Ф. В. Писнячевским, дворянином К. М. Бич-Лубенским и вдовой М. И. Батюшковой, говорилось: «Мы хотим исполнить свой нравственный и человеческий долг перед родиной в годовщину ее великих страданий, оказать широкую общественную помощь нашим беженцам и путем учреждения проэктируемого Общества — поставить малороссийских беженцев в такое же положение, как беженцы — евреи, поляки и латыши»²⁸. Разрешение было получено 25 июня 1916 г., но, очевидно, общество не успело развернуть свою деятельность.

Польский фактор в Харькове был заметным еще до войны. Местные черносотенцы даже поднимали вопрос о борьбе с польским засильем в городской управе. Подпиткой служили как количество представителей этой национальной группы в населении, так и ее организованность, в основе которой лежал не сколько политический, сколько конфессиональный признак. Поляки, как местные, так и из состава беженцев, регулярно посещали костел. В 1915–1916 гг. на воскресные богослужения их приходило так много, что костел не мог вместить всех и они вынуждены были толпиться на улице, мешая движению. Именно здесь, на улице рядом с костелом,

Встреча Николая II на вокзале в Харькове 23 ноября 1914 г.

происходила интенсивная коммуникация поляков, которая легла в основу последующей политической активности. В 1917 г. на выборах в городскую думу сформировался список «Польские общественные организации». Мотив его формирования, а также восприятие поляками своего пребывания в Харькове раскрываются в заявлении гласного — поляка Я. М. Пиотровского. Он отмечал, что большинство проживающих в городе поляков — «элемент временный», они считают для себя неправильным вмешиваться в строительство новой жизни и навязывать свои идеи, но они будут всемерно содействовать городскому благоустройству в соответствии с новыми принципами жизни страны²⁹.

После февраля 1917 г. фактически прекратили существование правые политические силы. Мы полагаем, что причинами такого развития событий стали отречение Николая II и превращение страны де-факто, а через несколько месяцев и де-юре в республику, что подрывало смысл существования этих партий. Кроме того, следует учитывать, что в предшествующие годы массовое членство в этих организациях достигалось путем административного давления. Уже в предвоенные годы поддержка сверху начала ослабевать, а в годы войны — прекратилась, в том числе было остановлено финансирование их средств массовой информации³⁰.

Существенно наращивали свою политическую активность ПСР и РСДРП, которые, особенно первая³¹, вышли из подполья, имея ореол стойких борцов. Таким образом, политические симпатии горожан в первой половине 1917 г. существенно сдвинулись влево.

Все эти изменения проявили себя в июле 1917 г., когда состоялись первые в истории демократические выборы в Харьковскую городскую думу. На 116 мест претендовали 687 кандидатов, представлявшие 13 политических сил (списков), среди которых были общероссийские политические партии: Партия народной свободы, социал-демократы (большевики и меньшевики), социалисты-революционеры, Трудовая народно-социалистическая партия; национальные политические партии и группы (украинские — Харьковская организация УСДРП, Украинский демократический блок, три еврейские, одна польская) и чисто местные союзы (квартиронанимателей, почтово-телеграфных служащих). Несмотря на то что это были первые всеобщие выборы без каких-либо цензовых ограничений, в голосовании приняли участие чуть более половины избирателей: в избирательные списки были внесены 159,3 тыс. чел., из которых зарегистрировались для участия в выборах 90,3 тыс. (56,6%), явились и проголосовали 82,2 тыс. (91% зарегистрировавшихся и 51,6% внесенных в списки)³². Эти данные свидетельствуют о значительном росте политической активности горожан. Ведь даже на выборах в цензовую думу 1906–1914 гг. явка составляла 22,4%, 33,6% и 30,6% от имевших право голосовать³³.

Убедительную победу на выборах одержали социалисты-революционеры: их список «Земля и Воля» набрал 37,5 тыс. голосов (46,4%). Вторыми были кадеты — 10,9 тыс. голосов (13,5%), третьими — меньшевики: 9,3 тыс. голосов (11,6%). За ними шли РСДРП(б) — 7,5 тыс.

(9,3%), Трудовая народно-социалистическая партия — 5,6 тыс. (6,9%), объединенный еврейский список — 3,6 тыс. (4,5%). Остальные участники получили 0,5–1,8% голосов. Таким образом, первое демократически избранное городское самоуправление Харькова составили 54 социалиста-революционера, 16 кадетов, 13 меньшевиков, 11 большевиков, 8 представителей ТНСП, 5 — от объединенного еврейского списка. По одному-два гласных представляли другие политические силы.

Осенью 1917 г. в городе прошла новая избирательная кампания — во Всероссийское учредительное собрание. Голосование свидетельствовало о некотором росте активности избирателей: в Харькове на избирательные участки пришли около 98,8 тыс. чел. Однако политические предпочтения харьковчан существенно трансформировались. Большинство голосов в городе получили большевики — 27,3 тыс. (27,8%). Прибавили «в весе» кадеты — 24,9 тыс. (25,2%), в то время как эсеры утратили позиции, заняв только третье место: 12,5 тыс. голосов (12,7%). Изменения предпочтений харьковчан по сравнению с июльскими выборами в городскую думу связаны с тем, что фактически правящая в стране партия социалистов-революционеров в условиях нарастающей нестабильности естественно теряла голоса. Успех кадетов свидетельствовал как о все большей поляризации настроений — избиратель, который голосовал за либералов, очевидно хотел стабильности, — так и о возвращении политических предпочтений горожан к традиционным для них либеральным стандартам, проявившимся еще в 1906–1907 гг. Этой партии не хватило не так уж и много голосов, чтобы провести своего депутата в Учредительное собрание. Однако предпочтения избирателей губернии существенно отличались от тех, что проявили себя в Харькове. Поэтому в целом по округу большинство голосов получили российские и украинские социалисты-революционеры (левые и центристы), которые шли совместным списком. За них проголосовали 795,5 тыс. избирателей, или 72,8%. Второе место завоевали большевики — 114,7 тыс. голосов (10,5%), третье — кадеты: 58,3 тыс. (5,3%). Таким образом, от Харьковской губернии в Учредительное собрание было избрано 8 эсеров и 2 большевика³⁴.

Последующие события революции и Гражданской войны способствовали распространению настроений абсентеизма. Особенно ярко это проявилось летом 1919 г. В период пребывания в Харькове войск

А. Деникина состоялись выборы в городскую думу. В выборах могли принять участие около 79,8 тыс. избирателей. Однако явились на избирательные участки около 12,2 тыс. чел., или 15,6 %, что больше, чем по другим городам³⁵, но все равно процент явки был заметно меньше, чем в довоенные времена. Такое изменение политического поведения свидетельствовало о разочаровании избирателей, усталости от военных конфликтов и социально-экономических проблем, страхе и неуверенности в завтрашнем дне, особенно в том, что белые пришли надолго.

Городская дума и городское хозяйство

В начале XX в. городская дума завоевала прочные позиции в сознании горожан как важный и ответственный субъект хозяйственной жизни. Этому в немалой степени способствовала максимальная открытость ее работы. Местные газеты публиковали близкие к стенографическим записям отчеты ее заседаний. Минимальная неточность в публикации вызывала протест в редакцию, после чего следовали публикация извинения и уточнения слов того или иного оратора. Дума начиная с 1907 г. издавала свой ежемесячный журнал «Известия Харьковской городской думы», на страницах которого публиковались не только разнообразные материалы ее комиссий, городской управы, но и аналитические статьи относительно развития городского хозяйства других городов России, а также Европы и Америки. Возросшее самосознание городских жителей стало основой для возникновения новых чисто городских органов печати, которые должны были обсуждать и освещать именно вопросы городской жизни, в том числе журнала «Горожанин», вечерних газет.

На протяжении пяти предвоенных лет дума в 1,4 раза увеличила расходы на модернизацию различных сфер жизни. Бюджет Харькова в 1914 г., который еще не был кардинально отягощен военной и инфляционной составляющей, достиг 6,9 млн руб. Однако уже в плане на 1916 г. предусматривался в абсолютных цифрах такой же прирост трат, какой был достигнут за пять предвоенных лет: в 1,4 раза. Расходы города должны были составить более 10 млн руб.³⁶

Сегмент жизни Харькова в годы войны и революции, который пребывал под «опекой» городской думы, считаем невозможным вписать ни в схему постоянного ухудшения, ни в схему развития. Одни

отрасли городского хозяйства и городской жизни развивались, другие приходили в упадок.

Транспорт в городе представляли конка, трамвай, извозчики. В этой сфере жизни ситуация ухудшалась. Так, до войны Харьков был одним из немногих городов Левобережной Украины, в котором не было сезонных колебаний количества извозчиков, что само по себе отражало стабильность деловой активности независимо от поры года. В 1913 г. городской управой было выдано 3359 разрешений на промысел одноконных и пароконных извозчиков³⁷. Накануне войны их число даже выросло до 3,5 тыс.³⁸ И это при том, что в городе динамично развивалось трамвайное сообщение, продолжала работать конка. Однако в 1919 г. таких разрешений выдано 905, т. е. почти в четыре раза меньше, чем перед войной³⁹. Эти данные отражают падение спроса на транспорт, связанное с низкой покупательной активностью, понижением жизненного уровня населения, мобилизацией конского состава для нужд различных воинских формирований.

С другой стороны, вплоть до 1919 г. фиксировалось возрастание потребления воды через городскую водопроводную сеть: если в 1912 г. горожанам отпущено 163,3 млн ведер воды, то в 1916 г. — 347,9 млн, в 1919 г. — 404,8 млн: в 2,5 раза больше, чем перед войной⁴⁰. Таким образом, оно росло быстрее, чем численность населения. Причинами таких изменений были несколько обстоятельств: увеличение более чем на 40% количества домовладений, подключившихся к водопроводу, количества жителей в центральном районе — территории, наиболее охваченной водопроводной сетью, а также пуск в 1914 г. первой очереди городской канализации, что существенно облегчало пользование водопроводной водой. Кроме того, полагая, исчезло психологическое предубеждение против водопровода, в том числе относительно стоимости воды (по сравнению с речной, хотя последняя также интенсивно использовалась жителями), а напряженная санитарно-эпидемическая ситуация «простимулировала» большее число местных жителей обращаться к услугам централизованного водоснабжения. Нельзя исключить и то обстоятельство, что воду использовали для полива огородов на раздаваемых с 1916 г. муниципалитетом землях, которые в условиях перманентных кризисов в продовольственном снабжении приобретали важное значение для выживания городского населения.

Фактически замерло в годы революции строительство. Так, в 1912 и 1913 гг. техническим отделом городской управы было выдано соответственно 822 и 766 разрешений на постройку каменных и деревянных зданий как жилого, так и хозяйственного назначения, в 1915 г. — 250⁴¹. В первые годы войны велась достройка объектов, среди которых были такие важные для города сооружения, как крытый рынок на Благовещенском базаре, Трехсвятительский трехпрестольный храм на Заиковке, здание Коммерческого института⁴². Однако в дальнейшем желающих возводить новые дома стало очень мало. За первые восемь месяцев 1919 г. выдано 28 разрешений на строительство, 13 из которых приходится на июль — первый месяц пребывания города под контролем армии А. Деникина⁴³.

На пути превращения в индустриальный центр

Именно в годы войны Харьков превратился в важный центр военной промышленности империи, что привело к окончательному изменению самой сущности города, его восприятия современниками. О том, что представлял собой Харьков в плане промышленного потенциала накануне войны, дают представления следующие данные. В городе было 135 действующих фабрик и заводов с 9,9 тыс. рабочих, на которых произведено продукции на сумму 24,6 млн руб.⁴⁴ Кроме того, Харьков был одним из важнейших центров руководящих органов промышленности Юга России. С февраля 1909 г. здесь находились структуры Продугля⁴⁵. В городе состоялись 39 из 42 съездов горнопромышленников Юга России, из которых три — в годы Первой мировой войны. Последний съезд этой представительной организации состоялся в Харькове в ноябре 1917 г.⁴⁶ Начиная с 1906 г. бесменным главой совета съездов горнопромышленников Юга России был известный харьковский предприниматель, гласный Харьковской городской думы Н. Ф. фон Дитмар⁴⁷.

В годы войны к уже действующим предприятиям Харькова присоединились эвакуированные заводы: ВЭК из Риги, «Герлях и Пульст», фабрика велосипедов и автомобилей «Россия» Лейтнера и К^о, завод железных конструкций Шпильберга и К^о из Варшавы. Все они представляли собой практически единственные в России производства по изготовлению дефицитной в условиях военного времени продукции. Эвакуацией промышленных предприятий

Демонстрация на заводе ВЭК, эвакуированном из Риги. Харьков

занималась дополнительная районная эвакуационная комиссия (из 11 в целом по России), которая и отвечала за восстановление предприятий на новых местах в Харькове. Среди новых — завод ВЭК и его рабочие сыграли одну из ключевых ролей в революционных событиях 1917 г.

По состоянию на ноябрь 1915 г. 20 заводов города работали на нужды фронта. Главными продуктами производства были снаряды, шрапнель, мины, которые производились на 8 заводах: Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ), земледельческих машин Мельгозе, Гельферих-Саде, ВЭК, Лейтнера, Блейхерта, «Швальбе и Стукас», слесарной мастерской Э. Ф. Козловского. Кроме того, мастерские Харьковского технологического института и чугунолитейный завод Алексева делали станки для производства снарядов. Наиболее важен для обороны был ХПЗ, который производил не менее 11 названий продукции оборонного значения, в том числе части пулеметов, трубопроводы для линейных кораблей, газовые двигатели для подводных лодок, стальные отливки для миноносцев, краны для доков Черноморского флота и пр. Завод Шиманского (бывший Пильстрема) и завод Шмидта производили не менее 7 названий

продукции, среди которой существенную часть занимали механизмы и стальное литье для подводных лодок и крейсеров. Кроме того, велось производство прессов для Охтинского завода. На заводе Гельферих-Саде производили снаряды, ручные гранаты, кирки, ружейные ножницы (действовал специальный цех), двуколки. Помимо этих масштабных заказов заводы Харькова производили колючую проволоку, прожекторы, повозки различного назначения, части понтонных мостов, походные кухни, походные карманные грелки. На заводе Лейтнера ремонтировали воинские автомобили⁴⁸. Железнодорожные мастерские, например Южных железных дорог, были загружены заказами по производству трех- и пятидюймовых снарядов. Как следствие — они не были способны вести ремонт паровозов и вагонов в необходимых объемах.

Производство паровозов имело особое значение из-за повышенной потребности в перевозках для нужд фронта. В начале XX в. два украинских завода, ХПЗ и Гартмана (Луганск), давали 23–31 % общеимперского производства, которое в 1914-м составило 742 шт. В 1917 г. производство паровозов в России составило 405 шт. при заказе 1163, из них украинские предприятия произвели 215 шт. (53 % общероссийского производства), обеспечив наивысший процент выполнения заказов: ХПЗ справился на 47 % (для сравнения завод Гартмана — на 40 %). Каждый пятый паровоз империи выпускался в годы войны на ХПЗ.

В условиях войны пищевая промышленность приобрела стратегическое значение. В Харькове эта отрасль производства традиционно играла важную роль. Так, в начале XX в. в этой отрасли работали 30 % промышленных предприятий города. Они производили от трети до 41 % общей стоимости продукции промышленности. Накануне войны в городе работали шесть больших мельниц, которые перерабатывали более 5,2 млн пудов зерна в год. Для сравнения — в Одессе перерабатывалось около 10,5 млн пудов пшеницы, Кременчуге — 10–15 млн пудов зерна. В годы войны из-за возрастания спроса произошло значительное увеличение производства при одновременном уменьшении количества сортов, а значит и снижении качества муки. Таким образом, понизились стандарты качества потребляемой хлебобулочной продукции. В годы войны это воспринималось как временное явление, но в последующем к довоенным стандартам так и не вернулись. Еще одним из важных производств «военного» характера

было табачное. Харьков представляли три мощные фабрики, на которых между 1913 и 1915 гг. производство папирос выросло в 1,8 раза, а всех видов табачных изделий — в 1,4 раза.

В годы войны произошли существенные изменения в численности и качественном составе рабочего класса города. На ХПЗ из 3632 рабочих, более 2 тыс. из которых имели стаж работы около 20 лет на данном предприятии, к сентябрю 1915-го призвали в армию более 1 тыс. чел. Потребности расширения производства вынудили принять на работу более 2,1 тыс. чел., не имеющих соответствующего опыта, а в связи переходом на работу в 3 смены планировалось принять еще около 1,5 тыс. чел. Пополнение рабочей силы осуществлялось за счет женщин, девушек и подростков. В результате к июлю 1916 г. женщины составляли 12,5% занятых на ХПЗ (для сравнения — в конце 1916 г. на Днепровском металлургическом — 10,7%, Александровском заводе — 13%). В начале 1917 г. на ХПЗ уже работали 6678 человек⁴⁹. Завод ВЭК в 1915 г. добавил к харьковскому пролетариату около 2 тыс. высококвалифицированных рабочих. В 1917 г. число занятых на предприятии возросло с 2,3 тыс. (апрель) до 3,6 тыс. (ноябрь)⁵⁰. Большинство прибывших из Риги рабочих отличалось организованностью и сплоченностью в политическом отношении. Среди них был высок авторитет РСДРП(б), что сразу же повысило шансы этого течения социал-демократии в городе, в котором прежде преобладали меньшевистские настроения. Красноречиво о предпочтениях местных и вновь прибывших рабочих свидетельствуют такие данные: к июню на ХПЗ числилось 160 членов большевистской организации, а на ВЭК — 400! Привлеченные в 1917 г. в коллектив ВЭК новые кадры, как видно из последующих событий, на данном предприятии попадали под влияние основного ядра. Не случайно в местной Красной гвардии в июне 1917 г. из общего количества 1000 чел. 400 представляли завод ВЭК.

Город и беженцы

Беженство превратилось в одну из главнейших социально-экономических проблем города. Эта проблема непосредственно связана с событиями на фронтах. В ходе Галицийской битвы в августе — сентябре 1914 г., Карпатской операции января — апреля 1915 г. российские войска одержали несколько важных побед, в том числе

захватили 21 августа (3 сентября) 1914 г. Львов, 9(22) марта 1915 г. — Перемышль, подошли на расстояние 30 км к Ужгороду. Однако в конце апреля 1915 г. австрийские и немецкие войска совершили Горлицкий прорыв и до начала июня заставили российские войска оставить территорию Галиции. Прямым следствием этих поражений стали не только большие людские потери, но и перемещение вглубь страны значительных масс эвакуированных, беженцев. Организацией их перевозки по территории Харьковской, Полтавской, части Киевской, Екатеринославской, Курской и Воронежской губерний занимался созданный распоряжением МВД Харьковский порайонный комитет по регулированию перевозок массовых грузов и населения на железных дорогах. Также создавались регистрационные и распределительные пункты для беженцев на вокзалах. Таким образом, в Харькове добавилось управленческих структур, которые повышали процент служащих (в восприятии местного населения — чиновничества), и так весьма значительный в губернском центре. На фоне кризисных явлений эти люди получали относительно высокие и стабильные заработки, а значит, вызывали у рядовых харьковчан ощущение, что эти деньги уходят мимо них. На распределительных пунктах, вокзалах беженцев кормили, что увеличило нагрузку на местный продовольственный рынок.

Харьковский регистрационный пункт, один из крупнейших в стране, зарегистрировал за июль — декабрь 1915 г. прохождение через город 366,4 тыс. беженцев. Подавляющая часть их (63,7%) прошла в сентябре — 233,4 тыс. Из зафиксированных Комитетом Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий 2,7 млн беженцев по состоянию на 20 декабря 1915 г. на территории Харьковской губернии находились 116,8 тыс. чел. В 1916–1917 гг. количество беженцев возросло до 126,9 тыс., хотя в процентном отношении беженцев на Харьковщине стало меньше по сравнению с другими украинскими губерниями, что составило в июне 1917 г. 14,9%.

Среди городов Украины наибольшее число беженцев осело именно в Харькове — 42,1 тыс. (декабрь 1915 г.), 45,9 тыс. (ноябрь 1916 г.), в то время как в Екатеринославе насчитывалось 28,5 тыс., Киеве — 24,2 тыс., Одессе — 19,7 тыс. по состоянию на ноябрь 1916 г.⁵¹ Об одной из категорий этих новых жителей Харькова протоиерей П. Н. Скубачевский, председатель совета Общества русских людей в Харькове,

которого трудно заподозрить в нелюбви к властям, сообщал в частном письме своему респонденту в Петроград: «Среди беженцев чуть ли не половина всякой чиновни, которая получает подъемные, разъездные на лошадей, хотя едет по железной дороге, получает за утраченное имущество, которое кто же проверяет. На этих господ тратятся невероятные суммы»⁵². Свидетельство П. Н. Скубачевского, известного в Харькове церковного, общественного и политического деятеля, говорит о том, что беженство оказывало разрушительное воздействие на психологическое состояние населения.

Несколько компенсировала состояние шока обывателя от засилья чиновников деятельность общественных организаций, особенно местных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского союза городов. Харьковский комитет был одним из наиболее активных, а его глава — многолетний член городской думы, член городской управы А. Н. Корытин умел привлечь общественность к работе. Они занимались формированием санитарных поездов, созданием госпиталей, подготовкой медперсонала, помощью беженцам, выполнением заказов военного ведомства по снабжению армии бельем, обмундированием, снаряжением путем мобилизации легкой и кустарной промышленности.

В годы войны существенно повысился интерес к информации. Это стимулировало рост тиражей газет. Разовый тираж номера только одной из крупнейших — «Южный край» (Харьков), регион влияния которой охватывал большую часть Левобережной Украины, увеличился с 30 тыс. до 100 тыс. экз. Одновременно из-за экономических трудностей военного времени прекратили свое существование газета левокадетского направления «Утро», правомонархические проправительственные «Харьковские ведомости».

Падение уровня жизни

Война привела к постепенному ухудшению жизни населения. Остро стоял вопрос о социальной защите семей военнослужащих и погибших. Городскими опекунами им предоставлялись продовольственные пайки, денежная помощь, которая равнялась половине заработной платы кормильца семьи. В городе действовало Общество по опеке детей лиц, призванных на военную службу, Особая исполнительная комиссия при городской думе по обеспечению семей

запасных, мобилизованных в действующую армию. В Харькове ежемесячные продовольственные пайки составляли 27,8 кг ржаной муки, 4,1 кг круп, 0,4 кг подсолнечного масла, 1,64 кг соли. Их получали 3129 семей нижних чинов в августе 1914 г., а в июне 1915 г. — 6286.

Возрастание расходов на социальную помощь, объемов перевозок продовольственных грузов на нужды гражданского населения, исчерпание запасов вследствие закупок провианта для действующей армии принудили местную власть установить в 1915 г. таксы на продукты питания. Для улучшения продовольственного снабжения населения организовывались магазины, продовольственные склады, собственные хлебопекарни (июль 1915 г.), закупки предметов первой необходимости. Летом — осенью 1916 г. Харьков начал вводить карточки на сахар, соль, керосин, в начале 1917 г. — на хлеб, муку. Это было связано с тем, что социально-экономическая ситуация стала стремительно ухудшаться с конца 1916 г., особенно — продовольственное положение города. Понять масштабы ухудшения можно, сравнив цены на главные продукты питания. В июле 1914 г. в Харькове они были такими: мясо первого сорта стоило 19 коп. за фунт, свиное соленое сало — 25 коп., хлеб ржаной — 3 коп., сливочное масло — 48 коп., пуд картофеля — 40 коп. За первые два года войны цены выросли на мясо — в 1,16 раза, масло — в 2,3 раза, хлеб — в 1,7 раза, сало — в 1,6 раза, картофель — в 2 раза. Однако с апреля 1916-го рост цен ускорился, достигнув бешеного темпа в декабре 1916 — феврале 1917 г. Так, мясо подскочило в цене с 22 до 75 коп. за фунт (рост в 3 раза); масло с 110 коп. до 165 коп. (в 1,5 раза); хлеб с 4–5 до 7,5 коп. (в 1,5 раза); сало с 40 до 107 коп. (в 2,7 раза); картофель с 80 до 200 коп. за пуд (в 2,5 раза)⁵³.

На этом фоне неудовольствие населения города высокими ценами на продукты питания в 1913–1914 гг. выглядело как надуманное. Однако последующие события привели к еще более драматическим изменениям на потребительском рынке. Очередным шоком для горожан стало первое полугодие 1919 г. Вот как выглядела динамика роста цен на тот же самый «продуктовый пакет»: мясо, стоимевшее в январе 1919 г. 3,5–4 руб. за фунт, к маю стоило 15–22 руб. (рост в 5 раз); масло с 28–36 руб. поднялось в цене до 60–80 руб.; хлеб с 54 коп. до 7,5–10 руб.; картофель с 12–13,6 руб. до 45–50 руб. за пуд.⁵⁴ После установления контроля над городом армии А. Деникина положение несколько стабилизировалось. И хотя детальных сведений за вторую

половину 1919 г. не сохранилось, мы можем сослаться на свидетельство большевика, который приехал с территории России. Член ЦК КП(б)У Долецкий отмечал «изобилие продуктов на рынке и сравнительную с нашими ценами дешевизну»⁵⁵.

Первый, на рубеже 1916–1917 гг., драматический скачок цен связывают, как правило, с неэффективной политикой царского правительства, влиянием Первой мировой войны. Корни второго скачка цен непосредственно связаны с грабительской политикой большевиков, которые захватили город 3 января 1919 г. и контролировали его до 24 июня 1919 г. В это время в обиход было возвращено понятие «дар» маршрутного поезда с хлебом от «красного Харькова красному Петрограду»⁵⁶, впервые использованное в относительно небольших масштабах на рубеже 1917–1918 гг., и введение государственной монополии «на заготовку хлебных и других важнейших продовольственных продуктов по твердым ценам»⁵⁷. При этом о судьбе поставляемых в регион вагонов мануфактуры, которые якобы должны были компенсировать населению изъятие хлеба⁵⁸, о том, как и среди кого они распределялись, умалчивает даже советская историография.

Заработную плату жителей Харькова — другой ключевой фактор, составляющий понятие «уровень жизни», — целесообразно рассмотреть прежде всего на примере зарплат наименее обеспеченной части горожан. В последний мирный месяц 1914 г. поденный заработок на своем содержании колебался от 1,1 руб. для землекопа и 1,2 руб. чернорабочего до 2,5 руб. у грузового извозчика (проводника) с одной подводой. Причем такие массовые и востребованные категории рабочих, как каменщики, кузнецы, плотники, получали 1,75 руб., слесари — 1,7 руб.⁵⁹ В марте 1916 г. диапазон зарплат составлял 1,2 руб. (землекопы, чернорабочие) — 3 руб. (проводник с одной подводой), причем у кузнецов, слесарей, столяров — 2,75 руб., плотников — 2,5 руб. К февралю 1917 г. зарплаты выросли почти в два раза и колебались от 4 руб. (землекопы, чернорабочие) до 6 руб. (проводники). У большинства других профессий она составляла 5 руб. в день.

На промышленных предприятиях ситуация несколько отличалась от средней картины по городу. Так, в 1913/1914 — 1915/1916 гг. средний заработок на ХПЗ возрос с 1,95 до 2,62 руб. в день (в 1,3 раза). В то же время у квалифицированных рабочих рост составлял: у токарей в 1,45–2,4 раза, у слесарей, кузнецов, модельщиков — в среднем в 2 раза, а у чернорабочих — в 1,7–2 раза. Борьба рабочих ХПЗ

за повышение зарплаты летом 1917 г. привела к тому, что диапазон зарплаты был определен в 5–12 руб. в день, а у сталеваров — 13,5 руб.⁶⁰

Сведения о зарплатах за последующие годы, которыми мы располагаем, охватывают только город в целом. В январе 1918 г. харьковский чернорабочий получал 6–7 руб. в день, кузнец, слесарь — 8–10 руб. Летом 1918 г. оплата труда неквалифицированных рабочих осталась без изменений, а у кузнецов, слесарей поднялась до 9–15 руб. Ко времени захвата города большевиками, т. е. к концу существования власти гетмана П. Скоропадского и Директории, чернорабочий получал 9–12 руб., землекоп — 12–15 руб., слесарь — 15–20, кузнец — 20–25 руб.⁶¹

В годы революции зародилась новая рабочая бюрократия — профсоюзные деятели на постоянной основе. Так, «оклад жалования» должностных лиц профсоюза «Металлист» летом 1917 г. составлял 250 руб. в месяц⁶², что давало 8,3 руб. в день. Это превышало требуемую зарплату в 6 руб. мужчинам-чернорабочим и сопоставимо стремлениям повысить зарплату квалифицированным рабочим ХПЗ до 8 руб.⁶³

В годы войны не прекращалось стачечное движение, направленное на защиту социально-экономического положения рабочего класса. Так, в 1916 г. из 219 стачек в украинских губерниях на ХПЗ произошло 7 забастовок, заводе ВЭК — 4, заводе Гельферих-Саде — 3. Разрушительное воздействие на состояние грузоперевозок оказывала массовая забастовка Харьковского железнодорожного узла, в которой в июне 1916 г. приняли участие 1854 из 2365 занятых там рабочих. Можем высказать предположение, что продовольственные трудности имели место не только потому, что железные дороги оказались непригодными к резкому увеличению нагрузок, вызванных военными потребностями, но и из-за приостановок в работе вследствие забастовок, которые разбалансиывали работу транспорта.

Между многовластием и безвластием: 1917–1919 гг.

Февраль 1917 г. стал рубежом, за которым начался процесс размытия исполнительной власти. Как уже отмечалось, в 1914–1916 гг. в городе происходило наращивание управленческих структур. Они были «завязаны» на существующую вертикаль: центральную в лице губернатора, местную — городской управы. Правда, в годы войны

в Харькове стали часто меняться губернаторы, что ассоциируется с министерской чехардой в Санкт-Петербурге. Однако эти перемещения «начальников губернии» не воспринимались населением как какой-то чрезвычайный момент. После начала революции ситуация как в области присутствия властных структур, так и в восприятии их жителями быстро менялась. До осени 1917 г. можно говорить о более-менее стабильном четырехугольнике, где губернский комиссар Временного правительства и городская дума были более весомы, а Совет рабочих и солдатских депутатов и Рада Слободской Украины представляли «аутсайдеров» политического влияния. Возникший областной центр — Совет Донецкого бассейна не играл в самом городе сколько-нибудь существенной роли. Однако после октября 1917 г. ситуация кардинально изменилась. Картину власти, а фактически безвластия образно и не без сарказма описал в воспоминаниях В. А. Ауэрбах: «Был промежуток времени, в течение которого в Харькове находилось семь самостоятельных органов власти: 1. исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, 2. Совет народных комиссаров республики Кривдонбасса, 3. Военно-революционный комитет, 4. штаб по борьбе с контрреволюцией (прототип „чека“), 5. штаб южной армии (Антонова), 6. „семерка“ (источники ее власти выяснить не удалось), 7... (не могу припомнить). Каждая из этих „государственных властей“ заявляла о своей самостоятельности, отказываясь признавать независимость остальных шести. Все граждане приглашались повиноваться беспрекословно и под страхом расстрела именно такому-то органу, не исполняя распоряжений остальных. Семь „государственных властей“ вели между собой борьбу, при случае даже расстреливая агентов конкурента или подвергнувшегося под руку обывателя... с междоусобной борьбой благополучно совмещалось почти братское взаимопонимание и порою сотрудничество»⁶⁴.

В 1918–1920 гг. понятие «власть в городе» относительно Харькова оказалось размытым до невозможности. Поэтому, полагаем, следует скорее употреблять словосочетание «власть над городом», которая переходила из рук в руки различных военно-политических формирований. Даже краткая хронология событий дает представление о степени ее нестабильности: 8 апреля 1918 г. Харьков оккупировали войска Германии. Между 1 мая — 17 ноября 1918 г. он находился также под контролем Украинской Державы. Начиная с 18 ноября 1918 г. по 2 января 1919 г. город был под контролем УНР во главе

с Директорией. Однако в это время фактически власть пребывала в руках военных в лице атамана П. Болбочана, который занимался организацией защиты губернского центра от вооруженных отрядов большевиков⁶⁵. С 3 января по 24 июня 1919 г. город контролировали большевики, а между 25 июня и 11 декабря 1919 г. — армия А. Деникина. Реальная, фактически диктаторская власть во второй половине 1919 г. была в руках главноначальствующего Харьковской области Вооруженных сил Юга России генерала В. З. Май-Маевского. Начиная с 12 декабря 1919 г. Харьков вновь оказался под властью большевиков, которые разместили здесь правительство УССР, официально не определяя статус города.

Многовластие/безвластие периода революции и Гражданской войны привели к тому, что город потерял значительную часть своей прежней политической и хозяйственной элиты. Аресты и запугивания, которые начались на рубеже 1917–1918 гг., переросли в жестокое уничтожение политических оппонентов. Наиболее резонансными стали события июня 1919 г., когда большевики арестовали в качестве заложников большую группу предпринимателей, профессоров университета, среди которых были С. Н. Жевержеев, А. С. Вязигин, Я. А. Денисов, Л. В. Орлов, М. С. Стеллецкий⁶⁶. Их вывезли по направлению к Сумам, где часть расстреляли, причем закопали в одной могиле еще живыми. Остальные исчезли где-то в районе между Сумами и Орлом. Председатель съезда горнопромышленников Юга России Н. Ф. фон Дитмар умер в эпидемию 1919 г. Из Харькова эмигрировали астрономы отец и сын О. Л. и Л. О. Струве (впоследствии — президент Международного союза астрономов), профессора ректор университета П. П. Пятницкий, проректор университета Т. П. Кравец, патофизиолог и эндокринолог А. В. Репрев, филолог-славист А. Л. Погодин⁶⁷. Большинство студентов университета оказались в рядах армии А. Деникина⁶⁸ и, вероятнее всего, погибли или стали эмигрантами.

Характерной чертой поведения той части харьковской элиты, которая осталась в городе и выжила, стали постоянные компромиссы с имеющейся на данный момент властью, приспособленчество к меняющимся политическим условиям. Предпосылками такой модели поведения стали присущие местному образованному обществу стремление к недопущению насилия и убеждение в необходимости всячески его избегать, которое проявило себя впервые в ходе

*Немецкая полевая кухня в центре города раздает местным детям еду.
Харьков, 1918 г.*

революционных событий конца 1905 г., а затем февраля — марта 1917 г. Так, с началом Февральской революции вся полиция Харькова осталась на своих местах и, по едкому замечанию В. А. Ауэрбаха, «вся дань революции ограничилась лишь переодеванием»⁶⁹. Этому немало способствовал полицмейстер, который увидел в один прекрасный день у полицейского управления толпу, уговаривавшую его подчиненных изгнать начальство, и быстро сориентировался: «подъезжая к толпе, полицмейстер, встав с места и подняв свою фуражку, во весь голос закричал: „Да здравствует революция! Ура!“... толпа выражала одобрение, и таким образом был утвержден в должности революционного полицмейстера „бывший слуга царского режима“, хотя мундиры с красными кантами и белыми пуговицами были все же сняты».

События конца 1917 — начала 1918 г., когда большевистская и другие власти осуществляли мощное давление на местную элиту, усилили стремление к всяческим компромиссам. Известный земский деятель А. Д. Голицин и предприниматель Н. Ф. фон Дитмар были, соответственно, председателем и товарищем председателя Союза промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства

(Протофис) в Киеве, который занимался организацией экономической жизни на Украине в период существования Украинской Державы во главе с гетманом П. Скоропадским. Историк Д. И. Багалий был экспертом в определении государственной границы между Украиной и Россией в период существования Украинской Державы, а начиная с 1920 г. тесно сотрудничал с большевиками в плане «пролетарского» реформирования высшей школы⁷⁰. Известные медики В. В. Фавр, С. В. Коршун, В. Я. Данилевский в первой половине 1919 г. сотрудничали с большевистской властью, руководствуясь убежденностью в том, что медицина должна активно функционировать при любой власти. С приходом денкинцев В. В. Фавр стал сотрудником восстановленной городской управы⁷¹.

Выводы

Таким образом, в Харькове в годы Первой мировой войны ускоренным темпом происходили процессы, модернизационные по своему характеру. Особенно выпукло они проявили себя в превращении города из культурного в преимущественно промышленный (индустриальный) центр; возрастании спроса на информацию и значения средств массовой коммуникации; выходе в 1917 г. на арену открытой политической борьбы новых партий; появлении возможности для массового участия жителей в выборах и участии в них; стремлении разных слоев населения к самоорганизации; нарастании социальной поляризации.

В 1915–1920 гг. заметно изменились количественный, социальный и национальный состав населения. Существенную часть жителей стали составлять те, кто вынужденно влился в местное городское общество. Одно только возрастание почти в 6 раз темпа среднегодового прироста населения в 1915–1916 гг. свидетельствует о многом. Этот темп не мог не привести к сверхнагрузкам на всю инфраструктуру города, а повышение бюджетных расходов не компенсировало потерь. На первой стадии трансформации социальной структуры Харькова, в 1915–1916 гг., возросла численность служащих, чиновников, квалифицированных рабочих. После 1917 г. появилась «рабочая бюрократия», а торговая, промышленная, культурная элита была существенно прорежена, население беднело. В годы войны и революции наблюдались явления, которые зарождались, но буйно расцвели в последующее

время — общежития, конформизм, национальная нетерпимость, доноительство, жестокое подавление оппонентов, снижение социальных стандартов. Размывание властных структур породило колебания доверия к властям, степени участия в политической жизни. Маятник раскачивался от активной поддержки власти населением в первые месяцы войны до нарастания недовольства в 1916 г., самым грозным проявлением которого было забастовочное движение. Затем последовал бурный всплеск энтузиазма и активности в 1917 г. Однако с конца 1917 г. был дан старт движению в обратном направлении. Вследствие завышенных ожиданий, нерешенности социально-экономических проблем в город пришли апатия и стремление к выживанию 1918–1920 гг. Складывается ощущение, что город «испугался» набранного в годы войны темпа развития, не смог «осилить» (используя выражение одного из героев А. Платонова) весь объем произошедших перемен. А одна из политических сил — большевики — умело использовала этот испуг. Результатом событий стало то, что Харьков и харьковчане как субъекты определения своей судьбы перестали существовать.

Примечания

¹ Южный край. 1912. 20 дек.

² *Багалец Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год). Т. 2. Харьков, 1912. С. 70.

³ Харьков: Архитектура, памятники, новостройки. Харьков: Прапор, 1985. С. 82; *Лейбфрейд А. Ю., Полякова Ю. Ю.* Харьков: от крепости до столицы. Харьков: Фолио, 1998. С. 108, 175–176.

⁴ Южный край. 1913. 6 марта.

⁵ Харьковские губернские ведомости. 1914. 24, 25, 31 июля.

⁶ Там же. 14 авг.

⁷ Там же. 1915. 10 февр.

⁸ Там же. 1914. 26 авг.

⁹ Там же. 8 нояб.

¹⁰ *Чорний Д. М.* По лівий бік Дніпра: проблеми модернізації міст України (кінець ХІХ — початок ХХ ст.). Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007. С. 48–49; *Ярмиш О., Посохов С., Епштейн А.* [та ін]. Історія міста Харкова ХХ століття. Харків: Фолио; Золоті сторінки, 2004. С. 7–8.

¹¹ Харьковские губернские ведомости. 1915. 4 марта.

¹² Там же. 1914. 4 нояб.

¹³ Население Харьков. губ. по данным переписи 1920 г. Харьков: [б. и.], 1922. С. 1.

¹⁴ Перепись Всероссийская сельскохозяйственная и городская. 1917 г. Харьковская губерния. Итоги по уездам, губернии и городам. Предварит. подсчет. Харьков: Изд-во Харьков. губ. стат. бюро, 1920. С. 15.

¹⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Вып. 46. Харьковская губерния. СПб., 1904. С. 208–209.

¹⁶ Харків та інші міста й селища міського типу Харківської округи: Нерухоме майно. Житлові умови населення. Населення / мат-ли Всесоюзного перепису населення 17 грудня 1926. Харків: [б. в.], 1928. С. 67.

¹⁷ Державний архів Харківської області (ДАХО). Ф. 3. Оп. 287. Спр. 5164. Арк. 3–3об.

¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 287. Спр. 5164. Арк. 19.

¹⁹ Там же. Спр. 5828. Арк. 34, 128, 129, 132, 134 и др.

²⁰ Там же. Спр. 5327. Арк. 15.

²¹ Там же. Арк. 39.

²² Там же. Арк. 39об–40, 48, 58, 63.

²³ Шевельов Ю. Я — мене — мені... (і довкруги): Спогади. Т. 1. Харків; Нью-Йорк: Видання часопису «Березіль» видавництва М. П. Коць, 2001. С. 24.

²⁴ Філоретова Л. Діяльність української учнівської організації «Юнацька спілка» в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2002. Вип. 4; Наумов С. О. Український політичний рух на Лівобережжі (90-і рр. XIX ст. — лютий 1917 р.). Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2006. С. 242, 245.

²⁵ Наумов С. О. Український політичний рух. С. 242.

²⁶ Там же. С. 216–217.

²⁷ Там же. С. 208–209, 216.

²⁸ ДАХО. Ф. 29. Оп. 1. Спр. 693. Арк. 5. Обращаем внимание на то обстоятельство, что инициаторы создания этого общества принадлежали к тем местным деятелям, которые идентифицировали себя как украинцы. Однако в официальном прошении употребить термин «украинский» было невозможно, а потому был использован допустимый для властей термин «малороссийский».

²⁹ Добрунова Л. Е. Вибори до Харківської міської думи (липень 1917 року): підсумки, історичне значення // Вісник Харків. ун-ту. № 442 (Сер.: Історія України). Вип. 3. Харків, 1999. С. 91.

³⁰ Чорний Д. М. Харків початку XX століття: історія міста, долі людей. Харків: [б. в.], 1995. С. 87.

³¹ Черный Д. Н. Организация партии социалистов-революционеров Харькова в 1911 г. // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура / сб. науч. тр. VI Междунар. науч. конф. Белгород, 2011. С. 197–200.

³² Доклад Центрального бюро по городским выборам // Известия Харьковской городской думы. 1917. № 4–5. С. 50–51.

³³ Ярмыш О. Н., Головки О. М. Харківське міське самоврядування на зламі століть: XIX–XX і XX–XXI. Досвід історії та сучасності. Харків: ХНУВС, 2004. С. 36–37.

³⁴ Спиринов Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. С. 319–320.

³⁵ Летопись Революции. 1925. № 1. С. 49.

³⁶ ДАХО. Ф. 19. Оп. 1. Спр. 251. Арк. 401об.; Известия Харьковской городской думы. 1913. № 5. С. 127–128; Харьковские губернские ведомости. 1914. 31 окт.; 1915. 10 окт., 20 дек.

³⁷ Известия Харьковской городской думы. 1913. № 3. С. 255.

³⁸ Харьков: Путеводитель для туристов и экскурсантов. 3-е изд. Харьков, [б. г.]. С. 15.

- ³⁹ Статистические сведения по городу Харьков. 1919. Август. [Харьков, 1919]. С. 27.
- ⁴⁰ Известия Харьковской городской думы. 1913. № 3. С. 242; Как одолеть разруху: По страницам истории коммунального хозяйства и коммунального образования Украины. Харків: ХГАГХ, 2001. С. 48.
- ⁴¹ Известия Харьковской городской думы. 1913. № 3. С. 252; Южный край. 1913. 3 янв.; Харьковские губернские ведомости. 1915. 6 нояб.
- ⁴² Харьковские губернские ведомости. 1914. 29 нояб.; 1915. 25 мая, 11 июля.
- ⁴³ Статистические сведения по городу Харьков. 1919. Янв. — авг.
- ⁴⁴ Обзор Харьковской губернии за 1914 г. Харьков, 1915.
- ⁴⁵ Бовыкин В. И. «Красный договор» Продугля // Исторические записки. Т. 78. М., 1965. С. 266.
- ⁴⁶ Шандра І. О. З'їзди гірничопромисловців Півдня Росії: створення та діяльність (1874–1918 рр.). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. С. 225–229.
- ⁴⁷ Чорний Д. М. Харків початку ХХ століття. С. 27–46.
- ⁴⁸ ДАХО. Ф. 3. Оп. 287. Спр. 5827. Арк. 172–172об.
- ⁴⁹ Сенин А. С. Харьковский паровозостроительный завод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энцикл. Т. 2. М., 2009. С. 1070.
- ⁵⁰ Очерк истории Харьковского электромеханического завода. Ч. 1. Харьков: Кн. изд-во, 1963. С. 82; ВЭК // Великая Октябрьская социалистическая революция: энцикл. / под ред. П. А. Голуба [и др.]. 3-е изд., доп. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 112; Мошняга Є. І. Більшовики Харкова в Жовтневій революції (лютий 1917 р. — лютий 1918 р.). Харків: Кн. вид-во, 1959. С. 166.
- ⁵¹ Жванко Л. М. Біженство Першої світової війни в Україні: док. і мат-ли (1914–1918 рр.). Харків: Вид-во ХНАМГ, 2010. С. 41, 61.
- ⁵² Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 124.
- ⁵³ Известия Харьковской городской думы. 1917. № 1–3. С. 79.
- ⁵⁴ Статистические сведения по городу Харьков. 1919. Янв. С. 18–21. Май. С. 16–19.
- ⁵⁵ Летопись революции. 1925. № 1. С. 46.
- ⁵⁶ Харьковщина в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции: 1918–1920 гг.: сб. док. и мат-лов. Харьков, 1973. С. 79, 88, 90.
- ⁵⁷ Там же. С. 98.
- ⁵⁸ Там же. С. 91.
- ⁵⁹ Известия Харьковской городской думы. 1917. № 1–3. С. 179.
- ⁶⁰ История Харьковского паровозостроительного завода: 1895–1917 гг.: сб. док. и мат-лов. Харьков, 1956. С. 354.
- ⁶¹ Статистические сведения по городу Харьков. 1919. Янв. С. 14. Июль. С. 30.
- ⁶² История Харьковского паровозостроительного завода. С. 337.
- ⁶³ Там же. С. 329, 331.
- ⁶⁴ Ауэрбах В. А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т. XVI. Берлин, 1925. С. 59–60.
- ⁶⁵ Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. 2-е вид., доп. Київ: Темпора, 2009. С. 189.
- ⁶⁶ Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. Харків: Фолю, 2004. С. 289.

-
- ⁶⁷ Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна за 200 р. С. 287, 293.
- ⁶⁸ Там же. С. 291.
- ⁶⁹ *Ауэрбах В. А.* Революционное общество по личным воспоминаниям. С. 8.
- ⁷⁰ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 1 / [упоряд., вступ. ст., комент. В. В. Кравченко]. Харків, 1999. С. 21–23; Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна за 200 р. С. 283, 294.
- ⁷¹ Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна за 200 р. С. 289, 291.

Игорь Шкляев

Одесса в 1914–1921 гг.: город в экстремальных условиях войны и революции

Многонациональная Одесса, создавшая собственную субкультуру, стояла несколько особняком по отношению к основным крупным промышленным центрам страны. В ментальности жителей этого города основными факторами являлись импульсивный южный характер, особое чувство юмора, способность к торговой деятельности, своеобразная аполитичность, если она не грозила их способу существования.

Рассуждая об особенностях и своеобразии Одессы, стоит отметить, что в годы I Мировой войны город продолжал развиваться как крупный военно-промышленный центр России. Здесь была создана морская транспортная флотилия, совсем рядом проходила линия Румынского фронта, основные тыловые учреждения которого находились в городе. Здесь же располагался штаб Одесского военного округа, гарнизон которого насчитывал более 100 тыс. чел. Общая численность населения с 404 тыс. по переписи 1897 г. выросла почти вдвое и к 1917 г. вместе с гарнизоном составляла 669,5 тыс. чел.¹ Причем национальный состав без учета войск гарнизона почти

© Игорь Шкляев, 2017

Игорь Шкляев — доцент Одесского национального университета.

не изменился со времени Всероссийской переписи 1897 г. — 49,1 % русские, 32,2 % евреи, 8,5 % малороссы².

Перед войной в городе насчитывалось 2474 больших и малых предприятия, на которых работало более 30 тыс. рабочих. Кроме того, работали и большие казенные предприятия. Наиболее крупными из них были мастерские Юго-Западной железной дороги, заводы РОПиТа (Российского общества пароходства и торговли) и Доброфлота, на которых было занято до 2500 чел. Стоит отметить, что Одесса являлась крупнейшим экспортно-импортным центром Российской империи. До 1914 г. в среднем около 10 % всего российского экспорта и 50–65 % всего импорта шли через одесский порт.

За время войны значительно вырос экономический потенциал Одессы. К 1916 г. появилось более 50 новых крупных предприятий, работавших на военный заказ. «Шрапнель», «Граната», «Снаряд», авиационный завод «Анатра» быстро увеличили выпуск военной продукции. Заводы и фабрики, выполнявшие заказы военного ведомства, сумели в кратчайшие сроки увеличить выпуск своей продукции на 100–200 %. В первую очередь это касалось металлообрабатывающих предприятий, которые изготавливали артиллерийское вооружение.

Крупнейшим предприятием Одессы был морской порт. Порт рейсами кораблей Доброфлота и РОПиТа был связан со всеми крупнейшими портами земного шара. Первая мировая война привела к тому, что большинство действующих линий были закрыты. Это вызвало угольный кризис в городе и проблемы в торговле зерном в масштабе всей империи. С началом военных действий вывоз основного продукта экспорта — хлеба стал резко уменьшаться. Из-за войны были закрыты Босфор и Дарданеллы, резко снизился товарооборот одесского порта, суда которого перешли на каботажные рейсы. Если в 1913 г. было вывезено 63 млн 336 тыс. пудов зерна, то в 1914 г. — 25 млн 948 тыс. пудов, а в 1915 г. хлебный экспорт совсем прекратился³. Тем не менее экономика города, несмотря на инфляционные процессы, была достаточно стабильной.

Интересно, что с введением сухого закона военного времени в городе резко увеличилось производство фальсифицированного алкоголя и его контрабанда. Предприимчивые одесситы, быстро ориентировавшиеся в экономической конъюнктуре, начали производить местный самогон под названием «ханжа», дававший колоссальную

быструю прибыль. По полицейским данным, в 1915–1916 гг. в Одессе было открыто более 20 подпольных водочных заводиков, которые только фальсифицированного коньяка продали на сумму более 220 тыс. руб.⁴

Не избежала Одесса и прямого вражеского нападения. Так, ночью 29 октября 1914 г., воспользовавшись несовершенной системой оповещения, в порт неожиданно ворвались два турецких миноносца. Более часа они находились во внутренней гавани, взорвали торпедой канонерскую лодку «Донец», потопили баржу, груженную углем, обстреляли из орудий Нефтяную гавань и ряд стоящих там пароходов, после чего беспрепятственно ушли в открытое море. Расследование этого нападения привело к минированию одесского залива — теперь вражеские суда уже не могли подойти к одесскому порту.

Во время быстрого слома государственности, который переживала Россия в 1917 г., были регионы, старавшиеся всеми силами остаться в стороне от политического противостояния. Таким местом на юге Украины был третий по населению и значимости город бывшей империи.

После известия об отречении монарха и создании Временного правительства в Одессе был создан Общественный комитет как правительственный орган при городской думе. При полном спокойствии населения городской голова Б.А. Пеликан был арестован, а его функции исполнял известный общественный деятель кадет М.В. Брайкевич. Прошло быстрое переименование некоторых властных структур — вместо старой полиции из прежних кадров была создана народная милиция. В это же время в Одессе, как и по всей России, начали создаваться Советы как параллельные органы власти. Одесский совет рабочих депутатов начал свою работу с 225 депутатами от 50 фабрик и заводов и 18 представителями от частей армии и флота, дислоцируемых в городе. Стоит отметить, что по своему характеру первый состав совета был эсеро-меньшевистский и председателем его был избран меньшевик Гниденко⁵. Любопытно, что одним из первых решений этого органа было требование о немедленном сносе памятника Екатерине Великой и освобождение улиц и городских зданий от монархической символики. (Причем при всех последующих сменах власти до самого последнего времени новые деятели проявляли необъяснимую ненависть к памятникам и символике предыдущей.)

В апреле 1917 г. в Одессе формируется *Українська військова рада* во главе с полковником медицинской службы И. М. Луценко, основной задачей которой было формирование воинских частей для киевской Центральной рады. Наиболее мощно в городе были представлены общероссийская партия конституционных демократов (кадеты) и блок еврейских политических партий (Поалей-Цион, Бунд, сионисты-социалисты и др.). Левые партии в городе были малочисленны и зачастую, как большевики с меньшевиками, выступали единым блоком. Активную общественную роль в этот период играла местная пресса. По данным С. Рубинштейна, в Одессе выходило в это время более 270 газет разного направления и около сотни журналов⁶.

О важности третьего по численности населения города бывшей империи свидетельствуют частые посещения его лидерами Временного правительства. Так, в апреле 1917 г. Одессу посетил глава «Союза 17 октября» А. И. Гучков, крайне заинтересованный ростом политического влияния крупных буржуазных партий. В мае 1917 г. на первый съезд Румчерода (исполком Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа) прибыл военный министр А. Ф. Керенский, вынужденный заручиться поддержкой военных советов перед июньским наступлением русской армии. Кстати, именно в Одессе он принял решение о снятии с известно-го на Юге России «Робин Гуда» Г. И. Котовского ярлыка уголовно-го преступника — теперь он получил статус участника политической борьбы и был амнистирован по закону о политзаключенных.

Таким образом, после Февральской революции, воспринимаемой населением достаточно лояльно, мы наблюдаем в Одессе достаточно широкий спектр политических движений, многие из которых начали летом 1917 г. обзаводиться своими собственными вооруженными формированиями. Здесь необходимо отметить курени Украинской военной рады, состоящие из фронтовиков, объявивших себя украинцами и отправленных в тыл на переформирование; малочисленную Красную гвардию Одесского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшую из студентов и рабочих местных предприятий, получавших двойной оклад за участие в «защите революции»; народную милицию (бывшую полицию), подчинявшуюся городской думе; и деморализованные воинские части Одесского военного округа. Особым вооруженным формированием являлся отряд еврейской самообороны, созданный для помощи народной милиции и состоявший

в основном из евреев-фронтовиков. Этот отряд подчинялся демократически избранной в августе 1917 г. Одесской городской думе.

Одесская городская дума, выборы в которую прошли 6 августа 1917 г. по новому положению о местном самоуправлении, разработанному Временным правительством, стала практически единственным полностью легитимным органом власти в городе. По этому положению избирательные права получили все граждане независимо от имущественного ценза, вероисповедания и т.д. Разными партиями было выставлено 24 списка кандидатов. Больше всего голосов собрал блок эсеров по списку № 19. Первым городским головой стал В. И. Сухомлин, известный народник, отбывший наказание на царской каторге по делу Германа Лопатина⁷. Правда, убедившись в своей несостоятельности как хозяйственного деятеля, через две недели В. И. Сухомлин попросился в отставку с этого поста. Фактически городским хозяйством начали руководить товарищи городского головы Б. Ю. Фридман и С. Б. Лазарович. Интересно отметить, что революционная патетика новой городской власти вылилась в переименование улиц и площадей Одессы. Так, Думская площадь стала именоваться Площадью революции 1917 года, а Куликово Поле — Площадью Свободы⁸.

По новому закону Временного правительства о местном самоуправлении городская дума назначила начальником одесской народной милиции левого эсера подпоручика Е. В. Китникова с окладом в 6000 руб. Тогда же было увеличено финансирование милиции и разрешено значительно пополнить численный состав этого органа за счет студентов Новороссийского университета и бывших фронтовиков⁹. Также городским самоуправлением была создана комиссия по ликвидации дел одесского жандармского управления и охранного отделения.

В отличие от России и Украины, где мы наблюдаем быстрый слом государственности, массовые случаи неповиновения, самосуды над политическими противниками (события в Кронштадте, Севастополе, в сельских районах), постепенный переход к полномасштабной гражданской войне, — в Одессе на удивление спокойно. Стоит отметить, что в период с марта по декабрь 1917 г. в городе не происходит серьезных политических стычек, даже манифестации, характерные для остальной территории России, здесь весьма малочисленны. Даже в дни корниловского мятежа и октябрьского захвата власти

в Петрограде большевиками в Одессе для противодействия силам контрреволюции создается объединенный ревком из представителей всего спектра левых политических партий, в иное время всегда конфликтующих между собой. Однако несмотря на то, что на юге Украины до гражданской войны дело не дошло, обстановка в городе осенью 1917 г. оставалась напряженной.

Украинские политические партии на выборах в городскую думу получили в общей сложности всего 3% голосов, но Киев, невзирая на столь слабую поддержку украинства, резко активизировал борьбу за Одессу. В начале сентября в казармах на Малом Фонтане был сформирован 1-й гайдамацкий курень под командованием А. Сахно-Устимовича. В конце октября в Одессу прибывают представители Центральной рады подполковник В. Поплавко и Ю. Тютюнник, которым удалось быстро сформировать 3 гайдамацких куреня численностью по 800 стрелцов и 100 конных гайдамаков каждый¹⁰. Как известно, в украинизированные части записывались все желающие избежать окопов Первой мировой войны. Поэтому боеспособность подобных воинских частей была невысока.

После октябрьского захвата власти большевиками и падения Временного правительства в Одессе сложилась достаточно сложная ситуация. За власть боролись три основные силы — быстро большевизирующийся Румчерод, представительство украинской Центральной рады и городское самоуправление, занятое поисками политического пути, способного удержать город от нарастающего противостояния. Причем каждая из сторон обладала немалой по городским меркам военной силой. Городской властью было разработано положение о предоставлении Одессе статуса «вольного города», что давало возможность мирно дожидаться результатов Всероссийского учредительного собрания.

Первая попытка силового захвата власти в городе была предпринята 1 декабря 1917 г. комиссаром Центральной рады в Одессе подполковником В. Поплавко, который вывел украинизированные курени на улицы. Прозвучали первые выстрелы, был убит начальник штаба Красной гвардии М. Кангун и несколько мирных жителей. Однако по причине полного неприятия как населения, так и городских властей курени были отведены в казармы. Против вооруженного выступления УНР (Украинской Народной Республики) в Одессе совместно выступили как городская дума, которая приняла собственное

постановление, так и все политические партии неукраинского направления. Погибших во время уличных столкновений городские власти похоронили за счет думы. Это была первая кровь на одесских улицах, пролитая из-за политического противостояния. Естественно, что в многонациональном городе украинская национальная идея после этих событий стала восприниматься как совершенно чуждая. Легитимность Украинской Народной Республики подвергалась сомнению большинством населения города¹¹. Тем более, что после Второго универсала Центральная рада получила автономную форму власти от лица Временного правительства лишь в пяти центральных губерниях Украины (Воынской, Подольской, Киевской, Черниговской и Полтавской). Однако в результате создания УНР в ноябре 1917 г. Центральная рада начала претендовать и на промышленно развитые губернии юго-востока страны — Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую и Таврическую.

Интересно, что одесские власти не приняли диктата как Украинской Народной Республики, так и советской власти из Петрограда. Они объявили, что подчинятся только решениям Всероссийского учредительного собрания, и даже выпустили свои собственные денежные знаки на огромную по тем временам сумму декабрьским тиражом в 5 000 000 руб. и январским тиражом в 25 000 000 руб. Это было сделано для ликвидации искусственно созданного Центральной радой денежного кризиса, т. к. киевские власти прекратили финансирование Одессы по линии государственного казначейства. Однако после разгона большевиками Всероссийского учредительного собрания ситуация вновь обострилась. Кстати, в Одессе на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. победил блок еврейских политических партий, набравший 33,5% голосов. Большевикам удалось набрать 28,6%, кадетам 17,2%, а украинским партиям лишь 12,5%. Это голосование красноречиво показывало, что большинство населения не поддерживало политику основных претендентов на власть — большевиков и Центральной рады. (Эти цифры резко контрастировали с результатами по округу, где более 50% голосов получили эсеры.)

Теперь местной власти не удалось удержать город в стороне от вооруженной борьбы. Большевики в декабре 1917 г. на втором съезде Румчерода поставили под свой контроль местные Советы и подготовили силовой захват власти, который был осуществлен 14–17 января 1918 г. Показательно, что на улицах в трехдневных боях

практически не участвовало население Одессы. Моряки Черноморского флота, малочисленные отряды красногвардейцев и большевизированные солдаты 49-го пулеметного полка сражались с гайдамаками и юнкерами Одесского Сергиевского училища. Перелом в ход боевых действий внесли прибывшие с Румынского фронта большевизированный батальон под командованием прапорщика Софронова и моряки крейсера «Алмаз», снявшие с корабля легкое артиллерийское вооружение.

Вероятно, за время революции и Гражданской войны только в Одессе в период боевых действий был образован так называемый Нейтральный центр, который состоял из партий, не поддерживавших ни одну из противостоящих сил и занимался снабжением горожан продуктами питания в районах, где велись боевые действия. Характерно для аполитичной Одессы и создание первого памятника революции — братской могилы на Куликовом Поле, где были захоронены погибшие с обеих сторон.

Образованная большевиками Одесская советская республика за время своего существования с января по март 1918 г. не проводила экспроприаций и не занималась государственным террором. Поэтому население воспринимало ее достаточно индифферентно, о чем ярко свидетельствует попытка создания вооруженных сил республики. В полумиллионном городе с большим трудом удалось создать не более одного батальона, способного на боевые действия. В основном он был сформирован из безработных иностранцев, т. к. местные кадры, получив обмундирование и жалование, предпочитали быстро дезертировать. Поэтому объявление войны Румынии и создание Особой революционной армии по борьбе с румынской олигархией под командованием М. А. Муравьева не дали никакого результата. Воевать за новую революционную власть никто не хотел. Продолжала действовать городская дума, занимавшаяся делами городского хозяйства, в котором местные лидеры советской республики ничего не понимали.

Конечно, экстравагантные методы формирования армии не могли не вызвать ответной реакции. Например, в поисках средств для военных нужд Муравьев обложил буржуазию города контрибуцией в 10 млн руб. Но даже за изрядное жалованье, выплачиваемое в штабе Особой революционной армии, не наблюдалось очередей желающих служить новой власти.

В этот период наблюдается резкий спад промышленного производства, так как прекратился государственный заказ военного ведомства. Естественно, это привело к резкому росту безработицы в городе. Первый период советской власти не затронул основ существования горожан, и потому они относились к ней довольно иронично. Сохранились воспоминания одесситов о конфискации «на нужды революции» самого фешенебельного автомобиля в городе — красного «форда», принадлежавшего авиапромышленнику Анатра. На этом авто безо всякой нужды разъезжал глава Комиссии по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией М. Чижиков, радуя горожан мелодичным сигналом. Необходимо отметить, что это время всегда подавалось в исторических исследованиях крайне схематично и до настоящего времени исследовано недостаточно.

С начала марта 1918 г., выполняя Брестские соглашения, австро-германские войска быстро начали продвигаться вглубь территории Украины. Реальной силой, способной противостоять немецкому наступлению, большевики не обладали, хотя небольшие стычки, в основном по линии железной дороги, имели место. Интересно, что при приближении австро-венгерских войск под командованием фельдмаршала Бем-Эрмолли в начале марта 1918 г. исполком Одесского совета пытался организовать оборону города. Дело в том, что в Одессе находились склады боеприпасов Одесского военного округа, боевые корабли Черноморского флота, пять бронепоездов, береговые батареи — т. е. город вполне мог защищаться¹².

12 марта 1918 г., отступая из Одессы перед превосходящими австро-германскими войсками, Муравьев отдает беспрецедентный приказ: «Сровнять с землей буржуазные кварталы города артиллерийским огнем, оставив только великолепное здание пролетарского Оперного театра». Хорошо, что у командиров бронепоездов, покидавших город, хватило здравого смысла не выполнить преступный приказ.

Любопытно, что вопрос о вооруженной защите города долго дебатировался на заседании Одесского совета рабочих депутатов. Несмотря на требование председателя СНК РСФСР В. И. Ульянова-Ленина выгнать население для рытья окопов на подступах к Одессе, вывезти все ценности, остальное уничтожить, депутаты большинством голосов высказались за эвакуацию (296 «за», 77 — «против»). Тем более что представители городской думы договорились

с командующим австрийскими войсками фельдмаршалом Бем-Эрмолли о беспрепятственной эвакуации большевиков, дабы избежать ненужных жертв с обеих сторон. Оправдывая отступление своих войск из Одессы, Муравьев отправил командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко телеграмму: «Одесский пролетариат не дал мне ни одного батальона... Регулярные войска отказываются воевать, и в моем распоряжении было лишь несколько сотен красногвардейцев. Повсюду царит измена»¹³. Таким образом, австрийцы согласились ждать на станции Раздельная полной эвакуации Одесской советской республики и лишь после этого по сигналу городской думы должны были войти в город. По условиям соглашения немецкое командование заявляло, что «завоевания революции остаются неприкосновенными; свобода слова, собраний, союзов и общеполитические свободы», а также что «германские войска не преследуют никаких завоевательных целей и вступают в город в целях оккупации и поддержания порядка»¹⁴.

Практически без боя город был сдан австро-германским войскам, которые оставили при власти всю городскую администрацию и даже не распустили Одесский совет рабочих депутатов. Летом 1918 г. в Одессе наблюдается небывалый ранее культурный взрыв, связанный с прибытием сюда художественной элиты России, бежавшей на спокойный юг от ужасов большевистского террора. И. А. Бунин, А. Н. Толстой, Н. Крандиевская, Тэффи (Н. А. Лохвицкая) — блеск российской литературы жил теперь в Одессе. Весной — летом 1918 г. в литературное объединение «Зеленая лампа» вошли В. Катаев, Э. Багрицкий, Ю. Олеша, А. Фиолетов — блестящая одесская плеяда. Теперь именно Одесса стала главным кинематографическим центром страны — кинофабрика Харитоновна, обосновавшаяся на Французском бульваре, выпустила более десятка картин в постановке известных режиссеров Е. Пухальского и Н. Салтыкова. На съемки летом 1918 г. прибыла Вера Холодная — звезда немого кино. О культурном подъеме свидетельствовало и открытие двух новых высших учебных заведений — политехнического и сельскохозяйственного институтов.

Известный профессор Новороссийского университета Б. В. Варнеке, проживший в Одессе с 1917 по 1920 г., в своих воспоминаниях утверждал, что самое спокойное время для горожан было именно в период австрийской оккупации¹⁵. Впервые в истории города даже трамваи начали ходить точно по расписанию.

Начиная с марта по август 1918 г. в городе совершенно затухает политическая борьба, одесская пресса обсуждает в основном российские и киевские новости. Несмотря на проведенную немцами в апреле 1918 г. смену марионеточной Центральной рады на такую же марионеточную власть гетмана Скоропадского, в Одессе ситуация не изменилась. Даже местный Совет рабочих депутатов в мае 1918 г. принял решение о самороспуске, т. к. перестал пользоваться популярностью среди городского пролетариата. Зато местная городская дума выбрала новым городским головой генерала А. С. Санникова, которому, как человеку военному, легче было решать вопросы с комендантом Одессы генералом фон Бельцем¹⁶.

Хотя Одесса входила в австрийскую зону оккупации, 10 апреля 1918 г. на съезде немецких поселенцев Херсонской губернии было принято обращение к кайзеру и германскому правительству. Участники съезда просили военной защиты, а взамен обещали полное сотрудничество с германскими властями, включая вопросы службы в германских частях. Фактически до конца августа 1918 г. не отмечается противодействия оккупационным властям, занятым в основном поставками продовольствия в Германию и Австро-Венгрию. Единственным (возможно) крупным терактом за это время был взрыв артиллерийских складов Одесского военного округа 31 августа 1918 г. на Дальницкой улице. Местность засыпало градом снарядов и крупнокалиберных боеприпасов к бомбometам. Катастрофа была колоссальной — на складах находилось 5 тыс. вагонов боеприпасов. «Были разрушены многие здания на Бугаевке, в Слободке-Романовке и у станции Одесса-Застава; погибло и поранено много граждан, многие остались без крова, без средств»¹⁷. Сопоставление фактов привело сотрудников осведомительного отдела гетманской Державной варты к выводу: работы на складах производились вопреки инструкции после обеда в субботу, без соответствующего надзора и «с целью воспользоваться возможностью привести в исполнение преступный замысел»¹⁸. В дальнейшем ответственность за этот взрыв пытались брать на себя и большевики, и анархисты, и даже уголовный элемент. Но здесь, скорее всего, произошел элементарный несчастный случай, связанный с ослаблением охранного режима.

С окончанием I Мировой войны и падением гетманского режима во второй половине ноября — начале декабря 1918 г. Одесса оказалась в ситуации полного безвластия, когда городская дума не имела

возможности контролировать город, с севера наступала крестьянская Черноморская армия Директории под командованием генерала А. П. Грекова, а на улицах господствовали уголовники. Дезорганизованные австрийские войска утратили контроль над городом и постепенно эвакуировались. Командующий генерал фон Бельц при известии о поражении Германии застрелился в номере одесского «Пассажа».

О полной беспомощности власти свидетельствовали события 12 декабря 1918 г., когда в городском цирке проходил массовый митинг, организованный социалистическими партиями. В ходе митинга большевику Ивану Клименко удалось поднять рабочих на разгром полицейских учреждений. Выйдя из цирка, рабочие с пением революционных песен двинулись к Бульварному полицейскому участку, где освободили политических заключенных. Другая же группа манифестантов отправилась к городской тюрьме освобождать своих товарищей. Здесь к ним присоединилась толпа уголовников человек в четыреста. Охрана тюремного замка при появлении толпы разбежалась. Ворота остались охранять два бойца еврейской самообороны, которых застрелили за отказ открыть замок. Далее события развивались быстро и четко: закрытые ворота тюремного замка были взорваны гранатой Новицкого — явно работа какого-нибудь медвежатника! — и толпа бросилась во двор. Рабочие освобождали политзаключенных, а люди Мишки Япончика уголовных.

Любопытным образом была решена проблема смены одежды арестантами, так как в тюрьме они были одеты в арестантские халаты. Выход нашелся довольно быстро — был остановлен проходивший мимо переполненный трамвай, публика раздета, и бывшие заключенные поменялись с ней своими тюремными «нарядами»¹⁹.

Неопределенное положение спасло решение Ясской конференции, по которому Юг России становился зоной влияния Франции и Великобритании, чьи войска высадились в одесском порту 17 декабря 1918 г. Как обычно бывало в Гражданскую войну, Одесса и на этот раз не защищалась. Вооруженные силы Директории были довольно значительны в одесском регионе. Командующий Черноморским фронтом генерал-майор А. П. Греков, обосновавшийся со своим штабом на станции Раздельная, имел более 10 тыс. штыков, около 50 артиллерийских орудий и бронепоезд. В начале декабря 1918 г. войска Директории торжественно вошли в город со стороны

Большого Фонтана и железнодорожного вокзала. Французский вице-консул Энно выдвинул требование к украинским войскам о разделе сфер влияния. Таким образом, в Одессе сложилась анекдотичная ситуация: городские улицы были перегорожены веревочной границей, вдоль которой с обеих сторон важно расхаживали часовые. Это положение ярко живописал одесский писатель В. Козачинский в своем «Зеленом фургоне».

В такой «пограничной» ситуации решающую роль сыграл отряд генерала А. Н. Гришина-Алмазова. Дело в том, что французский генерал Бориус, командир 156-й пехотной дивизии, хотел вступить в город торжественно, с музыкой. Однако пока в городе, по словам Энно, находились «петлюровские банды», данная операция была невозможна. Заручившись моральной поддержкой высадившегося французского десанта, полуторатысячный офицерский отряд Гришина-Алмазова в двухдневных боях выбил гайдамаков из Одессы. В ходе боев, развернувшихся на городских улицах, отряд Добровольческой армии потерял 24 чел. убитыми и около сотни ранеными. Причем войска Директории пытались обстреливать французские корабли артиллерийским огнем, провоцируя ответный обстрел мирного города. Захватив до 30 пленных, украинская Черноморская армия генерала А. П. Грекова отступила к станции Дачная, где пленных офицеров раздели на морозе и без суда и следствия порубили шашками (в сентябре 1919 г. следственная группа деникинской комиссии по расследованию преступлений большевиков провела эксгумацию этого захоронения)²⁰.

Снова на улицах Одессы происходили военные столкновения, лилась кровь, но население города отсиживалось в своих домах и не принимало участие в борьбе. Необходимо отметить, что офицерские отряды фронтовиков победили во много раз превосходящего числом противника, который, как оказалось, не способен воевать с профессионалами. Подобного преступления, то есть массовой казни, горожане еще не видели, и, естественно, Директория в их глазах стала представлять террористический режим.

Однако надежды одесситов на просвещенный порядок, который должны установить бывшие союзники России по Антанте, очень скоро развеялись. Несмотря на усилия деникинского генерал-губернатора А. Н. Гришина-Алмазова по борьбе с бандитизмом и коррупцией, командование французского экспедиционного корпуса

блокировало решение городских властей и, мало того, приступило к переговорам с представителями Директории и формированию марионеточной Южной армии. А.Н. Гришин-Алмазов прекратил украинизацию государственного аппарата и образования, характерную для гетманщины, что привело к его отставке по требованию командования французского экспедиционного корпуса.

В это время резко активизировалось большевистское подполье, создавшее в Одессе специальный пропагандистский орган под названием «Иностранная коллегия», занимавшийся разложением иностранных войск. Для подготовки вооруженного восстания против интервентов, финансирования выпуска подпольной большевистской прессы, покупки и организации тракторов и кабаков как мест агитации вражеских солдат и матросов нужны были громадные средства. Теперь становится понятным совершенно секретный доклад председателя одесского областкома КП(б)У Софьи Соколовской, писавшей в Центральный комитет: «Одесский пролетариат это бандиты-спекулянты, гниль... Возможно, что мы попадем в самое отчаянное положение, накануне падения Одессы останемся без средств, а в Одессе без денег революция не двигается ни на шаг и, пожалуй, под грохот боя с нашими войсками будет классически безмолвствовать»²¹. Значит, одесскому большевистскому подполью, готовившему вооруженное восстание, крайне необходимы были деньги для приобретения оружия.

Казнь членов «Иностранной коллегии», главы большевистского подполья И.Ф. Смирнова-Ласточкина, вновь проведенная без суда и следствия французской контрразведкой, показала одесситам, что и эта власть вершит кровавый террор против своих политических противников. Похороны жертв контрразведки вылились в массовые акции протеста, в которых участвовали тысячи рабочих одесских предприятий, где было развито большевистское влияние.

До апреля 1919 г. французский оккупационный корпус контролировал 100-километровую зону на юге страны, дав возможность населению Одессы жить в обычном режиме. Причем большая часть горожан была вполне довольна этой властью. Однако по решению Большого совета Антанты 5 апреля 1919 г. оккупационный корпус покидает город, бросив здесь большие запасы военного имущества²². Фактически уже 5 апреля в Одессе была установлена советская власть, а 6 апреля в город вошли войска атамана Н.А. Григорьева, в очередной раз поменявшего политическую окраску. Этот

политический авантюрист служил любой власти, которая побеждала в тот или иной момент Гражданской войны, с легкостью предавая бывших союзников. В конечном итоге он поднимет антисоветский мятеж в мае 1919 г. и будет убит Н. И. Махно²³.

Первым тяжелым экономическим испытанием для одесситов стал период советской власти с апреля по август 1919 г. Впервые население Одессы столкнулось с неприкрытым большевистским террором как в экономическом, так и в политическом плане. Образованный в мае 1919 г. губернский комитет КП(б)У провел в Одессе «день мирного восстания», во время которого население было ограблено до нитки. В законном порядке у граждан изымалось все имущество, исключая одну пару ботинок, один костюм или платье, три нижних рубашки, три пары кальсон, две простыни, две наволочки и тысячу рублей на одного человека. Были национализированы все банковские счета и частные предприятия. Промышленное производство резко сократилось. Безработица достигла невиданных размеров — если в апреле на бирже труда было зарегистрировано 3 тыс., в мае 7 тыс., то в начале июля 1919 г. безработных стало 30 тыс.²⁴ Отношение населения к новой власти весьма ярко описал в своих «Окаянных днях» И. А. Бунин, показавший тотальный страх и ненависть горожан к большевикам. Новая власть также не скрывала своего отношения к горожанам: по словам очевидцев, ежедневно в гостиницу «Крымская», где располагался батальон Одесской чрезвычайной комиссии, направлялся «женский арестованный элемент», убиравший изрядно загаженное здание. Причем красноармейцы специально использовали ванны в номерах в качестве солдатских уборных²⁵.

Противодействие одесситов этой власти вылилось в уклонение от мобилизации в Красную армию. В регионе произошел и целый ряд вооруженных выступлений, наиболее мощным из которых стало восстание немцев-колонистов в июле — августе 1919 г. Современный историк не найдет причины для волнений в немецких колониях до весны 1919 г. Это понятно, ибо трудолюбивые фермеры исправно кормили окрестные города, мало задумываясь, какая очередная власть там правит бал. Ситуация кардинально изменилась с приходом к власти большевиков. Весной 1919 г. начались дикие социальные эксперименты. Жители немецких колоний Одесской губернии, сельские труженики, были загнаны в тупик советской политикой военного коммунизма.

Однако не только тяжелейшее экономическое бремя продрозверстки заставило крестьян взяться за оружие, но и политика красного террора, провозглашенная председателем одесского губкома КП(б)У Яном Гамарником на юге Украины: «Мы должны вырубать контрреволюцию с корнем. Каждое слово, играющее на руку контрреволюции, должно преследоваться самым решительным образом. Мы не должны останавливаться перед расстрелами... и мы будем массами, пачками расстреливать... И поэтому красный террор должен сейчас пойти по всему революционному фронту, он должен быть не только в городе, но и в деревне. Там нужно беспощадно расправляться с теми кулаками, которые затевают контрреволюционную агитацию и контрреволюционные выступления»²⁶.

Каплей, переполнившей чашу терпения и послужившей причиной для начала восстания, стала объявленная 15 июля Одесским губисполкомом мобилизация крестьян десяти возрастов (1891–1900 гг. рожд.). Восстание началось в Мангейме на мобилизационном пункте, который представлял собой площадь, окруженную колючей проволокой. 29 июля 1919 г. прибывший для мобилизации населения отряд красноармейцев был перебит. За несколько дней до этого в Овидиополе состоялся крестьянский митинг, на котором было заявлено, что если мобилизация будет проведена, то новобранцы повернут оружие против советской власти²⁷.

В колонию Гросс-Либенталь, ставшую впоследствии центром восстания, был направлен отряд спартаковцев для ареста виновных в избиении красноармейцев и перевыборов состава исполкома Совета и местной милиции. Начались повальные обыски и аресты. Право голоса на выборах было предоставлено только беднякам. Собравшиеся крестьяне «расстреляли спартаковцев-инструкторов и 30 китайцев, захватили четыре орудия», а раненых красноармейцев бросили в старый колодец.

В кратчайшее время восстание охватило Мариентальскую, Мангеймскую, Баденскую, Ландаузскую, Рорбахскую волости. Стоит отметить, что против советской власти выступили крестьяне из болгарских, русских и украинских сел. Их отряды захватывали железнодорожные станции, убивали коммунистов и советских работников.

Восстание расширилось на район Тирасполя, Плоское, Малаешты. К немцам присоединился в колонии Страсбург бывший командир

одного из отрядов Красной армии Кожемячко. Действия восставших повсеместно сопровождалось кровавыми расправами. Пленные чекисты, большевики и красноармейцы подвергались жестоким пыткам, их зверски убивали. Так, комендант Одессы П. П. Мизикевич попал в плен возле Люстдорфа. Его долго пытали, отрезали нос, выкололи глаза, облили негашеной известью. Истекающего кровью, но еще живого бросили в яму и закопали.

Необходимо отметить, что восстание проходило под антибольшевистскими и антисемитскими лозунгами, что вполне понятно, так как большая часть советских работников и агентов ЧК, присылаемых из Одессы, были еврейской национальности. Однако структуры советской власти колонистами были сохранены. Ими был создан Совет десяти, руководивший восстанием²⁸.

Советские войска проводили жесткую карательную политику. Вот что, например, гласил приказ по Ландаузской волости за подписью политкома Штрома и комбата Недашкевича: «Объявляю для сведения граждан Ландаузской волости, под страхом смертной казни, за малейшую попытку или распространение слухов убить меня или хотя бы одного из моих товарищей красноармейцев, в каком бы селе это ни происходило, все село будет сметено до основания». Одесский военком Недашковский подписал приказ расстреливать каждого пятого из колоний, в которых будет оказано сопротивление частям Красной армии²⁹. Только такими жесткими мерами, применяя проскрипции, советской власти удалось к середине августа подавить восстание, хотя отдельные отряды сумели продержаться до прихода деникинцев.

Весьма эмоционально оценивала ситуацию в городе председатель губкома партии С. Соколовская, докладывавшая в Центральный комитет КП(б)У: «На болотной тине не построить крепкого здания, а почва здесь именно такова. Спекуляция, проникшая вглубь пролетарских слоев, шкурничество — все это цветет махровым цветом, и буквально выбиваемся из сил, борясь с этим. Советские учреждения до безобразия распустились. Чистка их пока мало помогла, т. к. нет того цемента, который мог бы спаять рабочую основу»³⁰.

Именно в этот период прошел любопытный социальный эксперимент по перевоспитанию уголовного элемента. В смутное революционное время на одесской Молдаванке, населенной преимущественно евреями, сложился своеобразный криминальный синдикат во главе

с Михаилом Японцем (М. Венициким), который контролировал уголовный мир города. Теперь же одесский губком КП(б)У предложил Японцу создать регулярную часть Красной армии. Одесситы вспоминали, какое живописное зрелище представляла эта воинская часть. «Впереди командир на вороном жеребце и с конными адъютантами по бокам, за ними два еврейских оркестра с Молдаванки, потом шествует пехота с винтовками и маузерами, одетая в белые брюки навыпуск и тельняшки, правда головные уборы были разнообразнейшие — от цилиндра и канотье до фетровых шляп и кепок. За двухтысячным отрядом пехоты везли несколько орудий со снарядами ящиками». Нужно отметить, что губком партии и политотдел 3-й армии прилагали определенные усилия для идейно-воспитательной и политической учебы бойцов новой части Красной армии.

Комиссаром отряда был назначен известный и популярный в Одессе революционер-анархист Александр Фельдман, работавший секретарем исполнительного комитета Одесского совета и прославившийся тем, что неоднократно предлагал «употреблять буржуазию, вместо лошадей, для перевозки тяжестей». Политбойцами в отряд были направлены несколько десятков студентов Новороссийского университета. Там была создана большая библиотека и даже «имелся граммофон с изрядным запасом агитационных пластинок». За месяц численность отряда достигла трехбатальонного состава, куда зачислили также 132 коммуниста, направленных губкомом партии.

В начале июля 1919 г. отряд Мишки Японца был переименован в 54-й Украинский Советский полк, который стали готовить для отправки на фронт. Однако, попав на позиции 45-й дивизии И. Якира, полк покинул фронт и бежал в родную Одессу. В районе Вознесенска эшелон Японца попал в засаду, и сам командир полка (лидер одесского воровского мира) погиб под пулеметным огнем.

Жесткая политика военного коммунизма, насильственная мобилизация в Красную армию и красный террор привели советскую власть к быстрому краху, когда малочисленный десант Добровольческой армии практически без боя взял Одессу. К утру 24 августа 1919 г. в Одессе не осталось ни одного подразделения Красной армии, хотя сами денкинец оценивали свои силы как 1 к 10 в пользу большевиков. Советская власть панически оставила город. Ненависть к большевикам выразилась в стихийных расправах населения над чекистами и советскими чиновниками. По данным специальной

комиссии Освага по злодеяниям большевиков, в городе менее чем за полгода было уничтожено около полутора тысяч человек. Причем советская власть не стеснялась публиковать в местной прессе списки расстрелянных³¹.

Новая власть ВСЮР (Вооруженных сил Юга России), существовавшая в Одессе с августа 1919 г. по февраль 1920 г., несмотря на более мягкий режим, была поражена недугом коррупции и неверия в конечную цель борьбы. В городе находилось до 50 тысяч офицеров, не желавших воевать на фронте и озабоченных собственным обогащением для будущей эмиграции.

Прежним владельцам в кратчайшие сроки была возвращена национализированная собственность. Из буржуазных кварталов города стали выселять в массовом порядке рабочих, переселенных в свое время советской властью. Вновь была разрешена политическая деятельность партий либеральной ориентации, восстановлена система судопроизводства. Однако в обществе нарастала естественная усталость от кровопролитной гражданской войны, неверие в победу над большевизмом.

При приближении Красной армии на ближних подступах к Одессе не были созданы защитные сооружения, хотя, по отчетности генерала Н. Н. Шиллинга, были для этой цели освоены 150 тыс. рублей золотом. В феврале 1920 г. деморализованные предыдущими поражениями денкикинские войска бежали из Одессы. В городе начались открытые грабежи банков, магазинов, квартир. В порт бросились тысячи людей, желающих спастись от красного террора. Однако мест на кораблях не хватало, и поэтому при обстреле территории порта красными войсками там началась паника. Положение спас военный комендант Одессы полковник Стессель, которому удалось с боем вывести отчаявшихся людей в район Овидиополя³².

При установлении советской власти сразу началась политика военного коммунизма, апробированная в других регионах страны. Население города за годы Гражданской войны значительно уменьшилось — по данным переписи 1920 г., оно составляло 4278 тыс. чел. События начала 20-х гг. — разруха, голод, свертывание производства, консервация предприятий, отход городского населения в сельские районы, где легче было прокормиться, привели к тому, что, по переписи 1923 г., в Одессе насчитывалось лишь 324 тыс. жителей. По национальному составу картина мало изменилась за годы Гражданской

войны. Основной контингент горожан складывался из русских, евреев и украинцев: в 1920 г. соответственно 44,95 %, 44,4 % и 2,9 % (всего 92,2 %); в 1923 г. — соответственно 45,4 %, 41,1 % и 6,6 % (всего 93,1 %).

За годы Гражданской войны массовым явлением стало разрушение жилых домов ради добычи топлива. Так, если в 1914 г. в городе насчитывалось 10 тыс. строений, то в 1924 г. их осталось лишь 7,5 тыс.³²

Разруха охватила все отрасли промышленности, замер одесский порт, торговый флот насчитывал только 5 % от довоенной численности — почти все суда были уведены за границу. Государственная политика тотальной национализации в мирное время себя не оправдала. Поэтому большевиками был провозглашен НЭП.

Таким образом, можно утверждать, что население Одессы ни разу за все время революции и Гражданской войны не защищало свой город при очередной смене власти. Это было характерно для политической системы Временного правительства, власти местного самоуправления и даже для периода Одесской советской республики. Достаточно мягким оказался режим австро-германской оккупации, основной целью которой было получение продовольствия с территории Украины. Это можно вполне отнести и к периоду французской интервенции. Следовательно, наиболее комфортным для жизни горожан был период с марта 1917 по апрель 1919 г., после чего установился режим военной и экономической диктатуры.

Примечания

¹ *Вайндрах А. М.* Основные черты экономики Одессы и Одесского уезда. Одесса, 1927. С. 12.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XLVII: Город Одесса. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. С. 12–13.

³ Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1916 г. Одесса, 1917. С. 65.

⁴ Союз русского народа: По материалам следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1929. С. 242, 279, 295.

⁵ Известия Совета рабочих депутатов. 1917. 10 марта.

⁶ *Рубінштейн С.* Одеська періодична преса років революції та громадянської війни. 1917–1921 рр. Одеса, 1929.

⁷ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 4. Материалы заседаний Одесской городской думы. Оп. 1. Д. 1141. Л. 20–21.

⁸ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1141. Л. 25.

⁹ *Історія Одеси / В. П. Ващенко, З. В. Першина, В. М. Хмарський, В. П. Щетников [та ін.];* голов. ред. В. Н. Станко. Одеса: Друк, 2002. С. 286.

¹⁰ Мисечко А. Відродження козацтва в Одесі та його боротьба за українську державність на початку ХХ ст. // Наукові записки: збірник праць молодих вчених та аспірантів / Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. Грушевського НАН України. Т. 6. Київ, 2001. С. 315.

¹¹ Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. 1917–1922 гг. Одесса: Негоциант, 2002. С. 32.

¹² ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 4–5.

¹³ Шкляев И. Н. Указ. соч. С. 33–34.

¹⁴ ГАОО. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1159. Л. 16–17. Журнал № 6 заседаний Одесской городской думы. 1918 г. 8 марта (23 февр.) Одесса, 1918. С. 2–3.

¹⁵ Варнеке Б. В. Материалы для биографии Н. П. Кондакова / публ. И. В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Вып. IV. Париж; СПб., 2002. С. 111.

¹⁶ Санников А. С. Одесские записки // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 86.

¹⁷ Одесские новости. 1918. 1 сент.

¹⁸ Веденев Д. В. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Київ, 2008. С. 23–24.

¹⁹ Шкляев И. Н. Мишка Япончик (применение метода сравнительного анализа в исторической биографистике) // Записки исторического факультета / Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова. Вып. 2. Одесса, 1996. С. 97–106.

²⁰ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2004. С. 221.

²¹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). Ф. 1. Оп. 20. Д. 57. Л. 19.

²² Шкляев И. Н. Одесса в смутное время. Одесса: Негоциант, 2004. С. 40.

²³ Лисенко А. А. На чолі повстанських мас: атаман Никифор Григорєв // З архівів ВУЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1–2. С. 61–85.

²⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1094. Л. 6.

²⁵ Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. С. 50

²⁶ Выступление Гамарника на съезде Советов Одесской губернии: стенографич. отчет губерн. съезда Советов Одесской губернии (11–13 июля 1919 г.). Одесса, 1919. С. 54.

²⁷ ГАОО. Ф. Р-3824. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

²⁸ Шкляев И. Н. Мятеж // Аккерманские древности. Белгород-Днестровский, 1997. Вып. 1. С. 204–211.

²⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 564. Л. 75.

³⁰ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 57. Л. 22.

³¹ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 302–307.

³² Штейнман Ф. Отступление от Одессы // Архив русской революции / под ред. И. В. Гессена. Т. 1–2. М.: Terra, Политиздат, 1991 (репринт). С. 89–90.

Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк

Город Кишинев: от западной окраины Российской империи к восточной окраине Великой Румынии

6 мая 1917 г.¹ немецкий аэроплан, зависший над Кишиневом, сбросил 24 бомбы в районе ж/д вокзала. В результате этой бомбежки погибло 2 солдата, из которых один мирно спал в саду, 2 девочки 5 и 8 лет, игравшие в том же саду, и 3 лошади, а также от испуга упали в обморок 8 женщин. Невинно убиенным «жертвам германского милитаризма», как писали на венках, устроили пышные похороны, а отпевание проводил сам архиепископ Кишиневский². Это были единственные жертвы единственной бомбежки³ за время Первой мировой войны. Но это не значило, что стодвадцатитысячный город жил вне истории...

Между 1914 и 1921 гг. Кишинев был и свидетелем, и активным участником ключевых событий Первой мировой войны и русской революции, а также коллапса Российской империи и рождения современного Румынского государства. Какое влияние имела война

© Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк, 2017

Светлана Сувейкэ — ведущий научный сотрудник Лейбниц-института по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы (IOS), г. Регенсбург, Германия.

Вирджил Пысларюк — доцент Государственного университета Республики Молдова.

на Кишинев и его горожан? В какой мере изменение статуса Бессарабии подействовало на жизнь городских служб и бывших российских чиновников? Как изменился социальный ландшафт города? Как произошёл ценностный трансфер на уровне символов? В конечном итоге — являлся ли 1918 г. цезурой в истории города или существовала непрерывность в его развитии в процессе перехода от империи к национальному государству и в чем она проявлялась? На эти и другие вопросы мы попробуем ответить в данной работе.

Конечно же, история Кишинева не может быть отделена от истории Бессарабии, которая в данный период изменила свой политический и административный статус: от одной из окраинных губерний в составе Российской империи к автономной республике Российской Федерации (декабрь 1917-го), независимой демократической республике (январь 1918-го) до провинции Великой Румынии (март 1918-го), автономный статус которой был упразднен полгода спустя (ноябрь 1918-го). До сих пор в историографии не был изучен вопрос, каким образом эти калейдоскопические изменения повлияли на город и его жителей. Более того, весь комплекс этих сложных социально-политических, экономических и культурных изменений обсуждался исключительно через призму оценочного нарратива «оккупация-освобождение». При этом вполне понятно, что исходя из румынской национальной исторической парадигмы все существовавшее при царском режиме имело исключительно негативную окраску. Похожую оценку получал период румынской администрации в советском/российском историческом нарративе. Все, что происходило *in-between*, т.е. между режимами, и как на эти трансформации реагировали не только элиты, но и другие элементы бессарабского общества, оставалось вне исследовательского поля. В последние годы появилось несколько работ, которые изучают Бессарабию как территорию «оспариваемого пограничья»⁴ — такой теоретический подход позволяет раскрыть это «имперское пространство» в другой перспективе, рассмотреть взаимосвязь между статусом «спорной территории» и взаимоотношениями между центром и периферией в политическом, экономическом, социальном, культурном или символическом аспекте.

В 1914–1921 гг. Бессарабия прошла через период трансформации, который охватил все сферы жизни. Понимая под *трансформацией* «комплексный, устойчивый и необратимый процесс интенсивного изменения, охватывающий все сферы общества»⁵, мы попытаемся

проследить эти изменения, произошедшие на русско-румынском «фронтире» через перспективу «локальности», что вовсе не означает заужения перспективы. Кишинев являлся политико-административным, экономическим и культурным центром Бессарабии, в котором были сосредоточены региональные и местные органы власти, «старые» элиты были заменены «новыми» (революционными) элитами, множество новых политических и социальных сил организовывали собрания и конгрессы, в городе находились дипломатические и военные представители армий Антанты. Кишиневцы первыми прочитали новость о начале войны, начали сборы средств в помощь раненым. Также они первыми задали тон для Бессарабии в довольно длительном процессе политико-административной и культурной интеграции в составе Румынии в 1918 г.

Кишинев во время Первой мировой войны

К моменту начала войны Кишинев был одним из самых больших городов Юго-Западного региона России и Юго-Восточной Европы. К началу пореформенного периода он находился в пятерке имперских городов с более чем стотысячным населением, притом что к моменту присоединения к России в 1812 г. Кишинев имел не более чем 10 000 жителей. Позднее динамика роста постепенно снизилась. Однако именно демографический ресурс вкупе с удачным геостратегическим расположением помог городу стать одним из крупнейших региональных центров; во времена таких мэров, какими были Карл Шмидт или Пантелеймон В. Синадино, быстрая урбанизация сказалась буквально на всех аспектах жизни: инфраструктуре (мощение дорог, трамвай, канализация, электричество), публичных и полицейских службах, снабжении, образовании, медицине и культуре.

Согласно первой и единственной имперской переписи населения 1897 г., в Кишиневе проживали 108 483 жителя, из них 56 734 мужчины и 51 749 женщин. Этническая составляющая к тому времени выглядела следующим образом: евреев — 49 829, русских — 19 081, румын — 32 722, немцев — 1 270, болгар — 925, тюрков — 21⁶. На 1 января 1915 г. население Кишинева составляло 128 700 жителей⁷. Ближе к концу войны, согласно румынским статистическим данным, население города составляло 133 000, из них 62 000 евреев, 40 000 румын, 8 000 русских (великоросов), 7 000 украинцев (малоросов),

Император Николай II на открытии памятника императору Александру I. Кишинев, 3 июня 1914 г. Источник (здесь и далее в статье): Национальный музей Республики Молдова (коллекция фотографий)

4000 русских, придерживающихся старообрядчества, 2000 болгар и гагаузов и 10 000 представителей других национальностей (немцев, швейцарцев, поляков, и др.)⁸. В общем городское население Бессарабии в 1915 г. составляло 412 000 чел. (12 городов), или 15,3% от всех жителей губернии, что ненамного превышало общеимперский показатель (14,7%)⁹.

Лето 1914 г. началось с высочайшего визита в Кишинев императора Николая II: он присутствовал 3 июня при инаугурации памятника императору Александру I, при котором в 1812 г. Бессарабия была присоединена к России. Памятник должен был быть готов к 1912 г., т.е. к столетию аннексии Бессарабии Россией — важнейшему моменту в «символическом соревновании» России и соседней Румынии за Бессарабию¹⁰, но этот план так и не смогли реализовать в срок. Памятник представлял собой аллегорическую сцену в стиле «возвращение потерянной дочери»: Бессарабия в объятиях «матушки-России». Американец Луис Гай Майкл был очевидцем ажиотажа, который произошел в городе во время открытия монумента, описав произошедшее таким образом: «Почему этот памятник? Почему это

открытие? Почему этот приезд царя? Может быть, местные помещики хотели убедить царя опекать Бессарабию как юго-западную окраину для защиты России? Или это был символ солидарности с вхождением Бессарабии в империю? Но такой солидарности не было»¹¹. Согласно Майклу, в условиях политической разрозненности внутри Бессарабии и в преддверии надвигавшейся войны воздвижение памятников-символов не имело большой практической пользы. В каком-то смысле это было предречением: памятник, который был освящен за несколько дней до войны, был снесен спустя несколько дней после ее окончания. К тому времени Бессарабия нашла себе другую, изначальную «Родину-мать».

19 июля 1914 г. в Бессарабской губернии было объявлено военное положение¹². Согласно российскому законодательству, это означало общую мобилизацию¹³. Местная печать встретила эту новость с большим воодушевлением, время от времени переходившим в истерику. Хорошо известно, что имперский центр использовал национализм как мобилизующий фактор еще со времен Александра III, а война стала апогеем этого феномена¹⁴. Читая кишиневскую прессу того времени, можно заметить, что для обывателя война должна была быть по возможности короткой, но обязательно победоносной. Другие варианты исхода войны националистический дискурс не рассматривал. Местная интеллигенция присоединилась к этому патриотическому позыву и порыву и в своих выступлениях ратовала за единение ради «правого дела». Причем за «правое дело» выступали даже «левые» и румынские националисты¹⁵.

Вопрос о том, на чьей стороне будет воевать Румыния, должен был решиться на Королевском совете 25 июня 1914 г.; до тех пор по Бессарабии шли упорные слухи о неминуемом нападении с Запада. Это привело даже к проявлениям коллективной паники; в некоторых уездах крестьян стали убеждать в необходимости перебираться с семьями за Днестр¹⁶. Надо признать, что за весь период войны на территории Бессарабии фактически не велось боевых действий, за исключением северных уездов, когда город и цитадель Хотина были захвачены австро-венгерскими войсками. Линия фронта проходила за несколько сот километров от Кишинева даже в самые горячие дни лета 1917-го, когда российско-румынские войска сдерживали натиск генерала Макензена в запрутской Молдове. Поэтому до начала осени 1917 г. столица

Российская воинская часть в Бессарабии во время Первой мировой войны

губернии ощущала себя в «глубоком тылу». Все изменилось, когда революционные настроения дезинтегрировали русскую армию на Румынском фронте и вся масса вооруженных солдат хлынула домой через Бессарабию.

В первый период войны Кишинев начал перестройку на новый лад. Наряду с мобилизацией ресурсов через государство происходил и параллельный процесс самомобилизации общества «через войну и во имя войны»¹⁷. Публичное пространство становится одной из платформ «милитаризации» населения и организации для нужд фронта. Одной из тем была благотворительность, сфокусированная на помощи и поддержке раненых, содержащихся в больницах Кишинева, а также на помощи бессарабцам, призванным на фронт, или сиротам войны. Многочисленные кишиневские благотворительные организации занимались сбором средств, отправкой посылок на фронт или решением каких-то конкретных задач. Так, в декабре 1914 г. губернатор Михаил Гильхен обрадовал еврейскую общину тем, что разрешил только что организованному «Комитету по оказанию помощи пострадавшему от военных действий еврейскому населению Польши» собирать средства в Кишиневе. Однако уже через некоторое время в прессу просочились споры, касающиеся эффективности распределения этих средств¹⁸.

За всю войну Кишинев, как и Бессарабия в целом, не знал феномена беженства¹⁹. Однако дезертирство было одной из главных проблем, особенно после открытия Румынского фронта и Февральской

революции. Кишиневские газеты писали о том, что 8 апреля 1917 г. в зале заседаний кишиневской мэрии прошло общее собрание уклонистов и дезертиров, на котором присутствовали более 550 человек. В свое оправдание выступающие заявляли, что причиной такого непатриотичного поведения послужило принципиальное нежелание вступать в ряды «деспотической армии» Николая II, но после падения монархии они готовы записаться в ряды новой армии и отдать свои жизни для защиты молодой республики²⁰.

Наиболее значимой из проблем, с которой столкнулся спокойный и тихий южный провинциальный город, стал невиданный до тех пор разгул преступности. До войны криминогенная обстановка в Бессарабии была одной из самых спокойных в империи, прежде всего из-за преобладания сельского населения, где традиционный уклад держал преступность в допустимых рамках. Таким образом, в 1912 г. на 100 000 жителей провинции пришлось лишь 73 осужденных общими и мировыми судебными установлениями²¹. Ситуация по Кишиневу была не намного хуже. Все изменится во время войны, когда резко подскочит уровень краж, особенно на почве ухудшения материального положения жителей и перебоев с продовольствием, а также вооруженных разбоев и убийств, потому что власти не могли уже держать под контролем большой объем оружия. Криминальный мир стал особенно активным после Февральской революции, когда «свобода» не только подмяла авторитет властей, но также изменила отношение к традиционным структурам сдерживания преступности.

Один курьезный эпизод, о котором писали газеты и который удачно передает изменения ментальности, произошел в городе в апреле 1917 г.²² Во время одной из перестрелок с милицией был убит двадцатичетырехлетний Михаил Куделькин, главарь одного из бандформирований, специализировавшегося на грабежах в пригородах Кишинева. На пышных похоронах присутствовали несколько сот его «товарищей». На митинге, состоявшемся в духе времени у могилы «невинно убиенного», один из ораторов, проговоривший более часа, свалил всю вину за проблемы своих коллег на «старый режим», который не заботился о «заблудших душах». В то же время он приветствовал отмену смертной казни новыми властями. В заключение, под одобрительные аплодисменты публики, прозвучало требование, чтобы милиционер, который застрелил Куделькина, был предан суду, так как их товарищ погиб во «внеурочное время»!

После объединения с Румынией для преступного мира Кишинева, почувствовавшего вкус «свободы» — точнее говоря, вкус к беззаконию и безволию властей, — настали трудные времена. Королевская Румыния была централизованным государством, которое не собиралось делиться с кем-либо монополией на легитимное насилие. Поэтому борьба с «анархией» подразумевала жесткие репрессивные меры, включая смертную казнь не только для «большевиков», но и для уголовников. Так, газета «Basarabia» за 19 марта 1919 г. объявляла как о чем-то обыденном, что днем ранее, в час пополудни, на Немецкой площади, что в самом центре Кишинева, были расстреляны три преступника, участвовавшие в грабеже кишиневского филиала Ясского Банка — Хаим Лезков, Иван Желовский и Лейба Зислис²³. Более приятное для горожан новшество заключалось в том, что иногда за преступные действия стали наказывать и представителей правоохранительных органов. Так, были отстранены от должностей помощники комиссара Ион Диду и Николае Козма за получение взяток, а агент грозной «Сигуранцы» Константин Мирка — даже за превышение своих полномочий. Остались без работы и два чиновника паспортного отдела, Павел Котоман и Ион Лиготе, которых румынские власти уволили за еще не совсем понятное для кишиневцев нарушение: «неаккуратность исполнения профессиональных обязанностей»²⁴.

Однако помимо разгула преступности и дезертирства война принесла городу и другие изменения. Сложнее всего в условиях города было бороться с небывалым ростом цен, а также с распределением товаров первой необходимости (мыла, спичек, сахара, керосина и т. д.). Для более эффективной раздачи продуктов было решено централизовать их выдачу населению. Так, сахар должен был выдаваться только по пятницам и только в городской лавке по Александровской ул. Для того чтобы представить себе выстраивавшуюся там очередь из жителей сто двадцатитысячного города, газетные репортажи излишни. Начиная с сентября 1916 г. для перераспределения сахара в Кишиневе вводится карточная система, поэтому очереди — уже за карточками — перемещаются к зданию управы по Пушкинской ул.²⁵

Несладко приходилось большинству бюджетников города, особенно тем, которые получали до 50 руб. ежемесячного жалования. Хотя зарплата иногда повышалась до 30%, цены тем временем подсакивали до 200%²⁶. К концу лета 1916 г. в Кишиневе были

следующие цены на продукты: фунт рыбы стоил 20–30 коп., говядина — 40 коп., свинина — 35 коп., баранина — 33 коп., подсолнечное масло — 45–60 коп., курица — 3,5–4 руб., цыпленок — 1–2 руб., пара уток — 2,5 руб., огурцы (тысяча шт.) — 5 руб., перец (сто шт.) — 35–40 коп., помидоры (сто шт.) — 25–40 коп., пуд лука — 1,3 руб., телега арбузов — 35 руб., 6 фунтов муки высшего качества — 70 коп. За пуд керосина запрашивали 2,8 руб.²⁷

Весьма нестабильная политическая обстановка удерживала высокий уровень цен и осенью 1917 г. Читая местную прессу, можно заметить, что в понятии «спекулянтство» еще не произошло того семантического сдвига, известного нам по советским временам, поэтому для необоснованного повышения цен на разные товары местные газеты использовали уничижительный термин, перенятый из военной терминологии, — «мародерство». Душевные страдания кишиневских обывателей должны были увеличиваться от того, что газеты уверяли, будто бы в соседней Одессе цены на все продукты были на порядок ниже²⁸.

Однако, несмотря на это, стороннему наблюдателю могло показаться, что Кишинев военного времени не слишком отличался от мирного города. По словам одного из петроградских корреспондентов, посетившего Кишинев летом 1917 г., город похож на «большую усадьбу», которая утопала в зелени, а жители не особо страдали из-за нехватки продовольствия, хотя страна воевала. То, что свидетельствовало о «смутном времени» и на что народ главным образом жаловался, — это высокие цены, особенно на сахар. В остальном казалось, что в Кишиневе время остановилось: люди — ленивые и медлительные, как в «сонном царстве». Автор замечал, что, в отличие от других российских центров, в Кишиневе народ мало читал, поэтому не очень был в курсе происходящего в мире. Отсутствие жажды знаний они компенсировали настоящей жаждой, потому что в Бессарабии, из-за обилия хорошего, доступного и дешевого вина, пили много²⁹. Хотя в Бессарабии так же, как везде в России, был введен антиалкогольный указ³⁰, который поначалу даже соблюдался³¹, к 1917 г. его законодательная сила не распространялась за пределы губернской канцелярии на Александровской³².

Согласно вышеизложенной статистике, главный город Бессарабии был многонациональным. Как проявляли себя этнические общины Кишинева во время войны и особенно революции, в которой

национальный вопрос был одним из самых острых? Еврейская община была наиболее многочисленной из всех, чему во многом способствовал тот факт, что Бессарабия находилась в черте оседлости³³. Хотя обычно представления о ситуации евреев в Бессарабии во многом моделируются по небезызвестным событиям 1903 и 1905 гг., такой взгляд все же является упрощенным. Конфликтная составляющая отнюдь не являлась доминантной в отношениях данной группы с другими не только до тех событий, но и после. Даже в годы войны и революции, когда политическая температура в Бессарабии достигала накала, погромы в местечках, организованные солдатами, не были результатом местных конфликтов на межэтнической или религиозной почве. Сразу же после объявления войны и общей мобилизации представители еврейской общины поддержали правительство и стали записываться в добровольцы. В списках погибших по Бессарабской губернии, которые газеты регулярно публиковали с осени 1914 г., часто можно было встретить уроженцев Кишинева еврейской национальности. После падения монархии гражданская активность еврейской общины была одной из самых примечательных. Несколько сионистских организаций были зарегистрированы весной 1917-го, а на выборах в городскую думу и в Учредительное собрание они набрали даже большинство³⁴.

Через большие испытания пришлось пройти немецкой общине Бессарабии. В Кишиневе находились немцы — католики и протестанты; городской голова Александр К. Шмидт принадлежал к последней группе. После начала войны правительство начало кампанию по дискредитации немецкой общины с целью мобилизации населения. В конце лета 1914 г. появляются первые сообщения о высылках немецких колонистов³⁵. Своего апогея тема «внутреннего врага» достигает к концу года, что было связано с так называемой «Аккерманской эпопеей», когда немецкая община южной Бессарабии была обвинена в пособничестве диверсионному турецкому отряду, якобы десантированному через Дунай³⁶. Вскоре было доказано, что это было довольно-таки грубой газетной «уткой», но последствия для немцев Российской империи в целом и Бессарабии в частности были драматическими³⁷.

Последние исследования показали, что конечная цель правительства в этих гонениях имела отчетливую материальную составляющую, а именно конфискацию земель немецких колонистов³⁸.

Командующий Юго-Восточным фронтом Янушкевич дал приказ, чтобы все немецкие колонисты Бессарабии были эвакуированы до 1 июля 1915 г.³⁹ Также из-за навязанной истерии были подвержены гонениям и чиновники немецкой национальности, в том числе из губернского правления. В одном из писем императрицы Александры Федоровны к своему августейшему супругу от 1 сентября 1915 г. есть жалобы на то, что из-за перебора с нападками на всех немцев был подвергнут остракизму даже бессарабский губернатор Михаил Гильхен, который был вынужден покинуть свой пост⁴⁰.

Не сладко пришлось и болгарам, которые также компактно проживали на юге Бессарабии. Болгария вступила в войну на стороне Четверного союза. Из-за этого в Бессарабии были конфискованы земли Каприанского монастыря, находившиеся в распоряжении болгарского афонского монастыря Зограф, в котором до 1916 г. настоятелями были только болгары⁴¹. Болгарский архимандрит Феофилакт был смещен, а на его место назначен русский настоятель Яков.

С другой стороны, пресса и общественное мнение симпатизировали армянам, также проживающим в большом количестве в Бессарабии. Газеты наперебой писали о «массовой резне» армян и реакции на это событие разных стран. Мобилизация армян со всего мира, желавших встать на защиту соплеменников, подавалась прессой как модель патриотического настроя. В декабре 1914 г. через Кишинев в направлении Кавказского фронта проследовала группа армян-патриотов, включая студентов Льежского университета Бельгии. На время пребывания в городе их приютила армянская католическая епископия⁴².

Украинская/малороссийская община активизировалась после Февральской революции. 22 апреля 1917 г. в здании Дворянского собрания прошел митинг организации «Просвита», на котором был принят устав общества. При одной из кишиневских школ была открыта украинская библиотека, где проходили собрания общества и тематические вечера, посвященные украинской истории и географии. В начале мая было создано украинское солдатское землячество⁴³. Несколькими напряженными моментами ознаменовалось начало 1918 г., когда украинская Рада предъявила претензии на Бессарабию, однако этот эпизод не привел к гонениям против украинского меньшинства Бессарабии.

Кишинев не пострадал от военных действий, однако жители города почувствовали тяготы и лишения, связанные с войной и революцией, — нехватку продуктов питания, рост цен, со временем — рост преступности. К еще более тяжким последствиям привел распад российской армии, которая воевала на Румынском фронте, и борьба за власть между органами Бессарабской Республики и Советами.

Трансфер революции на периферию

1917-й был переломным годом для Бессарабии. Февральская революция привела к падению монархии. Старый режим исчерпал лимит доверия как в целом по империи, так и в Бессарабии⁴⁴, что привело к подъему национального сознания. Появляются первые политические партии, организованные по национальному принципу, среди них — Молдавская национальная партия, которая ставила перед собой задачу возрождения национальных ценностей. Население стало проявлять солидарность не только по этническому, а также и по социальному и профессиональному признакам. Летом и осенью 1917 г. были проведены конгрессы учителей, крестьян, солдат, интеллигенции и даже пекарей и сапожников. На конгрессе учителей впервые было предложено перейти к латинскому алфавиту и придать статус официального румынскому языку.

«Весну народов» в Бессарабии можно было определить по нескольким характеристикам: тенденция к использованию революционной символики — красные флаги как атрибут свободы и борьбы, использование эгалитарной формы обращения «товарищ», что контрастировало с «контрреволюционным» термином «господин», празднование 1 Мая и т. д. Также становилась хорошим тоном критика старого порядка — по случаю, а чаще без, — в чем упражнялись все, от представителей криминального мира до высших губернских функционеров. Причем критика царского режима не возбранялась, по понятным причинам, и во времена румынской администрации⁴⁵.

Уже к лету 1917 г. появляются первые признаки будущего коллапса. Известно, что после Февральской революции по всей стране произошел трансфер власти комиссарам Временного правительства. Через пару месяцев стало понятно, что бессарабский губернатор

не только был не способен укрепить свою власть в провинции, но даже не мог обеспечить нормальное состояние институтов власти и общественную безопасность. Один источник указывал на то, что «положение Губернского Комиссара и его помощников удручающее. Ни у кого не находят поддержки. Они отлично понимают положение момента и принимают все меры к объединению, но безуспешно. Без всяких на то оснований идут против них лично и их распоряжений. Разумному, спокойному Губернскому Комиссару приходится только разводиться руками»⁴⁶.

В Бессарабию революция пришла сначала в деревню, где уже летом 1917 г. начали проявляться ужасы «аграрной революции». Хотя изъятие помещичьих земель имело в Бессарабии более умеренный характер, чем в других регионах империи⁴⁷, местные элиты ощутили на себе тот огромный прессинг социальных отношений, которые не могли найти разрешения традиционным способом. Постепенно дворянство было вынуждено отказаться от прежнего роскошного образа жизни⁴⁸ и покинуть свои усадьбы для проживания либо в Кишиневе, либо за границей, даже в условиях военных действий, препятствующих множеству желающих покинуть родину. Так, семье Крупенских крестьяне из родового поместья дали «всего 24 часа» для сбора вещей, однако они все же смогли подготовиться заранее, потому что их предупредил администратор⁴⁹. Часть семьи поселилась в Кишиневе, а сам Александр Крупенский «с супругой, поваром и виноделом» смогли эмигрировать через Одессу в Париж⁵⁰.

И в Кишиневе начались беспокойные времена. Так, 5 июня 1917 г. делегация Общества петроградских бессарабцев во главе с капитаном Василием Г. Крикопуло прибыла в Кишинев. По сообщению губернского комиссара Владимира Кристи, деятельность делегации, составленной в большинстве своем из эсеров, была направлена на «укрепление начал нового строя, поддержку Временного правительства»⁵¹. С целью трансфера революции в Бессарабию в Кишиневе был создан губернский исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов во главе с эсером Пантелеймоном Ерханом. Этот комитет должен был координировать действия разных социал-революционных организаций для проведения агитационной деятельности в рядах крестьян, политического просвещения масс и объяснения им задач революции. Члены делегации в основном действовали в сельской местности, где они должны были объяснять суть аграрной

реформы, автономии края, право на самоопределение и роль земств, отправляя периодически Временному правительству отчеты о проделанной работе⁵².

Усилия Временного правительства по нормализации процесса управления провинцией встречали сопротивление Центрального комитета молдавских солдат со штаб-квартирой в Кишиневе; целью комитета было распространение идей революции в рядах солдат-молдаван, воевавших на Румынском фронте. Если эсеры считали возможным сотрудничество с губернской администрацией, то члены комитета были против любого коллаборационизма с «варягами» как с чужаками, не склонными защищать интересы местного населения⁵³. Некоторые румынские историки считают, что миссия эсеров была ослабить националистические порывы и удержать губернию в составе Российской Федерации, что не находит документального подтверждения⁵⁴. Более того, летом 1917 г. прорумынские настроения были довольно ограниченными: «есть личности, разговаривающие о сепаратизме, о переходе к Румынии, но это детское увлечение кучки людей, абсолютно не знающих населения Бессарабии»⁵⁵.

Однако по мере ухудшения общей ситуации в стране и падения уровня жизни и безопасности, особенно после распада русских частей и их перехода «домой» через Бессарабию, многие стали смотреть с надеждой на Румынию, точнее на боеспособную, дисциплинированную и закаленную в боях румынскую армию. Так как большинство частей возвращалось в Россию через северные и южные регионы Бессарабии, центральная часть — та, в которой находился и Кишинев, — осталась относительно нетронутой погромами⁵⁶. Однако были и исключения. Так, 20 августа 1917 г. солдаты одной из большевизированных частей, которая проходила через окраину Кишинева, набрели на группу отдыхающих на пикнике горожан и, возмущившись тем, что двое из них были одеты в чиновничью униформу, расстреляли их. Оказалось, что это были два активных члена Молдавской национальной партии Симеон Мурафа и Андрей Ходорожа⁵⁷, «мученическая» смерть которых послужила катализатором для национального движения.

Этот, а также и другие подобные случаи указывают на то, что Временное правительство больше не было в состоянии удерживать контроль над армией, а влияние Советов, которые требовали прекращения «империалистической» войны, приводило к массовому

дезертирству и погромам. Поэтому стабилизация ситуации в Бессарабии стала приоритетом для Временного правительства. Так, 16 октября 1917 г. правительственный инспектор милиции Бессарабской губернии рапортовал центру, что «богатая Бессарабия в настоящий момент снабжает большую часть армии на фронте всем необходимым, а столицу — хлебом, и это могло бы продолжаться и впредь, если удастся сохранить спокойствие и порядок в губернии, которая в нынешнее тяжелое время дает родине больше, чем какая-либо другая губерния Российского государства». Для нормального продолжения поставок нужно было всеми средствами остановить анархию и надвигающийся хаос посредством создания и вооружения милицейских частей⁵⁸. Следует подчеркнуть, что отряды народной милиции стали создаваться и по этническому принципу; осенью 1917 г. в Бессарабии действовали, помимо румынской, также еврейская, немецкая, болгарская и гагаузская милиции⁵⁹.

Эсеры не принимали идеи «отсталой имперской периферии», возлагая ответственность за весь хаос, учиненный в цветущей Бессарабии, на толпы бесконтрольных солдат и «агитаторов-интеллигентов», единственная цель которых сводилась к тому, чтобы «пить, грабить и бить»⁶⁰. По высказыванию Василия Г. Крикопуло в одном из рапортов в Петроград, «как ни считают Бессарабию отсталой (лично я далеко с этим не согласен), но если бы там в настоящее время не преобладал этот преступный тлен в образе распущенного солдата, Бессарабия могла бы послужить примером»⁶¹. Для социал-революционеров была прежде всего важна миссия экспорта революции в эту западную губернию России, в подавляющем большинстве своем крестьянскую, а значит, более подверженную влиянию их идей.

В августе 1917 г. прошли выборы в Кишиневскую городскую думу, в которых участвовали 22 649 из 45 342 кишиневцев, внесенных в избирательные списки, т. е. 50 %⁶². Известно, что эти выборы были первыми, организованными на основе всеобщего избирательного права⁶³, однако относительно низкая цифра — по сравнению с общим числом жителей (110–120 тыс.) — может быть объяснена трудностями создания избирательных списков в условиях высокой мобильности населения прифронтного города и ухудшения общей обстановки в Бессарабии летом 1917 г.

Наряду с собраниями профессиональных групп в Кишиневе 21 октября 1917 г. прошел съезд молдавских солдат, который сыграл

основную роль в создании Сфатул Цэрий — первого представительного органа Бессарабии⁶⁴. Отношение городских властей к этому органу первое время было негативным: «городское население, в лице своих Дум, избранных на основах всеобщего избирательного права, также, несмотря на опасение роспуска, не раз выражало в своих постановлениях и выступлениях протест против деятельности Сфатул Цэрий и его Директората⁶⁵. Особенно отчетливо это протестное настроение сказалось в Кишиневской городской Думе»⁶⁶. Как следствие, поначалу городская дума отказалась делегировать своих представителей в Сфатул Цэрий. Дума не отказывалась от идеи регионального парламента, но считала, что этот орган должен быть основан на другом, более демократическом типе репрезентации. Как форма компромисса было принято решение отправить в Сфатул Цэрий трех наблюдателей — для информирования, но больше для того, чтобы иметь возможность выразить свой протест против «самовольного захвата власти неправомочным органом и требования его реорганизации»⁶⁷.

После того как в Петрограде большевики захватили власть, началась общая демобилизация, последствиям которой пытались противостоять бессарабские власти. Последние, из идеологических соображений, отказались признать правительство Ленина, начав процесс отделения от центра. На выборах в Учредительное собрание, которые в Бессарабии были организованы между 26 и 28 ноября 1917 г. — позже, чем по Российской Федерации, — по Кишиневскому избирательному округу от тех же 45 342 граждан с правом голоса, внесенных в избирательные списки, проголосовало лишь 16 628, или 37 %. В городе победу одержал «Еврейский национальный избирательный комитет» с 8938 голосами, или 54 % от всех участвовавших; следом шли кадеты («Народная свобода») с 1944 голосами, или 14 %, тройку лидеров замыкал «Союз земельных собственников Бессарабии» с 1944, или 12 % всех голосов. По Кишиневу «Национальная молдавская партия» — та, которая доминировала в региональном Сфатул Цэрий, — набрала не более 2 % от общего числа голосов. Не лучше выглядели и эсеры, за которых подало свои голоса всего 660 (4 %) горожан, а большевики получили и того менее — 533 голоса (3 %). Меньшевики, шедшие блоком с другой еврейской партией, Бундом, взяли больше голосов в федеральный парламент, чем их «старшие братья» — 1274 (8 %)⁶⁸.

2 декабря 1917 г., после того как Украина провозгласила автономию, Сфатул Цэрий принял декрет об образовании Молдавской Демократической Республики в составе Российской Федерации. Органы местного самоуправления остались неизменными. Радикализация Сфатул Цэрий как в национальном, так и в социальном плане, особенно после октябрьского переворота, укрепила негативное отношение городской думы к нему⁶⁹. Городские власти так же, как помещики, считали «парламент» скопищем большевиков-максималистов; этому способствовал и состав думы, где доминировали представители дворянства. Одним из активных участников городского совета был бывший городской голова, крупный помещик греческого происхождения Пантелеймон Викторович Синадино (1875–1940). Летом 1917 г. он основал «Союз земельных собственников Бессарабии» — общественно-политическую организацию, которая смотрела на «боярскую» Румынию как на возможного спасителя Бессарабии от большевизма.

Погромы и конфискации земель, которые учиняли крестьяне при поддержке солдат русской армии, выводимой из Румынии особенно через север Бессарабии, не могли быть остановлены силами местных милиций или войсками, подчинявшимися Сфатул Цэрий. Для описания масштаба беспорядков в прессе часто упоминалось слово «Вандея» — особенно применительно к Сорокскому уезду, абсолютно неподконтрольным властям из-за его отдаленности от центра⁷⁰. Большинство населения отвергало большевистское правительство; пресса перетолковывала новости о зверствах красных в России и Украине, особенно в соседней Одессе. Большевизированные части доминировали даже в Кишиневе, гарнизон которого насчитывал более 50 000 солдат⁷¹, а это уже было большой проблемой для молодой республики. Единственной силой, способной противостоять этому натиску, была Королевская Румыния и ее армия. К началу 1918 г. это понимали не только помещики, но и представители других социальных групп и этнических меньшинств Бессарабии.

Вступление румынской армии в Кишинев

К концу 1917 г. румынская армия проводит передислокацию части своих войск ближе к границам Бессарабии «для сохранения порядка в городе (Яссах) и в Румынии и для препятствования проникновению вооруженных и дезорганизованных частей из Бессарабии»⁷².

*Открытка «Кишинев. Арка Благородного собрания».
После 1918 г. — здание Национального театра*

Русская агентурная сеть рапортовала об интенсификации румынской пропаганды в Бессарабии, якобы поддержанной румынскими германофильскими кругами. В середине декабря в Яссах ходили упорные слухи о том, что Германия и Австро-Венгрия договорились между собой о передаче Бессарабии Румынии с условием подписания Румынией сепаратного мира. В начале 1918 г. в воинских частях Кишинева активизируются большевистские организации. Шестого января на кишиневском вокзале проходит бой: окруженный эшелон трансильванских пленных, отправленный из Киева для борьбы с большевиками, был вынужден сдаться⁷³. По сведениям пленных, румынская армия должна была скоро подойти к Кишиневу⁷⁴. Действительно, 13 января 1918 г. армия генерала Броштяну вошла в город⁷⁵.

Днем ранее на чрезвычайном собрании городская дума обсуждала кризисную ситуацию, образовавшуюся в городе после волны погромов, учиненных солдатами. Особенно тревожная обстановка возникла у винных складов. По замечанию городского головы Александра Карловича Шмидта, «...настроение в городе тревожное. В течение ночи на ул. (Свято) Георгиевской была попытка разгрома винного склада. Усилиями различных военных частей развитие погрома не было допущено. В течение ночи удалось ликвидировать

в различных частях города попытки к разгрому. Квартальная организация много помогла в этом отношении и часто играла решающую роль»⁷⁶. Согласно тому же источнику, ожидаемое со дня на день вторжение румынской армии не имело за собой должной легитимности, во всяком случае приглашение со стороны Сфатул Цэрий явно для такого шага считалось недостаточным⁷⁷. С другой стороны, дума приняла во внимание всю сложность ситуации и дала мандат городскому начальнику встретить румынские войска на окраине города⁷⁸.

На следующий день, после беседы, проведенной с командующим 11-й армии, Шмидт пришел к выводу, что «они не интересуются местными делами и даже были несколько удивлены приходом градоначальника у входа в город»⁷⁹. 16 января генерал Броштяну издал прокламацию, адресованную горожанам, в которой поблагодарил за проявленное доверие румынским войскам, которые вошли в город без конфликтов и без необходимости применить оружие⁸⁰. Таким образом, мы видим, что риторика румынских военных властей не апеллировала к дискурсу исторических прав, а была исключительно сосредоточена на достижении конкретных военных и логистических задач с целью наведения и поддержания порядка в собственном тылу. Когда дума удостоверилась, что румынская армия не преследует других целей, кроме вышеназванных, она вернулась к решению текущих городских проблем⁸¹.

Ожидания от румынских войск в обществе были высокими. Особенные надежды на них возлагало помещное дворянство, которое из-за погромов лишилось большинства своих земель. Причем русифицированное дворянство было настроено не менее «прорумынски», чем румыноязычное⁸². В частности, Союз землевладельцев, почувствовав уверенность в своем будущем, стал просить о ликвидации Сфатул Цэрий как представителей «банды солдат-максималистов», которые пришли к власти во времена большевистской анархии⁸³. Крупные помещики считали, что в единой стране им удастся сохранить те же привилегии, что и у румынских «олигархов»; однако за время войны ситуация изменилась. Дело в том, что с целью мобилизации общества, в условиях, когда более $\frac{2}{3}$ территории страны оказалась под оккупацией, румынская монархия пообещала в случае победы провести важные политические и социальные преобразования. Аграрная реформа была одной из главных: в условиях постоянной нехватки земли именно упразднение крупной собственности

было решением проблемы. Но это будет потом, а пока, для того чтобы обеспечить поддержку политического класса Бессарабии, румынские власти были готовы дать гарантии землевладельцам по сохранению их экономических и социальных привилегий.

27 марта 1918 г. Сфатул Цэрий проголосовал за акт объединения Бессарабии с Румынией. Нас будет интересовать, каким образом изменение политического статуса Бессарабии повлияло на институты местного самоуправления и жизнь кишиневцев.

Городские дума и управа: от попыток реорганизации к ликвидации

После объединения Бессарабии с Румынией новые органы управления приступили к мерам по «румынизации» новой провинции, среди них — реорганизация региональных и местных административных учреждений и введение румынского языка в администрации. Местные учреждения были ассоциированы с царским режимом — с точки зрения их происхождения, а также этнически пестрого состава. Планы румынских чиновников, предусматривавшие реорганизацию муниципальных структур и смену руководителей города, можно проанализировать на основании одного очень интересного источника — стенограммы частных встреч Константина Стере, румынского политика бессарабского происхождения, который сыграл решающую роль в убеждении членов Сфатул Цэрий проголосовать за объединение Бессарабии с Румынией⁸⁴, и Пантелеймона В. Синадино, бывшего вице-президента губернского земства, кишиневского головы в 1903–1904 и 1906–1909 гг. и члена II Государственной думы России (1907 г.)⁸⁵. Их встречи проходили в период с марта по июнь 1918 г. в Кишиневе, в доме Синадино или в апартаментах отеля «Лондон», которые снимал Стере⁸⁶.

На встрече 24 апреля 1918 г. Стере говорил о необходимости проведения изменений в социальном и политическом составе кишиневской управы. Ее члены, в основном социалистической ориентации, избранные осенью 1917 г. под давлением революционных организаций и органов местного управления, открыто изъявляли свое нежелание принять объединение Бессарабии с Румынией; предложения о сотрудничестве, посланные советом генеральных директоров и лично

председателем Сфатул Цэрий, были отклонены. В ответ на настойчивость Стере⁸⁷ Синадино, который считал, что «интересы Бессарабии и ее автономии требуют настоятельно, вообще, не дискредитировать идею городского представительства», принял на себя роль посредника между румынским правительством и городской управой. Среди требований реорганизации управы была отставка городского головы А. К. Шмидта, с чем не мог согласиться Синадино⁸⁸.

Согласно Синадино, уже на заседании управы от 16 апреля 1918 г. он представил президиуму думы предложение о внесении изменений в составе учреждения «ввиду новой политической конъюнктуры, которая создалась после присоединения к Королевству Румынскому». Не раскрывая намерений румынского правительства, он якобы попытался убедить представителей местной исполнительной власти в необходимости изменений на основе интересов Бессарабии — с целью сохранения региональной автономии, предоставленной Бессарабии 27 марта 1918 г., а также во избежание дискредитации идеи местного представительства в целом. В своих записях Синадино признавал, что управа «нуждается в действительности в некотором обновлении и сокращении» числа ее членов, но считал, что реформа местных органов могла быть сведена к поверхностным изменениям внутри управы. Таким образом, управа будет принесена в жертву делу спасения городской думы.

Дальнейшее обсуждение внутри муниципальной управы не дало никаких результатов во многом потому, что блок социалистов «решил не сдаваться», надеясь, что румынское правительство не решится распустить думу. 18 апреля, заслушав доклад мэра Шмидта, управа приняла его отставку подавляющим большинством голосов. В связи с этим разочарованный Синадино рассказал Стере подробно о том, что в думе и управе «все осталось по-прежнему и все на своих местах», а также что лица, ответственные за управление городом, «не желают нас слушать, они избрали путь и систему оттягивания». Тем не менее, несмотря на усложнение обстоятельств, «нужно больше терпения и скромности в действиях». Синадино поддерживал идею организации муниципальных выборов не позднее сентября 1918 г.; между тем ожидалось прибытие немецких войск, которые должны были разместиться в Кишиневе. Таким образом, ожидалось, что «с нею [думой] скоро справятся, она по своему составу им неподходящая»⁸⁹.

На последней встрече, которая состоялась 10 июня 1918 г. в доме Синадино, хозяин был разочарован тем, что его посредничество по вопросу о реформе управы не увенчалось успехом. В то же время его интересовало, почему роспуск думы был отложен правительством Румынии. Стере не скрывал своего разочарования в связи с нежеланием муниципального исполнительного органа власти сотрудничать с новым режимом, установление которого местные жители восприняли как временное явление. «Хорошо, будут румынские чиновники, и пусть они будут, раз ни в городе, ни в уезде никто не желает принять наше предложение и помочь нам. Мы справимся с нашим делом в Бессарабии, но для местных жителей это будет хуже», настаивал Стере. Дискуссия между ними приняла резкий тон: Синадино не отрицал, что «очень многие, в особенности под свежим впечатлением недавней разрухи и бесчинства большевиков», с радостью встретили вхождение румын в Бессарабию, но вскоре были разочарованы, более того, начали выражать враждебность по отношению к новому режиму⁹⁰.

По словам председателя «Союза земельных собственников Бессарабии», существенная причина изменения отношения бессарабцев к их бывшим «спасителям и избавителям» заключалась в отсутствии хорошо продуманного плана действий со стороны румынского правительства, который бы включал конкретные меры по привлечению на свою сторону определенных социальных и политических слоев населения. «Вы здесь все разрушаете и ничего нового не насаждаете. Все местные дела и вопросы Вас только постольку интересуют, поскольку Вы в них видите сторону Вашего национального шовинизма. У вас нет ни аграрного вопроса, ни вопроса судебного, земельного или городского, у Вас есть только политика аграрная, судебная, земельная и городская. Ваша политика шита белыми нитками и ясна для всякого, кто умеет немного разбираться в обстановке. Не берусь быть пророком, но мне кажется, что вам трудно будет при такой всеобщей к Вам антипатии удержать фактически за собой Бессарабию», — услышал Стере. После этой жесткой фразы последовала отрывистая реплика последнего о нежелании сотрудничества со стороны местных жителей на всех уровнях. Оставалось единственное решение: назначить на местные и региональные должности румынских чиновников из Старого Королевства⁹¹.

Сразу после объединения Бессарабии с Румынией усилия румынского правительства по реформированию административных

учреждений Кишинева не увенчались успехом. С другой стороны, эти усилия — на самом деле скромные — необходимо рассматривать в контексте процесса адаптации Бессарабии к новым политико-административным реалиям, ограниченным Декларацией об объединении Бессарабии с Румынией. Согласно документу, вопрос о голосовании местных бюджетов оставался в компетенции регионального органа Сфатул Цэрий, в то время как закон о земствах и местной администрации должен был быть принят парламентом Румынии с участием представителей Бессарабии. План Стере, который попытался навязать реструктуризацию местных учреждений в обход Сфатул Цэрий, потерпел фиаско. В условиях автономии, на сохранение которой надеялась бессарабская элита, проведение реструктуризации органов местного самоуправления было сочтено нецелесообразным⁹².

Дума вынесла решение, согласно которому «право присоединения Бессарабии к Румынии принадлежит только населению путем плебисцита по постановлению о том международной конференции»⁹³. Эта позиция соответствовала убеждениям российской эмиграции и так называемой «бессарабской делегации» на Парижской мирной конференции⁹⁴.

10 июля 1918 г. в Кишиневе проходил съезд Краевого союза городов, на котором генерал Артур Вэйтояну заверил присутствующих, что слухи о роспуске муниципальных органов беспочвенны⁹⁵. Тем не менее слухи подтвердились несколько месяцев спустя: 5 сентября был принят королевский указ о роспуске кишиневской думы и управы. Согласно пояснительной записке, в выборах в городскую думу в 1917 г. принимали участие и солдаты отступающей русской армии, которые, очевидно, не имели права в них участвовать. «Настало время, чтобы город находился в ведении коммунального совета, который на самом деле был бы его представителем. Нынешняя Дума признала отсутствие собственной легитимности, когда в июне приняла решение о проведении новых выборов 6 августа прошлого года»⁹⁶. Документ указывал на проблему неэффективного администрирования: расходы мэрии резко возросли — от 1,5 млн до более чем 4,5 млн лей.

Другой причиной, которая привела к отмене местных учреждений, была личная негативная позиция городского головы по отношению к новому режиму. Согласно документу, «избранный мэр является явным противником положения вещей, созданного в результате объединения Бессарабии с Румынией»⁹⁷. Шмидта обвиняли в том, что он

Первый Молдавский полк. Кишинев, Бендерская ул., 1918 г.

критиковал правительственные акты, а также возражал против организации государственной полиции⁹⁸. Таким образом, румынское правительство считало, что ставились под сомнение жизненные интересы страны, которые требовали «сотрудничества всех бессарабских автономных административных органов с правительством страны, чтобы искоренить зло, от которого пострадало Бессарабское население»⁹⁹. Ургава и дума были распущены; до новых выборов в органы местной администрации городское управление было передано временной комиссии, возглавляемой Владимиром де Херца. Позже, уже в должности мэра Кишинева, де Херца поддерживал план «административной» — не политической — автономии Бессарабии в составе Румынии¹⁰⁰.

7 сентября 1918 г. немецкая газета опубликовала статью под названием «Rumänienfeindschaft in Bessarabien», в которой было подчеркнуто «враждебное» отношение бессарабцев к новой администрации. В частности, кишиневский голова якобы вел себя так, как будто «он находится в центре России». Согласно изданию, если в Кишиневе и других городах можно было наблюдать «немного румынской жизни», ситуация, казалось бы, должна была быть иной в бессарабских селах, населенных в большинстве румынами. Тем не менее из-за злоупотребления чиновников и румынских жандармов крестьянину «не оставалось никакой надежды, кроме как по ту сторону Днестра»¹⁰¹.

Последовавший королевский указ о ликвидации губернского земства от 4 октября 1918 г.¹⁰² вызвал противоречивые реакции у местной элиты: в то время как сторонники нового режима считали земство форпостом имперского режима, бывшие члены городских дум и управ, а также губернского, уездных и волостных земских учреждений протестовали против ущемления «прав и привилегий местного населения» и передачи собственности земства Румынскому государству. Попытка организовать в Кишиневе съезд представителей уездных земств закончилась неудачей: генеральный комиссар полиции города приказал собравшимся делегатам покинуть Кишинев в течение 24 часов¹⁰³. 23 ноября 1918 г. Пантелеймон В. Синадино писал Александру Н. Крупенскому в Париж о плачевном положении бывших чиновников земства: «Здесь теперь бедствует масса чиновников, оставшихся без всяких средств, в особенности в отчаянном положении служащие Губернского Земства, на содержание которых необходимы пособия в месяц 20 000 рублей»¹⁰⁴.

Те, кто ассоциировал себя с учреждениями имперского периода, считали, что сохранение автономии Бессарабии в составе Румынии было единственным шансом для «реанимирования» старых учреждений и, вместе с ними, восстановления корпуса государственных служащих. Накануне последнего заседания Сфатул Цэрий от 27 ноября 1918 г., на котором депутаты проголосовали за аннулирование автономии региона¹⁰⁵, 40 депутатов Сфатул Цэрий отредактировали меморандум в адрес румынского правительства, в котором выразили протест по поводу политической ситуации в Бессарабии¹⁰⁶. В документе указывалось на несоблюдение условий объединения Бессарабии с Румынией, что привело к потере автономии региона. Во избежание «государственного потрясения» были сформулированы 13 требований, которые гарантировали бы восстановление статуса автономии Бессарабии в составе Румынии. Среди них — «возврат на службу всех удаленных бессарабцев-чиновников и служащих всех учреждений», а также и «созыв упраздненных земского и городского самоуправления с восстановлением всем им присвоенных прав, согласно законам Временного Правительства»¹⁰⁷. В случае отказа румынского правительства внедрить требования «депутаты отрекаются от моральной ответственности за последствия, поскольку акт нарушает их отказ от 27 марта 1918 года»¹⁰⁸. Позднее 10 из 40 депутатов составили еще один протест против

голосования Сфатул Цэрий об отказе от автономии с целью «разоблачения невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации»¹⁰⁹.

Следует отметить, что дискуссии об отмене автономных учреждений имели место и в Трансильвании, где целый ряд политических деятелей, в том числе Юлиу Маниу и Александру Вайда-Воевод, призывали к сохранению регионального «парламента». Тем не менее административная система Румынии была установлена по принципу французской модели централизации, поэтому отмена автономных провинциальных учреждений являлась одним из принципиальных политических решений.

В июле 1919 г. Пантелеймон В. Синадино писал Александру Н. Крупенскому в Париж, что в Кишиневе не существовало «ни одного русского учреждения; все переделано по Румынии, которая (подч. в тексте. — *Прим. авт.*), однако, существует (подч. в тексте. — *Прим. авт.*) только на бумаге». Таким образом, представители бывшей имперской элиты расценивали порядок, который пытались установить в Бессарабии румынское национальное государство, как «хаотический», «коррупцированный» и «лишенный культуры» в противоположность действительному порядку и прогрессу, поддерживаемым до недавнего времени Российской империей.

Переосмысление социального ландшафта Кишинева: закрытие клуба Благородного собрания

Непосредственно после объединения Бессарабии румынское государство предпринимает усилия с целью противостояния экспансии большевизма от реки Днестр¹¹⁰, с одной стороны, и «румынизации» административной и культурной жизни объединенной провинции с другой. Антибольшевистские меры (ввод комендантского часа) ограничились публичные собрания и демонстрации; общественные мероприятия, которые должны были проходить на русском языке, часто отменялись, т.к. выглядели подозрительными с точки зрения властей. «Репрессии множатся и растут, все русское преследуется безбожно и искореняется, чтобы ничто не напоминало это ненавистное слово „Россия“, которую все они боятся пуще огня», — писал Пантелеймон В. Синадино Александру Н. Крупенскому в Париж. Синадино отмечал с удивлением, что «все русское объявлено

напротив — большевистским, и где бы ни собрались трое русских — они только и только большевики и больше ничего; Вы сами должны понять, как это удобно и приятно для наших господ, которые все свои действия [1 сл. нрзб.], лихоимство и т. д. покрывают перед Европой этим сакраментальным словом — большевизм»¹¹¹.

16 октября 1919 г. в здание клуба Благородного собрания, расположенного в центре Кишинева, ворвался комиссар городской полиции с указанием о закрытии учреждения. Этот акт был квалифицирован представителями бывшего бессарабского дворянства как незаконный и оскорбительный. «Истинные причины — это то, что они желают закрыть и последнее учреждение, которое „хотя издали“ напоминает „прошлое“! В какой же Азии мы живем?! Закрытие клуба, само по себе, быть может, неважно, но этот факт может служить убедительным отрицанием „нашего правого здесь положения“ и взгляд на все то, „что может мало-мальски напомнить „Россию“»¹¹². Согласно Синадино, «закрыли Благородное собрание — наш клуб и все другие клубы, ибо находят, что оттуда идут все неправильные слухи о Румынии»¹¹³.

Тот факт, что новый режим ассоциировал клуб с бывшей имперской властью, не был неожиданностью: до 1918 г. Благородное собрание формально подтверждало статус дворянства¹¹⁴, а также являлось центром социальной жизни бессарабской элиты. Письма представителей бессарабского дворянства указывают на тот факт, что они идентифицировали себя посредством этого учреждения, состоять в членах которого являлось признаком статуса и престижа.

Нота протеста от 11 октября 1919 г., адресованная членами клуба румынскому правительству и министру Бессарабии Пантелеймону Халиппа, требовала отмены постановления от 11 октября 1919 г. о закрытии клуба¹¹⁵. Принятие этого решения было интерпретировано как реакция нового режима на позицию местной интеллигенции, подозреваемую в «русофильстве»¹¹⁶. Протестующие утверждали, что история заведения с ее благородными традициями и благотворительными акциями являлась сильным аргументом в пользу его сохранения. Другим аргументом был пестрый этнический состав собрания, в которое входили «не обязательно люди привилегированного социального статуса»: за чашкой чая в клубе можно было встретить «камергера двора, предводителя дворянства и графа губернатора, видного купца и служащего небольшого ранга, врачей, адвокатов,

нотариусов, представителей администрации, общественных учреждений, магистратуры, значительного контингента военных»¹¹⁷.

Сознавая первостепенную роль этнического фактора в послевоенных политических дебатах в Бессарабии, авторы ноты подчеркивали этническую толерантность и широкий демократический характер клуба. Закрытие клуба бессарабского дворянства, который включал около 300 членов и был представлен как «сосредоточие умственной жизни Бессарабии», было квалифицировано как огромная потеря для культурной и интеллектуальной жизни Бессарабии. Что касается политической пропаганды, были даны заверения в том, что те 200 членов, которые присоединились к клубу до 1918 г., строго соблюдали устав учреждения, запрещающего участие в политических делах. Даже если такого рода инциденты могли бы произойти, «в конституционной стране нельзя подвергать клуб смертной казни из-за того или иного политического настроения, если бы даже таковое и существовало»¹¹⁸.

С вступлением румынской армии в Бессарабию члены Благородного собрания выбрали стратегию чествования глав армии, а позднее — и глав новой администрации. Так, в клубе «был устроен банкет генералу Броштяну и всем офицерам его дивизии», также «банкет и торжественные проводы генералу Ангелеску и торжественные встречи и банкет сенаторам и депутатам Старого Регата и, наконец, целый ряд других актов гостеприимности». «Старая» элита желала, чтобы новый режим воспринял вышеуказанные действия как четкие сигналы ее лояльности.

Приглашение, адресованное нескольким румынским деятелям, ответственным за организацию военной, правовой и административной сфер, стать почетными членами клуба также было стратегией адаптации этого учреждения к новым политическим обстоятельствам. Таким образом, предполагаемая «аполитичность, независимость и участие в культурной жизни края и отзывчивость [клуба] на общественные нужды» должны были предотвратить его закрытие.

Для румын, однако, закрытие клуба Благородного собрания означало еще один шаг на пути к отделению Бессарабии от России и ее имперского прошлого. Хотя в России привилегии дворянства были отменены еще в марте 1917 г., сразу после отречения императора Николая II и провозглашения Российской Демократической Республики, бессарабская знать, путем — временного — сохранения экономических и социальных привилегий негласно закрепила за собой

право «хранителя» имперских ценностей. Периодические проявления антирумынских настроений членов клуба, которые ожидали сигналов от «бессарабской делегации» в Париже о решении «бессарабского вопроса» на мирной конференции и в связи с этим открыто проявляли оптимистические чувства по восстановлению старого режима¹¹⁹, послужили причиной его закрытия.

Наряду с представителями русской политической эмиграции в Париже и в других европейских столицах бессарабцы А. Н. Крупенский и А. К. Шмидт, создавшие в апреле 1919 г. в Одессе «бессарабскую делегацию» с целью «освобождения населения от жестокого и варварского господства румын и их правительства», а во-вторых, с целью «при воссоединении с Российским государством всецело разделить его историческую судьбу», поддерживали идею восстановления «Великой России» и возвращения Бессарабии в ее лоно¹²⁰. Из Кишинева члены бывшей бессарабской элиты поддерживали своих представителей, постоянно информируя их о состоянии дел в Бессарабии. В свою очередь, бессарабцы находились в постоянном ожидании вести, что великие державы решили «бессарабский вопрос» в пользу России. Так, Пантелеймон В. Синадино просил бывшего в Париже Крупенского переслать ему «полный отчет о последнем заседании в Париже на конференции, когда происходила встреча Брэтияно с Маклаковым по Бесс[арабскому] вопросу¹²¹ и каковы вообще результаты (подч. в тексте. — *Прим. авт.*) этого заседания и что там происходило (подч. в тексте. — *Прим. авт.*); Вы понимаете, как все это необходимо там в Бессарабии знать, в особенности если это извещение не совсем благоприятное для Румынии»¹²².

Во имя спасения имперских символов

В 1918 г. вопрос разрушения имперских символов в Кишиневе и других городах Бессарабии был неоднозначно воспринят бессарабским населением. Те, кто идентифицировал себя с символами и ценностями империи, считали уничтожение символов частью кампании «полного гонения на все русское, которое без разбора и вполне сознательно отождествляется с большевизмом, которым спекулируют перед Европой и стоит тут [1 сл. нрзб.], который покрывает собой все мерзкое и гадкое, которое здесь делается во славу положения: “cauza națională” (национальное дело. — *Прим. авт.*)!»¹²³

В докладе о румыно-русских отношениях, подготовленном начальником одесского разведывательного пункта, было указано, что «памятники Императору Александру II и Императору Александру I в Кишиневе были стащены румынскими солдатами с пьедестала веревкой за шею и проданы на слом евреям»¹²⁴.

Свидетельство депутата Сфатул Цэрий Иона Пэскэлуцэ помогает разъяснить ситуацию: оба памятника были разрушены вечером 28 ноября 1918 г. по инициативе депутатов Сфатул Цэрий. Накануне ночью, при сомнительных обстоятельствах, они отдали свои голоса отказу от автономии провинции, после чего Сфатул Цэрий был распущен. По словам Пэскэлуцэ, мероприятие по празднованию события продолжилось в кишиневском ресторане до следующего дня «до 5 часов вечера, откуда, с разрешения генерала Вэйтояну, толпой направились к памятнику Александру I и Александру II, куда подъехали грузовики с инструментами и веревками. И там завершили свое издевательство»¹²⁵.

Британский журналист газеты *The Times* Стивен Грэм, который посетил Бессарабию осенью 1924 г.¹²⁶, писал, что в Кишиневе, «в центре площади на большом каменном постаменте видна наполовину стертая надпись — слова „Благодарная Бессарабия“ остались нетронутыми, а слова „Александру Освободителю“ пострадали»¹²⁷. Грэм отмечал с иронией, что румыны якобы собирались написать на плите имя Вудро Вильсона, благодаря которому за счет включения Бессарабии границы страны значительно расширились, но поскольку США не спешили ратифицировать мирный договор, на этом месте планировался памятник королю и королеве. Та же участь постигла и памятники, воздвигнутые в других городах Бессарабии, Болграде и Аккермане.¹²⁸ Журналист, который путешествовал вдоль *cordon sanitaire*, указывал на то, что после войны в балканских странах подавляющее большинство населения показывало пренебрежительное отношение к памятникам имперского режима. Замена одного режима другим приносила и разрушение памятников. «Если коммунисты когда-либо придут к власти в Англии, британская галерея исторических деятелей претерпит радикальные изменения», — полагал автор этих строк¹²⁹.

В 1930 г. газета «Голос Бессарабии» опубликовала заметку о том, что в 1918 г. румынские власти снесли пятиметровый памятник российскому государю, в то время как лидер Либеральной партии Ион И. К. Братияну получил в подарок от градоначальника Кишинева

Германа Пынти мраморную доску с надписью «Царю-освободителю от благодарной Бессарабии», которую Братияну как трофей установил на парковой скамеечке в своем родовом имении, Флорика, недалеко от Бухареста¹³⁰. Двадцать лет спустя на том же месте, где стоял памятник русскому царю Александру I, воздвигли и освятили памятник королю объединителю Великой Румынии Фердинанду¹³¹. Свято место пусто не бывает...

Заключение

В 1914–1921 гг. город Кишинев проделал нелегкий путь на политической и ментальной карте Европы: от губернского центра западной окраины Российской империи, административного центра автономной республики в составе Российской Федерации до столицы независимой республики и уездного города на восточной окраине Великой Румынии. История города в этом отрезке времени ознаменовала собой борьбу между двумя типами политико-административного устройства: имперским и национальным.

Первая мировая война оказалась тяжелым испытанием для жителей Кишинева, хотя город находился далеко от линии фронта. Помимо трудностей обеспечения продовольствием более чем стотысячного города сказались и политическая нестабильность. Процесс развала русской армии на Румынском фронте совпал с большевизацией сельских и городских местностей. Горожане, обеспокоенные радикализацией ситуации, ставили под сомнение способность местных и региональных органов держать ситуацию под контролем.

Благодаря бессарабской политической и интеллектуальной элите, сосредоточенной в городе, Кишинев стал локальным центром имперского влияния. Во время перехода от империи к национальному государству в Бессарабии появился вакуум власти, который пыталась использовать группа местной революционной элиты. В условиях общего экономического бедствия и социальной нестабильности попытка новых политических акторов посадить первые семена государственности окончилась неудачей. Объединение Бессарабии с Румынией обеспечило региону спасение от большевизма. В то время как часть региональной элиты воспринимала будущее Бессарабии в составе Румынии, другая выражала надежду на сохранение автономии

в составе королевства, третья же видела Бессарабию вновь в составе Российского государства, независимо от ее политического строя.

После марта 1918 г., в период автономии Бессарабии в составе Румынии, новое правительство безуспешно пыталось — через посредников в лице бывшей местной элиты — повлиять на изменение состава местных административных органов. Местные чиновники под влиянием антирумынской пропаганды считали румынский режим временным. Надеясь на сохранение — в худшем случае — бессарабской автономии, они не торопились отдавать присягу верности румынскому королю, более того, проявляли недоверие и нетерпимость по отношению к новому режиму. Важную роль в принятии решения об упразднении кишиневской думы и управы сыграло отсутствие лояльности членов местных органов управления по отношению к новому режиму.

Ликвидация административных учреждений происходила параллельно с румынизацией административного аппарата регионального и местного уровня. В ситуации продолжающихся дискуссий о западных границах бывшей Российской империи в Париже румынский режим предпочел радикальный разрыв с имперским прошлым Бессарабии путем замены местных чиновников на чиновников из Старого Королевства и других регионов Румынии.

Случай Кишинева показывает, что «переход» от империи к национальному государству был медленным и трудным. Для местной элиты, образованной в империи и для империи, ее падение означало не только потерю социального статуса и собственности, но и разрушение имперской культуры и символики, которые стали неотъемлемой частью взаимоотношений периферии с центром. Крушение старого режима стало началом тяжелой битвы за выживание, причем «пространство борьбы» не ограничивалось материальными аспектами, а выходило на более глубокий культурный уровень. К последним относятся не только попытки сохранения памятников царям как «мест памяти», но также и манифестации лояльности по отношению к империи посредством воспроизведения символической топографии — консервации названия улиц царских времен или поддержания русскоязычной публичной сферы в течение всего межвоенного периода. Таким образом, последние судороги империи оказались сильнее на ее бывшей западной периферии, где лояльность по отношению к имперскому прошлому означала сохранение названия улицы или сохранение памятника царю, который когда-то посетил этот забытый уголок России.

Примечания

- ¹ Здесь и далее ст. стиль.
- ² Бессарабская жизнь. 1917. 7 мая.
- ³ Во время Второй мировой войны Кишинев spolна «компенсирует» эту поблажку, войдя, наряду со Сталинградом и Харьковом, в тройку самых разрушенных советских городов.
- ⁴ См.: *Кишко А., Таку В.* (при участии О. Грома). Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: НЛЮ, 2012.
- ⁵ См.: *Kühner-Wielach F., Lemmen S.* Transformation in East Central Europe: 1918 and 1989 // *European Review of History: Revue Europeenne d'Histoire*. Vol. 23. № 4 (2016). P. 573.
- ⁶ *Basarabia română: antologie / ediție îngrijită, note și comentarii de F. Rotaru.* București: Editura Semne, 1996. P. 176.
- ⁷ *Берг Л. С.* Население Бессарабии: Этнографический состав и численность. Пг., 1923. С. 9
- ⁸ *Filipescu C., Giurgea E. N.* Basarabia: Considerațiuni generale, agricole, economice și statistice. Chișinău, 1919. P. 55.
- ⁹ *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 84–85.
- ¹⁰ См.: *Cusco A.* Nationalism and War in a Contested Borderland: The Case of Russian Bessarabia (1914–1917) // *The Empire and Nationalism at War*. Vol. 2 / E. Lohr, V. Tolz, A. Semenov, M. von Hagen (eds.). Bloomington, Ind.: Slavica Publishers, 2014. P. 137–162.
- ¹¹ *Michael L. G.* More Corn for Bessarabia: Russian Experience, 1910–1917. East Lansing, Michigan: Michigan State Univ. Press, 1983. P. 100.
- ¹² *Negru G.* Decretarea “stării de război” în Basarabia în 1914 și contracararea “curentului românofil” (Decreteing a “State of War” in Bessarabia in 1914 and Counteracting the “Romanophile Trend”) // *Primul război mondial: Perspectivă istorică și istoigrafică (World War I. A Historical and Historiographical Perspective)* / I. Bolovan, G. Cojocaru, O. M. Tămaș (coord.). Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2015. P. 325–344.
- ¹³ *Emilciuc A.* Mobilizarea generală din anii Primului Război Mondial în Basarabia: Planuri și realizări // *Primul Război Mondial și Basarabia (1914–1918)* / A. Emilciuc (ed.). Chișinău, 2015. P. 26.
- ¹⁴ *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004; *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012.
- ¹⁵ *Ghibu O.* De la Basarabia rusească la Basarabia românească // *Basarabia română: antologie*. P. 250–252.
- ¹⁶ *Negru G.* Op. cit. P. 328.
- ¹⁷ *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: Российская кастрофа (1918–1921) в европейском контексте // *Россия и Первая мировая война: мат-лы междунар. науч. коллоквиума*. СПб., 1999. С. 84.
- ¹⁸ Бессарабская жизнь. 1914. 4 дек. (№ 256).
- ¹⁹ Как и весь Юго-Западный край в целом. См.: *Курицев А. Н.* Беженство // *Россия и Первая мировая война*. С. 129–130.
- ²⁰ Бессарабская жизнь. 1917. 9 апр. (№ 93).
- ²¹ *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 86.

²² *Dragnev E., Pâslariuc V., Cașu I.* Chișinăul “de altă dată”: O succintă cronică a vieții cotidiene (1900–1940) pe marginea presei din epocă // *Semne identitare: Semnul moldovenesc. Fabrica de memorie. Chișinău: Editura Civitas, 2002. P. 2–3.*

²³ Там же. P. 2.

²⁴ Там же. P. 3.

²⁵ Новый голос Кишинева. 1916. 21 авг. (№ 201).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Бессарабская жизнь. 1917. 19 нояб. (№ 64).

²⁹ *Dragnev E., Pâslariuc V., Cașu I.* Op. cit. P. 4–5.

³⁰ *Пашков Е. В.* Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.*

³¹ В декабре 1914 г. за продажу спиртных напитков был даже закрыт известный кишиневский ресторан при гостинице «Савой», см.: Бессарабская жизнь. 1914. 10 дек. (№ 261).

³² *Pâslariuc V.* Alcoolismul în Imperiul rus: de la legea prohibiției la Revoluția Rusă din 1917 // *Historia. 2011. № 121. P. 61–70.*

³³ *Roitman A.* Unele considerații privind numărul populației evreiești din Basarabia în secolul la XIX-lea // *Romania, Israel, France: jewish trail. Volume in honor of professor Carol Iancu / D. Delmaire, L.-Z. Herșcovici, F. Waldman (coord.). Bucharest: University of Bucharest Press, 2014. P. 307–315.*

³⁴ *Левит И. Э.* Молдавская Республика (ноябрь 1917 — ноябрь 1918): Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской Республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.). Кишинев: Штиинца, 2000. С. 47.

³⁵ «Вчера в 8 ч. 40 м. вечера прибывшим на ст. „Одесса-Главная“ пассажирским поездом доставлены в Одессу в трех отдельных вагонах 140 австрийско- и германско-подданных, высланных в качестве военно-пленных из разных местностей Бессарабии. Среди высланных немцев есть и военно-обязанные. Все эти немцы вчера же вечером под конвоем отправлены с вокзала в порт и посажены на пароход «Румянцев», на котором их отправили в Херсон». См.: Одесские новости. 1914. 4 авг.

³⁶ Новое время. 1914. 28 нояб.

³⁷ *Лор Э.* Указ. соч. С. 30–32.

³⁸ Там же. С. 158.

³⁹ Там же. С. 160.

⁴⁰ *Платонов О.* Николай II в секретной переписке. Москва: Родник, 1996. С. 366–367.

⁴¹ Национальный архив Республики Молдова (далее ANRM). Ф. 208. Оп. 2. Д. 3368. Л. 135–136.

⁴² «Из Румынии прибыло в Кишинев 59 человек армян, в том числе одна женщина и глухонемой турецкоподданный». Бессарабская жизнь. 1914. 7 дек. (№ 259).

⁴³ Там же. 1917. 5 мая (№ 114).

⁴⁴ Барон Врангель, находившийся в это время на службе в Кишиневе, оставил в своих записках воспоминание о том, как встретили здесь это известие: «Первые впечатления можно характеризовать одним словом — недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской

и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состав некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение». См.: Петр Николаевич Врангель: Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. Т. I. Минск: Харвест, 2002.

⁴⁵ *Dragnev E., Pâslariuc V., Cașu I.* Op. cit. P. 4.

⁴⁶ Доклад о деятельности делегатов Общества бессарабцев, проживающих в Петрограде: № 157 от 25 июля 1917 г. // Hoover Institution Archives, Stanford, California (далее НИА). Vasiliu A. Maklakov Papers. 1881–1956. [Box 19 Subject file], Folder 19.1 Bessarabia. Obshchestvo Bessarabtsev.

⁴⁷ Индикатором является изменение площади латифундий до и после «крестьянских движений»: если в 1916 г. крупное землевладение занимало площадь в 1 718 148 га, то в начале 1918 г. — в 1 391 295 га. См.: *Cardaș A.* Aspecte din reforma agrară basarabeană. Chișinău, 1924. P. 56. Об умеренном характере аграрной реформы см. также: *Țurcanu I.* Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. Chișinău: Universitas, 1991; *Suveică S.* Basarabia în primul deceniu interbelic (1918–1928): modernizare prin reforme. Chișinău: Editura Pontos, 2010. P. 120–192.

⁴⁸ Например, роскошная жизнь семьи Крупенских описана в деталях в малоизвестных мемуарах американского фермера, который приехал в Бессарабию по приглашению губернского земства с целью научить бессарабских крестьян методам отбора кукурузы: *Michael L. G.* Op. cit. P. 40–41.

⁴⁹ Администратором крупных поместий являлся, как правило, еврей, поэтому во многих источниках еврей был представлен в качестве причины всех зол, что согласовывалось с антисемитскими настроениями бессарабского города.

⁵⁰ *Michael L. G.* Op. cit. P. 152.

⁵¹ Бессарабский губернский комиссар Временного правительства от 16 июля 1917 г. (№ 8024) // НИА. Vasiliu A. Maklakov Papers. [Box 19 Subject file], Folder 19.1 Bessarabia. Obshchestvo Bessarabtsev.

⁵² Доклад о деятельности делегатов Общества бессарабцев // *Ibid.*

⁵³ *Pântea G.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău: Tipografia „Dreptatea”, 1931. P. 26 и сл. Деятельность Центрального комитета была неоднократно подвергнута критике представителями других военных организаций, таких как Совет русских солдат. Так, Думитру Богос, начальник штаба армии Молдавской Республики, писал, что комитет «представлялся и социал-демократическим, и социалистическим, и революционным, иногда молдавским, в зависимости от обстоятельств». См.: *Bogos D.* La Raspântie: Moldova de la Prut în anii 1917–1918. Chișinău: Editura Glasul Țării, 1924. P. 55.

⁵⁴ *Stănescu M. C.* Armata Română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România. 1917–1919. Constanța: Ex Ponto, 1999. P. 19.

⁵⁵ Доклад о деятельности делегатов Общества бессарабцев.

⁵⁶ Согласно документам, подавляющее большинство актов разгрома произошло в Северной Бессарабии, где проходила линия фронта.

⁵⁷ *Colesnic I.* Basarabia necunoscută. Vol. I. Chișinău: Editura Universtas, 1993. P. 80–86.

⁵⁸ Правительственный инспектор милиции Бессарабской губернии. 16 окт. 1917 г. // НИА. Vasiliu A. Maklakov Papers. [Box 19 Subject file], Folder 19.1 Bessarabia. Obshchestvo Bessarabtsev.

⁵⁹ *Левит И. Э.* Указ. соч. С. 108–109.

⁶⁰ В одном из докладов Вооруженных сил Юга России, который анализирует события 1917 г., было заявлено, что осенью 1917 г. Кишинев «захватили» агитаторы, посланные из Петрограда, у которых находились большие суммы денег. Записка по «бессарабскому вопросу», 21 апр. 1920 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Correspondence, 1918–1935], Folder Armed Forces in South Russia. Volunteer Army, f. 7.

⁶¹ Доклад о деятельности делегатов Общества бессарабцев.

⁶² *Левит И. Э.* Указ. соч. С. 48.

⁶³ Согласно постановлению Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апр. 1917 г., «правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обою пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия». См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I, 1 мая 1917. № 95. Ст. 529. С. 805–832.

⁶⁴ *Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru (1812–1918). Chișinău: Știința, 1992.

⁶⁵ Совет генеральных директоров Бессарабии — региональное правительство (8 дек. 1917 — 27 нояб. 1918 г.)

⁶⁶ Записка-меморандум о международном положении Бессарабии для представления державам Согласия и делегатам будущей Международной мирной конференции // ANRM. Ф. 727. Оп. 2. Д. 100. Л. 353–354.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Левит И. Э.* Указ. соч. С. 47–48.

⁶⁹ Об изменениях в социально-политическом составе Сфатул Цэрий см.: *Lasch K.* Der Landesrat in Bessarabien: Ethnische Zusammensetzung, politischen Orientierung, Sozialisation und Bildungsstand der Abgeordneten // *Transylvanian Review*. Vol. XXI. № 2 (summer 2012). С. 19–37.

⁷⁰ Интересно, что понятие «погром» подразумевало насилие, экспроприацию и грабежи со стороны российских воинских частей и крестьян в регионе. Осенью 1917 г. волна погромов прошла по Бессарабии с севера на юг, стремительно приближаясь к Кишиневу. Официально большевики отрицали свое участие в погромах; наоборот, в случае погрома в Бендерах пытались доказать, что именно они остановили грабей солдат, которые были лояльны Временному правительству. См.: Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — янв. 1918 г.): Документы и мат-лы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1968. С. 80 (документ № 7).

⁷¹ *Левит И. Э.* Указ. соч. С. 38

⁷² Документы Генерального штаба от 12 и 13 дек. 1917 г. // НИА. Vasilii A. Maklakov Papers. [Box 18 Subject file], Folder 18.16 Bessarabia. Reports. Military matters. 1917–1918.

⁷³ *Левит И. Э.* Указ. соч. С. 224.

⁷⁴ Записка-меморандум. Л. 359.

⁷⁵ Считается, что основным мотивом для входа румынской армии в янв. 1918 г. в Бессарабию послужили письменные запросы Директората Молдавской

Демократической Республики от дек. 1917 г. Правдоподобно также мнение о том, что решение было принято Антантой ранее; Центральные державы были также согласны с решением при условии, что румынское правительство заключит соглашение о прекращении огня и подпишет сепаратный мир. См.: *Левит И.Э.* Указ. соч. С. 219–220.

⁷⁶ Журнал внеочередного заседания Кишиневской городской думы от 12 янв. 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-3439 Комитет спасения Бессарабии. Оп. 1. Д. 4. Л. 1об.

⁷⁷ Решение союзников послать румынские войска в Бессарабию было ускорено вмешательством Фронтотдела, который пытался 6 янв. 1918 г. в Кишиневе ликвидировать Сфатул Цэрий. См.: *Stănescu M. C.* *Armata Română*. P. 65–67.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Журнал внеочередного заседания Кишиневской городской думы от 13 янв. 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-3439 Комитет спасения Бессарабии. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁸⁰ О мерах по установлению порядка в городе, предпринятых румынскими войсками, см.: *Constantin I. Gherman* *Pântea între mit și realitate*. București: Editura Biblioteca Bucureștilor, 2010. P. 67–68.

⁸¹ Резолюция Кишиневской городской думы, без даты // ГАРФ. Ф. Р-3439 Комитет спасения Бессарабии. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 3об.

⁸² Представители последней группы проявляли различными способами неудовлетворенность тем фактом, что «по истечении 10 дней военной оккупации румынской армии было приказано прекратить вмешательство в любой из вопросов, вытекающих из событий, предшествующих оккупации. С того момента румынская армия больше не участвовала в действиях по возвращению расхищенного добра». См.: *Adresa "Domnul Ministru Prezident", Iași, 16 mai 1918* // HIA. *Vasilii A. Maklakov Papers*. [Box 18 Subject file], Folder 18.11 Bessarabia Soiuз Zemelinykh Sobstvennikov.

⁸³ *Din Memoriul asupra stării în Basarabia, înaintat Guvernului român de către Uniunea Marilor proprietari din Basarabia (№ CLV)*. // *Ciobanu Șt.* *Unirea Basarabiei: Studiu și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918*. Chișinău, 1929. P. 222.

⁸⁴ О существенном вкладе Стере во внесение «бессарабского вопроса» в повестку дня румынской дипломатии во время войны см.: *Boia L.* «Germanofili»: *Elita intelectuală românească în anii Primului Război Mondial*. București: Humanitas, 2010. P. 312–318. О спорной позиции Стере во время нейтралитета Румынии и его роли в подписании акта объединения Бессарабии с Румынией см.: *Cușco A.* *Constantin Stere, the "Bessarabian Question" and the Romanian Foreign Policy Debates in the Early XXth Century* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 60 (2012). Heft 1. P. 204–225; *Colesnic I.* *Op. cit.* P. 299–300.

⁸⁵ Согласно формуляру о службе городского головы, Пантелеймона В. Синадино, 1909 г., ему принадлежало более 3500 десятин земли (1 десятинa — 1,097 га) // ANRM. Ф. 9 Бессарабского губернского по земским и городским делам присутствия. Оп. 2. Д. 626.

⁸⁶ Беседа. Маргилومان IV // HIA. *Vasilii A. Maklakov Papers*. [Box 18], Folder 18.10 Bessarabia. *Soiuz Zemel'nykh Sobstvennikov*. Об истории этого документа, а также о других темах обсуждения между Стере и Синадино см. подр.: *Suveică S. O.* (micro) *istorie a unirii Basarabiei cu România. Discuțiile dintre Panteleimon V. Sinadino, Alexandru Marghiloman și Constantin Stere (1918)* // *Constantin Stere — prozator, publicist, jurist și*

om politic — 150 de ani de la naștere: materialele conferinței științifice internaționale. 2015. Chișinău, Iași, Editura Vasiliană' 98, 2016. P. 166–196.

⁸⁷ Согласно документу, Синадино был членом управы со стороны некоторых христианских организаций. Информацию о составе управы, представленной Синадино, требуется сверить с другими архивными документами.

⁸⁸ На первом заседании Сфатул Цэрий городской голова А.К. Шмидт приветствовал открытие регионального законодательного органа власти, выразив готовность к сотрудничеству. См.: *Colesnic I.* Op. cit. P. 304.

⁸⁹ Согласно Стере, немцы «хотят здесь кормиться и иметь Бессарабию как место отдыха и пребывания для поправки». Синадино, согласно которому Румыния — «игрушка в руках всевильных немцев, которые их третируют, как свою колонию», объяснял такой подход как свидетельство слабости румынского режима. Это означало, что интеграция Бессарабии в составе Румынии будет проходить с трудом. См.: Беседа Маргиломан IV. Л. 21–22.

⁹⁰ Там же. Л. 30.

⁹¹ Там же.

⁹² Об обстоятельствах, которые сформировали чувства и настроения бессарабской политической и экономической элиты, см.: *Suweica S.* Between the Empire and the Nation-State: Metamorphoses of the Bessarabian Elite (1918) // *Euxeinos*. Vol. 15/16 (2014). P. 34–45.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См.: *Suweica S.* “Russkoe Delo” and the “Bessarabian Cause”: the Russian Political Émigrés and the Bessarabians in Paris (1919–1920) // Institut für Ost- und Südosteuropaforschung Regensburg, IOS Mitteilungen. Arbeitsbereich Geschichte. № 64 (Februar 2014).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Monitorul Oficial al României. 1918. 5 сент. (№ 133).

⁹⁷ Александр Карлович Шмидт — впоследствии член «бессарабской делегации» на Парижской мирной конференции.

⁹⁸ Согласно меморандуму Комитета спасения Бессарабии, в г. Одессе городской голова Шмидт в действительности публично критиковал акт объединения Бессарабии с Румынией; остальные же мотивы, которые послужили для ликвидации думы, были отторгнуты. См.: Записка-меморандум. Л. 355.

⁹⁹ Monitorul Oficial al României. 1918. 5 сент. (№ 133).

¹⁰⁰ *Colesnic I.* Basarabia necunoscută. Vol. II. Chișinău: Editura Museum, 1997. P. 110–111.

¹⁰¹ Rumänienfeindschaft in Bessarabien // *Vossische Zeitung* Berlin. 1918. 7 сент. (№ 457). Bundesarchiv. R 8034 II / 2476. Л. 129.

¹⁰² Monitorul Oficial al României. 1918. 9 окт. (№ 160).

¹⁰³ Expunere de motive la proiectul de lege asupra instituțiilor zemstvei pentru Basarabia. Chișinău, 1921. P. 3.

¹⁰⁴ Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 23 нояб. 1918 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Subject file], Folder Sinadino, Panteleimon V.

¹⁰⁵ Голосование депутатов Сфатул Цэрий на последнем заседании мало обсуждалось в литературе; некоторые неопубликованные документы указывают на то, что оно было произведено в сомнительных условиях. Все 85 протоколов заседаний Сфатул

Цэрий были впервые опубликованы в: Sfatul Țării: Documente (I). Procesele-verbale ale sedintelor în plen / I. Țurcanu (ed.). Chișinău: Editura Știința, 2016.

¹⁰⁶ Несколько фотокопий по оригиналу документа хранятся в личном архиве Александра Н. Крупенского. Документ был впервые опубликован самим Крупенским в переводе на английский язык в 1920 г. в сб.: The Roumanian Occupation of Bessarabia: Documents. Paris: Imprimerie Lahure, 1920. Appendix No. 28, Memoir sent to the Roumanian Government on November 20, 1918, by fourty Bessarabian Deputies. С. 107–111). См. также: Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România în anul 1918: Preludii, premise, realizări — 1918. Chișinău: Editura Tipografia Centrală, 1998. P. 291–293.

¹⁰⁷ Меморандум, б. д. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box II Subject file], 1918–1934, Folder Rumania — (Relations with Bessarabia).

¹⁰⁸ Ответ румынского правительства на меморандум ожидался «до роспуска парламента или, в любом случае, до 5 декабря 1918 года по старому стилю».

¹⁰⁹ Акт 30 нояб. 1918 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box III Speeches & Writings], 1919, Folder Sfatul Tsarii — Representatives's Rejection of Resolution.

¹¹⁰ См.: Rotari L. Mișcarea subversivă din Basarabia în anii 1918–1924. București: Editura Enciclopedică, 2004.

¹¹¹ Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 12 янв. 1919 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Subject file], Folder Sinadino, Panteleimon V.

¹¹² Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 20 дек. 1919 г. — 2 янв. 1920 г. // Там же.

¹¹³ Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 12 янв. 1919 г. // Там же.

¹¹⁴ О дискуссиях вокруг создания бессарабского Благородного собрания см.: Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи. С. 161 и сл.

¹¹⁵ Министру делегату Халиппа (получено в Париже 2.01.1920) // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box II subject files], Folder Kishinev Municipal Club, Incident, 1919.

¹¹⁶ Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 20 дек. 1919 / 2 янв. 1920 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Subject file], Folder Sinadino, Panteleimon V.

¹¹⁷ Министру делегату Халиппа.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Доказательством могут служить, кроме других, ранее опубликованных источников, 20 писем Пантелеймона В. Синадино к Александру Н. Крупенскому, которые хранятся в личном архиве адресата: НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Subject files], Folder Sinadino, Panteleimon V.

¹²⁰ О формировании, составе и требованиях «бессарабской делегации», которая получила мандаты от Одесского комитета по спасению Бессарабии и других общественно-политических организаций Бессарабии, см. подр.: *Suveica S.* For the “Bessarabian Cause”: The Activity of Odessa Committee for Saving Bessarabia (1918–1920) // *Archiva Moldaviae*. Vol. VI (2014). P. 139–171.

¹²¹ Secret. Notes of the Meeting of the Heads of Delegations of the Five Powers held in Mr. Pichon's Room at the Quai d'Orsay. Paris, on Wednesday, July 2 1919, at 3.30 p. m. // F. M. Records 15–29. May 14 — July 2 1919. Vol. 2: American Commission to Negotiate Peace. F. 3–4. О слушаниях в Париже и в других европейских столицах, а также в Бессарабии см.: *Suveica S.* “Russkoe Delo” and the “Bessarabian Cause”. P. 32 и сл.

¹²² Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 21 июля 1919 г. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box I Subject file], Folder Sinadino, Panteleimon V.

¹²³ Пантелеймон В. Синадино — Александру Н. Крупенскому. Кишинев, 27 авг. 1919 г. // Там же.

¹²⁴ Русско-румынские отношения, б. д. // НИА. Alexandr N. Krupenskii Papers. [Box II Subject file], 1918–1934, Folder Russia — relations with Rumania. F. 5.

¹²⁵ В Комитет по спасению Бессарабии, 27 нояб. 1918 г. // НИА. Vasilii A. Maklakov Papers. [Box 18 Subject file], Folder 18.2 Bessarabia. Protests against abuses by Romanian authorities.

¹²⁶ О путешествии Грэма в Бессарабию и его публикациях о регионе см.: *Suveică S.* “...Însăși Anglia nu ar putea guverna un loc ca Basarabia”: Reflecții ale unui ziarist britanic despre Basarabia anului 1924 // *Frontierele spațiului românesc în context European / S. Și-poș, M. Brie, F. Sfrengu, I. Gumenii (coord.). Oradea-Chișinău: Editura Universității de la Oradea — Editura Cartdidact, 2008. P. 300–312.*

¹²⁷ *Graham S.* *Russia in Division.* London: McMillan & Co., 1925. P. 110–111.

¹²⁸ К примеру, на пьедестале разрушенного памятника императрице Екатерине II в Аккермане, возведенного в 1900 г., где кто-то посадил кактус, было написано: “Something evil was once here”. Там же. P. 111.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ *Тарнакин В., Соловьева Т.* Бессарабские истории: Историко-краеведческие журналистские расследования. Chișinău: Pontos, 2011. С. 237.

¹³¹ *Pâslariuc V.* The resemantization of public space: Political discourse and urban landscape in Chisinau (late 18th c. — early 21st c.) // *Chișinău — Artă, Cercetare în Sfera publică / Șt. Rusu (ed.). Chișinău: Centrul de Artă Contemporană, 2011. P. 232–239.*

Владимер (Ладо) Вардосанидзе

Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии «двуликого Януса»

Мне Тифлис горбатый снится...

Осип Манделштам

Я еще не видел такого легкого
и пестрого города, как Тифлис.

Константин Паустовский

Вбиографии Тбилиси (до 1936 г. — Тифлис), города с многовековой историей, семь лет, заключенных между знаковыми датами — 1914–1921 — на первый взгляд могут показаться мимолетной страницей. Однако военно-политический катаклизм, обрушивший всю Российскую империю в этот короткий период, драматически отразился на жизни центра Закавказского края.

Оглядываясь несколько назад, отметим, что к началу XX в. Тифлис сложился в центр управления всем Кавказом, с резиденцией царского наместника. За век до этого, в 1801 г., когда Российская империя инкорпорировала Восточно-Грузинское царство, Тифлис представлял собой небольшой компактный городок, заключенный в крепостные стены.

Важно подчеркнуть, что российские власти не стали сносить Старый город, предпочтя распланировать новую городскую застройку вне потерявших фортификационное значение оборонительных стен — на плато в юго-западном направлении, тем самым на столетия вперед предопределив линейную конфигурацию развития Тифлиса преимущественно вверх по течению реки Куры (Мтквари). Это обстоятельство в качестве нового функционально-планировочного вектора будет сопровождать всю последующую историю города и сыграет решающую роль в социально-культурной стратификации городской среды, четкого разделения города на две разноликие части. Недаром местная газета «Закавказский вестник» еще в середине XIX в. назвала Тифлис «двуликим Янусом», одним ликом обращенным в сторону Азии, другим — в сторону Европы. Именно эта двуединость оставалась имманентным качеством Тифлиса и на дальнейших этапах его развития, включая рассматриваемый период. Она же в значительной степени предопределила структуру и содержание настоящей статьи.

Эмпирические сведения по городской повседневности и муниципальной деятельности приводятся в основном из газет, освещавших тифлисскую жизнь с различных позиций. «Тифлисский листок» был ориентирован на русскоязычного, в первую очередь армянского читателя и выходил до начала 1919 г.; газета «Сакартвело» («Грузия») была основана в 1915 г. и отражала поиски национально-государственной идентичности грузинской элиты; «Сакартвелос Республика» («Республика Грузия») была официозом социал-демократического правительства независимой Грузии. Обилие и пространность цитат, в особенности из газет, выходивших на грузинском языке, представляются автору более уместными, чем субъективная интерпретация источников. Урбанонимы даются в русскоязычной транслитерации, принятой в описываемый период. Переводы с грузинского — авторские.

Тифлис странноприимный. «Плавильный тигель национальностей» или «Вавилонская башня»?

Начиная с XIII в. население Грузии постоянно уменьшалось и к XIX столетию достигло исторически достоверного минимума. Тифлис — столица Восточно-Грузинского царства — полностью отражал такую тенденцию; более того, последнее персидское нашествие (1795)

полностью опустошило город. К моменту присоединения Картли-Кახетинского царства к Российской империи (1801), по оценке исследователей, население Тифлиса составляло 15 400 чел. — из расчета 3244 дыма в среднем по 4,75 чел.¹ В дальнейшем отмечается постоянный рост населения Грузии в целом и городского населения в частности. Так, в 1886 г. Тифлис насчитывал 78 455 жителей.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., население Тифлиса насчитывало уже 159 590 чел., в том числе 95 240 мужчин (59,7%) и 64 350 женщин (40,3%)². При этом постоянное население составило 146 800 чел. Перепись не дала четкой картины этнического состава тифлисцев, так как опросный лист не содержал позиции «национальность» и этническая принадлежность опрашиваемых определялась по родному языку. Тем не менее можно привести относительно точное распределение трех основных этнических групп: армяне — 47 133 чел. (29,5%); русские — 44 823 чел. (28,2%); грузины 42 200 чел. (26,4%)³.

К 1914 г., согласно данным постоянной полицейской регистрации, население города возросло до 344,6 тыс. (кроме расквартированных в городе войск)⁴. По расчетам демографов, цифра несколько иная — 370,6 тыс.; распределение по национальностям дает следующую картину (по расчету, в тыс.): грузин — 70,5 (19,0%), армян — 130,7 (35,3%), русских — 90,7 (24,5%), иных национальностей — 78,7 (21,2%)⁵. Персы (на самом деле «персидскоподданные») составляли 6,1 тыс., поляки — 4,5 тыс., «татары» (азербайджанцы и казанские татары) — 3,0 тыс., немцы — 2,9 тыс., евреи — 2,4 тыс. Численность каждой из других этнических групп не превышала 2 тыс.⁶ В этот год отмечался особенно высокий среднегодовой прирост населения Тифлиса — 4,98%⁷.

Перепись населения, проводившаяся в течение лета 1917 г., сохранила целый ряд методологических недостатков, по этой причине количество населения в Тифлисе оценивается разными цифрами — от 231 141⁸ до 246 910 чел. Композиция национального состава тифлисцев в это время выглядит следующим образом: армян — 83 177 (33,7%), русских — 69 492 (28,1%), грузин — 62 377 (25,3%), «татар» — 7613 (3,1%), осетин — 1693 (0,7%), других национальностей — 22 558 (9,1%)⁹.

Следует отметить, что к этому времени в городах Закавказского края, в первую очередь в Тифлисе, Баку и Батуме, стремительно

*Тифлис. Гостиница «Кавказ». Рубеж XIX–XX вв. Фото Д. Ермакова.
Национальный архив Грузии*

возрастает группа временного населения, что было обусловлено совпадением миграционных факторов выталкивания и притяжения. До войны мигрировало в основном сельское население — т. н. отходники, которые в городе занимали нишу низкооплачиваемого и неквалифицированного труда (водоносы, грузчики, подсобные строительные рабочие, обслуживающий персонал в духанах, домашняя прислуга и т. п.). Трудовые мигранты прибывали в Тифлис не только из закавказских, но и из соседних, а также внутренних российских губерний, причем сезонные колебания численности временного населения достигали значительных величин. К примеру, к началу XX в. их доля в общей численности тифлисского населения составляла 43% (81,4 тыс. чел.)¹⁰. Этот контингент постоянно увеличивался — Кавказский календарь, оценивая временное население Тифлиса к 1914 г., называет цифру 143,7 тыс. при общем населении в 344,6 тыс. чел.¹¹

С начала Великой войны до 1917 г. в масштабе Закавказья население прежде всего сократилось в крупнейших городах, в том числе и в Тифлисе¹². Война вызвала отток из прифронтового Тифлиса, в первую очередь русского населения — если в 12-летний предвоенный

период эта группа увеличилась на 34 548 чел., то в трехлетний отрезок, с 1914 по 1917 г., она сократилась на 21 181 чел. Не совсем ясным остается вопрос участия в этих демографических выкладках тифлисского гарнизона численностью не менее 15 тыс.; падение числа русских можно отчасти объяснить и отправкой на фронт дислоцированных в Тифлисе воинских частей.

В военные годы уменьшается численность других этнических групп и, естественно, населения Тифлиса в целом — с 1914 по 1917 гг. число жителей города сократилось на 108,7 тыс. (29,3%); в том числе армян — на 46,1 тыс. (35,3%), грузин — на 6,0 тыс. (8,5%), других национальностей — на 42,6 тыс. (54,1%)¹³. Основными причинами депопуляции были угроза приближения линии фронта, призыв на воинскую службу, бытовые невзгоды, отток населения в экономически более благополучные деревни. Заметно уменьшилось число иностранных подданных, в первую очередь армян, значительная часть которых считалась временно проживающими в Тифлисе.

Если начало Великой войны уменьшило численность населения Тифлиса, в том числе грузинской его составляющей, то после объявления независимости Грузии (1918) и естественной «коренизации» всей общественно-политической жизни нарождающегося государства резко усилилась миграция в Тифлис грузинского населения, прежде всего из Западной Грузии.

Здесь следует выделить одно обстоятельство, существенно повлиявшее на дальнейшее развитие грузинского общества. Дело в том, что до создания Демократической Республики Грузия (1918) европейская часть Тифлиса была по своему повседневному *modus vivendi* имперско-российским городом. Тем грузинским общественным деятелям, в основном восточногрузинского (карталинского или кахетинского) происхождения, которые психологически неуютно обретались в Тифлисе, постоянно приходилось противостоять русскому великодержавному шовинизму и непомерным амбициям армянской плутократии. Такое положение объясняет высказывание *pater patriae* — Ильи Чавчавадзе: «Не тянет меня в Тифлис, не тянет — не лежит у меня сердце к родному городу».

Точную характеристику Старого Тифлиса, разительно отличавшегося от «европейской» части города, оставил классик армянской литературы Ованес Туманян, всю свою творческую жизнь проведший в этом городе: «...старый Тифлис издавна был каким-то клубком,

*Тифлис. Татарская площадь. Рубеж XIX–XX вв. Фото Д. Ермакова.
Национальный архив Грузии*

здесь смешивались и соединялись различные восточные народы — со своими языками, религиями, философиями и национальным творчеством. Они создали самобытный город, которым восхищалась вся Малая Азия и Ближний Восток». В то же время кавказская столица, как уместно замечает Туманян, «...не была собранием этнографически чуждых друг другу элементов, но скорее уподоблялась дружной семье различных народов и племен». По его наблюдению, жизни старого Тифлиса задавал тон «беззаботный и веселый грузинский дух»¹⁴.

Четкое этнопрофессиональное изображение предвоенного Тифлиса с классовых позиций дает Ной Жордания — будущий глава ДРГ: «...остатки старого строя — это тифлисские грузины, основа же будущего строя — армянство. Помещики и крестьяне — это грузины, торговцы и *мокалаке* («мокалаке» по-грузински означает и жителя города, и гражданина в сословном смысле. — В. В.) — армяне. Первые — те же сельские, лишь случайно проживающие в городе, вторые же — настоящие городские люди, и их обитель — город.

Таким образом, здесь лицом к лицу оказались два элемента, носители двух культур, и скрытая или явная борьба между ними должна была разразиться. В этой борьбе побеждает тот, кто стоит на пути современной жизни, кто вооружен современным оружием. И вот вооруженными этим оружием оказались армяне < ... > С другой стороны, в городе постепенно приумножились государственные учреждения. Училища, военные заведения — все это увеличило число русских в качестве чиновников, учащихся или военных. Одним словом, новое время работало в трех направлениях: на торговом поприще преимущество осталось за торговым людом — армянами, на административном — представителями администрации — русскими, грузины же не представляли ни первых, ни вторых»¹⁵. В то же время, касаясь языка общения в Тифлисе, Н. Жордания говорит: «Среди простонародья слышен грузинский язык, в высоких кругах и среди интеллигенции — русский, а в местах коммерческих и торговых — армянский. < ... > Что касается прессы, она есть у всех трех наций, но по значению и числу читателей первое место занимает русская»¹⁶.

Тифлисская повседневность на фоне Великой войны и российских революций

Военное столкновение великих держав отразилось на повседневной жизни Тифлиса, постепенно втягивая прифронтовой город в милитаризированную атмосферу. Поначалу высочайший указ о частичной мобилизации по части нижних чинов запаса не коснулся Закавказских губерний, в том числе Тифлисской. Указ о военном положении охватил в Закавказье только некоторые уезды Кутаисской губернии, Батумскую область, Черноморскую губернию и Сухумский округ.

Еще до вступления Российской империи в разразившуюся войну (6 августа 1914 г.) Тифлис охватила истерия проявления патриотических чувств, верноподданнической лояльности и славянской солидарности. Систематически проводились молебствия, богослужения, крестные ходы, манифестации и шествия в поддержку Сербии, собиравшие в центре города тысячи тифлисцев всех национальностей и сословий. Со вступлением России в войну усиливаются антигерманские настроения. Проводятся меры против «немецкого

Тифлис. Шиитская мечеть на Татарской площади и Метехский мост. Рубеж XIX–XX вв. Фото Д. Ермакова. Национальный архив Грузии

присутствия» — реквизируются автомобили немецких фирм и германских подданных, немецкие вывески и плакаты заменяются русскими, Немецкая улица переименовывается во Французскую; Ной Сихарулидзе — новый владелец гостиницы «Ветцель», в свое время названной по фамилии основателя, тифлисского немца, — переименовал ее в звучное «Ной»¹⁷.

В приказе тифлисского полицмейстера было сказано: «Замечено, что в городе свободно ведутся разговоры на немецком языке. Нахожу, что < ... > не может иметь место немецкая речь. Объявляю, что безусловно запрещаю вести разговор на немецком языке как в общественных собраниях, так равно и на улицах, в конторах и магазинах... За нарушение этого устанавливаю взыскание — 3000 рублей штрафа или, в случае несостоятельности, три месяца тюремного заключения»¹⁸. Газеты сообщали, что за распространение ложных слухов Эмилия Лемберг (вероятно, немка. — В. В.) оштрафована на 300 руб. Сообщалось также, что бывший начальник Кавказского округа путей сообщения инж. С. Ф. Гофман возбудил ходатайство о перемене своей фамилии на Калиновский.

В то же время недвижимость, принадлежащая Германии и Австрии, сохраняет свой статус — консульства этих стран переходят под охрану американского консула в Тифлисе. Германским подданным, которым было разрешено проживание в Тифлисе, было предложено до 1 апреля 1915 г. ликвидировать свои дела. Практически они сохраняли права собственности на недвижимость, и только в марте 1916 г. было принято решение о ликвидации «немецкого землевладения» в Тифлисе; германские и австрийские подданные стали распродавать свое имущество.

В середине августа 1915 г. тифлисский полицмейстер извещал: «...на жительство в Тифлисе оставлены... из подданных воюющих с нами держав: 1) лица славянского, французского и итальянского происхождения и турецкие подданные христиане; 2) германские и австрийские подданные в возрасте моложе 17 и старше 50 лет и неспособные к военной службе по видимым физическим недостаткам (4 человека) и 3) женщины с детьми»¹⁹. Эти категории тифлисцев были взяты на строгий учет. Вопрос об интернировании российско-подданных этнических немцев пока не рассматривался, однако в декабре 1915 г. власти издают приказ, в котором говорилось: «В целях установления надзора за деятельностью немецких колонистов и пресечения им возможности проявления вредной деятельности, при условиях военного времени < ... > во все колонии теперь же назначаются правительствен. старшины и писаря, с назначением им жалованья за счет населения колоний и с откомандированием в помощь старшинам полицейских стражников»²⁰.

Уже к концу лета 1914 г. в городе проявились признаки подорожания продуктов первой необходимости. Торговцы-перекупщики перехватывали подвозимые крестьянами сельскохозяйственные продукты далеко за городом и назначали на них произвольную цену. В связи с этим городская управа обратилась к тифлисскому губернатору с просьбой установить «таксу» на продукты этой категории. Несмотря на такие меры, в августе вздорожали дрова, молоко, аптекарские товары (на 10–20%). Городские газеты постоянно публикуют сводки рыночных цен на продукты питания, дрова, жидкое горючее и сопровождают эти сведения редакционными комментариями и сравнениями с положением в других городах региона — Баку, Карсе, Владикавказе. С другой стороны, в связи с многочисленными отъездами из Тифлиса цены на квартиры поначалу значительно понизились.

Осенью 1914 г. заметно сократился запас углей для дуговых фонарей уличного освещения. По этой причине было решено тушить фонари в 2 часа ночи, так как «...всевозможные зрелища прекращаются в 11 час. ночи, рестораны закрываются в 12 час., а клубная жизнь прекращается в час ночи, почему движение публики после этого времени прекращается»²¹. В это же время возникает постоянная для всего периода войны тема торговли спиртными напитками и борьбы с пьянством, бутлегерством и азартными играми в клубах. Вначале власти установили, что для клубов, гостиниц и ресторанов первого разряда спиртные напитки будут отпускаться по особым ордерам из складов и контор в определенные часы, в присутствии полицейских чинов. Тифлисский губернатор предложил разрешить азартные игры только между членами клубов. В дальнейшем отношение властей к виноторговле неоднократно менялось, причем интересы производителей и продавцов виноградных вин — нередко аргументированно, исходя из экономических интересов в первую очередь винопроизводителей Кахетии — лоббировали некоторые гласные тифлисской думы.

С первых дней вступления в войну, особенно после открытия Кавказского фронта (ноябрь 1914 г.), на волне патриотического подъема, создавались многочисленные общественные организации помощи раненым воинам, беженцам, сиротам, семьям воинов (число «призываемых» за казенный счет семей нижних чинов к концу сентября 1914 г. достигло 4517).

Естественно, наибольшую активность в отношении беженцев-армян — числом около 300 000 — проявляли различные армянские благотворительные организации. В Тифлис были переведены учебные заведения из Карса, прибыли и учащиеся из Эривани, Александрополя. 21 ноября «Тифлиссский листок» сообщал: «В Тифлис уже начали прибывать армяне со стороны Артвина и Ардагана. В особенности много накопилось беженцев из Эрзерумского вилайета в Карсской области. < ... > Совет кавк. арм. благотв. о-ва и армянский центральный комитет помощи пострадавшим от войны взял на себя попечение о беженцах». В свою очередь, городская управа вносит в думу проект организации помощи армянским беженцам, предлагающий регистрацию, выяснение их семейного и социального положения, учреждение ночлежных приютов и бесплатных столовых, предполагалось также «по мере очищения от турок их местожительства» отсылать беженцев на родину.

Прибывали и беженцы других национальностей — в январе 1915 г. из Персии в Тифлис прибыли свыше 300 беженцев-айсоров; они разместились в районе Лоткис-гора. В конце месяца в Завокзалье (Нахаловка) было размещено еще до 2500 айсоров. «Дом польский» (Комитет помощи жертвам войны в Польше) организовал помощь пострадавшему от военных действий населению западных губерний. Несколько позже в Тифлисе развернулась кампания по снабжению в Германии российских военнопленных одеждой и книгами. Из зоны предполагаемых военных действий в Тифлис переводились и учреждения, например батумский ломбард. В свою очередь, в Петроград были отправлены научные коллекции.

Сбор средств и предметов первой необходимости для военных нужд проводился в разных формах — с разрешения наместника организовывались благотворительные лотереи; устраивались филантропические концерты и «чашки чая» (чаепития); по примеру Москвы периодически проводились «дни мыла» и «дни белья» (собиралось не только белье, сортировочный склад был устроен на верхнем этаже Дома немущих Зубалова); была организована продажа «пирожков в пользу раненых»; в определенных местах устанавливались выкрашенные в имперские цвета ящики для сбора папирос для воинов и т. д.

Пожертвования имели различный характер — фирмами и частными лицами предоставлялись помещения под лазареты; приобретались госпитальные койки и иное оборудование; вносились суммы на оборудование и содержание того или иного количества коек (иногда с оптимистическим уточнением — «до конца войны»); супруга наместника уступила свой автомобиль для военных нужд; а «мальчик М. Гулиев» (так сообщалось в газетах) внес свои 19 рублей. Общество поощрения изящных искусств организует лотерею произведений живописи и скульптуры в пользу раненых воинов; участники — художники Башинджагиан, Бондарь, Гриневский, Зенковский, Николадзе, Фогель, Ходорович, Шмерлинг. Общество взаимного вспоможения литовцев устраивает благотворительный вечер — силами любителей были представлены две комедии и организованы танцы в зале польской школы. Отмечается День синематографа (2 января 1915 г.) — также с филантропическими целями. Амкарства (цеховые объединения) сапожников обязались шить сапоги для армии за умеренную фиксированную цену — 1 руб. 20 коп. Полковник С. С. Эсадзе

с братом в день похорон их матери взамен поминального обеда пожертвовали 50 руб. Женскому обществу призрения сирот-армян Закавказья.

С самого начала Великой войны тифлисскому самоуправлению пришлось работать в условиях прифронтового города. Уже в 1914 г. 200 тыс. руб. из муниципального бюджета было выделено для военных нужд; самоуправление включилось в обеспечение Кавказской армии продовольствием, прием и размещение раненых воинов, борьбу с эпидемиями. Город с энтузиазмом предоставлял муниципальные ресурсы военному ведомству. Под лазареты переоборудовались различные общественные и частные здания — новое здание тюрьмы № 1, Вторая мужская гимназия, Николаевское училище, Пушкинская и Черкезовская городские школы, дом Сейланова и проч. В свою очередь, Военно-санитарное управление передало в распоряжение города Тифлиса полевые лазареты № 376 и 386. В Тифлисе лечили тяжелораненых; легкораненые направлялись в Баку. К началу Великой войны относятся и первые случаи заболевания оспой и брюшным тифом; решено было приспособить термальные серные бани для лечения раненых солдат, причем одна баня предназначалась для «острозаразных».

В специально отведенном лазарете лечили военнопленных-турок, по отношению к которым поначалу проявлялось удивительное великодушие: «3-го января [1915 г.] на ст. Навтлуг прибыло 2194 пленных турок. < ... > Пленным, не имеющим одежды и сапогов, таковые выдаются из интендантства. < ... > выделяют больных, которых отправляют в госпиталь. Слабосильным также дают, для восстановления сил, в маленьких рюмках коньяк»²². Ранее сообщалось, что для погребения с соблюдением мусульманского погребального обряда десяти турецких солдат, умерших в дороге, был приглашен муфтий. Имеющиеся у пленных турецкие монеты обмениваются на российские деньги.

В конце ноября 1914 г. Тифлис, казалось, забыл о войне — весь город взбудоражил предстоящий четырехдневный визит императора Николая II. Тифлис украсился гирляндами, транспарантами; в честь этого события по постановлению городской думы были «сложены недоимки» с беднейших жителей — суммарно 50 000 руб. Газеты соревновались в проявлении восторженной лести и верноподданнических чувств — редакционная статья «Тифлисского листка» от 26 ноября

с кавказской витиеватостью вещала: «Тифлису выпало на долю великое счастье; сегодня население Тифлиса встречает Державного Хозяина Земли Русской, Великого Государа Великой России».

Император с семейством и многочисленной свитой посетил Александро-Невский военный собор, Военно-исторический музей (Храм славы), Первую мужскую гимназию, реальное училище, учебное заведение Св. Нины, Закавказский девичий институт, Михайловский кадетский корпус, один из лазаретов; везде его приветствовали восторженные толпы тифлисцев, готовых часами ждать появления обожаемого монарха. В доме Е. И. Сараджевой (Сараджишвили) на Сергиевской улице был дан раут от грузинского дворянства. В качестве хозяйки раута выступала вдова генерал-адъютанта княгиня А. А. Амилахвари. Предводитель дворянства Тифлиской губернии князь К. Н. Абхази приветствовал императора хлебом-солью. На следующий день во дворце наместника император принял депутации от этнических общин Тифлиса — русской, грузинской, армянской, мусульманской, «русских» и горских евреев, российских подданных курдов, айсоров, молокан, лютеран. Главы депутатий состязались в славословии и демонстрации верноподданнической лояльности, столь естественной в военное время.

После завершения своего кавказского визита Николай II прислал в Тифлис телеграмму, в которой отмечал образцовый прием, и выделил 25 000 руб. для раздачи, по усмотрению наместника, населению посещенных на Кавказе городов. В свою очередь, тифлисская дума на чрезвычайном заседании среди прочих вопросов решила: «3) в память 4-дневного пребывания Его Императорского Величества Государа Императора Николая Александровича открыть 4 новых начальных городских школы, присвоив им это наименование; 4) разбить новый сквер в городе, наименовав его Николаевским».

Тем временем продолжался рост цен на продукты питания и другие товары первой необходимости. «Тифлиссский листок» писал: «Жадность тифлисских торговцев, по-видимому, не знает пределов. За последнее время цены на керосин в Баку очень упали (пуд керосина без акциза стоит 31 коп.), а между тем тифлисские торговцы реагировали на это не понижением существующих на рынке цен, а повышением их. Пора бы умерить их аппетиты!»²³ Военное ведомство сотрудничало с городскими властями в снабжении населения продуктами питания; например, в мае 1915 г. по ходатайству городской

управы интендант Кавказского военного округа взаимобразно уступил городу 5000 пудов сахара из воинского запаса.

К осени 1915 г. запасы зерна в городе истощились; была введена карточная система. Хлеба все равно не хватало; в хлебных очередях начались беспорядки. В феврале 1916 г. Тифлис, вслед за Баку, охватил «хлебный бунт». Тифлисский полицмейстер докладывал начальству, что в течение 6 месяцев до февраля 1916 г. хлеб подорожал на 33 %, мясо — на 78 %, картофель — на 33 %, капуста и свечи — на 100%²⁴. Рост цен коснулся также квартир, одежды и обуви, аптекарских и парфюмерных товаров, других предметов первой необходимости. В сентябре — октябре прошли забастовки рабочих паровозоремонтного завода с требованием повышения зарплаты; их поддержали трамвайщики.

16 декабря 1915 г. газеты сообщали, что на рынках не было мяса; торговцы были предупреждены тифлисским полицмейстером, что если это повторится, то мясники «будут арестованы и отправлены в тюрьму». Управа назначила премии за сведения о скрытых товарах. В июне 1916 г. продовольственный отдел городской управы разработал Положение о вводимой единой карточной системе. В 9 пунктах Положения были прописаны правила получения продуктов первой необходимости. Муниципальные лавки работали с 6 до 11 часов утра, в остальное время товар развешивался для следующего дня. С конца апреля по середину июля, за 40 торговых дней, наибольшее число выдач на одну лавку составило 1350, наименьшее — 305. Рацион существенно сократился; к примеру, сахар выдавался из расчета 1 фунт на 2 недели на человека. В июле в Тифлисе получен закон об установлении трех «мясопустных» дней в неделю. Появились длинные, многочасовые очереди. Кроме хлебного и керосинового «хвостов» возник новый — «свиной»: с 4 часов утра на Солдатском базаре собирались женщины и становились в очередь, терпеливо ожидая подвоза свиней и разделки туш. Мясники отпускали в одни руки не более 3 фунтов свинины.

Начались сбои в городском хозяйстве — для трамвая не хватало запчастей; на Авчальском водопроводе заканчивался запас глинозема для коагулирования воды, вследствие чего в районе Дидубе в течение недели не подавалась вода; приостановила работу мельница; нерегулярно работал фуникулер — «за отсутствием топлива (антрацита)». Квартиры вздорожали на 25–50 %. Возникли проблемы с топливом

и электроэнергией — в декабре 1916 г. в городской больнице временно прекращены хирургические операции из-за отсутствия отопления в операционной. В городском правлении обсуждался вопрос об искусственном топливе «из разных отбросов». Управа предлагала населению получать от нее муку, строить печи и самим выпекать хлеб. Особое внимание отводилось муниципализации торговли продуктами питания как средству борьбы со спекуляцией. В 1916 г. в городе уже действовали 16 муниципальных магазинов, центральная пекарня и другие объекты²⁵.

Весна 1917 г. еще больше обострила продовольственный кризис — в марте в Тифлисе произошел погром рынка, в котором в основном участвовали домохозяйки и «безоружные деньщики». Резко ухудшалось экономическое положение рабочих и служащих; инфляция приняла стремительный характер — с января 1917 г. до января 1918 г. цены выросли в 4 раза, в то время как зарплаты в среднем увеличились на 282 %. Были введены карточки на хлеб и муку.

Городская среда постепенно деградировала — в центре города рыскали стаи бродячих собак; увеличилось число карманных воров; газеты писали: «За последнее время в Тифлисе наблюдается переодевание профессиональных карманников в форму вольноопределяющихся». Появились дезертиры, скрывавшиеся в хибарах около железнодорожного вокзала (близлежащий рынок потомственные горожане до сих пор называют «Дезертирским»). На одном из базаров процветала торговля воинским снаряжением и обмундированием (отсюда надолго сохранившееся название базара — «Солдатский»).

Участились случаи фальсификации продуктов (брусничный лист вместо чая), уменьшился размер штучных продуктов (появились «миниатюрные булки»), на прилавках попадают «неклеяемые окорока», несвежее мясо, разбавленное водой молоко; контрольная проба «топленого масла» показала смесь говяжьего сала с хлопковым маслом и т. д.

Власти пытались справиться с кризисом на рынке труда: комиссия при Императорском военно-экономическом обществе обратилась к Тифлисской ремесленной управе с вопросами: «1) Какие отрасли ремесла, вследствие военных событий и других причин, особенно пострадали в настоящее время и вынуждены были сократить производство и какое число рабочих ими рассчитано; 2) есть ли в этих отраслях совсем прекратившие деятельность предприятия и какое количество рабочих ими рассчитано; 3) замечается ли приток

безработных из других мест и в каких отраслях ремесла этот приток особенно велик; 4) предпринимаются ли ремесленным управлением какие-либо меры для борьбы с безработицей и для помощи рассчитанным рабочим; 5) пользуются ли при наймах рабочих ремесленники услугами каких-либо посреднич. учреждений и каких именно; 6) в каких отраслях в связи с казенными заказами расширено производство и какое количество новых рабочих набрано ими; не чувствуется ли вследствие этого недостаток рабочих и каких именно»²⁶.

Поиск дополнительных трудовых ресурсов шел в нескольких направлениях. На добровольных началах к труду были привлечены женщины; в городе был создан Комитет по применению женского труда для обороны. На 31 августа 1915 г. было зарегистрировано 1350 девушек и женщин, «предложивших свой труд для обороны». Женщины приглашаются для работы на трамвайных линиях — в качестве кондукторов и уборщиц. Женщины-кондукторы появились и в дачных поездах, следующих в Мцхета и Боржом. В 1916 г. были получены Правила обеспечения промышленных предприятий трудом военнопленных, причем с них удерживалось 25% выработанной зарплаты.

Город постоянно заботился и о трудоустройстве беженцев — в доме Мелик-Азарянца на Верийском спуске для них были открыты сапожная, ткацкая, переплетная, «конвертная» кооперативные мастерские. В витрине магазина Альшванга на Дворцовой улице устраивается выставка-продажа рукоделия беженок-армянок («тонкие кружева иголкой»).

В то же время в конце 1916 г. ввиду успешного продвижения российских войск на турецком театре военных действий городские власти поставили вопрос о «разгрузке» Тифлиса путем запрета въезда лиц «без особой на то надобности». В Карс была возвращена женская гимназия, реальное училище, другие учреждения. Однако попытка отправить часть беженцев из Тифлиса в Елисаветпольскую губернию провалилась — беженцы попросту разбежались.

Осенью 1915 г. политические круги Тифлиса, как и всей империи, были увлечены идеей введения в Закавказье земских учреждений — подобно Царству Польскому. Великий князь наместник признал необходимость разработать в скорейшем времени решенный уже в принципе вопрос о введении земских учреждений, «согласованных с местными особенностями края». В конце года управа входит в думу с докладом о необходимости создания особой комиссии с поручением

ей разработки вопросов о типе земства, земельном цензе и величине земельных единиц. Параллельно обсуждается вопрос о форме градоначальства. Признается, что для такого крупного города, как Тифлис, статус полицмейстера недостаточен и его следует заменить на обер-полицмейстера или градоначальника. Впрочем, военная тема отодвинула эти рассуждения на второй план. Зато особую остроту приобрел вопрос о необходимости создания в Тифлисе высших учебных заведений.

Проявлялась забота и о санитарии населения Тифлиса — баням было предписано увеличить рабочий день: с 5 часов утра до 1 часа ночи даже в воскресенье и праздничные дни, кроме двенадцатых, когда в силе оставался прежний график работы — с 7 до 14 часов. Бедные пользовались банями бесплатно, в определенное время. Был представлен проект прачечной на 200 чел. в день из расчета по 4 часа на каждого пользователя; причем нагрев воды предполагался посредством мусоросжигательной печи.

Несмотря на сложные условия военного времени, Тифлис оставался важнейшим транспортным узлом Закавказья. В августе 1914 г. установилось «срочное автомобильное сообщение» между Тифлисом и Владикавказом. В 1915 г. открылось грузо-пассажирское движение по кахетинской ветке железной дороги, построенной на частные средства и предназначенной в основном для вывоза кахетинского вина в Тифлис и далее — на общероссийский рынок. В августе 1917 г. в Тифлисе было учреждено «Товарищество перевальной электрической железной дороги между Тифлисом и Владикавказом»; начались проектно-изыскательские работы по избранному варианту транскавказской магистрали с нормальной колеей. Параллельно этому проекту было решено провести реконструкцию транскавказской автомобильной Военно-Грузинской дороги, доведя ее пропускную способность до 30 000 пудов в сутки, для чего намечалось приобрести 500 грузовых автомобилей и 3000 дуколок.

Борьба за высшую школу. Тифлисский университет — предвестник исторического национального проекта

Наличие высших учебных заведений в значительной степени определяло статус амбициозных губернских городов Российской империи. В этом смысле Тифлис долгое время считался городом, отделенным центральными ведомствами. Восстановить справедливость

упорно пытались как тифлисские городские власти, так и академические круги. В 1914/15 учебном году в Тифлисе всего насчитывалось 166 различных по профилю и рангу учебных заведений, в которых получали образование 27 941 учащийся; в том числе 30 средних учебных заведений с 12 014 учащимися. В том же учебном году в Тифлисе наконец открылись Высшие женские курсы — по существу, первое высшее учебное заведение в Закавказье. На курсы были зачислены 314 студенток.

Открытие Тифлисской консерватории задерживалось из-за бюрократических проволочек. Только в январе 1917 г. главная дирекция Российского музыкального общества была вынуждена вынести положительное решение об открытии консерватории 1 сентября этого года. Помимо прочих аргументов, решение было обосновано тем, что «Тифлис как центр Кавказа сосредоточивает интеллектуальную жизнь громадного края и имеет все права на учреждение в нем высшего музыкального заведения»²⁷.

Последовавшая вскоре Февральская революция ускорила ход событий. 27 марта 1917 г. художественный совет училища в обход местного отделения РМО и его главной дирекции обратился непосредственно к председателю Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) — к этому моменту высшего органа исполнительной власти в Закавказье — с просьбой признать Тифлисское музыкальное училище преобразованным в консерваторию. 1 мая 1917 г. ОЗАКОМ постановил: «1. Преобразовать Тифлисское музыкальное училище в консерваторию с 1-го мая 1917 года. 2. Присвоить художественному совету консерватории автономию»²⁸. Ректором консерватории был избран Н. Николаев, инспектором — З. Палиашвили.

На первый взгляд может показаться странным то, что Великая война оживила застарелый вопрос об открытии в Тифлисе первого высшего технического учебного заведения Закавказья — политехникума (политехнического института). К 1914 г. «черновые планы» воплощения этой идеи уже существовали. В связи с боями на западном театре военных действий встал вопрос об эвакуации ряда высших учебных заведений, в частности из Варшавы, Риги и Юрьева (Дерпт, Тарту) в более безопасные города Российской империи. Между губернскими городами началась борьба за право разместить у себя эвакуируемые вузы. Тифлис активно участвовал в этой конкуренции, выставляя в свою пользу весомые аргументы. Имперские

власти требовали от городов финансовых гарантий и обеспечения земельными участками и учебными зданиями.

Конкурентами Тифлиса по размещению Варшавского политехникума были Саратов, Одесса; позже в борьбу вступили Ростов, Екатеринодар, Новочеркасск, Екатеринослав, Оренбург и Омск. Саратов выделил 150 000 руб., Ростов — 350 000, Одесса — 250 000, Новочеркасск — 120 000. Тифлисская городская голова гарантировал 150 000 руб., помещения и оборудование. Кроме того, по заданию города известный тифлисская архитектор Г. Тер-Микелов в мае 1915 г. закончил составление «исполнительного проекта» зданий политехникума. В районе Навтлуги проектировался целый «политехнический поселок» с радиальной планировочной структурой — для населения до 30 000 жителей, в т. ч. до 6000 детей школьного возраста. Были отведены участки под начальные школы, для двух мужских и двух женских гимназий, под три амбулатории, один Народный дом, две церкви, две полицейские части, пожарное депо, рынок, 4 площади, 13 скверов и т. д.

Несмотря на заинтересованность городских властей, наместник не поддержал это предложение «по обстоятельствам военного времени». Все же город продолжал готовиться к организации политехникума, и в июне 1916 г. в тифлисская дума было объявлено, что «законопроект об открытии политехникума принят с отнесением расходов по постройке зданий на уже поступившие и ожидаемые в будущем пожертвования». Однако ухудшающееся экономическое положение заставило городские власти отказаться от строительства зданий политехникума, и решено было временно разместить его в помещении второй гимназии, откуда предполагалась эвакуация лазарета № 23.

В марте 1917 г. министр образования Временного правительства России представил на утверждение проект Тифлисская политехникума с четырьмя факультетами — сельскохозяйственным, химическим, гидромеханическим и экономическим. Прием студентов начался летом того же года. Было подано 580 заявлений — в основном от грузин; за ними по количеству шли армяне и евреи, русских было мало. Профессора были приглашены из Одессы, Казани, Петрограда. Вопрос о помещении для политехникума не был решен окончательно, что затрудняло начало занятий. Тем не менее планировалось принять на сельскохозяйственный факультет около 250 студентов. Распределение мест между юношами и девушками предполагалось

в соответствии с поданными заявлениями. В конечном итоге было принято 212 юношей и 58 девушек. Учеба началась 9 октября 1917 г.; первую лекцию по неорганической химии прочитал профессор Петр Меликишвили, приглашенный из Одесского университета. Однако занятия в политехникуме прервались через месяц, 9 ноября, «до завершения выборов в Учредительное собрание».

Несколько раньше председатель городского совета Евгений Гегечкори обратился в Петроград к министру-председателю А. Керенскому с просьбой перенести в Тифлис Юрьевский (Дерптский) университет. Временное правительство России в октябре 1917 г. сообщило ОЗАКОМу, что с января будущего года решено открыть в Тифлисе университет с историческим и философским факультетами, к которому позже добавится химико-физико-математический факультет.

На этом фоне историческим событием в грузинской общественной жизни стало создание грузинского университета. В начале XX в. многие грузинские студенты обучались в университетах Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, а также в высших учебных заведениях Российской империи — в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Дерпте, Казани. В то же время в течение нескольких десятилетий национальный университет оставался несбыточной мечтой грузинской интеллигенции; петиции в адрес имперских властей не находили положительного отклика. Грузинские общественные деятели по собственной инициативе подспудно готовили открытие университета.

Еще к 1899/1900 учебному году первая грузинская школа преобразовалась в Тифлисскую грузинскую дворянскую гимназию, не имевшую постоянного учебного здания. В 1897 г. на заседании Дворянского собрания Тифлисской губернии общественный деятель Нико Цхведадзе поставил вопрос о строительстве для гимназии собственного здания. В следующем году было приобретено около 6 га территории на окраине города, на берегу речки Вера. Проектирование здания было поручено первому грузинскому дипломированному архитектору, выпускнику архитектурного факультета Московского училища живописи, ваяния и зодчества Свимону Клдиашвили. Строительство здания началось в 1900 г. и продлилось 15 лет.

Со дня открытия здание гимназии превратилось в подлинный очаг грузинской культуры. В нем в разное время также размещались

грузинская женская гимназия, музей Общества по распространению грамотности среди грузинского населения и, в Великую войну, в 1915–1918 гг., — военный лазарет (где в 1915 г. скончался поэт Важа Пшавела). Именно в этом здании 8 февраля 1918 г., в день поминания царя Давида Строителя открылся университет. Университет освятил глава к тому времени уже вернувшей автокефалию Грузинской православной церкви — каталикос-патриарх всея Грузии Кирион II. С 1919 г. университет возглавил истинный вдохновитель идеи высшего образования в Грузии бывший приват-доцент Петербургского университета, основоположник грузинской школы гуманитарных наук Иван Джавахишвили.

В сентябре 1918 г. Тифлисскому университету, считавшемуся частным учебным заведением, решением Национального совета Грузии был присвоен статус государственного. Было положено начало формированию национальных научных школ, составлению учебников на грузинском языке; постепенно складывались основы для выделения из университета специализированных институтов — политехнического, медицинского, сельскохозяйственного. Создание университета послужило стимулом для развития широкой научно-исследовательской деятельности, организации экспедиций, издания периодических научных журналов и монографий, создания научных обществ и музеев. Вместе с этим для получения технического и экономического высшего образования в Европе из 121 заявителя было отобрано 19 стипендиатов.

Городское самоуправление Тифлиса — арена межнациональной конфронтации

После присоединения к Российской империи городские нововведения стали первым осторожным шагом в сторону муниципального самоуправления Тифлиса. В частности, в 1840 г., при генерале Е. А. Головине — командующем Отдельным Кавказским корпусом и одновременно главноуправляющим гражданской администрацией на Кавказе — было введено Положение об общественном правлении Тифлиса, предоставившее право состоятельным горожанам сформировать городскую думу в составе городского головы и шести гласных. Городского голову избирало все население города, гласных же — домовладельцы, купцы и ремесленники. Помимо этого каждое из названных

сословий избирало по 10 представителей, при участии которых расписывались налоги и обязанности горожан. Решения общественного правления проводились в жизнь сословными старостами²⁹.

Вследствие этого решения в Тифлисе возникла арена межнационального соперничества в сфере городского самоуправления, где институт имущественного ценза заведомо отдавал преимущество зажиточному тифлисскому армянству. Поэтому не удивительно, что городскими головами Тифлиса в основном предстают этнические армяне³⁰.

Для оценки расстановки этнополитических сил в последние годы перед Великой войной следует отметить, что грузинское национально-реформаторское движение было подорвано убийством в 1907 г. депутата Государственной думы Российской империи, *pater patriae* грузинской нации — Ильи Чавчавадзе³¹. Тем не менее формировались политические партии, распространялся марксизм. Среди грузинского населения влияние набирала социал-демократическая идеология; в армянской среде сильны были позиции партии Дашнакцутюн.

Тифлис становился ареной столкновений двух — армянского и грузинского — национальных проектов. Радикальное крыло армянской стороны, движимое идеей Великой Армении, вовлекает Тифлис, сформировавшийся в восточноармянский общественно-культурный центр, в поле своих политических и территориальных интересов. Грузинская сторона разрабатывала концепт национальной идентичности и общие принципы территориально-культурной автономии.

Следует подчеркнуть, что если социально-профессиональная среда Старого города отличалась подчеркнутым интернационализмом и веротерпимостью, то «европейский Тифлис» представлял диаметрально противоположную картину. Оглядываясь из эмиграции на этот период, современник писал: «Кто жил последние пятьдесят лет в Тифлисе (имеется в виду „европейская“ часть города. — В. В.), который был главной ареной грузино-армянских отношений, хорошо знает, что для этих отношений характерны были не смешение кровей и „браки“, но, напротив, грузино-армянский раскол — национальный, политический и общественный...»³² По понятным причинам этот раскол прежде всего проявляется в городском самоуправлении Тифлиса.

Относительно этнического состава думы и его влияния на состояние городского хозяйства незадолго до Великой войны В. Л. Величко,

хорошо осведомленный в тифлисских делах редактор газеты «Кавказ», известный великодержавник и армянофоб, в то же время преувеличивавший преданность единоверных грузин царскому престолу, писал: «О том, какую ужасающую картину представляло и доселе представляет собой городское хозяйство, например тифлиское, нечего и говорить. Хотя армяне там составляют 40 % населения, — дума всецело в их руках. Грузинам, русским, мусульманам доступа туда нет. Ни порядочных мостовых, ни хорошего освещения, ни сносного водоснабжения. В течение многих лет левый берег Куры, населенный русскими, подвергается периодическим наводнениям, дети мрут как мухи, дома гниют. Начальство пишет, запрашивает, подписывает, а воз и ныне там. Армянские вожаки открыто хвастают, что выживут русских из этой местности». В.Л. Величко рассуждает и о причинах национальной диспропорции тифлисской думы: «Многие русские и грузины искусственно лишаются возможности участвовать в выборах, частью из-за недоимок по обложению, причем в некоторых случаях в последнюю минуту таким препятствием служили внезапно предъявленные управой *недоимки в несколько копеек*, частью же потому, что избирателям из неармян банки грозят взысканием по вексялям»³³.

Тем временем очередные муниципальные выборы в Тифлисе прошли в марте 1916 г. Считалось, что «Выборы гласных Тифлисской городской думы на предстоящее четырехлетие 1916–1920 гг. являются, вероятно, последними выборами в Тифлисе по Городовому положению 1892 года, так как в законодательных учреждениях уже начат рассмотрением вопрос о городской реформе»³⁴.

Город был разделен на 7 избирательных участков, разбитых на 12 территориальных частей — по числу полицейских участков. Выборам предшествовала активная предвыборная кампания — в пяти русских, трех грузинских и двух армянских газетах было опубликовано до 300 статей с призывами голосовать за того или иного кандидата из 237 выдвинутых. В предвыборных собраниях принимали участие группы (блоки) — «объединенная», «новодумская», «прогрессивная».

Из зарегистрированного числа избирателей — 7414 — в выборах приняли участие 4904, что составило 67,7%. На первом — Верийском избирательном участке «...замечалось особое оживление, благодаря большому числу избирателей разных национальностей, отчасти заключавших блоки, отчасти действовавших самостоятельно.

Из 500 избирателей на выборы явилось 283 чел., располагавших 315-ю голосами; причем русских явилось до 30%, армян — до 50% и грузин — до 75%. Среди грузин этого участка оказалось полное единение, и в гласные из 11 чел. избранными оказалось 6 грузин и 1 русский»³⁵. Результаты выборов на этом участке вызвали оживленную полемику в тифлиских газетах: «Избиратели русские и армяне обвиняли избирателей грузин в измене блоку, грузины оправдывались тем, что блока не было. Газетная полемика не выяснила вопроса»³⁶.

Локальный успех грузинских избирателей не определил общую этническую композицию в новоизбранной думе — среди 76 гласных оказалось: армян — 53, грузин — 12, русских (точнее, «русскоязычных» — славян, немцев и др.) — 11³⁷. Профессиональный состав новой думы представлял следующую картину: с высшим образованием — 51 гласный (в т. ч. юристов — 17, инженеров — 7, врачей — 5); купцов — 4, педагогов — 5, банковских работников — 10, чиновников — 2³⁸.

Армяне занимали ключевые позиции в местном самоуправлении и торгово-экономической жизни Тифлиса вплоть до 1917 г. Член грузинского социал-демократического правительства Дмитрий Шаликашвили в своих мемуарах так характеризует деятельность в 1910–1917 гг. на посту главы города последнего старорежимного мэра Тифлиса — Александра Хатисяна: «Характерным для тогдашней эпохи являлось то, что тифлисский городской голова был армянин, Хатисов. Был это к тому же не какой-нибудь огрузинившийся армянин, но армянин стопроцентный, ничего общего с Грузией и грузинами не имевший и делавший, наверное, все от него зависящее, чтоб земляки его благодаря своему экономическому превосходству играли бы в Тифлисе первую роль...»³⁹

Доминирование армянского представительства в тифлисской думе продолжалось до первых постреволюционных выборов 30 июля 1917 г. Следует подчеркнуть, что эти пропорциональные выборы детально регламентировались рассылаемыми из Петрограда Временным правительством нормативными актами подчеркнуто демократического, либерального характера. Так, временные правила от 15 апреля 1917 г. отменяли имущественный ценз; с помощью детально разработанной формулы определяли количество гласных в каждом конкретном городе (для Тифлиса — 120 гласных); избирательное право предоставлялось гражданам, достигшим 20-летнего

возраста, независимо от пола, национальности и вероисповедания. В то же время от выборов отстранялись госчиновники, духовные лица, сотрудники милиции, осужденные, душевнобольные. Избирательное право впервые было предоставлено военнослужащим, что в условиях передвижения войск в прифронтовых зонах вызвало целый ряд организационных осложнений; в дальнейшем Временное правительство России отменило эту норму на период военных действий.

Эти действительно демократические, тщательно подготовленные местные выборы продемонстрировали стремление тифлисской общественности к политическим реформам. Город охватила невиданная эйфория. Социал-демократическая пресса с восторгом писала: «Улицы и дворы седого Тифлиса представляли собой необычайное зрелище. Весь город пребывал в необычном движении в течение всей недели. В глаза бросаются его странное убранство: плакаты и объявления. Все партии, все группы с помощью пестрых плакатов сообщали жителям, что на 30 июля назначены городские выборы, каждая партия большими плакатами сообщала жителям свой избирательный номер и призывала отдать ей голос. Таких партий и групп было двенадцать»⁴⁰. Большевики бойкотировали выборы в городскую думу, считая органом власти Тифлисский совет рабочих и солдатских депутатов.

Наиболее разработанной, целенаправленной, хотя отчасти и проектерской была предвыборная программа Грузинской социал-демократической партии, охватывавшая все накопившиеся проблемы муниципальной жизни Тифлиса. Программа предлагала независимое самоуправление, подчинение ему городской милиции, занятие всех городских должностей посредством выборов, предоставление самоуправлению законодательной инициативы, отмену косвенных налогов, налогообложение дохода и наследованного имущества, освобождение самоуправления от содержания общегосударственных учреждений, муниципализацию учреждений и нерентабельных производств общественного профиля, строительство доступного (социального) жилья, регулирование квартплаты, реконструкцию Старого города и улучшение санитарно-гигиенических условий жизни населения, бесплатное образование и медицинскую помощь, создание трудовых бирж и страхование от безработицы, коллективные трудовые договоры и восьмичасовой рабочий день. Газета социал-демократов

«Эртоба» предупреждала тифлисцев, что только избирательной активностью возможно вырвать власть из рук местной плутократии.

Голосовать имели право 148 942 избирателя, среди которых около 20 000 составляли военнослужащие. В результате выборов в думе определились три ведущие фракции — Грузинская социал-демократическая (меньшевики) (38 983 голоса — 50,48%; 50 гласных); армянская Дашнакцутюн (18 482 голоса — 23,93%; 24 гласных) и эсеровская (15 407 голосов — 19,95%; 20 гласных). На каждого гласного приходилось 772 голоса избирателей; из 76 гласных прежнего состава места в думе сохранил 21.

Результаты выборов подвел городской голова А. Хатисов. Он объявил, что на 87 избирательных участках проголосовало 92 677 чел. (61,4%), что, учитывая летний период, было сочтено высокой активностью. А. Хатисов определил приоритеты в работе обновленной думы: финансовый и продовольственный кризис, безопасность города и организация милиции, здравоохранение, транспорт, водоснабжение, составление бюджета на 1918 г. Согласно новому законодательству был избран президиум думы и состав правления; представители шести политических партий выступили с декларациями. Председателем тифлисской думы сроком на один год был избран социал-демократ Евгений Гегечкори.

Существенно изменилась этнополитическая композиция думы: главенство получили грузинские руководители социал-демократов. Это объясняется стечением целого ряда обстоятельств: отменой имущественного ценза, детально продуманной и целенаправленной избирательной кампанией, интернациональным и классовым характером программы, реваншистскими по отношению к армянской буржуазии установками большинства рядовых избирателей, участием в выборах военнослужащих и т. д.

Дума сформировала 24 постоянные комиссии; по мере надобности формировались комиссии *ad hoc*. 18 декабря 1917 г. Евгения Гегечкори на посту председателя сменил Александр Ломтатидзе. В марте 1918 г. А. Ломтатидзе заявил, что комиссии работают неудовлетворительно, за семимесячный период часть из них вообще не собиралась и что причиной этому служат внутренние распри и саботаж. На фоне экономического кризиса в городе началась анархия; участились грабежи и воровство. Жители отреагировали созданием собственных отрядов охраны.

Противоречия между думскими фракциями обострились после объявления независимости Грузии 26 мая 1918 г. Дума превратилась в арену межнациональной конфронтации; собственно муниципальной проблематика отступила на второй план. Впрочем, срок полномочий думы истекал 31 декабря 1918 г.; за два месяца до этой даты началась подготовка к следующим выборам, которые предстояло провести в совершенно новых политических условиях.

И действительно, 16 июля 1918 г. Национальный совет и правительство ДРГ утвердили «Положение о гражданстве (подданстве) Демократической Республики Грузия». Гражданином Грузии становился каждый местный житель Грузинской республики, приписанный к какой-либо административной единице до 19 июля 1914 г. Двойное гражданство воспрещалось. Этими нормами от гражданства Грузии отстранялись военные, прибывшие в связи с боевыми действиями, что в основном касалось русско(язычно)го контингента; многочисленные беженцы; а также те армяне и азербайджанцы, которые получили гражданство вновь образованных соседних национальных республик.

Подготовка к местным выборам началась в ноябре. Город был поделен на 51 избирательный участок; на трехдневных курсах готовились инструктора. Генерал-губернатор допустил полную свободу собраний, акций, совещаний. Выборы бойкотировали российские большевики. Были утверждены и опубликованы полные списки кандидатов от 15 политических партий, в том числе такой оригинальной, как «Эстетическая лига патриотов» — всего 6 членов, но каких! — Паоло Иашвили, Якоб Николадзе, Павле Ингороква, Тициан Табидзе, Ладо Гудиашвили, Али Арсенишвили⁴¹. На фоне нарастающего грузино-армянского противостояния от выборов отстранилась армянская партия Дашнакцутюн.

Характерен национальный состав избирательных списков. Были представлены чисто этноконфессиональные партии или группы — «Национальный совет мусульман», «Жители Борчалинского уезда» (населенного преимущественно азербайджанцами), греческая «Демократическая партия эллинов». Грузинская социал-демократическая партия, подчеркивая свой интернационализм, в двадцатичленный список включила 16 кандидатов-негрузин; Национально-демократическая партия Грузии ограничилась одним грузинским евреем; эсеры акцентировали гендерное равенство — при двух негрузинах в списке

были представлены 4 женщины; еще больше женщин — 9 заявила Грузинская революционная партия социалистов-федералистов⁴². Выборы принимали явно политический характер; муниципальная проблематика отступала на второй план. Газета «Эртоба» писала: «Тифлисские выборы — первый экзамен демократии, первое выяснение расстановки сил после больших, многозначительных политических актов, историческую цену и ценность которых пока трудно предвидеть»⁴³.

Выборы состоялись 2 февраля 1919 г. Из 71 тыс. избирателей участие приняли 36 366 граждан (около 52%). Резкое сокращение числа избирателей по сравнению с предыдущими выборами было вызвано несколькими причинами — оттоком русскоязычного населения; значительным уменьшением в результате только что завершившейся грузино-армянской войны и миграцией в Республику Армения армянского сообщества Тифлиса.

На выборах убедительно победили грузинские социал-демократы — 26 908 голосов при 3 816 голосах у занявшей второе место национально-демократической партии. Соответственно распределились и места в городском совете. Городским головой был избран Б. Чхиквишвили (эта должность стала называться на старогрузинский манер — «городской моурави»). Рабочим языком стал грузинский; при этом были открыты вечерние курсы для сотрудников, не владеющих государственным языком и желающих сохранить занимаемые должности.

Вскоре состоялись и выборы в Учредительное собрание Грузии. Всего голосовало 505 474 избирателя. Эти выборы еще более упрочили позиции социал-демократов, получивших 409 766 голосов (81,1%).

Обновленный городской совет приступил к работе в сложных социально-экономических условиях. О масштабах инфляции можно судить хотя бы по увеличению цены на официоз — газету «Сакартвелос Республика» в 20 раз: с 5 коп. до 1 руб. Население требовало выполнения предвыборных обещаний, что из-за нарастающего кризиса было невозможно. Сами работники горсовета месяцами не получали зарплаты даже в постоянно обесценивавшихся болах, что привело к забастовке. Забастовку поддержал ряд профсоюзов. Большевики старались придать забастовкам политический характер, от чего сами бастующие категорически отстранялись.

В апреле 1919 г. состоялся I Съезд профсоюзов Грузии (всего насчитывалось 87 профсоюзов, объединявших 54 701 члена). Было решено создать тарифную палату с целью упорядочения трудовых

и экономических отношений между трудящимися, предпринимателями и государством. Тарифы были разработаны, и торговцы предупреждены об ответственности за превышение цен. Газеты отмечали, что подобный институт не имел прецедента в мировой практике; однако на деле все оказалось сложнее — предложение палаты увеличить на 60% зарплаты рабочих и служащих работодатели не разделили. Правительство, в свою очередь, запретило совместительство и установило продолжительность работы в госучреждениях — с восьми часов утра до двух часов пополудни.

Самоуправление старалось муниципализировать объекты городской инфраструктуры, к примеру бани и аптеки. Распределение товаров первой необходимости и продовольствия также входило в круг забот муниципалитета. На фоне обострившегося жилищного кризиса городской моуравы обратился к правительству с ходатайством о выселении из города «тунеядствующих элементов»; стали проводить «очистку» улиц от нищих. С целью экономии топлива в ноябре 1919 г. в Тифлисе было запрещено движение автомобилей, за исключением дипломатических, а также подача электроэнергии театрам, кроме Государственного и Камерного.

Началась подготовка к очередным местным выборам, которые были намечены на 27 февраля 1921 г. Шла перепись избирателей, в число которых входили граждане Грузии двадцати и более лет независимо от национальности, вероисповедания и пола, которые проживали в Тифлисе, имели работу или хозяйство. Перепись предполагалось завершить к 1 февраля 1921 г. Было зарегистрировано 68 684 избирателя. Город был разделен на 52 избирательных участка; для немощных изготовили 53 переносные урны.

Последнее заседание городского совета состоялось 11 февраля 1921 г.; рассматривалась подготовка к приближавшимся выборам. Этим выборам не суждено было состояться — именно 11 февраля XI Красная армия начала военные действия против ДРГ. Выборы были отложены на неопределенное время...

Кавказское эхо Февральской революции

В самом начале 1917 г. бывший городской голова А. Хатисов оказался в центре события, которое могло изменить ход истории — и не только Российской империи. В тифлисском дворце заместника

великому князю Николаю Николаевичу было предложено сменить на троне Николая II. Это предложение сделал не кто иной, как пользовавшийся полным доверием главы заговорщиков — князя Львова тифлисский голова А. Хатисов. Свой твердый отказ наместник мотивировал тем, что «мужик» и «солдат» не поймут насильственного переворота. А. Хатисов отправил князю Львову условную телеграмму: «Госпиталь открыт быть не может»⁴⁴. История продолжила предначертанный провидением путь...

Первое сообщение о свержении царского режима поступило в Тифлис в законспирированной форме; Карло Чхеидзе и Гогита Пагава телеграммой сообщали: «27 февраля в 12 часов ночи в Петрограде скончался Мтаврбадзе сообщите родственникам и знакомым» («мтаврба» по-грузински «правительство». — *В. В.*)⁴⁵. Вначале это сообщение было встречено с недоверием; однако через несколько дней его подтвердил наместник Николай Николаевич на совещании во дворце, где обсуждались вопросы сохранения порядка в Тифлисе и положение на Кавказском фронте. Наместник согласился снять цензуру, освободить арестованных в административном порядке, допустить митинги и собрания. 5 марта наместник отбыл в Ставку Верховного в качестве только что назначенного Верховного главнокомандующего, однако его опередило решение Временного правительства отстранить всех Романовых от военных должностей.

Власть в Тифлисе перешла в руки Закавказского комиссариата (председатель — Е. Гегечкори). Над бывшим дворцом наместника был спущен царский штандарт и поднят новый флаг «цвета ленты св. Георгия» с надписью «Кавказское воинство». На митингах под лозунгами «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует автономная Грузия!», «Свободная Грузия в свободной России» развивались красные флаги. В церковных богослужениях вместо имени Николая Второго стали упоминать «правительство всея России». Несколько позже антимонархические настроения отразились и на тифлисской урбанонимии: ул. Ольденбургская стала улицей Республики, Александровская — улицей Единства и т. д.

Тифлисский полицмейстер распорядился заменить полицейских юнкерами; вскоре должность полицмейстера была упразднена и начальником новосозданной муниципальной милиции был назначен А. Коган. В исполком тифлисского совета избрали 45 чел. (по другим данным, 35. — *В. В.*), в том числе 16 грузин и 15 армян. Вместо

тифлисского губернатора полковника А. Н. Мандрики тифлиским комиссаром назначен был А. Хатисов. Такое решение вызвало недовольство грузинских политических кругов, обвинявших бывшего городского голову в том, что он вместе с епископом Армянской апостольской церкви Месропом, «сололаками»⁴⁶ и дашнаками сеял национальную рознь.

Большинству грузинских политических партий будущее виделось в форме территориальной автономии. Только созданная еще до войны в Женеве грузинскими эмигрантами политическая организация «Свободная Грузия» и тайная тифлисская организация Грузинский национальный комитет вынашивали идею полной независимости в надежде на германскую поддержку.

Лидер меньшевиков Н. Жордания, выступая 24 марта 1917 г. на собрании общественности, изложил свою позицию по будущему национально-государственному устройству Грузии: Тифлис должен был получить статус «интернационального города»; Закавказье делилось на мелкие национальные кантоны под началом Центрального совета. В апреле П. Ингорквва прочитал доклад на эту ставшую особенно актуальной тему: «В каких пределах должна осуществляться политико-территориальная автономия Грузии, горных мусульман, Азербейджана (sic!) и Армении». Созданный в сентябре Национальный интерпартийный совет Грузии среди своих целей декларировал «национально-территориальное самоуправление». Прозвучал патриотический призыв: «Грузины, на Родину!» Считалось, что к этому времени (оценка на 1915 г.) в Петербурге проживало 1500 грузин, в Москве — 20 000, в Одессе — 3000, Харькове — 1000, Варшаве — 5000, Иркутске и Томске — по 500, Персии — 1000.

Историческим явлением стало восстановление автокефалии Грузинской православной церкви. В «Протоколе восстановления автокефальной жизни Грузинской церкви, составленном 12 марта 1917 года в Мцхете» все еще звучат верноподданнические, «подведомственные» тона: «Ввиду того, что Грузия искренне признает полную солидарность с новым правительством России краеугольным камнем своего существования, доложить это постановление <...> высшим лицам Временного правительства и в Тифлисе Кавказскому комиссариату»⁴⁷. Отделение Грузинской церкви вызвало недовольство русских единоверцев; их обращение к Святейшему синоду содержало просьбу об учреждении Закавказского экзархата Русской православной церкви.

Продовольственный кризис усугублялся, инфляция стремительно росла, были введены карточки на хлеб и муку. Появились первые признаки «квартирного передела»: «излишки» жилплощади предлагалось реквизировать и передать бездомным. Производство упало — в основном из-за трех причин: война, революция и отток квалифицированных рабочих русской национальности⁴⁸.

Война повлияла и на гостиничное дело — английский журналист, редактор местной “The Georgian Mail” описывал положение летом 1917 г.: «В конце концов удалось раздобыть комнату в „военной“ гостинице. Такие гостиницы экспроприированы для приема исключительно офицеров, хотя гражданские постояльцы все-таки ухитряются устраиваться в них. Единственное преимущество офицеров в том, что владельцам „военных“ гостиниц возбраняется требовать слишком большие деньги. Всякий спор о высокой цене улаживает военный комендант города, которому офицеры могут пожаловаться»⁴⁹.

На обстановку в Тифлисе серьезное влияние оказал развал Кавказского фронта. «Войска поспешно снимались с фронта и массово уходили по шоссе и железным дорогам, причем к середине 1917 г. движение поездов по всем дорогам стало односторонним — с фронта в тыл»⁵⁰. В городе умножились дезертиры; ситуация в Тифлисе становилась неуправляемой...

Тифлис в новой роли столицы. Начало строительства Демократической Республики Грузия

Весна 1918 г. ознаменовалась целым рядом драматических событий в политической жизни Закавказья. 9 апреля состоялось последнее заседание Закавказского сейма. Главным был вопрос о независимости Закавказья. Докладчик — социал-демократ Д. Е. Ониашвили заявил: «...российская ориентация является по существу ориентацией реакционной. Революционный долг властно повелевает отбросить в сторону реакционную ориентацию и искать лучшей и новой ориентации»⁵¹. Сейм постановил: «Провозгласить Закавказье независимой демократической федеративной республикой». За это решение голосовали грузинские партии, дашнаки, муссаватисты.

В апреле турецкие войска продвинулись в Западной Грузии и стали угрожать Кутаису и Тифлису. Грузинская сторона через посредника, жившего в Тифлисе немецкого писателя и общественного

деятеля Артура Лайста, обратилась за помощью к графу Ф. В. Шуленбургу, до 1914 г. состоявшему германским консулом в Тифлисе. Под началом некоего майора Кайзера были сформированы две роты из немецких военнопленных, одетых в срочно пошитую германскую униформу. Эти подразделения вместе с грузинскими частями приостановили продвижение турецких войск. Семь немецких солдат, погибших в столкновениях, были с военными почестями похоронены в Тифлисе.

Мирные переговоры с турецкой стороной осложнялись, так как Закавказье формально все еще считалось частью России. Германское правительство выразило готовность признать его права в случае объявления независимости. 22 апреля Закавказский сейм объявил создание Закавказской Федеративной Демократической Республики; переговоры с Турцией возобновились. Позиции ЗФДР активно поддерживал германский представитель генерал Отто фон Лоссов — бывший военный атташе в Константинополе.

Национальный совет Грузии внимательно следил за переговорами с турецкой стороной, проходившими в Батуме. В одной из инструкций руководителю грузинской делегации среди прочего было указано: «3. Просить генерала фон Лоссова содействовать скорейшему возвращению на родину, в виде военных формирований, грузинских пленных, находящихся в Германии. 4. Просить генерала Лоссова до осуществления этого оставить в Грузии немецких военнопленных и поручить немецким офицерам их военную организацию, с тем чтобы правительство Грузии, в случае необходимости, смогло использовать эти части для охраны внутреннего порядка и борьбы с анархией»⁵². 17 мая в Тифлисе было введено осадное положение.

Тем временем в ходе батумских переговоров проявились принципиальные разногласия между азербайджанскими, армянскими и грузинскими представителями в делегации ЗФДР, обусловленные несовпадением внешнеполитических ориентаций (соответственно — на Турцию, Великобританию, Германию). Стало ясно, что, как заявил на заседании Закавказского сейма 26 мая 1918 г. Ираклий Церетели, «Единого Закавказья в настоящий момент нет»⁵³.

Это заседание сейма стало последним; на нем было решено: «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренное расхождение между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, и потому стало невозможным выступление одной

Похороны немецких солдат, павших в ходе военных действий под Тифлисом. 1918 г. Автор фото неизвестен. Национальный архив Грузии

авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, сейм констатирует факт распада Закавказья и слагает свои полномочия»⁵⁴. Уведомление об этом решении содержалось в «Обращении к державам». В тот же день была объявлена независимость Грузии; примеру Грузии тут же последовали Армения и Азербайджан.

В Берлине решился вопрос о направлении в Закавказье нескольких батальонов под началом генерала барона Фридриха фон Крессенштейна, получившего военно-политические инструкции в основном по охране железной дороги и контроле над Баку. 1 июня 1918 г. в потийский порт вошли два германских крейсера; высадившиеся немецкие части направились в Тифлис. Через несколько дней на Головинском проспекте состоялся смотр германских войск, направлявшихся для защиты железнодорожной линии Тифлис — Баку.

Объявив независимость, Грузия оказалась в исключительно сложном военно-политическом положении. Турецкая экспансия, агрессия Добровольческой армии, перекрестные территориальные притязания всех соседних стран⁵⁵, подрывная деятельность

великодержавников-монархистов, большевиков и нелояльной части тифлисского армянства; социально-экономические неурядицы, разрушительное землетрясение 1920 г., эпидемии, криминальная ситуация и нескончаемые волны беженцев — каждый из этих взаимосвязанных вызовов требовал от нарождающейся республики незамедлительных ответов. К примеру, буквально на второй день независимости Ингушский национальный совет обратился к только что созданному правительству Грузии с просьбой задержать у себя толпы беженцев, направлявшихся на Северный Кавказ. И в дальнейшем проблема беженцев сопровождала весь период существования первой республики.

Социал-демократическая идеология правящей партии опиралась на поддержку значительного большинства грузинского общества. Об этом политическом феномене рассуждает Владимир Войтинский в книге “La Democratie Georgienne”; он объясняет консолидацию грузинской нации способностью социал-демократов говорить и действовать от имени всей страны. «„Характер местной жизни“ включал в себя малочисленную грузинскую интеллигенцию и обнищавший рабочий класс, которые находились под пятой армянских владельцев фабрик и заводов и русских чиновников, то есть под чуждым правлением. Нарождающаяся грузинская элита < ... > в социализме видела наилучший путь избавления от чуждого правления. Для грузин социализм представлялся режимом национальной консолидации, модернизации и поддержки экономического роста. Он должен был объединить грузин и сделать их европейцами; обеспечить процветание страны, ее безопасность и экономическое равенство населения»⁵⁶.

И действительно, пафос новых общественных отношений охватил все слои грузинского общества. В этом смысле характерен случай с иранским дипломатом, обратившимся к официанту тифлисской гостиницы «Ориант» привычным «гарсон!» и предложившим тому чаевые; дипломату разъяснили, что следует обращаться «товарищ» и что чаевые оскорбительны для трудящихся⁵⁷. Патриотическую атмосферу того времени точно передает опубликованное в газете заявление одного ветерана: «Я, Нико Шармазанович Абрамишвили, житель с. Тианети, одорукий (правую потерял в Мировую войну), во всеуслышанье заявляю, что готов вторую, левую руку и свою жизнь принести в жертву моей дорогой и любимой родине — Грузии и прошу военного министра призвать меня на службу»⁵⁸.

Несмотря на постоянное прифронтовое напряжение, новая столица — Тифлис обзаводилась соответствующими правительственными, культурно-просветительскими, дипломатическими институтами; участились визиты иностранных военных и политических делегаций. Незамедлительно была разработана государственная символика и эмблематика, явно отражавшая прогерманскую политическую ориентацию. Эскиз красного (кизилового) с черной и белой полосами в крыже⁵⁹ государственного флага составил основоположник грузинской школы скульптуры Якоб Николадзе (1876–1951); в колористическом решении явно проступало влияние германского, «кайзеровского» флага с его *Reichsfarben*. Эскиз герба — Белый Георгий в окружении семи светил на основе консультаций с Иванэ Джавахишвили выполнил петербургский художник Иосиф (Осип) Шарлеман (1880–1957), с 1917 г. поселившийся в Тифлисе. Музыка и слова гимна «Дидеба» («Слава») написал композитор Коте Цохверашвили (1880–1959); причем основная музыкальная тема мало чем отличалась от лейтмотива германского гимна композитора Йозефа Гайдна — “*Deutschlandlied*”.

Однозначно прогерманская ориентация правительства проявилась буквально через день после объявления независимости — в г. Потти был подписан временный союзнический договор с Германией, что было равносильно признанию Грузии *de facto*. Германская сторона обязывалась охранять границы новой республики, способствовать строительству национальной армии и организации государственных учреждений. Вскоре в Тифлисе были созданы немецко-грузинские торговая палата и культурное общество; открыто дипломатическое представительство, которое возглавил небезызвестный дипломат и юрист граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Немецкие воинские подразделения — пехота, артиллерия, летчики под началом нового командующего фон Гольца в количестве 17000 чел. разместились в семи городах Грузии, в том числе 5000 военных — в Тифлисе. Однако к концу 1918 г., после признания поражения в Великой войне немецкие подразделения покинули Грузию; для них был устроен прощальный банкет.

С октября 1918 г. начал разгораться конфликт с Арменией из-за территориальных разногласий⁶⁰. 17 декабря была объявлена всеобщая мобилизация. 22 декабря была получена нота правительства Армении об объявлении войны; дипломатические отношения были прерваны, граница закрыта.

Не касаясь аргументации сторон, течения боевых действий и конечных результатов войны, отметим лишь, что она вовлекла и тифлисских армян: «Армянское население региона активно помогало регулярной армии армян, к которой также присоединялись армянские добровольцы из Тбилиси и других городов Грузии. В Тбилиси была выявлена нелегальная группировка, которая оружием и деньгами помогала дашнацкой армии. Грузинское правительство с целью нейтрализации опасности начало проведение репрессивных мер: была проведена полная или частичная конфискация собственности заподозренных в коллаборационизме состоятельных армян, многие были депортированы из столицы»⁶¹. Национальный совет Грузии принял «Закон о конфискации имущества за помощь врагам Республики».

Была введена военная цензура; по приказу тифлисского генерал-губернатора закрыты армянские газеты «Ашхатаор», «Нор-оризон», а также «Кавказское слово»; сотрудники были арестованы за призывы к восстанию. Арестовали и 400 участников нелегального собрания тифлисских армян, планировавших подрывные действия. Все милиционеры-армяне были обезоружены. В парламенте был поднят вопрос о лишении депутатских полномочий Тарханова и Туманова, уличенных в контактах с армянскими террористами, двое из которых были расстреляны за подрыв железнодорожного моста у станции Дзегви.

В грузино-армянский конфликт вмешалась англо-французская Союзная комиссия; 25 декабря комиссия обратилась к главнокомандующим армянскими и грузинскими войсками с ультимативным требованием прекратить военные действия и направить представителей в Париж, «...где весь вопрос относительно границ будет решен Великими Державами»⁶². Для обеспечения мира британские воинские части — штаб, одна бригада пехоты, одна бригада артиллерии (в основном шотландцы и сипаи), 1800 лошадей — не особенно церемонясь, вошли в Тифлис 25 декабря 1918 г., в разгар армяно-грузинской войны. Боевые действия прекратились 31 декабря, в 24 часа. 3 января 1919 г. министр внутренних дел Ной Рамишвили предстал перед парламентом с разъяснениями по поводу массовых обысков и арестов армян, в том числе без соответствующих ордеров. Был опубликован список погибших в боевых действиях 104 грузинских военнослужащих; 1398 чел. было ранено или контужено.

В начале января 1919 г. в Тифлисе открылась грузино-армянская мирная конференция под председательством британского полковника Стюарта. Грузинским войскам было предложено оставаться на позициях, которые они занимали к моменту временного перемирия. Мирный договор был опубликован в конце января. Еще до его подписания состоялся военный парад по поводу, как писали газеты, «победы в войне с Арменией», хотя оппозиция высказывала недовольство условиями договора.

Тем временем увеличивалось британское присутствие в Грузии — прибыла еще тысяча солдат; в потийский порт вошла британская эскадра. Британские прагматические экономико-политические интересы вытеснили германский благосклонный протекторат. В целом отношение британского правительства к независимой Грузии не отличалось дружественным характером; это было вызвано идеологической несовместимостью сторон. Так, в феврале 1919 г. главнокомандующий британскими войсками на Кавказе Ф. Уокер (кстати, воспрепятствовавший атаке грузинских войск на вошедших в Гагру деникинцев) прямо заявил председателю правительства Н. Жордания: «Я уже обратил внимание на финансовое состояние Вашей республики, однако ввиду того, что оно тесно связано с состоянием железной дороги, Англия не окажет финансовой помощи стране, где это дело не будет обеспечено. Что касается прилива частного капитала, в условиях Вашей социализации (*sic!* — В. В.) капиталы союзников здесь не появятся»⁶³.

Несмотря на обещание со стороны Грузии предоставить всевозможные сырьевые концессии и Батум в качестве военно-морской базы, британские войска осенью 1919 г. покинули Грузию (кроме Батумской области, которая на тот момент была вне юрисдикции ДРГ). Мандат на опеку Грузии был предложен Италии; итальянский экспедиционный корпус был готов к отправке, однако новое правительство премьера Ф. Нитти отказалось от мандата. Намерение президента США Вудро Вильсона принять мандат было заблокировано Сенатом.

Грузия настойчиво пыталась утвердиться на международной арене. В «Докладе, представленном делегацией Грузии Парижской мирной конференции 14 марта 1919 г. (политические требования, границы)» говорилось: «Благодаря... политической дисциплине Грузии удалось избежать ужасов гражданской войны и создать в бывшей Российской империи оазис спокойной, нормальной жизни. Революция

не разрушила государство; наоборот, она создала на чисто демократических основах новое государство — воплощение новых прав и революционных принципов»⁶⁴.

Первой, еще до Парижской мирной конференции, ДРГ *de jure* признала Турция (3 июня 1918 г.), и только через два года — Советская Россия, Германия и Швейцария; в начале 1921 г. — еще 12 государств, среди них такие экзотические, как Гаити, Либерия, Сиам; воздерживались США. Признание ДРГ *de facto* со стороны Верховного совета Антанты состоялось 12 января 1920 г. На праздничном мероприятии по этому поводу Н. Жордания заявил: «Запад или Восток — этот вопрос стоит перед нами, и здесь нельзя колебаться. Мы всегда выбирали и выбираем Запад... Знаю, враги поднимут крик — мол, потворствуете империалистам. Поэтому здесь я должен четко заявить: лучше западные империалисты, чем восточные фанатики»⁶⁵.

Участились визиты в Тифлис военных и политических зарубежных делегаций. В августе 1919 г. в ранге главного британского комиссара прибыл Оливер Уордроп — брат Марджори Уордроп, первой переводчицы «Витязя в тигровой шкуре» на английский язык.

Осенью 1920 г. Тифлис — столицу первого в мире социал-демократического государства посетила представительная делегация европейских социалистов II Интернационала; в честь этого события 15 сентября в Тифлисе был объявлен нерабочим днем. В составе делегации среди прочих были Томас Шоу, Эмиль Вандервельде, Джеймс Рамсей Макдональд — в будущем трижды премьер-министр Великобритании; позже к ним присоединился Карл Каутский. При первой же встрече с грузинским правительством Э. Вандервельде заявил, что, хотя грузинские хозяева считают членов делегации своими учителями, на самом деле европейские социалисты должны учиться у грузинских политиков. Делегаты объездили всю Грузию, везде выступая с речами в поддержку грузинского социально-политического проекта. Было высказано желание провести в Тифлисе социалистический конгресс.

По возвращении в Европу члены делегации опубликовали статьи с изложением своих грузинских впечатлений. Один из основателей и лидер британской лейбористской партии Рамсей Макдональд писал в газете «Нейшн»: «Строится истинно демократическое государство под руководством социалистического правительства. Если свобода наций не пустое слово, если какая-либо нация заслуживает

свободу, это грузинская нация, которая доказала всему человечеству свою высокую культуру и политическую зрелость»⁶⁶. Э. Вандервельде в журнале «Ле Пепль» делился с читателями: «Если бы перед войной был поставлен вопрос — где, в каком европейском городе могло состояться первое социалистическое правительство, одни назвали бы Лондон, иные — Париж, Берлин, Стокгольм или Брюссель. Но кто бы мог подумать о столице Грузии — Тифлисе? Именно в этом городе взвилось социалистическое знамя и началось строительство истинно демократического строя»⁶⁷.

Тифлис оставался признанным центром и региональной, общекавказской политической жизни. В середине июня 1918 г. представители Южной Осетии и Северной Осетии обратились к графу Шуленбургу с просьбой ходатайствовать перед правительством Грузии о присоединении к ДРГ на федеральных основах. В Тифлисе после завершения грузино-армянской войны состоялась первая мирная конференция представителей Закавказских республик (25 апреля — 30 мая 1919 г.), Закавказский съезд кооперативов и т. д. Здесь же на какое-то время обосновалось правительство Республики горцев Северного Кавказа в изгнании.

В то же время Тифлис стал и ареной политического терроризма. В сентябре 1919 г. на Верийском спуске большевик А. Элбакидзе бросил две бомбы в автомобиль грузинского военного ведомства. Погиб полковник С. Алхави, водитель, его помощник и сам террорист; были ранены генерал И. Одишелидзе и представитель Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России в Закавказье генерал Н. Баратов. Серию политических терактов в Тифлисе продолжили мстители за геноцид армян: 19 июня 1920 г. на Эриванской площади бомбой, брошенной в фаэтон, был убит депутат Государственной думы Российской империи второго созыва, бывший министр юстиции Закавказской Демократической Федеративной Республики, один из основателей и премьер-министр Азербайджанской Демократической Республики Фатали Хан Искендер Оглы Хойский. Заметим, что подобные акты возмездия в Тифлисе продолжились и непосредственно после советизации Грузии: в 1922 г. в рамках операции «Немезис» членами партии Дашнакцутюн был убит известный деятель движения младотурок — Ахмед Джемаль-паша, в 1919 г. осужденный военным трибуналом в Константинополе на смерть за массовое убийство армян.

Параллельно с внешнеполитической активностью в ДРГ шла интенсивная работа по упорядочению внутренней общественной жизни. Характерен перечень законодательно утвержденных гражданских выходных: 1 января (Новый год), 12 марта (первый день Великой русской революции), 1 мая (праздник Интернационала), 26 мая (День объявления независимости Грузии). Отметим, что в праздновании Первомая 1919 г. участвовало до 50 000 чел.

Правительство особое внимание уделяло местному самоуправлению, которое мыслилось как основа демократизации грузинского общества. К началу 1919 г. завершилась работа над проектом городского Положения. Проект определил широкий круг полномочий самоуправления: составление городского плана, благоустройство, застройка, управление недвижимостью, водоснабжение, общественный транспорт, учебные заведения, здравоохранение, санитария, социальное жилище, призрение неимущих, устройство пекарен и продовольственных лавок, экономическое развитие, общественный порядок и т. д. Очередные местные выборы были назначены на 27 февраля 1921 г.

Весь период существования ДРГ, на фоне инфляции Тифлис испытывал значительные экономические проблемы; городской бюджет был хронически дефицитным. Бедственное положение муниципальных финансов сказывалось на городской жизни — работе трамвая, благоустройстве, здравоохранении, образовании. Участились задержки зарплаты, снизился солдатский рацион, начались забастовки. Появились фальшивые денежные знаки.

Тяжелое положение с продовольствием сопровождало все время существования ДРГ. В июле 1918 г. правительство ввело свободную торговлю зерном, освободило импорт зерновых от таможенного сбора, запретило их экспорт. За рубеж направлялись продовольственные эмиссары, которые проводили в основном бартерные сделки, взамен зерна предлагая грузинскую сельскохозяйственную продукцию. Такие сделки проводили и германские представители. Грузинское благотворительное общество с помощью властей организовало в Тифлисе сеть пекарен для выпечки хлеба в помощь беженцам. Инженеры, торговцы, интеллигенция объединились в товарищество «Нугеши» («Утешение»), поставлявшее населению относительно дешевый хлеб.

Обострился дефицит нефтепродуктов; часть теплоэлектрических станций прервала работу; владельцы безуспешно пытались продать

*Делегация европейских социалистов в ДРГ. 1920 г. Автор фото неизвестен.
Национальный архив Грузии*

их. Начались перебои в движении трамвая, ухудшилось освещение улиц; было запрещено использовать в квартирах больше одной 25-свечовой лампочки.

Весной 1919 г. при муниципалитете было создано Центральное попечительство, призванное заняться трудоустройством безработных, организацией детских приютов, столовых, читален, магазинов. Однако эти меры не могли изменить общую картину — в конце 1920 г. в Тифлисе насчитывалось более 12 тыс. безработных; с апреля по июль продукты подорожали более чем на треть. Власти предпринимали крайние меры: в октябре 1919 г. было решено выселять из города тех, кто по роду занятий, профессии или работе «не был связан с городом». Однако эта мера не оказалась действенной — в последующий год было составлено 1758 актов выселения, выселили же лишь 562 чел.⁶⁸, вызвав всеобщее недовольство. Вскоре декрет о выселении был аннулирован.

На фоне декларированного курса на многоукладную экономику и диверсифицированные формы собственности власти усиливали национализацию и особенно муниципализацию производственных

объектов и сферы обслуживания. В 1920 г. в Тифлисе насчитывалось 475 производств (без мелких мастерских) с 10 800 рабочими; из них 71 государственное (около 3000 рабочих) и 82 муниципальных или общественных с 4200 рабочих. Еще большей была доля муниципальных объектов в торговле и обслуживании⁶⁹.

Представление об условиях жизни в Тифлисе дают данные на январь 1919 г.

Средние цены за 1 фунт (453,59 г) основных продуктов, в руб.		Месячная зарплата, в руб.	
мясо	15,50	столяр	3550
растительное масло	60,57	железнодорожник	2630
капуста	2,88	лесничий	4100
хлеб	10,58	местный транспортник	4650
фасоль (лобио)	9,19	работник сельского хозяйства	2940
картофель	6,03	строитель	3330
сыр	41,00	административный персонал	5070
соль	4,83	делопроизводитель	4200
рис	23,87	технический персонал	4050
лук	4,00	работник учета и контроля	6000
		работник образования	4700 ⁷⁰

Цены на продовольствие постоянно повышались: к лету 1920 г. цена фунта сыра достигла 120–140 руб., масла — 280 руб. Железнодорожники потребовали натурализации зарплаты; был урезан и без того скудный солдатский рацион. В конце 1920 г. годовой прожиточный минимум с 12 000 был повышен до 24 000 руб.; налогом облагались только доходы, превышающие эту цифру. О бедственном состоянии финансово-экономической системы свидетельствуют статистические данные: государственные доходы за 1918 г. составили 96 188 000 руб. бонами, в то время как израсходовано было в 3,5 раза больше — 342 244 000. В конце 1920 г. Н. Жордания прямо заявил, что страна приближается к катастрофе⁷¹.

11 июля 1919 г. правительство выпустило боны до введения национальной валюты; эскизы купюр были поручены художникам Е. Лансере, Я. Николадзе, Д. Шеварднадзе, Г. Эристави и И. Шарлеману — с указанием выдержать «грузинский стиль». В августе российские гербовые марки были заменены грузинскими. В том же году Грузия начала выпуск почтовых марок — в эпистолярную эпоху

это было немаловажным фактором позиционирования новой страны на международной арене. 27 января 1921 г. появилась последняя серия марок с надпечаткой «Признание независимости Грузии *“de jure”*».

Системный кризис испытывало железнодорожное сообщение. Отъезд русскоязычных специалистов и проведение политики «национализации» (точнее — коренизации) немедленно отразились на эффективности железнодорожного ведомства. Характерно, что уже в июле 1918 г. на собрании железнодорожников были выдвинуты требования — открыть курсы «обучения железнодорожному делу» и изучения грузинского языка. Участились случаи железнодорожных аварий, нередко с человеческими жертвами. Причинами назывались диверсии посредством разборки рельсов (особенно в период грузино-армянской войны), саботаж, грабёж. Осенью 1919 г. Учредительное собрание приняло декрет о создании особого отряда для охраны железных дорог; на них распространилось военное положение; земствам поручалась охрана соответствующих железнодорожных перегонов. В мае 1920 г. было восстановлено движение Тифлис — Эривань; с 1 июня был назначен ежедневный поезд Тифлис — Баку, однако в августе скорое сообщение было прервано. В конце декабря газеты сообщали, что после 5 декабря из советского Азербайджана не прибыл ни один поезд.

Начали развиваться другие виды пассажирского транспорта: в июне 1920 г. открылись автомобильные линии из Тифлиса на Коджоры-Манглис, Казбек, Владикавказ, а также в провинции. Установилось регулярное морское сообщение Батума с Италией. В США в рассрочку за 800 000 долларов был приобретен океанский корабль; там же были закуплены автобусы и грузовики. В Тифлисе возобновил работу фуникулер. У гостиницы «Ориент» прошла выставка фордовских автомобилей и дорожных принадлежностей. Готовилось введение метрической системы мер и весов.

Несмотря на экономические затруднения, городская жизнь приобрела новые содержательные формы и внешние проявления. «Во время независимости Тифлис жил весело. < ... > несмотря на то что из-за прерванного сообщения поначалу население испытывало много трудностей, тифлисское общество все же одевалось „по моде“. Преобладала военная одежда. Людям очень способствовали: зимой — оставшиеся с военного времени френчи, летом — хлопчатобумажные

рубахи. Если населению многого и не хватало, то вино в эти годы было в изобилии. Вывоз [вина] был невозможен или осложнен, и оно здесь же лилось рекой. Нужно признать — наша демократия была „хлебосольной“. И сама была занята времяпрепровождением, и гостей угощала. Столько веселья Тифлис никогда не видел. За собранием следовал банкет, за банкетом — собрание. И тифлисцы подражали своим властям, в ресторанах постоянно слышались песни и стоял гвалт»⁷².

Однако эпикурейская бесшабашность продолжалась лишь до ноября 1920 г., когда постановлением правительства были закрыты кафе-шантаны и клубы развлекательного характера; ресторанам и духанам разрешено было работать только до 10 часов вечера; помещения ресторанов «Великобритания» и «Восток» были переоборудованы под муниципальные столовые. Ограничение коснулось и традиционных шумных домашних застолий, досаждающих соседям.

В Тифлисе издавались газеты на многих языках, в том числе на французском («Свободная Грузия» и «Грузинская Республика») и английском («Вестник Грузии»). Все три газеты редактировала Элисабед Орбелиани — франкоязычная поэтесса, переводчица поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на французский язык, муза Акакия Церетели и Важа Пшавела. В ноябре в Тифлисе вышла газета «Северный Кавказ» — орган созданной в мае 1918 г. Республики горцев Северного Кавказа; на всей первой полосе разместился призыв к крестьянам, рабочим, интеллигенции избавиться от большевиков и объединиться вокруг правительства республики.

Кавказский музей преобразовался в Музей Грузии (1919 г.); было создано Техническое общество Грузии, в 1919–1921 гг. подготовившее издание «Технической терминологии» на грузинском языке. Этапное значение приобрела выставка древнегрузинского зодчества, организованная Грузинским историческим и этнографическим обществом в 1920 г. Для подготовки и переподготовки педагогов открылся Тифлисский учительский институт⁷³. Показательно, что в 1919 г. открылся «университет» для солдат тифлисского гарнизона с целью повышения их образования и «умственного развития».

Развитие начального и среднего образования также стало ключевой задачей правительства. Об этом свидетельствуют статистические данные: если в последние годы царского режима в Грузии

насчитывалось 864 школы (подавляющее большинство — русскоязычные) с 80 234 учениками, то к 1921 г. эти цифры значительно возросли — 1925 и 162 030 соответственно.

В сфере образования правительство ДРГ старалось проводить сбалансированную национальную политику; это особенно касалось среднего образования. Министерство образования уже в июле 1918 г. сообщало, что «армянские и русские учебные образования останутся с преподаванием на армянском и русском языках. Эти гимназии будут содержаться правительством». Реформа народного образования уделяла внимание развитию обучения детей национальных меньшинств: открылась 81 армянская школа, 60 — русских, 31 — «татарская» (надо полагать, азербайджанская), 66 греческих и 48 осетинских⁷⁴. Даже для детей недавно прибывших в Тифлис беженцев-ассирийцев (айсоров) была открыта национальная школа.

Право на культурную автономию, в том числе русскоязычных граждан, декларировалось и в законодательстве ДРГ, и в практике правоприменения. К примеру, Министерство земледелия и труда в сентябре 1920 г. обратилось к Национальным советам армян, мусульман и евреев с предложением сообщить дни этноконфессиональных праздников, с тем чтобы объявить их выходными для этих этнических групп. Сразу после грузино-армянской войны в Торгово-промышленную палату Грузии были избраны 3 члена армянской национальности. Предпринимались и другие шаги по восстановлению межнациональных отношений. Демонстрацией исторической близости двух народов можно считать чествование в апреле 1919 г. тифлисской общественностью выдающегося армянского поэта Ованеса Туманяна; на праздничном вечере присутствовали члены правительства. Несколько позже тифлисские армяне передали грузинским солдатам миллион папирос и сто пудов мыла.

В отношении русско(язычно)го населения правительство проводило четко артикулированную государственную политику. Помимо декларированных конституционных прав, а также возможности принять грузинское гражданство, при муниципальных учреждениях открывались курсы изучения грузинского языка. Развивалась сеть русских школ. Желаящим выехать в Россию государство оказывало посильную помощь — например, в Батум одним поездом выехали 120 русских, безработных русских организовано направляли в Россию и т. д.

В то же время жестко преследовались все проявления великодержавного, монархического характера, особенно со стороны русского офицерства; например, за публичное пение «Боже, царя храни» была арестована группа офицеров. Согласно приказу начальника тифлисского гарнизона все русские офицеры должны были пройти регистрацию и получить удостоверение личности, в противном случае они подвергались судебному преследованию. За антигосударственные публикации были закрыты русскоязычные газеты «Тифлисская газета», «Грузия», «Кавказское слово», «Возрождение», «Голос рабочего», «Новости дня», а также грузинская «Коммунист»; редакции и типографии были опечатаны. С другой стороны, возобновился выпуск закрытой ранее армянской газеты «Мшак», ставшей внепартийной. Содержание газетных публикаций контролировал вновь созданный Цензурный комитет при Генеральном штабе.

На совещании представителей Грузинской республики, Краевого Кубанского правительства и Добровольческой армии, состоявшемся 25–26 сентября 1918 г., прозвучало обвинение в адрес грузинской стороны в притеснении русских, в частности офицерского корпуса. В ответ на это представитель грузинского правительства Евгений Гегечкори заявил, что «...это обвинение совершенно несправедливо. Куда как не в Грузию во время гонений, постигших офицеров в России, стали со всех концов ея стекаться офицеры? И мы принимали их, из скудных средств своих делились всем, платили жалованье, кормили и делали все, чтобы в пределах собственного стесненного положения помочь им. И с гордостью могу здесь засвидетельствовать, что в то время, когда почти вся Россия была охвачена кошмаром самосудов, только у нас, в Грузии, благодаря сознательности масс и работе политических руководителей не было ни одного случая насилия и самосуда над русскими офицерами. < ... > в Тифлисе, который был раньше центром всех краевых общественных учреждений, скопилось громадное количество чиновников, которые остались не у дел после объявления самостоятельности Грузии и в связи с этим сокращения и ликвидации многих учреждений. Всем им были выданы ликвидационные деньги, но, естественно, при той дороговизне, которая существует в Тифлисе, надолго этих денег им хватить не могло»⁷⁵.

Все, кто не принял грузинскую государственность, направлялись в Батум, все еще находившийся в руках англичан (Батум был передан Грузии англичанами в июле 1920 г.). Показательно свидетельство

корреспондента сухумской газеты «Наше слово» о батумской политической атмосфере: «Выдворенные из Тифлиса спекулянты и иные находятся в Батуме, они переполнены ненавистью к Грузии и мечтают, когда же выметут проклятых грузин. Для них безразлично, кто захватит Грузию — Деникин или большевики»⁷⁶. После завершения Гражданской войны в России развернулась подрывная работа российских большевиков — как в самой Грузии, так и извне.

В противовес подрывной деятельности городские власти насаждали патриотические чувства, иногда и жесткими волевыми методами. Например, к годовщине Дня независимости всем домовладельцам, за исключением иностранных учреждений, было предписано приобрести и вывесить национальные флаги; нарушителей милиция штрафовала на 300–500 руб.

Предпринимались шаги с целью «национализации» городской среды Тифлиса. Например, на грузинском языке должны были быть составлены и утверждены самоуправлением все вывески; названия общественных, торговых, промышленных и прочих заведений; при этом допускалось дублирование на других языках, с размещением в менее приметных местах. Власти избавлялись и от монархического наследия в городской среде: бюст императора Александра II из здания тифлисского суда был перенесен в музей; были убраны статуи генерала Ф. Ф. Грязнова и заместника — князя Михаила Семеновича Воронцова, кстати в свое время много сделавшего для становления муниципальной жизни Тифлиса, да и для развития грузинской культуры нового времени. Интересно, что к этому времени скульптор Я. Николадзе завершил работу над бюстом Н. Жордания. Радикальные изменения претерпела тифлисская урбанонимия. Эриванская площадь стала площадью Свободы, центральный Головинский проспект был переименован в честь Шота Руставели, Михайловский — в честь идеолога меньшевизма Г. Плеханова и т. д.

В то же время обострялись проблемы городского управления, в первую очередь в санитарно-гигиеническом отношении. В июле 1918 г. газеты сообщали, что в районе Сабуртало царит страшная антисанитария; отмечено 15 случаев смерти от холеры. «Покойников хоронят там же, где они умерли, и местная администрация не обращает внимания на это». Противохолерные прививки начал проводить бактериологический отряд Союза городов Грузии, после чего эпидемиологическая ситуация улучшилась, особенно среди беженцев.

Милиция штрафовала за ненадлежащее содержание дворов и торговых заведений; в случае неуплаты виновные подвергались аресту на 1–2 месяца. Позже для очистки от мусора самоуправление приобрело 50 лошадей и 41 повозку; уличная торговля кондитерскими изделиями и водами была запрещена; на Дезертирском рынке закрыты все столовые.

В то же время усилилось массовое перемещение беженцев, расширился их этнический состав: весной 1919 г. появились беженцы-грузины (500 семей), которые покинули свои дома в Алагире (Северный Кавказ) после погрома со стороны осетин. Правительство выделило 500 000 руб. на содержание беженцев и открыло бесплатные больницы и столовые в местах их компактного размещения. Убежище армянских беженцев перешло под покровительство американского Комитета помощи беженцам. По мере освобождения от турок южных территорий туда возвращали беженцев — в мае 1919 г. в направлении Карса из Тифлиса вышел пятый эшелон; несколько позже туда же отправили 16 вагонов с беженцами-молоканами; в Гюмри было направлено 53 вагона с беженцами-армянами. Для пропуска транзитных беженцев требовалось посписочное разрешение правительства. В октябре 1920 г. из Баку прибыло 12 вагонов с армянскими беженцами; их переправили в Санаин. Наблюдалось и встречное движение — ранее, в октябре 1919 г., беженцы-мусульмане четырьмя вагонами были отправлены из Тифлиса в Гянджу и Баку. В свою очередь, из Армении в Грецию последовали беженцы-греки.

Тем временем криминальная обстановка в Тифлисе стала обостряться; сообщения о воровстве, грабежах, убийствах не сходили со страниц газет. Некоторые преступления привлекали особое внимание горожан — такие как захват в 8 часов вечера, в центре города, на углу Сергеевской и Лермонтовской улиц, известного миллионера и щедрого мецената М. Арамянца (его освободили под утро); ограбление возницы главы государства или нападения на дипломатических представителей.

При относительной многочисленности — более 900 чел. — тифлисская милиция не отличалась профессиональными качествами и неподкупностью. Городской моурави — Б. Чхиквишвили в своем приказе признавал: «Меры, принятые мною и начальником милиции, пока не принесли положительного результата. Некоторые

милиционеры продолжают идти по прежнему пути, берут взятки и часто без причины оскорбляют граждан»⁷⁷.

В июне 1919 г. было выделено полмиллиона рублей «на борьбу с анархией». Милиция действовала жестко: вплоть до массовых облав и незамедлительных расстрелов преступников; однако справиться с разгулом криминала не удавалось. Правонарушения совершали не только профессиональные преступники, но и милиционеры, гвардейцы, беженцы и даже расквартированные в Тифлисе британские солдаты — так, в газетах сообщалось, что на углу проспекта Плеханова и ул. Пастера британцы убили школьника Д. Нарсия.

Культурная жизнь Тифлиса в 1918 – 1921 гг. «41 градус»

В описываемый период культурная жизнь Тифлиса протекала в небывало бурных, поистине революционных формах. Тифлис превратился в арену проявления двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, обретенная независимость предопределила прорыв национальной культуры по всем направлениям, зарождение новых для грузинского искусства жанров и форм; с другой — прибывавшие из большевистской России деятели авангардного искусства и литературы находили в Тифлисе все условия для неограниченной свободы творчества. Все это, вместе взятое, создавало удивительную атмосферу братства по искусству, обогащавшую оба культурных потока.

Пресса того времени свидетельствует о зарождении в Грузии тех музыкальных жанров, которые здесь ранее были представлены только зарубежными или российскими произведениями; в первую очередь речь идет об оперном искусстве как о знаковом атрибуте столичности. В 1918 г. журнал «Театр и жизнь» призывал: «Помимо театра, столице Грузии необходима и опера. < ... > Для этого у нас имеется репертуар и силы найдутся»⁷⁸. По существу, годом рождения грузинской оперы можно считать 1919-й, когда в Тифлисском оперном театре было поставлено «Сказание о Шота Руставели» композитора Д. Аракишвили. В том же году публике было представлено ставшее классикой грузинской оперы произведение композитора Захария Палиашвили «Абесалом и Этери». Пресса с восторгом отмечала праздничный характер премьеры и то впечатление, которое опера произвела на присутствующую местную публику и «представителей зарубежных государств».

Следует сказать, что нарождающаяся оперная жизнь Тифлиса не ограничивалась лишь утверждением национальных амбиций: были поставлены «Севильский цирюльник» Дж. Россини (в переводе на грузинский язык) и «Демон» А. Рубинштейна.

Наряду с оперой разрабатывались и другие музыкальные формы; регулярно проводились ученические концерты, выступления певцов и инструменталистов; была создана хоровая капелла и Грузинская оперная студия; подготавливалось создание симфонического оркестра; песенный фольклор обрел место на профессиональной сцене. В 1918 г. Грузинское филармоническое общество, существовавшее с 1905 г., было преобразовано в Грузинское музыкальное общество. Особое внимание уделялось подготовке национальных кадров.

Театральную жизнь Тифлиса в описываемое время можно рассматривать в качестве переходного периода. Пафос нового охватил и эту сферу культурной жизни города. Рассуждая о судьбах грузинской драмы, Ак. Пагава писал в 1919 г.: «Смерть старой [драмы] неизбежна, чтобы возникла новая — и мы сейчас явно видим, что старый театр, хотя и заслуженный, все равно умирает. Пусть никто не будет в обиде, ибо это совершенно естественное явление, потому что ничто не происходит вне времени и пространства. Поэтому старое должно упокоиться как отжившее»⁷⁹. Рождение «нового театра» во многом связывалось с театральной студией, основанной в 1918 г. Георгием Джабадари, только что вернувшимся из Парижа, где он работал в театре «Одеон». Из этой студии вышли актеры и режиссеры, в дальнейшем принешие славу грузинскому театру и кинематографу. Помимо грузинских пьес, студия ставила произведения Ростана, Гауптмана. Студия прекратила существование в 1920 г.; Г. Джабадари вернулся в Париж.

Зарождение грузинского игрового кинематографа относится к 1916 г., когда режиссер А. Цуцунава поставил фильм «Кристине». Что касается грузинской кинохроники, здесь пионером стал Василий Амашукели, в 1912 г. снявший фильм «Путешествие Акакия Церетели в Рачу». В дальнейшем грузинские кинематографисты фиксировали важнейшие события становления молодого государства: были сняты документальные фильмы об открытии Учредительного собрания Грузии, парад в День независимости Грузии — 26 мая, прибытие и сюжеты пребывания в Тифлисе иностранных делегаций, выступления спортсменов общества «Шевардени» и т. д.

Тифлис этого времени превратился в один из амбициозных центров авангардного искусства мирового масштаба. «Тифлисский авангард продлился более четырех лет. Интенсивность искусства и интеллектуальной жизни дала почувствовать тем людям, которые вращались в этом городе, что Тифлис превратился в настоящую европейскую столицу»⁸⁰. Обычным явлением в культурной жизни города стали диспуты, выставки, лекции с участием поэтов, художников, артистов, философов. Перебравшиеся в Тифлис из Кутаиси «голубороговцы» обосновались в кафе «Кимериони», в нижнем вестибюле Театра артистического общества (ныне Академический театр им. Шота Руставели). Интерьер кафе расписывали С. Судейкин, З. Валишевский, К. Зданевич, Д. Какабадзе.

Гонимые «красным колесом» российского террора, из Петрограда и Москвы в Тифлис прибыли многие нонконформистски настроенные авангардисты. Здесь они находили единомышленников и доброжелательно настроенную аудиторию. По словам одного из них, поэта Игоря Терентьева, «Побудем сослучные в Тифлисе / Там столица где мы заблудились...»⁸¹ Феерический грузинский писатель Григол Робакидзе в свойственной ему экзальтированной манере, резкими мазками пишет картину бурной литературно-художественной жизни Тифлиса, только что превратившегося в столицу самостоятельного и, заметим, — либерального государства: «Тифлис — удивительный город, однако в 1919–1920 годах он словно задался целью поражать. Здесь укрылись выдворенные или сбежавшие русские. Со сцены звучала речь Качалова... В Тифлисе обретался и Н. Н. Ходотов. Со сцены звучал и его голос: он играл Мышкина по Достоевскому или читал стихи русских поэтов о России (любил стихи Максимилиана Волошина, в том числе „Стеньку Разина“). Композитор Н. Н. Черепнин в кафе входил выпившим (не было заметно, что он пьян) и горевал по России. < ... > Художник Юрий Сергеевич Судейкин расписывал ресторан, который грузинские поэты назвали „Кимериони“ (Судейкин и в самом деле наполнил ресторан химерами). Художник Савелий Абрамович Сорин переносил на холст горделивые профили грузинских княжон: „красивыми, слишком красивыми“ линиями. Драматург и театрал Н. Н. Евреинов и здесь, как везде и всегда, творил „театр для себя“ и в кругах избранных читал „Самое Главное“. Поэт Сергей Митрофанович Городецкий после развала Кавказского фронта остался в Тифлисе и приумножал „поэтический

цах“, в котором женщин было больше, чем мужчин, и общение друг с другом превалировало над поэзией. Поэт Сергей Львович Рафалович тоже прибыл из Баку и не прекращал строчить на пишущей машинке, на которой он сочинял бесчисленные стихи. Кого только не было тогда в Тифлисе? Футуристы здесь сделали шаг в сторону дадаизма. Они основали орган — „41 градус“ (вероятно, отметка жара, когда начинается бредовое состояние). Алексей Крученых выводил всю русскую литературу из „как“ и, подобно тому как изголодавшаяся и замерзшая курица в мусоре ищет зернышки, изможденный Крученых искал „Сдвиги“ в литературе. < ... > В Тифлисе был и Илья Зданевич < ... > Были и другие.

Тифлис стал городом поэтов. В кафе „Интернационал“ его так и нарекли городом поэтов. Более того: восклицали — поэзия только в Тифлисе. Именно в это время Паоло Иашвили завоевал Тифлис, как Артур Рембо — Париж. Тогда он еще не знал, что взять Тифлис богемой и стихом трудней, чем Париж. < ... > Мир на самом деле рушился — и только Тифлис был единственным городом, который поэтически воспевал этот крах (не объясняется ли это беспечностью, восточной или грузинской?).

Тифлис стал фантастическим. Фантастический город не мог обойтись без фантастического уголка — и однажды те же поэты и художники на проспекте Руставели, № 12, во внутреннем дворике открыли „Фантастический Кабачок“ в маленькой комнатке, в которой могло поместиться 12–15 человек, но каким-то чудом умещалось до 50. И здесь: женщин собиралось больше, чем мужчин, со стен глядели фантазмы: так была расписана комната (здесь действительно лозунг „41 градус“ оправдывал себя). Этот „кабачок“ открывался почти каждый день. Читали те же поэты и художники: стихи или доклады. К ним присоединился ученый Гиоргий Артемич Харазов, по специальности математик, по „направлению“ фрейдист. < ... >

Такова была тифлисская фантастика. Но она любит и „реальность“. Поблизости, на том же проспекте Руставели, внизу, в подвале, был устроен американский „бар“ с названием „Ладья аргонавтов“. В „баре“ также были стихи, футуристические эскизы, песнопения. Но здесь было и иное: коктейль соперничал с „Кахетинским“. Было и другое, более привлекательное: двенадцать упитанных девиц подносили гостям заказы (напитки, блюда или то и другое). Вероятно, это делалось с той целью, чтобы какой-либо гость (и разве только

он один?) представил себя Язоном (это безусловно!) и в этих девицах узрел бы Медею (с целью знакомства или...). Среди гостей (почти всех) было заметно вот что: большой и указательный пальцы часто встречались у ноздрей (это, вероятно, потому, что в Тифлисе в то время был очень распространен кокаин). Любители „реальности“ собирались и в другом месте: это был „Павлиный (так в оригинале. — В. В.) Хвост“ на углу Чавчавадзе и Грибоедовской. Здесь собиралось более „избранное“ общество. Необходимо было рекомендательное письмо. Нередко можно было заметить смокинг. Чаше — женское бальное одеяние. Было шампанское, времяпрепровождение, кутежи, женщины. Подвыпившие посетители время от времени заводили „Павлиний гимн“, на скорую руку сочиненный неким музыкантом. < ... > С рассветом гости расходились. Многие из них отправлялись в гостиницу «Ориант», тайна которой для всех оставалась нераскрытой: никто не знал, на какие средства существовали постояльцы „Орианта“ (неужели и это было тифлисской фантастикой или чем-то другим?!))⁸².

Художник Давид Какабадзе, по существу, был одним из первых, кто обратил внимание на необходимость сохранения старых кварталов (убани) Тифлиса; в альманахе «Швиди мнатоби» («Семь светил») он писал: «Старый Тифлис имеет важное значение для изучения нашего прошлого. В тех остатках, которые дошли до нас, еще ясно виден образ прошлой жизни. Говорят, что у нас почти не осталось памятников гражданской архитектуры. Но пройдитесь по Старому Тифлису, и вы убедитесь, насколько беспочвенна эта мысль. Когда прогуливаетесь по этим узким, глухим и запутанным улицам, где еще остались дома Старого Тифлиса, испытываете чувство величия прошлого. Кое-где встречаются здания чудесного очертания. < ... > Если мы сейчас же не возьмемся за сохранение древностей Старого Тифлиса, потом будет поздно»⁸³. В подтверждение своей привязанности к прошлому Тифлиса Д. Какабадзе создает графический цикл, запечатлевший характерные уголки Старого города.

В 1920 г. по инициативе художника Дмитрия Шеварднадзе (кстати, он послужил прообразом героя знакового фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние») в бывшем Храме славы открывается первый в Грузии музей изобразительного искусства — Грузинская национальная художественная галерея.

Футуристическая по содержанию и авангардистская по изобразительному языку тифлисская книга 1917–1919 гг. стала важным явлением художественной жизни города. Тифлиссские экспериментальные издания явились своеобразным манифестом «футуристического интернационала». Примером может служить небольшого формата книжка-посвящение ведущей актрисе тифлисского театра миниатюр, музе футуристов Софии Георгиевне Мельниковой — достаточно взглянуть на трехязычный список авторов на фронтиспise с изображением бенефицианта (рисунок Сигизмунда Валишевского и Кирилла Зданевича)⁸⁴. Поэтический авангард здесь слился с лингвистическим эпатажем и с полиграфической эквилибристикой. Помимо текстов и графических рисунков в конце книжки приводится список докладов, читанных с ноября 1917 г. по 1919 г. Вот некоторые из этих докладов: И. Зданевич — «О зауми», И. Терентьев — «О маяковине», А. Крученых — «Поэт мертвец Блок».

Поэт Сергей Городецкий в апреле 1918 г. объединяет тифлиссских акмеистов в «Поэтический цех», основывает журнал “ARS” (Ежемесячник искусства и литературы), издает антологию поэтов-акмеистов. В том же году Александр Крученых, Илья Зданевич, Игорь Терентьев основывают футуристический университет «Футурвсеучбище». Картину бурной культурной жизни Тифлиса дополняла попытка, правда неудачная, философа-мистика, композитора, путешественника Георгия Гурджиева основать Институт гармонического развития человека.

Такая творческая атмосфера столичной жизни настолько отличалась от обстановки предвоенного периода, что бывший городской голова А. Хатисов, проездом посетивший Тифлис по пути из Армении в эмиграцию, с горечью отмечал: «...я чувствовал, что, хотя я родился в Тифлисе, 17 лет проработал там в системе городского самоуправления, возглавлял высокую должность, я все же [был] гостем в этом городе...»⁸⁵

В то время как европейская часть Тифлиса на каждом шагу демонстрировала амбиции европейского города, Тифлис азиатский вплоть до советизации продолжал жить своей, достаточно обособленной жизнью. «Лабиринтами узких улочек Армянского базара можно было очутиться в многолюдье Майдана. Здесь можно было купить и продать что угодно, от униформы дезертира до грузинского кинжала и граммофона. < ... > Воздух был пропитан сладким запахом

айвы и свежевыпеченного, подрумяненного хлеба... Иногда в городе неожиданно появлялся караван тихоходных верблюдов. И Тифлис приобретал вид цветущего и гостеприимного города арабской ночи. Это свидетельство тифлисской жизни первых лет независимости»⁸⁶.

Действительно, в начале XX века азиатский Тифлис все еще достаточно внятно сохранял экономические, этноконфессиональные, творческие черты собственной оригинальной культуры. Прежде всего это и социально-профессиональная организация традиционного городского сообщества (торгово-ремесленные гильдии — «амкарства»); и специфический песенно-танцевальный жанр (этот жанр и сегодня именуется «городским» — в отличие от богатейшего грузинского музыкального рурального фольклора); и колоритные персонажи городского сообщества («карачохели», «кинто»); и тифлисское арго (непревзойденный знаток городской жизни — поэт Йосеб Гришавили скрупулезно собрал этнолексический калейдоскоп в «Городском словаре»⁸⁷); и тифлисские празднества, развлечения, игры (театрализованное шествие — «кееноба», кулачные бои — «криви», конные состязания — «джирити», бои баранов и др.); и кодекс чести горожанина (до сих пор отличающий старшее поколение коренных тбилисцев). Эти проявления оригинальной городской культуры бытовали вплоть до установления советской власти в Грузии в феврале 1921 года...

Крушение национального проекта. «Над Тифлисом реет красное знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Тем временем большевистская Россия не откладывала планов захвата ДРГ. После установления советской власти в Баку первый натиск Красной армии со стороны Азербайджана ДРГ испытала 2 мая 1920 г. В тот же день было совершено вооруженное нападение на юнкерское училище в Тифлисе. Наступление не завершилось успехом; 7 мая был заключен мирный договор между ДРГ и Советской Россией, хотя боевые действия и продолжались до 16 мая. На этот раз Грузии удалось сохранить независимость.

Дипломатическим представителем Советской России в Тифлис был направлен С. Киров; вскоре его сменил А. Шейнман. Сразу же после заключения договора активизировалась подрывная деятельность

легализованных большевистских организаций Грузии. В резолюции совещания представителей городских, губернских и уездных партийных организаций, проведенного 28–29 мая 1920 г., четко было сказано: «Прямым результатом договора, заключенного между Россией и Грузией, является предоставляемая нашей партии возможность легального существования, что, естественно, выдвигает на первый план необходимость изменения методов борьбы Коммунистической партии Грузии за ближайшие цели рабочих и крестьян»⁸⁸.

Дальнейшие события показали, что такой целью было свержение правительства и аннексия ДРГ. Задолго до заключения договора Грузию наводнили большевистские эмиссары, пользовавшиеся свободой действий. Крупный советский партийный деятель, в то время большевистский боевик Анастас Микоян в своих мемуарах вспоминал: «Курьезным было то, что лидер меньшевиков Ной Жордания, которого Орджоникидзе хорошо знал еще во времена царизма, считал нужным окольным путем передать Серго, чтобы он не появлялся на улицах, так как его могут арестовать англичане. Это надо было понять так, что сами меньшевики арестовывать его не собираются, но и препятствовать аресту тоже не будут»⁸⁹.

Правительство осознавало надвигающуюся угрозу — был создан Совет обороны, намечены меры по укреплению оборонительных рубежей, мобилизованы медроботники 30–40-летнего возраста, закрыта газета оппозиционной Национально-демократической партии «Сакартвело», вводилась трудовая повинность «нетрудовых элементов». Комитет помощи фронту собирался опубликовать список тех состоятельных лиц, которые отказались «добровольно» пожертвовать средства⁹⁰.

Ситуацию осложнило то, что к 1920 г. Британская империя отказалась от своих интересов в Закавказье в пользу перспективы торгово-экономических отношений с Советской Россией. И. Сталин писал С. Орджоникидзе, что нужно «начинать» тогда, когда будет подписан договор с Англией. Тем временем национальные правительства двух Закавказских республик — Азербайджана и Армении были последовательно свергнуты большевиками. Настал черед ДРГ.

Планы захвата Грузии были тщательно подготовлены. В этом смысле активность проявляли С. Орджоникидзе, С. Киров; настойчиво требовал советизации Грузии Военно-революционный совет XI армии. Командарм А. Геккер 18 декабря 1920 г. в докладе Реввоенсовету

*Вступление XI Красной армии в Тифлис. 1921 г. Автор фото неизвестен.
Национальный архив Грузии*

Кавказского фронта заявлял, что нападение на Грузию и наступление на Тифлис «должны произойти только после хорошей подготовки с тем, чтобы быстро покончить с народом Тифлиса»⁹¹. Судьба Грузии была решена. 30 ноября 1920 г. в беседе с корреспондентом «Правды» наркомнац И. Сталин, опережая агрессию Советской России, безапелляционно утверждал: «Катастрофическое хозяйственное и продовольственное положение Грузии — факт, констатируемый даже за пределами Грузии. Грузия, запутавшаяся в тенетах Антанты и ввиду этого лишившаяся как бакинской нефти, так и кубанского хлеба, Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, — эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни. < ... > Едва ли можно сомневаться в том, что в трудную минуту Грузия будет так же покинута Антантой, как и Армения»⁹².

«Трудная минута» вскоре наступила. После серии провокационных демаршей с российской стороны, в ночь с 11 на 12 февраля 1921 г. в нейтральной зоне Лоре на армяно-грузинской границе было инсценировано «народное восстание», на поддержку которого

с четырех сторон — из Азербайджана, Сочи, Дарьяльского ущелья, Мамисонского перевала — двинулись части Красной армии. 16 февраля в селении Шулавери было создан Грузинский революционный комитет (Ревком). Политические партии ДРГ обратились с призывами к населению оказать сопротивление врагу. Показательно, что воззвание ЦК правящей Грузинской социал-демократической рабочей партии, опубликованное под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», завершалось словами: «Долой „красный“ империализм! Да здравствует социалистическая Грузия!»

Тридцатипяти тысячной Красной армии грузинская сторона могла противопоставить регулярные части числом до 20 000 и Народную гвардию (до 15 000), подчинявшуюся не военному министру, а главе правительства⁹³.

В обороне столицы посильное участие приняли грузинская интеллигенция, молодежь, учебные заведения. Ректор Тифлисского государственного университета Иванэ Джавахишвили обратился к властям: «Имею честь письменно сообщить вам решение срочно созванного особого заседания Совета профессоров Тифлисского государственного университета 16 февраля 1921 года по поводу положения, сложившегося на фронте... Профессора, доценты, лектора, ассистенты и вообще члены личного состава научно-учебной части готовы всё, все свои знания, опыт и жизнь, пожертвовать ради дела защиты независимости находящейся в опасности дорогой Родины и просят Комитет использовать их умственные и физические силы так, как необходимо для целей защиты Родины»⁹⁴. Символично, что в такой драматической обстановке, 21 февраля, был принят последний законодательный акт ДРГ — Конституция Грузии, по содержанию далеко опередившая свое время.

В армию были мобилизованы граждане до 40 лет, за исключением русских. Н. Жордания назвал Тифлис «вторым Верденом». Решающие боевые действия развернулись на подступах к столице со стороны Коджори-Табахмела. В боевых столкновениях героически проявили себя грузинские юнкера. 24 февраля, при разногласии высшего военного руководства, было решено во избежание дальнейших жертв и окружения Тифлиса оставить столицу и укрепиться в районе Мцхета; однако и эту позицию удержать не удалось. Правительство эвакуировалось в Западную Грузию. 25 февраля 1921 г. в 11 часов утра Красная армия вошла в Тифлис. Серго Орджоникидзе

телеграфирует в столицу Советской России: «Москва. Кремль. Ленину. Сталину. Над Тифлисом реет красное знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия! Орджоникидзе».

В тот же день Ревком опубликовал декрет № 1 «Об амнистии»⁹⁵. Наспех изданная газета «Кавказская правда» 2 марта возвестила об установлении советской власти в Грузии. В Тифлисе начался грабеж. Расхищалось и вагонами отправлялось в Россию заводское оборудование и типографская бумага, продукты питания и вина; расквартированные на постой красноармейцы жгли в каминах книги, мебель, рамы картин. Прекратил работу городской водопровод; население выстраивалось в очередь перед родниками на склонах горы Мтацминда. Тифлискцы целыми днями рыскали по городу в поисках пропитания. Пытаясь задобрить население, новые власти предложили рабочим Нахаловки переселиться в квартиры буржуа в элитарном районе Солаки; ни одна семья этой возможностью не воспользовалась⁹⁶.

...12 марта ЦК Компартии Грузии по указанию В. Ленина предложил Н. Жордания и другим лидерам ДРГ сотрудничество, однако получил отказ. Впрочем, было одно исключение — совместными усилиями грузинских частей и XI Красной армии турецкие подразделения были вытеснены из Батума. 18 марта правительство покинуло Батум. Во Франции грузинское правительство в изгнании продержалось до 1933 г., когда грузинская лигация была упразднена...

* * *

...Лишь в 1985 г. переживший волны политических репрессий 90-летний поэт-«голубороговец» Колау Надирадзе опубликовал давно написанное стихотворение-реквием по независимой Грузии — «25 февраля. 1921 год». Вот подстрочник заключительной части стихотворения:

Под красным знаменем, на белом коне,
Ступая медленно, самодовольно,
Входила смерть с косой в руке!
Шел снег, покрыт был трауром Тифлис,
Молчал собор, молчал народ.

Разворачивалась новая, драматическая страница истории Тифлиса длиной в 70 лет...

Примечания

- ¹ *Джаошвили В. Ш.* Население Грузии в XVIII–XX столетиях. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 63 (на груз. яз.).
- ² Сб. статистич. сведений по Закавказскому краю. Тифлис, 1902. Табл. 1, 2.
- ³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. комитета М-ва вн. дел / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. LXIX. Тифлисская губерния. [СПб.], 1905. С. 155–182.
- ⁴ Тифлисская муниципальная календарь на 1917 г. Тифлис, 1917. С. 176–177.
- ⁵ *Какурия Ш.* Население г. Тбилиси, 1803–1970 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 59 (на груз. яз.).
- ⁶ *Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.* Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. С. 29.
- ⁷ Кавказский календарь на 1917 г. / под ред. Н. П. Стельмашука. Тифлис, 1916. С. 225.
- ⁸ Отчет о деятельности Тифлисского городского исполнительного комитета за 1922 г.: (Статистические данные). [Тифлис]: Стат.-информ. отд. горисполкома, [1923]. С. 206.
- ⁹ *Какурия Ш.* Указ. соч. С. 50–61.
- ¹⁰ *Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 23.
- ¹¹ Кавказский календарь на 1915 г. / под ред. А. А. Эльзенгера, Н. П. Стельмашука. Тифлис, 1914.
- ¹² *Джаошвили В. Ш.* Указ. соч. С. 109–110.
- ¹³ *Какурия Ш.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁴ *Налбандян В. С.* Певец человека и любви // Саят-Нова. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 33.
- ¹⁵ *Жордания Н.* Избранные произведения. Тифлис: Культура, 1911 (№2). С. 279 (на груз. яз.).
- ¹⁶ Там же. С. 278.
- ¹⁷ *Хоштария Д.* Старые гостиницы Тбилиси. Тбилиси: Артануджи, 2011. С. 88 (на груз. яз.).
- ¹⁸ Тифлисская листовка. 1915. 21 янв.
- ¹⁹ Там же. 1915. 13 авг.
- ²⁰ Там же. 1915. 1 дек.
- ²¹ Там же. 1914. 11 дек.
- ²² Там же. 1915. 9 янв.
- ²³ Там же. 1914. 31 окт.
- ²⁴ *Заков М., Сефи С., Хачапуридзе Г.* История классовой борьбы в Закавказье. Кн. 1. Тифлис: Закавказский коммунистический университет, 1930. С. 196–197.
- ²⁵ Известия Тифлисской городской думы. 1916. № 10, 11, 12.
- ²⁶ Тифлисская листовка. 1914. 3 дек.
- ²⁷ *Мшвелидзе А. С.* Очерки по истории музыкального образования в Грузии. М.: Сов. композитор, 1971. С. 153.
- ²⁸ Там же. С. 158.
- ²⁹ *Бендианишвили А. С.* Городское самоуправление и борьба за его демократизацию в Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1982. С. 7 (на груз. яз.).
- ³⁰ *Каранетян С.* Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван: Гитутюн, 2003.

³¹ До сих пор нет единого определения мотивации убийства; преобладает мнение о заинтересованности грузинских большевиков в устранении популярного политического противника.

³² [Амиреджиби Ш.] Шалва Амиреджиби (1886–1943). Книга вторая. Тбилиси: Диогене-Арси, 1998. С. 168–169 (на груз. яз.).

³³ Величко В. Л. Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Кавказ, 2010. С. 119–120, 121.

³⁴ Городские выборы 1916 г. // Известия Тифлисской городской думы. 1916. № 1–3 (Т. I). С. 12.

³⁵ Известия Тифлисской городской думы. 1916. № 4–6 (Т. II). С. 49.

³⁶ Там же. С. 51.

³⁷ Бендианишвили А. С. Указ. соч. С. 62.

³⁸ Тифлисский листок. 1916. 11 мая.

³⁹ Свободная Грузия. 1994. 29 янв.

⁴⁰ Кварацхелия М. Самоуправление города Тбилиси: Выборы, законодательная база, бюджет. 1917–1921. Тбилиси: Артануджи, 2014. С. 26–27 (на груз. яз.).

⁴¹ 1028 дней независимости: Ежедневная летопись первой Грузинской Республики (1918–1921) / под ред. Д. Швелидзе. Тбилиси: Изд. Тбилисского гос. ун-та, 2013. С. 107–115 (на груз. яз.).

⁴² Там же.

⁴³ Эртоба. 1919. № 13. 18 янв. (на груз. яз.).

⁴⁴ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Кн. 3. Гл. 27. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960.

⁴⁵ Эшмакис матрахи. 1917. 12 марта (на груз. яз.).

⁴⁶ Сололаки — район европейской части Тифлиса; место проживания в основном крупной армянской буржуазии.

⁴⁷ Сакартвело. 1917. № 59. 15 марта.

⁴⁸ Джонс С. Ф. Социализм в грузинских цветах: Европейский путь к социал-демократии, 1883–1917. Тбилиси: Изд. гос. ун-та Ильи Чавчавадзе, 2007. С. 330 (перевод с англ. на груз. яз.); оригинал — *Jones S.F. Socialism in Georgian Colours: The European Road to Social Democracy*. Harvard Univ. Press, 2005.

⁴⁹ Liddel S.R. Actions and Transactions in Russia. С. 51. Цит. по: Хоштария Д. Старые гостиницы Тбилиси. С. 122.

⁵⁰ Сагратян А. Т. История железных дорог Закавказья. Ереван: Айастан, 1970. С. 173.

⁵¹ Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис: Госиздат, 1931. С. 86.

⁵² Даушвили Р., Утиашвили Ш. Грузия — Запад: Очерки истории военных взаимоотношений. Тбилиси: Грифони, [б. г.]. С. 63 (на груз. яз.).

⁵³ Предложение с.-д. фракции Сейма признать факт распада Закавказья // Документы и матерьялы (sic! — В. В.) по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 318.

⁵⁴ Там же. С. 330.

⁵⁵ См., напр.: Цициев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. С. 48–61.

⁵⁶ Джонс С. Ф. Указ. соч. С. 353.

⁵⁷ Хоштария Д. Указ. соч. С. 123.

- ⁵⁸ Сакартвелос Республика. 1920. № 111 (на груз. яз.).
- ⁵⁹ Крыж — вексиллологический термин: верхняя четверть флага у древка.
- ⁶⁰ Отголосок этого конфликта продолжает звучать и сегодня — к 1 января 2017 г. грузино-армянская государственная граница, как и границы с РФ и Азербайджаном, не была делимитирована; однако работы ведутся.
- ⁶¹ Статья в Википедии «Армяно-грузинская война» (на груз. яз.).
- ⁶² Телеграмма председателю Армянской Республики // Документы и матерьялы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 481.
- ⁶³ Сакартвелос Республика. 1919. № 36 (на груз. яз.).
- ⁶⁴ Оккупация и фактическая аннексия Грузии: О политической и правовой оценке нарушения договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 г. / док. и мат-лы. Тбилиси: Сакартвело, 1990. С. 59.
- ⁶⁵ Сакартвело. 1920. № 9. 14 янв.
- ⁶⁶ Цит. по: Сакартвелос Республика. 1920. № 236 (на груз. яз.).
- ⁶⁷ Там же. № 239.
- ⁶⁸ *Бендианишвили А. С.* Указ. соч. С. 203.
- ⁶⁹ Там же. С. 225.
- ⁷⁰ Демократическая Республика Грузия. Тбилиси: Палитра L, 2015. С. 39 (на груз. яз.).
- ⁷¹ *Какабадзе С.* История грузинского народа. 1783–1921. Тбилиси: Некери, 2003. С. 258 (на груз. яз.).
- ⁷² [*Амиреджиби Ш.*] Указ. соч. С. 124.
- ⁷³ *Рашишвили Б., Швелидзе Д.* Первые постановления: (Система образования в Грузинской Демократической Республике) // Гаенати. 1991. № 1. 28 июня (на груз. яз.).
- ⁷⁴ Перед судом грузинского народа. Париж, 1966. С. 11 (на груз. яз.). Цит. по: *Беридзе В.* Культура и искусство в независимой Грузии (1918–1921 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1992. С. 11 (на груз. яз.).
- ⁷⁵ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тбилиси: Ниамори, 1990 (репринт издания 1919 г.). С. 395–396.
- ⁷⁶ Цит. по: 1028 дней независимости. С. 261 (обратный перевод с груз. яз.).
- ⁷⁷ *Бендианишвили А.* Первая Грузинская Республика (1918–1921). Тбилиси: Ин-т истории и этнологии АН Грузии, 2001. С. 201 (на груз. яз.).
- ⁷⁸ Театри да цховреба. 1918. № 9 (на груз. яз.).
- ⁷⁹ *Пагава А.* Грузинское сценическое искусство // Театри да мусика. 1919. № 1. С. 6–7 (на груз. яз.).
- ⁸⁰ Kirill Zdanevich and Cubo-futurism: Tiflis 1918–1920 / exhibition catalogue. New York: Rachel Adler Gallery, 1987. Цит. по: Кирилл Зданевич, Илья Зданевич: Каталог. Тбилиси: Национальный музей Грузии, 2009. С. 42 (на груз. яз.).
- ⁸¹ Стихотворение «Путеянство» в сб.: Софии Георгиевне Мельниковой: Фантастический кабачок. Тифлис. 1917, 1918, 1919. Репринт. Тбилиси: Изд. Гос. музея грузинской литературы, 2012. С. 135.
- ⁸² *Робакидзе Гр.* Фалестра // *Idem.* Зменная кожа: Фалестра. Тбилиси: Мерани, 1989. С. 337–340 (на груз. яз.).
- ⁸³ *Какабадзе Д.* Старый Тифлис // Швиди мнатоби. Тифлис, 1919. № 1. Ч. 2 (на груз. яз.).
- ⁸⁴ Софии Георгиевне Мельниковой: Фантастический кабачок. Тифлис. 1917, 1918, 1919.

⁸⁵ *Хатисян А.* Создание и развитие Республики Армения // Айреник (Отчизна). 1926. № 1. С. 99 (на арм. яз.). Цит. по: *Карпетян С.* Мэры Тифлиса. С. 99.

⁸⁶ Kirill Zdanevich and Cubo-futurism. С. 42.

⁸⁷ *Гришаивили И.* Городской словарь. Тбилиси: Самшобло, 1997 (на груз. яз.).

⁸⁸ Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1920–1931. Тбилиси: Изд. ЦК КП Грузии, 1976. С. 13.

⁸⁹ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. Кн. первая. М.: Политиздат, 1971. С. 447.

⁹⁰ Показательно выглядел опубликованный список жертв высших политических лиц: Н. Жордания — одна серебряная ложка, Е. Такайшвили — две серебряные солонки и одна серебряная ложка, С. Кедия — золотой медальон, Г. Квинтадзе — три серебряные марки и т. д.

⁹¹ République de Géorgie — Documents relatifs à la question de la Géorgie devant la Société des Nations. Paris, 1925. P. 67. Цит. по: Оккупация и фактическая аннексия Грузии: О политической и правовой оценке нарушения Договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 г. / док. и мат-лы. Тбилиси: Сакартвело, 1990. С. 14.

⁹² *Сталин И.* Положение на Кавказе: Беседа с сотрудником газеты «Правда» // Сталин И. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1947. С. 410–411.

⁹³ *Какабадзе С.* Указ. соч. С. 262.

⁹⁴ Университети. Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-та, 2008. С. 124–125 (на груз. яз.).

⁹⁵ Хронологический сб. законов Грузинской ССР, указов президиума Верховного Совета и постановлений Правительства Грузинской ССР. 1921–1940. Т. 1. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959. С. 4 (на груз. яз.).

⁹⁶ *Мгеладзе В.* Возвращение России в Грузию. Репринт парижского издания 1936 г. Тбилиси: Эртоба, 1991. С. 8–9 (на груз. яз.).

КОММЕНТАРИИ

Питер Гэтрелл

Война и город

Идея написать серию статей, посвященных различным городам, и таким образом проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и революцией, с одной стороны, и городской жизнью в России, с другой стороны, была поистине замечательной. Но я хотел бы для начала отметить, что историки других воюющих стран уже использовали этот метод, обращая внимание как на столицы (Париж, Берлин, Лондон), так и на провинциальные города. В книге Роджера Чикеринга, посвященной Фрайбургу, есть ряд интересных мыслей о том, как историки могут препарировать опыт людей, чей мир в одночасье оказался перевернут вверх дном из-за материальных лишений (а иногда и новых экономических возможностей) или прямого государственного насилия (мобилизации)¹. Исследования других крупных городов, например Вены, со всей ясностью показали, насколько суровым было воздействие войны на городскую жизнь². Труды Чикеринга и группы ученых во главе с Джем Уинтером оказались очень ценны и в методологическом плане, продемонстрировав, как локальное исследование может пролить свет на практики военного времени, поведение людей, их страдания, их стратегии выживания и их самоидентификацию. Чикеринг работает со смыслами, которые

© Питер Гэтрелл, 2017

Питер Гэтрелл — профессор Манчестерского университета.

сконструировали городские жители в контексте войны, — скорее с массовыми, чем с индивидуальными. Уинтер и его коллеги сделали упор на конструирование городской идентичности и изменение ее структуры. Другими словами, на то, как люди начали себя считать лондонцами, парижанами или берлинцами, как они сформировали привязанность к какому-то конкретному месту и сохранили чувство городской идентичности и единые культурные отсылки даже в ситуации, когда их город изменился до неузнаваемости³. Таким образом, главы этой книги должны быть вписаны в более широкий контекст общеевропейской историографии.

В то же время ничто не может в полной мере сравниться с тем сочетанием политических, социальных, демографических и экономических потрясений, что выпали на долю Российской империи. Впрочем, масштаб этих потрясений необходимо соотносить с довоенной эпохой. Стремительный рост городов привел к изменению городской среды, создав необходимость принимать мигрантов из сельской местности (многие из которых, конечно, были предоставлены сами себе) и обеспечивать жильем растущее число постоянных городских жителей. Миллионы крестьян регулярно посещали города. В 1900 г. каждый пятый из жителей Москвы и Петербурга «либо недавно прибыл, либо уедет до конца года... эти центральные города можно воспринимать как огромные вращающиеся двери, через которые проходила значительная часть населения обширных регионов России»⁴. Некоторые мигранты были изолированы от городской среды общинным образом жизни, например *землячествами*, которые объединяли мужчин, приехавших из одного уезда или из одной деревни. Но землячества играли и прямо противоположную роль: являясь связующим звеном с городской жизнью, они позволяли освоить новые культурные формы вместо того, чтобы отвергнуть их ради сохранения крестьянского образа жизни.

Создание дополнительной городской инфраструктуры требовало работы архитекторов, инженеров и городских планировщиков. Решением этих проблем занимались муниципальные власти и гражданские организации (например, благотворительные), но они располагали ограниченным бюджетом и сталкивались с политическими стеснениями, в том числе с ограничением свободы собраний⁵.

Кроме того, тревогу вызывали вопросы городской перенаселенности и проблемы здравоохранения, а также преступность и проституция. Либеральные врачи и публицисты считали, что городское

окружение растлевают добродетельных крестьянских переселенцев, разрывающих узы общины ради сомнительных преимуществ личной «свободы». Представлялось, что городская среда благоприятствует сексуальной распушенности⁶. Многие врачи выступали против административного регулирования проституции. В 1910 г. на Первом Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщинами была принята резолюция, гласившая, «что врачебно-полицейский надзор за проституцией не достигает цели в санитарном отношении, закрепощает женщин в проституции, увеличивает число проституток, действует деморализующим образом на молодежь обоих полов, на все население и на агентов надзора, унижает и оскорбляет человеческое достоинство женщин»⁷.

Война и в особенности приток беженок еще усложнили действовавшую систему регулирования⁸.

Тем не менее, как Ян Кузбер указывает в своей главе, посвященной Петербургу/Петрограду, урбанизация открыла новые возможности как для отдельных лиц, так и для общин, привлеченных инвестициями в культурное производство. Они активно участвовали в гражданской жизни или потребляли продукты культуры, существовавшие в том числе и благодаря исключительной полиэтничности русских городов, отличавшей их от большинства городов Европы. Важно признать, что ни в Петрограде, ни в других городах, как, например, в Варшаве, война не оборвала эту динамичную культурную жизнь (см. главу о Варшаве Гжегожа Бомбяка). То же самое относится и к религиозной жизни и к благотворительной деятельности, которая была тесно связана с разнообразными церковными группами⁹.

Когда война началась, города, находившиеся вплотную к линии фронта, неизбежно оказались под угрозой бомбардировок и оккупации, как это видно из глав про Гродно (Андрей Чернякевич) и Кишинев (Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк), проливающих свет на трудности и сложные решения, с которыми в результате столкнулись гражданские лица. В некоторых случаях из-за мировой войны, революции и гражданской войны города переходили из рук в руки более десяти раз; смена администраций (среди которых были и военные) и территориальных конфигураций делала каждодневное существование беспокойным и небезопасным. К этим проблемам следует добавить трудности эвакуации промышленности и государственной собственности, как это произошло в Риге (см. главу Карстена Брюггеманна)¹⁰.

Проблема беженцев была особенно серьезна — в первую очередь, естественно, для самих беженцев, но в то же время и для местных муниципальных властей и для обычных жителей. Энн О’Доннелл сообщает, что в Москве и общественные, и частные здания были экспроприированы, чтобы обеспечить временное жилье для беженцев. Это напоминает, что ни одна дискуссия о том, как жители большого города переживают войну, не может обойтись без рассмотрения важнейших городских точек соприкосновения — вокзалов, гостиниц, госпиталей и так далее. Олена Бетлий сообщает нам, что киевское муниципальное руководство поторопилось вывести беженцев из города и переместить их дальше на восток. Когда проблема беженцев докатилась до сравнительно отдаленных городов Сибири, оказавшиеся в сильном затруднении местные власти определили максимальную вместимость таких городов, как Томск и Барнаул, а затем, вместо того чтобы предоставлять жилье и еду в городах, стали убеждать беженцев поселиться в сельской местности, чего те делать не желали¹¹.

Глава, посвященная Новогрудку (Александр Быстрик), рисует очень живую картину начала войны в небольшом провинциальном городе, в котором уже какое-то время ходило множество самых разных слухов¹². В этой главе, как и в других, показаны самые различные проявления патриотизма — от погромов имущества немцев до благотворительных сборов в помощь «жертвам войны», в том числе и беженцам. Полезно вспомнить о масштабных изменениях в Гродно, Новогрудке и более обширном регионе, частью которого они являлись, повлекших за собой в том числе практически полное исчезновение этнически русского населения. Последствия германской оккупации здесь и в Риге, с характерным для нее сочетанием эксплуатации населения, вложения средств и поддержки местной культурно-образовательной деятельности, подтверждают выводы Вейяса Люлевичуса¹³. В Вильне/Вильнюсе германская оккупация тоже вызвала абсолютное неприятие практически всех слоев населения, которым она, как указывает Теодор Викс, виделась суровой и безучастной. В ответ на это местное население обратилось к конспиративным и нелегальным методам (тайные школы, черный рынок). Немецкая военная администрация упорно стремилась развивать немецкую *Kultur*, хотя и поддерживала местные инициативы в культурной сфере, что имело далеко идущие последствия, ощущавшиеся спустя много лет после окончания войны.

В оккупированном Харькове война также повлияла на демографию, приведя к трансформации как рабочих кварталов, так и мест обитания среднего класса. Читая главу Дмитрия Черного, мы видим динамичную политическую и культурную городскую среду, а также растущую в годы войны роль промышленных предприятий, связанных с нуждами не только оружейной, но и пищевой промышленности. Здесь процветало и гражданское общество: местное население попыталось решить новые проблемы, связанные в том числе и с прибытием десятков тысяч беженцев. Глава Игоря Нарского, посвященная Уралу, показывает, что привнесла война в жизнь обычных людей. Это были не только драматические переживания, связанные с фронтовыми новостями или рассказами солдат, приезжавших на побывку, и беженцев, но и изменения в повседневной жизни, которые бросались в глаза, — например, заполненные мусором улицы и каналы. Видимо, можно дальше развить тему восприятия войны гражданским населением¹⁴.

Важные вопросы встают в связи с темой общественного мнения и поведения. Наряду с поиском различных козлов отпущения (нападками на «немецкое иго», поиском «шпионов» среди евреев и других) существовало и стремление помочь людям. Другими словами, параллельно друг другу проявлялись агрессивное сведение счетов и человеческая забота — к примеру, финансовая и моральная поддержка, оказанная сиротам и беженцам в Киеве. Другая тема, заслуживающая изучения, — чувство гражданской гордости, отчасти затронутое в главе Игоря Шкляева, посвященной революционной Одессе.

Как уже указывалось, война дала волю таким движениям, каких прежде не было. Возникли новые виды общественных предприятий (такие, как потребительские и кредитные кооперативы), и вместе с тем появился страх возможной потери контроля над перемещением населения. Если миллионы сезонных мигрантов перебирались с места на место целенаправленно и исходили из собственных побуждений и устремлений, то беженцы стали жертвой военной необходимости и притеснений. У мигрантов, как правило, было ремесло, и они перемещались в поисках новых рабочих мест, а беженцы были вынуждены менять место жительства, невзирая ни на возраст, ни на профессию. Вместе с тем, в отличие от мигрантов, многие из которых существовали незаметно для постоянного населения, беженцы сразу были признаны социальной «проблемой», вынудив государство и общество приступить к формированию новой политики активного участия в их судьбе¹⁵.

Война открыла для людей новые политические возможности и дала необходимый толчок для их развития, но также породила и новые политические конфликты. Они могли вспыхнуть в результате оккупации, как это было в Новогрудке, Варшаве и Вильне/Вильнюсе — и тем более в таких городах, как Рига и Киев, переходивших из рук в руки множество раз, о чем повествуют в своих главах Карстен Брюггеманн и Олена Бетлий. Вместе с тем эти конфликты были последствием массового перемещения населения и самых разнообразных сбоев в экономике, выразившихся в нехватке еды и топлива, что особенно остро ощущалось в Петрограде в 1917 г. Длинные очереди создали новую возможность для распространения разнообразных слухов¹⁶. Рост цен на самые базовые товары вызвал протест городского населения, а в сочетании с высокой арендной платой привел к обвинениям в эксплуатации¹⁷. Политические проблемы были тесно связаны с материальными лишениями. Поэтому, к примеру, соперничество поляков и литовцев из-за Вильны/Вильнюса особенно обострилось после 1917 г., что затруднило решение конфликта.

Расширение хронологического полотна, что блестящим образом и сделано в главах этой книги, позволяет нам в полной мере оценить катастрофические последствия революции и Гражданской войны. В Москве воздействие революции на городской ландшафт проявилось в том, что дома и прочее имущество были захвачены и перераспределены множеством самых разных действующих лиц, как в своей главе показывает Энн О'Доннелл. Нигде эта трансформация не была более масштабной, чем на западных окраинах империи¹⁸. Многие города изменили свой статус после войны, когда вступили в силу новые территориально-политические соглашения — можно вспомнить изменившийся после войны статус Риги и оказанное этим обстоятельством воздействие на умы жителей. Похоже, что в Кишиневе и Тбилиси эффект был не менее сильным.

Не следует забывать и про последствия Гражданской войны в регионах, где жители, уже успевшие перенести много лишений, в 1920–1921 гг. пережили голод. Мне вспомнились слова одного саратовского ученого, который заметил, что за последние семь лет граждане Российской республики пережили столь многое, что сложно среди них найти такого, кто хотя бы на миг не почувствовал себя беженцем¹⁹. В другое время, в другом месте недавно скончавшийся американский журналист Майкл Херр как-то подвел итог своему опыту

военного корреспондента во Вьетнаме, заявив, что «страны не было, была война»²⁰. В контексте Первой мировой войны в России мы можем сказать то же самое: не было страны, не было города, но была война и революция.

Примечания

¹ *Chickering R.* The Great War and Urban Life in Germany: Freiburg, 1914–1918. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

² *Healy M.* Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

³ Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919 / J. Winter, J.-L. Robert (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997; Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919 / J. Winter, J.-L. Robert (eds.). Vol. 2: A cultural history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007; *Davis B.J.* Home Fires Burning: Food, Politics, and Everyday Life in World War I Berlin. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2000. См. также: Cities into Battlefields: Metropolitan Scenarios, Experiences and Commemorations of Total War / S. Goebel, D. Keene (eds.). London: Routledge, 2011.

⁴ *Brower D.* Urban revolution in the late Russian empire // The City in Late Imperial Russia / M. F. Hamm (ed). Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986. P. 327.

⁵ *Bradley J. C.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley: Univ. of California Press, 1985.

⁶ *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg 1900–1914. Berkeley: Univ. of California Press, 1993; *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992. P. 272–274.

⁷ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами и его причинами. СПб: Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1911. Т. 2. С. 617. Цит. по: *Bernstein L.* Yellow tickets and state-licensed brothels: the tsarist government and the regulation of urban prostitution. // S. G. Solomon, J. F. Hutchinson (eds.). Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990. P. 46.

⁸ *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. P. 120–124.

⁹ *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1995; *Sumpf A.* Film/Cinema (Russian Empire) // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz *at al.* (eds.). Freie Univ. Berlin. Berlin, 2014.10.08. DOI: <http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.10383>.

¹⁰ *Судоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 213–251.

¹¹ *Gatrell P.* Op. cit. P. 15–32. Ближится к выходу новая работа о крупном сибирском городе в годы войны и революции: *Dickins A.* Rethinking the power of Soviets: Krasnoïarsk, March-October 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography, forthcoming.

¹² Сила слухов, связанных с императорской семьей в годы войны, хорошо проиллюстрирована в книге: *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика: образы императорской

семь в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Ё. Кнежевич рассмотрела пример, связанный с Белградом: *Knežević J. Reclaiming their city: Belgraders and the combat against Habsburg propaganda through rumours, 1915–18* // S. Goebel, D. Keene (eds.). *Cities into Battlefields*. Farnham: Ashgate, 2011. P. 101–118.

¹³ *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.

¹⁴ Целая глава в книге Чикеринга (*Chickering R. The Great War and Urban Life*) посвящена «войне с чувствами».

¹⁵ *Gatrell P. A Whole Empire Walking*.

¹⁶ *Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History*. London: Pearson Longman, 2005.

¹⁷ Конечно, так было не только в России. Можно обратиться к исследованию одного из городов Османской империи, в котором нехватка продовольствия привела к разрушительным последствиям: *Tanielian M. Feeding the city: the Beirut municipality and the politics of food during World War I* // *Int. Journal Of Middle East Studies*. 2014. № 46/4. P. 737–758.

¹⁸ *Blobaum R. A city in flux: Warsaw's transient populations during World War I* // *Polish Review*. 2014. № 59/4. P. 21–43; *Cole T. Ghettos and the remaking of urban space: a comparative study of Budapest and Warsaw* // S. Goebel, D. Keene (eds.). *Cities into Battlefields*. P. 101–118.

¹⁹ Цит. по: *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–22*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. P. 187.

²⁰ *Herr M. Dispatches*. New York: Knopf, 1977.

Джошуа А. Санборн

Реквием по империи

Хотя мне было лестно получить предложение прокомментировать этот сборник статей о городах во время войны, я признаю, что вместе с тем испытывал некоторое волнение. Написав книгу о политическом и социальном развитии империи в целом, потом всегда опасаясь, что исследование отдельных случаев и локальных историй может открыть совершенно другую картину по сравнению с той, что уже опубликована и выпущена в свет. Я высказывал аргумент, что в 1914–1918 гг. происходила быстрая деколонизация Российской империи¹. Хотя выступления против имперской власти наблюдались уже в десятилетия, предшествовавшие Великой войне, они по большей части потерпели неудачу. Перспективы радикальных польских, финских, украинских и армянских националистов в начале 1914 г. выглядели весьма уныло, и мало что указывало на то, что в ближайшее время положение изменится, если не будет могучих потрясений имперской системы. Война и обеспечила это потрясение. В «Апокалипсисе империи» я предположил, что введение военного положения в западном пограничье империи привело к тому, что в первый же год на этой территории государство потерпело крах, а военнополитический кризис лета 1915 г. распространил эту зону краха глубоко в центр империи. Слабеющее государство оказалось неспособным гарантировать своим подданным физическую или экономическую безопасность, и следствием стал постепенно ускоряющийся коллапс

© Джошуа А. Санборн, 2017

Джошуа А. Санборн — профессор колледжа Лафайет.

общества. Лишь позже, в 1920-е гг., молодой советский режим сумел начать сравнительно успешное государственное строительство, остановив процесс политической дезинтеграции и смятения в обществе. Картина в целом — угроза для империи, крах государственных усилий, социальное бедствие и государственное строительство — была характерна после Второй мировой войны для зон деколонизации не только в Европе, но и в Азии и в Африке.

Я утверждал, что у этого процесса деколонизации было несколько главных движущих сил: насилие (как на территориях военных действий, так и в тылу), интенсификация этнополитики в колониальных пространствах, массовые «насильственные миграции», радикально изменившие облик как мест отправления, так и мест прибытия, и быстрый рост цен (приведший к нехватке товаров). Я нашел свидетельства этих изменений не только в центральных государственных архивах, но и в местных архивах Латвии и Украины и ожидал, что таким же образом все развивалось и в других областях империи. Но Российская империя была весьма многообразна, и местный опыт мог заметно отличаться от нарисованной мною траектории. История движется сразу во многих направлениях, с неожиданными толчками, в особенности если речь идет о многонациональных империях.

Поэтому я был слегка удивлен, обнаружив, с какой последовательностью, практически единообразно происходили эти масштабные политические и социальные трансформации военных лет во всех городах империи. Во-первых, очевидно, что жизнь людей капитально изменилась уже до начала 1917 г. Одесса, как мы узнаём от Игоря Шкляева, была «городом в экстремальных условиях», а в Гродно стремительно упала рождаемость на фоне роста смертности — всего один из многочисленных разрушительных феноменов, которые подчеркивает Андрей Чернякевич. В Тбилиси, по утверждению Ладосанидзе, «военно-политический катаклизм, обрушивший всю Российскую империю в этот короткий период, драматически отразился на жизни центра Закавказского края». Возможно, когда речь идет о пограничных городах, в этих сообщениях нет ничего удивительного, но и уральские города пережили «беспрецедентную разруху городского быта». Как отмечает Игорь Нарский, проблема «коллапса управления» в этих городах началась с первых дней войны, а в 1917 г. ситуация лишь ухудшалась. Этот процесс ослабления государства, проходивший в самом сердце, в конечном счете привел к уходу

от «модернизации»: тротуары, заваленные мусором, стали непроходимы, а в обществе воцарились отчуждение и взаимное недоверие. Или, как пишет Энн О’Доннелл о Москве, «в результате экономического кризиса военных лет взаимоотношения и практики, настолько рутинные, что в иной ситуации они были бы почти незаметными, оказались неожиданно в центре внимания и открытыми для пересмотра». Да и общество в целом — сеть связей и практик, обеспечивавших самую основу городской жизни, — внезапно стало незнакомым, изменившись почти что онтологически.

Картина не меняется от того, смотреть на нее в целом или в частностях. Многие из этих статей отмечают этнополитический сдвиг, произошедший в годы войны. Города западного пограничья уже давно были (как Киев, по словам Олены Бетлий) «городами проблемных идентичностей». Уровень национализма был различным, а этническая принадлежность на момент начала войны часто была неясной. Все эти города были полиэтничными. Что еще важно, в каждом из них существовал лишь очень узкий слой русских — чиновников империи, которым предстояло справляться (или не справляться) с грядущими могучими переменами. К примеру, в Киеве почти все политическое руководство было пришлым, в том числе начальник полиции, присланный напрямую из Москвы, а «русское население Вильнюса в подавляющем большинстве состояло из чиновников и солдат» (Теодор Викс). В Варшаве русское население даже не располагало собственными культурными и литературными учреждениями (Гжегож Бомбьяк).

Поэтому когда в 1914 г. империя внезапно решила сделать этническую принадлежность управленческим механизмом, это решение было принято в условиях обилия политического горючего материала и почти полного отсутствия каких-либо средств для замедления этнического пожара, который государство раздуло своей политикой. Даже в Кишиневе, находившемся далеко от фронта (по крайней мере, до вступления Румынии в войну) и почти уникальным образом незатронутым проблемой беженцев в 1914–1915 гг., со всем пылом проводились этнополитические кампании. Как сообщают Светлана Сувейкэ и Вирджил Пысларюк, немецкие колонисты вскоре после начала войны были высланы. В Петрограде, как пишет Ян Кузбер, немцы тоже стали главной мишенью этнического гнева с самого старта мобилизации.

В то же время другие этнические группы, в первую очередь армяне, получили поддержку и в своей деятельности, и в страданиях. В Тбилиси война открыла новые возможности для тех, кто надеялся создать в городе высшие учебные заведения. В Таллине и Риге, как пишет Карстен Брюггеманн, именно война дала надежду эстонским и латышским националистам — на первых порах они еще не мечтали получить независимость, но надеялись освободиться от балтийских немцев. Аналогичным образом Дмитрий Черный показывает, что политическая напряженность в Харькове в годы войны заметно выросла из-за этнических трений. Антинемецкие кампании и наплыв беженцев-евреев привели к нападкам на немцев и евреев, но все этнические группы, в том числе поляки и украинцы, были мишенью анонимных обвинений, старательно расследовавшихся местной полицией. В Новогрудке тоже имели место как «шпиономания», так и интенсивная кампания против «немецкого владычества». В общем, как пишет Д. Черный, «политическая активность и политические предпочтения горожан претерпели серьезные изменения в годы войны и революции».

Экономические сбои в годы войны тоже стали повсеместными. Перед лицом «беспрецедентного роста цен» в Кишиневе муниципальное руководство было вынуждено испробовать все методы, стремясь лучше распределить товары первой необходимости, прежде чем оно сдалось и ввело в сентябре 1916 г. карточную систему. В Тбилиси она была введена уже раньше, осенью 1915 г. В целом, как утверждает Э. О’Доннелл, то, что империя не сумела наладить эффективное регулирование экономической жизни, привело к еще большему перекалыванию ответственности на плечи местных чиновников, «которые могли возместить недостаток технических знаний пониманием местных условий». Так произошло бы в лучшем случае. По большей части муниципальные деятели разделяли экономические взгляды, выражавшиеся как чиновниками империи, так и местными потребителями, и считали, что суровые экономические проблемы, вызванные войной, — прежде всего инфляция, но и нехватка товаров, и падение их качества — являются результатом действий «спекулянтов» и изменников. Э. О’Доннелл цитирует красноречивую переписку Министерства внутренних дел с местной полицией и губернаторами в апреле 1915 г., в которой МВД призывает преследовать тех, кто «искусственно» завышает цены, и изгонять их из городов «независимо от занимаемого ими общественного положения».

Как мы видим из примера Новогрудка в сентябре 1914 г., это требование звучало далеко не впервые².

Борьба со спекулянтами была повсеместной. Попытки навязать регулируемые цены — тоже. Ни первый метод, ни второй никогда не достигали нужного эффекта. Тем не менее стратегия либо оставалась прежней, либо изменялась совсем незначительно. Недовольство потребителей нарастало, как показали рыночные бунты в городах на всей территории империи³. Конечно, общеизвестно, что экономическое бедствие, выпавшее на долю страны в 1916 и 1917 гг., стало важнейшим фактором повышения революционных настроений. Ян Кузбер уделяет особое внимание социально-экономическому ущербу, причиненному инфляцией и нехваткой товаров в столице, где «забастовки и беспорядки среди голодающего населения» стали отправной точкой для революционных событий. Впрочем, статьи в этой книге показывают затруднительное положение и тех регионов, которые в ходе войны покинули российскую сферу. В Вильнюсе Германия навязала новую валюту с невыгодным обменным курсом (подобно тому как русские войска сделали годом раньше в Галиции), увеличила масштабы реквизиций и ввела собственные регулируемые цены. Немецкая экономическая политика привела к «ужасающему дефициту продовольствия к концу 1916 и в 1917 г.» (Т. Викс). В Гродно немецкие оккупационные войска пытались ограничить еврейскую торговлю, но это «привело только к экономическому коллапсу. Возникла своеобразная „торговая война“ между городом и районом. Местные евреи даже выкопали туннель в обход военных кордонов вокруг Гродно, чтобы беспрепятственно доставлять продукты из сельской местности». Дальше к северу латыши и эстонцы, перенесшие крайние лишения, с началом немецкой оккупации испытали некоторое облегчение, но ненадолго. Спустя менее чем год нехватка пищи привела к голоду и волнениям. «В латышской памяти весь период ассоциировался с разграблением Латвии ради финансирования войны, которую вела Германия» (К. Брюггеманн).

Были и другие общие черты в опыте различных городов. Практически везде наблюдался подъем гражданской активности. Общественные организации особенно быстро складывались вблизи от фронта, где была наиболее очевидна неспособность государства справиться с требованиями тотальной войны. О. Бетлий отмечает, что к середине октября 1914 г. через Киев прошло несколько волн

раненых. Примерно 70 тыс. человек нуждались в крыше над головой, лечении и медицинском наблюдении — задачи, которые выпали на долю Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, а также Российского общества Красного Креста. Если принять во внимание этот опыт, нет ничего удивительного в том, что великий князь Николай Николаевич, перенаправленный на Южный фронт после бесславного поражения русских войск летом 1915 г., сразу же по прибытии отнесся очень благожелательно к идее грузинских общественных деятелей создать земства в Закавказье (Л. Вардосанидзе). Эта гражданская мобилизация имела не только политическое, но и экономическое измерение. Как отмечает Д. Черный, промышленная база Харькова оказалась в большой степени отдана под оружейное производство — двадцать предприятий производили боеприпасы и другие товары, необходимые для фронта.

В 1917–1918 гг. мобилизация общества ради военных нужд часто перерастала в националистическую мобилизацию. В большинстве случаев активисты националистических движений вели себя довольно тихо с 1914 по 1917 г. Как отмечает О. Бетлий, украинские политические партии были во время войны относительно слабыми: в некоторых из них было не более 10–15 чел. Те, кто начинал агитацию, попадали под удар властей. Лидеров украинского движения «вычищали» каждый год вплоть до февраля 1917 г. Революция выдвинула этих активистов на передний план не только на Украине, где в 1917 — начале 1918 г. набирало силу движение за автономию (а затем и независимость), но и в Эстонии и в Латвии, где и эстонцы и латыши высказывались за «федеративное решение» (К. Брюггеманн). Националистические группы выросли при немецкой оккупации: к примеру, еврейское общество Новогрудка в 1917 г. основало сионистский спортивный клуб (А. Быстрик). Польские деятели, вдохновленные обещанием Центральных держав в ноябре 1916 г. дать независимость Польше (а также, конечно, националистическими движениями, разгоревшимися под властью Временного правительства к востоку и югу), начали строить планы на послевоенное будущее. По словам Т. Викса, та спокойная уверенность, с которой поляки в своих речах захватили спорные земли, вызвала бешенство у литовцев и заложила основу для более ожесточенного столкновения в ближайшем будущем.

После захвата большевиками власти в Петрограде положение вновь изменилось. Руководители многих городов попытались

на всякий случай завязать отношения с внешними политическими группировками. Например, муниципальные власти Одессы «не приняли диктата как Украинской Народной Республики, так и советской власти из Петрограда. Они объявили, что подчинятся только решениям Всероссийского учредительного собрания» (И. Шкляев). В декабре кишиневские политики сообщили о создании Молдавской Демократической Республики, ориентирующейся не на Украину, а на Россию. Текст С. Сувейкэ и В. Пысларюка подтверждает, что в Кишиневе и в других частях империи Октябрьская революция сделала политику более радикальной как в социальном, так и в национальном плане. В Харькове образовалось не менее семи независимых центров власти, борющихся за контроль над политической жизнью города.

Все статьи утверждают, что вершина (вернее, плато) социальных бедствий пришлась на послереволюционный период, когда по землям умершей империи распространились война, голод и болезни. Этот процесс начался в западном пограничье летом 1917 г., когда дезертиры стали источником серьезных трудностей в таких городах, как Киев, Харьков и Кишинев. Впрочем, Кишиневу пришлось не так тяжело, поскольку главные пути бегства солдат с фронта пролегли через северную и южную Бессарабию, а не через центр. В Москве «лето 1917 г. сопровождалось колоссальным ростом уровня насилия и коррупции». Захват власти большевиками привел к еще более серьезным переменам, которые Э. О'Доннелл метко охарактеризовала как «одновременно историю расширения государственной власти и ее эрозию, когда государство функционально и физически теряет свои отличительные черты в окружающей среде». Эти расширение и эрозия происходили в контексте террора и лишений, и кажется справедливым заметить, что издержки этого процесса с лихвой перевешивали все скромные достижения, которые, возможно, были у революции. Этот социальный коллапс был еще более кричащим на востоке страны. Игорь Нарский показал ужасающе яркую картину того, что происходило в уральских городах, — дезорганизация, насилие и болезни. Сложно удивляться, что многие жители стали находить «апокалиптические объяснения происходящего».

В этих описаниях «городов в годы войны» удивительно то, насколько редко заходит речь о боях. Большинство городов, рассмотренных в этой книге, видели не только последствия тотальной войны, но и сражающихся людей, одетых в униформы. Война сама по себе

заслуживает большего внимания. Городские бои — сложный и важный феномен, даже в тех случаях, когда завоевание происходит сравнительно быстро. Их изучение, возможно, позволит сделать важные выводы, подобные тем, к которым пришли Джон Хорн и Алан Крамер в своей великолепной социальной, культурной и эмпирической истории уличных боев в Бельгии в 1914 г.⁴ Эта история будет еще более длинной, когда речь пойдет о таких городах, как Рига, которая находилась на линии фронта почти два года, пережила регулярные бомбардировки и, наконец, генеральное сражение в пригородах за контроль над городом и его окрестностями. Разумеется, годы революции и Гражданской войны принесли опыт уличных боев и во многие другие города. На протяжении всего этого периода на улицах Петрограда и Москвы регулярно происходили схватки. Киев, переживший целую череду завоеваний и оккупаций, возможно, тоже имеет достойную упоминания историю уличных боев.

Наконец, одна из сильных сторон этого сборника состоит в том, что он прослеживает несколько городов в развитии от пограничных форпостов Российской империи до столиц новых независимых государств. Хотя историки, мыслящие в категориях независимости, могут считать события 1918 г. полосой отдельных побед в Варшаве, Таллине, Риге, Кишиневе (и даже Киеве), нам, возможно, лучше видеть в этих политических изменениях последствия одного большого поражения: коллапса и деколонизации Российской империи. Этот контекст виден не только в том, в каких условиях провозглашались декларации независимости, но и в последствиях этих политических изменений, краткосрочных и долгосрочных. Приведем всего один пример: «независимость» имела смысл только при условии продолжающегося вмешательства великих держав и великодержавной политики. Наиболее ярким примером является немецкое вторжение на Украину в 1918 г., но этот фактор присутствовал и в других случаях. Как отмечает А. Чернякевич, даже после ноябрьского перемирия 1918 г., когда немецкие войска отступили на родину, они продолжали участвовать в местной политике, тайно поддерживая литовскую партию в Гродно. Это влияние было куда более заметно в Латвии, где немецкие кампании террора и политического вмешательства были вполне сравнимы с советскими, а в сторонниках советской власти тоже в большой степени видели представителей (бывшей) великой державы. Хотя в 1919 г. латыши, впечатленные творившимися

на территории Латвии жестокостями, сделали выбор в пользу национал-демократов, К. Брюггеманн предполагает, что новый курс был обусловлен и поддержкой других великих держав — Франции, Англии и Соединенных Штатов. Аналогичным образом и вопрос перехода Кишинева и Бессарабии от России к Румынии был в конечном счете вынесен на Парижскую мирную конференцию и получил одобрение великих держав.

Одним словом, статьи, собранные в этой книге, полезны по нескольким разным причинам. С одной стороны, они воссоздают ткань городской жизни в политически и социально разрушительные годы второго Смутного времени. Конечно, эта ткань разнообразна: Кишинев, Москва и Уфа сильно отличались друг от друга и в довоенное время, и в годы войны, и после нее. Но с другой стороны, эти исследования показывают, как много общего было в опыте разных городов. Если период 1914–1921 гг. можно уподобить симфонии, жизнь разных городов была «вариациями на тему». И хотя время от времени можно было расслышать какие-то ноты, внушавшие надежду, в целом симфония была реквиемом по Российской империи и по миллионам ее жителей, потерявшим жизни — или средства к жизни.

Примечания

¹ *Sanborn J. A. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

² См. также: *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция, 1914 — февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011.

³ *Engel B. A.* Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // *Journal of Modern History.* 1997. № 69. P. 696–721.

⁴ *Horne J., Kramer A.* German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven, London: Yale Univ. Press, 2001; *Kramer A.* Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

Леонид Бородкин

Реальная зарплата и снабжение населения городов России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал?

Вопрос об уровне жизни населения России в годы Первой мировой войны и его эволюции остается дискуссионным уже почти 100 лет. Советская историография давала весьма негативную оценку этой эволюции, подчеркивая высокую инфляцию, рост дороговизны, продовольственный кризис, нехватку товаров, катастрофическое ухудшение положения рабочих и крестьян. Масштаб этих негативных изменений оценивался по-разному в работах различных авторов, однако наиболее основательные *статистические* оценки были сделаны в последние годы. В данной статье делается попытка рассмотреть вопрос о динамике уровня жизни горожан в годы Первой мировой войны. Показана существенная роль продовольственного фактора в снижении уровня жизни широких слоев населения России, особенно на последнем этапе войны. В центре нашего внимания стоит вопрос о том, когда начался обвал в уровне жизни горожан: в 1915–1916 гг. или в 1917 г.? Для поиска ответа на этот вопрос

мы обращаемся к материалам, характеризующим ситуацию в целом по стране и в ряде крупных городов. Наша гипотеза заключается в том, что в течение первых двух — двух с половиной лет войны уровень жизни горожан постепенно снижался (что является неизбежным в военное время), а обвал начался на рубеже 1916–1917 гг., приняв катастрофический характер после февраля 1917 г.

Противоречивые оценки динамики уровня жизни горожан в годы войны

Отметим, что в работах современников — дореволюционных экономистов и общественных деятелей диапазон мнений о динамике уровня жизни различных слоев населения России в годы войны был достаточно широк. Так, известный экономист, проф. В. Н. Твердохлебов (в 1917 г. — главный редактор «Торгово-промышленной газеты») отмечал в своей статье, опубликованной 22 января 1917 г.¹, что в России «в эти годы величайшего разорения население потребляет и расходует больше, чем в мирное время, бюджеты большей части населения возросли», что «нормальный солдатский рацион оказался роскошью для взятого на войну крестьянина». С разных концов России, отмечает Твердохлебов, сообщалось о том, что «крестьянки раскупают ситцы и другие материи в невиданном до сих пор размере» (автор отмечает в этой связи и фактор прекращения экспорта хлеба в военное время). Городское население, по его мнению, в целом тоже увеличило свои доходы, т. к. сокращение числа рабочих рук повысило плату ремесленников и фабричных рабочих, а на заводах, работающих на оборону, «плата достигла неслыханного уровня». При этом Твердохлебов признает, что «цены жизненных продуктов, обуви, одежды поднялись вдвое, втрое и больше того, к тому же многие продукты совсем исчезли с рынка из-за расстройств транспорта». Обсуждая вопрос об увеличении бюджета населения, он приходит к мнению, что не заработная плата поднялась из-за роста цен, а «наоборот, рост цен вызван ростом доходов и спроса на товары»².

Гораздо менее оптимистичную оценку ситуации давал в 1918 г. С. Н. Прокопович³, обращавший большое внимание на проблему потребления городского населения России в годы войны. Можно согласиться с мнением Питера Гэтрелла о том, что «снабжение продуктами

питания было ахиллесовой пятой военной экономики России»⁴. Как отмечал Прокопович, рост цен на все товары в годы войны повысил благосостояние «тех классов населения, которые покрывают свои расходы продажей изделий и продуктов, в том числе и крестьян черноземной полосы»⁵. Война дала крестьянам этого района «огромное количество денег», питание крестьян в военные годы «несомненно улучшилось», но при этом ухудшилось снабжение покупными товарами, особенно на третьем году войны, «когда на рынке установилось абсолютное бестоварье». Что касается фабрично-заводских рабочих, то их благосостояние, как отмечает Прокопович, определялось тем, как быстро повышение зарплат следовало за ростом цен на предметы народного потребления⁶. Среди факторов, влиявших на изменения зарплат, Прокопович указывал понижение (после мобилизации миллионов мужчин) уровня квалификации и трудоспособности рабочих, замену ушедших на фронт мужчин женщинами и подростками. С другой стороны, введение сухого закона выразилось «в прекращении понедельничных прогулов», повышении интенсивности и качества работы, качества продукции, росту производительности труда (на 20–25%)⁷. Отмечая, что заработная плата за время войны повысилась, Прокопович указывал, что ее рост заметно отставал от роста дороговизны в условиях падения покупательной способности рубля. По его расчетам, в Московском фабричном округе зарплата рабочего-мужчины в 1915 г. была в среднем на 19% выше, чем в 1913 г., в то время как рост цен на продукты питания за это время составил в среднем 53,3%. Резюмируя эти расчеты, Прокопович пишет, что «при хороших заработках крестьян положение рабочего класса, за немногими исключениями, было крайне тяжело»⁸. Однако еще хуже, по его мнению, было положение семей мобилизованных рабочих, получавших пособия, которые носили «продовольственный характер», но при этом были совершенно недостаточны для жизни в городе.

Прокопович провел также анализ изменений в уровне жизни рабочих, их продовольственном обеспечении после Февральской революции 1917 г. Его наблюдения носят парадоксальный характер. Он отмечал, что после Февральской революции существенных изменений в положении крестьян не произошло, в то время как положение рабочих стало резко улучшаться, зарплата в большинстве отраслей летом 1917 г. подскочила примерно вдвое по сравнению

с дореволюционным временем — и это на фоне падения производительности промышленных предприятий, роста промышленной анархии, сокращения длительности рабочего дня до 8 часов, отмены сдельных работ. В последующие месяцы зарплата продолжала расти «бешеным темпом» — без всякой связи с производительностью труда и валовой прибылью предприятий⁹. Прокопович отметил в этой связи, что данный процесс коснулся и пайков, состав которых было предложено расширить и дополнить выдачей квартирных денег. Автор приводит свои расчеты, из которых следует, что если бы это предложение Особой комиссии при Министерстве внутренних дел, подготовленное при активном участии делегатов от Советов солдатских и рабочих делегатов, было реализовано, это поглотило бы все запасы продовольствия, не оставив практически ничего для остального населения и армии. Представляет интерес проведенное Прокоповичем сравнение динамики товарных цен и зарплаты рабочих в 1914–1917 гг. Взяв уровень цен на 1 июля 1914 г. за 100, а уровень зарплаты взрослых мужчин за 102, он получает следующие данные: индекс цен к 1 июля 1915 г. достигает уровня 131, а заработная плата — 119. В следующем году тенденция к ускоренному росту цен (в сравнении с зарплатой) меняется: к 1 июля 1916 г. индекс цен достигает значения 185, а заработная плата — уровня 215. В 1917 г. этот разрыв растет: 1 июля 1917 г. индекс цен, по Прокоповичу, достигает значения 248, а зарплата — 512, «делая после [Февральской] революции резкий скачок вверх»¹⁰. Как отмечает Прокопович, такой скачок заработной платы неизбежно должен был поднять товарные цены и уронить покупательную способность рубля. Таким образом, после февраля 1917 г. уже не зарплата поднималась вследствие роста цен, а рост цен был вызван быстрым подъемом зарплаты, обязанным «политической силе пролетариата»¹¹. В этом вопросе позиция Прокоповича совпадает с выводом, к которому в январе 1917 г. пришел проф. Твердохлебов¹². Прокопович отмечает при этом, что в силу действия указанного механизма исчисленный им индекс товарных цен на 1 июля 1917 г. «далеко отстает от действительности»¹³. Признавая неполноценность своего индекса цен, Прокопович не может не согласиться с тем очевидным фактом, что рост цен «затруднил финансирование войны» и — в результате — привел к растущей эмиссии бумажных денег, высокой инфляции. Таким образом, заключает Прокопович, «жажда пролетариата улучшить свое положение привела к дезорганизации

экономического аппарата войны»¹⁴, а весной и летом 1918 г. — «чрезвычайному развитию безработицы и катастрофическому падению уровня заработной платы»¹⁵.

Сокрушительный рост цен в течение 1917 г. отражает динамика бюджетного индекса (исчисленного в 1920-х гг.), значение которого в январе 1917 г. равно 294, а в декабре того же года — уже 1545 (за 100 принято значение этого индекса в 1913 г.)¹⁶. В 1923 г. Н. Я. Воробьев дал оценку динамики средней реальной зарплаты фабрично-заводских рабочих в 1913–1918 гг. С учетом роста дороговизны *реальная* зарплата (в рублях 1913 г.) была 258 руб. в 1913 г., 272 руб. в 1914 г., 281 руб. в 1915 г., 278 руб. в 1916 г., 220 руб. в 1917 г. и 27 руб. в 1918 г.¹⁷ Конечно, динамика средней реальной зарплаты в различных отраслях существенно различалась; отмеченный ее рост определялся повышенным спросом на продукцию отраслей, работавших на войну.

Очевидно, оценка уровня реальной зарплаты рабочих в годы войны зависит во многом от методики подсчета индекса цен, в чем можно убедиться, сравнивая результаты, полученные с помощью методик Прокоповича, Воробьева и Кохна.

Однако связывать катастрофическую динамику инфляции в стране во второй половине 1917 г. исключительно с фактором «политической воли пролетариата» — значит сильно упрощать реалии этого периода.

Как отмечал А. Л. Сидоров, первые полтора года войны Министерство земледелия легко справлялось с заготовками продовольствия для армии, в чем ему помогали местные власти — городские управы, которые пользовались правом регулировать цены¹⁸. В августе 1915 г. правительством было создано Особое совещание по продовольствию, устанавливавшее «твердые цены», с которыми должны были согласовываться и местные цены. В течение 1916 г. в Особом совещании велись дебаты о целесообразности увеличения твердых цен. Речь шла о достижении компромисса: с одной стороны, производители товарного хлеба были заинтересованы в повышении закупочных цен; с другой стороны, принималось во внимание, что рабочие относятся к ценам на хлеб «чрезвычайно остро» (выражение представителя военного ведомства)¹⁹. В итоге в сентябре 1916 г. твердые цены на хлеба были повышены в среднем на 14 %²⁰. Однако этого повышения оказалось недостаточно, т. к. в дальнейшем твердые цены

оказались заметно ниже рыночных. На повестку дня в конце 1916 г. был поставлен вопрос о разверстке хлеба, распределению обязательных поставок его по губерниям и уездам страны. При этом ситуация со снабжением складывалась по-разному в разных городах. Так, нормы потребления в Москве, сложившиеся к маю — июню 1916 г., дали «в общем сравнительно благоприятную картину продовольственного дела»²¹. Карточная система в Москве развивалась постепенно. Карточки для распределения сахара были введены в августе 1916 г. В марте 1917 г. карточная система была распространена на хлеб, а затем — на целый ряд продуктов²².

Наиболее надежные оценки социально-экономического положения страны в годы войны представлены недавно в публикациях А. Маркевича и М. Харрисона²³. Ими выявлено, что значение показателя «товары и невоенные услуги» снизилось (на душу населения, в рыночных ценах 1913 г.) с 1913 по 1916 г. на 8,2%, а продукция сельского хозяйства — соответственно на 20,7%. Эти оценки близки к тем, которые были получены раньше — как современниками, так и советскими учеными. Однако растущие потребности армии в продовольственном обеспечении, а также резко возросшие транспортные проблемы привели к затруднениям в продовольственном обеспечении городского населения страны и росту цен. Так, июльская 1916 г. цена мяса поднялась в среднем вдвое по сравнению с ценой июня 1914 г. Хотя мясной паек в армии на протяжении войны оставался вполне достаточным, меры, предпринимаемые для этого, постепенно привели к истощению скотоводства, что стало одной из причин продовольственного кризиса, который ударил уже по революционным властям после февраля, а еще сильнее после октября 1917 г.²⁴

Региональные аспекты

Отметим, что исследований продовольственной проблемы (и, соответственно, растущей дороговизны), характеризующих ситуацию в различных городах и губерниях России в 1914–1917 гг., до сих пор опубликовано немного. Интересные результаты опубликовал недавно Я. А. Голубинов, защитивший диссертацию на тему «Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны». По мнению автора, в тыловых регионах только губернские центры (причем далеко не все) ощутили дороговизну и нехватку

продуктов — «в связи с наплывом беженцев, увеличением гарнизонов, расстройством железнодорожного сообщения»²⁵, в то время как сельская местность подобных проблем практически не испытывала (автор отмечает в этой связи и существенную роль пособий семьям призванных в армию, которые нередко превышали месячный доход главы семейства). Несмотря на трудности военного времени, производство продовольственных товаров в Среднем Поволжье оставалось на достаточном для обеспечения населения уровне, угрозы голода не возникало²⁶. Многочисленные потребительские общества помогли свести на нет спекуляцию. С 1916 г. земства и органы городского самоуправления начали действовать согласованно, что позитивно сказалось на снабжении населения. Цены на продовольственные продукты повышались постепенно. Недовольство жителей Среднего Поволжья в 1914–1916 гг. проявилось лишь в глухом ропоте, жалобах, а также в единичных случаях погромов лавок, вызванных чаще всего ссорами покупателей и продавцов²⁷.

Как отмечает Я. А. Голубинов, до февраля 1917 г. власть достаточно эффективно справлялась с продовольственным вопросом в регионе. Крестьянство охотно продавало зерно правительственным закупочным агентам. Однако с марта по октябрь 1917 г. «новая власть своими руками разрушила прежнюю систему снабжения». Именно тогда, пишет Голубинов, отдельные группы населения встали на прямой путь грабежа продовольственных запасов, «самочинно устраивая обыски в торговых складах, магазинах, частных домах». С марта 1917 г. власть не смогла обеспечить нормальное снабжение городов продуктами питания и была вынуждена начать применять силу для отъема хлеба у села.

В итоге Голубинов опровергает тезис советской историографии о том, что именно продовольственный кризис сыграл ключевую роль в складывании в Среднем Поволжье «революционной ситуации» до февраля 1917 г. Его исследование показывает, что неспособность новой власти после Февральской революции 1917 г. справиться с продовольственными трудностями «явилась важной составляющей обострения социальных противоречий в государстве»²⁸.

* * *

Восполнить недостаток региональных данных об эволюции жизненного уровня горожан в 1914–1917 гг. позволяют материалы статей данного сборника. В ряде случаев они содержат региональные

сведения о растущих ценах, о периоде резкого ухудшения условий жизни, о попытках местных властей стабилизировать ситуацию с обеспечением горожан продовольствием. Обратимся к материалам, характеризующим эти процессы в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, Кишиневе, Тифлисе, Таллине.

Есть несколько важных аспектов, характеризующих ухудшение материальных условий жителей рассматриваемых городов в годы войны и отраженных в этих материалах. Это прежде всего отставание роста заработной платы от роста цен.

Как отмечает Э. О'Доннелл [*Энн О'Доннелл. Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920*], цены в **Москве** на жизненно важную продукцию росли неравномерно. По подсчетам Н. Астрова, московского градоначальника, к июню 1916 г. цены на рис выросли до 243% по отношению к уровню 1914 г., на уголь и дрова — до 224%, ржаную муку — до 195%, а на сахар — до 153%. Эти данные превышают большинство оценок роста номинальной зарплаты в Москве за первые два года войны. Регулирование цен в Москве начинается в апреле 1915 г. — сначала с продажи мяса, а затем и хлеба. В этом же году в Москве создаются комиссии по борьбе со спекуляцией и взяточничеством среди должностных лиц.

В **Петрограде**, как отмечает Я. Кузбер [*Ян Кузбер. Петроград в войну и революцию, 1914–1924*], уже вскоре после начала войны были введены предельно допустимые цены на основные продовольственные товары. Началась борьба со спекуляцией. В 1915 г. цены на продукты, дрова и топливо «значительно выросли», в аптеках цены в этом году поднялись на 20%. Начало 1916 г. было отмечено дальнейшим повышением цен. В первые недели 1916 г. впервые было прервано движение пассажирских поездов с целью обеспечения доставки продовольствия населению города.

Как и в ряде других городов, в **Таллине** очереди за сахаром и топливом стали повседневным явлением, как и забастовки на тех фабриках, которые не производили военную продукцию [*Карстен Брюггеманн. Города имперских и национальных утопий: Транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924*].

В **Киеве** городские власти предпринимали немало усилий, чтобы удерживать рост цен в течение войны [*Олена Бетлий. Киев — город проблемных идентичностей*]; особое внимание уделялось борьбе с хлебным и топливным голодом. Как и в других городах, обострился

дефицит поставок сахара. В ноябре 1916 г. с целью введения карточек на сахар была проведена т. н. сахарная перепись. Одной из основных проблем в снабжении города была дезорганизация железнодорожных поставок. Городской голова в 1915 г. предпринял меры преодоления кризиса, оказывая содействие кооперативам; помогая купцам привлекать товар в Киев; открывая продовольственные склады и предоставляя продукты с городских складов в первую очередь кооперативам, а потом уже частным торговцам и потребителям. Однако через год, к концу 1916 г., этих средств уже было мало. Встал вопрос о введении карточек на хлеб. Не менее серьезной оказалась и угроза топливного голода; цены выросли вдвое, но запасенных дров и угля катастрофически не хватало, хотя в целях уменьшения спекуляции власти устанавливали фиксированные цены на них.

Обращаясь к ситуации в **Харькове** [Дмитрий Черный. Харьков в годы Первой мировой войны и революции], отметим, что местная власть уже в 1915 г. приступила к регулированию обеспечения горожан продуктами питания. Летом — осенью 1916 г. в Харькове начали вводить карточки на сахар, соль, керосин, а в начале 1917 г. — на хлеб, муку (в связи с ухудшением в конце 1916 г. социально-экономической ситуации в городе). Д. Черный иллюстрирует эту ситуацию данными о росте цен в Харькове за первые два года войны. В течение этого периода цены выросли на мясо — в 1,16 раза, масло — 2,3 раза, хлеб — 1,7 раза, сало — 1,6 раза, картофель — в 2 раза. Д. Черный приводит также данные о росте зарплаты харьковских рабочих в 1914–1916 гг. К февралю 1917 г. средние зарплаты работников невысокой квалификации выросли почти в два раза. На промышленных предприятиях средний заработок вырос за два года в 1,3 раза, хотя у квалифицированных рабочих этот рост составлял: у токарей в 1,45–2,4 раза, слесарей, кузнецов, модельщиков — в среднем в 2 раза; а у чернорабочих — в 1,7–2 раза. В соответствии с этими данными, темпы роста цен и номинальной зарплаты рабочих в Харькове были вполне сравнимы.

Авторы статьи о военных годах в **Кишиневе** [Светлана Сувейкэ, Вирджил Пысларюк. Город Кишинев: от западной окраины Российской империи к восточной окраине Великой Румынии] отмечают «небывалый рост цен», а также введение распределения товаров первой необходимости (мыло, спички, сахар, керосин и т. д.). В сентябре 1916 г. в городе вводятся карточки на сахар, появляются очереди за этими карточками. Скачки цен заметно превышали рост зарплат.

В Тифлисе уже к осени 1915 г. запасы зерна истощились, была введена карточная система [*Владимер (Ладо) Вардосанидзе*. Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии «Двуликого Януса»]. Однако хлеба все равно не хватало, в хлебных очередях начались беспорядки. А в феврале 1916 г. в Тифлисе, вслед за Баку, возник «хлебный бунт». По свидетельству тифлисского полицмейстера, в течение 6 месяцев до февраля 1916 г. хлеб и картофель подорожали на треть, а мясо — на 78%. Выросли цены и на другие предметы первой необходимости. В конце 1915 г. начались перебои поставок мяса. В июне 1916 г. городские власти разработали Положение о вводимой единой карточной системе. Рацион горожан заметно сократился, появились многочасовые очереди, начались сбои в городском хозяйстве, вздорожали квартиры (на 25–50%).

* * *

Отметим, что описания ухудшающихся условий жизни горожан в первые годы войны, представленные современниками, нередко драматизированы. Рост цен первых двух — двух с половиной лет войны в ряде случаев характеризуется как «небывалый», «бешеный», базируясь на предшествующем опыте жизни в условиях довольно стабильных цен предвоенного периода. Однако рассматриваемые здесь региональные данные подтверждают гипотезу о том, что период гиперинфляции в российских городах начинается после февраля 1917 г. Обратимся к свидетельствам, содержащимся в упомянутых выше работах данного сборника.

Процессы, протекавшие в столице, имели особое значение. Условия жизни в Петрограде резко ухудшились чрезвычайно холодной зимой 1916–1917 гг. Как отмечает *Ян Кузбер*, в феврале 1917 г. начались забастовки и беспорядки среди голодающего населения Петрограда (автор использует даже термин «настоящие голодные бунты»), а 23 февраля, в Международный женский день, возмущение, накопившееся в очередях перед закрытыми магазинами, переросло в демонстрации женщин. При этом смена режима не сняла проблем снабжения столицы, скорее наоборот, усугубила их.

В Таллине, как пишет *Карстен Брюггеманн*, положение в какой-то мере нормализовалось в военные годы, но в 1917 г. ситуация со снабжением «стала катастрофической», именно в этом году произошел «радикальный скачок цен» на продукты питания, а осенью

даже картошка стала дефицитным товаром в Таллине. Сахар и манная крупа к этому времени давно исчезли, и единственным доступным товаром была «черно-коричневая лапша из неизвестных ингредиентов».

Аналогичную ситуацию по отношению к городам **Урала** описывает и И. Нарский [*Игорь Нарский*. «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22)]; однако кризисную фазу рассматриваемых процессов автор относит на несколько месяцев позже. Он пишет, что жители уральских городов стали ощущать недоедание как «пугающую тенденцию» накануне революции, а как «реальную повседневную проблему» — зимой 1917–1918 гг., когда обычными стали задержки товаров по продовольственным карточкам и многочасовые очереди (в том числе ночные «хвосты») за продуктами.

В Киеве продовольственный кризис, сопровождавшийся перебоями с поставкой продуктов первой необходимости, стал реальностью летом 1917 г. и привел к «социальным бунтам» [*О. Бетлий*].

В Харькове рост цен ускорился с апреля 1916 г., достигнув «бешеного» темпа в декабре 1916 г. — феврале 1917 г.: мясо подскочило в цене за этот период в 3 раза; масло в 1,5 раза, хлеб в 1,5 раза, сало в 2,7 раза, картофель в 2,5 раза [*Д. Черный*]. Этот процесс сопровождался борьбой рабочих за повышение зарплаты, и летом 1917 г. диапазон зарплаты паровозостроителей был определен в 5–12 руб. в день, а у сталеваров — 13,5 руб. (т. е. средняя номинальная зарплата выросла в 2–4 раза в сравнении с 1913 г.). Процесс роста цен и зарплат продолжался и в последующие месяцы. В январе 1918 г. зарплата чернорабочего в Харькове составляла 6–7 руб. в день, а кузнеца, слесаря — 8–10 руб. (летом 1918 г. она поднялась до 9–15 руб.).

Стачечное движение в годы войны было немаловажным фактором жизни горожан Харькова. Только в 1916 г. на крупных заводах города произошло 14 забастовок. Так, разрушительное воздействие на состояние грузоперевозок в 1916 г. оказала массовая июньская забастовка Харьковского железнодорожного узла, в которой приняли участие около 2 тыс. рабочих. По предположению *Д. Черного*, продовольственные трудности в Харькове возникали не только из-за перегруженности железных дорог, вызванной военными потребностями, но и из-за забастовок, которые вели к дезорганизации работы транспорта.

В Кишиневе нестабильность политической обстановки удерживала высокий уровень цен в течение 1917 г. Однако, как пишут *С. Сувейкэ* и *В. Пысларюк*, стороннему наблюдателю могло показаться, что Кишинев военного времени «не особо отличался от мирного города», а жители «не особо страдали из-за нехватки продовольствия». Проблемой были высокие цены, особенно на сахар.

В Тифлисе весной 1917 г. продовольственный кризис еще более обострился, индикатором этого обострения является, например, погром рынка, который произошел в марте [*В. Вардосанидзе*]. Резко ухудшалось положение рабочих и служащих, инфляция набирала обороты: в течение года с января 1917 г. цены выросли в 4 раза, в то время как зарплаты увеличились в среднем на 282%. Были введены карточки на хлеб и муку.

Подводя итог наблюдениям авторов работ, затрагивающих проблемы повседневной жизни горожан в годы войны, их экономического положения, трудностей обеспечения товарами первой необходимости, можно заключить, что именно после февраля 1917 г. эти процессы приобретают обвальный характер.

Сравнение оценок уровня жизни в годы войны: Россия и другие воюющие страны

В последние годы заметный резонанс получила новая монография известного петербургского историка Б. Н. Миронова, в которой он касается и вопросов динамики уровня жизни населения России в годы Первой мировой войны²⁹. Как отмечает автор, сбор зерновых в России в годы войны вполне удовлетворял спрос населения. Возросшее потребление армии в основном компенсировалось уменьшением продовольственных потребностей в тылу (ввиду проводившихся мобилизаций). Более существенным фактором было, однако, запрещение экспорта, поглощавшего в мирное время, как правило, свыше 20% чистого сбора хлебов³⁰. Характеризуя материальное положение российского населения во время войны, Миронов отмечает, что оно было лучше немецкого. В Германии карточная система на хлеб была введена в январе 1915 г., и к концу 1916 г. она распространилась на все важнейшие продукты питания. Норма хлеба постепенно снижалась и в 1917 г. достигла всего 170 г в день, масла и жиров — до 60–90 г в неделю; молоко получали только дети и больные³¹. Введенная

с началом войны государственная хлебная монополия в 1916 г. приняла форму принудительной продовольственной разверстки. В России же твердые цены на хлеб, обязательные при государственной закупке для армии, были установлены в августе 1915 г. — почти на год позже, чем в Германии, а в октябре 1916 г. правительство распространило их на все торговые сделки. Осенью 1916 г. в 31 губернии Европейской России (из общего числа 50) было введено подобие продразверстки. Летом 1916 г., на полтора года позже, чем в Германии, в городах 34 губерний возникла карточная система, нормировавшая хлеб и сахар (при этом нормы были существенно более высокими, чем в Германии)³².

Интересно, что рост цен в России в годы войны был вполне сравним с ростом цен в других воюющих странах. Так, в 1917 г. индекс оптовых цен в Германии был 179, в Великобритании — 206, во Франции — 262, в Италии — 306 (за 100 принималось значение индекса в 1913 г.)³³; в России в 1916 г. — 199,³³⁴. Если же обратиться к индексам розничных цен, то в 1917 г. во Франции этот индекс достиг значения 174,4, а индекс зарплаты рабочих — 125; в Италии соответствующие индексы достигли в 1917 г. значений 184 и 138, т. е. зарплата заметно отставала от роста дороговизны³⁵. В России индекс розничных цен достиг к началу 1917 г. величины 294³⁶, а индекс зарплаты рабочих — 222³⁷. При этом положение населения Германии было особенно тяжелым: во второй половине 1916 — первой половине 1917 г. потребление продуктов питания в процентах к предвоенному времени составило 31,2% по мясу, 51% по рыбе, 18,3% по яйцам, 22% по маслу, 48,5% по сахару, 70,8% по картофелю, 2,5% по сыру³⁸. В целом положение населения России к 1917 г. было лучше при сопоставлении показателей динамики индексов цен и зарплаты, а также потребления продуктов питания.

Как и большинство исследователей социально-экономических аспектов Первой мировой войны, Миронов считает, что реальная зарплата российских рабочих начала снижаться летом 1917 г. По его мнению, продовольственный кризис, проявившийся в России в конце 1916 — начале 1917 г., был обусловлен не столько объективными, сколько субъективными факторами: массовые выступления в 1917 г., охватившие преимущественно столицы и промышленные центры, были спровоцированы оппозицией, которая воспользовалась моментом, чтобы вывести народ на улицы и свергнуть монархию³⁹.

В любом случае назревавший в конце 1916 г. продовольственный кризис становился важным фактором приближавшейся Февральской революции 1917 г. Однако, как уже отмечалось, катастрофический характер проблема снабжения населения столицы приняла уже после Февраля⁴⁰.

* * *

В связи со столетием со дня начала Первой мировой войны в России в последние годы было опубликовано немало работ, авторы которых анализируют различные аспекты войны, в том числе и относящиеся к тематике данной статьи⁴¹. При этом оценки процессов, происходивших в годы войны в российском тылу, в целом заметно отличаются от тех, которые были присущи советской историографии, хотя встречаются и публикации, выводы которых вполне согласуются с прежними оценками. Так, автор одной из них констатирует, что царское правительство в 1915–1916 гг. оказалось бессильным разрешить продовольственную проблему, продуктивность сельского хозяйства резко снизилась⁴². По мнению автора, «уже через год — полтора после начала войны не только городское население, но и армия были посажены на голодный паек. В 1916 г. продовольственный кризис достиг огромной остроты»⁴³. Этот вывод иллюстрируется явно завышенными цифрами: как считает автор, при увеличении за 1915–1916 гг. номинальной заработной платы рабочих Московского промышленного округа в 1,9 раза «цены на предметы первой необходимости поднялись в 5–6 и более раз»⁴⁴.

Целостную картину новейшей российской историографии, посвященной экономике России в Первой мировой войне, представил в своей обзорной публикации Ю. А. Петров⁴⁵. Он охарактеризовал новый взгляд на ситуацию в экономике России, ее социальную структуру и общественные настроения в годы войны, отметил, что российские исследования о войне все в большей степени входят в русло подходов зарубежной историографии, уделяя больше внимания изменениям поведенческих стереотипов населения, повседневной жизни. Сравнивая экономическое положение стран — участниц войны, Ю. А. Петров отмечает, что показатели России на этом фоне не выглядят безнадежными⁴⁶. Так, сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18%, тогда как в Германии — свыше 20%, а в Австро-Венгрии — более

30 %. Военные противники России, таким образом, испытали экономический спад не меньший, а даже больший, чем Россия. Как показывает обзор новейшей историографии, аналогичными были и причины спада, связанные с милитаризацией экономики и свертыванием рыночных механизмов снабжения населения; общей для всех воюющих стран являлась и проблема обеспечения населения продовольствием. Мобилизация в армию во всех странах негативно повлияла на экономическое положение сельского хозяйства⁴⁷.

Интерес представляет современная историографическая оценка мер, принятых российским правительством по снабжению населения продовольствием. Несмотря на недостаточную эффективность этих мер, российские власти не решились применить систему жесткого нормирования потребления продовольствия из-за опасений социального взрыва. Правительство Германии, напротив, ввело нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьезное недовольство населения и, безусловно, привело к временному росту социальной напряженности, однако для Российской империи, как отмечает Ю. А. Петров, отказ от такой политики обернулся катастрофой. Продовольственный кризис зимы 1916/17 г. дал импульс для массовых протестных движений, которые завершились Февральской революцией⁴⁸. Оценки этих процессов в российской историографии даются в последние годы с привлечением работ зарубежных историков-русистов⁴⁹.

* * *

Подводя итог рассмотрению вопроса о динамике благосостояния широких слоев населения России, особенно промышленных рабочих, в годы Первой мировой войны, отметим, что этот вопрос был одним из основных, определявших ход событий после двух лет участия в ней России, в 1916–1917 гг. Этот вопрос имел несколько составляющих, требующих рассмотрения в комплексе, включая заработную плату рабочих и прибавки к ней, которые производились предпринимателями; социальные льготы, вводившиеся на предприятиях для рабочих и членов их семей; поддержку семьям мобилизованных в армию, которую оказывало государство путем обеспечения этих семей казенным продовольственным пайком, а также общественную помощь семьям призванных в действующую армию. Последняя компонента охватывала деятельность городских и земских

учреждений, выделявших средства на поддержку семей солдат, мобилизованных на фронт; благотворительных комитетов, приходских церковных попечительств, оказывавших помощь этим семьям в разных формах. Вся эта деятельность позволяла поддерживать приемлемый (в условиях войны) уровень жизни основных слоев населения в течение первых двух военных лет, однако с конца 1916 г. и особенно после Февральской революции 1917 г. проблема обеспечения населения продовольствием обострилась, что привело к резкому падению уровня жизни в стране, росту недовольства, создало почву для развития протестных движений и хаотизации социально-политической обстановки.

Как показывает анализ историографии, единого мнения о темпах снижения уровня жизни основных слоев населения страны в годы войны до сих пор не сложилось, существуют противоречивые оценки динамики индексов инфляции, зарплаты и доходов рабочих и крестьян, глубины продовольственного кризиса. В определенной мере это связано с региональными особенностями большой страны, спецификой процессов, протекавших в больших и малых городах, в сельской местности. Однако работы историков, опубликованные в последние два десятилетия, постепенно уменьшают степень различия в оценках рассмотренных нами процессов, создают компаративный контекст, проводя сравнение социально-экономических процессов, проходивших в годы Первой мировой войны России и в других странах — участницах войны.

Примечания

¹ *Твердохлебов В.Н.* Бумажные деньги и товарные цены // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 4. С. 143.

² Там же. С. 144.

³ С. Н. Прокопович — известный российский экономист, политический деятель. Министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства (1917).

⁴ *Gatrell P.* Tsarist Russia at War: The View from Above, 1914 — February 1917 // The Journal of Modern History. Vol. 87. № 3 (25.09.2015). P. 694.

⁵ *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 245.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 253.

⁹ *Прокопович С.Н.* Указ. соч. С. 258–259.

- ¹⁰ Там же. С. 261.
- ¹¹ Там же. С. 262–263.
- ¹² Об этом говорится на второй странице данной статьи.
- ¹³ *Прокопович С.Н.* Указ. соч. С. 263.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁶ Русский рубль: Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 184.
- ¹⁷ *Воробьев Н.Я.* Заработная плата, как элемент промышленного производства в условиях довоенного и военно-революционного времени // Вопросы заработной платы: сб. статей. М., 1923. С. 44.
- ¹⁸ *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 479.
- ¹⁹ Там же. С. 483.
- ²⁰ Там же. С. 485.
- ²¹ Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. VIII.
- ²² Там же.
- ²³ *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 22–25.
- ²⁴ *Оськин М.В.* Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. №3. С. 150.
- ²⁵ *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского гос. ун-та (Гуманитарная серия). Самара, 2007. №5/3 (55). С. 194–195.
- ²⁶ Там же. С. 195.
- ²⁷ *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 19.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М., 2010.
- ³⁰ Там же. С. 638.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 639.
- ³³ Мировая война в цифрах / Коммунистическая акад. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. М.; Л., 1934. С. 72.
- ³⁴ *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 90.
- ³⁵ Мировая война в цифрах. С. 81, 82.
- ³⁶ Русский рубль. С. 184.
- ³⁷ *Воробьев Н.Я.* Указ. соч. С. 44.
- ³⁸ Там же. С. 85.
- ³⁹ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 639.
- ⁴⁰ Об этом пишет в своей недавно опубликованной книге и В.А. Никонов: Крушение России. М., 2011. С. 419–420.
- ⁴¹ См., напр.: Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. Ин-т российской истории РАН. М.: ИРИ РАН, 2014; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое

положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014; *Шевырин В. М.* Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): обзор // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: сб. обзоров и рефератов. М., 2013; *Макаров Н. В.* Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Российская история. 2014. № 5.

⁴² *Альбитер Л. М.* Анализ промышленности России в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. // Вестник СамГУ. 2013. № 4 (105) С. 106.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Петров Ю. А.* Экономика России в годы Первой мировой войны: современная историография // Экономическая история. № 1. 2015. С. 12–20.

⁴⁶ Там же. С. 15.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 17.

⁴⁹ См., напр.: *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; London, 2002; The Cambridge history of Russia / D. Lieven (ed.). Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917; *Wade R.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

Борис Колоницкий

Города империи и горожане в эпоху войн и революций: перспективы сравнительных исследований

Этот сборник статей посвящен необычайно важной теме. Судьбы войн, происходивших в рассматриваемый период, решались на фронтах, но именно города Российской империи становились важнейшими центрами мобилизации ресурсов и выработки идеологических проектов. Судьбы же революции решались прежде всего в городах, при этом некоторые события, происходившие в провинции, имели значение для всей империи.

Между тем видение революции историками на протяжении многих лет было петроградцентричным/москвоцентричным (а также лениноцентричным и большевикоцентричным). В этом отношении тексты Р. Пайпса, например, мало чем отличались от трудов советских историков: и в них основное внимание уделялось столицам империи, победившей партии, ее вождю.

В последние десятилетия общая схема, присущая таким нарративам, ставилась под вопрос вследствие тщательного изучения

© Борис Колоницкий, 2017

Борис Колоницкий — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

революции «на местах». Благодаря усилиям историков разных стран, пытавшихся выявить локальные особенности революции и Гражданской войны, мы гораздо больше знаем о том, как эпоха войн и революций проявилась в Баку, Саратове, Донской области, Одессе, Вятке, Казани, Нижнем Новгороде, Архангельске, Туркестане и в других местах¹. Мы видим, что в одно и то же время на территории огромной империи развивались разнообразные революции, происходили несхожие друг с другом гражданские войны, переплетавшиеся со всевозможными этническими и межобщинными конфликтами. Они отличались различной динамикой, не повторяющейся комбинацией противоборствующих сил.

Стремление рассмотреть разнородность экономических и социальных, культурных и политических процессов в эпоху войн и революций проявилось и в реализации международного исследовательского проекта *Russia's Great War and Revolution*. Один из уже вышедших томов имел рабочее название «Калейдоскоп революции»². Это подчеркивало разнообразие протекания конфликтов на местах, что и демонстрировали статьи, опубликованные в этой книге. Другой том проекта, посвященный изучению империи, также демонстрирует особенности переживания войны и революции на различных территориях³.

Вместе с тем эти книги демонстрируют и некоторые проблемы, с которыми сталкивается развитие историографии на данном этапе. Авторы статей тщательно изучают схожие объекты исследования, однако они ставят при этом разные исследовательские вопросы. Вследствие этого текстам, включенным в эти сборники, присуща разная логика повествования, в них содержится разнородная информация, порой несопоставимая, а это крайне затрудняет сравнение разных территорий. Иногда это связано со спецификой объекта исследования, иногда — с особенностями привлекаемых источников. Такая черта присуща и некоторым другим аналогичным проектам; например, и тексты, включенные в очень важную и полезную книгу, посвященную сравнительному сопоставлению империй в годы Первой мировой войны, представляют собою скорее написанные в разном стиле статьи, чем главы одной книги⁴.

Читатель увидит, что отчасти подобное наблюдение можно распространить и на настоящий сборник. Все авторы изучают города Российской империи, но изучают их по-разному, ставят различные задачи исследования. Это затрудняет сравнительное изучение

городов, что, в свою очередь, делает сложным выявление специфики того или иного города. Правда, Дж. Санборн и П. Гэтрелл в своих обобщающих статьях справедливо указывают на совпадения, общие черты переживания революции. Дж. Санборн, например, нашел в текстах книги новые факты, подтверждающие его наблюдения относительно зон дробления империи, сделанные им ранее в его исследовании, посвященном кризису империи⁵. И. Нарский в своей статье выделяет группы городов империи в зависимости от того, как часто в них менялась власть в годы революции и Гражданской войны. И все же я бы сказал, что данная книга скорее инициирует сравнительное изучение городов Российской империи в эпоху войн и революций, чем подводит итог этим исследованиям. И главная удача этой книги заключается в том, что она заставляет нас думать о формулировке актуальных новых исследовательских вопросов и о выборе адекватных методов исследования истории городов империи.

Наиболее плодотворным было бы создание международных команд исследователей. Образцом может послужить знаменитый проект, который завершился публикацией известного сборника статей под редакцией Джея Уинтера и Жана-Луи Робера⁶. Напомню читателю, что все авторы этого сборника пытались осветить какое-то важное явление эпохи Первой мировой войны на примере Лондона, Берлина и Парижа. Соответственно, каждый автор работал с британскими, немецкими и французскими источниками, пытался при этом учесть достижения национальных историографий. Решение этих задач представляло очевидную методологическую сложность: особенности государственного и административного устройства трех стран оказали большое влияние на характер формирования государственных и городских архивов, на их содержание и организацию, трудно было выявить схожие по своему происхождению источники. И тем не менее этот проект, реализованный усилиями специалистов очень высокого класса, можно считать успешным, во многих отношениях даже образцовым. Вряд ли подобный проект может быть реализован на постсоветском пространстве: помимо всего прочего он потребовал бы и больших финансовых затрат, и создания команды исследователей, владеющих одновременно несколькими языками народов Российской империи. И все же этот пример может быть полезен при дальнейшем сравнительном изучении городов (можно было бы в некоторых случаях даже не ограничиваться лишь Российской

империей, а избрать для сравнительного изучения сопоставимые города других стран). Ниже я попытаюсь, основываясь на текстах этого сборника, сформулировать несколько проблем, которые могли бы стать основой для исследовательских проектов.

Мы до сих пор мало знаем о «военном энтузиазме» 1914 г. в Российской империи. Среди первых попыток изучить этот феномен можно назвать статью О.С. Поршневой⁷. Однако она пытается описать всероссийскую ситуацию. Между тем, как показывает опыт исследования истории западноевропейских стран, лишь изучение на материале отдельных городов с привлечением материалов местных архивов дают более точное представление о действительном отношении населения к войне. Можно пойти по пути монографического изучения отдельных городов, однако было бы перспективнее инициировать проект, который бы рассматривал «дух 1914 года» на примере нескольких сопоставимых городов. Например, можно было бы сопоставить несколько полиэтничных губернских центров, прежде всего городов прифронтовых губерний, такое исследование было бы полезно для лучшего понимания Российской империи. Т. Викс, например, в своей статье утверждает, что в Вильнюсе (Вильно) «военный энтузиазм» вовсе отсутствовал, а В.(Л.) Вардосанидзе считает, что «...Тифлис охватила истерия проявления патриотических чувств, верно-подданнической лояльности и славянской солидарности». Полагаю, что этот вопрос требует дальнейшего изучения: по моим наблюдениям, различные этнические и конфессиональные группы использовали начало войны для лоббирования своих разнообразных проектов, а это требовало какой-то демонстрации патриотического воодушевления, хотя, разумеется, часто оно не было искренним (об этом, собственно, упоминает и Т. Викс). Нередко между конкурирующими группами даже возникало соревнование в демонстрации лояльности. Интересно было бы посмотреть аналитику полицейских экспертов, военных цензоров. Во всяком случае, ситуацию в Вильнюсе и Тифлисе полезно было бы сравнить с положением в других городах, используя при этом сопоставимые источники.

Если говорить о разнообразных кампаниях политической мобилизации, то особое значение имели визиты «первых лиц» государства в различные города. Так, посещение Николаем Вторым областей империи в годы Первой мировой войны заслуживает специального освещения (этот сюжет затронут в статье В.(Л.) Вардосанидзе,

посвященной Тифлису). При организации этих визитов учитывались особенности местности. Так, например, при посещении Вильны большое внимание уделялось католическим подданным русского царя, а в некоторых случаях в торжественных встречах императора участвовали даже представители еврейского населения, при этом в местной прессе и в центральных изданиях визиты императора могли освещаться по-разному⁸. Во время революции и Гражданской войны немалое значение для мобилизации ресурсов имели визиты Керенского, Троцкого, глав разнообразных правительств.

Многие авторы этого сборника упоминали темы «старых» и «новых» горожан в городах. Депортации, эвакуации и разные виды беженства меняли облик прифронтовых городов. В то же время в эти города прибывали армейский штабы и тыловые части, госпитали и многочисленные организации и учреждения, обеспечивавшие нужды огромного фронта. Направление на фронт регулярных полков, традиционно составлявших основу гарнизонов, сжившихся за долгие годы с местным населением, меняло облик тыловых городов. На смену им пришли запасные батальоны и полки, совершенно иные по своему составу и качеству войсковые части, которым часто суждено было сыграть решающую роль в событиях революции. Порой городское население тыловых городов существенно возрастало за счет этих военнослужащих, которые проходили подготовку перед отправкой на фронт.

Часть «старого» населения городов вынуждена была их покинуть по своей воле или по распоряжениям военных и гражданских властей, их эвакуировали, депортировали, принуждали к отъезду. Начиная с 1914 г. из западных городов империи выезжали русские чиновники и православные священники, рабочие промышленных предприятий, мужчины призывного возраста, иностранные граждане и подданные русского царя, этнические немцы и евреи. После 1917 г. из плохо снабжавшихся городов Центральной России жители уезжали на юг, бывшие крестьяне, ставшие ранее горожанами, возвращались в свои деревни. Судьба беженцев, поселявшихся в тыловых городах, была различной. Порой новая ситуация позволяла реализовать давние жизненные планы, так, война привела к фактической отмене запрета для евреев селиться за пределами «черты оседлости», многие воспользовались этой возможностью. Но чаще положение беженцев и депортируемых было трагическим. Прибытие «новых»

горожан, оказывавшихся нередко в ужасных условиях, способствовало росту преступности, распространению проституции, разрастанию коррупции. В то же время война давала шанс многим горожанам: работа на оборонных предприятиях позволила многим рабочим получать более высокую заработную плату (по крайней мере номинальную), а военные заказы обогащали часть предпринимателей. Спекуляция и контрабанда были для многих предпринимателей, старых и новых, способом быстро «делать деньги». Все эти сюжеты затрагиваются в разной степени в нескольких статьях этого сборника, однако для понимания значения названных социальных процессов недостаточно отдельных примеров, недостаточно даже тщательно описания ситуации в каком-то одном городе — она должна быть сопоставлена с положением в других губернских и уездных центрах: только так мы можем оценить масштабы социальных и экономических проблем в отдельных городах.

Все авторы в той или иной степени пишут о продовольственном снабжении городов, в некоторых статьях затрагивается и «топливный голод». Картину городов военного времени нельзя представить без «хвостов», очередей перед лавками, булочными, магазинами, а картина городской повседневности будет неполной без описания черного рынка, спекуляции, «мешочничества», без разнообразных попыток государственного и муниципального распределения. О голоде довольно рано стали говорить во многих городах империи, однако ситуация в разных местах существенно отличалась. Необходимо продолжить изучение сравнительной истории дефицита, чтобы понять особенности положения в разных местах. При этом следует понять и объективную картину снабжения городов, и особенности восприятия продовольственной ситуации горожанами: «голодом», например, в разное время и в разных местах могли именовать совершенно разный уровень потребления продовольствия. Некоторые эти сюжеты уже рассматривались в общих работах, касающихся продовольственного снабжения, прежде всего снабжения хлебом⁹.

Подпольная торговля спиртными напитками и «пьяные погромы» также упоминаются в ряде статей, и эта тема, конечно, требует сравнительного исследования. Реже авторы настоящего сборника пишут о распространении в годы войны наркотиков, хотя это также было важное социальное явление.

И современники, и историки, описывая жизнь разных городов военного времени, писали о росте преступности. И в данном случае понимание особенностей развития отдельных городов, выявление масштабов этой проблемы невозможно без проведения сравнительных исследований.

Многие историки утверждали и утверждают, что судьбы российской революции определили в конечном итоге крестьяне. Нет сомнений, однако, в том, что города были важнейшими центрами власти, поэтому история революции в значительной степени является историей городов. Историки уделяли немало внимания центрам власти в различных городах; ряд текстов, например, был посвящен особенностям двоевластия, а некоторые ученые даже отрицают существование двоевластия в отдельных губерниях. Уделяли исследователи внимание и социальному и этническому составу городского населения. Между тем не всегда эти факторы решали исход борьбы за власть. Например, определенное влияние могла оказывать та или иная городская политическая традиция¹⁰.

Некоторые авторы касаются темы городской политической топографии: существовали определенные ментальные карты городов, которые выделяли места имперского присутствия, традиционные места политического протеста, центры и пр. Подобная локальная символическая традиция могла быть своеобразным ресурсом для участников политического процесса. И как показывают некоторые авторы этого сборника, культурно-политические карты городов менялись в ходе войны и революции: в одних случаях уничтожались символы имперского присутствия, а в других — память о монархии, что проявлялось в проектах — нередко осуществленных — разрушения памятников и переименования улиц (в данном сборнике это показано на примере Варшавы, Риги, Таллина и других городов). Интересно, что в отдельных случаях власти империи, эвакуируя некоторые города, пытались предупредить демонстративную перекройку их символического пространства, вывозя памятники русским царям и государственным деятелям (Вильнюс, Рига). Было бы интересно провести сопоставление разнообразных символических карт имперских городов, выявляя совпадения и динамику.

Для процесса революционизирования городов необычайно важной была коммуникация с революционными центрами; так, некоторые современники утверждали, что революцию они получили «по

телеграфу»: «Свободу мы получили по почте», — вспоминал лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания¹¹. Буквально те же выражения используют иногда и историки. Время и обстоятельства получения информации о революции в Петрограде порой существенно влияли на последующую политическую историю некоторых городов: опоздание с передачей важных сведений могло повлечь обвинения в контрреволюционности, а это в свою очередь могло привести к бойне офицеров, что и произошло в Гельсингфорсе, Кронштадте и некоторых других городах. Память же об этих кровавых событиях влияла на отношения между офицерами и рядовыми военнослужащими, что стало одной из причин особой политической радикализации в этих городах в последующие месяцы. К слову сказать, хотя «Кронштадтская республика», бросившая вызов центральным властям, стала уже предметом изучения, но сравнение этого случая с другими непокорными «республиками» (Шлиссельбургской, Царицынской и др.) могло бы быть очень полезным.

Если в революционном феврале события на местах определялись во многих отношениях вестями из столиц, прежде всего из Петрограда, то Октябрь представляет собой гораздо более сложное явление, и тут провинция порой обгоняла столицу, бросая вызов власти Временного правительства. Например, в некоторых губерниях большевики и их союзники пытались использовать и оформить потенциал стихийных бунтов и погромов (участники которых также порой старались легитимизировать свои действия, используя язык радикальной политики), а в других они представляли себя силой, противостоящей преступности и безвластию¹². Как мы видим из представленных в этом сборнике статей, расстановка сил в разных городах осенью 1917 г. могла быть совершенно разной, дело не сводилось только к противостоянию большевиков и сторонников Временного правительства.

Можно назвать и другие важные параметры для сопоставления. Как уже отмечалось, для всех городов были особенно актуальны проблемы снабжения, поддержания общественного порядка. Авторы ряда статей сборника показывают, что в различных городах сменявшие друг друга власти мобилизовали имеющиеся ограниченные ресурсы, осуществляли контроль над населением с помощью насилия, пропаганды, организации и сбора информации. Однако особенности применения подобных инструментов властвования могли

существенно отличаться, и здесь сравнение разных городов помогло бы выявить важные местные особенности.

Вновь следует подчеркнуть, что сопоставлять следует сопоставимое, поэтому важно выделить некие группы городов для сравнительных проектов. Некоторые статьи настоящего сборника указывают на одну группу: города, подвергшиеся оккупации. Особенности же оккупационных режимов можно выявить, сравнивая ситуацию в разных городах по определенным параметрам (использование местного самоуправления, политика по отношению к этническим группам, особенности насилия и использования ресурсов и др.).

Интересно было бы также сопоставить жизнь в городах, ставших новыми столицами: ведь правительствам вновь образованных государств и государственных образований приходилось импровизировать, используя местные ограниченные ресурсы, материальные и людские: если амбициозные местные политики имелись, как правило, в избытке, то нужно было налаживать соответствующую правительственную инфраструктуру. Казармы и тюрьмы достались от прежней имперской власти, но новым министерствам и посольствам требовались резиденции, а новые государственные ведомства нуждались в квалифицированных кадрах. В Петрограде, ставшем провинциальным городом, специалистов в области управления хватило бы на несколько столиц, а в Москве образованные горожане с марта 1918 г. получили шансы для карьерного роста, что способствовало их лояльности по отношению к новому режиму: хотя, как показывает в своей статье Э. О'Доннелл, в новую столицу перебрались десятки тысяч старых служащих, что существенно обострило жилищную проблему, но умножающиеся государственные и политические учреждения создавали новые рабочие места. Между тем в столицах новых государств беженцы и эмигранты, покидавшие старые столицы, порой были весьма востребованны, хотя иногда это приводило и к конкуренции с местными кадрами (что также порой влияло на развитие политических конфликтов). Со схожими проблемами сталкивались и «столицы Гражданской войны» — Самара, Омск и др. Интересно было бы сравнить и эти города. К сожалению, некоторые авторы статей настоящего сборника игнорировали различные аспекты преобразования изучаемых ими городов в столицы.

Сравнительное изучение городов Российской империи требует привлечения сопоставимых источников, иногда же можно построить

особые исследования на основе комплекса однородных источников. Так, в статье, посвященной Кишиневу, авторы привлекают материалы центральной прессы; этот источник позволяет взглянуть на город «со стороны», увидеть то, что местные жители порой не замечали. Я думаю, что изучение газет и журналов Петрограда, Москвы, Берлина, Вены, Бухареста позволит по-новому взглянуть на жизнь многих провинциальных городов, которые описывались корреспондентами столичных газет: сам жанр их публикаций требовал от авторов выявления местного своеобразия, именно этого ждали от них читатели.

Проведение сравнительного исследования городов важно, как я уже отмечал, по нескольким причинам. В частности, это вызвано необходимостью интеграции локальных исследований, столь успешно развивавшихся в предшествующий период, в учебные курсы, учебники и обобщающие работы. Ограниченный объем текста и задачи изложения материала, очевидные ограничения, которые накладываются на автора требования дидактической редукции, не позволяют попросту механически соединить результаты локальных исследований, здесь требуются обобщенные наблюдения с указанием и наиболее типичных, и исключительных случаев, а для этого необходимо сопоставление.

Сравнительное изучение провинциальных городов позволит выявить и роль политических центров страны в управлении провинциями империи. Историю политических преобразований мы до сих пор порой рассматриваем прежде всего как историю законодательства (советские историки называли это «декретным методом»), между тем история воплощения или практического игнорирования решений, исходящих из столиц, могла быть совершенно разной.

Важнейшим политическим ресурсом в условиях революции становилась «политическая гегемония», способность контролировать политический дискурс, предлагать убедительные тексты, символы, ритуалы, легитимизирующие политические действия. Центры, претендующие на роль национальных и/или революционных столиц, навязывали территориям политический стиль, моду, преодолевая конкуренцию других городов. Местные политические элиты обосновывали свой авторитет ссылками на авторитет центра, а столицы в качестве аргументации своего права на власть предлагали стране такую политическую карту государства, такую картину расстановки сил на местах, которые свидетельствовали бы о национальной поддержке режима.

Вновь хочу подчеркнуть: сравнительное изучение городов Российской империи в эпоху войн и революций требует дальнейших исследований, и статьи рассматриваемого сборника не только существенно обогащают наше знание об этой эпохе, но и позволяют сформулировать ряд важных и актуальных научных проблем, задуматься об используемых нами методах и подходах.

Примечания

¹ *Suny R. G.* The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 1972; *Penter T.* Odessa 1917: Revolution an der Peripherie. Köln, 2000; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), 2002; *Raleigh D. J.* Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton Univ. Press, 2002; *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia. Cambridge, 2007; *Бытмино М.* «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Retish A. B.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, 2008; *Новикова Л.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

² Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 1: Russia's Revolution in Regional Perspective / S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish (eds.). Bloomington (Indiana), 2015.

³ The Empire and Nationalism at War / E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. v. Hagen (eds.). Bloomington (Indiana), 2014.

⁴ Empires at War, 1911–1923 / R. Gerwarth, E. Manela (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

⁵ *Sanborn J.* Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014.

⁶ Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919 / J. Winter, J.-L. Robert (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1997.

⁷ *Поршнев О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–200.

⁸ О визитах Николая Второго см.: *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁹ См., напр.: *Китанина Т. М.* Война, хлеб, революция: (Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.

¹⁰ О влиянии городской политической традиции Петрограда на ход революции см.: *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Его же.* Политическая топография Петрограда и революция 1917 года (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 327–341.

¹¹ *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 73.

¹² См.: *Капищев В. В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 19017–1918 гг. Тамбов, 1995.

Научное издание

ГОРОДА ИМПЕРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ
Сборник статей

Редакторы: *А. Миллер, Д. Черный*

Корректор *Н. В. Лесогор*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 14.04.2017. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 32,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 713

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

